СДЕЛАНО В ПОЛЬШЕ, ВЕК XX

ПЕРЕВОДЫ АНДРЕЯ БАЗИЛЕВСКОГО

БПЛ БИБЛИОТЕКА ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

INSTYTUT KSIĄŻKI
POLAND

СДЕЛАНО В ПОЛЬШЕ,
ВЕК – XX

переводы
андрея базилевского

– Найдёт ли тот, кто ищет?

– Тот, кто ищет, чтобы найти, найдёт то, что ищет. Кто ищет, чтобы найти, тот знает, чего он ищет. Кто знает, чего он ищет, вовсе не ищет. Кто ищет, чтобы найти, тот уже нашёл. Но что он нашёл? Он нашёл то, о чём уже знал, что уже знал, что уже было в его мыслях. Так что же он нашёл? Ничего он не нашёл.

Кто ищет, чтобы найти, тот не найдёт. Потому что новое, иное, неведомое отыскать невозможно. То, что поистине стоит того, чтоб его найти, может найти только тот, кто не ищет, чтобы найти, а ищет, чтобы, для, ради того, чтобы искать. Может найти только тот, кто не ищет, тот, кто сам – поиск, процесс поиска, страсть поиска, душераздирающая тоска поиска. Поиска неизвестно чего. Ветра в поле.

Эдвард Стахура

БЫЛО

БЫЛО

БЫЛО

БЫЛО

БЫЛО

БЫЛО

БЫЛО

Е

С Т

Ь

БУДЕТ

БУДЕТ

БУДЕТ

БУДЕТ

БУДЕТ

БУДЕТ

БУДЕТ

Коллекция польской литературы

Kolekcja literatury polskiej

WYKONANO W POLSCE,

wiek – XX

antologia

wybrał i przełożył
andrej вazylewski

nakładem zbytecznego teatru i wydawnictwa
WAHAZAR

СДЕЛАНО В ПОЛЬШЕ,
век – XX

антология

выбрал и перевёл
андрей базилевский

иждивением лишнего театра и издательства
ВАХАЗАР

84.4П **844-1**
С-27

Перевод с польского

В оформлении переплёта использованы работы
Анджея Врублевского

Посвящается музыке
Чеслава Немена, Тадеуша Возняка, Юзефа Скшека

Издание первое и последнее
Печатано в количестве
полутысячи экземпляров

Текст © XX-XXI век, авторы

Состав, перевод и прочее
© 2009 Андрей Базилевский

Серия © 1992 Издательство »Вахазар«

Сделано в Польше, век – XX: Антология / Перевод с польского; Выбрал и перевёл Андрей Базилевский. – М.: лишний театр; Вахазар, 2009. – 1040 с. – (Коллекция польской литературы; 1-015).

Частное собрание произведений польской поэзии XX века в переводе коллекционера на его родной язык. Часть I – «Антология поэтов». Часть II – «Антология стихов» (и немного – прозы).

ISBN 5-88190-041-3 Издательство »Вахазар«

Содержание

Андрей Базилевский. Сделано Здесь.....9

Тадеуш Боровский. О поэзии и поэте 13

I

ОПРОКИНУТЫЙ СВЕТ: Антология поэтов

Станислав Мисаковский
Я НЕ СКАЗАЛ 21
Станислав Гроховяк
ЗАВТРА НАЧНЁТСЯ 26
Тадеуш Ружевич
БЕЛЫЕ ФЛАГИ 33
Тымотеуш Карпович
УРОК ТИШИНЫ 40
Мирон Бялошевский
КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ 46
Владислав Броневский
КОГДА ТЕБЕ ПРИСТАВЯТ К ГОРЛУ НОЖ..... 50
Вислава Шимборская
РАЗГОВОР С КАМНЕМ..... 54
Тадеуш Сливяк
ШУТКА ПЕРСПЕКТИВЫ 64
Ежи Харасымович
ВСЁ ШИТО-КРЫТО..... 68
Тадеуш Новак
КОРОТКАЯ ШЕЯ..... 75
Ярослав Ивашкевич
НО ВЕДЬ БЫЛО БЫЛО..... 83
Ян Твардовский
ОЧЕРЕДЬ В НЕБО 89

Константы Ильдефонс Галчинский
МУЗЫКОЙ БУДЕШЬ СПАСЁН ... 93
Рафал Воячек
ХОРОШИЙ ВЫХОД ... 100
Виктор Ворошильский
ТВОЙ КРИК ТВОЙ КРЕСТ ... 106
Эрнест Брылль
СКВОЗЬ БОЛЬ ... 114
Тадеуш Боровский
РАВНОДУШНЫЙ БЕРЕГ ... 120
Анна Свирщинская
НЕБО ОПЛЁВАННЫХ ... 125
Ярослав Маркевич
ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ ... 130
Болеслав Лесьмян
В ЛЕСУ УЖЕ НЕ ВИДНО НАС ... 135
Станислав Бараньчак
ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ ... 140
Збигнев Херберт
КОМНАТА СМЕХА ... 145
Станислав Ежи Лец
НАБРОСОК НЕБЫТИЯ ... 157
Ярослав Марек Рымкевич
БЕЛАЯ СТРАНИЦА ... 161
Эдвард Стахура
ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ ... 168
Лешек Александр Мочульский
НА КОНЧИКЕ СЕКУНДНОЙ СТРЕЛКИ ... 176
Ромуальд Скоповский
ЗВОН РАЗБИТОГО СТЕКЛА ... 184
Леопольд Стафф
ДАЙ СЕБЯ ЗАСЫПАТЬ СНЕГУ ... 189
Юлиан Тувим
Я ВЕРЮ: ДВАЖДЫ ДВА – ЧЕТЫРЕ ... 193
Богдан Урбанковский
И ЭТО – МИР ... 198
Юлиан Корнхаузер
ЧЕГО РАДИ ЛЕЗТЬ НА РОЖОН ... 204
Анджей Бурса
ВЕТРОАЭРОТЕРАПИЯ ... 209
Яцек Качмарский
ВСЛЕПУЮ И НАСМЕРТЬ ... 214
Эва Липская
НИЧЕГО КРОМЕ ЖИЗНИ ... 222
Юзеф Баран
ЭТО УЖЕ НЕ МЫ ... 228
Адам Загаевский
БЕЛАЯ СЕТКА НЕРВОВ ... 236

Кшиштоф Камиль Бачинский
ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ ВРЕМЕНИ 241
Эва Найвер
ПОДЕЛОМ ЖЕ НАМ ВСЕМ 247
Станислав Стабро
ИДУТ ЖАНДАРМЫ СНА 253
Чеслав Милош
АД СУЩЕСТВУЕТ 258
Казимеж Вежинский
ОТ ИСТОКА ВЕЛИКОЙ РЕКИ 263
Рышард Крыницкий
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ОБЛАКОВ 271
Адам Земянин
ЧТО-ТО ВИСИТ В ВОЗДУХЕ 277
Томаш Глюзинский
С МЁРТВОЙ ТОЧКИ 284
Юзеф Озга-Михальский
КАК ЛИСТ ПО ВЕТРУ 291
Эдвард Зыман
ДЕНЬ ХОЛОСТОГО ПРОБЕГА 295
Дариуш Томаш Лебёда
СВЯЩЕННОЕ СЛОВО – НЕТ 302
Анджей Важеха
КАКОЕ ДЕЛО КАМНЮ ДО ПОБЕДЫ 308
Казимеж Ратонь
ПУСКАЙ СКАЖЕТ КТО ОН 312
Ян Гурец-Росинский
В ЗАБРОШЕННОМ САДУ 316
Ежи Гизелла
ГЕОПОЛИТИКА МУРАВЬЁВ 322
Роман Брандштеттер
НЕ РАЗДИРАЙ ОДЕЖД СВОИХ 328
Ян Рыбович
СТРАНА НАОБОРОТ 340
Збигнев Росса
ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА 347
Марек Вавжкевич
РВЁТСЯ СЕРДЦЕ СЕКУНДЫ 352
Кароль Войтыла
У БЕРЕГОВ ОСЕНИ 358
Кшиштоф Гонсёровский
ЗАВТРА БЫЛО ВЧЕРА 363
Богуслав Жураковский
ЗАПИСЫВАЮ ШЁПОТ 369
Лешек Шаруга
ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ 373
Станислав Станик
ВСЕРЬЁЗ И ДО КОНЦА 378

Пётр Мицнер
ЕСЛИ ТЫ НЕ ПАДАЛЬ ... 384
Гжегож Врублевский
НАМ БУДЕТ ЧТО СКАЗАТЬ ... 387
Юлиан Кавалец
ЧТО ТАКОЕ НИЧТО ... 392
Станислав Навроцкий
НИКТО НЕ ПОБЕДИТ НАВЕКИ ... 401
Анджей Заневский
КАМЕНЬ ПОМНИТ ИНАЧЕ ... 407
Збигнев Маевский
СЛОВА УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ ... 412
Йонаш Кофта
ПОЕЗД УХОДИТ – Я НЕ ПОЕДУ ... 421
Станислав Игнаций Виткевич
УБЕЙ ЭТОТ СТРАХ ... 429

II

В ЦЕНТРЕ ЖИЗНИ: Антология стихов

ВСЁ ЭТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ ... 437
ЕЩЁ ОДНА НАДЕЖДА ... 477
НОЛЬ ИГРАЕТ В ОТКРЫТУЮ ... 519
ТЫ ДАВНО ОБЕЩАЛ НАМ ЭТО ... 563
НА САМОЕ ДНО ТИШИНЫ ... 603
В НАШЕМ СВЕТЛОМ ЗАВТРА ... 645
ДНИ, КОТОРЫХ Я НЕ ДОПИЛ ДО ДНА ... 693
СТО СОТЫХ ПРАВДЫ ... 745
КОГДА Я БУДУ СПОСОБЕН НА ВСЁ ... 795
ПОСМОТРИ КТО ЗА ДВЕРЬЮ ... 841
ЕСЛИ БЫ ВСЕ МЫ СТАЛИ НИЧЕМ ... 885
ЗДЕСЬ ЖИВЁТ ВРЕМЯ ... 927

Ян Рыбович. Мастер из мастеров ... 967

Что тут есть и как всё устроено ... 971
Указатель авторов и источников ... 974
Указатель произведений ... 1014

СДЕЛАНО ЗДЕСЬ

Перед вами не справочно-филологическая хрестоматия, не рекламный путеводитель, и уж тем более – не пантеон. Это книга польской (так получилось) поэзии второй (в основном) половины XX и краешка XXI века (не «от...» и не «до...»). Непреднамеренно сфокусированный взгляд извне, попытка суммировать частный опыт общения с не-своим поэтическим словом. Сюда вошло только то, без чего я не мог обойтись и что – казалось – нужно не только мне. По большей части – стихотворения, по так называемым известным причинам (коим несть числа), «широкому» читателю (не только русскому) прежде не известные. Не в обиду тем, кого здесь нет: так уж карта легла... такая уж карта вычертилась. Да простят меня поэты, которых я не заметил, и стихи, которые я прозевал.

Когда-то, едва начав интересоваться поэзией нашей западнославянской родни, я ощутил несоответствие между картиной, выстраиваемой спецами-посредниками (с разных рубежей), и живой тканью слова. Яркий, норовистый язык давал надежду на большее, чем нам сообщали – кто с небрежностью посвящённых, кто с придыханием восторга, кто со снисходительным снобизмом. То, что лежало на поверхности, – было давно известно. Не это меня интересовало. Я искал иное. А что же – иное? Спроси меня тогда, и ответить бы не смог (как, впрочем, и теперь). Но закапывался всё глубже, упрямо продвигаясь по каталогам – от A к Z. Книги, книжки, книжечки, книжонки... Сотни, потом тысячи. Стихотворения, стихи, стишки, стишата... Названия, имена, которые и в Польше-то мало кто знает...

От библиотекарей приходили ехидные записочки: «Молодой человек, жизнь проходит. Хоть раз бы вы перепутали читальный зал с пивным или залом ожидания». О, не совсем, не совсем они были правы: путал я постоянно. И уже не раз, отчаявшись найти «то, не знаю что», хотел забросить свой скорбный труд. Однако – повинуясь неясной надежде – брал очередную груду книжек, толстых и тощих, и – читал, листал, просматривал, до ряби в глазах. Потом (пока жизнь не прошла) уносил ноги, спасался бегством от добровольной барщины. Но – возвращался: что-то обязывало дойти до ощущения предела, – и за несколько затяжных – многолетних – приступов продрался сквозь эти дебри (позднее случались уже только краткие рецидивы).

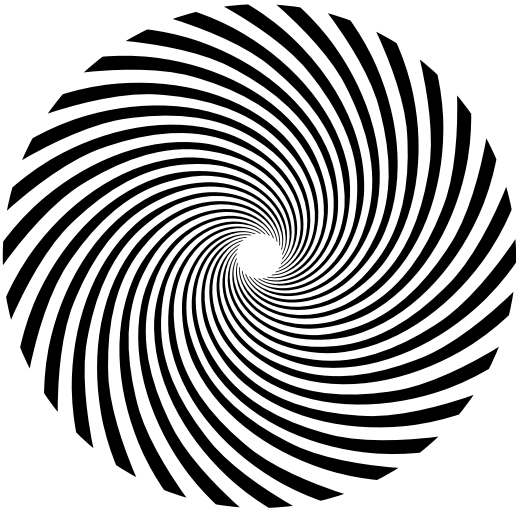
Не было цели перемыть весь песок и переплавить всю руду. Но и бросить – сил не было (поистине, изменённое состояние сознания...). Поток слова шёл через меня, я пробовал контекст на ощупь, старался вникнуть в строй чужой души (хотя вряд ли – думаю и теперь – главным было то, что печаталось – тут ли, там ли). И что же? С кем суждено – встретился. Вытянул несколько счастливых билетов. Не часто, однако бывал награждён. Тем, чего не хватало. Тем, без чего поэзия – не только польская – казалась усечённой, непроявленной, неполной. Кое-что было ни на что не похоже, хотя и было, вроде, обычно. Необычно, хотя и похоже на многое другое. Выходит – дело стоило того, чтобы о нём не пожалеть.

Оставалось найденное собрать воедино. Что и завершено (по дороге ответвилось несколько других книг). Я не стремился выстроить новый канон или иерархию, не учитывал лит-исторических, идеополитических и прочих внешних критериев. Всего лишь наудачу искал... Вот только – что же? Наверно – подлинность, изменчивую, но неизменную; наверно – правду и человечность. Ибо где же она ещё – если не в оплаченном жизнью поэтов, выявляющем скорбную радость бытия горячем слове боли, гнева, раскаяния, сострадания, мужества. Если не в чистом слове совести, отрешённом от обыденных дрязг, сказанном вопреки бедам и распрям, в неизбывной тоске по красоте, братству, общему дому, по вечному таинственному свету, лишь проблеском достигающему глаз...

Поэты, собранные здесь, как все художники, думают об одном и том же. О смысле и его утрате, о вечном возрождении надежды, о натиске пустоты и о том, как противостоять лжи, предательству и отчаянию. Их поражает жестокая нелепость истории, повсеместная бездарность и интриганство тех, кто дорвался до власти, неизбежность и безумие бунта, относительность почти всякой истины. Они терзаются своей невоплощённостью и пытаются найти путь. Через драму любви, преодоление гордыни и обретение общности в вере выходят к сути – пониманию тонкости мироустройства, отрицанию смерти, осознанию себя частью вселенского целого... Впрочем, ирония и гротеск слышны в этой поэзии чаще, чем зов и утверждение. Песен здесь меньше, чем речитативов, диссонансов больше, чем созвучий.

Теперь – когда составилось целое – вижу: был в поиске тайный план. Зачем всё это было нужно? Ответ – проще некуда. Чтобы разведать и обжить иное пространство речи, воссоздать его звучащий объём. Прервать инерцию мнимых величин, воспротивиться внушениям «знатоков», пускающих пыль в глаза. Вытеснить миф конкретностью текста. Чтобы и эти фрагменты мира встали на свои места, скрепляя общность (она нерасторжима) и разводя несовместное; ибо мы – это мы, они – это они (в самозабвенной любви пусть объясняются другие; уважение – тоже немало). Вот итог. В нём, помимо прочего – метафора дня вчерашнего, нынешнего, да и завтрашнего (что у нас, что у них). А ведь может быть, главное так и не найдено. Nie spoczniemy – не застынем. До свиданья, Польша. До послезавтра.

Андрей Базилевский,
Россия



СДЕЛАНО
В ПОЛЬШЕ

Воздух мира
вошёл в меня.

И я стала
воздухом мира.

Анна Свирщинская

Тадеуш Боровский

О ПОЭЗИИ И ПОЭТЕ

1

Если поэт говорит миру «да» – кто-то из них виновен:
поэт или мир.
Потому что если поэзия полёт – то против ветра,
если плавание – то против течения, если марш –
то наперекор всему.
Если поэт говорит миру «да» – он виновен. Быть поэтом –
значит говорить миру «нет».
Потому что поэзия только в одном – в неустанном поиске.
А поиск – это сжатые губы и тревожный блеск в глазах.
Когда ты ищешь – всё, что найдено, должно остаться позади.
То, что найдено, – уже не поэзия. Это подделка.
Да остережётся поэт, сказавший миру «да».
Да остережётся мир такого поэта.

2

Поэзия – это Большая Метафора мира, она никогда
не будет открыта до конца, исчерпана до дна.
И потому поэзия вечна. И потому поиск её
захватывающ. Потому поиск её мучителен.
Да остережётся поэт, сказавший миру «да».
Он принимает найденный осколок метафоры за Большую
Метафору мира и объявляет об этом толпе,
предавая и поэзию – и толпу.

3

Бесконечное одиночество – вот что такое поэзия.
Жалок поэт, идущий в толпу. Толпа не ищет поэзии.

Шаг толпы – не ритм стиха. Суд толпы – не поэтика.
Да остережётся поэт толпы.
Потому что толпа хочет поэзии так же, как хочет фабрик,
дорог, армии, кинематографа, парадов, Родины,
хлеба и женщин: оптом и вдоволь.
Вместо слова «толпа» можно взять любое другое:
«общество», «нация», «идея»...

4

Пусть говорят: «служение обществу», «нация», «идея», «эпоха»!
«Идея» останется идеей, «служение обществу» –
служением обществу, «нация» – нацией, «эпоха» – эпохой,
но поэзия – это поэзия, с ними или без них,
но уж наверняка – независимо от них.
Никто не требует от конституции, чтобы она была написана
стихами. А от стихов требуют, чтобы они звучали
конституционно.
Они не понимают, что в поэзии важнее всего –
сама поэзия.
Не понимают, что поэзия – дело одинокой
совести.

5

Бесконечное одиночество... Словно с другого берега
великой реки познания, видеть дела мира и судить о них.
Вот исток: эпики и – лирики.
Самая глубокая поэзия – самая одинокая.
Если поэт полицейский, пусть стреляет в анархистов. Если
он верит, что анархия – единственная гарантия
порядка, – пусть стреляет честно –
в полицейских.
Если он нейтральный, законопослушный гражданин,
пусть исправно платит налоги и не переходит дорогу где попало.
Но пусть поэт помнит, что, принимаясь за поэзию, он
лишь настолько должен быть полицейским, анархистом
или нейтральным гражданином, насколько это
не противоречит поэзии.
Они не понимают, что самая социальная поэзия
– самая одинокая.

6

Одержимые патриотической идеей фикс, они ищут национального
поэта, который скажет им «да». Но наши национальные поэты

всегда шли в одиночку:
Мицкевич, Словацкий, Норвид, Выспянский...
Наши национальные поэты всегда говорили «нет».
(Кстати, в литературе есть модные мотивы –
варианты этого «нет». У нас – мотив бала, карнавала,
театра... «Дзяды», «Свадьба», «Освобождение», «Роза» или...
скажем, «Бал у Соломона», «Бал в Опере» – «одна
из диковинок польского языка».)

7

Поэзия социальная и ярмарочная, поэзия на заказ,
поэзия-репортаж, поэзия-жизнь:
«Что в жизни мнилось крылами,
В истории – лишь пята», –
говорит Норвид.

8

Они кричат: последовательность! Но быть последовательным –
всё равно что вечно брести по ложному пути
только потому, что однажды ты на него вступил.
Последовательность – кража у самого себя
только потому, что однажды ты себя воплотил.
Последовательность – это, как правило, трусость
и лишь в исключительных случаях – отвага.
Верность себе – выше, чем последовательность.
Важно быть верным себе – в сомнении и поиске,
в истине и её открытии, в процессе и его результате.
Верность себе – это, как правило, отвага и лишь
в исключительных случаях – трусость.
Так говорил о последовательности Эмерсон.

9

Ещё они кричат: форма! форма!
Да остережётся поэт формы. Форма это суждение толпы о поэзии.
Но поэтическая форма – это отношение поэта к миру,
его онтология и этика, это светлая бесстрастность Гомера,
одновременность трагизма и юмора у Шекспира,
честные искания Гёте, психический шок Норвида.
Бывает, поэтическая форма, понятая как стремление к действию,
превосходит самоё поэзию – как у Мицкевича.
Только глупцы ищут в газетах кроссворды.
Только глупцы ищут в поэзии метафоры.

10

Но да не будет поэт Мицкевичем.
Поэзия есть речь, а не молчание.
Творчество, а не отречение.

11

Они ищут побуждений к творчеству, вынюхивая мистику
или слишком человеческое.
Клейст говорил: «не могу не писать».
Лондон говорил: «я пишу только ночью, потому что ночью
бары закрыты».
Для святого Фомы творчество –
как супружество для Марыли Поланецкой:
служение Богу.
Фрейд утверждает, что всякое творчество, а значит, и поэзия,
есть сублимация полового влечения.
Особенно любовная лирика.
В этом звучит наивное разочарование человека, который,
впервые попав в театр, заглянул за кулисы.

12

Пианист, который упражняется с метрономом,
редко становится
хорошим артистом.
Поэт, который кропотливо учится сочинять, редко
пишет хорошие стихи.
Надо иметь в себе изначальное, неделимое на элементы качество –
поэтическое видение мира.
Стилю можно обучиться, но поэзии – никогда.
Это не значит, что талант – непременно поэзия.

13

Нет рецепта бессмертной и великой поэзии.
Не надо искать её ни в побуждениях к творчеству,
ни в том, как происходит поэтический процесс.
Бессмертие, как красота, «входит в ворота без стука», –
говорит мыслитель.
Напряжение поэтического процесса одинаково
и у поэта, и у графомана, – добавляет критик.

14

А ещё – вот что такое поэзия: выход за пределы мира.
Невозможность выйти из тела и увидеть его своими глазами,
ибо они уже стали чужими.
Да не будет поэзия только зеркалом.
Поэзия – это выход за предел мира. Она переступает
порог невозможного. И потому мир, который видит поэзия,
– иной: чуждый, увиденный извне...
В том-то и кроется Большая Метафора мира.

15

Для тех, кто отождествляет поэзию с миром, кто требует
поэзии-зеркала:
вся музыка Шопена лежит на клавишах рояля.
Вся поэзия заключена в пределах мира.

16

А ещё – вот что такое поэзия: построение собственного
мира. Физического и этического.
Поэтому подлинная поэзия – всегда новаторство.
Она извлекает на свет звук, прежде немой, оттенок цвета,
ускользающий от глаз, форму, убегающую от пальцев,
нюансы чувств, прежде неосознаваемые, законы человеческие,
незамеченные и обойдённые.
Да остережётся поэт, который строит поэзию в известном,
очевидном мире и затрудняет доступ к миру иному.
Это творчество лёгкое, безмятежное, эпигонское –
оно направлено на то, чтоб замести следы.
«По белой параболе радости», – говорит юморист.

17

Да остережётся поэт ханжества, но
пусть также помнит: красота и добро
ещё не значит – мораль. Мораль это светская условность.
Да остережётся поэт условности.
Но что такое красота и добро? Творить прекрасные дела –
значит вершить добро, но хорошо писать – значит
писать прекрасно.
Не надо путать жизнь с поэзией, а поэзию с жизнью.
Да не будет поэт Оскаром Уайльдом.
Но да не будет он и Бальдуром фон Ширахом.

18

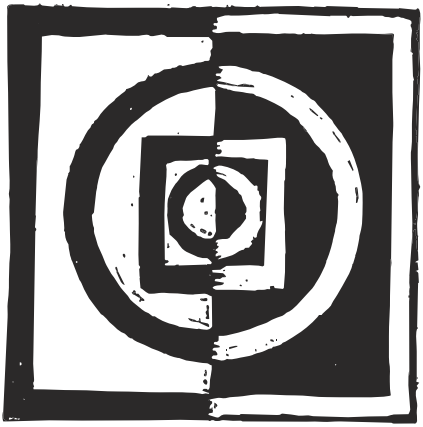
А ещё – вот что такое поэзия: внутренний суд,
вечное сомнение, неустанный диалог совести.
Да не сочиняет поэт ролей в диалоге. Да не воздвигнет он сцены
в душе своей. Пускай он молчит.
Но когда поэт заговорит, пусть он судит так, как до́лжно –
честно. Пусть не плачется над убожеством человека,
а защитит его.

19

Да не судит поэт своих творений судом потребителя.
Потому что поэзия – единое целое:
отношение «мир – человек», «поэт – произведение», проекция
«произведение – читатель».
Для читателя поэзия – лишь последний элемент.
Отсюда высокое требование к читателю – восстановить в себе
целостный поэтический процесс. И великая опасность
для читателя – смешение отдельных стадий
процесса, поиск в поэзии документа,
любопытство к личной жизни поэта, лёгкость
морального осуждения.
Для поэта поэзия – целостный поэтический процесс.
Да не превратится поэт в потребителя
собственной поэзии!

20

Да не будет поэт скуп. Пусть он выразит мир
всеми доступными ему способами.
Пусть осмыслит его как учёный, овладеет им как философ,
пусть активно преобразит его,
и только когда почувствует, что осталась часть мира,
которая от всего ускользает,
пусть выразит её – поэзией.
Тогда это будет настоящая поэзия.
И тогда он будет настоящим поэтом.



I

ОПРОКИНУТЫЙ СВЕТ:

АНТОЛОГИЯ ПОЭТОВ

Читай карты,
читай землю,
читай небо,
читай себя.
Да не зачитывайся.

Видишь,
как просто?
Но это
ещё проще.
Видишь –
это ещё проще.
Но это ещё проще.

Эдвард Стахура

Станислав Мисаковский

Я НЕ СКАЗАЛ

* * *

Земля
изнурённая днём
растворяется
в синеве

колыбельная соловья
на замок запирает ночь

люди
измельчённые расстоянием
улетучиваются из памяти

перед глазами
ворох впечатлений –
негатив
который никогда не будет проявлен

* * *

Меня ограбили начисто. Когда я пришел
в себя, всё, что составляло мой внутренний мир,
бесследно исчезло.
Воры работали со знанием дела. «Не грусти, –
прочитал я в записке, – природа не терпит
пустоты. Наполнишься».

Молитва подушке

О Мария Пера благодатная
вогнутое зеркало мыслей моих
повязка на воспалённых веках
возьми мою голову
убаюкай

Пусть барабаны ночи истекают кровью утра
пусть уличный гул копытом стучится в окно
пускай суета мчит по дороге на всём скаку
не оставь меня щедротами своими

Я не сказал

Один сказал: мы были
другой сказал: мы будем

они ждали что я
скажу: мы...
                но я не сказал

я не был уверен
что мы существуем

Её покинули

Её покинули все

не потому что она была
голой –
в этом мире только истина
стыдится наготы

она не была ни уродлива
ни стара

её покинули все
потому что ей
всё надоело

она решила войти
в туннель
за которым пылало солнце

у входа
увидела
бородатого оборванца
в чёрной шляпе

Харон! радостно воскликнула она
но перед ней
стоял нищий
с протянутой рукой

она ощутила на губах вкус уксуса

и бросив бедняге монету
двинулась вброд
на тот берег

Выход и вход

Выход и вход
это одно и то же

всё зависит от того
откуда смотреть
и куда идти

выход из одного мира
это вход
в другой
как дверь
из комнаты в комнату

неправда
что старушка Икс
выжила из ума

она просто вышла
в иные сферы
сознания

Современные вампиры

Мы всё чаще имеем дело с вампирами
не с теми средневековыми
что упивались тёплой кровью
детей и женщин

современный вампир интеллигентен
благообразен
у него нет тавра на лбу
он высасывает из человека дух
поглощает личность
пожирает волю

так хан заставляет евнуха
верой и правдой служить
своим гнусным прихотям

современный вампир
неуязвим –
он сам пишет своды законов
сам обвиняет выносит приговоры
и приводит их в исполнение

оглядываясь вокруг
я вижу тени
людей лишённых духа
воли
жизни

цивилизованные вампиры
постепенно незаметно
производят депортацию
Бога

Умирать в рассрочку

Человеку хотелось бы
умирать постепенно
в рассрочку

раздать долги
друзьям
родным Богу

свести баланс
к положительному итогу

почистить совесть
как зубы щёткой

перестать сомневаться в спасении
в самом себе
в доброте человеческой

вновь обрести надежду
укрепиться в вере

собрать воедино
обрывки памяти
и с последним вздохом
словно вспомнив
прекрасную юность
покинуть уже ненужное
тело

стать свободным

Не вернусь

Я сюда
никогда не вернусь

голос твой сгорит в пространстве
отцветёт волшебство медвяного луга

жаворонок умолкнет
васильки склонят голову перед ночью

Я сюда
никогда не вернусь

здесь
останется от меня
бесцветное пятнышко времени
прокол
в экране пространства

Вторжение земли

Земля проникает в меня
пронизывает корнями

и вот уже я заземлён

и вот уже бьёт из меня
источник света

Станислав Гроховяк

ЗАВТРА НАЧНЁТСЯ

Относительность

Так мягко – словно поёт Ирта Китт,
Так кот путешествует по электропроводке,
Так на заре заливает зрачки марципановый свет,
Так капля стекает по овальной полуноте –
И так ты вращаешь меня рукой из лейденской банки,
Так мягко...

Так мягко – во время чумы хоронили мёртвых,
Так палач целует свою гильотину,
Так стоматолог рвёт зубы, словно они из резины,
Так человек из мира людей становится вещью –
И так ты вращаешь меня рукой из лейденской банки,
Так мягко...

Убитый король

Лежал в траве росистой, мокрой,
В рубахе с вышивкой по кромке,
И шеи голую окружность
Пытался выпрямить. И замер.
Опухли губы, бровь набрякла,
И ноздри красные раздулись,
Как трубы. Он трубил беззвучно
В зелёный ворох палых зорь.

Лежал, кривя худые ноги,
Покрыт сухими волосками,

И пальцы, скорченные грустно,
И пятки мягкие белели.
Клён бил над ним в червонный бубен
И острым стеблем полз осот.

И кубок в сторону катился,
И чётки, как змея, застыли,
И королевство развалилось,
И заскрипел злащёный трон.

Король убит. О том узнали,
Когда увидели пеоны, –
Из озорства или в забаву
Дочь в бороду ему вплетала
Цветы – их принесла собака
И схоронила за помойкой.

Грудь королевы точёная из липы

Руки королевы смазанные жиром
Уши королевы заткнутые ватой
У неё вставные челюсти из гипса
Грудь королевы точёная из липы

Я принёс язык вином согретый
И слюну кипящую во рту
Грудь королевы точёная из липы

В доме королевы свечка увядает
У неё в постели остывает грелка
Зеркала её завешены брезентом
В склянке королевы шприцы заржавели

Я принёс юное желанье
И зубов острые колёса
Грудь королевы точёная из липы

С головы её опадают листья
Над её глазами виснет паутина
Сердце королевы рвётся с тихим звоном
Жёлтое дыханье на стекле оконном

Я принёс голубя в корзинке
Связку золотых шариков воздушных
С головы её опадают листья

Зеркало

Твоё лицо украл я прекрасное как блюдо
С твоим лицом укроюсь
В своём безлюдном доме
И губы из резины
Прибью на видном месте
Пускай висят скривившись
Как газовая
Маска

Это любовь – говорят они – надо
Её причесать
И напудрить
Затеплить лампаду Пасть на колени
Навзничь
Но их любовь не знает
Грязи поспешной мести
Когда руки от голода вянут
Как пара комочков теста

И синева
Приходит
И сумерки суконны
И я блажен внезапно перед лицом размытым
Я опускаю веки
И ноздри затыкаю
И закрываю чёрным лицо твоё
Как зеркало
В день скорби

В потёмках

– Завтра начнётся...
– Сегодня всё тихо
Мы зажимаем рты своим мёртвым
Им у которых опухли колени
И кадыки вознеслись как сугробы...

– Завтра начнётся...
– Сегодня ещё раз
Лей керосин в оскудевшую лампу
Там где любовь – молчаливая тайна
Чтобы соседям не снились кошмары...

– Завтра начнётся...
– Сегодня хотя бы
Тронуть ладонью звериные морды
Шерсть их
И нашу –
Как она стала
Руном золотым на ангельских крыльях...

– Завтра начнётся...
– Сегодня всё тихо
Тише и тише
Расстёгнутый ворот
Мышцы расслабить Дыхание глубже
Сердце на воле – от рёбер до рёбер...

Собака над Озером

Однажды в августе
На каменистом берегу Озера
Лежала собака

Почтенная белошёрстная дворняга
Похожая на умного мальчика
Как на щит опиралась на незримое крыло

Я видел её спокойствие
Тысячелетия мягко лежали во впадине черепа
Миллионы рук гладили шерсть её
Поцелуй
Сиял как звезда между башенками ушей

Пёс изумлённо и грустно разглядывал Озеро

Парусник
Водный велосипед
Подгнившие фрукты жестяных буёв
Моторку разинутый рот полицейского
Вёсла

Когда он поднялся – я уже знал – что случится

Сойдя на озёрную гладь
Он пошёл по воде
Не повернув головы
В мою
Сторону

Диалог

Человек, пьющий водку, сказал мне,
Что у него хорошие ноги, что он не в обиде на старость,
Что он даже верует в Бога, то есть в Нечто после смерти,
Что да, конечно,
На Чёрный день
Он отложил.

И, выпив водки, я отвечал человеку,
Что если тучи синеют, то так бывает под осень,
Что это в порядке вещей, если дерево вырастет криво,
А птицы – ступая по снегу – морозят лапки.

Потом
Мы пали
Друг другу на грудь
С великим плачем.

Откровение святого Иоанна

Да, пьёт народ, и я с моим народом
Сажусь и пью, спускаюсь ниже, ниже –
Там негде падать, ибо даже падшим
Не стало места под Стеной Рыданий.

Да, пал народ, его крыло разбито –
Зачем оно? – ведь не было второго;
Лицом к земле: когда его поднимут,
Глаза закройте детям и монахам.

Лежат девчонки – брошенные навзничь,
Елей священный брызжет из воронок,
В свинце их губы. Небо им прощает,
Лежат крестами – как кресты недвижны.

И пьёт народ – и я среди народа
Храню завет Грядущего Спасенья.
Так будем же здоровы. Пусть, как прежде,
Полынь-звезда качается над нами.

* * *

Я посмотрел в лицо Мечте –
Извечной, самой древней мечте человечества.

Её всегда представляли обнажённым мальчиком на высокой скале,
Но я подошёл ближе.

Там остро пахло полынью,
И ящерица тонкой лапкой
Благословляла мир.

«Мальчик – я спросил – золотой мой мальчик,
Ты почему так поздно приходишь на ужин?
Все за столом, наготове миски и ложки,
Даже замок, и тот от голода зубы ощерил.

Мальчик – сказал я ему – непослушный мальчик,
Ты разве не знаешь:
Здесь ничего не начнут без тебя, Золотого Пришельца.
Женщинам страшно рожать,
Старики утепляют гробы,
«Да» или «нет» говорят мужчины – но всё едино.

Мальчик – я прошептал – вечно юный мальчик,
Кто не писал тебя,
Не рисовал
И не звал,
Ныне тому – и оружье, и нимбы, и крылья,
Он – Гавриил-архангел твоих опозданий».

Я посмотрел в лицо Мечте –
Извечной, самой древней мечте человечества.

Потом я шёл всё вниз
И вниз –
Без остановки.

Стансы

I

Нет Тебя, Нежная пани,
Нет Тебя, Радость. Поздно.
Едва мы намочим вёсла –
Тут же до дна достанем.

В гневе растенья и камни
Со дна оттолкнули вёсла –
И здесь Ты, Радость. Не поздно.
Здесь Ты, Нежная пани.

II

Нет Тебя, Царь Меченосный.
Нет Тебя, Царь Равновесья.
Нагой, но в кольчуге – здесь я.
А крылья воздуха о́стры.

Но льётся рекою грозной
Отвага из поднебесья.
И здесь Ты, Царь Равновесья.
Здесь ты, Царь Меченосный.

III

Нет Тебя, дерзкий Разум.
Где Ты, сестра Ирония?
Едва я пустился в погоню,
В толпе вы исчезли сразу.

Но я могу – хоть наказан –
Жить и своей ладонью
Черпать Тебя, Ирония,
Бредить Тобою, Разум.

Тадеуш Ружевич

БЕЛЫЕ ФЛАГИ

Падение
или о вертикали и горизонтали
в жизни современного человека*

Когда-то
давным-давно
существовало дно
на которое можно было
пасть
– – – – – – – – – – – – – –
Сегодня
дна как не бывало
никто не может
ни пасть на дно
ни подняться со дна
– – – – – – – – – – – – – –
В современном мире
дно ликвидировано
современный человек
падает во все стороны
одновременно
– – – – – – – – – – – – – –
Прежде
падали и поднимались
по вертикали
теперь
падают
горизонтально

* Фрагменты.

Чучело

Вот человек-чучело
его набили другие
когда они уйдут
останется кукла

о нём говорят Мудрец
и каждое его слово
превращается в поговорку

к настоящему
подгоняют прошлое
большое яркое
как павлиний хвост
как зад павиана

ретушируют фотографии
колдуют над фотомонтажами
подрезают уши
надставляют плечи
приклеивают усы и бороду
из человека среднего
делают
великого

и тащат это чучело
на собственном горбу
оно верит что существует
и начинает
действовать

Голова в пустоте

Если ты думаешь что ты
светлая голова
парящая на недосягаемой
высоте

если ты думаешь
что ты вертлявая голова
неподвижного тела
погрязшего в земле
крови и навозной жиже

Если ты думаешь что летишь
по высшей орбите интеллекта
а снизу доносится
только ропот шум
и чавканье масс

если ты думаешь так
то ты голова
висящая на волоске
в безвоздушном пространстве

голова
которая будет отсечена
и отброшена.

Встреча

Вокруг всё больше мертвецов
они оживлены
произносят речи с пеной у рта
они все в мыле

недавно я видел полный зал мертвецов
румяные
они сидели рядами
аплодировали смеялись
негодовали вскакивали
сводили личные счеты

среди старых трупов
копошились молодые
они ничего не знают
они невинны
сучат ручками-ножками
садятся в машины принимают в объятья
новые должности чьих-то ещё тёплых жён

только старый опытный мертвец
лукаво подмигивал мне с трибуны
и даже пытался ещё раз
родиться
на глазах у собравшихся

ноябрь 1956
(на съезде литераторов в Варшаве)

Беженец

Я прочитал в одной книге
это была книга
из жизни насекомых
«...личинка златки спасаясь бегством
переворачивается брюшком вверх
и по собственной глупости
подставляет себя
под удар бронзовки»
Так убегает
личинка златки

я видел человека
который пытался бежать
спрятав голову в песок
с криком «да здравствует»

Потом этот человек
хотел убежать от себя самого
но ничего не вышло
тогда он замкнулся в себе

его выдали с головой
отросшие тем временем уши

так он был обнаружен
пришлось опять бежать

наконец он был пойман
связан по рукам и ногам
и посажен в мешок
однако и в мешке
он продолжал бежать
с криком «да здравствует»

Посмертная реабилитация

Мёртвые помнят
наше равнодушие
мёртвые помнят
наше молчание
мёртвые помнят
наши слова

Мёртвые видят
как смеются наши лица
мёртвые видят
как трутся наши тела
мёртвые слышат
как чавкают наши рты

Они читают наши книги
слушают наши речи
произнесённые так давно
они изучают доклады
и продолжают прения
видят наши руки
готовые к аплодисментам

Видят поющие хоры
скандирующие стадионы

все живые виновны

виновны даже дети
которые дарили цветы
виновны любовницы
виновны все

те кто бежал
и те кто остался
те кто был за
те кто был против
и те кто был ни за ни против

Мёртвые пересчитывают живых
они нас не реабилитируют

Ничто

Ночью
слово
ничто
растёт и ветвится
неудержимо

днём
утолив свой голод

оно вонзается в жизнь
как нож в мясо

Корректура

Смерть не поправит
ни строчки
смерть не корректор
и не редактор

дурной вкус бессмертен

когда умирает скверный поэт
он остается скверным поэтом

глупец и за гробом
мелет вздор
дурак наводит тоску
и после смерти

Не первый год

С каждым годом
поэзия умирает
всё быстрее

период распада
новых стихов в газете
два-три часа

мёртвые поэты
мгновенно исчезают
живые
судорожно плодят
новые книги
словно хотят заткнуть бумагой
дыру

Капитуляция

г.м.э.

на всех
моих башнях и снах
на словах
на молчании
белые флаги

над ненавистью
над любовью
над поэзией
белые флаги

над лицами
над именами
провалами
взлётами
белые флаги

во всех своих окнах
я поднимаю
белые флаги

во всех руках
я сжимаю
белые флаги

Тымотеуш Карпович

УРОК ТИШИНЫ

Faux pas*

я позвонил но сюда не звонят
я постучал но сюда не стучат
я вошёл хотя сюда нет хода
я открыл но этого не открыть
я вытер ботинки да только зачем всё это
я раскрыл рот но ведь здесь и рта не раскроешь
я вдохнул воздух но здесь никто не дышит
я спросил но здесь не задают вопросов
тогда я запел но здесь не поют
я повернул назад но отсюда нельзя вернуться
и вышел но как я мог отсюда выйти
что за место думал я но это не место
что за время но это вовсе не время
я говорю я был только этого быть не может

Сон карандаша

карандаш раздеваясь ко сну
полон твёрдой решимости
спать черно́
и жёстко

ему помогает
врождённая несгибаемость
всех корней мира –
грифель
скорее треснет чем даст себя согнуть

* Ложный шаг (*фр.*).

карандашу не приснятся
ни волны ни волосы
только солдаты навытяжку
или гробы

правда – то
что укладывается в его сон
всё остальное кривда
спокойной ночи

Испорченный конь

он уже немного значит
он уже совсем смеркается
и нога его прежде светлая
преломилась
в свете
прочих ног

вытянули ему хребет
по самую брешь в копытах
и вот он тянется
клейкий
трёхтактный
сама бестактность
а не конь

каждое четвёртое место
не имеет коня
каждый четвёртый конь
не имеет места

Пёс который залаялся

залаялся пёс
на будку
от морды
до хвоста
и лаял бы ещё
да вышел весь
а всего и было-то у него
что четыре лапы
на один крестец

вот и высветился
на месяце
уже не пёс
а футляр
из которого вынули
лай

цепь звучит
рядом с ним
как ирония

Перед самым лесом

вроде как выглянул
да у меня на это глаз не намётан

и даже слушает
несмотря на мои уши

наверняка что-то пронюхал
но мне это не по ноздрям

ишь языком-то водит
ан есть у меня кол на его слова

перед самым лесом рановато
было солнцу выходить из мрака

перед самым лесом слишком поздно
высекать мгновения из света

Шапка-шапочка

как я во-перво́й-то глянул
нога моя при шапке была

во другой раз оком повёл
пала шапка на по́л-пути

а как в третий раз – легла за рекой
и уж точно что не за мной была

а в последний раз я не взвидел её
ни за горами ни за лесами дремучими

эх да что-то мы всё никак не свидимся
наугад говорю в её сторону

ты тоску не наводи грит на шапочку
у тебя ведь про неё уж и головы-то нет

Во имя смысла

во имя смысла
не будь стеной
ни для одной
будь гибок
и твёрд
и на том
стой

во имя кота
не дай мышам
молока
ведь царство кота
не от этих
лап

во имя людей
не ходи в башмаках
ходи с башмаками
в руках
так чтобы ими
не топтать
имени

Разложение движения

Разложили движение на лошадей и людей
на лошадей и на сёдла
на людей и на шлемы
на копыта ноздри и берцовые кости
разложили всё досконально
разложение было продумано чётко
а потом долго разводили руками

отныне движение отнимало
львиную долю времени и поля
из-за движения всё заросло
развесистой неподвижностью

Неприкосновенный запас

один меня убил во имя мира
другой во имя войны
третий не успел меня убить потому что я убил его
четвертого я не убил оттого что он уже был убит
пятый меня не убил потому что я был убит вместе с ним

всё дальше спасательный круг любви
сердце смерти гонит волну отделяя горло от крика
вот-вот оно вытолкнет мир на поверхность
и выдаст ему сполна
неприкосновенный запас дна

P.S.
но пока:
разноцветье вечеров
множится вопреки
единому натиску
непроницаемого лика ночи
и рой огней улетает без матки

Эпитафия

он жил как человек
то плакал как ангел
то смеялся как дьявол

впрочем о дьяволе он не имел понятия
быть ангелом никогда не стремился
а до человечности ему и вовсе не было дела

ближе всего он был
к делам далёким и поэтому
не опоздал

должно быть
он верил в любовь
вот только поверил в неё слишком рано

говорят
он не любил ненавидеть
только понял это слишком поздно

на всякий случай
подумайте в эту минуту
о чём угодно

и на всякий случай
преклоните
одно колено

Мирон Бялошевский

КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ

Лирика спящего

я летаю
летаю
на трапециях снов

парю
над летающим цирком вещей
над тобой
настоящим
над тем кто всегда
так разумен

я всё сразу
могу быть всем чем угодно
но не тобой
только бы не тобой
ты
мой лежащий на дне
ты
гора вдохов и выдохов
ты который растаешь
от пробуждения
ты
который
исчезнешь

вот и всё

я смотрю на него с кислородным баллоном
он засыпает

что будет?
ещё не всё
когда?
думаю я
приезжаю
смотрю с кислородным баллоном
он засыпает
когда это будет?
ещё не всё
уезжаю
скоро вернусь
набираю номер
как он?
ну вот и всё

«у» плохая буква

большемаленькая радость моя утонула
в судьбе
судьбы как воды
воды как собак
каждый на неё лает
у каждого своей
как воды из крана

!о!

я знал: однажды тебе надоест
и всё же пока
я жду ты приходишь
ну-ну ещё
жду
не приходишь
о! вот и всё
(кто бы мог подумать)

растворение во мне цитаты

я сказал своему веселью РАДУЙСЯ
и всё равно от меня до меня сто
километров
ещё сто до
того чтоб себе приказать

и столько же до
того чтоб вести себя согласно приказу
так что
и так
чудо
что я себя слышу

Голос её пробуждающей в муже сразу 28 лет их яви ночью

– львы меня ели в костёле
  они уже съели мне ноги

– тихо холера второй час ночи –
  львы её ели –
  вечно она со своими снами
  мать

исшествие туфлями

я ходил в туфлях до износа
говорили мне – хватит – а больше всех ...ецкий и ...ова
я отвечал – им всё нипочём
левый как ...ецкий, правый как ...ова –
однажды вижу: левый развалился
быстро снимаю
хожу в угрызениях
поздно ...ова говорит – ...ецкий совсем плох, помер
теперь моя очередь –
думаю – вовремя я тебя снял –

где собака забыта

вот где собака зарыта вотвотвот

сначала было снега на полсобаки
и если смотреть с веранды санатория
это была она
потом её стало
как прошлогоднего снега
когда едешь куда попало
но это была уже другая собака
с одной стороны она сдохла
а с другой всё меня толкала

хотя и была зарыта
(забыта забыта)

Выпадение из грамматики

эти у тех
бывали бывальцы местные вместе
небывало уместны
дабы всеместно
добытого
сбыть избыток

в то место
этого вместо
в голове
нет места
для этими тех
у б и й с т в а !

Радостный автопортрет

Не думайте, что я несчастен.
Я рад, что я думаю.
Думайте, что я рад.

Сознание – танец радости
Моё сознание танцует
перед лампой дождя и скорлупкой стены
перед витриной где толпы капусты
перед раскрытыми ртами друзей говорящих о чём-то
перед моей нежданной рукой
перед незавершённой скульптурой реальности
в разгар лучшей из игр
и самой торжественной мессы
мое сознание танцует
неудержимо.

А когда, как и всякая нить,
этот танец прервётся,
я отправлюсь на небо
туда, где не чувствуешь ничего,
туда, где я был вначале, прежде чем появился,
и где я буду уже до конца, когда меня не будет,
туда, где радость, которую не описать.
. . . . . .
Вот и всё.

Владислав Броневский

КОГДА ТЕБЕ ПРИСТАВЯТ К ГОРЛУ НОЖ

Два голоса

Когда тебе приставят к горлу нож
и заглянуть велят во чрево ямы,
что нужно гордому, чего ещё ты ждёшь?
– Отваги. Я упрямый.

А если ты падёшь без страха и сомненья
и твоё сердце вырвет враг самовлюблённый,
что нужно воину, чтоб умереть без стона?
– Презренье.

Распались кости, по́литые кровью,
но дело живо в миллионах душ безвестных.
Чем хочешь ты в их памяти воскреснуть?
– Любовью.

* * *

Ванде Вилкомирской

Стоит ли струны мучать,
если молчание – лучше,
если сути молчанья
никто не постиг,
если против молчанья –
только крик?!

Нет! И против молчанья
кое-что есть!
Скрипки твоей звучанье,
мой жест.

Тишина

– Скажи, как зовут тебя?
– Тишина.
– Повтори, твоя речь не слышна.
– Тишина.
– Это ты в лесу ветвями хрустишь
весной?
О тебе соловей грустит,
пока травы ходят волной?
– Я – тишина, умолкни, гордец постылый.
Упрячу тебя в могилу.

Трубочист

Если верить трубочистам,
просыпаются они чистыми.

А в трубу залезут – у них с утра уже
всё лицо и все руки в саже.

Верёвки да мётлы весь день им таскать.
На мир поглядывают свысока.

А как снуют по крышам быстро –
эх, хорошо быть трубочистом!

На рассвете

На рассвете многие –
только держись –
всю жизнь начинают новую жизнь.

Вот он, герой, – тут как тут
– уже и одет и обут.

Едва натянул портки
– готов наперегонки.

А новой жизни как не было, так и нет.
Эх, люди, люди!!! И почему на всё у вас только один ответ –
драные портки
да драные башмаки?..

Дубовые листья

Весною и осенью,
из зелёных и золотых
люди венки
сплетают из них:

на могилы, кресты
и просто для красоты.

Дубовые листья
трубочки курят,
сказки рассказывают,
балагурят...

* * *

Летим и летим на землю – снежинки,
звёздочки, цветочки, пушинки –
устилаем всю землю сплошь,
чтоб детям сладко спалось.

По приказу хозяйки Зимы,
землю ковром укрываем мы –
детские сны стережёт вовек
белый снег.

Счастье

Величайшее счастье –
всегда только часть его.

Прекраснейшая из поэм –
та, которой нет совсем.

Прекраснейшая из дам –
где-то там...
где-то там...

День поминовения

В поминальный день осенний
на могилы близких люди
ставят свечки и лампады
зажигают в знак печали.

Огоньки покрыли землю,
заревом погост сияет,
но такие есть могилы,
где никто свечи не ставит.

* * *

Мне не играли златые трубы,
Колокола не звонили вовсе.
Только ветер ругался грубо,
Проклиная тоску и осень.

Никто, прощаясь со мной, не плакал,
А кто-то встретит ещё не скоро.
Лишь глухо пёс завыл под забором
Да где-то ворон в лесу закаркал.

Тёмная ночка меня пригрела...

Вислава Шимборская

РАЗГОВОР С КАМНЕМ

Скелет ящера

Возлюбленные Братья,
вот пример несовершенных пропорций:
перед нами громоздится скелет допотопного ящера –

Дорогие Друзья,
слева – хвост, уходящий в бесконечность,
справа – шея, уходящая в другую –

Уважаемые Товарищи,
посредине, под глыбой брюха – четыре лапы,
погрязшие в трясине –

Достопочтенные Граждане,
природа не ошибается, но любит пошутить,
обратите внимание на эту смешную головку –

Дамы и Господа,
такая головка ничего не способна предвидеть,
и потому она – головка вымершего гада –

Высокое Собрание,
маловато мозгов, великоват аппетит,
дурацких мечтаний больше, чем мудрой тревоги –

Достойные Гости,
в этом смысле мы в несравненно лучшей форме,
жизнь прекрасна, а земля – наша –

Почтеннейшие Делегаты,
звездное небо – над мыслящим тростником,
но нравственный закон – в нём самом –

Преподобная Комиссия,
такое удалось только однажды
и, возможно, лишь под этим, единственным солнцем –

Верховнейший из Советов,
что за ловкие руки,
что за убедительные речи,
сколько голов на плечах –

О, Высшая Инстанция,
какая ответственность вместо хвоста –

Похвала дурного о себе сужденья

Коршуну не в чем себя упрекнуть.
Угрызения совести чужды чёрной пантере.
Пираньи не сомневаются в праведности своей.
Гремучая змея одобряет самоё себя без оговорок.

Самокритичных шакалов нет в природе.
Саранча, аллигатор, трихина и овод
живут как живётся и этому рады.

Сердце косатки весит центнер,
но, с другой точки зрения, оно легче лёгкого.

Нет ничего звериней,
чем чистая совесть,
на третьей планете Солнца.

Утопия

Остров, на котором во всём абсолютная ясность.

Здесь можно встать на твёрдую почву доказательств.

Нет иных путей, чем единственно правильный путь.

Здесь растет ветвистое
Древо Озарения.

И поразительно прямое Древо Понимания
над источником, что зовётся – Ах, Вот Оно Как.

Чем дальше в лес, тем лучше видна
Долина Очевидного.

Стоит только возникнуть сомнению, ветер тут же его развеет.

Эхо, взяв слово по собственному желанию,
охотно вам раскроет тайны мироздания.

По правую руку пещера, в которой покоится Смысл.

Слева озеро Глубокого Убеждения,
со дна его легко отрывается Истина и всплывает на поверхность.

Над всем господствует пик Непоколебимой Уверенности.
С него открывается вид на самую суть вещей.

Несмотря на свои преимущества, остров необитаем.
Мелкие следы ступней на прибрежном песке
все без исключения ведут в сторону моря.

Как если бы отсюда только уходили
и безвозвратно тонули в пучине вод.

В жизни непостижимой.

Как писать автобиографию

Что от тебя требуется?
Написать заявление,
а к заявлению приложить автобиографию.

Независимо от продолжительности жизни
автобиография должна быть краткой.

Следует сжато изложить факты.
Пейзажи заменить адресами,
смутные воспоминания точными датами.

От всей любви оставить только законный брак,
Из детей – только тех, кто сумел родиться.

Кто знает тебя – важнее, чем те, кого знаешь ты.
Если уж поездки – то только за границу.
Членство – в чём, но не почему.
Награды – без «за что».

Пиши так, словно сам с собой ни разу словом не обмолвился
и всегда сам себя обходил за версту.

Обойди молчанием кошек, собак и птиц,
памятные пустяки, сновидения и друзей.

Надлежит указать скорее цену, чем ценность,
название, а не содержание.
Скорее номер ботинок, чем то, куда идёт
то, что из тебя вышло.

Плюс фотография с открытыми ушами.
Главное – форма ушей, а не то, что они слышат.

А что они слышат?
Грохот машин, пережёвывающих бумагу.

Разговор с камнем

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти.
Хочу войти в тебя,
осмотреться,
вобрать тебя в грудь, как воздух.

– Уйди, – говорит камень. –
Я наглухо заперт.
Даже разбитые вдребезги,
мы останемся плотно закрыты.
Даже стёртые в порошок, никого не впустим.

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти.
Я ведь из чистого любопытства.
Жизнь – единственный шанс его утолить.
Я только пройдусь по дворцу твоему,
надо ещё навестить лист и каплю воды.
И на всё так мало времени.
Смертность моя не может тебя не растрогать.

– Я камень, – говорит камень, –
поэтому вынужден сохранять серьёзность.
Уйди.
У меня нет мускулов смеха.

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти.
Я слышала, в тебе есть большие пустые залы,
никто не видел их напрасной красоты,
они не слышали эха шагов.
Признай, ты и сам о них не много знаешь.

– Большие пустые залы, – говорит камень, –
но места в них нет.
Прекрасные – быть может, но они недоступны
твоим убогим чувствам.
Ты можешь меня узнать, но тебе меня не изведать.
Всей поверхностью я повернулся к тебе,
всем нутром – лежу, отвернувшись.

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти.
Я не ищу в тебе пристанища навеки.
Я не несчастна.
Не бездомна.
Мой мир стоит того, чтоб в него вернуться.
Я только войду и выйду с пустыми руками.
А доказать, что я в тебе побывала,
мне будет нечем, кроме слов,
которым и так никто не поверит.

– Ты не войдёшь, – говорит камень. –
Тебе не хватает чувства сопричастности.
Никакое другое чувство его не заменит.
Даже зрение, обострённое до всевидения,
ни на что не годно без чувства сопричастности.
Ты не войдёшь, в тебе есть только зародыш этого чувства,
лишь его зачаток – воображение.

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти.
Я не могу ждать две тысячи веков,
пока войду под твою крышу.

– Если мне не веришь, – говорит камень, –
спроси у листа – он ответит то же, что я.
Спроси у капли воды – она скажет то же, что лист.

Смех меня распирает, великий смех,
смеяться которым я не умею.

Стучусь в двери камня.
– Это я, впусти меня.

– Нет во мне дверей, – отвечает камень.

Ненависть

Вы только гляньте, она всё такая же резвая.
Как она преуспела в нашем столетье – ненависть.
Как легко берёт барьеры.
Ей всё по плечу: один прыжок – и настигла.

Не такая, как прочие чувства,
она и старше их, и моложе.
Сама порождает причины,
что её побуждают к жизни.
Если и заснёт, то отнюдь не вечным сном.
Бессонница её не изматывает, а придаёт ей сил.

Религия, не религия – главное набожность на старте.
Отчизна, не отчизна – лишь бы время пошло.
Для начала не повредит и справедливость.
А уж потом она вовсю разгуляется.
Ненависть. Ненависть.

Лицо искажено гримасой
любовного экстаза.

Ох уж эти прочие чувства –
хилые, анемичные.
С каких это пор братство
способно зажечь толпу?
А сочувствие – хоть однажды
пришло оно первым к финишу?
Многих ли вдохновило сомнение?
Увлечь может только она, ибо знает, куда клонит.

Весьма одарённая, на редкость сообразительная,
исключительно работящая.
Надо ли говорить, сколько ею сложено песен.
Сколько страниц истории ею пронумеровано.

Сколько ковров людских выстелила ненависть
на площадях и стадионах.

Не стоит себе лгать:
ненависть способна творить красоту.
Великолепен вид зарева в чёрной ночи.
Бесподобны фонтаны взрывов на розовом фоне рассвета.
Руинам не откажешь в пафосе,
а бодро торчащей над ними колонне
– в юморе, пусть грубоватом.

Ненависть – мастерица контраста:
грохот – тишина,
красная кровь – белый снег.
Ей не наскучит мотив
щеголеватого палача
над обезображенной жертвой.

В любую минуту она готова к новым свершеньям.
Надо подождать? Что ж, она подождёт.
Слепая – говорят о ненависти. Слепая?
Да у нее взгляд острый, как у снайпера,
она смело смотрит в будущее
– только она, и никто другой.

Эксперимент

В дополнение к фильму,
в котором актёры делали что могли,
пытаясь меня растрогать и даже рассмешить,
был показан любопытный
эксперимент с головой.

Ещё недавно голова
п р и н а д л е ж а л а –
теперь она была отрезана,
каждый мог видеть: никакого тела нет.
С затылка свисали трубки аппарата,
благодаря чему не прерывалось кровообращение.
Голове
было хорошо.

Без малейшего признака боли или хотя бы удивления
она следила взглядом за лучом фонарика.
Стригла ушами, когда раздавался звонок.

Влажным носом легко отличала
запах свиного сала от бесплотного запаха небытия.
И, с явным удовольствием облизываясь,
пускала слюну во славу физиологии.

Верная собачья голова,
достойная собачья голова
жмурилась, когда ее гладили:
верила, что она по-прежнему – часть собаки,
которая, нежась, виляет хвостом
и дугой выгибает спину.

Я подумал – что же такое счастье? – и ощутил страх.
Ведь если дело сводится только к этому –
голова
была счастлива.

К вопросу о статистике

Из любых ста человек
тех, кто всё знает лучше других,
– пятьдесят два;

сомневаются в каждом шаге
– почти все остальные;

тех, кто готов помочь
(если это не отнимет много времени),
– целых сорок девять;

тех, кто добр всегда,
потому что не может иначе,
– четверо, максимум пятеро;

способных бескорыстно восхищаться
– восемнадцать;

живущих в вечной тревоге
за кого-то или за что-то,
– семьдесят семь;

предрасположенных к счастью
– двадцать с чем-то, не больше;

тех, кто сам по себе не опасен,
но дичает в толпе,
– уж точно больше половины;

тех, кто жесток,
когда вынудят обстоятельства...
– лучше не знать,
даже приблизительно;

крепких задним умом
– немногим больше, чем тех,
кто крепок передним;

людей, не берущих от жизни ничего, кроме вещей,
– сорок на сотню,
как ни хотелось бы ошибиться;

согбенных и скорбных,
вслепую бредущих во тьме
– восемьдесят три
(кто раньше, кто позже);

достойных сочувствия,
– девяносто девять;

обречённых на смерть
– сто из ста.
И тут ничто не предвещает перемен.

Всё

Наглое, надутое спесью слово.
Его надо писать в кавычках.
Оно делает вид, что вне его нет ничего,
что оно включает в себя, содержит, охватывает, объемлет...
А между тем оно всего лишь –
клочок хаоса.

Тучи

Когда описываешь тучи,
приходится спешить –
через мгновенье
они уже не те, уже совсем другие.

Их свойство –
никогда не повторяться
ни формой, ни оттенком, ни сочетанием, ни позой.

Не отягощённые памятью,
они легко парят над фактами.

Какие там из них свидетели чего бы то ни было –
они тут же развеиваются на все четыре стороны.

По сравнению с тучами
жизнь кажется прочной,
почти неизменной, чуть ли не вечной.

Рядом с тучей
даже камень похож на брата,
на которого можно опереться,
а они – что они? – какие-то сомнительные дальние кузины.

Пускай себе люди живут, коли хотят,
а потом помирают –
им, тучам, нет дела
до всех этих
весьма странных вещей.

Над всей Твоей жизнью,
и над моей, ещё не всей,
они, как прежде, щеголяют в роскошных одеяньях.

Тучи не обязаны вместе с нами гибнуть.
Где-то там они плывут – просто нам не видно.

Тадеуш Сливяк

ШУТКА ПЕРСПЕКТИВЫ

Привычка

Когда-то ты жила в высокой башне
так высоко что голова шла кругом
сегодня башни нет
к тебе ведёт обыкновенный переулок

это только шутка
шутка перспективы
принцесса моя принцесса в небесной башне

Пугало

В кармане птица
птица в рукаве
и целое гнездо на голове

Рот до ушей
стоит в пшеничном поле
добряк без сердца
пугало в рванье

* * *

Если в тебе проснётся надежда
накорми её новой ложью
если в тебе проснётся вера
она сама тебя накормит ложью

если тебе суждено проснуться
не забудь о хлебе насущном
на месяц вперёд

такую надежду
стоит питать

Чтение шрамов

От холодной и гладкой мозаики каменных плит
пусть колени мои держатся подальше

От искусно украшенных стёртых ручек дверных
пусть ладонь моя держится подальше

От сводов под которыми клубятся зависть и лесть
голова моя пусть держится подальше

От дружбы только на словах
пусть сердце моё держится подальше

* * *

Берегись того кто всегда готов
ответить вместо тебя
твоими руками он шьёт тебе саван
из твоей тени

Берегись того
кто закрывает глаза на твои ошибки
он играет с тобой в поддавки
краплёными картами

О достоинстве форм

когда камень теряет терпение
он стирается в порошок

парус брошенный ветром –
брезент для утопленников

когда железо прикрывается ржавчиной
не желая стать орудием или оружием
оно превращается в смех

шар утратив частицу
перестаёт быть шаром
он катится неуверенно
и путь его непредсказуем

единственный шанс пули –
остаться пулей

Иней

Стэд
когда я плохо вижу
ты приходишь на помощь
однажды ты дал мне
клочок замши для протирки очков
С тех пор когда мир
теряет резкость
ты всегда где-то рядом
ты словно спасаешь меня
и хранишь
и садишься за стол
глядя мне прямо в глаза
Стэд
ты теперь весь из инея
наконец-то ты досыта
накормил свою тень

Глаголы

подождём пока распогодится
подождём пока стемнеет
подождём пока встанет лёд
                пока пойдёт дождь
                пока рассветёт
                пока льдины поплывут по реке

мы в центре вечности
отсюда до всего и далеко и близко
а мы от сих до сих
время использует нас как философ иронию
что возможно только при помощи смеха
ждём
ведь мы – в центре вечности

Двери двери двери

Слишком часто ты думаешь что открывается
новая глава
новый этап
новая возможность
перед тобой открываются
только двери
и чаще всего те что тебе уже хорошо известны
ты вынужден подолгу
торчать перед ними
ты в них стучишься но не слишком громко
бывает тебя вышвырнут за дверь
а то и прищемят дверью пальцы
когда другие люди
говорят о тебе за закрытой дверью
в тебе просыпается страх
может отсюда
твоя любовь к открытому пространству
полей
и лесов
где растут деревья
из которых делают двери

Пожар

в этом доме нам нечего пить
в этом доме нам нечего есть
мы выпили краски
мы съели двери и окна
осталась железная койка
щеколда
и битые стёкла

в этом доме для нас ничего не осталось
уходим огонь
дальше дым

Ежи Харасымович

ВСЁ ШИТО-КРЫТО

Букварь

Этот вол
что дремлет в долине
пуская дым из ушей
это дом

Эта солома
что треплет себя за вихры
это крыша

Эта язык на плечо кочерга
что бежит по шоссе
это пёс

Этот епископ
объевшийся белыми булками
это буфет

Этот мешок
набитый зелёной травой
чьи руки подняты вверх
– человек

Мак

у мака много дел
в его червонном царстве

огненный рыцарь гряды
с глазами набрякшими
кровью

он растлевает
зелёных ревенных девиц

прижимая к забору
тянет их сладкие соки
картуз набекрень

о мак
мак
сегодня во сне
ты увидишь
печёные мощи

маковник

Кони

Кони стояли так долго
что выстояли стойло

По дороге к стойлу хозяин
прошёл через все эпохи

Кони больше не прорицают

Теперь хозяин
правит
богами

Спорили кони
кто прорицает вернее –
те что в яблоках или гнедые

Тут-то их и загнал в упряжку
пегий хозяин

Лес

Мухоморы
ждут не дождутся
чтоб их собрали

Осока
режет руки как бритва

Трясина
готова любому
продать свой ковёр

На поляне черно
от яда

Ухмыляются
белена и дурман

Всё тихо-мирно
всё шито-крыто

Чердак

Так есть там что
на чердаке-то
или нету

Может есть
а может и нету

Да есть небось:
у духов с давних пор
с нами договор

Срок действия –
до конца света

На чердаке
полным-полно
договорных духов

Велик перед ними
наш договорный страх

Мухомор

Однажды повстречал я
мухомора

рыжий
в туристской ветровке
и брюках-гольф

под мышкой
журнал по искусству

э сказал он
в спектаклях у карликов
я больше не играю

я теперь составляю
лётные графики
трутовиков

искусство моё
никому не понятно

говорят
таких ядовитых типов
давить надо

но разве я
для того чтобы мной
обжираться

я же абстракция

Чёрная бузина

Я расту
на кургане свалки
чёрная бузина

Шарахаются от меня
как от прокажённой
говорят немало я людей
отравила

Есть во мне
что-то похоронное
под чёрной рубашкой листьев
дремлет жестокость

Я мученица
постных пятниц
увешана чёрными гроздьями лжи

Никто не любит
моей совиной душонки
ухающей на пустыре

Как мельник от пыли бела
чёрная бузина

Жду утреннего ветерка
чтоб людям нести
стихов моровую заразу

Разговор

Он говорит
что óн

Я что
мне очень

Он говорит
и оклад приличный

Я что
мне очень

Он говорит
функционируем помаленьку
в государственном
организме

Я что
мне очень

Он говорит
живу как все
своё дело знаю

И так
битый час
вшивую свою душонку
передо мной выворачивает

О чём с таким
говорить

Как о чём
жить-то
надо

Паспорт

У тебя есть паспорт
президент серебристым росчерком пера
подтверждает
что ты это ты

У тебя есть паспорт
гордые птицы
сидят на печатях
как на горных вершинах

Караулят ломаный грош
твоей душонки

Не бойся
тебе не дадут пропасть
президент на страже

У тебя есть паспорт
значит ты существуешь

Воскресенье

Пробило время чтоб уйти
в кедровых чащах Соломона
грибницей слов взошли стихи
осенних ясеней трезвоны

А церковь молит троекратно
возносит руки в небеса
но восковой чурбан Творца
купальской ночью не цветёт

И херувим с небес рассеяв
свои цветы мужам и женам

у птиц украден без остатка
а птиц святошам на посылки

Кто полетит за херувимом
тот обретёт лишь прах иной
и никаким псалмом не сдвинуть
покрова тайны над душой

Прореха в небе или неба
среди деревьев вовсе нету
и не седлая божьей клячи
Димитрий не изведал скачки

И ничего не происходит
лишь пробредут льняные дети
пока нам Год дымит над полем
на вилы взяв туман греховный

Там где Природы Электрический Отец
лишился семислойной Митры
пускай разносится над миром
единокровных громов голос чистый

Тадеуш Новак

КОРОТКАЯ ШЕЯ

Псалом про нож в спине

Ночь несут меня воры
я в цилиндре босой
по деревне со свадьбы
нож в спине ан живой

Ночь бегу через город
я в цилиндре босой
чтоб до неба упиться
тем берёзовым сном

Нож в спине затянулся
сон подёрнут корой
я везу молоко и
сад обрызган зарёй

Ночью навзничь – мне сон
я в цилиндре босой
только слышу как в спину
входит ласковый нож
три стекляшки в оконце
бьёт последняя дрожь

Другая рыба

В реке сверху вниз стоит рыба
вокруг протекает река
На рыбу взирает Господь

и человек взирает
на рыбу взирает выдра

Пока из троицы один
не дрогнет кровью или бровью
пребудет рыба словно кость
в псалме реки в её гортани

Но всё равно услышит рыба
конька речного дробный бег
и звук тяжёлого полета
увидит солнце в высоте
бессмертник в высохшей короне

И если на́ берег потащат
зубами удочкой заветом
не станет больше рыба рыбой
плывущей у реки в гортани
Когда же Бога в крест оденут
а Богоматерь в шкуру выдры
и на глаза её возложат
сыпучий перстень из земли
– навеки сытый сонный мир
у рыбы преклонит колени

Смерть

Вот она – та смерть
меч блеснувший на солнце
Цветёт у окошка слива
на заборе петух
на пороге сапог
сброшенный той стопой
Вот она – та смерть

Вот она – та смерть
живая рана глины
Под грядкой роет крот
на грядке резеда
там за лесом Христос
и лик его над лесом
Вот она – та смерть

Вот она – та смерть
тот голос канул в реку

Дитя твердит молитву
жеребёнок учится сену
в колодце вечно бьётся
известковое сердце воды
Вот она – та смерть

Вот она – та смерть
тот я со мною рядом
Целую в губы меч
целую рану земли
иду с камнем во рту
по рыбьей речной аорте
Вот она – та смерть

Вот она – та смерть
совиный глаз заката
Мать выходит из дома
сестрёнка из псалма
братишка тянется вверх
к ветке ясеня слушает
Вот она – та смерть

Вода приносит

Вода приносит камень,
камень приносит огонь,
огню подаёт ладонь
присяжный палач.

Вода уносит камень,
но он оставляет огонь,
огонь принимает ладонь
кого-то из нас.

Муравейник

Человечек сухой
ободранный прутик
стоит в муравейнике
переминается
с ноги на ногу

Хочет расцвести
яблоней быть

архангелом
богом

Муравьи снуют
переносят скарб
ему на макушку

Человечек сухой прутик
открывает рот
в его горле
жаворонок поёт

От песни
голова его
так и ходит вверх-вниз
жезло́м золотым

Осыпаются
чёрные муравьи
Голова чиста
Голова сияет
ярче скипетра

Человечек сухой прутик
щурит глаза
Он себя видит
ангелом
богом
до чёрных пяток
золоченым

Человечек сухой прутик
застыл в муравейнике
Весь в цвету

Муравьи снуют
переносят скарб
Исчезают
во рту его

Человечек белая яблоня
молится
В нём
растёт муравейник

Оттуда
архангела глас

оттуда
пламенный бог

Отрубленную голову подняв

Отрубленную голову подняв
ту отсечённую в веселье
в трагедии у древних греков
в евангелии
и в мистерии
на истекающем смолой
комле
в лесу двадцатилетнем
отрубленную голову подняв
отплясывают христиане
республиканцы
анархисты
мальчишка пляшет с ними вместе
в кругу весёлой кутерьмы
отрубленную голову подняв

Печально голову подняв
в дожде лесном
в июньском поле
печально голову подняв
в руках
ветвях
целуя в губы
в зрачки
и дырочки в носу
печально голову подняв
ту отсечённую в веселье
и так посаженную гладко
в трагедии у древних греков
в евангелии
и в мистерии

Псалом свалки

Надежды веры философии
на свалку вывезли облили
бензином Как они горели
Надежды веры философии –
под слоем извести гашёной
От них одна зараза мор

Надежды веры философии
записаны в учёных книгах
стоят крестами при дорогах
где деревенских баб следы
где гуси козы да волы
Там время с перебитой лапой
едва хромает по песку

Надежды веры философии
Утопленник вцепился в ветку
мужик – ездок заре навстречу
а Бог сорвался с трёх гвоздей
и ест живую печень агнца
Заутреня метёт зерно
в трухлявый ларь библиотеки

Надежды веры философии
От щебня вспухла плоть реки
и вывезен навоз на поле
а книга бытия в уборной
висит на гвоздике Итак
парит над садом Зодиак

Восьмая азиатская молитва

Пиши на коленях и пой на коленях
Ползи туда где сало и хлеб
В землицу тебе суждено превратиться
в степь мой милый в бурьянную степь

Трудись на коленях Тебе заплатят
В морду пнут и намнут бока
Помилуй нас Пресвятая Матерь
сжимается камнем пустая рука

Пиши на коленях Горбаться в неволе
а когда в верхах заорут сердито
«Как его звать?» покажи им мозоли
и ноги твёрже чем копыта

Покажи свой мозг превращённый в камень
и скальп что содрали с тебя на работе
и там наверху заткнутся пока не
крикнут «Да это ж твой ангел в полёте»

А когда ты рухнешь ракетой сражённый
имя твое сверкнув сольётся
в пушечных жерл голодные стоны
гвозди наших костей
пломбы наших зубов
лёгких цинк и свинец
медь и никель протезов
и колоколен гулкие звоны

Будничный псалом

Человек сидит у стола
спрятав лицо в ладонях
В голове человека дом
чекушка водки селёдка
в голове человека жена
чекушка водки селёдка
в голове человека дети
чекушка водки селёдка

Возле него лежит
связанный проводом ангел
скелет селёдки бутылка
возле него лежит
Бог на кресте распятый
скелет селёдки бутылка
возле него лежат
тридцать медяшек сдачи

Человек сидит у стола
скелет селёдки бутылка

Короткая шея

Три года его убивали
Три года ходил он туда
Короткая шея сказали
Сказал он короткая шея
Мечом её не зацепишь
саблей не одолеешь
а топором и подавно
Но они хотели чтоб ровно
мозги туда остальное сюда
Профессиональная точность

Три года его убивали
Три года тыща мечей
Три года тысяча сабель
тысяча топоров
Три года ходил он туда
Убивали его три года

Сказали короткая шея
а ну погляди на лужок
там лошадь смотрит в лес
там лебедь ищет звёзды
упавшие в ручей
там на дворе индюк
гудок для курей и уток
и башня из перьев в небе

Тысяча лошадей один меч
тысяча лебедей одна сабля
тысяча индюков один топор

Короткая шея сказал он
Меня тянули за уши
вздёргивали на дыбе
заковывали в железо
умащивали мёдом
а она нет и нет не растёт
не даёт побегов
Короткая шея
меч сабля топор
ко мне подойти не смеют

Ярослав Ивашкевич

НО ВЕДЬ БЫЛО БЫЛО

Колыбельная

Листья осыпались, ветер их гонит,
Дай отдохнуть у тебя на ладони.

Ветер уносит опавшие листья,
В мире не стало сверкающих истин.

Вянут цветы, увядают деревья,
Пусть же никто не сгорает во гневе.

Осень спрядает нити льняные,
Так всё и будет, как кажется ныне.

* * *

...огонь крепчает, блеск темнеет

Когда уже не лает пёс
когда и птица не поёт
и не звонят колокола
и не рождается рассвет

тогда всё ярче мощь огня
и раздаётся ясный звук
и голос рвётся из глубин
дитя рождается на свет

бесшумный пролетает вихрь
беззвучный плач несётся ввысь

спускается в долину тень
сливаются и ночь и день

* * *

Ссохлось перо, но пока ещё пишет,
Сердце застыло, но всё-таки бьётся,
Голос звучит... хоть никто и не слышит,
Звёзды – ничьи – отраженье в колодце.

Ночью бредут по дороге деревья,
Клонятся липы, ломаются ветви,
В голосе ветра слышу напев я:
Было и нет – и не будет вовеки.

Рано. Не время. Никто не ответит,
Чем тебе было стать суждено.
То ли ты ветвь и унёс тебя ветер,
То ли ты – камень, упавший на дно.

Азиаты* [V]

Вот земля перед нами плоская и зелёная
Городами мостами деревьями испещрённая.

Но затаились где-то заповедными схронами –
Белая Церковь дивная или обитель скромная.

Ульи мёдом налитые бурлящие родники
Расписные цветастые домики-сундучки.

И в городских провалах тайные есть убежища
Кладбищ поля бескрайние заросли жизни свежие.

А дома на пригорках и ландыши на полянах
То синевой подёрнуты то зарёю румяной

Воды неукротимые палевых рек порожистых
Зеленовато-синие мосты железнодорожные.

Там открывается готика огнецветных аркад
За апельсиновой рощей где райских яблонь сад

И пепельные горы под шлейфом плюшево-пенным
И романская червень по-над зелёным Рейном.

---

* Фрагмент.

Высвободится из тайны этого мира правда
И мир этот всех нас примет простым движением брата

И яблони цвет вручит нам словно бы знак лучистый
Пресветлого убиения и вечной дружбы чистой.

И мы поплывём в огромной ладье как в ковчеге Ноевом
Под жёлтыми парусами – нá небо голубое

И в ложе предуготованное нырнув увидим – над нами
Стаи птиц пролетают под серыми облаками.

Звоны труб золотистых плачи скрипок зелёных
Окутают нас цветами как июль раскалённый

Когда всё на свете сгинет – с этой широкой равниной
И с этой землёй и небом сольёмся мы воедино.

Так неужели только тогда и будем богаты
Знаньем – узнав европейцы мы
или всё-таки азиаты?

Proverbium*

Широко отворились резные воротца.
(Улыбаются все – но никто не смеётся.)

Пышет красной калиной коса каравая.
(Грустно всем – только что-то никто не рыдает.)

Сев окончен... Колосья идут в обмолот...
(Любят все – но за друга никто не умрёт.)

Не дождаться мне новых, весёлых гостей.
(Ищет мир – лишь о мудрости нет в нём вестей.)

* * *

Нет ни тени смысла,
Всё в переплетенье,
Всё перемешалось
В суете забвенья.

* Поговорка (*лат.*).

И пускай не манят
Облака и зори,
Всё лишь на мгновенье,
Всё уйдёт, как море.

Ибо суть не в беге
И не в ликованье,
Но в великой муке,
В кротком ожиданье.

Всё, что есть, – от Бога,
Что ни есть от Бога,
Навсегда святое,
Ничего не стоя.*

* * *

Никто не сложит им ладони –
Всем тем, кто рухнул и не дышит.
А сколько гаснет благовоний...
Зачем поэты их не слышат?

Зачем уходит день, стихая,
И отчего так пусто ночью?
Дрожащий стебель засыхает,
Бледнеет роза – жить не хочет.

А тополя?.. Зачем листва их
То солнцем, то дождём омыта?
Зачем в тиши за мной ступает
Твой шаг, давным-давно забытый?

* * *

Через тысячу лет
все купола сравняет время
никто и не вспомнит наших имён

сегодня мы смотрим на звёзды и волны
затаив дыхание перед святой иконой
и в этом уже таится
небытие

---

* Парафраз.

дыханье звучит предвестием
минуты когда оно в нас угаснет
и мы вместе с лесом и звёздами
станем лишь каплей росы на крыле херувима
смерти

всё чем живёшь ты – а говорят ты живёшь
красотой – не будет значить ничего
лопнут оковы вечности

ну так смотри – пока ещё можешь видеть
сапфирные глубины неба
смотри частица праха
– ведь только это тебе и нужно

* * *

Сбудутся вёсны,
минут морозы,
мне в колыбели
тихие сосны
или берёзы
веток настелят.

Слух мой овеет
скрипкой сосновой –
музыкой тихой,
музыкой новой,
той, что неслышно
где-то созреет.

Всё заметает,
как снежным пухом,
жёлтой метелью,
я только духом
сплю и гадаю:
что надо мною –
свет или тени.

Только во сне я
вытянул руки
– хоть не разбудят
вешние звуки –
знаю, что буду
моря прибоем,

вечной любовью
к людям.

Ночь в августе

Этой ночи
не будет уже никогда

этого счастья
не будет уже никогда

и этого неба
полного звёзд
не будет уже никогда

Звёзды и планеты
на миг застыньте

я этому мгновенью
скажу
остановись

но звёзды и планеты
вращаются в пространстве

и тело уходит
как ночь

и уста медвяные
закрываются

и счастье не продлится
ни на миг

Но ведь было было

Этой минуты
не будет уже никогда

Ян Твардовский

ОЧЕРЕДЬ В НЕБО

Сходство

Эй любовь похожая только на любовь
правда похожая только на правду
счастье похожее на счастье
смерть похожая на смерть
сердце похожее на сердце
мальчишка у которого рот до ушей
похожий на меня каким я был когда-то

перестаньте вы наконец валять дурака
даже Бога который был бы похож только на Бога
не существует

Справедливость

Если бы у каждого было по четыре яблока
если бы каждый был силён как бык
если бы все были одинаково беззащитны в любви
если бы у каждого было то что есть у другого
никто никому не был бы нужен

Спасибо Тебе за то
                что Твоя справедливость в неравенстве
то что есть у меня и то чего нет
даже то что мне некому дать
всегда кому-нибудь нужно
ночь существует чтобы наступил день
тьма чтобы светили звёзды

есть последняя встреча и первая разлука
мы молимся потому что другие молчат
умираем за тех кто умирать не хочет
любим потому что у других остыло сердце
и если одно приближается к нам другое от нас всё дальше
неравные нужны друг другу
вместе легче понять что каждый существует для всех
легче увидеть целое

Очередь в небо

Не всё сразу
сначала ты должен казаться святым
но не быть им

потом ты не должен ни быть
ни казаться святым
а в самом конце – стань святым
но не подай и вида
только тогда
ты будешь похож на святого

Раз говоришь

Не плачься
не сетуй на удары судьбы
нет на земле безвыходных ситуаций
закрывая дверь – Бог открывает окно
выдохни посмотри
летят из заоблачной выси
большемаленькие несчастья необходимые для счастья

учись покою у простых вещей
забудь что ты есть раз говоришь что любишь

Знаю

Теперь я знаю: Ты
непостижимо совершенен
вечен и бессмертен
бесконечен и безначален
ибо Ты – избавляющий и умеющий слушать –
не боялся быть слабым
умирать от любви

тяжело дышать после каждой ошибки
быть избитым до полусмерти

Уверенность в неуверенности

Спасибо Тебе за то
что Ты не договаривал недосказанного
не заканчивал неоконченного
не доказывал недоказуемого

Спасибо Тебе за то
что Ты был уверен в том что ни в чём не уверен
верил в возможность невозможного
и не знал ответа на вопрос что дальше
спасибо за то что слёзы Тебе подступали к горлу
за то что Ты был такой как есть
и не сказав ничего столько сказал мне о Боге

На фоне боли

На фоне боли
на фоне крови стекающей в ров
на фоне ребёнка умершего от голода
Христа которого прикладом гонят в лагерь
как вульгарна красота
как аморальна церковь с изящным букетиком на алтаре
как беспардонны
рифмованные
гладко прилизанные
стихи

Верю

Верю в радость ни с того ни с сего
в ангела падшего с неба чтоб поиграть в снежки
в сердце которому нужно всё и еще чуть-чуть
верю в улыбку
над тем кто придумал конец концов
а потом ещё спрашивает «зачем» и «что дальше»
в мать исчезающую за калиткой сада
в истинного Бога
чьё бытие не требует доказательств
в Бога который терпеть не может о себе теорий

Бедная логичная голова

Приди то не знаю что
приди ни то ни сё
приди не дважды два четыре и дважды два не четыре
нет и так далее да и не так далее
приди всё вверх дном
шиворот-навыворот
всё наоборот
полночь приди в полдень
сердце приди и уйди
пусть наша бедная логичная голова
эта кошка приученная к порядку
поймёт: невозможное
неизбежно

* * *

Спасибо Тебе за то что Ты есть
за то что Тебя не может вместить наше сердце
за то что Тебя не может постигнуть наш разум
за то что во всём иной Ты с нами но не здесь
за то что Ты уже обретён но до сих пор не найден
за то что пытаясь уйти от Тебя
мы снова приходим к Тебе
за то что всё чего нам не понять – всё-таки не мираж
за то что Ты вечно молчишь.
Только мы
треплем языком

Константы Ильдефонс Галчинский

МУЗЫКОЙ БУДЕШЬ СПАСЁН

Золотая купель

Когда ты глаза водою омыл,
вода сапфиром сияла,
когда ты уста водой омочил,
вода пунцовою стала.

А когда ты локон в купель окунул,
с неба ангел высокий спорхнул,
белый, как пена мыльная.

И увидел он воду в огне золотом,
и ладонью её зачерпнул, а потом
вылил себе на крылья.

Фаэтон

Ты не мешкай и мне не противься,
мсье Солнце, ollé, ollé!*
Вспыхнут вновь золотые искры –
в остывающей серой золе.
Я смеюсь, даже если глухая
ночь задёрнет чёрный покров.
Ты взойдёшь, Фаэтон! Я знаю,
властелин золотых шаров!..

* Давай, давай! (*фр.*).

Бал у Соломона*

[**1**]

Я сидел на балу больной,
весь дрожа, в бреду и в жару,
а взгляд мой блуждал за окном –
серебристый по серебру.
За окном я видел огни
и серебряную пургу,
в серый город меня манил
смерти серебряный гул.
От танцоров я был далёк,
я тонул в серебрящейся мгле,
как калека, как шпик, одинок –
как совесть на этой земле.

[**2**]

Псалом на виолончели,
на бубнах и тамбуринах –
в толпе понять не сумели,
что балу нужна причина,
что формы слишком просторны,
что тень погоняет тень,
а вся эта позолота –
химера и дребедень,
что флейты и контрабасы,
и весь этот бал – обман,
а люди – пугала в масках,
и каждый бездарно пьян –
от фруктов, баб и вина,
что нечего и начинать,
а вся Соломонова братия
скончалась ещё до зачатья.

[**3**]

На свете жил один чудак
с подружкой-окариной.
На ней играл он кое-как –
зато хлестал он вина.
Но вырос этот человек,
и как-то ночью подлой

* Фрагменты.

его подружка разрослась...
И придавила к полу
того пьянчужку-чудака
малютка-окарина.

Убийство на Пьяцца Ирреале

Юлиану Тувиму

Над стихами толстый редактор
изнывал под большими часами.
Редактор, выбритый гладко,
по стихам барабанил перстами.

А поэт в это самое время,
накренившись у стойки бара,
жрал коньяк пополам с водярой,
опускаясь вместе со всеми.

Он оплакивал горести мира,
расцветив свои беды горилкой,
в суть котлеты и в суть гарнира
проникая ножом и вилкой.

Бар ломился от сказочных птиц,
дивных див напор был могуч,
по колдобинам пьяных лиц
бегал мышью зелёный луч.

...Там редактор мусолит бумагу
(кое-что ему даже нравится)...
А поэту – святейшему котлетофагу –
ох как тошно в зеркало пялиться!

В пьянстве есть такая минута:
въедет в голову паровоз –
и забудешь, что есть в государстве полиция, – будто
ты не ты и всё не всерьёз.

Тут в поэте взорвался такой динамит
(знать, котлеты трескал недаром):
там, в редакции... там, под часами... лежит
стих... где первое слово – «гитаррра»...

За канарейку пришлось заплатить.
Выполз горемыка с пустым кошельком

и давай по дороге стихами пылить –
к редактору прямиком.

Так-то: лишняя кружка пива –
и уже кошмар, катастрофа!
...А редактор скалится криво,
покачиваясь на строфах.

Встал над ним поэт вдохновенный,
точно ангел с мечом у врат:
«Не понять тебе строк драгоценных!
Слишком ты, господин, хамоват!!»

И – часами его по мозгам! Боже мой!
Но без умысла, в аффектации...
Над поэзией взвился пассат золотой,
свободный от гравитации.

Да-с, гротеск... Вот такая история
(пиво с водкой нельзя мешать!).
Смерть редактора – тоже ведь горе.
А поэту – в тюрягу опять.

Кретин и лодка
Басенка

Он плыл на лодке по реке,
Счастливый, как свинья, –
Ни дать ни взять, кретин. В башке
Одна галиматья.

Ни тучки в небе, снизу – синь,
А он – рот до ушей.
И злыдни каркают: – Кретин!
Гони его взашей!

На берегу жена в венке,
И весь честной народ
Ломает руки в злой тоске.
А он себе плывёт.

Мораль: для всех сияет свет,
Не выше ни один –
Ни академик, ни поэт!..
Плывёт простой кретин.

Власть и общество

Власть лёгким пёрышком порхает,
народ кулём идёт ко дну –
понос и рвота поражают
всю нашу славную страну.

Свиреп правительства оскал,
всё захлестнуло море фальши...
Когда б я раньше это знал,
родился б где-нибудь подальше.

Только мертвец...

Только мертвец не носится во всю прыть.
Не перебьёт. Не мотнёт головой. Ему не бывает скучно.
Он идеально вежлив. А если б мог говорить,
наверняка выражался бы строго научно.

Только мертвец никуда не суёт свой нос.
Не визжит от восторга. Не упустит ложечку в чай.
Никогда не читает газет и не ходит в кино.
Не распускает сплетен. Со всеми мил чрезвычайно.

Только мертвец имеет безупречные взгляды.
Что-то бурчит. Но не входит он ни в одну из групп.
Лёгкий, сам по себе плывёт, куда ему надо.
На сто процентов – труп.

После праздников

Прихожу в контору, смотрю –
сам сидит. Я к нему: – Бога ради,
дело срочное, – говорю,
а он говорит: – После праздников!

Я, с цветами, с сардельками, радостный,
прихожу к одной даме с вопросом,
а она мне опять: – После праздников!
И дверью – хлоп перед носом.

Я – к своим должникам заклятым:
– Умоляю, отдайте хоть грошик!

– После праздников! – говорят они. –
И проваливай по-хорошему.

Я туда-сюда. Всюду то же,
на устах у всех та же фразочка.
Это просто кошмар, о Боже...
– Гражданин! После праздников!

Откровенное безобразие!
Я никак понять не могу:
почему я – и после праздников
и перед праздниками могу?

Почему, когда что-то надо,
я вкалываю, как чудак?
Почему я дел не откладываю,
а бюрократы – всегда?

Бабушка мне: – Да ладно тебе...
А я начинаю злиться:
откуда взялась эта странная,
убийственная традиция?

Почему у нас так, а, сердечные?
Любой юнец несуразный
твердит одно: – Да, конечно,
но только уж после праздников...

Как хотите, а я уважаю
совсем другие традиции:
пусть ветер весёлый играет
и светятся радостью лица.

Надо бороться за радость.
И это тоже работа.
А лентяев – за шкирку. Сразу,
а не после праздников! То-то!

* * *

Тихо откроем ворота,
тихо на лестницу ступим,
тихо пройдём коридором
к двери, последней двери.

За год откроем ворота,
за два пройдём по ступеням,
а дверь пусть ждёт – не дождётся,
пока мы её откроем.

Ибо там, за дверью, высóко
меж поцелуями окон
сияет роза в вазоне...

Музыкой будешь спасён

Помоги мне, денёк сырой,
исцели меня, солнечный край,
как орган, мою жизнь настрой
и, как на органе, сыграй.

Смысл жизни есть в каждом звуке,
пусть секунды скулят, как щенки.
Пусть рыдают глаза и руки
и клокочут слёзы тоски.

Но что бы ни было завтра,
даже если весь мир сгорит, –
радость прорвётся внезапно
сквозь твой отчаянный крик.

Как раненого с поля боя,
тебя унесёт твой стон.
Когда возопишь с мольбою,
музыкой будешь спасён.

Рафал Воячек

ХОРОШИЙ ВЫХОД

Коснуться

Дождя коснуться, и понять, что льёт
Не дождь, а просто пыль с Луны несёт

Стены коснуться, чтоб понять: она –
Завеса туч, а вовсе не стена

Куснуть краюшку, и понять, что рожь
Сожрали крысы – крайних не найдёшь

Воды глотнуть, чтобы понять: исток
Как все колодцы в мире, пересох

Промолвить слово, и понять, что голос
Есть крик, да только это всё – не новость.

Сезон

Есть лестница
но нет ступеней
Есть я
но меня нет
Есть холод
нет тёплых шкур
нет звериных шуб

С тех пор как мокро
так мокро

я любит мокро
на площади, без зонта

Есть темень
есть тёмная темень
меня нет

Нет спать
Нет дышать
Жить нет

Только деревья дрожат
деревья рожают кота
чёрного кота
который переходит
все дороги

* * *

Хороший выход спать
Хороший выход есть
Хороший выход водку пить

водку пить
сигареты курить
любить

жить

да
всё это хороший выход

Можно стоять на голове
можно читать книги
можно ничего не читать

можно

А я
а я
выйду из ванны в которой сижу
и вода
стечёт с меня

я завернусь в полотенце
и сяду у печки

на лавочку сяду
зевну

и скажу что-нибудь хорошее
а потом

обниму тебя
обниму тебя
обниму тебя

обниму

* * *

Дама в мехах
Дама без мехов
Сезон полон сюрпризов

Голову дамы
нашёл под лестницей
дворник
Она была слегка помята
и уже не имела успеха
Хороший выход
голову на рельсы
и ждать трамвая

Того кто смотрел из окна
и смеялся
выносят ногами вперёд
Утонули близнецы
брат и сестра
Дворник задумчиво
курит

Сегодня сошла с ума
сестра милосердия
нечего было читать газеты
Сезон в разгаре
Дворник уснул
вечным сном
У доктора из носа
вылетела муха
чистит крылышки
скоро улетит

Весна
Гостям конец
Хозяева наводят порядок

Начало стихотворения

Смерть
(Где это видано так начинать стихи
Не лучше ли сразу
В петлю)

Вдвоём*

Я не сплю
Но и Он не спит
Я Его вижу
и Он меня видит
Я жду
но и он тоже ждёт
Я молчу
и Он не слова
Я ухожу
Он идёт по пятам
Возвращаюсь
Он тут как тут

Простите: вы что
– тоже хотите
умереть?

Крест

Ты вертикален
Я горизонтальна
Ты Солнце
Я Земля
Я долина
Ты гора
Я щит
Ты меч

* Краткое переложение.

Я ночь
Ты Бог
Я рана
Ты боль
Я вода
Ты огонь
Ты во мне
Вертикален
Я горизонтальна
Но – пора
Я теперь огонь
Я гора
Я вертикальна
Ты горизонтален

Смерть ещё не нашла себе формы

Хотя уже падает снег
Волосы всё растут

Песенка о поэте

Поэт пишет о родине
(глоток водки)
Поэт пишет о женщине
(глоток водки)
Поэт пишет (стакан водки)
искусство движет

Поэт пишет всё утро
(сколько водки)
Поэт пишет весь день
(море водки)
Поэт пишет всю ночь
(тонна водки как говорит
Бернард Антохевич
капитан милиции)

Поэт пьёт
(нет слов)

На именины Рафала Воячека
24 X 1968

Тот,
Кто любит, –
Не тот, кто
Умрёт.

Даже зная, что смерть
Уже ищет его,
Он верит.

Тот,
Кто верит, –
Не тот, кто
Просит.

Пусть болят его раны,
Глотая воздух,
Он ждёт.

Тот,
Кто ждёт, –
Не тот, кто
Возьмёт.

Даже когда он знает
Имя своей победы,
Новое поражение –
Всё, что он обретёт.

Виктор Ворошильский

ТВОЙ КРИК ТВОЙ КРЕСТ

Молитва о спасении

Спаси меня от любви на которую я не могу ответить
От ненависти ответить на которую легче чем вздохнуть
От равнодушия в котором я вязну
как в трясине полуденной дрёмы в казарме
От дубины которой я сам загоняю себя в угол тоски и тревоги
Спаси от лунной дорожки бегства
От мелового круга
От знака углём или мелом на доме моём
Не дай превратиться в краеугольный камень
В камень на камне
В осла кабана крокодила
Спаси от мёртвого зелья кипящего мне на погибель
От мёртвой зыби от мёртвой буквы от мёртвой хватки трупа
который хватает живого
От связанных рук за спиной когда бьют по лицу
А единственный луч света в тёмном царстве – прожектор в глаза
Спаси от мокрой тряпки во рту
От мокрой тряпки в моей шкуре
От реальности которая день за днём миг за мигом полосует меня
ножом смирения

Публика

Отцы убийц
меня называют убийцей своих детей

Те кто не верит
бросают мне упрёк в вероломстве

Любить не умеют
а над моей любовью глумятся

Двух слов связать не могут
а потешаются над лепетом заики

Блуждают во тьме а меня
слепят прожекторами

Бездушные
пекутся о душе моей

которой не видать спасенья

Обвинительное заключение

Как он уродлив этот человек
лицо обезображено Веки
съехали на глаза
словно обвисший занавес
в глотке – кляп крови

Его уродство –
подрывная сила
Ноги под ним подгибаются
на ровном месте

Ломаная линия рук его
дерзнула поднять руку
на высоту ваших прицелов и приветствий
Ничто не говорит в его пользу
За ним стоит
стенка

Он и сам в свою пользу не говорит
весь он словно немой
отказ от показаний

Досточтимое Человечество
Его пропотевшая рубаха –
знамя врага
Его тяжёлое дыхание
отравляет атмосферу
Его тоска – покушение
на безмятежность ближних

Само собой разумеется:
этот человек
упорствующий в уродстве
должен быть забыт
живущими в красоте

О чём идёт речь

О чём идёт речь да так речь о
том кто идёт от скрежета
двери к плесени
на стене четыре
шага туда четыре обратно речь о том
кто уже не идёт а стоит
руки над головой
левую ногу поднять опустить
правую нет
он никуда не идёт это просто чтобы ощупать
подошвы речь о том кто
сидит перед лампой слепяще яркой речь
об ослепшем на бездорожье следствия речь
о том кто от скрипа
царящей ночи до вскрика
дня лёжа пластом идёт по
забытым тропам шагом бессчётным
борясь со сном

Так о чём идёт речь это просто смешно он ведь даже
в школу со мной не ходил и с тобой
он не шёл в первой четвёрке
и выпить пива он ни со мной ни с тобой
никогда не ходил но
теперь он идёт от скрежета
в голове к воплю
немой одиночки день за днём туда
и обратно и пока
он есть этот узник слышишь мне тебе нам тоже
не видать свободы

Я видел сон

Я видел сон безлюдный

Не равнинный а как в гору камень

А с горы на меня колесо от телеги

Отскочил я бегу по склону Колесо
за мной по склону Я в гору А оно
всё за мной во сне разрежённом падаю
всё выше круто в гору И снова
без сил убегаю петляю А колесо
без усилий в гору тяжёлое но лёгкое
накатывалось сзади настигало

Я в сторону вниз Колесо за мной

И опять в гору и опять колесо за мной

В том безлюдном сне с колесом один на один

* * *

Ты это кто-то другой

Не ты в него входишь – Он в тебя

Твоя плоть становится словом
его Тепло твоё
сутью его Тень твоя
свидетельством его бытия
Твоя тяжесть
бремя для каждого Твоё слово
врата сквозь которые выйдут
и двинутся дальше другие Твой крик твой крест
это их дорога лестница посох

Ты существуешь значит – ты это они

Ты это они значит ты существуешь

Поговорили

Ты раскрываешься сказал он
так и есть

Не раскрывайся сказал
а то загрызут

Вот что тебе нужно
– панцирь

Выйди в панцире
Покажи на что способен

Всё что я умею сказал я
раскрываться
так и есть

Его зубы

Последний раз

Из того о чём мы не знаем
вот что больнее всего:
никогда не известно
вдруг
всё это в последний раз

Провожаешь на лестницу
включаешь свет
смотришь на спину уходящую вниз
а ведь
уже всё

Телефонный разговор
отложенная встреча
ладно говорит
созвонимся
и
больше ты не услышишь этого голоса

Рассеянно соприкоснувшись
вы разминулись
и тут же
как древний шифр
значение стёрто

Во сне

А ведь я был там в глубине
а ведь я был тем что было там
что было тем ведь я был

с тем и в том
в глубине во всём и это было
моим бытиём моим мной
моей глубиной так где ж это было

как это случилось
как это случилось

Посмотри ей в глаза*

– – – – – – – – – – – – –

подожди
сейчас я всё расскажу

я расскажу тебе всё
как только воскреснет
мой язык

– – – – – – – – – – – – –

Тихо
ничего не
я знаю
ты
только
ничего

но ты
а ты

– – – – – – – – – – – – –

я ухожу

я ухожу
от тебя
от себя
от наших мёртвых тел

я ухожу
ухожу

спа
си

* Парафраз поэмы “Твой ежедневный убийца”.

ме
ня

– – – – – – – – – – – – –

ты спишь

проснись
я не успел сказать
сейчас я всё расскажу послушай
ведь я только начал когда ты

но
ты

спишь

– – – – – – – – – – – – –

где ты

где ты

ведь это я вернулся
ведь я всё время помнил
здесь

ждёшь
ты

– – – – – – – – – – – – –

нигде
тебя

темно

где ты
где ты

– – – – – – – – – – – – –

бежим

поздно

бе
ж
им

– – – – – – – – – – – – –

поздно

посмотри

ей

в глаза

Эрнест Брылль

СКВОЗЬ БОЛЬ

Картинки на стекле*

[1]

Умирал разбойник, листья почернели,
Как от лютой стужи, затрещали ели.
Умирал разбойник, горы застонали,
По долинам белым реки повставали.
Атаман прощался с жизнью молодою...
Реки до истока вздыбились водою.
На бору медведю мёд уже не сладок,
Горько молодому в гроб тесовый падать.

Где, ты думал, свои кости положишь?

А под солнышком румяным, под Божьим,
На Гево́нте, на горе заночую,
Там под тучкой снова волю почую.

И улёгся он поспать над рекою,
Отдохнуть от воровства, от разбоя.
И улёгся он большою горою,
Чтоб на небо поглядеть на покое.

[2]

Смерть моя ты, смерть, эй, сон смертельно-смертный,
Мне была верней ты всех любовниц верных.

* Фрагменты.

Рядышком спала ты каждой ночкой тёмной,
Надо мной вставала ты зарёй огромной.
Что ж тебе я, смерти, дам за то в награду,
Что по всем дорогам ты шагала рядом?
Чем же, смертушка, тебя я уважу,
Чтоб навек меня взяла ты под стражу?

А уважь-ка ты меня своей силой,
Чтоб земля её вконец погасила.
А ещё уважь своими очами,
Чтоб они не полыхали ночами.
Перстенёчками уважь золотыми,
Чтоб тускнели под костями твоими.
Да и кованым уважь поясочком,
Чтоб истлел он под зелёным кусточком.
Ты уважь меня мертвеньем и тленьем,
Когда ляжешь под дубовым кореньем.

Как себя, тебя, родная, уважу,
Но мертветь перед тобою не стану.
Нет такой смертельной смерти на свете,
Чтоб меня поймала в мёртвые сети.
Не найдешь такой землицы под солнцем,
Чтоб засыпала мне очи до донца.
Низко смертушке своей поклонюся,
К ней в могилку ночевать завалюся.
Погулял я по горам ой как лихо,
Уж теперь-то мне в гробу будет тихо.
Мне сыра земля прошепчет на ушко
То, что сам, бывало, пел я подружкам.
Червь могильный мне напомнит, кем был я,
Как людишек государевых бил я.
Мне накапает по капле водица,
Как постреливал я важную птицу...

* * *

Жила-была страна – остался тёмный край
Жил человек – поди его узнай

Кто, что? – Да никого и ничего
Здесь некому встречать кого чего

Кого и что волнует кем и чем мы станем
О ком о чём мы вспомним вступая в смертный танец

* * *

В том ветру что рекою сгустился над нами
Мы услышали Божьего гнева дыханье

Не желая пропасть в этом грозном потоке
Как могли сколотили свои утлые лодки

Мы воск в руке Твоей вовеки Боже правь
Но выбрали и мы – и вот пустились вплавь...

* * *

Вроде огней изобилье
А тьма кругом как в могиле

И вроде нет нас вернее
А в доме всё холоднее

Вроде в нас море отваги
А дрожим как листы бумаги

Тянем друг к другу ладони
Я тону и ты тонешь

Вместе хрипим недужно
Дескать живём – не тужим

* * *

А может, нас на свете нету?
И только в день поминовенья
Мы в здравии заупокойном –
Среди гробов, могил и тленья.

Здесь хоть на миг, хоть для примера,
Пока свеча ещё мерцает,
Надежда есть, любовь и вера –
Всё, что отчизной называют...

* * *

Всё, что сломано, втоптано в землю
Вновь поднимется, выстрелит зелень

Мы очнемся в кровавых цветах
Чтобы птицы на тёплых ветвях
Песню пели о радостном чуде
Знать не зная, что мы не деревья, а люди

Всё ниже

Схожу всё ниже в тёмную долину
И радостно твержу псалом о том, что я не сгину
Что Он всегда со мной

А сам не слышу ничего
Не ощущаю
И точно камень в глубину ныряю

Сужается в зрачке луч света хилый
Я вижу только то, что вспомнить в силах
И твёрдо верю – заглушив сомненья...
Пусть я не чувствую Его прикосновенья
Шагов не слышу
Он меня ведёт
Хоть мне не присягал – меня не предаёт
Как предавал Его я сам, где только мог

Под небом солнечным
В краю прямых дорог

Тьма

После долгих и трудных упражнений
По древней методике «дзэн»
Можно создать в себе пустоту
Это не то
Что думают в Европе
Подбирая прилагательные:
Бездонная
Безмерная
Или хотя бы глубокая

Мудрость в том
Чтоб сузиться
Высохнуть
Сжаться

Быть
Пока не погаснет свеча

Пока из себя не вытеснишь
Даже
Ничто

Зову тебя зову

Сквозь тёмный лес и чёрный сад
Сквозь вечную тоску
Сквозь ложь, измену, грязь и смрад
Зову тебя зову

Ударь как гром и в каждый дом
Войди живым огнём
Сквозь жёлчь и кровь, сквозь мрак и дым
Проникни, свет звезды

Сквозь сон и бред, сквозь боль и страх
Сквозь смерть и хаос, тлен и прах
Слепое время гонит нас
Зову тебя в последний раз*

Колядка

Пусть наши мысли себя откроют
В звериной речи, хлебов покое
Плаче воды и пении камня
И короедов сухом рыданье

Пусть наконец голоса станут тише
Слова умолкнут а уши услышат
Очи увидят ветра над ветрами

И тишину обольют слезами

У дома есть душа

У дома есть душа. Она тиха
И мы с тобой её не понимаем

---

* Парафраз.

Закрыта дверь. Дом немотой обуреваем
Что шепчет – нам того не услыхать

И потому живём мы так бездомно
Мы не допущены сквозь истинную дверь
Дом защищается
Нам не узнать теперь

О чём скрипят полы и что хотят сберечь
На чём незыблемо стена утверждена

А может, истина и будет нам дана –
Как новая
Родная
Речь

Тадеуш Боровский

РАВНОДУШНЫЙ БЕРЕГ

В дневник

...а может дать судьбе грядущей
скатить меня как камень с гор
глядеть на мир как памятник бездушный
глядит глазами мёртвыми в упор

* * *

не стихи и не проза,
лишь верёвка да слёзы,
да земля в рыжих пятнах –
вот дорога обратно.

и не хлеб, и не водка,
гнев да окрик короткий,
да могилы кругом –
вот такая любовь.

и ни сна, и ни яви,
ни смеха в забаве,
ночь да горькая влага –
нож, верёвка, бумага.

Начало евангелия

В стальное время войн, когда
птиц и людей набат тревожил,

в разрушенные города
вступил Сын Божий.

Не меч, но мир он людям нёс,
во исполненье вещих книг.
А иудей в руинах мёрз,
над торжищем клубился крик,

тряслись весы, торгаш считал,
жандармы били, крал злодей,
кто бил, был рад, кто бит – кричал,
жрал, у кого водились деньги,

торчали девки у ворот,
солдатик пьяный шёл на фронт,
и трупная вползала вонь
в чадящих улиц сизый рот,

на радость воронам-ворюгам
дымила кровь из рваных жил.
Сын Божий, выбившись из сил,
шёл напрямик, чтоб срезать угол...

Жандарм ему: «Срезаешь, гнида?
Придётся штраф с тебя содрать!»
Сын Божий поглядел и выдал,
с тоскою плюнув: «Твою мать!»

Новогодние строки

День миновал. Ночь благовестья!
Клубятся лица и событья.
Я знаю только то, что есть я,
но кто я есть – хочу забыть я.

Не знаю я – откуда, что я,
и это тело мне – чужое.
По проводам гуляет ток,
бурлит кровавый родничок!

Смотрю в лицо я миру грубо:
проклятая судьба людская –
жить, молча стискивая зубы,
застыв, не чувствуя, не зная.

Глаза пылают жаждой крови,
хотят убийства эти морды.
Смотри! Рыгает крематорий –
как кровь фонтаном из аорты!

Минует ночь. Настанет день,
и тело снова всё забудет.
В березняке повиснет тень,
в газ-камеру набьются люди.

Чадящий ядовито жир
с больными лёгкими повздорит,
войду я в новый, лучший мир –
как в крематорий.

Проект флага

Довольно с нас цветов национальных!
Обыденных цветов хотим, реальных –
не напоказ, торжественных и редких.
Дадим знамёнам новые цвета:
отныне польский флаг да будет в клетку!
Решётке карцера под стать...

* * *

Чего я жду? Придёт рассвет,
ночь сменит новая картина,
и месяц, в серебро одет,
погаснет лампой Алладина.

Актёр последний – тяжкий сон –
в мою постель мослы уложит,
опять в меня проникнет он.
Чего я жду, о чём тревожусь?

Я поднял руки. Света круг
ночь осветил. Идти скорее!
Ночь затаилась в сгибах рук,
а ветер на дворе всё злее.

Шум водопада, стены, мост
к потоку чёрному стекают.

Земля чужая, ночь без звёзд,
я с вами навсегда прощаюсь.

Белеет небо. Мчит поток,
струясь в холодной млечной мгле,
меня уносит на восток –
чего мне ждать на той земле?

Пейзаж чужбины

Вот ночь, как океан. Шумит над нами
поток истории. А мы на дне морей
лежим в глухой пучине островами
безвестно сгинувших разбитых кораблей.

Штормит над нами. Пошатнулась суша,
как строй солдат. Нас не берут шторма.
Течениям морским не нужен
разрушенный корабль. Густеет тьма.

Стихия моря. Равнодушный берег
бинтует шторму лоб. Молчанье звёзд.
Затопленные корабли без вымпелов на реях.
Сплошной погост.

* * *

Мне за битвы орден – не впору,
за труды не хочу я платы,
пусть медали дают мародёрам,
а деньги – хлыщам богатым.

Не ищу в этом мире дома,
не ищу я себе Отчизны,
пусть мой дом отдадут другому,
а Отчизну возьмёт завистник.

Не ищу себе друга – поздно,
не нашёл семьи в мире тусклом,
пусть не льются собачьи слёзы
и не плачет девчонка Туська.

Горечь подлая меня по́ит,
гнев отчаянья душит за горло.

Вы должны мне лишь дар покоя
– покоя мёртвых.

* * *

Если ты умерла, помни:
я приду к тебе. Какое мне дело
до этих форм, что рекой,
отражённой в солнце, плывут, исчезают,
они – чужая улыбка, или боль,
или просто дерево, что легко
простёрло листья по ветру, или
мокрая земля в мертвящем,
зеленоватом блеске луны... Я слышу,
слышу – ты зовёшь меня, я чувствую – ветер
втекает в окно, словно ты
своей тонкой, нежной ладонью
коснулась лица моего,
прошептав моё имя...
Если ты умерла, знай: я приду.

* * *

Я знаю: вечен круг лишений –
в него, как в море, всё впадает.
Земля пройдёт, минует время,
всё, что любил и что создал я.

К чему искать в тоске напрасной
след на песке иных столетий?
Наш труд, и красота, и счастье –
всё пепел, брошенный на ветер.

Добудь же радости крупицу
и ложь от правды отсеки.
Жизнь искренне и просто длится –
в пожатье дружеской руки.

Анна Свирщинская

НЕБО ОПЛЁВАННЫХ

Десять ног

Когда я бегу,
я смеюсь ногами.

Когда я бегу,
я глотаю мир ногами.

Когда я бегу,
у меня десять ног
и все мои ноги
кричат.

Я существую только тогда,
когда бегу.

Четырнадцатилетняя санитарка думает, засыпая

Если бы все пули мира
попали в меня,
они бы уже не могли убить никого.

Если бы я могла умереть столько раз,
сколько людей на свете,
чтобы им – даже немцам –
уже никогда не пришлось умирать.

Только бы люди не знали,
что я умирала за них,
пусть им не будет больно.

Стремление к сути

У сути есть своя суть.
Я хочу дойти до сути этой сути.
У сути этой сути
тоже есть своя суть.
Я хочу дойти
до сути всякой сути.

Туда, где ось колеса,
где ядро ореха,
где центр равновесия,
где сама суть.

Я должна дойти до самой сути
рая сути,
неба сути,
сферического бога сути,
бога сути, круглого,
как пупок.

Смысл ищет смысла

Я смысл.
Я отражаюсь
в зеркале бессмыслицы.

Зеркало бессмыслицы
отражает меня
в зеркале новой бессмыслицы.

Я заблудился.
Дам объявление:
– Ищу смысла.
Подпись: Смысл.

Я в Своём Собственном Обществе

Бывает, я вижу яснее, чем всегда,
что я в Своём Собственном Обществе.
Это укрепляет мой дух
и придаёт мне сил
– как моему трёхмерному телу
собственная тень.

Бывает, я действительно вижу яснее, чем всегда,
что я в Своём Собственном Обществе.
Стоя на перекрёстке,
я хочу повернуть налево,
но думаю: а вдруг
Моё Собственное Общество
решит повернуть направо?

До сих пор такого не случалось,
но это ещё ни о чём не говорит.

Она боится

Её мужчина лежит рядом с ней.
Она боится,
что он её снова убьёт.

– Ты больше меня не убьёшь? –
спрашивает она.
– Не убью, – отвечает он.

Но она боится, что он её снова убьёт.
Она бежит к окну и бросается вниз.
Спасённая,
она лежит на мостовой.
Больше он её не убьёт.

В голубой пижаме

Я сплю в голубой пижаме,
справа спит мой ребёнок.
Я никогда не плакала,
я никогда не умру.

Я сплю в голубой пижаме,
слева спит мой мужчина.
Я никогда не билась головой об стенку,
я никогда не кричала от страха.

Какой широкий диван.
Сразу столько счастья
на одном диване.

Движение

Я выйду и войду
в пространство из пространства.

Я выйду и войду
из времени во время.

Я выйду и войду
в причину из причины.

Входя и выходя,
я не замечу,
что меня
уже
нет.

Я убью тебя

Ты пришел меня убить.
Но это я
убью тебя.

Они пришли смотреть,
как я умираю.
Но это я
убью тебя.

Я рождена
в чёрный день.
Но я убью тебя.

Со мной никого.
Я одна.
Я и одна
убью тебя.

Ты вырыл мне яму.
Но это я
убью тебя.

Никто из людей
не мог тебя убить.
Я первая
убью тебя.

Те, кому плюют в лицо

У тех, кому плюют в лицо,
своё небо
небо оплёванных.

Они попадают туда после смерти,
но иногда,
на мгновение
они могут и здесь попасть
в это небо.

Небо, где они
будут счастливы,
что у них нет лица,
в которое каждый может плюнуть.
Что их уже нет
так же точно,
как точно плевали им в лицо,
когда они были.

Ярослав Маркевич

ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ

Надгробие на реке

Я не был слеп, у меня было лицо.
Не знал я ни часа рожденья, ни часа смерти.
Были у меня отец и мать.
Я так и не разобрался, насколько
поддаётся передаче исторический опыт,
поэтому ты никогда не узнаешь,
как я жил.
И совершишь те же ошибки.
Для реки,
текущей сквозь тебя,
реки, где я воздвиг подвижное надгробье,
ты будешь пытаться найти русло вне себя самого.
И умрёшь –
если умрёшь –
от избытка пустых занятий.

Выход

Я открываю двери,
за ними – двери.
я открываю двери,
на меня, как баран на ворота,
смотрят двери,
в конце концов
я открываю ДВЕРИ,
которые держат ключ,
готовый меня открыть,

открываю и вижу:
за ними стою я,
не зная ничего,
с ребёнком на руках,
с неясной памятью о том,
как сам я был ребёнком,
я плачу,
и этот плач,
о котором я знаю столько,
что уже не могу заплакать,
– уносит меня

* * *

В центре города ночью лает собака
и никто не знает о чём
до самого утра я вслушивался в лай
и только на рассвете понял
что она смеётся

не знаю есть ли тут хоть какая-то связь
но когда я услышал смех
собака перестала лаять

* * *

Бумажный барабан
заговорил на крыше,
и всё стало ясно как день –
словно в день того дня,
когда дни ещё не жили
у меня в мозгу
и были свободны.

Сейчас же

Давайте сделаем всё, что осталось
сделать, чтобы не быть среди тех,
кто уже есть.
Те, кого нет, кто вырастет
из наших клеток,
кого мы выпустим из себя на свободу, –
не рассчитывают на нас,

никогда не рассчитывали и рассчитывать не будут.
Давайте подумаем, что надо сделать,
чтобы и нам оказаться среди тех, кто придёт.

* * *

С теми, кого ты понимаешь и кто
понимает тебя – тебе не нужны слова.
Вы понимаете друг друга, видя и слыша
то, что есть.
С людьми, которых ты любишь, ты выходишь далеко
за пределы всякого языка, за пределы мысли
и всего, что видно и слышно, –
и при этом в тебе нет тревоги,
Но если понимание – вне языка,
вне того, что видно и слышно, вне того, что есть, –
его можно лишь пережить
и нельзя передать.
Читая эти строки,
пойми:
от меня ты не берёшь ничего,
ты можешь взять всё от самого себя.
Всё дело в том, чтоб ты захотел это понять.

И всё-таки я хотел бы об этом сказать

Ты родился не в первый раз,
ты несомненно был и прежде.
Иначе с какой стати то, что есть, –
это то, что уже было.
Человек беззубый,
кто ты для молотка,
выбивающего зубы?
Те, кто идёт на смерть,
до последнего вздоха кричат:
да здравствует заступ,
который нам роет могилы!
То, что когда-то было понятно,
перестаёт быть разумным.
Пережди в себе эту минуту,
эту вечность.
Вслушайся в голос утра,
о котором не вспомнят
на страницах истории:

птица твоего кулака не поёт,
птица твоего кулака набита
опилками.
Есть и такие, кто говорит:
все мы боксёры, вот почему
набиты опилками
стиснутые птицы наших кулаков.
Как признаться в том,
что птицы наших кулаков
перестали петь
ещё до того, как их
набили опилками?

* * *

То, что рождается, рождается не из милости,
не возникает в изнурительных спорах,
в жизнь его выталкивает смерть,
и потому оно о себе ничего не знает,
а едва обретя сознание,
перестает быть тем, чем было.

И только память,
тучная, как епископ,
проходит, шелестя на ветру знаменем,
на котором – знаки тьмы.

* * *

Я начинаю,
а тут уже начато,
иду вперёд
и вижу, как
иду, идя,

и день, как океан,
впадает мне в глаза,
и вроде я никогда здесь не был,
но в колыханье волн
и гуле вод есть нечто,
знакомое мне так же хорошо,
как собственный карман,
в котором – пустота.

* * *

Одни скучают, другие – скучны.
Умрут и те и эти.
Вы, кто вечно живёт в них, должны
помнить об этом.

Одни умны, другие хотят быть умны.
Эти тоже умрут.
Вы, кто вечно живёт в них, должны
помнить об этом.

Одни умирают, другие вновь рождены.
У этих есть надежда.
Вы, кто вечен вне жизни и смерти, должны
помнить об этом.

Болеслав Лесьмян

В ТЕНИ ДРУГОГО САДА

Двое приговорённых

Я видел обречённых, стоявших между нами.
Был приговор объявлен, штыки примкнула стража,
В толпу смотрели оба незрячими глазами,
И каждый, как слепец, высматривал пропажу.
Один из них очнулся, прошедшее листая,
«С отцом бы повидаться», – чуть слышно прошептал он.
Второй угрюмо буркнул: «А я семьи не знаю!».
Хоть знал, да не хотел он... Так ему казалось.

Им чудилось: земля без них теперь пустая –
Ведь тело это безвозвратная потеря.
Им мнилось: пустота во весь их рост зияет,
Как клетка, из которой вдруг спугнули зверя.
Один из них, в бреду за тень свою цепляясь,
Молил: «Глоток воды...» – смятенно и устало.
Второй угрюмо буркнул: «А я вот не желаю!»
Желал, да не хотел он... Так ему казалось.

* * *

В дверях с тобою мы стоим,
А там, вдали, курится дым.
Порог той хаты – лишь порог,
Его шлифуют сотни ног –
Вдали, под солнцем лес угас,
В лесу уже не видно нас.

В руках ты держишь полный жбан,
И хлещет кровь из наших ран,
И только кровь, и только кровь,
И песня двух умолкших ртов –
Вдали, под солнцем лес угас,
В лесу уже не видно нас.

Незримые

Сонмы сущностей незримых – наши вечные соседи.
Духом кто и в ком пребудет? Первым кто кого заметит?

Среди нас они блуждают по ночам и на рассвете –
И не знают, что они за нас, а мы за них в ответе.

Ничего они о нас, а мы о них не знаем – будто
Наступил внезапный сумрак заповеданной минуты...

Я у берега на лодке – над речной глубéнью стылой –
Где вода себе приснилась – где отчизна и могила.

Лодку кто-то многоликий и качает, и колышет –
Я вокруг увидел зелень, тишину вокруг услышал...

А они толкают лодку, одурманены тревогой –
И хотят уплыть далёко, но не могут, нет, не могут...

Им под силу только бредить – мгла, как смерть, струится мимо,
Нет у них отважной мощи, что гребцу необходима.

Так пускай же дрогнет лодка, пусть толпа меня догонит,
Пусть незримые ладони задрожат в моей ладони...

Избушка

Скорбь о мире вспыхнет вишенной багровью,
Для тебя избушку с краю я построю.

Сверкунец-топорик натешет щепы мне,
Синий гвоздь загонит в омут сердцевине.

Солнцу ход открою, изничтожу сны я,
Пусть ползут по потолку мороки дневные.

Я порог сосновый пред тобой обрушу,
Горнице велю я светить тебе в душу.

Обтешу небытие так, что будет гладко,
Вырежу на нём узорную загадку.

Мир неуловимый мне в ладони ляжет –
Лиственые лики, корневые кряжи.

Я отдам твоим очам всякий лес и поле,
Подарю твоим устам мою вольну-волю!

На златой тарелочке волюшку без краю –
Будет мир крутиться, как я пожелаю!

Я тебе понравлюсь, гордый, злой и грозный,
Только бы во древе не вырубил гроб я!

Не пищать бы комаром – кем угодно, кроме!
Только б я от солнца до Бога не до́мер!

* * *

Здесь я – во тьме земли, но я – и там тоже,
В шуме звёзд, где не весь я скрыт во мгле божьей,
Где воздух, речью играя, дрёмой дрожит над губами,
А я ещё дальше где-то – за теми снами.
Бреду к себе отовсюду, везде себя ожидаю,
Сюда я – песней спешу, там – тишиной остываю,
И снюсь я себе – вне скорби – будто молитва снится,
Что хочет собой остаться, ибо не хочет сбыться.

* * *

Что я сделал? – как ты побледнела...
Что шепнул? – всё поняв, онемела
И глядишь на дорогу, тоскуя!
Но любить не могу, не могу я!
Вечер солнце сдувает к закату.
Твоих губ не узнать, а глаза-то...
С шумом, с шумом деревья над нами
Бьют ветвями, ветвями, ветвями!

Вот я – тот, кто идёт по долине
С ней, другой – Богу ведомой ныне,
А ты – следом за мною без веры,
В царство слёз, в чары глаз твоих серых,
Следом – зыбкою тенью блуждаешь –
Изнурённая, к боли глухая –
Пыль дороги метёшь перед нами
Волосами, волосами, волосами!

* * *

По столу веночек наугад пустила.
«Кто ухватит первый – тот мне будет милый!»

Крепко ухватил он – цветы аж скрутило.
«Ты откуда родом?» – «Родом? – из могилы!»

«Что вокруг творится? – мир угаснуть хочет!»
«Это я руками закрыл тебе очи...»

«Нет меня нигде, я никогда не буду!»
«Нет тебя нигде – но ты уже повсюду».

* * *

Пусто в доме. Мрак в прихожей.
И никто тут не поможет.
Снегом след запорошило.
Скорби снегом заснежило.

Надо только в снег поверить,
Снегом тем себя овеять –
Осенить себя той сенью,
Отзвучать беззвучной тенью.

* * *

Если б снова я тебя впервые повстречал,
Но в ином саду, в тени другого леса –
Может, лес тот по-иному б зазвучал,
Уходя туманом в поднебесье...

Может, зеленью иной зацвёл бы куст,
Дрожь ладоней ощутив впервые, –
Может, сорвались бы с глупых уст
И слова – какие-то иные...

Может, солнце в плен взяло бы нас,
Чтоб гореть нам духом в роз каскадах,
Если б вновь тебя я встретил первый раз,
Но в ином лесу, в тени другого сада...

* * *

Боже, в небе полный силы,
На кресте висишь бескрылый –
Где же был Ты, где скрывался,
Что со мной не повидался?

Знаю: в бед и горя бездне
Твоя воля не исчезнет!
Оба мы не знаем страха,
Или каждый – горстка праха?

Нет, душа моя не сгинет.
Лишь ответь мне, где Ты ныне –
Надо мной слезу роняешь
Или тоже исчезаешь?

Станислав Бараньчак

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Протокол

Отдавая себе отчет
в том, что моя вина, безусловно (*аплодисменты*),
доказана предыдущими ораторами, я хотел бы
заявить в свое оправдание, несмотря на то (*крики «браво!»*),
что такое вопиющее нарушение правил
не может быть (*аплодисменты*) оправдано,
что я, действительно, родился, но
не по собственной воле и не из корыстных побуждений;
этот поступок не давал мне покоя (*смех, крики «браво!»*) долгие
годы, тем не менее, как справедливо было
отмечено, я не сумел сделать
из (*аплодисменты*) этого соответствующих выводов
и пытался скрыть следы своего деяния, однако,
коренным (*ироническое шипение*) образом переосмыслив и критически
переоценив свою прежнюю
позицию, я хочу решительно
от неё отмежеваться и просить, чтобы
(*смех в зале*) мне дали ещё
одну возможность (*аплодисменты,
переходящие в овации*).

Вы тут не стояли

Вы тут не стояли, обращаю ваше внимание
на то, что вы за нас никогда горой
не стояли, на наших позициях вы
не стояли тоже, не говоря уж о том, что у нас во главе

вы не стояли вообще никогда, короче, гражданин, вас тут не стояло,
и мы настаиваем на том, чтоб вы перестали упрямо стоять
на своём и на нашей земле, а уж она-то перед вами
устоит, вам-то что,
вы и так стоите на краю
братской могилы, это конец,
так стоит ли стоять на месте, не ставьте себя выше других, встаньте
наконец в конец очереди, в конце концов
найдется какое-нибудь место и для вас

Простите кто последний

Простите, кто последний, тот
конечно, хуже, кто первый,
тот лучше, согласен, но всё равно
последние станут первыми,
если только отстоят своё
без ругани и давки,
тогда уж никто не обзовёт их последними,
так что прошу прощенья, однако
как бы там ни было, всё, что нам остаётся –
защищаться до последнего, чтоб не
лишиться этой последней
надежды,
которая у нас ещё осталась.

Плакат

С головой
слегка приподнятой, с чистым взором, устремлённым
в будущее, которое (как всем
известно)
всегда ступенькой выше на эскалаторе прогресса;
свет будущего режет только близорукие
налитые кровью глаза
за стёклами очков (сами виноваты,
нечего столько читать по ночам, ночь
дана затем, чтобы спать);

с головой слегка приподнятой, а значит,
мы его видим снизу, этот торс,
могучий,
хоть и подрезанный нижним краем листа;
разумными ногами шагая только вперёд, он на целую
голову (к тому же слегка приподнятую) выше

среднего уровня толпы;
в перспективе заметно прежде всего
плановое развитие подбородка – он достигает ширины
свиного окорока (челюсти
даны затем, чтобы есть), лоб
пропорционально сужен, основание черепа 23 дюйма
в периметре, легко умещается в стандартную
каску;

с выражением лица
осмысленным,
но оптимистическим:
голова дана затем, чтобы думать, тут ведь
головой работать надо, господа, головой,
слегка приподнятой.

За дальнейший успешный

За дальнейший успешный разбой, чтоб
храбро валить валом вперёд (все
вопросы потом), не спотыкаясь на взрывных
согласных мостовой, чтоб никто
не успел настроить из них лозунгов и баррикад,
тормозящих поступательное
движение,
жизненно важное и правильно понятое, чтоб дело
шло, чтобы
наши уста без устали изрыгали безусловный
рёв поддержки, говорите: зубы
мешают? ну так выбить
их себе из головы, вырвать с корнем
язык, пусть не будет препятствий, пусть развевается
пропорционально скроенный вымпел
воя, так, и только так будет
успешным разбой на нашем широком пути

Прикуси язык

Не выплёвывай сразу всё, что мозги на язык
плеснут; прежде чем открыть рот,
сглотни эти горькие слюни, прежде чем что-то сболтнуть,
трижды подумай: а) прочно ли ты сидишь, б) все ли сидят
где хотят, в) как насчёт тех,
кто посажен; когда схлопочешь по морде кулаком
массовой песни, прикуси язык,

так, сильнее, крепче, челюсти не разжимать,
зубы стиснуть, не бойся, конечно,
язык распухнет, но с пользой для тебя, уж теперь-то
ты не трепнёшь ни словечка, а
значит, в два счета получишь пожизненное
освобождение от правды; если ощутишь
во рту солёный вкус, не переживай: эти красные
чернила гнева у тебя и так язык не повернётся сплюнуть

Не умещается в голове

Даже самая крохотная пуля прошивает навылет
всякое о ней представление, даже самая короткая
колючая проволока может больше огородить,
чем она объять, это
не умещается в гробу, этот глобус, это не умещается
в глобусе, этот голод
свободы,
которая нам ежедневно приходит в голову,
но не находит в ней места и которую ежедневно
мы задаём себе сами,
как сочинение на дом, но,
на наше счастье, она
не умещается в слове

Посмотрим правде в глаза

Посмотрим правде в глаза: в отрешённые
глаза задетого локтем прохожего
с поднятым воротником; вытаращенные
глаза, воздетые к расписанию
дальних поездов; близорукие
глаза, ослеплённые газетным петитом;
в опухшие глаза, едва промытые
спросонья, в заплаканные глаза, с которых днём второпях
вытирают непослушные слёзы, в глаза, поспешно
прикрытые монетами, – смерть строптива
и ох как резво загоняет нас в тупик
глазных впадин; мы должны до конца
отдать себя этим взглядам, чтоб оказаться на уровне
глаз, как надпись мелом на стене, давайте рискнём посмотреть
правде в её мутные глаза, которых она с нас не спускает, –
глаза эти всюду: они устремлены в асфальт под ногами,
вперены в тучу, уставлены в афишу;
и если даже никогда прежде у нас не подгибались

ноги, одно только это способно бросить нас
на колени.

Восстановление порядка* [1]

По непроверенным данным, к которым следует относиться
с осторожностью, по непроверенным данным,
которые поступили с опозданием, вызванным
неблагоприятными атмосферными условиями. По не-
проверенным данным, кое-кто зашёл слишком далеко,
жадно хватая ртом воздух, утратил чувство
реальности, отказавшись принимать пинки как должное.
Диалог кастета с челюстью сорван по вине последней.
По непроверенным данным, нет ничего удивительного.
А именно: нет ничего удивительного в решительной реакции.
Реакции, вызванной волей к восстановлению порядка –
заботой о том, чтоб каждый знал своё место.

Определённая эпоха

Мы живем в определённую (*покашливание*) эпоху, и в этом
необходимо, сомненно, себе отдавать со всей ясностью.
Отчет. Мы живем в (*бульканье
графина*) определённую, сомненно,
эпоху, в эпоху
непрестанных усилий во имя, в
эпоху нарастающих и обостряющихся и
так далее (*хлюпанье носом*), сомненно. Конфликтов.
Мы живем в определённую э (*звяканье отставляемого
стакана*) поху, и я бы подчеркнул,
что на этой, сомненно, основе будут
начертаны перспективы и вычеркнуты
мнения, которые недостаточно подчёркивают, а также,
сомненно, перечёркнуты расчёты
(*покашливание*) тех, которые. У кого есть вопросы? Не вижу.
А поскольку не вижу, вижу, что выражу,
выразив в заключение убеждение в том, что
мы живем в определённую эпоху, именно такова,
сомненно, правда,
и другой правды нет.

* Фрагмент.

Збигнев Херберт

КОМНАТА СМЕХА

Камень

Камень совершенен

он полон неизменным каменным смыслом
всегда равен себе и во всём знает меру

его не бросает ни в жар ни в холод

всё в нём правильно и надежно
ни тревоги ни памяти ни желаний

тяжёлым укором его благородное тело
лежит на моей ладони
наливаясь притворным теплом

– От камней нет спасенья
они до конца
будут смотреть на нас не мигая
светло и спокойно

Допрос ангела

Он предстаёт перед ними
в тени подозрений
пока ещё весь
из материи света

эоны волос его
вьются локонами невинности

но после первого же вопроса
щёки наливаются кровью

кровь бежит резвее
подгоняемая орудиями дознания
сталью плетьми
и медленным огнём
чётко очерчены границы
плоти

удар в спину
фиксирует позвоночник
между хлябью и твердью

две-три ночи
и дело сделано
кожистое ангельское горло
наполнилось липким смирением

прекрасен миг
когда он падает на колени
воплощенье вины
апофеоз высшего смысла

язык болтается
между признанием
и выбитыми зубами

ангел подвешен вниз головой

с волос его
капает воск
сливаясь на полу в пророчество
проще которого нет

Пан Когито о том, что значит не сгибаться

1

Граждане Утики
не желают защищаться

в городе эпидемия
инстинкта самосохранения

на месте храма свободы
блошиный рынок

сенат дебатирует вопрос
как ему не быть сенатом

граждане
не желают защищаться
проходят ускоренный курс
коленопреклонения

безропотно ждут врага
сочиняют верноподданнические речи
закапывают золото

шьют новые
девственно белые флаги
обучают детей лжи

граждане сами открыли ворота
в которые входит
колонна праха

а в остальном всё как обычно
спекуляция и копуляция

2

Пан Когито
хочет быть
на высоте положения

то есть
взглянуть судьбе
в глаза
словно младший Катон
(смотри «Жизнеописания»)

однако у него нет
ни меча
ни возможности
отправить семью зá море

поэтому он ждёт как все
бродит ночами по бессонной комнате

вопреки советам стоиков
он был бы не прочь иметь алмазный торс
и крылья

он видит в окно
закат
солнца Республики

осталось ему немного
собственно
только выбрать позу
в которой он предпочтёт умереть

выбрать последний жест
последнее слово

он не ложится
спать
чтоб избежать
удушенья во сне

Пан Когито до конца хочет быть
на высоте положения

судьба ему смотрит прямо в глаза
туда где
была его голова

Внутренний голос

Внутренний голос
ничего не посоветует
ни от чего не предостережёт

не скажет ни да ни нет

он едва слышен
почти невнятен

даже если согнуться пополам
до слуха дойдут лишь отдельные
бессмысленные слоги

я стараюсь его не глушить
обходиться с ним по-хорошему

делаю вид что отношусь к нему как к равному
что он мне очень нужен

иной раз даже
пробую с ним разговаривать

– знаешь а я вчера отрёкся
раньше я никогда так не делал
я больше не буду

– глю-глю

– так ты полагаешь
я правильно поступил

– га-го-ги

– я рад что мы нашли общий язык

– ма-а

– ну ладно отдохни
завтра поговорим

мне-то он ни к чему
я легко мог бы о нём забыть

но нечего и мечтать
только вот грустно немного
когда он так лежит
едва прикрытый жалостью
тяжко дыша
разинув рот
силясь приподнять
упавшую голову

Комната смеха

Качели, карусели, чёртовы колеса – всё это забавы для людей обыкновенных. Тонкие натуры, рефлексирующие умы предпочитают комнату смеха. Её сокровенная и возвышенная цель – подготовить нас к самому худшему. В её зеркалах мы видим своё тело то снятым с креста, то изломанным на колесе – бесформенным мешком с костями.

Не забывайте о комнате смеха. Чаще ходите в комнату смеха. Это прихожая жизни, преддверие пытки.

Что я видел

Я видел как пророки скребли накладные бороды
а шарлатаны вступали в секту самоистязателей
я видел как палачи рядясь в овечьи шкуры
скрывались от народного гнева
наигрывая на флейте

я видел видел

видел человека которого ещё недавно пытали
теперь он был в безопасности сидел в кругу семьи
рассказывал анекдоты ел суп
я смотрел ему в рот
и видел дёсны – веточки терновника с ободранной корой
это было невероятно бесстыдно
я видел всю его наготу
всё унижение

потом
торжественная церемония
полный зал народа цветы
духота
кто-то занудно вещал об ошибках и извращениях
а я думал о его извращённых дёснах

последний ли это акт
плоской как саван
пьесы Анонима
полной сдавленных рыданий
и хихиканья тех
кто облегченно вздохнув
– опять удалось! –
и переждав уборку мёртвого реквизита
медленно поднимает
залитый кровью занавес

На верхней ступеньке

Разумеется
те кто стоит на верхней ступеньке лестницы
они знают
знают всё

другое дело мы
подметалы площадей
заложники лучшего будущего
которым эти сверху
показываются редко
всегда прижимая палец к губам

мы терпеливы
наши жёны стирают будничные рубахи
мы судачим о том о сём о снабжении об интересах страны
о футболе о ценах на обувь
а по субботам запрокинув головы
пьём

мы не из тех
кто сжав кулаки
потрясает цепями
сотрясает воздух требует к ответу
призывает к бунту
а эти всё кипятятся
кричат ищут виноватых

вот их байки
«прорвёмся к лестнице
возьмём её штурмом
пусть головы тех кто стоял наверху
покатятся вниз
и тогда наконец мы увидим всё
что видели они со своей высоты –
какое будущее
какую пустоту»

что же касается нас мы вовсе не жаждем вида
отрубленных голов
нам хорошо известно как легко отрастают головы
наверху
всегда остаются один или трое
внизу всегда черно от мётел и лопат

иногда мы мечтаем
о том как эти сверху
сами снизойдут до нас
жующих свой хлеб над газетой
и изрекут

– поговорим
как люди с людьми

всё это неправда то о чём кричат плакаты
правду мы носим в сжатых губах
слишком уж она тяжела и горька
и потому мы несём её сами
счастьем это не назовёшь
мы бы охотно остались здесь среди вас

конечно это только мечты
они могут исполниться
а могут и нет
а пока что
мы будем возделывать
свой квадрат земли
свой квадрат камня

с лёгким сердцем
с цигаркой за ухом
без единой капли надежды в сердце

Седьмой ангел

Седьмой ангел
совсем не такой
даже зовут его по-другому
Шемкель

это не Гавриил
золотистый
опора престола
и балдахин

и не
Азраил
водитель планет
геометр бесконечности
совершенный знаток теоретической физики

Шемкель
чёрный и нервный
не раз был наказан
за контрабанду грешников

меж бездной
и небом
не стихает его топот

он ничуть не ценит своё звание
в сонме ангелов его держат
только ради числа семь

но он не такой как другие

не то что Михаил
гетман рати небесной
весь в чешуе и султанах огня

и не то что Азрафаил
декоратор мира
покровитель буйной растительности
чьи крылья аки дубы шумящие

даже не то что
Дедраил
апологет и каббалист

Шемкель Шемкель
– ропщут ангелы
отчего ты так несовершенен

византийские живописцы
когда пишут всю семерку
изображают Шемкеля
похожим на остальных

ибо полагают
что впали бы в ересь
если б написали его
таким каков он есть –
чёрный нервный
в старом линялом нимбе

Пан Когито и движение мыслей

Мысли не идут из головы
гласит разговорное выражение

разговорное выражение
переоценивает подвижность мыслей

мысли по большей части
неподвижно стоят

на фоне скучного пейзажа
серых кочек
засохших деревьев

иной раз добравшись
до бурной реки чужих мыслей
они застывают на берегу
на одной ноге
как голодные цапли

печально
вспоминают иссякший источник

бродят по замкнутому кругу
в поисках зёрен

они никуда не идут
потому что им не дойти
не идут
потому что некуда

сидят на камне
заломив руки

под мрачным
низким
небом
черепа

Пришло в голову

Однажды
зимним утром
это пришло пану Когито в голову
встало
посреди головы
и ни с места
ни вправо
ни влево

это было большое
оно сопело
пахло почтальоном
и убогой тайной

Если бы пан Когито
хоть знал
зачем оно пришло

но контакта
не было
пан Когито не смел спросить
«извините в чём дело»

его сводила с ума
безмолвная неподвижность

и тянулось это
невыносимо долго

нелепая ситуация
более того унизительная
ведь чем дольше это торчало
посреди головы
тем глубже была метаморфоза
из чужака –
в гостя
– квартиранта
– совладельца
головы

это было
и было
и снова было
жёсткое
стервозное

к счастью
пан Когито
заболел воспалением лёгких
жар вызвал пожар
голова выгорела дотла
а заодно с ней и всё то
что однажды зимним утром
застыло
посреди головы

теперь
пан Когито
осторожен

он методично
проверяет
окна
двери
замки
задвижки

даже печные трубы
даже плоды воображения

Станислав Ежи Лец

НАБРОСОК НЕБЫТИЯ

Тишина

слово
слово
и снова слово

и тишина
всё злей и тише

она головой качает сурово
слышишь?

тишина играет на нервах вещей
временем как смычком

тянет верхнее
ДО всё наглей

мы криком
её
взорвём!

* * *

В сердце моё
верили только те,
кто утверждал: его нет.

Они всегда попадали в цель,
метя сзади
под левую лопатку.

Те, кто его преследовал

А те, кто его преследовал,
хвалились потом
не без повода:
«Мы следовали
за ним!»

Кто выкинул

Кто выкинул
белый флаг,
забывает:
его могут залить кровью –
и тогда
будут вправе
не считаться
с условным знаком
капитуляции.

Кто рыл себе могилу

Кто рыл себе могилу,
смотрит на труд могильщика
всерьёз,
но без педантизма:
ведь тот
роет яму
не для себя.

Я видел

Я видел
на древе
зла и добра
повешенных,
чьи конвульсии
не говорили о принадлежности
ни к одной из двух категорий.

Древо выкорчевали,
дабы всех убедить,
будто его и не было.
Однако повешенные
по-прежнему болтались
в воздухе.

Даже перед самим собой

Нельзя писать
из одного презренья.
К.Тухольский

Даже перед самим собой
делай вид,
будто ненавидишь
тех,
кого презираешь, –
это тебя возвысит
в собственных глазах
ровно настолько,
насколько
роняет тебя
то, что ты их ненавидишь,
вместо того чтобы презирать.
Так возникает
иллюзия
незыблемости
принципов.

Я видел набросок Небытия

Я видел набросок Небытия.
Он был проработан
до тончайших деталей,
конкретен,
точен.
Глазницы
Небытия
реалистически зияли,
его было видно
как на ладони –
протянутой
к нам.

Больше всего воды

Больше всего воды выпито
из отравленных колодцев.
Откуда надежда,
что её хватит на всех
там, где можно честно
прибить табличку:
«Чистая питьевая вода»?

* * *

Меня хоронили уже не раз.
На похоронах никого не было,
только судья, палач и могильщик.
Я не забуду, что они
помнили обо мне.
Ведь остальным
было всё равно.
И только где-то вдали
тихо плакал чей-то голос.
Всегда иной – всегда тот же самый.

Ярослав Марек Рымкевич

БЕЛАЯ СТРАНИЦА

Я хотел чтобы это было

Я хотел чтобы это было но было бы как из камня
Чтоб у этого не было имени но имя где-то мелькало

И могло это быть не моё или моё не знаю
Потому что где я стою там и есть она – ось земная

Я хотел бы чтоб было для мёртвых и для живых одинаково
Как песня мёртвого горла голосом хрипловатым

И было бы это всё ничьё а может и чьё-то
Пусть кто-то для мира умер но под землёй живёт он

Там где меня положат – и будет она ось земная
Песня одна у мёртвых и ни к чему слова ей

Пусть кто-то для мира умер – он из-под дёрна свищет
А все живые как урны для праха на том кладбище

Я хотел чтобы это было словно камень надгробный
А без этого лечь в могилу – как-то и неудобно

* * *

Косточки мои рассыпаны
Голова моя разомкнута
Это правая рука моя
Это левая ох ломкая

Нет меня в ушах и в лёгких
В горле том я не бываю
Вот потерянные пальцы
Чашка черепа пустая

Вот язык но он чужой мне
Тот язык о чём он просит
Вот стихи да кто их пишет
Кто читая тело носит

Всё чужое только чьё же
Рот не мой и гла́за оба
Я в самом себе как Лазарь
На краю пустого гроба

Кто меня узлом завяжет
Всё чем был я разлетелось
Кто к костям прибавит слово
А к словам прибавит тело

Стихи на слова Гераклита «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку»

Инеем язык мой станет
Прах бесследно в землю канет

Кость моя как лёд крошится
Где душа тебе укрыться

Словно снег душа растает
Тело душу не узнает

Из чего себя мне сделать
Талым снегом льётся тело

И цедя за каплей каплю
Я не знаю где иссякну

На какой такой чужбине
Плоть моя безвестно сгинет

Где я там зароюсь в глину
Сам себя навек покину

А что же дрозд II

А что же дрозд А это то
Что имени не знает но

Смотри он есть и нет его
О золотое ничего

Свистал он тут а свищет там
Ах что за дрозд узнать бы нам

Златая тень златая мгла
Он дрозд но как его дела

Откуда дрозд и что он за
Какие у него глаза

О ключ златой а где же дверь
Нам снится мир О скрип о трель

О будь о стань А кем каким
Там в кроне дрозд как лёгкий дым

Гортань златая Чья гортань
В гортани дрозд о стань же стань

А чья та трель в гортани дым
Коль это дрозд так будь же им

Но дрозд ли он иль только знак
В нём смысла нет один сквозняк

И это дрозд и это то
Что быть дроздом не может но

* * *

Спроси об этом мёртвых покуда ты им важен
Спроси об этом мёртвых они тебе расскажут

Спроси об этом мёртвых покуда им не спится
Пока водою плещут в холодные глазницы

Пока ещё газета лишает их покоя
Спроси об этом мёртвых пока ты не чужой им

Пока твою бутылку по рюмкам разливают
Спроси об этом мёртвых покуда понимают

Пока вы вместе за столом ещё не всё допили
Спроси об этом мёртвых покуда не забыли

Покуда за тебя они твои поэмы пишут
Спроси об этом мёртвых пока тебя услышат

Спроси об этом мёртвых когда нагрянут ночью
Спроси об этом мёртвых о чём и знать не хочешь

Позади полвека

Пересылки лагеря бараки снег
Не остановить смертельный бег

Боги белые там за полярным кругом
На снегу нагие наши трупы

Птицы чёрные в пустыне ледяной
Над античной мёрзлой белизной

Проволокой скручены этапы
Сердце на снегу горит как лампа

Позади полвека лёд не тает
И никто про наши муки не узнает

Всё прошло но этому нет срока
Кровь Собачий лай Конвой Дорога

Из-под снега тенью Аполлона
Торс без сердца Мимо эшелоны

По тайге – и торс бескровный бледный
След таёжный заметает снегом

Нашу жизнь как лагерь под Нарымом
Время затянуло белым дымом

Стихи на торжественный акт по случаю 38-й годовщины договора о взаимопомощи и дружбе

По вагонам – как скот – насильно
Исполать тебе мать Россия

Твоим детям мы – братья поляки
И для нас вот эти бараки

Там над Обью над Енисеем
Лютый ветер наш прах развеет

Все там будем конец приходит
Глупым польским снам о свободе

Счастлив тот кто найдёт покой
В мёрзлом грунте под красной звездой

Ох наплачутся те кто выжил
Коль свинец им очей не выел

А сердца́ не выжгло ураном
Кто нас ждал – забудут устанут

Эти нары да этот барак
Вот твоя отчизна поляк

Зимние похороны на кладбище в Болимове

За гробом её шагали невидимые коты
Приходские и уличные драные хвосты

Снежок порошил на могилы вяло без суеты
Шествовали незримые мёртвые коты

Шли Блохастый Желток и бешеный Янычар
Свисала с его хребта дырявая епанча

Кот храмовой экономки а рядом кот поэта
Аромат источали невидимые котлеты

Кот в сапогах кот Фрайер вышагивал в жёлтой шляпе
Облезлый и Полухвостый Безухий и Криволапик

Несли кто кастрюлю с кашей кто стирку да прочую малость
Кто умирает не знает – что от него осталось

Едва живой кот Нацист и резвый кот гончара
Кто умирает не знает – чем же он был вчера

Кто умирает не знает – он ли угоден Богу
Кот Сукин Сын нагадил у моего порога

Кот В Мешке Убиенный котяра Иди Ты На
Следом несли незримые папские ордена

Брёл старый кот Элиота эдак его и растак
А сзади – всем же охота – плелась половина кота

Белый кот Полудурок кореш нашей Мурыли...
Тут у нас всякий не прочь чтоб так его схоронили

Сад в Милянувеке – поэзия берёз и кошек

Мои стихи писали кошки –
Куплеты оды тарантеллы
Пошире были их окошки
А мне и так хватало дела

Они писали что хотели
Я умирал – но очень скромно
Берёзы вербы им шумели
Теперь они бегут из дома

Дом опустел в подвале пусто
Зияют чёрные пустоты
Задрапированный искусно
По лестнице крадётся кто-то

Рассказ мой кончен – ну и всё тут
А кошки пляшут перед домом
Чарльстоны танго и фокстроты
А я – я умер очень скромно

Мои стихи немного значат
Но что имеет тут значенье
По мне берёзы кошки плачут
А в доме поселились тени

Страница

Вы тогда меня прочтёте
Когда веки мне прикроют
И вслепую и наощупь
Я в минувшее зароюсь

Вы мои прочтёте локти
Череп рёбра селезёнку
Текст моей ушедшей жизни
Весь расплылся весь исчёркан

И поставит Бог на полку
Две ключицы два колена
Только белая страница
Та которая нетленна

Только чистая страница
Та что вырвана из книги
Кто прочесть её решится
Вот уж верно удивится

Эдвард Стахура

ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ

Роза

Ночью в саду королём соломенный сноп
невеста его чудесна
божией милостью он её защищать

а меня так давно так никто так уже
так не защищать

а что я фанера или пантера
что меня так никто так давно так уже так
не защищать

или теперь уже ничего не поделать
только вот так от всего каждый день тайком
себя защищать

ночью в саду королём соломенный сноп
невеста его чудесна
а может завтра чудесно
божией милостью он меня защищать

* * *

Шкуры твои изнутри отмыты
шкуры мои изнутри отмыты

хотя всё те же ветра нас с тобой обнимают
хотя всё те же ветра нас с тобой разрезают

что мы друг другу дать

Кто из псов твоих не покинет хозяина
кто из псов моих не покинет хозяйку

хотя всё по тем же снегам несётся упряжка
всё по тем же снегам прекрасная наша упряжка

что мы друг другу дать

Какие твои чертоги моё спасенье и сон
какие мои чертоги твоё спасенье и сон

хотя всё то же синее небо над хвоей
хотя всё то же синее небо над нами

Пусть саранча ворвётся в сад*

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

мне не забыть минуты
когда я понял пару пустяков

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

много воды утекло
до полудня
много воды утекло
пополудни
много воды утекло

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

что не выходит у меня из головы
что не выходит у меня из головы

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

время события вещи
время события вещи
зачем нам этот прах

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

мне всё равно
от чьей руки погибнуть

* Краткое переложение.

мне всё равно
в какой затянет омут
мне всё равно
какой циклоп раздавит

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

я вижу всё яснее
вижу что на бегу
уже не остановиться
уже не остановиться
придётся бежать до конца

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

хорошо или плохо
ничто никогда
мне не было
так безразлично

– –

слова никогда ещё не были
ближе к сути

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

пусть саранча ворвётся в сад

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

я тону и опять выплываю
и выплывая тону
и утонув выплываю

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

о башня из кости
о арка из кости
о дверца из кости
о роза из кости

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

и выплывая тону
и утонув выплываю
и утонув выплываю
и выплывая тону

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

сейчас я буду пить
не день и не два буду пить

– – – – – – – – – – – – – – – – – –

лей

Иисус Навин
всегда кончал то что начал

ладно

но я сейчас буду
пить
– – – – – – – – – – – – – – – – – – –
лей

я не окончил то что начал
ладно
лей

я не окончил то что начал
потому что не
окончил

лей

я вижу
надо мной
– – – – – – – – – – – – – – – – – – –
налей ещё
– – – – – – – – – – – – – – – – – – –
а за ней

налей ещё

а за ней

Мёртвое море

Ты была бы если бы было так
но ты из эмали и сажа вокруг
ты из эмали и сажа вокруг
ты мне уже почти не видна
прозрачная ты моя

и что теперь все мои таланты
потеряны руки и кораблей уже нет
и что теперь все мои бриллианты
пепел под сажей откуда этот снег

Ты есть если бы было не так
ты была бы здесь и вокруг была бы

Обращаюсь к тебе*

– – – – – – – – – – – – – – – – – – –

я обращаюсь к тебе – кто я кто ты
я хотел бы ещё раз очень кто мы
сказать

я ли личинка или ты вишня
или ты это или я вишня
или я лампа или ты вечна

или я вишня или ты вишня

– – – – – – – – – – – – – – – – – – –

я обращаюсь к тебе – пока жив
я хотел бы ещё раз очень с этого света
сказать

не настала пора

слепая фортуна
меня бережёт как зеницу ока

Ночь,
или Ожидание завтрака

Роза-боже ты склонись
ты ко мне нагнись
и на ухо как серьга роза-боже

Моё ухо кувшин
никому оттуда пить лишь тебе
серьга как ручка у кувшина

На молитву ты зовёшь меня зовёшь
словно нож
блеснул под сердцем

* Фрагменты.

Уберечься от тебя ну что за бред
даже лев давно сгорел бы
вместо гривы пепла лес

Роза-боже ты склонись
ты ко мне во мне нагнись

Брызнет солнце и мы вместе с ним

Где бы ты ни был

Где бы ты ни был,
Выйди из дома.
И на дороге
Услышишь голос:
Это я.

Где бы ты ни был,
Когда тебя нет,
Там нет меня.
И только бред,
Только пустыня.

Где бы ты ни был,
Когда меня нет,
Там нет тебя.
И только бред,
Только пустыня.

Где бы ты ни был,
Ты со мной.
За тишиной
Нашу песню слышно.

Мы два яблока
На одной
Вишне.

* * *

Я прошёл сквозь ночь и никто меня не встречает
никто мне не скажет привет войди и останься
на завтрак останься на ужин и пусть
сон овладеет тобою в полдень

Я прошёл сквозь ночь и никто меня не встречает
а ведь было так трудно найти отыскать разыскать
эти врата бессмертные потерянные врата

Я прошел сквозь ночь и никто меня не спросит
никто не спросит – как ты дошёл
как ты дошёл сквозь чёрную чащу

Я прошёл сквозь ночь говорю я устал
не помог мне ни фавн ни ангел-хранитель
ни самый маленький светлячок

Впереди себя*

то вверх то вниз
то вниз то вверх
то сверху вниз
то снизу вверх

я шёл впереди себя

я на коне
но всё в огне
всё изменилось
как во сне
и ослепило
и смело
и нет меня
мне повезло

я шёл впереди себя

а надо мной
мой день иной
ведь это ты
опять со мной
и только ты
живой мой ты
и снова ты
и вечно ты

я шёл впереди себя

* Парафраз.

Письмо Тем, Кто Остался*

Я умираю
за то, чего нет
за новый день
за реальный призрак, за точку над игреком.
В поте лица
умираю
за горе своё и чужое
за потерянный ключ
за искорку веры.

Всё это похоже на сон
всё это похоже на ложь
и нет ничего
кроме тоски.
Не трогай меня
я не могу любить.
Я уже не от мира сего
а может, и не был от мира сего.
От меня здесь нет следа
и нет для меня спасенья.

Я не считаю, что меня обманули.
Это дало бы мне силы жить
но я не считаю, что меня обманули.
Кто может жить в этом мире –
пусть живёт
а когда придёт время
пусть смерть его будет лёгкой.

Я иду к тебе, Отец
чтоб обрести покой, который я заслужил
заслужил, как мне кажется
хотя бы тем, что безумие не миновало меня
хотя бы тем, что мне страшно и больно.

Я покидаю жизнь
потому что я был вначале.
Отец призывает меня
я не вижу смерти.

* Краткое переложение.

Лешек Александр Мочульский

НА КОНЧИКЕ СЕКУНДНОЙ СТРЕЛКИ

Хоровод

Кто на дорогу вышел
кто первый цель наметил
кто в нас врагов увидел
кто как друзей нас встретил

Кто все свои заслуги
и скарб ни в грош не ставил
а кто придумал первым
границы и заставы

Кто вычертил план боя
бессонной ночью долгой
кто первый стал героем
а кто пропал без толку

Кто первый стал холопом
кто первый господином
кто вволю спал и лопал
а кто с утра гнул спину

Заглядевшись немо
в облака и небо
в хороводе го́ря
в круговерти бега
сам себе не веря
всяк себе неведом
где найти ответы
на все наши беды

Кто первый был факиром
кто первый астролóгом
тираном и кумиром
А кто хотел стать богом

На Землю глядя с Веги
какой мудрец рассудит
кто был здесь человеком
кто человеком будет

Из первых важнейших открытий

Поначалу
не было заместителей.
Не было отговорок.
Не шили белых перчаток,
которые объясняли всё.
Ещё не придумали пустопорожних понятий
и слов без значений.
Тогда ещё не было
никаких достойных занятий.

Не было отличий
между теми, у кого стальные нервы,
и теми, кто падает в обморок по пустякам,
между теми, у кого длинные тонкие пальцы,
и теми, кто не моет рук,
между теми – в партере,
и теми – на галерее.
Пока не открыли первых законов физики.

Пока не открыли стойки «смирно».
И стойки «вольно».

Слов
первой военной команды.
Первой великой всеобщей забавы
на нашем дворе.

Тогда ещё

человек был жесток только
к лягушкам в поющем пруду,
к безоружным птенцам в гнезде.

Икар

Я кричал себе «пробудись»
Зеркала отражали моё безумие
«пробудись пробудись»
Гомон толпы обволакивал меня
«пробудись пробудись»
Зеркала искривляли моё лицо
«пробудись пробудись»
Пади на колени пели зеркала
«пробудись пробудись»

Только не хотел я крыльев
не хотел самообмана
а радость без причины уничтожала всё подряд
словно вовсе и не радость а великий потоп
заливал мой мир

«пробудись Икаром пробудись Икаром пробудись»
кричали мои сны
кричали мои сны
а толпа маршировала под знамёнами и мама
гладя меня по лицу говорила
«пробудись ещё есть время»
Но у меня уже не было времени
оно догорало
на кончике тихо ползущей секундной стрелки

А вы говорите ничего не изменилось

Прежде чем

Сначала они долго писали белые буквы
на белой бумаге.

Потом по бумаге молча читали вслух.
Шквал аплодисментов пронёсся над залом.
прежде чем кто-нибудь успел открыть рот.

Голос

Первый шаг вперёд. *Свист.*
Гордый взгляд. *Свист.*
Первая фраза. Попытка собраться с мыслями. *Тухлые яйца.*

Щит из рук. *Красноречивое молчание.*
Длинная неуклюжая фраза. *Топот.*
Крик во всё горло. *Вой.*
Рву на груди рубаху. *Общее замешательство.*
Пожимаю плечами. *Шум стихает.*
Достаю из шляпы кролика. *Одобрительный шумок.*
Стою на голове. *Длинная речь человека в седьмом ряду –*
логическое опровержение всех моих аргументов.
Говорю, что думаю. *Невообразимый гвалт.*
Пускаю дым из ушей. *Аплодисменты в задних рядах.*
Пускаю солнечных зайчиков. *Предлагают сотрудничать*
(на выгодных условиях).
Морщу брови. *Просят повторить – помедленней, поспокойней*
и поотчётливей, так как, к сожалению,
не всё понятно.
Кидаю бумажные шарики в тех, кто сидит поближе.
Борьба поколений.
Демонстрирую шрам на щеке. *Общее ликование.*
Красным мелком рисую в воздухе чёрточки и кружочки.
Нецензурная
брань.
Вытаскиваю карту из рукава у шулера. *Никто не хочет верить.*
Требуют доказательств.
Вынимаю кролика у соседа из шляпы. *Оживление в зале. Смех.*
И наконец – тишина.
Первый шаг вперёд. *Свист.*
Гордый взгляд. *Свист.*
Вторая неуклюжая фраза. *Топот.*
Рву на груди рубаху. *Общее замешательство.*
Кричу во всё горло. *Вой.*

Равновесие

Дичь обменяют на людей.
Гонимых на гонителей.
Жертв на палачей.
Или не обменяют.
Начала на концы.
Кино на войну.
Кровь на краску.
Деревяшку на мгновение жизни.
Христов на торгашей.
Поэтов на идиотов.
Идиотов на святых.
И так до бесконечности.

Лордов на негодяев.
Негодяев на джентльменов.
Молитвенники на задачники.
Иродов на судей.
Пророков на газетчиков.
Нищих на королей.
Батраков на императоров.
Ошейники на обручальные кольца.
Скучающих на счастливых.
Продуктовые лавки на храмы.
Вопли на цепочки силлогизмов.
Угнетение на справедливость.
Справедливость на драку у пивной.
Обменяют удары на речи.
Пакости на полезности.
Полезности на неважности.
Будут менять случайное на необходимое.

До тех пор, пока не установится
равновесие в природе.

Вера

Эта вера,
в которую столько раз верили беспричинно,
эта вера,
столько раз растоптанная,
вера, что была щитом и вратами,
и последним прибежищем,
и была как якорь,
как для тонущего соломинка,
эта вера,
переходившая из молитвы в молитву,
столько раз поруганная и обманутая,
что даже
ирония уже её не поддерживала,
эта вера,
которую трудно было принять всерьёз,
а на фоне смеха
она и сама становилась смехом,
эта вера
была больше верой торговцев,
ей были не чужды биржа и чёрный рынок,
эта вера,
от которой остались воронки и бездонные ямы,

и борозды, и рытвины
на щеках твоего отца,
эта вера,
сдвигавшая горы,
эта вера,
обретавшая смысл только в час смерти,
взятая взаймы у детей
и слепцов, ясно видящих солнце,
эта вера,
столько раз расстрелянная под разными предлогами,
вера, которую можно было купить
в любой лавчонке
с крестиками и сувенирами,
эта вера,
уже даже не искалеченная,
вера, что вызывала
внезапный прилив крови к сердцу,
эта вера,
с которой я родился
но которой никто не мог
остаться верен,
эта вера,
о которой легко сказать
наркотик, опиум,
вера,
которая позволяла
разглядеть нечто кроме
всеобщего хаоса и смятенья,
эта вера,
что была вывеской и ширмой,
вера, в которую заворачивали селёдку и преступления,
вера, которую изображали в театре,
вера, которой рождён Шекспир,
вера, заставлявшая Маркса
резко протестовать,
эта вера,
что питала поэзию
и делала зримой мечту,
вера, что была не более чем случайным восторгом,
однако и не более фальшью, чем банальное отчаянье,
эта вера,
удобное убежище
для неизлечимо больных
и мастеров
современной эквилибристики,
вера мучеников, подобная
тени в пустыне солнца

и утолению жажды,
вера
людей, лишенных фантазии,
слепая и жестокая,
этот единственный зелёный листочек,
вера,
щит и завеса,
она уже больше из области сна
и предположений,
нежели по причине
каких бы то ни было аргументов,
эта вера была не ответом, а только вопросом.

Рефрен

Когда надо было идти вперёд,
земля ушла из-под ног.

Когда надо было стоять на своём,
тишина подступила к горлу.

Когда надо было броситься вниз,
на горбу моём выросли крылья.

Обретение равновесия

И всё-таки занавес подняли.
Как ни крути – это была сцена.
Мы и вправду охотились,
я сам принимал участие в травле.
Актеры действительно гибли.
Бумажные пули всерьёз убивали.
Те, кто иронизировал, сами стали посмешищем.
Кино превратилось в жизнь.
Грим пришлось смывать, как кровь.
И всё же что-то случилось.
Как бы там ни было – это отнюдь не публика.
Ещё не народ, но уже не публика.
Но тем не менее – это была стена.
А то – было исключением.
Увы – говорят, имела место режиссура.
Несмотря ни на что – суфлёры.
Стало быть, всё-таки – публика.
И по-прежнему жизнь Ионы во чреве кита.

На круге бешено вращавшейся площади
я постепенно обретал равновесие.

* * *

Ночь где живёшь ты
ночь которой я не помню
Не хочешь меня коснуться
не хочешь успокоить
не хочешь исцелить меня
обходишь стороною

О ночь о ночь помоги мне
уснуть отдохнуть уснуть
о тишина помоги мне
вздохнуть умолкнуть вздохнуть

Ромуальд Скоповский

ЗВОН РАЗБИТОГО СТЕКЛА

*** * ***

и я рождён любовью

тех чья кровь – моя
и я рождён любовью
и по воле мужа
той чья плоть – моя
я никогда не слышал в этом доме
слова ласки
тех чья мысль – моя
я никогда не видел ваших поцелуев
так почему когда её не стало
его не стало

и я рождён любовью

Тебя я создать не могу

Ночь для тебя я сделал чёрной
чтоб ты была белее ночи
утро для тебя я сделал белым
чтоб ты могла сойти на землю
день для тебя я сделал полным птичьих перьев
и солнце в небе словно глаз жар-птицы
только тебя я создать не могу
на цветущем лугу над водой зелёной

Мольба о том, чтобы раздался звон стекла

Их всё больше глаз стеклянных
для которых всё едино
дом в лесах и дом в руинах
правда или анонимка
их всё больше глаз стеклянных
для которых всё едино
кто там плачет
кто хохочет
где цветочек
где платочек
тот что солоней чем море
их всё больше глаз стеклянных
тех что смотрят не мигая

звон разбитого стекла

* * *

В тёмной аллее
Над заросшим прудом
Ты ещё можешь
Повстречать Татьяну
Белые руки
Холоднее камня –
Онегин письма от неё
Не получит

Тарпейские скалы

Полное счастье
Полное счастье
Храня мой мир
От воспалительных процессов
Его одели
В свитер Эйнштейна
Мои люди
Живут дольше всех
Благодаря синтетическим
Запчастям
Мои деревья
Запломбированные бетоном

Неизменно напоминают мне
Пейзажи детства
Полное счастье
Мой сосед
Отставной учитель гимназии
У которого нет ничего
Кроме свободного времени
Получил информацию
Из достоверных источников
О том что высокие договаривающиеся
Стороны
Единодушно приняли решение
Взрывом вышвырнуть в космос
Тарпейские скалы
Полное счастье

Ненависть

Ненависть
Как сырость
Пронизывает
До костей

Поле боя

Над прахом выжженного поля
кружит разбитый батальон
и градом падают медали
на груди овдовевших жён
там суд истории свершился
а может просто чей-то суд
молчат белеющие кости –
сомкнув ряды команды ждут

* * *

Не возвращайся к старым друзьям
У этой девчонки на сгибе ладони
Бьется пульс её беременной дочери
Этому парню нечего сказать тебе
Здесь тебя принимают за твоего отца
Не возвращайся к старым друзьям

Лучше нащупай ближе к сердцу
Обратный билет –
На осенних деревьях за окном вагона
Есть ещё зелёные листья

*** * ***

ушедшим

Они в земле
Но их глаза открыты
Цветок родится
И трава восходит
Они на небе
Их глаза открыты
Так день родится
И звезда восходит
Они в тебе
И их глаза открыты
Так по ступеням
Ты восходишь к сути

Бегу к тебе я со словом

Тысячи красных планет далёких...
Тысячи синих планет безмолвных –
И только эта одна зеленеет,
И только этой одной дали слово.

Как широко разливается слово,
Пенится фразой язык всенародный!
Веку железа на смену приходит
Формулировок век полноводный.

Каждому делу найдено названье,
Особым смыслом каждый день наполнен.
И боль, и голод, и дорога к дому,
Взгляд твой и голос, и всё, что им угодно.

Скоро ты будешь фигуркой в музее,
Вот уже воском заливают ноги.
Всё для тебя – чтоб не сбился с дороги,
Чтобы команду ловил с полуслова.

Чтобы улыбка с лица не сходила,
Стала привычной, как утренний кофе.
Если обвиснет гладкая кожа,
Духом не падай – скальпель поможет.

Каждое слово должно быть округлым,
Сладким, как соты липового мёда.
Может, заметят хоть на заднем плане,
Может, одарят словом благосклонным.

Словом всесильным, всемогущим словом
Названо всё нам – так, как подобает.
Бегу к тебе я со словом – в молчанье,
Бегу к тебе я со словом –

Леопольд Стафф

ДАЙ СЕБЯ ЗАСЫПАТЬ СНЕГУ

Проблемы

Проблемы не решают.
Проблемы изживают,
Как дни, которых нет, едва они миновали.
Как старьё,
Из которого мы вырастаем,
Они падают с плеч,
И в последнюю дверь
Ты входишь нагой и свободный,
Словно рассвет.

Мост

Я не верил,
Стоя на берегу реки,
Широкой и бурной.
Что перейду через мост,
Сплетённый из хрупкого тростника,
Перевязанного лыком.
Я шёл легко, как мотылёк,
И тяжело, как слон,
Уверенно, как танцор,
И шатаясь, будто слепец.
Я не верил, что перейду через мост,
И даже теперь,
Стоя на другом берегу,
Не верю, что перешёл.

Фундамент

Я строил на песке –
Всё рухнуло.
Я строил на граните –
Всё рухнуло.
Теперь я буду строить
На дыме из трубы.

Ноша

Была у меня корзина,
Я хотел наполнить её плодами,
Чтоб сохранить их на зиму,
А может, это был хлеб.

Ночью кто-то набил корзину камнями,
От них, тяжёлых и твёрдых,
Никому не было прока,
Их положили только затем, чтоб согнуть мне хребет.

Но я взвалю корзину на плечи,
Я понесу эти камни,
До самого конца –
Туда.

Dos moi pou sto*

Я бы поднялся в небо,
Да коротка моя лесенка.
На что над землёй опереться?
Ах, только б достать до туч!

Опоздавшему

Пробиться к полюсу,
Рискуя жизнью,
Сквозь лёд, стужу и ночь,
Из последних сил одолев
Террор и Эребус,

* Дайте мне точку опоры (*гр.*).

Чтобы увидеть: кто-то другой
Уже здесь побывал.
Укутайся белой метелью,
Как Скотт в Антарктиде,
И дай себя засыпать снегу.

Alea iacta est*

Кости брошены,
Кожа да кости –
Преступаю себя.
Позади прошлое:
Звонница без голоса.
Впереди сад:
Цветы пахнут смертью.

Весна

Я сижу в саду.
Всё старо как мир.
Солнце, цветы, деревья.
Один только я молод,
Как собственный внук,
Как толпа моих внуков –
Их здесь не счесть.
Они надо мной смеются.
Я тоже.

Тому, кто вырвался вперёд

Ты лёг,
Как слова на мелодию,
Которая ищет завтрашний день,
Сегодня её никто не слышит.
Ты упал.
Тебя попирают ногами.
Тебя топчут. И в этом правда.
Так попирают ступени, так
Топчут дорогу.

---

* Жребий брошен (*лат.*)

Вечер

Я в лодке лежу
Посреди тишины.
Звезда надо мной,
Звезда подо мной,
Звезда во мне.

Юлиан Тувим

Я ВЕРЮ: ДВАЖДЫ ДВА – ЧЕТЫРЕ

Легко и нежданно

Развязались легко и нежданно,
Облетели, как лепестки,
Все узлы, что лжецы-узломаны
Вязали под вой тоски.

Петли слов безумцы вязали
Фанатично, самовлюблённо,
Соки снов из мозгов выжимали
У горбатящихся миллионов.

Пропустили сквозь горло верёвку,
Сквозь глазницы – ведьмины косы...
Молодые ростки наших вёсен
Слуги ада опутали ловко!

Но распались легко и нежданно,
Облетели, как лепестки,
Те узлы, что лжецы-узломаны
Вязали под вой тоски.

Муха

Свечка коптит,
Оплывая до дна,

Где-то в углу
Урчит тишина.
Шар головы
Подпирая рукой,
Я у стола
Сижу как влитой.

Сверчка не слыхать,
Будильник молчит,
А на липучке
Муха жужжит:
В гибели тонет,
Музыкой тает,
Жалобным стоном
Мир сотрясает.

Мысль

Я живу. Жизнь мелькает. А в голове
Кроме этого, мысли нет ни единой.
Напряженье – стрелою на тетиве:
Стать бы прямой линией.

Как на́ воду, навзничь лечь на жизнь,
Плыть, без мысли, без воли... Застыну,
Утону в просторе – и прямо ввысь –
Там, в глазах твоих сгину.

Предсказанье

Искушает хор безвестный
Вещим гулом непрестанным.
Ты кружись, туман небесный
Дел неведомых и странных…

Яви зыбкую границу
Размывает снов сиянье.
Впору выть или молиться –
Лишь сбылось бы предсказанье:

Только мы – я знаю точно –
В синеву уйдём незримо,
Испарясь летучей ночью
В дивный день неуловимый.

А они – подумать тошно! –
С шумом, с криками «ура!»
Нам, живым, суют квиточки
На постылое вчера...

* * *

Я верю: дважды два – четыре.
Я этим жив. На том стою.
Возможно, там, в ином краю,
В совсем другом, нездешнем мире
И я иначе запою,
Но здесь-то дважды два – четыре.

По сути

Что он, по сути, делает, крича средь каменных стен?
Стефан Жеромский. Charitas

Что я, по сути, делаю, так радуясь, так страдая,
От нетерпения жизни к смерти резвей шагая?

Что делаю, делая всё? Кому – эта служба моя?
Кто они, те, кто вокруг? Откуда я здесь и кто – я?

Эти печали и радости – о чём они скажут людям?
О Боже, Боже мой, Боже, никто о них знать не будет!

Эти печали и радости – утешат или добьют?
О Боже, Боже мой, Боже, пошли мне милость свою!

Вот только о чём, по сути, Господь мой, Тебя прошу я,
Когда к Твоим небесам глаза поднимаю, тоскуя?

Попытка

Оставьте. Хватит с меня. Я по горло сыт, в самом деле.
Ничего не знаю. Хожу, смотрю. Многое помню.
Миру даю названья. Без эха, без цели, упорно.
Все грядущие завтра – вот они, мои цели.

Упрямо молчу. Чего-то жду без всякой надежды.
Мысли, слова... И вечно – впромельк, случайным светом –

Очередное завтра, такое ж точно, как прежде.
Но одно из них не придёт. Знаю. Помню об этом.

Что ж. Ни о чём не спрошу. Кончено. Делать нечего.
Отойдите... Висок мой к сердцу устало клонится.
Только Ты рядом останься... И опусти в этот вечер
Мне на глаза погасшие свои золотые ладони.

Мне в жизни везёт и везло всегда

Мне в жизни везёт и везло всегда,
Судьба не жалела даров и наград...
...Только снег под ногой не хрустит никогда
И осенние листья не шелестят.

Похороны Галчинского

Это что за жуткая очередь?
Кто к тебе продирается с почестями?
Хорошо, что мертвы твои очи.
Хорошо, что твои уста
Вечной памятью занесла
Милосердная Смерть Государыня.
А что силы нет, и подавно
Хорошо...
что не можешь встать,
Одним словом всю свору смять.
Погасили твой вечный свет,
Сэкономили пару лет.[*]

Анданте

Да куда ж ты ведёшь его,
Путь далёкий?
Чем утешишь, порадуешь,
Путь лучистый?
В той дали бескрайней
Будет ему одиноко,
Ждёт его только утренний свет:
Тихий и чистый.

---

[*] Курсив – вольная реконструкция незавершённого стихотворения.

Чем на жалобный стон
Ты, дорога, ему ответишь?
Чем ты скрасишь возврат
Его печального лика?
Ведь никто не выйдет
Ему навстречу,
Только травы склонятся
В тоске великой.

А когда он вернётся,
От горькой боли неистов,
Может быть, на тебя
Он оглянется, одинокий!
Чем тогда его ты утешишь,
О, путь лучистый?
Что ему ты расскажешь,
О, путь далёкий?

Богдан Урбанковский

И ЭТО – МИР

Мария

Я любила только тебя, остальное было не важно,
я знала, ребёнок твой, он должен был быть твоим.
Дитя прекрасной любви,
с ноготками меньше, чем звёздочки снега.
Могла ли я покинуть его?
Даже тогда,
когда пустили газ,
когда все начали кричать и царапать двери,
я думала о тебе.
Их тела стали розовыми, из носа хлынула кровь,
но я была благодарна богу, что даже здесь
он дал нам минуту счастья.
Я видела твоё лицо,
чувствовала прикосновение
твоих рук.

Мусульманин

я хотел жить
капо выбил мне глаз
но можно жить
и без глаза
после укола мне отняли руку
но ведь можно жить
и без руки
жизнь святая тайна
жизнь сила

тот кто хочет выжить
кто очень хочет выжить
тот выживет
всегда

№ 26178

Здесь, за воротами, пройдя сквозь холодное пламя прожекторов,
мы перестали быть злыми и добрыми,
учёными, неграмотными, верующими. У нас исчезли черты лица.
Мы стали голыми – почти прозрачными –
и отличались друг от друга только номерами.

Пять лет
я повторял своё имя,
днём и ночью, буква за буквой.

Стоя на поверке, ворочая камни, сгибаясь под ударами,
я повторял своё имя.

Чтоб я не забыл, напишите его на моей могиле.
Когда бог призовёт меня,
я швырну это имя ему в лицо.

Да, господи, да, предвечный.
Что мы для тебя?

Тадеуш Боровский

Когда-то в детстве, в другой стране,
мы решили узнать, что такое страх,
и ночью пошли на кладбище.
Там тихо светились цветы, стояли изваяния со стёртыми лицами,
похожие на любого из нас. И больше ничего.
Вот именно – больше ничего.

Здесь я понял жизнь. Она возрождалась под гнётом
в формах жестоких и чистых.
Я видел любовь: женщина
ради того, чтобы встретиться с любимым,
с улыбкой отдавалась его начальнику.
Я видел верность, которой нет по ту сторону колючей проволоки:
парнишка, совсем ещё мальчик доносил на того, кто с ней спал,
а потом шёл вместе с ней в газовую камеру.

Я видел веру: безумная женщина знала одно только слово – НЕТ,
а слюнявый философ всё повторял и повторял – ДА.

Люди сильнее смерти. Они ко всему привыкают.
Они могут спать рядом с трупом, чтоб утром взять его пайку.
Они научились стоять на цыпочках,
чтобы во время поверки не отморозить ступни.
И это – мир.

Люди всегда мечтают, чтоб суп у них был погуще,
картошка – со шкуркой.
И это – мир.
Люди не теряют надежды
до самого конца.
Когда они идут по дороге, усеянной трупами
и брошенными вещами,
когда входят в камеры,
заваленные мёртвыми телами, у которых из носа сочится кровь,
даже тогда они думают:
может быть, вдруг, в самый последний момент...
И это – мир.

Гайнц Штраус

Во времена детства человечества, детства зла,
довольно было стона одной жертвы,
одной меры крови, текущей из пригвождённого тела,
и скорбного тихого хрипа: отче,
отче, для чего ты меня оставил...

Слеза Бога
потрясла и очистила землю.

Почти через две тысячи лет,
две тысячи лет горя и плача,
недостаточно смерти одного праведника.

Все мы, все виновны:
преступник, мать преступника, друг
и ребёнок, вкушающий плоды преступлений.

Когда за нами придёт Сын Божий
и уведёт с пира жизни, из круга танца,
не спрашивай, куда он тебя уводит –

дабы принести кровавую жертву или
прочь от стен проклятого дома, от твердыни зла,
которая вот-вот обрушится в бездну.

Ступай, не оставляя следов. Так или иначе
всем будет явлена справедливость,
а кое-кого даже помилуют.

Людвик Флек, ассистент доктора Динга

Глаза крысы похожи на её зубы,
белые, ощеренные в ненависти.

Насколько иначе смотрит подыхающий пёс:
глаза его – две чёрных слезы.

За эти недели экспериментов
мы успели подружиться.

Он смотрит так, будто знает, что своей смертью
продлит нашу жизнь.

Кому продлит жизнь наша агония?
Кто изучает нашу смерть?

В чьи глаза мы смотрим,
ничего не видя от боли?

Филипп Миля, трупожог

Я не просил ни о чём,
я был силён и молод,
они не хотели меня убивать,
во всяком случае, не сразу.
Меня направили
в зондеркоманду крематория.

Ева, моя жена, и её мать
– сам дьявол бы такого не придумал –
попали сюда на несколько дней позже.
Они уже были острижены наголо.

Они стояли перед вратами ада.
Увидели меня и радостно

запищали: что ты тут делаешь?
когда мы сможем поболтать?!

Я знал, что ничем не могу им помочь:
правда только прибавит боли,
а меня отправят в газовую камеру вместе с ними.

Всё, что я мог, – только
украдкой стиснуть ладонь жене.
Мать, видимо, догадалась –
она со страхом смотрела, не скажу ли я лишнего.

И я в последний раз обнял Еву,
а потом легонько подтолкнул её к двери...

Анна Н

Представь себе:
ты, думая о своём, открываешь дверь,
словно в другую комнату.

Длинный серый коридор.
Красный крест на двери.
Две узницы, как солдаты, на страже.
Ведро с зеленоватой водой.

Как ни странно, это родильная палата.
Даже здесь, в лагере,
дети рождаются на свет.

Черноволосая женщина только что родила,
она ещё дышит, как зверь.

Акушерка перерезает пуповину.
Передаёт ребёнка узницам.
Узницы топят его в ведре.

Отец Ян

Если ты спросишь что же я делал
что я отвечу

Я не лжесвидетельствовал
в век презрения

Не крал
не убивал
не причинял боли
когда само зло было воздухом и землёй

Если ты спросишь
что же я делал дабы воспротивиться злу
что я отвечу?

Они
(на мотив чешской считалки)

Они боятся лозунгов брызнувших кровью на стены
и стихов написанных в тишине

Боятся мудрости старых книг
и наивных студенческих рукописей

Боятся слов не стреноженных летящих со сцен и трибун
слов передаваемых шёпотом из рук в руки
как знак надежды

Они боятся взгляда глаза в глаза

Боятся вопросов

Боятся ответов

Боятся молчания

Так почему же мы
боимся их

Юлиан Корнхаузер

ЧЕГО РАДИ ЛЕЗТЬ НА РОЖОН

игра

я ничего не знаю но почему я должен знать
если не знает никто
я молчу с какой стати я буду драть глотку
когда остальные молчат
мне нет до этого дела чего ради лезть на рожон
когда дела нет никому
пусть я чего-то не понял но зачем понимать
если никто ничего понять не может
я не отчаиваюсь на это нет причин
пока у других всё в порядке
я это другие

Он

Он, другой, всегда под подозрением,
у него всегда грех на совести, он
всегда обвиняемый.

Не признаёт своей вины, значит –
виновен, молчит, значит – виновен,
защищает свою точку зрения, значит –
виновен, виновен.

Требует ответа – не отвечать ему!
Хочет что-то сказать – не дать ему рта
раскрыть! Сопротивляется – уничтожить!
Ненавидит – лишить последних иллюзий!

Он опасен, он не знает жизни, его
подкупили, он лицемерит, он –
худший среди людей.

Всё верно

Ты скажешь, что ты первый в очереди к прогрессу,
но где он, этот прогресс, чёрт его побери,
ты скажешь, что борешься за правду, но в ней никто не
уверен, так стоит ли её искать, когда
и так всё ясно,
ты скажешь, этот отчаянный пируэт сохранил в тебе
любовь к миру, но ведь
мир дан тебе лишь на час, на пару
недель, и только,
ты скажешь, что не боишься оскорблений, что ты
выше глупости людской, но
вдруг глупость – это тонкий расчёт,
ещё ты скажешь, что в споре, в беспощадном
споре не на жизнь, а на смерть, ты не идёшь
на компромиссы, чтоб удержать равновесие,
но не хочешь ли ты учесть
собственную неуверенность – разве
тебе никогда не приходилось колебаться?
Отвечать ты не обязан, хотя бы улыбнись.

Сердце этот крикливый вечерний «экспресс»

Язык уже ничего не сумеет назвать
Настал конец света
Которого так долго ждали
Слово «да» изменило цвет
Умные книги сбежали с полок
Стою опустив руки посреди голой комнаты
Пытаюсь вспомнить известные мне права
Хотя не то чтоб я был ко многим из них привязан
Да и было ли оно – право на отказ
Уже не помню
На самом-то деле
Новый мир – всего лишь пустая коробка
Но я не хотел в этом признаться
Это было свыше моих сил
А надежда

Надежда появляется только тогда
Когда отказывает рассудок
Моё сердце этот крикливый вечерний «экспресс»
Изменило мне
На конечной остановке
Откуда нет возврата
Откуда нет возврата

Будь откровенен

Покажи руки – разве они чисты
нет не чисты
Покажи стихи – разве они точны
нет не точны
Покажи глаза – разве они ясны
нет не ясны
А ведь это твои стихи
твои глаза
твои руки
Твой мир убог
словно тёпленький дождик
который накрапывает в тебе

Замеченные опечатки

I, 10 сверху	*напечатано*:	жызьнь	*читай*:	Жизнь
II, 26 снизу	“	домокрахия	“	демократия
III, 31 снизу	“	крысота	“	красота
IV, 1 снизу	“	сацыялизьм	“	социализм
V, 10 снизу	“	старый	“	новый
VI, 33 снизу	“	А	“	Б

К вопросу о предлогах

Птичка сидит в клетке.
Ходит по клетке.
Выходит из клетки.
Порхает над клеткой.
Возвращается в клетку.
Бьёт крылышками о клетку.
Сидит перед клеткой.
Гуляет рядом с клеткой.

Держится за клетку.
Летит прочь от клетки.
Бедная птичка.

Рождается новый человек

Рождается новый человек
узурпатор
мнимый царь

вот он уже поднял голову
кормит обещаниями

пока он ещё улыбается
сочувствует
возвещает победу иного строя
благословляет
колесит по стране

люди выползают из берлог
падают ниц на улицах
встречают своего господина
телевидеоагнца

воздвигают крест
посылают приветствия
сердца их звонят колоколами

когда любопытство пройдёт
они распнут
мнимого царя
чтоб вернуться к обычным
своим молитвам

«Сбор живицы»
(Лешек Собоцкий)

тело не принимает на себя ответственности за ущерб
вызванный (*первый кусок*) скрытыми дефектами материала
и преждевременным воздействием света (*второй кусок*)
за слежавшиеся ткани и повреждения позвоночника
оно не принимает на себя ответственности (*третий
кусок*) за выпрямление костей имитирующих естественные
сочленения (*четвёртый кусок*) за светлые пятна и полосы

возникшие в процессе очистки за удаление
деталей оговоренных в описании предмета услуги
(*последний кусок*) в случае если мысли не будут востребованы
до истечения срока предмет услуги переходит
в собственность Государства

В хлебах

На другой день его нашли пьяным.
Он говорил, что не пьян, что он умирает.
В морду. Что умирает, что он не пьян.
Ещё раз в морду, ещё. В руке у него была
роза, маленькая чёрная роза. Он говорил, не надо,
ведь я умираю. В белых хлебах, где
его положили, ему привиделся конь. Он поил
его и кормил, трепал по загривку – коня, который
тонул вместе с ним в его детстве. Он очень
боялся зверей. Он говорил, умираю.

Анджей Бурса

ВЕТРОАЭРОТЕРАПИЯ

Урок ходьбы

Преодолеть закон тяготения
было нелегко
я думал когда наконец встану на ноги
все склонят передо мной головы
а они в морду
как же так
ничего не могу понять
но героически пытаюсь сохранить равновесие
«дурачок» шипят добряки (эти худшие из негодяев)
«по жизни надо ползать ползать»
тогда я ложусь ничком
выпятив зад как ангел
и делаю первую попытку
от сапожка к башмачку
от ботиночка к туфельке
учусь ходить
по земле.

Пинки

Он пришел сюда по важному делу
но от первой же двери его отшвырнули пинком
он улыбнулся
подумав что это шутка
и попробовал снова войти
опять пинок
он попытался подняться этажом выше

но сбитый пинком рухнул вниз
и затих в коридоре
его пинком подтолкнули к выходу
на улице ещё раз дали пинка

тогда он решил что по крайней мере умрёт как поэт
и бросился под машину
но получил крепкий пинок от шофера.

*** * ***

Как он мил и умён
в самом деле умён
хоть и не умничает
этот знает что почём
стреляный воробей
                а как обходителен как мягок
вся анатомия его лица
выдаёт лёгкое усилие
рта:
    чтобы как можно умней и любезней
    со мной говорить
глаз:
      чтобы как можно учтивей и внимательней
      меня слушать
да-а... честное слово
я не мог не плюнуть ему в морду.

Туфелька

Дети лучше взрослых
звери лучше детей
ты говоришь если продолжить в том же духе
неизбежен вывод что всех милей
инфузория-туфелька
ну и что
туфелька мне милей
чем ты сукин ты сын.

Кассир

О чем он думает этот тип
эта бледная спирохета

когда сортирует купюры
впиваясь зубами в бутерброд
ради которого
ему пришлось отказаться от галстука
о чем он думает
когда поправляет галстук
в пользу которого когда-то
он отказал себе в бутерброде
галстук пальто табуретка воскресный вечер
всё отказ
о чём он думает
когда слюнявя пальцы
делит на кучки эту высшую красоту
данную ему только в ощущении
о чём он думает
этот урод
продукт отказа
размножающийся путём отказа
о чём он думает
сортируя гравюры
каждая из которых прекраснее чем Джоконда
какая религия
удерживает его от безумия.

В баре

Сначала он ничем не привлёк моего внимания
но я заметил как он что-то шепнул официанту
через минуту перед ним стояла
полная тарелка обойных гвоздей
и вот он уже набивал рот гвоздями
да так что хруст стоял
он жевал их даже не раня дёсен
а потом сломал пальцами стальной ключ
и проглотив его закончил приём пищи
вот это парень подумал я
вот это парень

* * *

Доктор Н богач и чудотворец
всего добился своими руками
(трудное детство своими руками
учёба в гимназии своими руками

диплом медика своими руками
две машины своими руками
всё своими руками)
Доктор Н коллекционер
он собирает уродов без ног и рук
их у него 22
две команды по 11 в каждой
он говорит
опля ребятки сегодня будем играть в футбол
– да ведь у нас нет ног – хрипят уроды
– вздор – морщится доктор
я сделал жизнь своими руками
своими руками можно творить чудеса
и он подмигивает опытному санитару сержанту запаса

полгода шли тренировки в санатории за колючей проволокой
нс знаю может у них действительно выросли ноги
не знаю как это вообще могло случиться
но только весной я видел своими глазами
играли ребятки в футбол так что ого-го

Речь на похоронах

Скромный труженик
необходимый городу как чистый воздух
добросовестный и усердный
бескорыстный и самоотверженный
он не искал громкой славы
не требовал почестей
это был несгибаемый борец
истинный патриот
(хоронили ассенизатора
утонувшего в бочке с дерьмом)

Грубый силлогизм

Бесплатно тебе никогда ничего хорошего не видать
закат солнца даром
значит закат ерунда
но чтобы блевать в клозете кабака категории А
надо заплатить за водку
эрго клозет
прекрасен
а закат нет

но я вам скажу всё это бред

что закат что клозет
не вижу особой разницы.

Добрый психиатр (Ветроаэротерапия)

Сначала всё было как я и думал
улар в зубы
ледяной душ
вонючая компания
провинциальных алкашей
но вот пришел Добрый Психиатр

не мучая нас идиотскими вопросами
он разрешил нам
на длинных-предлинных верёвках
летать над садом
длина веревок превосходила
самые смелые наши надежды

и до того нам было хорошо
а он ещё подзадоривал
выше ребятки выше
ах до чего ж нам было хорошо

этот метод называется
ветроаэротерапия
ве-тро-аэ-ро-те-ра-пи-я
ве-тро-пи-я
аэ-ро-пи-я
пия! пия! пия!

Яцек Качмарский

ВСЛЕПУЮ И НАСМЕРТЬ

Расстрел (Врублевский)

Раз! Два!
Вот так расстреливают тени
Вбивают их в бетонный мир
Где нет ни солнца ни сомнений
Пустяк – расстреливают тени

Три! Четыре!
Из роб вытряхивают трупы
Вот так теряют форму тел
Те кто вчера её имел
Вот так вытряхивают трупы

Пять!
Ты зачарован трассой пули
На дне зрачка увяз испуг
Ни взвода ни домов ни улиц
Ты зачарован трассой пули

Четыре! Раз!
Вот так – изломанные позы
И мёртвой кожи тусклый блеск
Кошмар рассчитанной угрозы
Изломанные дико позы

Три! Пять!
Так босиком миры проходят
В затмении средь бела дня
Глухое эхо залп огня
Так босиком миры проходят

Вот так расстреливают тени
На пять
Умножили
Меня

Литания

Мы взрослее, чем были отцы в наши годы,
Мы идём безнадёжной дорогой свободы.

Мы ничтожней, чем пыль, но упрямо и хмуро
Воздвигаем курганы позабытой культуры.

Мы порой твёрже камня, как скалы, недвижны,
Сторонимся тех улиц, где вырван булыжник.

Мы мудрей мудрецов, мысли сдали внаём,
Принуждение – лаской, тьму – светом зовём.

Дерзновенней царей с почвы, скользкой от пота,
Мы слепую историю гоним к высотам.

Но лукавей вождей, прижимаясь к земле, мы
Каждый день подаём им проржавевшее стремя.

Мы слабее цветов – прорастаем народом,
Когда косит коса, а покос уже продан.

Справедливей, чем судьи в любом трибунале,
С напускным равнодушьем приговор принимаем.

Строже, чем палачи – мол, и сами с усами,
Всё болтаем, по плахам стуча головами.

Басня

На дереве простом висит
Простая клетка с канарейкой –
Сквозь прутья песенка звучит,
Гоняет тучи помаленьку.

А ключик в лапе держит кот.
Едва взбредёт ему покушать,

Он мигом дверцу отопрёт
И, хищно прижимая уши,

Просунет лапу, птичку – хвать,
Судьбу свою благословляя.
Наутро в той же клетке – глядь:
Сидит ещё одна, живая.

Не стоит, птички, бунтовать:
Таков удел ваш, прутья крепки.
Лишь для того, чтоб вас сожрать,
Откроют дверцы вашей клетки.

Раскопки

Оттиск пальца в выжженной глине,
Брызги золота в пепле костра.
И опять на пустой равнине
Мы раскопки ведём с утра.

И песчинку храним мы свято.
Что нам мрачные небосклоны?
Ведь вчера, ещё до заката,
Нам блеснуло Око Иконы.

Завтра лик найдём непременно.
На дворе забытого храма
Гимны варваров самозабвенно
У костров мы поём упрямо.

– Там руины! Руины! Руины!
Ваши руки в смерти по локти! –
Говорят нам, а мы от глины
Очищаем ножами ногти.

А у нас в черепках допотопных
Рис на завтрак, и нет сомнений.
Мы, как дети, твердим монотонно,
Что не смерть это, а Воскресенье.

На коленях перед святыми,
Обращёнными в пепел и камень,
Мы упорствуем и поныне,
Что не прах это, а фундамент.

Гадание

Не будет наказания подонкам,
Народ напрасно жертвы принесёт.
Убийц не похоронят очень долго,
На свалке нищета гнездо совьёт.

Однако мир не рухнет. Холку вздыбя,
Поверит Лжи, как Солнцу, люд простой.
Так незаметно ширится погибель,
У всех сияют руки чистотой.

Менялы с торгашами сговорятся,
На горечь спроса нет, и нет цены
Предательству. Добро и зло сравняются –
Две чаши кровью до краёв полны.

Небытие в молчанье нарастает,
Повыцвели герои и гербы.
Хоть нас, конечно, что-то ожидает,
Всем будет всё равно – такая быль.

Антилитания переходного времени

Из их муки не будет хлеба,
От их трудов не будет прока,
Из их церквей не видно неба,
Мы не услышим слов пророка.

Из их зерна муки не будет,
Не выйдет дел из этих слов,
Не их мольбой спасутся люди,
Об их мечтах не будет снов.

Вода в вино не превратится,
А песня ввысь не поведёт,
Народ из сброда не родится,
И каждый крест свой понесёт.

Не будет кубка для крови,
Не будет воды для рук,
Ответа никто не уловит,
Не вырастет книга из мук.

Этап переходный, и всё-таки не
Без причины – момент опасный:
Ведь были те, кто видел во сне,
Хлеб, Книгу и Крест – напрасно.

Образец

Он был поистине хитёр:
Не думал вовсе иль молчал.
Хоть повторял он всякий вздор,
Но чистой совестью блистал.

Никто его не упрекнёт –
Он не злодей, он жил достойно;
Да и теперь он так живёт,
Старея тихо и спокойно.

Его не мучают кошмары,
Он всякой партии – отец,
Он сапогу любому – пара,
В любом приходе – образец.

Зачем искать его – всегда
И всюду все его встречают.
И к Богу все пошлют, когда
Умрёт.
Но он не умирает.

Клятва

Никто нас не упросит никто нам не прикажет
Лица жидким гипсом никто нам не намажет

Что приказ что просьба – под стальной указкой
Масса белая застынет жёсткой маской

Поломаешь ногти – глазам не открыться
А слезе скорей впитаться чем пролиться

Только корку каменную языком толкать
Да беззвучным криком душу надрывать

Ну а если белый свет застынет маской
Мы сдерём его с лица прямо с мясом

Присягнём на верность своему несчастью
Будем молча биться вслепую и насмерть

Пусть идёт великая на слепцов облава –
Не бывает правил у лишённых права

Старость Тесея

Я в молодости был Тесеем,
А нынче кто я? – Минотавр.
Блуждаю в мрачном подземелье,
Ариадны нет ни тут, ни там.
Всё тяжелее голова,
Я жажду света, словно бога,
Забыв премудрые слова:
Во всякой жажде хвори много.

Я дрался с гадами и дрянью,
А нынче сам я – как дракон.
На стенах тень моя – как память,
О том, кем был я, светлый сон.
Гоняюсь с факелом за тенью
По бесконечным коридорам.
Но лика моего не ценят,
Мир устрашён моим позором.

Я в молодости был героем,
А нынче – узник чёрной славы.
В ловушке тесной места мало...
Увы, я жить привык, не скрою.
Что мог, то делал, как и ты,
Мне малых радостей хватает:
Туманной горечи мечты
Да взрослой сытости фантазий.

Во сне преследуют виденья:
Все жертвы – мне... И сам я верю
В картинки с кровью – откровенья
Полумужчины-полузверя.
Нет искупленья, небо немо –
Не все достойны испытанья.
Я на стене пишу поэму,
А сам покорно жду закланья.

Стены
(По Луису Льяса)

Он пел вдохновенно, он молод был,
А их там было – не счесть.
От песни у них прибывало сил,
Он пел, что свет где-то есть.
Они тысячи свеч зажгли ему,
Над их головами – дым.
Он пел: айда, разрушим тюрьму...
Они пели вместе с ним.

Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!

Скоро ту песню каждый знал,
Мелодия, даже без слов,
Была им как свет, была как дурман
Для их сердец и голов.
И пели они, и хлопали в такт,
Хор канонадой звучал,
Оковы давили, сгущался мрак...
А он всё пел да играл:

Зубы решёток вырви у стен!
Клетки ломай, оковы рви!
Пусть стены рухнут, рухнут, рухнут,
Похоронят старый мир!

Но вот они поняли, сколько их там,
Почуяли силу: пора!
И с песней двинулись по городам:
К свету – вперёд – ура!
Кумиров в прах, булыжник в кулак –
Ты за нас или нет, гражданин?
Кто одинок – тот наш злейший враг!
А певец был всё так же один.

Он видел ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены росли, росли, росли,
Цепи гремели на ногах...

Он видит ровный марш толпы,
Молча прислушиваясь к шагам.
А стены растут, растут, растут,
Цепи грохочут на ногах...

Эва Липская

НИЧЕГО КРОМЕ ЖИЗНИ

*** * ***

Я лежала на дне
но потоп не спас меня.

Я горела в огне
но пожар не спас меня.

Не спасли меня катастрофы
поездов и автомобилей.

Не спасли самолеты
взрываясь со мною в воздухе.

Напрасно пали в прах
стены больших городов.

Не спасли меня ни отрава
ни прицельные залпы карательных взводов.

И конец света не спас –
у него на меня просто не было времени.

Ничто меня не спасло.
ЖИВУ.

Попытка

Мы пытались понять друг друга,
но было ясно:

мы говорим
на разных языках.

Наконец нашли
общий язык,
но потеряли дар речи.

Когда мы спустились с гор,
всё, что у нас было общего,
– тени погибших.

Уверенность

Был уже однажды такой экзамен по истории,
его все ученики завалили.
И осталось после них пышное кладбище.

Трудно сказать с уверенностью, что это был экзамен.
Трудно сказать с уверенностью, что все его завалили.
Ясно одно: осталось пышное кладбище.

Была уже такая любовь.
Хоть нет гарантии, что между нами.
Были уже такие люди.
Хоть нет гарантии, что это были мы.
Были уже такие крылатые птеранодоны.
Хоть нет гарантии, что в наше время.

Был уже такой язык.
Но невозможно утверждать, что мы на нём говорили.
Было уже такое молчание.
Но невозможно утверждать, что молчали именно мы.
И конец света тоже был.
Хоть невозможно утверждать, что нашего.

Зато осталось пышное кладбище.
Уж это точно: осталось пышное кладбище.

Свидетель

Что бы я ни сказал –
обернётся против обвиняемого.

Разошлись дорожки
памяти и фактов.

Не помню,
темно было или светло.
На прямой было дело или на повороте.

Кто выбежал первым
и по чьей команде.

Не помню,
то ли солнце его ослепило,
то ли разум в нём просиял.

И скрылся ли он с места происшествия
в место обетованное.

То ли рано было имя Божье поминать,
то ли рано шум подымать.

В катастрофе погибла
правда,
и только правда.

Из рукава судейской мантии
выскользнула белка.

Торфяники большинства

Убегаю прочь
от подавляющего большинства.
От преобладающего числа присутствующих.
Аквариум лифта уносит меня наверх
на последний этаж одиночества.
Убегаю прочь от решительного большинства
для которого левое вечно справа.
Меня преследует хор
превосходящих голосов.
Штормовой фронт звука.
Проталкиваюсь к выходу но там
настороже ворота стадионов.
Роями вылетают
марафонцы болельщики демонстранты.
Канатные дороги
увозят всё новых избирателей

на высочайшие вершины Альп.
Вокруг сокрушительная чрезмерность.
Горланящие толпы народов.
Великие торфяники большинства.

Предостережение

Поосторожней с самим собой.
Не слишком себе доверяй.
Ты можешь, сам не подозревая,
выстрелить себе в затылок.

Забегая вперёд,
забыть о себе,
оставив себя далеко позади.

Не доверяй своей правой руке.
Она может подписать тебе смертный приговор.
Не доверяй левой –
того и гляди она станет правой.

Поосторожней с мыслями,
они могут тебя внезапно покинуть,
катапультироваться из горящего самолета мозга.

Избегай молчания,
что-то слишком уж часто ты стал к нему прибегать –
молчание может тебе развязать язык.

Ястребиное око

Я прожил 75 лет
а помню один только час
– тот час в городе Вехер де ля Фронтера
когда не происходило ничего кроме жизни.
Я прочёл тысячи книг
а запомнил одну лишь фразу:
«Так не безумие ли, спрашиваю я –
от страха перед смертью умирать?»
Я восхищался полотнами великих мастеров
а перед глазами только длинный траурный шлейф дыма
на выцветших обоях неба.
Умолкли большие оркестры.

Из потрескавшихся часов
испаряется время.
Всё чаще настигают мысли ни о чём.
В пустом ресторане
официант подаёт мне
ястребиное око.

Открытие

Я погибла превысив скорость на автостраде.
Остаток пути пришлось проделать пешком.
Я была одинока как подопытный кролик.
Мой парашют притягивал молнии мыслей.
После десятка ударов
я сбросила туфли и надела тапки
в кожаный цветочек. Сквозь расстёгнутое платье
из меня улетучилась жизнь.
Человек о двух головах
– с тех пор как не живу
я такого ещё не встречала! –
замерил количество смерти в моем организме.
Верно, это был путешественник – в руке он держал карту.
И алкоголик – в руке он держал рюмку.
И вождь – он держал в руке народ.
И музыкант – он держал скрипку.
И убийца – он сжимал револьвер.
И дух бестелесный – он внезапно исчез.

В этот момент я открыла
АБСОЛЮТНЫЙ ПОКОЙ:
я смотрела на звёзды
и мне в голову не приходило спрашивать
откуда они взялись.

Рецепт

Самоубийство
лучше всего совершать после завтрака.
На завтрак рекомендуется выпить стакан
молока.
В молоке содержится много витамина А.
Витамин А предотвращает глазные
болезни.
Глаза служат для зрения.

А смотреть следует
на мир.

Самоубийство
надлежит совершать как можно тише.
Тихо-тихо – так муха
ползёт по скрипичной струне
с пушистым звуком
вздоха.

Остаток хлеба
надо бросить птицам.
Чтобы они могли и дальше жить.
Могли
дальше жить.

Простите меня

Не отвечаю на письма и телеграммы.
Забываю старых друзей.

Простите меня за это.

Привязалась к самой себе.
Отступаю вглубь себя.

Народ меня ничем не удивит.
Толпа меня ничем не удивит.

Поражения и победы сливаются воедино.
Обретения и утраты сливаются воедино.

Любуюсь мотыльками над вереском.
Кормлю по ночам летучих мышей.

С вершины горы
созерцаю
заходящую устрицу солнца.

Простите меня...

Юзеф Баран

ЭТО УЖЕ НЕ МЫ

Встреча

когда я вынырнул
из пустоты
мой дед бежал мне навстречу

из последних сил
он успел передать мне
эстафету дыхания
он был уже
одной ногой на том
а я на этом
свете

какой-то миг
мы смотрели друг на друга
неподвижно застыв
как на фотографии

потом
жизнь и смерть
растащили нас
в разные стороны

Шляпа

вначале была шляпа
обычный цилиндр фокусника

из которого Бог
к своему удивлению
извлёк себя самого

потом он
шесть дней подряд
вынимал из шляпы
Небо Землю и пять доказательств
собственного бытия

как теннисные шарики
из волшебной шляпы
выскакивали планеты
а Бог
Божественными перстами
одну за другой
заставлял их вращаться

планеты размножались
с угрожающей быстротой
и он
как ошпаренный метался
в круговерти этого планетария
стараясь ни одну из них не уронить

а в зрительном зале
уже сидели Адам и Ева
и наблюдали за ним
ни на минуту
не веря
своим глазам

Как только

как только я встал на ноги

ко мне тут же
подскочил Господь Бог
требуя ответа:
зачем я украл у него т о г д а
т е яблоки

какой-то тип
с удостоверением Патриота
взвалил мне на плечи пустую суму

с надписью «История Человечества»
и приказал тащить её
вверх по склону

Полицейский Священник Учитель
группа Высших и Низших Чиновников
окружили меня плотным кольцом
потирая руки от радости
что наконец-то обрели
свою утраченную собственность

в дверь ломились
первые кредиторы
с головы до ног облепленные
векселями на моё имя

разъярённый Президент
с высоты своего Дворца
вопил
чтоб я не смел забываться
что я только одна из кнопок
на его пульте
дистанционного управления

я хотел объяснить им
что это ошибка
что очевидно
меня приняли за кого-то другого

но только я открыл рот
как мне тут же влепили
первый штраф
за оскорбление властей

Игра

на самом-то деле
это была просто игра у нас во дворе
игра в государство:
на троне сидел король
у нас был шут
самый весёлый парень нашего квартала
полицейский с деревянным пистолетом
бандит с бородой из пакли
рабочий строивший дома из кубиков

солдат маршировавший левой-правой
чиновник в проволочных очках

а сколько было смеха
когда после восьмичасовой игры
мы всей компанией собирались
чтобы сыграть в горелки в жмурки в прятки
или
в открытые карты слов

но скоро
многие из нас
перестали подмигивать друг другу
перестали
узнавать друг друга при встрече

король уверовал что он Король:
целыми днями не слезая с трона
он сидел там надувшись
и даже орехи
колол золотым скипетром

полицейский тоже перестал улыбаться
решив что он Полицейский
и словно аршин проглотил
он так долго гонялся за бандитом
что тот поверил
будто он Бандит
и удрал неизвестно куда

судья вперил взгляд
в мёртвую букву закона

рабочий с утра до ночи
вкалывал

ксёндз ничего не видел
кроме Господа Бога

все утратили чувство реальности

один только шут
метался среди нас
как в порочном круге
и кричал каждому на ухо:
– да ведь это же просто игра
игра у нас во дворе!

но мы окрестили его Шутом
и много веков подряд
заставляли искать тот шарик
которого у него не хватало

а напоследок
для очистки совести
посадили его
в сумасшедший дом

Пока ещё

пока ещё
ты не добрался в самом себе
до неведомых полюсов и дальних планет
пока ты можешь крикнуть
– эврика
и водрузить над открытой америкой
флаг стиха

пока ещё в тебе
океаны не меряны
атомы не мечены
звёзды не считаны

пока ты можешь верить сам в себя
как в Бога
которого никогда не видел и не увидишь

пока ты не открыл всех запертых ящиков
и не убедился что они пусты
пока ещё ты
можешь взломать изнутри
бронированный сейф рассудка

Город фарисеев

– в этом городе
всё наоборот
мошенники призывают
к честности
шлюхи
к целомудрию

безбожники
к вере
а синие птицы
пишут трактаты
о трудолюбивых муравьях

если услышишь
что кто-то
в твоём присутствии
громко кричит
о морали
проверь карманы
– не украл ли он у тебя
кошелёк –

так старый
бывалый бродяга
учил молодого попутчика
а между тем
их глазам
уже предстали первые башни
города фарисеев

Переправа

как пролетело время
было некогда оглянуться
говорим мы
когда годы проходят

а ведь было не так
время текло не спеша
оно тащило нас за волосы как утопленников
всегда против течения
мы словно каторжники
волокли за собой всю реку
мы барахтались в ней
нас тянули ко дну дома
полные кричащих детей
которые росли очень медленно
мы шли на дно
и опять выплывали
и говорили: уже ничего не поделать
мечтая о том
когда же наконец

на горизонте появится
другой берег

Марш на закате дня

это уже не мы идём
ноги сами
за нас маршируют

это уже не мы думаем
языки сами
за нас говорят

это уже не мы живём
жизнь сама катится
по наклонной плоскости
времени

и барабанщик отстал
и барабан
умолк

Сама жизнь

всё меньше тех
кто готов отдать жизнь
за своё дело

всё больше тех
кто отнимает у себя
жизнь
не имея дела

а больше всего
тех
кто не может
ни отдать жизнь
ни отнять её у себя

они
хлеб и соль нашей земли
они
сама жизнь

Чужой город

в шапке-невидимке
я плыву по течению улицы
сквозь липкий сон
города

вокруг немое кино
люди открывают рты жестикулируют
что-то невнятно бормочут
суетясь переходят дорогу

из густого тумана
возникают их силуэты и лица
они мне как будто знакомы
но я не могу их вспомнить

я ныряю в туман
я теряю вес
имя фамилию бороду
которая раньше всем бросалась в глаза
я плыву в шапке-невидимке

плыву
и меня никто не замечает
не говорит прощай не пытается удержать
когда я как пушинка
слетаю
с чаши весов
чужого города

Адам Загаевский

БЕЛАЯ СЕТКА НЕРВОВ

Знамя

Проснувшись утром я пытаюсь
при помощи театрального бинокля
различить что за флаг поднят над городом
Чёрный белый или пепельный как страх
Завоёван уже мой город
или всё ещё держит оборону
просит победителей о пощаде или
он в трауре после секунды
беспамятства А может я сам
и есть это знамя но не могу его
увидеть как не видят
собственного сердца

Я отвечаю только за себя

Я, атеист обеих церквей,
беспартийный среди партийных,
неверующий среди фанатиков,
неуверенный среди убеждённых,
рука, отвыкшая креститься, тот, кто колеблется, среди тех, кто
лжёт, тот, чей кулак не сжат
в твёрдый знак борьбы, тот, кто хотел бы
поверить, среди тех, кто доверился,
разочарованный, но не ушедший, тот, кто один, но не
одинок, кто не платит взносов
кого, по сути, нет, хотя он действительно
хочет быть, неуважаемый среди уважаемых,

храмовый служка, который после мессы слушает
«Битлз», тот, у кого отняты классические
понятия, изгнанный из Европы, голый перед
гардеробом, полным обносков, тот, кто с детства помнит
запах нафталина, кто всё ещё
не вычеркнут из списка, вечный кандидат,
молодой, средних лет, тот, кто не утолил жажду и не стал
сытым, хотя не убеждён в этом свято,
язычник нашего прихода, скверный ученик, вот что я вам
скажу, ваше преподобие, гражданин директор, товарищ
секретарь, их высочество, его магнифиценция,
милая дама, ты, человек,
я отвечаю только за себя.

Объявление

Если ты живёшь в государстве дефицита,
где великой говорильней
компенсированы все недоговорки,
где ботанические сады и гербарии –
образец речевой культуры,
а любимое кушанье граждан –
голубь мира, если ты живёшь в стране,
где горят розы, улицы всё быстрее,
города гнутся словно подсолнухи,
а леса рук единодушно растут,
где у каждого всегда при себе собственное фото
и имена умерших, где исповедуют
ироническую религию воспоминаний и двойной морали,
напиши мне; я собираю открытки,
увлекаюсь музыкой, живописью,
филателией, спортом, поэзией.

Что случилось

Что случилось, то случилось.
Четыре тонны смерти на траве,
засохшие слёзы в гербарии.
То, что случилось, останется с нами,
будет вместе с нами расти и умирать.

Но мы должны жить,
шамкает ржавый каштан.

Мы должны жить,
стрекочет саранча.
Мы должны жить,
шепчет палач.

Прощание с чёрными днями

Диктатор едва помещался
в телеэкране.
На небе, как незабудки,
расцветали парашюты.
Прощайте, чёрные дни.
Былые тотемы уходят.
Уремия справедливости.

Только ночи

Мы не сражались днём –
только ночи дрожали как стёкла
в буфете. Мы не слышали
канонады – только треск
раздираемых знамён.

Количество

По законам диалектики
количество переходит в качество
Увы иногда случается
что перехода не получается
Чрезмерное количество
напоминает старую деву:
оно смеётся и плачет
безо всякой причины

Попытайся воспеть искалеченный мир

Попытайся воспеть искалеченный мир.
Вспомни долгие июньские дни,
и землянику – брызги красного вина,
и крапиву, заполонившую
брошенные сады изгнанников.
Ты должен воспеть искалеченный мир.

Ты видел изящные яхты и корабли:
одному предстояло далёкое плаванье,
другой ожидало только солёное небытие.
Ты видел беженцев, бредущих в никуда,
и слышал радостные вопли палачей.
Ты должен воспеть искалеченный мир.
Вспомни мгновенье, когда вы были вместе
в той белой комнате, и вдруг дрогнула занавеска.
В мыслях вернись на концерт – помнишь, как взметнулась музыка.
А осенью ты собирал жёлуди в парке
и листья кружились над шрамами земли.
Так воспой искалеченный мир,
серое пёрышко, потерянное дроздом,
и едва брезжущий неверный свет, который исчезает
и возвращается.

Однажды я решил (узнать кто я такой)

Однажды я решил
узнать кто я такой
Перечитал свои письма
прослушал свой голос
Снял регалии
отдал почести
Выбросил паспорт и военный билет
где были мои фотографии
с монеткой языка во рту
(плата за переправу через реку лояльности)
В конце концов с меня облетела
белая сетка нервов
Теперь я в безопасности до мозга костей
далеко от виртуозов-мошенников
владеющих искусством вещать
стиснув руки на горле
Я – больной воздух

(Поэт хотел сказать
что ему удобней – в плаще)

Гомункул

Рыдали, умоляли женщины, мужчины сжимали
Кулаки, юноши до крови закусывали губы
Очень долго мы ждали нового человека

Поэты соревновались в изобретательности
Художники искали свежие краски
Реакция пожимала плечами
И вот наконец народился гомункул
Существо совершенное в своём безразличии
Чистое лишённое снов
Слёз и грёз
Угрызений совести и сомнений –
Большой мягко улыбающийся кукиш

Кшиштоф Камиль Бачинский

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ ВРЕМЕНИ

*** * ***

Вот небо – большое, как небо юга,
которого ты не переплыл и не переплывёшь.
Обстрелянный залпами дня – под прицелами звёзд пройдёшь,
как прошли города, брошенные по дороге.
Никем не замеченный,
пулями всех войн пробитый навылет,
ты умрёшь
в угасающем эхе, слабом, как чей-то вздох
на чердаке, среди хлама и пыли.

Песня

Я – тень, потерявшая человека
в далёких городах событий, –
хожу, возведённый в ночную степень,
в четвёртое измерение вытянут.

И только заржавленные песни дымят,
с нашим миром в ладонях прочь улетают ангелы,
пока я, от воспоминаний горбат,
вслух читаю тысячу лепестков яблони.

Сегодня, как каждый год,
зарастают тучи густым лесом людей,
ангелы улетают, в ладонях их мир нетленный –

для кого-то настал день
от земли оторваться
и перейти к будням вселенной.

Зеркало

Подними-ка всё это. Куда выше туч забросишь?
Как азбуку, день рожденья повторял ты множество раз.
На дороге скользкие ивы, серые домики, грязь,
будь то зима или лето, весна или осень.
Столько веков, а ты всё никак не растёшь
над своим мелким взглядом, смехом и плачем.
Уже не те времена, когда ты взвивался ласточкой, –
это только дыхание времени: пробудился – уснёшь, уснёшь...

Выйди, выйди под небо, под белую вьюгу выйди,
пока не вернулся в каменный город-погост.
Там ты –
бумажный солдатик –
ждёшь невозможного выстрела,
стоя под нескончаемым ливнем звёзд.

Вечера

Нас не хватает на это молчание
и плач по умершему времени.
Тени растут на стене, уходят в огонь печально.
Чужие ушли, остаются лишь наши тени.

Как ласковые зверьки, мурлыкая у огня,
они нас кутают в мех, покуда их не прогонит
ночь, губами спалённая, и сонная наша возня,
покуда их не сотрут наши нагие ладони.

И лишь раздумье в нас живёт, но пусть
не будет слёз, пока не возродится
в руинах человек, цветок не обновится,
а под ногами – снега хруст.

В тот день

Я в тот день возвращался в ад,
был на улицах воздух тяжёл,

в тишине увядал мой взгляд,
в тишине испарялся плач,

я вернулся по радуге в ад...

Из набухших траурных туч
барабан грохотал, суров,
я в тот день возвращался в ад,
позолота сошла со слов,

шёл я мимо траурных туч...

На стволах розовел рассвет...
город скрылся в гуще аллей,
ночи в такт я спускался вглубь,
в тяжкий цвет шаровидных дней.

Был над морем розов рассвет...

Синим паром листва взорвалась,
тишина багровела упрямо,
я в тот день возвращался в ад,
а в конце кровью выхаркал: «Мама!»,

когда зелень, как пар, взорвалась...

И застыл на краю рассвета,
расслоился на струны набат,
я в тот день возвращался в ад,
и гудело зарево лета,

я застыл на краю рассвета...

Молитва I

Неловки руки, труд напрасен!
Что делать мне под этим небом,
где толпы глухи, где поджоги
и где голодных вой ужасен?
Не утолён ни сном, ни хлебом,
я – труп, не примирённый с Богом.
Что делать мне под этим небом?

И мне ли зваться – человеком?
Мне стыд кровавый очи выест,

клеймо злодейства на щеке,
не плод земли – я трупный выпот,
и лишь топор в моей руке.

Я – человек? Замкни-ка лучше
уста печатью – божьим словом –
не гробовым, а песней новой,
и шлемом голову не мучай.
Пока не выберусь из пекла,
не мне и зваться человеком.

Лиши меня руки позорной,
что кровь из камня высекала.
Пока не сбросил землю с век мне
и сам не стал моим зерцалом, –
чтоб лик мой не был гробом чёрным,
дай хоть погибнуть – человеком.

Молитва III

Если жизнь и так отлетела,
никакая мольба не поможет,
возьми у нас этот прах – не тело,
смерть дай нам, Боже.

Если маленьким детям каты
крылья обрежут, на камни кинут,
выбей нам дно из-под ног проклятых,
преврати нас в глину.

Если Тобою нам так приказано –
под сапогами с позором сгинуть,
если любая любовь напрасна,
Ты не зови нас.

Если мокрые ветви – очи,
если губы с пламенным даром
веры – заменишь кошмаром ночи,
любовь – пожаром,

Не корми ты нас ни землёй, ни небом,
назад забери тревогу мгновений,
убей детей каменным хлебом
ещё до рожденья.

* * *

*O Leben, Leben, wunderliche Zeit**
Р. М. Рильке

Слово тяжело, и всё же легче,
чем уста, что приняли решенье.
Воздух переполнен нами, в эхе
своих лиц мы ищем отраженья.

Этот мир лишь нам и заповедан:
шквал имён и мгла отождествлений,
мы пылаем странствующим светом,
в нас шаги грядущих обретений.

Жизнь, о жизнь, извечная тревога –
точность шага (суть не в именах).
Даже звуком сказано так много –
образы, как дождь, стучатся к нам.

Вызов

Мысли мои темней, чем пророков чужие слова.
Слов моих настоящих никто не знает.
Кто из вас верит, что там, на поляне, где красные облака,
конь апокалипсиса, пробежав, исчезает?

Кто из вас верит, что вечером в воскресенье
над прохожих праздничной пылью
вьюга планет опрокинула семь небосклонов, а в пустоте
горсти дукатов – пылающих факелов плыли?

Вы были когда-нибудь там, где, как ангелы,
возносятся в мир иной порожние поезда?
Там, на конечных станциях, где прерван времени рост,
где последние образы, знаки и лозунги
в зеркале черноты сгинули навсегда?
Кто из вас видел кладбище мира и бесконечный потоп звёзд?

Смотрите: во мраке уходят идеи, вещи и чистые
люди, которых не было никогда или было немного,
а Христа, может статься, лишь сатана измыслил –
чтоб вы могли каждый день убивать и любовь, и Бога.

---

* О жизнь, жизнь, странное время (*нем.*).

Баллада о поезде

I

На никому не известных маленьких станциях
есть поезда мёртвые и пустые.
Там тень путевого обходчика, выпав из времени, стынет
в жёлтой дрёме привокзальных акаций.
Там протяжные вздохи времени остановленного слышны.
Эти станции есть в Сингапуре, под Варшавой, в Майами;
всюду в серой бездвижности поезда ведут те же самые
машинисты, погибшие от тревоги и тишины.

II

Жду на пустых вокзалах и одиноких стрелках,
считаю лампочки звёзд, гаснущие без следа.
То брожу не спеша, то стою перед зеркалом –
в почерневших пейзажах чужие молчат города.
Всё дальше и дальше, где едва откликается эхо,
в такт вагонам куда-то уплывают и лес, и мост.
Слишком уж далеко-далёко печаль уехала
в эти звёздные ночи, ночи без звёзд.
Чужие пейзажи мелькают, словно открытки,
животные – будто из атласа – из цветного картона.
Я уже миновал и светлые, и тёмные виды
всевозможных эпох, стран и времён.

III

Меня на пути сквозь века давно уж настигла смерть,
призрак лица моего расплющен в зеркале окон.
Еду мимо картонных обходчиков, мимо вокзалов – глубоких
затонов бездвижности в тишине, которую не одолеть.
А ты ждёшь и плачешь, тебе не сладить
с ночью в дороге, с трудной последней станцией яви.
Мой поезд сюда прибудет со всех сторон сразу,
вместо дыма просыпав листья,
чёрные и кровавые.
Мой поезд доставит груз всех пейзажей,
мой поезд, как дракон, ночь израненной грудью провертит,
и тебе в миллионе окон лицо моё он покажет,
выцветшее от дороги и смерти.
Вместо песни тебя придумаю – ещё страшней и прекрасней,
в сердце боли моей ты застынешь, одинокая и босая,
когда поезд слепой в тупике взорвётся, врезавшись в насыпь,
и вознесётся со страшным свистом в разодранные небеса.

Эва Найвер

ПОДЕЛОМ ЖЕ НАМ ВСЕМ

Ситуативный тест

Упавших на самолёте с неба
нас поймают в защитную сетку.
Обезумевших от тишины и темноты
при последнем издыхании
отыщут
и заберут отсюда.
Горящих ясным пламенем
вырвут из танца боли.
Остановят бой как игру –
развеют дым
сдуют чад
вытрут кровь.

И скажут: это был просто тест
набран высший балл – тысяча двести.
Скажут: отличный результат.

А если нас не успеют вытащить
из этого «понарошку»
а если никто никогда не узнает
во имя чего мы так стойко держались
до самого конца?

Аурик: Мы спокойные люди

Мне сказали что я не должен совать свой нос ни во что
а ведь я люблю жить спокойно
вот я и не сую свой нос ни во что когда меня это не касается

я очень люблю жить спокойно
ни во что если это не моё собачье дело
если это не в моей постели
если это не в моём кармане
я очень люблю жить спокойно
о как я люблю жить

Мне сказали что я пустое место
а меня всегда мучало то что я что-то значил
мне сказали что моё мнение давно уже не моё
мне сказали чтоб я заткнулся
если не хочу подавиться собственными зубами
а я очень люблю сидеть тихо

Мне сказали что у меня нет друзей
а эти – просто шваль и дерьмо
ну и ладно что из того что у меня нет друзей

Мне сказали что я опасней чем радиоактивный пепел
и потому меня следует утопить
я просто обожаю когда меня топят

Моему богу закатали рот асфальтом
так ему и надо
моего бога разбили и втоптали в грязь осколки
так мне и надо
нашего бога повесили на опоре высоковольтной линии
поделом же нам всем
Ах до чего же нам всем от этого хорошо

* * *

Я не доверяла воде
и вот – не умею плавать

не доверяла воздуху
– и не умею летать

Не доверяла людям
но к ним я иду
плыву
лечу
падаю
в пропасть
которая – во мне

Геометрия

Применить золотое правило
геометрии правды:
с циркулем и транспортиром
избегая чёрного и белого
солёного и горького
истины и молчания
произнося только фразы рекомендуемые
фразеологическим словарём
передвигаться строго между
бесправием
и безверием.
Крадучись пробраться
через центр зоны обстрела.

Господин мастер

Может, мне и хватит потолка метр десять,
чтоб стоялось прямее, а дышалось вольнее,
но уж точно не 0,75 и не 0,9.

Обещаю вам, господин мастер,
что не буду расти выше и ни в чём не перерасту
дозволенных параметров.

Знаю, знаю, вы мне добра хотите,
чтоб уютно было,
как в термосе.

Только вы уж, господин мастер, всё-то у меня не отбирайте,
пару щепочек да перочинный ножик
ведь, наверно, можно оставить.

Не обязательно весь алфавит,
хватит и нескольких буковок, да ещё какую-нибудь мыслишку –
пускай себе снуёт взад-вперёд.

Обещаю вам, шеф, что не буду записывать
никаких непристойных мыслей и вообще мыслить
выше уровня ваших возможностей.

Я ведь знаю жизнь, понимаю, что к чему:
и что союзы незыблемы, и что руководящая роль неприкосновенна.

Я же не посягаю, хоть штангенциркулем замеряйте.
Но – пусть не всю сразу –
не половинку, так четвертушку правды я себе выстругаю.

Вы уж, господин мастер,
поговорите там с кем следует,
чтоб мне хоть самую малость приподняли потолок.

Советы тому, кто желает уснуть

Оставь у двери в спальню
казённые сапоги,
которыми ты затоптал свою совесть.

Прежде чем лечь в постель,
сбрось
ладно скроенный костюм
фасона «да-да вы конечно правы».

Прежде чем погрузиться в сон,
вытрепли и аккуратно –
согласно уставу –
сложи свою память.

И тогда тебе приснится,
как ты стоишь в радостно возбуждённой очереди
за карточкой на Собственное Мнение.

Умножение усилий

Погиб поэт, свалившись
с табуретки в баре.
Принята резолюция: резко увеличить
производство табуреток.

Профессор истории попал под машину.
Принято обязательство:
дать сверх плана
ещё десять тысяч автомобилей.

Мыслитель утонул,
купаясь в море.
Повсюду плакаты:

море – наше богатство,
умножим усилия
в ответ на почин.

Разговор с поэтом

Повстречался мне один маститый литератор.
Вальяжный молодцеватый
так и светясь на всю улицу
он изрёк:

– Должен же кто-то заботиться
о преемственности культуры
продаваться необходимо
главное не продешевить
мы-то своё взяли
ещё по старым ценам
не я бы взял так другой
не я так кто-нибудь хуже меня.

– Как самочувствие? Это правда
что тебе укоротили язык?

– Не беда. Зато дали орден.

Игра в прятки

Лучший способ скрыть её –
раздеть донага на площади
выставить в витрине
устроить стриптиз на стадионе

Всегда найдутся желающие
прикрыть её наготу тонкой вышивкой вымысла
утолить голод гипсом
а жажду уксусом
Приютить продрогшую в своём доме
заперев дверь на засов

Нечего ей в одиночку блуждать по свету
от этого могут вырасти
когти и клюв

Лучше окружить её нежной заботой
а в случае чего
потихоньку
свернуть ей шею

Тень

Ах ты тень моя тень тень тень
звать тебе меня по имени не лень?

Ты моё одеяние надень
стань ничем
а я буду твоя тень

Станислав Стабро

ИДУТ ЖАНДАРМЫ СНА

Стране нужны заводы и не нужны поэты

Стране нужны заводы
и не нужны поэты –
лучше вы нас убейте сразу
газеточитатели
программо-
и рече-глотатели.

Стране нужна сера
и не нужны поэты –
лучше вы нас убейте сразу
для нас нет места за общим столом
нет огонька
в застенке общего сердца.

Но когда под вечер
вы услышите неровный шаг
народа бредящего в горячке
не удивляйтесь
не удивляйтесь.

Это идут
жандармы сна.

Они мне больше не братья

Они мне больше не братья
их трусливая плоть

вызывает лишь омерзение
их болтливые рты
для меня абсолютно немы
я на самом деле не знаю
что теперь делать с правдой –
одинокая правда
притягивает страх

Простой человек

Меня поставит к стенке
простой человек

книги мои растопчет
рукописи разорвёт
тоже
простой человек

Ибо где религия
там и мораль

Господи
до чего же прост
человек

Герои устали

Герои так давно устали
герои больше не стреляют
герои учат сыновей
что ложь
превыше правды.

Давно взлетел на воздух лес
и юность горькая расстреляна
как просто память обмануть
– её ты
топчешь сам.

Всё в прошлом – можно жить иначе
под серый гул простых измен
забыть как осыпался в ров
жёлтеющий песок.

Урок

Неправда что любовь одна на всю жизнь
Неправда что против белого только чёрное
Неправда что герой всегда бесстрашен
Неправда что стихи донесут послание.

Неправда что катастрофу можно отменить
Неправда что разлука помнит о встрече
Неправда что солнце только греет
А леса и луга всегда на месте.

Неправда что кто-то уникален даже на фоне миллиона
Неправда что вера сдвигает горы и долины
Неправда что дневной свет защищает от ночи
И можно дважды войти в один и тот же дом.

Неправда что я был первым учеником в классе.

Меня зовут

Открой дверь
мы давно тебя ждём
здесь ты будешь как на седьмом небе

открой дверь
никто тебя не предаст
не ударит не ранит

открой дверь
здесь тебя ждёт
лампа на столе и пылающая звезда

открой дверь
пусть обнимут тебя
наши мёртвые руки.

Чего хочет народ?

Мои стихи
это стихи врага народа
в них нет света нет идеальной сверхчеловеческой
надежды их трудно
вынести они скрючены как миг

отчаянья неумны и неутолимы
задумчивы и смертельно
серьёзны не маршируют не кричат
всё больше молчат но
и говорят всё больше
мои стихи
это стихи врага народа
но кто знает точно
чего хочет
народ?

* * *

Самый глупый, самый наивный из народов Земли,
верит в лозунги и златоустых Богов,
в час испытаний прячется
за крепостной стеной молитвы,
презирает простодушных, воздаёт почести прохвостам,
в изгнании, в камере, в карцере, у стенки –
народ, пьяный в дым,
вповалку спит на глинобитном полу
национального овина.

Курва польской поэзии

Это я
курва польской поэзии
вы меня встречали
на эстрадных концертах
в трамвае
в заводском цеху
это я
по моим карминным щекам
вот уже лет пятнадцать
течёт негасимая тушь
напрасной мольбы
это я
курва польской поэзии
растлеваю души
молодых поэтов
на счету моей смерти
тысячи исписанных листков
и из них не следует
ровным счётом ничего

* * *

Другие придут и скажут
то чего мы сказать не сумели
у всякой ночи свой рассвет
у отчаяния – своя надежда
любая смерть – крик который её прерывает
любая слеза – лес который её поглощает
у всякого страха свой гнев
у молчания – свой конец.

Чеслав Милош

АД СУЩЕСТВУЕТ

Задача

С тревогой и горечью думаю, что я исполнил бы
своё предназначение,
Только если б решился на публичную исповедь,
На то, чтоб раскрыть всю ложь – свою и своей эпохи.
Нам дозволено было скрежетать речью карликов или демонов,
А чистые и достойные слова были запрещены
Под страхом кары – столь суровой, что тот,
кто смел хоть одно из них вымолвить,
Сам себя считал конченым человеком.

Рыба

Среди воплей, экстатического бормотанья,
писка труб, звона кастрюль и барабанного боя
Высшим актом протеста было сохранить чувство меры.
Но обычный человеческий голос, утративший все права,
Был словно немо открытый рот рыбы за стенкой аквариума.
Я принимал то, что мне суждено.
Однако был всего лишь человеком,
То есть – страдал, стремясь к существам, себе подобным.

Дитя Европы* [3]

Не может быть и речи о триумфе силы –
В эту эпоху побеждает справедливость.

* Фрагмент.

Не поминай о силе, чтобы тебя не заподозрили в том,
Что втайне ты исповедуешь упадочные идеи.

Тот, в чьих руках власть, обязан этим логике истории.
Отдай истории то, что ей причитается.

Пусть уста, формулирующие гипотезу,
Не ведают о руках, фальсифицирующих эксперимент.

Пусть твои руки, фальсифицирующие эксперимент,
Не ведают об устах, формулирующих гипотезу.

Научись предвидеть пожар с безошибочной точностью.
А потом подожги свой дом, и да исполнится предначертанное.

Высшие доводы в пользу порядка, почерпнутые из речи в совете всеобщего государства в 2068 году

Мы призываем крепить дисциплину не в расчёте на аплодисменты.
Их аплодисменты нам ни к чему.
Лояльным гражданам мы обеспечим защиту,
Ничего не требуя взамен, кроме послушания.
При этом, учитывая многообразие опыта,
Мы выражаем надежду, что люди оценят,
Как выгодно отличается наша единственно верная линия
От их безрассудных метаний и тщетных поползновений.
Можно смело утверждать: мы, и никто другой,
Вывели их из пустыни противоречий,
Где ничто подлинное не имело веса,
Ибо равный вес имело неподлинное.
Мы вывели их из этой бесплодной земли,
Где каждый, один на один со своим невежеством,
Медитировал над смыслом и бессмыслицей жизни.
Так же, как их свобода – женская нагота, –
Хлеб не имел для них вкуса, ибо вдоволь было его в пекарнях.
Под маской Искусства они скрывали причуды собственной скуки
И самый обычный страх перед быстротекущим временем.
Мы, и никто другой, открыли закон Помрачения,
Понимая, что ум, предоставленный сам себе,
Склонен впадать в крайности, которые ему непосильны.
Мы, и никто другой, открыли закон Преуменьшенных Целей,
Доказав: бедность и боль – необходимые условия счастья.
И когда сегодня они, обезумев, поносят запреты,
На самом-то деле они боятся, что запреты могут рухнуть.
Запрет позволяет им мнить о себе больше, чем они есть, –

Что они, быть может, ангелы, исполины,
порабощённые грубой силой.
Их правда, и они это знают, бывает правдой
лишь вопреки нашей правде,
Либо вопреки нашей лжи, что мы воспринимаем с юмором.
Страна златых гор манит их и пугает.
Ведь там их ждёт ничто: они сами, и только.
Так пускай прозвучит чётко и недвусмысленно:
Наша власть, хоть и жёсткая, существует не без их согласия.
Поскольку, по последним данным,
большинство из них шепчет во сне:
Да будут благословенны цензура и нищета.

Когда я говорил

Когда я говорил правду, глумливые улыбочки журналистских крыс
Конфиденциально давали мне понять:
мол, мы-то знаем, что к чему.
Всё, что я мог, – годами хранить презрение,
Зная, что рано или поздно их триумф неизбежен:
Все они получили то, чего так хотели,
Каждый – только ему предназначенную порцию небытия.

Структурализм

Я побывал на лекции структуралиста, он говорил необычайно интеллектуально, его французские лапки неописуемо интеллектуально держали сигарету.

Мне хотелось встать и сказать: ты, на этой земле воя и блевотины, на этой земле страданий всякой живой твари и моего человеческого отчаяния, ты, учёная скотина.

Да будет свидетелем великое племя умерших – смотри, проступают их лица, – как солоно и горько, когда на губах, едва тронутое языком, прорезается слово.

Единственное слово, которое что-то значит, которое, прогремев от небес до ада, вернёт утраченную гармонию, слово, которого нет, а есть только этот шум леса или моря – то ли лепет, то ли плач.

Что я, во глупости моей, против тебя, коллекционер замороженных слез, или против компьютеров лаборатории Лоуренса?

Я смешон точно так же, как тогда, в детстве, когда силился защитить священную рощу, гору Синай или остров Патмос, сам не понимая, что и зачем защищаю.

Потому что дети прыгали и рифмовали слова, и один мальчик пел: «мамаша-параша, мамаша-параша», а я вдруг бросился на него и начал пинать его и кусать.

Доказательство

А все-таки ты узнал, что такое адское пламя.
Ты мог бы даже сказать, какое оно: настоящее,
Увенчано острыми крючьями, рвущими плоть
В клочья, до кости. Ты шёл по улице казни,
По истекающей кровью улице бичеванья.
Ты помнишь всё, а значит, нет сомнений: Ад существует.

Мимоходом

Я наткнулся на это мимоходом, на улице, и мне показалось:
вот назначение человека.

Но у этого не было имени, и вспомнилась мне другая минута,
слов для которой я искал потом двадцать лет, и всё же нашёл.

Теперь всё начнётся снова: буду искать наяву и во сне,
только на этот раз, думаю, скажет «стоп» время, которое на исходе.

Так мало

Как мало я успел сказать.
Как мало.

Короткие дни.
Короткие ночи.
Короткие годы.

Я ничего не успел сказать.

Сердце моё устало
От веры и надежды,
От радости и отчаяния.

Пасть левиафана
Сомкнулась надо мной.

Нагой, я был брошен
На необитаемом острове.

Белый кит
Швырнул меня в бездну мира.

Я так и не знаю,
Что было со мной
На самом деле.

* * *

Сперва большие – люди и деревья,
Потом всё меньше – люди и деревья,
И вот уж вся земля, дома, поля,
Собаки, люди, травы, птицы, кони, –
Не больше, чем весенний лепесток,
Комочек глины, стиснутый в ладони.

На шарике тебе не увидать
Своей сквозь мир протоптанной дорожки
И умерших следа не отыскать –
Как муравьи, они поджали ножки,
Придавлены стеклом, янтарной льдиной;
Для глаз они теперь неуловимы.

Всё съежилось, и настоящий пёс,
И куст шиповника, над ним цветущий,
На этом фоне – с пирамиду ростом,
Как башни города для мальчика из пущи.
Всё – меньше малого, тебе не отыскать
Ни камушка, ни бабочки, ни ветки
На этой слишком маленькой планетке.

Казимеж Вежинский

ОТ ИСТОКА ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Спуск

Хромые не могут сойти по лестнице,
Путаются ноги деревянные,
Костыли выпадают из рук.
Ходьба – это тайное знание:
Жизнь или смерть.

Первая ступень посвящения –
Ещё более-менее,
Вторая уже держится кое-как,
Третья обрывается в пропасть:
Под ней круговерть перекладин,
Летящих вниз,
Лестница кружится в глазах,
Где же дно?

Хромые в панике падают,
Один на другого,
Вповалку,
Кости трещат о кости,
Пропасть взрывается криком,
На самом дне полыхает огонь,
Тут даже ад может показаться
Спасением.

Волки

Утрите волкам их мокрые морды,
А то у них кровь течёт из пасти

Прямо на манишку фрака,
Они ведь не могут дочиста вылизать себе морду,
В крови носы, ресницы и брови,
И по капельке капает, капает
Кровь.

Нельзя же в таком виде являться на бал.
Этак они перепачкают платья французским графиням,
Забрызгают туфли английским плейбоям,
И даже идейно-нейтральные мирные снайперы –
Жрецы дипломатии –
К таким гостям повернутся
Задом.

Как танцевать с такими – ведь когда они, встав на задние лапы,
Возложат передние на открытые плечи баронессам,
Падаль отрыгнётся, перебивая запах одеколона,
И засмердит трупами, которые они рвали на части,
И дамам подступит к горлу рвота,
А за декольте им с волчьей морды
Будет стекать, капля за каплей,
Кровь.

Волки сделали всё, чтоб изменить наружность,
Побывали у парикмахера, на лбу у них проборчики,
В кармане политехнические дипломы cum laude*,
На зубах золотые коронки, в петлице ордена,
Фрачок сидит как влитой,
И только с морды, боже, боже,
Всё так же стекает кровь.
Помогите бедным волкам,
Утрите им кровавые морды,
Ведь всё может вдруг измениться,
И они, как в глухом лесу,
На морозе, во тьме ночной,
Пронзительно завоют –
Прямо в бальном зале.

Заповеди

1.
Да не будет над тобой иной власти кроме нашей власти
ради власти.

* С отличием (*лат.*).

2.
Не поминай имени свободы всуе.

3.
Помни: мы непогрешимы и знаем всё за всех.

4.
Чти совершенство наше, дабы никто не исправил ошибок наших.

5.
Не бойся страха – это метафизический трепет перед историей.

6.
Не убивай без приказа, но приказ выполняй без дрожи в руке
и сердце.

7.
Не кощунствуй, когда придёт твой черёд, – смерть это наш образ жизни.

8.
Услужи ближнему своему, дабы и он выслужился перед тобой.

9.
Превозноси его до тех пор, пока он не очнётся порабощённым.

10.
Возненавидь ближнего своего больше, чем самого себя.

Некролог

Некрологи – это для тех, кто умер в своей постели.
О людях из газовых камер,
Из заполярных снегов,
Из придорожных рвов, где пыль заметает глаза,
Из подвалов, где черепа вскрывали, как жестянки,
Из следственных изоляторов, где умели глушить зов и крик
Пытаемых,
Даже стон –

О тех, кто подыхал в смраде тюремной параши,
У кого в раскалённых вагонах язык присыхал к нёбу,
Кого увозили неизвестно куда,
Далеко за Франкфурт, далеко за Тулу –
О тех, кого заставляли рыть себе могилы,

Кому, связав за спиной руки, велели встать на колени у края ямы,
Кого топили в баржах посреди Белого моря,
О тех, от кого ничего не осталось,
Даже имени,
Кто сгинул без вести –

О них не пишут некрологов,
Им – только память вдов,
Безнадёжные молитвы матерей,
Поражённые взгляды детей,
Плёнка, которая медленно, день за днём, затягивает рану,
Не до конца смертельную,
Да медленно, от ночи к ночи, растущая тишина
Слишком давнего горя,
Заглушающая зов и крик
Безутешных,
Даже стон.

Злодеянья безмерны,
Земля остаётся верной:
Вечный покой им –
Requiem aeternam.

Костяные башни

Известно, что нельзя жить в башне из слоновой кости.
А из человеческой – можно?
Приникать головой к голым черепам,
Обнимать рассыпанные берцовые кости,
Целовать расшатанные зубы,
Смотреть на скошенный обезьяний профиль того,
кто был тебе всех дороже,
Искать глаза в безмолвных впадинах,
Улыбку – в оголённых челюстях,
Сердце – в пустоте подреберья?

Нас обнесли такой стеной,
Окружили таким частоколом,
Захлопнули в таких капканах,
Заперли в такие башни.

А ведь тёплые руки обвивали нам шею,
А ведь голова была полна мыслей, в нас влюблённых,
А ведь губы когда-то сказали нам долгожданное, заветное слово,
Этот профиль плыл в наших снах, как абрис счастья,

А глаза, улыбка и сердце были тем,
Чего не выразить никакими словами.

И остались от всего этого только кости,
А из костей построены башни,
И в этих башнях нам приходится жить.

Memento*

Мы придумали гонки автомобилей и тараканьи бега,
Придумали лотереи, карты, больные амбиции, хаос чувств.
Придумали радость от неудачных стихов друзей,
Придумали грусть из-за «куриных лапок» возле любимых глаз,
Придумали зевак перед клеткой маленького носорога,
родившегося в зоопарке,
Придумали показы обнажённых девушек с ногами длиною в милю,
Придумали дело Дрейфуса и аферу Панамского канала,
Придумали столько страстей, что в нас нет ничего
кроме террора жизни,
Придумали философские системы, их победы и банкротства,
Придумали войны и памятники генералам и пацифистам,
Придумали, что у нас нет времени, только б не оставаться
наедине с собой,
Придумали страховки от несчастных случаев
и кареты скорой помощи,
Придумали больницы с кондиционерами, хлороформ и эфир,
Придумали столько всего, чтоб уменьшить страдания,
Чтоб забыть о смерти.

И вот – забыли.
И радуемся, что утратили память,
И смеёмся над теми, кто ничего не придумал,
Но верит в иное начало и иной конец,
Кто стоит на коленях, утомлённый трудом,
И прячет лицо в ладонях, и знает что говорит,
Когда шепчет ночью:
Отпусти нам грехи наши.

Слова

Мы состоим из слов,
Из слов нашего детства и колядок, нежных, как мама,

* Помни (*лат.*).

Из слов крылатых и несправедливых, как юность,
Из слов бессильных, но ожесточённых, как старость,
Из тихих слов, дрожащих, как ресницы от поцелуя,
Из слов, застрявших в горле, как марш на фронт,
Из слов, которых ждут в пустоте, как тюремного перестука,
Из слов иного мира, таинственных, как могилы.

Но есть и слова – отбросы, жалкие чаевые,
Слова – как выношенное бельё,
Слова с руками в карманах, как салонный наглец,
Не дочитанные до конца, как отчёт о дебатах в парламенте,
Слова навязчивые, как добрые советы ханжей,
Слова, которые скачут по нам, как блохи.

А ещё есть слова враждебные,
Лицемерные и коварные, как лукавое письмо от завистника,
Слова невинные, но опасные, как цикута, цветущая белым цветом,
Слова-клятвопреступления, после которых наступает ничто,
Слова изобильные, роскошные и безмозглые, как Голливуд,
Слова, ужасающие, как московские процессы,
Слова нашего века.

Поэтому мы убегаем в слова, к которым нет доступа ни у кого,
В слова, вызванные ночью из тёмной камеры сна,
В слова, что срастаются в новую ткань памяти,
В слова, рождённые голодом созидания, как при сотворении мира,
В слова неясные, но живые, как философия речи,
В слова, которые впервые встречаются в наших стихах,
В слова, которыми мы сеем ветры и пожинаем бури,
В слова, в которых вздымаются горные цепи радости
и хребты страданий,
В слова, которыми можно утешить любого, кто нам поверил,
В слова, в которых колышутся луга, лежащие навзничь,
В которых босые ноги плещут на пол, как дождь,
В слова, в которых влюблённые спят в обнимку,
В которых пахнет зимними яблоками,
В которых слышны адажио Баха,
В слова, которым мы посвятили жизнь.

Апофеоз

Глупость медведей, недоученных в Сморгонии,
Глупость подвальная, глубоченная, тёмная,
Пылкая, с пеной у рта,
Раздражённая, оттого что так и не вышло,

Нервная, заикающаяся,
С типуном на языке,
Глупость писклявая,
Глупость для дураков,
Чистая, как слеза,
Счастливая.

Глупость с цитатами, интеллектуальная,
Глупость тех, кто бледнеет в споре,
Глупость-демон из видений Виткевича,
Грустная, лишённая чувства юмора,
Лысая певица в лихом ореоле волос.

Глупость-не-на-шутку,
Глупость-не-на-висть,
Глупость опричников –
Тренированных, с кнутом в руке,
Грозная и воинственная,
Глупость на высшем уровне,
Глупость сегодняшняя
И завтрашняя,
До каких пор – неведомо,
Трагическая глупость.

Не пугайся

Не пугайся, открой дверь
И войди в мой сон,
Ты не разбудишь меня:
Я плыву от истока великой реки,
От берега к берегу – взмах руки,
Сердце – во мраке дна.

Не пугайся, открой дверь
И войди в мой дом,
Ты не разбудишь меня:
Я не сплю, я ищу впотьмах
Те берега, что держал в руках,
Твёрдую почву хоть какого-то дна.

Пробитый светом

А может, мне приснилось это:
И дождь, и ночь, и всё, что после,

И зеркало, и блики света,
И грохот ветра в эту осень.

Рассвет неведомый, дрожащий,
Сквозь ночь манил меня во сне том,
И я очнулся вдруг – кричащий,
Лучом пробитый, как стилетом.

Рышард Крыницкий

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ОБЛАКОВ

Граждане мира

Граждане мира, не читайте газет –
не только потому, что газеты лгут
и не стоит сличать одну ложь с другой.
Не читайте газет, не убивайте время –
время и так незаметно нас всех убивает,
крадёт нашу жизнь, швыряя взамен объедки

воображаемой жизни других людей.

«О»

Оптимизма с каждым днём всё больше,
буква «О» день ото дня всё крупнее,
тогда как «п»
(с которого начинается «пессимизм»),
напротив, остаётся неизменным
(объективно «п» всё то же,
субъективно – оно всё мельче и мельче).

О, тебе уже недоступны другие слова:
ты говоришь только «О»,
подглядываешь сквозь «О»,
подслушиваешь через «О»,
удовлетворяешь интимные надобности посредством «О»,
засыпая с огромным «О» на устах,
просыпаешься с ещё большим «О»;

твой рот разинут всё шире,
ты почти вывернут наизнанку,
тебе не до смеха, не до крика, –
не до веры, не до лика;

невероятно, но – ты просыпаешься с литерой?
цифрой? гласной? –
растущим «О» во рту;

и это «О» не видит мира вне себя

И мы на самом деле не знали

Может быть, мы были детьми, у нас не было опыта,
мы знали только то, что нас заставляют верить лжи,
и на самом деле не знали, чего хотим
кроме уважения к правам и правде человека,
когда собрались на небольшой площади
у памятника нашему великому поэту,
который молодость провёл в порабощённой стране,
а остаток жизни в изгнании,

мы курили сигареты и жгли газеты, полные лжи,
мы курили сигареты, хотя они отравляли наши тела,
и жгли газеты, потому что они отравляли наши умы,
мы читали конституцию и декларацию прав человека
и на самом деле не знали, что права человека
могут противоречить интересам гражданина,

и мы на самом деле не знали, что столько боевых машин
можно бросить против безоружных,
против нас – а мы тогда были ещё детьми,
и нашим оружием были только идеи, которым нас учили в школе
и от которых в той же школе нас отучали,
нашим оружием были идеи поэта,
у памятника которому мы собрались,

и мы на самом деле не знали,
что все эти идеи можно перечеркнуть
шантажирующими речами, провокационными статьями,
безжалостным натиском сытой надменной силы,
стократ повторённой лжи,

и мы на самом деле не знали, что взрослые поверят не нам,
а стократ повторённой лжи о том, что можно всё зачеркнуть,

обо всём забыть
и сделать вид, будто ничего не произошло,
и мы на самом деле не знали, что будущее
превзойдёт самые смелые наши ожидания,

и мы на самом деле не знали, что память это враг гражданина,
и мы на самом деле не знали, что, живя здесь и сейчас,
надлежит притворяться, что живёшь где-то ещё,
совсем в другое время,
и в лучшем случае сражаться с призраками

сквозь железный занавес облаков

Тебе уже не вылечиться от ненависти

Несчастная газетка, тебе уже не вылечиться от ненависти,
не лучше ли было тебе стать собакой,
ведь пёс, хоть и служит,
а всё-таки сам умеет лечить свои раны,
а ещё лучше – лисицей, которая даже ценой увечья
вырывается из капкана;

но ты, даже если ты лис или пёс,
предпочитаешь забытьё, спячку, прогрессивный паралич,
тебе нравится с пеной у рта добивать жертв,
заражать бешенством,
пресмыкаться перед карателями

и в одиночестве зализывать
незаживающую рану правды,
пряча её глубоко-глубоко,

как постыдную болезнь

* * *

Кому бы я ни был верен – верен тебе,
кого бы ни предал – тебя предаю,
о ком бы ни тосковал – по тебе тоскую:

И если я уже только эхо, только тень сна твоего
кого бы я ни забыл – тебя забываю

Наш специальный корреспондент

Из белого дома с красными стёклами. Из белой шахты,
её красных забоев наш специальный
корреспондент сообщает в чёрно-белых газетах
белого дома
с красной вывеской. Наш спецкор разносит блюда,
соблюдая очерёдность доносов.
Эхо доносит до нас его голос: пушки укрыты в белых стихах
красной сети вселенной. Вселенской разведки. Наш
спецкор в агентурной
сети корреспондентов доносит о
мнимой болезни. Мнимых агентов. Он пойман сетью связующих
слов и сослан в Сибирь
нового
мира.
Наш спецкор сообщает, кто единогласно
воздержался при голосовании ввиду скверного
состояния
здоровья и страхования. От голоса против. А также – кто
единогласно – одним голосом –
отождествил эхо доноса с донесением
пули, многоголосую революцию с единогласной
резолюцией, свет
просвещения с тьмой устрашения. В шахматной партии,
разыгранной в кулуарах. Единогласно ручаясь, единоруко
провозглашая, бросая связующее голос слово
в избирательную урну: Урну из пепла. В то же время.
В то же время? Как бы ты ни
поднял руку в этом
тайно открытом голосовании,
пресс
прессы
завтра же тебе её отдавит. Какую бы ни приподнял завесу,
это будет завеса ссылки. Наш специальный
корреспондент сообщает из белого дома: вера уже
другая, но звонят
по-прежнему единогласно. Все – за
вознесение
доноса. Единогласно единоглавые. Без вычёркиваний и без выбора.
Именно
так обстоят дела в белом доме с розовой
вывеской, упрятанной в бумажник
свиной кожи

с тиснёным узором

Элегия – ничья

Не кричи сквозь сон. Не зови.
И не молись понапрасну.
Над городом до зари –
ночь. Светила погасли.

Кто жив, кого нет в помине –
утренней мгле известно.
Кого настигнут Эринии
– кого бесчестье.

Хватит заклятий кровью.
Поздно: звучит команда
к нападенью. Час пробил.
Они уже здесь, Кассандра.

Вот они, Кассандра, не плачь,
даже и надо мной.
В зареве встал палач.

Тьма над нами – стеной.

Фашисты меняют рубашки

Фашисты снова меняют рубашки,
чёрные рубашки – на мертвенно-белые ночи,
на белые пятна в посмертных газетах опустошённого города,
со страниц которого выведены последние пятна крови,
крови, не ставшей знаменем.

Мозг животного брызнул из-под гусениц танка –
брызнул мозг побережья,
брызнул мозг океана,
брызнул мозг временного мира,
фашисты снова меняют рубашки –
себе и своим жертвам.

На белых рубашках не так заметны следы мозга,
на чёрных рубашках не так заметны следы крови.

Фашисты снова меняют смертный саван временного мира
и получают из депозита свои знамёна защитного –
черно-белого – цвета,
даже некрологи в их газетах фальшивы.

* * *

.. ..
.. ..
.. ..
чтобы рабы не стремились любой ценой дорваться до власти
а власти владели исключительно сами собой
чтобы судьи лучше уж ошибались чем были продажны
чтобы не все обвинители были готовы на всё
чтобы полиция раскрыла собственные преступления
взломщики вламывались только в самих себя
цензоры сами себя зачеркнули
стукачи сами себя завалили доносами
таможенники лезли в зад только друг другу
чтобы тюремщики построили идеальную тюрягу
заперлись в ней все до единого
и швырнули ключ в море

Белое Облако

то ли соединяет, то ли, соединяя, – делит:
между нами
обоюдоострый взгляд Белого
Облака

то,
что было прежде
только длящимся прошлым,
запечатлевает в том, что ещё возникнет

то, что есть, – превращает в неведомое

наша любовь сбывается,
пока ты в сомнении, –
безымянная и бесплотная

она то ли делит, то ли, деля, – соединяет,
запечатлевает нас
и два тела, далёкие и близкие, как губы

связует в своей летучей плоти

Адам Земянин

ЧТО-ТО ВИСИТ В ВОЗДУХЕ

Молитва у райских врат

I

Прочь
Пустые дни
Из моей головы

Брысь
Моя дурь
На перепутье дорог

Пусть я буду
Голым
Как фитилёк

Ступив
На райский
Порог

II

Вон
Чёрный сон
Из моих ночей

Страхам моим
Спуску
Не дай

Пусть я буду
Тихим
Как тень

Когда
Постучусь
В рай

III

Выбери
Вшей
Из моих идей

Гнид
Долой
Выгоняй

Пусть я буду
Слезы
Светлей

Когда
Войду
В рай

Петух на крыше

у меня на крыше
сидит петька пьяный
залил зенки кровью
и поёт пеаны

дескать видел-слышал
мол вообще-то стоит
надо бы а как же
ну конечно строят

ох и травит душу
за крыло хватает
а в глаза-то смотрит
гребень раздувает

но к счастью пока что
я ему хозяин

долго не протянет
коль вконец достанет

Конец сезона

Ночь верна мне
Как чёрная сука
Но клыки у неё
Как звёзды

Зацепился месяц
За ёлку
Трудно зá гору
Закатиться

На балконе
Кто-то играет
Сам с собой
В открытые карты

Нету дамы червей
В колоде
Всё равно – верь
В попутный ветер

Тишина
В санатории «Вереск»
В городке
Пустота и безлюдье

Поздним гостем
Подсела осень
Небо запер
Ключ журавлиный

Улыбка политика

она должна легко ложиться
на первые полосы
ежедневных газет

лучше всего ей быть многообещающей
и слегка загадочной
как улыбка Джоконды

она должна быть сердечной
но при этом скромной и искренней
в ней не может быть ни капли
хитрости или корысти

это отлично знают
политики всего мира
и потому с таким рвением
наперебой
смеются нам в лицо

Игра

на рассвете
карты побелели
масти потускнели
никто уже не знает
на что идёт игра

всё что осталось
королю червей
восходящее солнце
да корона страха
в день самоубийства

у пиковой дамы
валится из рук
рукоделье
                крестовый валет
свесил язык
словно гончий пёс

а четыре туза
всё поднимают тосты –
никак не поймут что они
остались совсем одни

Тупик

поезд слепой
в тупике
слепо поверил
дороге

и всё быстрей
вслепую
сам себя
гонит куда-то

Есенина кто-то
читает а тот
давно
соскочил на ходу

маникюр
соседки напротив
уже наливается
цветом страха

она не знает машиниста
не знает сама себя
вот и считает столбы
до звона в ушах

*** * ***

на маленькой станции
до того крошечной
что знает о ней всего один поезд
кассир пересчитывал стрелки часов
сдавая кассу
в надёжные руки

и никто никто
не заметил что в кассе
не хватает
одного билета

да, бывают
такие поездки –
вернуться из них
можно только
слезой

Молитва о смехе

Мне нужен смех
В это странное время –

Здоровый как
В роднике вода

Пусть он меня крутит
Колотит в темя
Пусть уносит
Меня туда

Где кроме хохота
Нет ничего
Мне нужен смех –
Больше всего

Пусть стены дрожат
И бьются стаканы –
Быть бы вечно
От смеха пьяным

Не то чтоб я был
Веселее всех
Позарез нужен смех –
Человеческий смех

Что-то висит в воздухе

Что-то висит в воздухе
Говорили по радио
Что-то висит в воздухе
И с этим никак не сладить

Что-то висит в воздухе
Сосед бросил строить дом
Что-то висит в воздухе
Но лучше молчи о том

Может уже устал
Наш двадцать первый век
А может быть просто так –
Этот отчаянный смех

Что-то висит в воздухе
Кто-то чует это нутром
Что-то висит в воздухе
Скоро и мы поймём

Что-то висит в воздухе
Соседка бледна как горе
Что-то висит в воздухе
А дверь уже на запоре

Может просто устал
Наш двадцать первый век
А может это уже знак –
Лебединой песни свет

На пороге осень

Не подливай
масла в огонь
огню ведь только
и надо этого

Не подливай
масла в огонь
на пороге осень
кончается лето

Небо вспыхнет
и вся земля
осенним огнём
запылает тоже

Ты станешь
облаком белым
а я
камнем придорожным

Томаш Глюзинский

С МЁРТВОЙ ТОЧКИ

Никто никогда

ПРАВДА ПРАВДа ПРАВда
ПРАвда ПРавда Правда
правда кравда кривда
Кривда КРивда КРИвда
КРИВда КРИВДа КРИВ
ДА пришло твоё царствие
так что криви душой смело и чест
но и так
никто никогда не ответит
за ту единственную
букву которую всякий раз
меняет
кто-то другой

Переписка

в ответ на ваше письмо сообщаем во-
первых нам об этом ничего не известно
во-вторых даже если всё это правда то
вероятно суд был прав в-третьих если
суд был прав то приговор справедлив
в-четвёртых если приговор справедлив
то осуждённые виновны следовательно
нет оснований за них беспокоиться или
им сочувствовать советуем вам держать
себя в руках мы всё проверим

Вокализ

пол-седьмого кто воздержался не
вижу стой кто идёт возьми шарф ну и
дождь два пива во имя отца и
сына скажите здесь живёт четыре
три два один пошёл добрый день что
и требовалось доказать пассажирский
поезд до кракова через новый тарг
пожалуйста полкило колбасы товари
щи что случилось первая шеренга нале
во справа женский монастырь вы
забыли расписаться трибуну две пачки
сигарет бензин цветы куда ты я вас
поздравляю ну и бежал старый чёрт
все равно уже поздно вот сдача трид
цать один четырнадцать это в трубе
гудит как дела за кого они нас
принимают в аэропорту высоких гостей
провожали циркуляция воздушных масс
в центре циклона до свиданья папа
эй там потише что за жизнь алло
слишком громко нельзя ли вас амен

Картина

ну так что
                или прикажете притворяться
что не слышен шум перестановки
макетов вся эта деловитая возня приглушённая
занавесом

                прикажете ждать смотреть
как стряпают снедь
                чем её заправляют
пускать слюну от запаха цикуты
может ещё коноплю расчесать
                да ветку приглядеть
раз уж выбор подмостков за нами

или прикажете нам отвечать ещё и
                за узел на петле
и угол виса

Будет трудно понять

всё не так уж плохо
правда
о траве
мы и думать забыли
но ведь с голода никто
не умер а болезнь
ещё не достигла размеров
эпидемии
правда
кое-где
не хватает кислорода
однако
отдельные случаи смерти
ещё не дают оснований
для выводов
значит
всё не так уж плохо

тем более что
всегда
независимо от обстоятельств
при интенсивном развитии
определённый процент потерь
неизбежен

можно спорить
о темпах роста
о факторах
не поддающихся учету
даже о выборе средств
но только не
об общем направлении

оно без сомнения верно
время покажет
только
когда-нибудь
будет трудно понять
как
нам удалось проиграть
этот бой
хотя жертв
было так немного

С мёртвой точки

сначала речь шла
о принципах
потом
предметом спора
стала трактовка

когда наконец
перешли
к сути дела
оказалось
что мнения
диаметрально противоположны

в таких ситуациях
единственный
способ сойти с мёртвой
точки
– компромисс

отказ от исходных
принципов
и деление
одной правды
на две
равно убедительных
лжи

Абсолютно ничего

ещё совсем недавно
конь
гарцевал могильщик хоронил
кузнец ковал женщина рожала
писатель писал и так далее
и так далее
потому что так был
устроен мир и было всему своё
время
место и назначение

но вот явился философ
точнее режиссёр
ему пришла в голову

остроумная мысль
мир следует
изменить
отныне
конь станет железным
женщина будет гнуть подковы
кузнец писать сонеты
могильщик рожать идеи
а писатель
пускай хоронит свой талант
в руинах философии
чтобы прийти
к выводу о том что жизнь сплошной
кошмар издевательство и притворство
потому что каждый
пытается выдать себя за другого
следовательно мир
может значить всё что угодно
то есть сам по себе не значит
абсолютно ничего

Обрывок

в день когда
ты уже ни с кем
не найдёшь общего языка
возьми

обрывок бумаги всё
равно какой
оберточной туалетной
сойдёт и трамвайный билет
запиши на этом клочке
то
что хотел сказать

скатай из него шарик
положи под язык и жди –
во рту вырастет
кляп

когда
затаив дыхание
ты будешь стоять за дверью

под треск ломаемых
досок
проглоти этот горький комок

вот она твоя
последняя трапеза

Похоронное шествие

Б.С.

траур носить
прекрасный обычай

но
чёрный креп это знак
для подонков
что дом
опустел и настало время
разбоя

давайте же снимем
траур
проглотим слёзы сиротские
вдовьи
вместо тоста
за тех кто в могиле
и за счастливцев
попавших в небо

пускай нас весело
похоронят

кто жив
пусть спляшет
в память о нас

Не спешите

когда-нибудь

я потеряю способность
трезво оценивать факты

но у меня в запасе
останется
несколько
мыслей

которые
я не смог
или
не успел до конца
забыть

поэтому
прошу вас

не спешите
с некрологом

чтоб завтра

вам не пришлось
брать свои слова
обратно

Юзеф Озга-Михальский

КАК ЛИСТ ПО ВЕТРУ

Я найду тебя

Если море
спрячет тебя на дне,
я найду тебя
по крупице песка.

Если ветер
спрячет тебя во тьме,
я найду тебя
по капле дождя.

Если смерть
спрячет тебя в земле,
я найду тебя там,
где упала звезда.

Сообщающиеся сосуды

Тучи на небе,
тучи на земле.
Все мы сидим
на одной и той же ветке.
Много ли места
нужно человеку,
когда его душа
летит как лист по ветру.

Ода листу

Лист,
        почему ты не хочешь
        упасть.
Упади на землю
    вместе с ветром.
У тебя ведь нет
        души бессмертной,
    чтобы долететь до неба.

Одни

Приходи,
мне никто тебя не заменит.
Я один,
там, где душа моя
отделилась от тени.

+

От тебя
никуда я уйти не сумела.
Приходи,
туда, где тень моя
отделилась от тела.

Он обокрал тебя

Он украл меня,
а ты ему веришь.
Он убил меня,
а ты его любишь.

Когда он зароет
меня в песок,
ты построишь
дом на песке.

Меня обманули

Твои чувства
меня обманули,

как петля шею,
когда та уже умирала.
Как огонь преисподнюю,
не пожелав разгореться.
Как туча гору,
пройдя мимо
и не заплакав.

Небрежность

Человек беспрерывно
меняет в себе детали –
новые на старые –
и ещё удивляется,
что ему ходить всё трудней.

Самое трудное

Человек уходит –
ему нечего сказать,
он даже дверь за собой
закрыть не может
– весь в прошлом,
как вчерашний день.

Такой человек
погружается в ночь,
со смертью живёт бок о бок,
запанибрата.

Покойник рядом с ним –
фикция
без имени и фамилии.

Можно перелить человеку
кровь,
пересадить кожу,
трансплантировать кости
на хирургическом столе.
Гораздо трудней
заменить ему
масло в системе мозга.

Точная мера

Правде жмут ботинки?
Снимите их –
пусть ходит босиком.
А тесные ботинки
пусть примерит ложь –
посмотрим,
не лгала ли правда.

Только и всего

Ни на болоте, ни в пруду
воды как не бывало,
и только снег лежит на льду.
А что с лягушкой стало?

Эдвард Зыман

ДЕНЬ ХОЛОСТОГО ПРОБЕГА

*** * ***

Вот вам
день как день
ни первый ни последний
безымянный и неизменный
ещё один понедельник
просторный и ровный
спокойный как ночь
потерянный на работе
убитый перед телевизором
день последних известий
праздников и похорон
день холостого пробега
бильярда и пива
орла и решки
вот вам
день как день
день как ночь
как
сон*

Эволюция

ещё не так давно господствовало мнение
что в стране всеобщего счастья
невозможно горе отдельной личности

* Краткое переложение.

страдание воспринималось как классовая провокация
и истолковывалось как намёк
сегодня убеждения не так догматичны
и хотя по-прежнему наша цель
всеобщее благо и справедливость
личные трагедии уже не кажутся нам
чем-то ненормальным и маловероятным
мы не рассматриваем их в свете идеологии
просто они есть: те кто силён в искусстве риторики
превратили этот факт в аксиому
новой веры – нет добра без худа говорят они
природа не терпит пустоты

Письмо

я стану твоей и расстанусь с тобой
я буду твоей женой твоей болью
ежедневной изменой и вечной бедой
едва ты коснёшься меня с тебя
хватит короткие дни
будут слишком длинны
ночи любви закуют нас в объятья
страха доверие мы превратим в подозренье
любовные письма в подмётные мы
будем вовсе не жить вдвойне
а умирать без конца
я иду к тебе и бегу от тебя
чем к тебе ближе тем меня меньше
и только синее небо над нами
вот-вот оно с грохотом рухнет на нас

Если однажды

если однажды
какой-нибудь незнакомец
скажет тебе добрый день
посмотри внимательно
ему на руки
а ещё в глаза
они тебе скажут всё
и станет ясно
будет день добрым
злым или никаким
будет этот день

или его не
будет
вовсе

Откроем карты

Анджею Отрембскому

откроем карты выложим на стол
свершим над собою акт правосудия
дойдём до сути
кто с кем почему
кому воздаётся кому
причитается где сон
где смысл куда ведёт
дорога
откроем карты
поставим пару вопросов
и попытаемся на них ответить
довольно петлять никуда ниоткуда
пойдёмте куда-нибудь
словами не тронутые
буквами не обманутые
досыта уставшие
где сон где смысл
кто против кого
беда рождается внутри нас
так откроем же карты
выложим на стол
если это покер
сыграем всерьёз

Кто он с кем и каким голосом говорит

Анджею Жаку

кто он с кем и каким голосом говорит
спокойно ли спит много ли у него друзей
при каких обстоятельствах он с ними познакомился
где ест где бывает с кем
работает умственно или физически
кто читает его кто слушает кто
следит за ним какие программы
он смотрит что чувствует что говорит
во сне послушен ли

нужен ли он кому и надолго ли
кто он с кем и каким голосом говорит
как молчит почему
виновен или невинен
что он пьёт что курит что сжигает
в себе кого обходит
стороной кто обходит его
к кому он ходит до чего
ему не дойти чему он будет свидетелем
и кто это засвидетельствует
пока ещё не слишком поздно

Что за радость жить

что за радость жить
сознавать что по ту сторону
пока ещё никто не караулит
не печётся о нашем благе
не подбирает нам друзей
что за радость верить – что бы мы ни делали
мы делаем на свой
страх и риск

не ждать непрошенных гостей
не вскакивать то и дело не бросаться к окну
не сновать по комнате из угла в угол
(куда нас может завести
такой метраж)

не лезть вперёд и не убегать
оба занятия в равной мере
бессмысленны не ломать руки
за нас это сделают другие

не плакать не смеяться
это может возбудить подозрения
не просить о помощи не замыкаться в себе
(и так упекут под замок)

не стрелять бездумным неосторожным
словом (уж в нас-то выстрелят точнее некуда)

не взывать напрасно – и так вызовут
придёт время найдётся и место
туда мы доберёмся без всяких осложнений

нечего бояться нечего трепыхаться
так и так когда будет пора
в грудь вонзится клинок
безжалостный как рассвет

Накануне отъезда

не нервничай парень
не ломай руки
в отчаянии не поддавайся
эмоциям не доверяй
никому не желай такой поездки
никто не отменит
не изымет из обращения
мыслей не бросай на ветер
не рассчитывай на попутный закутайся плотнее
захлопни рот а лоб
не очень-то открывай
не дыши ртом
не ори слишком громко
не надо протестовать
всё равно это ничего не даст
не нервничай человек
ты же звучишь гордо
не проклинай
судьбу её ничто не изменит
не замедлит её хода не избавит
от страха голода неуверенности
кибитки взглядов уже наготове
так не жалей своих глаз оглядись
хорошенько постарайся запомнить
как можно больше данных
тебе обещаний не принимай всерьёз
не нервничай парень
состояние твоей психики не имеет
ни малейшего
значения

Когда вдруг

когда вдруг неожиданно друзья подводят
и становится ясно что разводные мосты надежды
ведут в никуда
а слова теряя вес и точность

становятся опасной игрушкой
для политиков поэтов и проповедников
когда простейшую фразу не
поймать с поличным на месте убийства
правды когда все слова в одной цене
и признание в любви легко перепутать с протоколом
собрания допроса доносом спортивным
репортажем когда доверие рационированный
товар как рулон бумаги от сих до сих
ни грамма дальше когда ответственность и отвага
уходят по-английски в словарь иноязычных
слов и выражений
когда выйти вперёд может значить что тебя уведут
неизвестно куда когда слово друг
начинает звучать двусмысленно а руки
которые раньше встречались в сердечном рукопожатии
впиваются мёртвой хваткой
когда вдруг неожиданно нас заливает
волна ничего не стоящей информации (кровь системы)
и не по собственной воле мы выходим из дома чтобы отречься
от жестов лиц от своих детей
когда око в око зуб в зуб перед нами
пустота непостижимая бездна
тогда за миг до того как рухнуть в пропасть
хорошо ощутить под ногами
клочок настоящей земли

На авторском вечере

скажу вам прямо грустные у вас стихи
пожалуй даже пессимистические создаётся впечатление
что вы не знаете другого цвета кроме чёрного
не признаёте никаких ценностей всё для вас
бессмысленно плоско убого
в вашем мире нет места для любви дружбы
элементарной доброты что вы сделали с людьми
у меня такое чувство будто их нет я тоскую
по нормальным обыкновенным людям по тем кого мы
видим каждый день на улице на почте в трамвае
лично я не могу согласиться с таким беспросветным взглядом
на вещи ваша поэзия ведёт в тупик вызывает
упадок духа отнимает веру в смысл
каких бы то ни было действий ничего не стоит делать
наши усилия не имеют значения
кто дал вам право так говорить с нами

мы молодое поколение полное веры
у нас много дел и мы не сомневаемся
все они нам по плечу мы умеем верить а ведь это так
важно слушая ваши стихи
я просто думаю: не сложилась у парня
жизнь вот он
и плюётся жёлчью

Дариуш Томаш Лебёда

СВЯЩЕННОЕ СЛОВО – НЕТ

молитва за бобби сэндса

боже прими в своё царство бобби сэндса
од не предал твою веру – после двух месяцев голодовки
не дойдут и слова папы римского

боже прими в своё царство бобби сэндса
прислушайся к неумолкающим взрывам – так молится северная
ирландия

боже прями в своё царство бобби сэндса
названный брат христа он распят на первых страницах
газет всего мира

боже прими в своё царство бобби сэндса
прости ему – он до конца верил что ты не покинул его
и потому на его губах застыло священное слово – НЕТ!

боже прими в своё царство бобби сэндса
он до последней минуты сжимал в руках распятие
– не вини его за то что он думал что сжимает карабин

* * *

лицемерные как иуда запятнанными руками
мы пересчитываем сребреники

оценивающим взглядом каина окидываем
наших братьев

сердца наши будто камни которыми
бросали в иисуса

души как пламя пожиравшее
жанну д'арк

мы просыпаемся утром
сжимая в одной руке

библию а в другой
топор

* * *

«Я сомневаюсь только насчет Вилли –
если не поговорить с ним, он может
воспользоваться суматохой, чтобы сбежать».
Э. Че Гевара. Боливийский дневник

ты не слишком верил вилли команданте а он вынес
тебя на своих плечах из-под обстрела рейнджеров и потом когда
в ла игерас ты услышал залп и его крик – я горжусь
что умираю рядом с че – ты понял что это был
один из лучших твоих партизан – так же как чино
коко инти и таня

ты был уверен что этот лейтенант пришёл
тебя убить но это было не важно – когда на борту вертолёта
ты возносился в небо ты уже знал что именно благодаря
таким как вилли революция бессмертна

* * *

добрый вам день наркоманы с улицы ожиданий
в глазах у вас каждый день умирает ещё одна
краска в ушах каждый день умолкает
ещё один звук

добрый вам день наркоманы с улицы ожиданий
каждый день кто-то из вас уходит
смерть каждый день целует вашу
кровь

добрый вам день наркоманы с улицы ожиданий
можно я сяду возле вас на скамейку

где время увядает
словно мак

* * *

Я уже не из этого мира – предчувствую
мир иной

я больше не вижу деревьев и птиц – только
просветы в дальнюю даль

я не слышу ветра в ветвях – далёкий зов
звучит во мне

я не чувствую тепла – на мне
чей-то пристальный взгляд

я уже не из этого мира – тот мир
притягивает меня

как магнит опилки железа – всё сильней
и сильней

* * *

ещё только пара затяжек тоски
ещё чуть-чуть печали

ещё один глоток боли
да щепотка страха

ещё только один узел
всего лишь одна петля

* * *

говорят сыграли в ящик четверо
наших

слыхал гейзер – теперь только ты да
я таскаем в дорожных сумках карабины
шприцев готовых дать золотой
залп

слыхал гейзер – теперь только ты да
я можем быстро и точно
устанавливать связь
с господом богом

говорят накрылись четверо
наших

слыхал гейзер – тем же залпом
слов простятся и с нами твою мать

* * *

лютик повесился в поле
умирающей сизоворонки

грачи и галки выклевали свет
из глаз его

когда я видел его в последний раз
его зрачки говорили:

я расскажу тебе как уходят
в дальнюю даль

я покажу тебе место
где времени нет

где ненависть становится любовью
чистой как взгляд ребёнка

лютик повесился в поле
умирающей сизоворонки

грачи и галки выклевали свет
из глаз его

последнее письмо ромки лютика (с разрешения его родителей)

милая мама и ты отец простите мне то что я делаю
но у меня нет больше сил мучаться с самим собой
странно – все дни похожи как две капли воды –
вот бы вернуться в те годы когда мы ездили к бабушке

когда мы все вместе купались в пруду и ловили рыбу
но это осталось где-то там далеко позади словно
за матовым стеклом я чувствую что никому не нужен
– не думайте что дело тут только в девчонке – я не
могу объяснить но знаю – так должно было быть всегда
в моей комнате пусть живёт анджей крепко его от меня
обнимите и отдайте ему мой мопед майки и джинсы
прощайте это мои последние слова

p.s. пожалуйста любите все друг друга

Теперь я могу тебе это сказать

я всегда был слабым – слабым как тело
под колёсами поезда
теперь я могу тебе это сказать теперь
я могу признаться
я никогда не умел спорить с тобой
и обманывал себя
говоря что не в силах перед тобой устоять

поэтому то что случилось со мной было карой
равной моей вине и я не могу
винить тебя что ты покинула меня когда мне
нужна была помощь и потому
я никогда не отплачу тебе ненавистью

и потому всегда буду любить тебя любовью
отрицающей твоё бытие
любовью спасительной и так должно быть так
люди должны
расставаться иначе любовь не имеет смысла

ты всегда была слабой – слабой как тело
под колёсами поезда
теперь я могу тебе это сказать теперь я
могу признаться
я всегда это знал – ты никогда не хотела
спорить со мной
и обманывала себя говоря что не хочешь
причинить мне зло

поэтому то что случилось с тобой было карой
большей чем твоя вина и ты
не могла не покинуть меня когда мне нужна была

помощь потому что сама в ней
нуждалась – и потому ты всегда будешь
платить мне ненавистью

и потому всегда будешь любить меня любовью
спасительной
любовью убивающей наповал и так
должно быть и так
люди должны расставаться иначе имеет смысл
только смерть

Анджей Важеха

КАКОЕ ДЕЛО КАМНЮ ДО ПОБЕДЫ

Биография

В поисках правды
они собирали факты
как перья
из распоротой подушки

дырявые дни
недели без воскресений
один год
без осени
другой без весны

и наконец последняя
разорванная минута
чтобы склеить её
не хватило одной секунды

но всё равно
это была
лучшая из биографий

С завязанными глазами

Это был первый день его жизни
но как он мог об этом знать
это был факт не особенно важный

на фоне множества золотых мыслей
дурных предчувствий и тщетных надежд
мир клокотал
сам дьявол шуровал в печи

Это была середина его жизни
сегодня это можно вычислить
с точностью до доли секунды
но разве мог он об этом знать
астронавты приветствовали землян
космическими штучками
взрывались гранаты революций
разъеденные ржавчиной унижения

И вот настал последний день его жизни
но не мог же он прочесть об этом в утренних газетах
и он впустил в комнату первый луч солнца
желая удачи
себе и миру

Кто я

Без свидетельства о рождении
записи о крещении
табеля успеваемости

кто я
без служебной характеристики
без надёжных рекомендаций
без документов и копий
без прививок
от оспы и тифа
кто я

Без приписки к военкомату
не включённый ни в один список
без фамилии под стихотворением

Кто я

Вплоть до миллиметра

А ведь если б я протянул руку
поправил галстук

почистил костюмчик
если б я
затвердил наизусть
или напрочь забыл
если б я наконец
не был таким эгоистом
тогда я мог бы стать
порядочным человеком
полезным для общества
как эталон
погонного метра

Воплощение

Это не его слова
хотя он их написал
Не его следы
хотя он их оставил
Не его фотография
просто он позировал
Это вовсе не он
а лишь его воплощение

Икар

Смотрите-ка, смотрите, этот-то, напротив,
вывесил наконец
простынку совести. Ветер
треплет её, как знамя,
а дождь смывает тёмные пятна.
Смотрите-ка, смотрите, а этот, напротив, уже научился летать
и, словно бумажный змей,
легче воздуха,
реет над крышей.

Круг

Кто блуждает тот ищет
кто ищет тот может найти
кто найдёт тому придётся понять
кто поймёт может испугаться
кто испугается даст дёру

кто уносит ноги тот бежит
а кто бежит тот немногое видит

Пасхальные вопросы

А что воскреснет
вместе с нами...
весенний луг
да белый камень

Но будет ли тогда
дозволено
нам сквозь хлеба
пройти по полю?

Рука

Какое дело камню до разбитой головы
до выбитого окна?
Какое дело камню до победы
ведь он не знает
чья рука его швырнула.

Паника

Скорее
скорее
несите энциклопедии
несите священные книги
кодексы и трактаты
прижмите к языку
провода идеологий

приведите гадалок
пришлите астрологов
созовите оракулов

умирающий
хочет знать правду
умирающий
хочет знать

Казимеж Ратонь

ПУСКАЙ СКАЖЕТ КТО ОН

*** * ***

Ты должен идти
ты не можешь стоять
не можешь сидеть
Ты должен идти
хотя и не знаешь куда
хотя и не знаешь зачем
Ты должен идти
у твоей дороги
нет ни конца ни начала
она вне пространства и времени
это путь через всю твою жизнь
о которой ты ничего не знаешь
ни когда она началась
ни когда она кончится
Ты должен идти
ты не можешь стоять
не можешь сидеть
никто тебе не поможет
никто с тобой не пойдёт
Ты должен идти
Ты должен идти один

Иду

Я иду
под раскалённым чугунным небом
на котором уже никому не увидеть солнца

никому не узнать как оно велико
и как далеко

Иду
сотрясаемый предсмертной
дрожью земли
вселенским плачем вещей
лишённых покрова
покинутых мыслью и болью

Иду
с ужасом глядя в глухое чугунное небо
и небо стекает палящим ливнем
временами на миг цепенея

Я иду к вам
не ведая где вы
не ведая там ли вы ещё
и я ли это ещё

* * *

Я не войду в издыхающий сад
где вы копошитесь упорно и рьяно
ложь называя правдой и искупленьем

Никогда не войду не дам себя упросить
чтобы не знать как вы убиваете разум и счастье

Я не войду в издыхающий сад
закройте его от меня закройте

Кто идёт ко мне

Тот кто идёт ко мне пускай скажет кто́ он
если кто-то ещё может ко мне идти
если где-нибудь есть ещё такой человек или зверь
пускай он скажет кто он и откуда
зачем пришёл и куда пойдёт потом
если он вообще ещё может где-нибудь быть

Я жду его жду сам о том не зная
жду сомневаясь и веря во мраке и в солнце
и если он всё-таки где-то может быть если он есть

да услышу я сначала слова его и голос
тот кто идёт ко мне пускай скажет кто он

Кто-то всё ближе

Кто-то всё ближе хотя ничего не видно
Человек ли выходит из тьмы
Его ли это стон его ли песнь
Кто-то всё ближе осветите леса
Сорвите с деревьев наряд карнавальный
Расстелите ковры для усталых ног
Принесите хлеб с горячим вином
Ибо вот человек из далёкой страны
Из тех краёв куда я уйду когда стает снег

Но это не он
Не он
Это всего лишь раненый пёс ковыляет из леса
Только собачий визг я слышал в бреду

* * *

Надо вынести этот труп который хочет воскреснуть
он прикинулся человеком
его слова и гримасы похожи на ваши
у этой плоти есть нутро в ней циркулирует кровь
труп притворяется человеком он хочет воскреснуть
жаждет существовать расти так же как вы
всё в нём стремится быть таким же
и всё в нём ложь
коварный оскал небытия
надо вынести этот труп пока он не начал вонять

* * *

Твоё лицо возникает из тьмы
немое покрытое струпьями
голое воспалённое
ищет оно другое лицо
чистое белое рождённое светом
омытое в целебных родниках
ибо твоё лицо утонуло в гное
и нет у него ни формы ни тени

* * *

Да ещё этот пёс где-то рядом скулит
и так уже ничего не осталось а тут ещё этот пёс
заберите его отсюда
заберите этот скулёж
он меня душит и унижает
я не вынесу этого голоса
голоса человеческого

* * *

Дождь над нами, вонзается дождь гвоздями,
долгой тревожной болью
стекает в горящие лёгкие,
огнём течёт внутри.

Дождь над нами, дождь непрестанный,
он затопил глаза, он заливает свет.
Дождь над нами, оглушительный дождь.

* * *

Может быть это случится сегодня
может быть завтра
может быть это случится уже сегодня
может быть только завтра
это случится наверняка
это должно случиться

Но что?
Что должно случиться?
Что должно случиться наверняка?

Не знаю
но это случится
это случится наверняка
я верю в это
верю

Это должно случиться
я так доверчив
я так покорен

Ян Гурец-Росинский

В ЗАБРОШЕННОМ САДУ

Нирвана

Однажды
не знаю когда и где
я потерял душу

Осталась
груда обломков
мешанина гниющих мыслей
заросли бурьяна
в заброшенном саду

Я потерял душу
нить
которая вела меня
голос
который звал меня
стебель
который рос во мне
я есмь
но меня во мне
нет

Никому не нужный
я ищу место
где смогу обратиться в прах

Краткие тезисы о гуманизме

Это было в год свастики

все дороги лежали замертво
дома были замурованы как склепы

ожерелье из пулемётов
опоясывало судьбу

в вагонах для скота
пломбировали человеческую падаль
и пепел на мыло на удобрения

на востоке тлело неполярное сияние

сентиментальный мещанин мечта Розенберга
убивал моё завтра

я похоронил его анонимно

осталась память о расстрелянных
глина
из которой я леплю посмертные иконы

Манекены

Всегда бодренькие
с улыбкой наготове
ты можешь видеть их на улице в театре в храме
они проходят парадным строем салютуют стоя навытяжку
делают реверансы
ритм шаг тональность униформу выражение лица
задаёт им тот
кому они принадлежат

завтра
уже в другом костюме
они одарят другого хозяина
той же улыбкой

а когда их вышвырнут на свалку
будут молить о сострадании

никому не нужный хлам
замаскированный улыбкой

а внутри-то ты только глянь
о п и л к и

* * *

Я подвесил на нитке жизнь

вечность заглянула мне в глаза

я хотел познать радость ухода
и ужас возвращения
хотел на миг
забыть всякий смысл

жизнь висела слепая
не говоря ничего

мир
огромным камнем
крушил мне голову

Афоризм

Кто выдержал удар случая
– тот не играет молниями
Кто хоть однажды умирал
– не проклинает мира
Тот кто помог падающему
– переживёт себя

Отчаяние прививающего

Чтобы привить
надо разрезать
нанести удар
вытерпеть боль

Радость приходит
или не приходит

Замысел завязи
восторг бутона
первое яблоко
твоё сотворение мира
сбор плодов
жестокость руки
отчаянье корня

Скольким деревьям
ты причинил боль?

Крона
живое облако мысли
это только венок
на могилу времён

Чтоб возродить
надо срубить

Надежда открывает
смысл и тайну

* * *

У земли есть глаза –
моря
у земли есть уста –
пустыни
у земли своя боль –
вулканы
у земли свои мечты –
горы
у земли своя любовь –
небо

которого ей не достать

Притча о мудрости

На придорожном камне
сидела мудрость

Люди кланялись ей в пояс
почтительно проходя мимо
спрашивали о том о сём
и шли дальше
чтоб отнести дары глупости
сидевшей на высоком троне

Пойдём с нами
говорили они
поклонись глупости
будет и у тебя трон

Правда в простоте
придорожный камень
прочнее чем трон
отвечала мудрость

Мудрость мудра
шептали трусы
но она не знает жизни
давайте поклонимся глупости
глупость зла и коварна

Убейте мудрость
и я подарю вам
трон
потребовала глупость

Они вздохнули
прослезились и
перекрестясь
побили камнями мудрость
сидевшую на придорожном камне

Потом они искали её всю жизнь

А трон
качался
то влево
то вправо
то на три ноги припадал
то на четыре
то вовсе падал

Предопределение

Твой полёт
окончится внезапно
ты не успеешь даже
запомнить его смысл

мотылёк
в сетях паутины
луг
принимающий лемех
дерево
поражённое молнией
человек
с пулей в затылке
у них выбора нет

Всё согласуется
с гармонией природы
так кто же составляет
код судьбы?

случайность
рок
сцепленье неизбежностей
десница Бога?

Никто тебе не ответит

Убейте меня

Убейте меня
если в мире нет места
для голоса
который во мне
для красок и звуков
которые я отыскал
для родников
утоляющих
жажду мою

если моя прямая
для вас – кривая

если моя кривая
для вас – прямая

если слово моё
вам поперёк горла
а всё что мне костью в горле
для вас – знамение времени

Убейте меня

лучше сдохнуть
чем быть ряженым
рабом этого
поддельного мира

Ежи Гизелла

ГЕОПОЛИТИКА МУРАВЬЁВ

Чем хата богата

Господь Бог дежурит бессменно
только вызовы обычно поступают к нему
в последний момент

Бог приходит вместо врача
а больные сердятся
что он не принёс им морфий

Попрекают его
своими нудными грехами
давней изменой идеалам юности

Красноречиво жестикулируя
демонстрируют ему пустые тарелки
и тощие кошельки

Принц датский

Кто-то опять раздевается
чтоб завтра кому-то другому
не на что было одеться

Кто-то не хочет принять таблетку
чтоб завтра кто-то другой
удавился бельевой верёвкой

Сегодня он бормочет как я себе надоел
с этим пора кончать
завтра он всё забудет

Вытащит из сумочки у жены
последние деньги
поколотит ребёнка

Хряпнет водки с приятелем
которому скрасил жизнь
парой доносов

Не надо искать его со свечами
он живёт среди нас
без конца повторяя: быть или не быть

Self-made-man*

Ему осталось только примирить
своё отличное самочувствие
и дурное воспитание

Респектабельный внешний вид
и душевную пустоту

Способность резать правду-матку
и шестое чувство

Чувство юмора
и пьянство до потери сознания

Очень скоро
глаза нос и уши
перестанут предупреждать его
об опасности

Лирический герой

Они меня ненавидят?
Ничего страшного
– зато я их люблю!

* Человек, всем обязанный только себе (*англ.*).

Они надо мной смеются?
Злорадствуют?
Я не принимаю этого всерьёз.

Они меня ещё не знают!
Я помогу им,
я всё устрою.

Ведь это ради них
я страдаю,
хотя теперь это так не модно!

Я первый протяну им руку!
(Посчитайте, пожалуйста –
вам хватит этой суммы?)

Чтоб не сглазить

Мой воспитатель умер от инфаркта
он пытался сказать мне правду в глаза

Мой рак отказался от метастазов
из-за трудностей с транспортом

Смерть готовится
к заочной защите диплома

Я настроил антенну совести
на приём единственной волны

Наконец-то могу написать что-нибудь
жутко безмятежное

Эра космических полётов

Мы ищем общества
а оно бежит от нас как от стукачей

Радуемся удачам
своих заклятых врагов

Старательно избегаем тем
которые нас живо интересуют

Собственную юность
выставляем в ложном свете

Играем серьёзную роль –
мы поборники прогресса

Повторяем старую песню
о новом – лучшем – времени

Скоро

Уже скоро скоро
Я в себя не приду
Больше в себя не приду

И не будет во мне ничего
Что могло бы взорваться
Что могло бы привольно разлиться

Даже встреча с Тобой
Не произведёт на меня
Ни малейшего впечатления

В автобиографии я умолчу
О своих многочисленных монологах
В гамлетовском стиле

Только тогда
Всё что случится потом
Не будет похоже
На банальную ложь
Которой не видно конца

Рай фараоновых муравьёв

Их ежедневные миграции
Маршруты скитаний по стенам
Вдоль труб
Центрального отопления
А может охлаждения
Всё новые месторождения корма
Многомиллионные семейные гнёзда
В пакетах с сахаром

Геополитика муравьёв
Базы в посылках Красного Креста
И Красного Полумесяца

Остервенелые муравьиные игры в бридж
Муравьиное пьянство
Муравьиное трудолюбие

Они ходят в церковь
На башмаках человека
Их теряют вместе с ключами
От квартиры

Убьёшь одного
Тут же лезет другой
Муравьи дуют в дудки
Бьют в барабаны

Нет это ещё не конец света
А только увертюра
К опере «Переселение»

Странные времена

Ты уехал неожиданно
Не попрощавшись
У нас это называют
Одним коротким словом

А ведь следовало бы остаться
Чтобы пожать плоды
С мукой в глазах
И скорбью на челе

Чтобы гасить и зажигать
Маячные огни
Последнего вздоха
Последнего причастия

Никто в здравом уме
Ни один человек
Не поверит что ты сделал это
Только от стыда

Будто бы тебе было стыдно
Здороваться
В лифте
С соседями

С мирными соседями
Которые днём
Развешивают
На чердаке бельё

А по ночам
Душат за горло
Пинают по почкам
В прыжке ломают рёбра

Практические рекомендации

Каждый гражданин
Встав поутру
Должен убедиться что у него две головы
Одна для буден и для работы
Другая на всякий случай
Для праздников и для семьи

Не помешают и две пары рук
Когда повинуясь приказу
Одну он поднимет вверх
У него будет шанс защититься

А ещё четыре ноги
По одной на каждую сторону света
Чтобы в случае победы
Было легче унести голову

При таком раскладе
(Что хирургически возможно)
Даже у малого народа
Остаётся неплохая возможность
Выжить

Недаром
В грязи оттиснута
Лапа динозавра

Роман Брандштеттер

НЕ РАЗДИРАЙ ОДЕЖД СВОИХ

Христос идёт по озеру

Ночь вокруг.
Я молюсь Тебе.
Но Ты не приходишь.

Что мне с того,
Что вера –
Это продление
Жизни
В вечности,
Если я – человек
Малой веры?

Я боюсь глубины,
Не умею по ней ступать.

Молюсь Тебе.
Но Ты не приходишь.

Молитву мою вспенил
Бушующий ветер.
Молитва моя
Бурлит и клокочет.

Приди ко мне, Господи,
Галилейский прохожий,
В пору тревоги
И штормовой глубины,
В пору кипящего озера.

Не обойди меня стороной.

Ступай по моей
Вспененной молитве.
Не дай ей
Выбросить меня,
Как утопленника,
На занесённый илом
Берег.

Притча о гостеприимном хозяине

И пришёл к одному человеку ангел.
И был он измождён и бескрыл,
А стопы его были черны от пыли.
И человек тот омыл ноги его,
Но как подобает гостеприимному хозяину,
Не спрашивал небесного гостя,
Отчего у него нет крыльев.

Притча о человеке и его вере

Один человек
Получил письмо,
Длинное,
Учтивое,
Умное письмо
С просьбой
Не отказать в любезности
И ответить
На вопрос анкеты:
«Почему я верю?»

И человек тот ответил так:
К сожалению, уважаемые господа,
Я не знаю,
Почему я верю,
А знаю только,
Что если б я утратил веру,
То не смог бы жить.

Человек тот был очень удивлён,
Когда редакция,

Не напечатав его ответа,
Через какое-то время известила его
Кратким,
Корректным,
Умным письмом,
Что ей интересна его вера,
А не его жизнь.

Литания святому Антонию

Мир – словно воз сена
На триптихе Босха.

Мы утратили смысл жизни,
Веру,
Надежду,
Меру всех ценностей,
Да и самих себя.

Как же нам себя отыскать,
Святой Антоний?
Как?
И где?

Мы себя ищем в золоте,
В бриллиантах,
В чековых книжках,
На биржах, подобных сумасшедшим домам,
В банковских сейфах,
В набитых конторках,
В захламлённых кладовках,
В темных подвалах вожделений,
В наркотиках,
В водке,
В похищениях и убийствах,
В бюрократии,
В ничего не стоящих печатях и штампах,
В упоении властью.

Везут сено на возу.
Везут...
И каждый норовит урвать
Соломинку.
Желательно потолще...
Или хоть какую-нибудь...

Святой Антоний,
Ты нашёл иголку в стоге сена,
Научи же нас, как отыскать совесть,
Которую мы потеряли,
Ничего об этом не зная.

Едет воз сена,
Едет,
Как на триптихе Иеронима Босха...

Литания об избавлении от глупости

Почему глупость пристала к нам так крепко?
Прежде всего потому, что мы не боремся против неё
со всею отвагой и со всем жаром не рвёмся к освобождению...
Сенека. Письма к Луцилию

Избави нас от глупости, Господи!

Мы – соль земли, выдохшаяся и никчёмная.
Мы не умеем жить,
Не умеем думать,
Смотреть,
Слушать,
Ничего не умеем предвидеть,
Не умеем извлекать
Спасительные выводы из несчастий.
Так и карабкаемся
По крутой лестнице иллюзий
– Стая людей,
Одержимых завоевательским ражем.
А ступеньки трещат и ломаются
Под тяжестью наших безрассудных шагов.

Делая всё наперекор здравому смыслу
И врождённому стремлению выжить,
Мы шагаем по мнимой дороге
К призрачной цели.
В своих поражениях видим победы,
В победах не замечаем поражений,
В бессмыслице усматриваем смысл.
Речь,
Эту привилегию и гордость избранности своей,
Мы превратили в орудие пустой болтовни,
Уродства
И ядовитой лжи,

На которой пытаемся строить
Величие человека.

Боже, Ты, чья мудрость безгранична,
Творец совершенного космоса
И прекрасной земли,
Бессмертной души
И мозга,
Серого вещества,
Пяти чувств
И вольной воли,
Вызволи нас из хищных когтей глупости,
Этой черноглазой обольстительницы,
Которая нас искушает
На каждом углу истории,
Этой виновницы
Наших нелепых выходок и шутовских затей,
Наших падений
И бесплодия нашей жизни.
Дай мудрость очищения
Нам,
Детям земли,
Соли её, выдохшейся и никчёмной.

Литания Святому Духу

Взгляни,
О Дух Святой,
На людей, идущих вперёд
По бесконечной дороге прогресса,
На мудрецов,
Изваявших идола
По своему образу и подобию
Себе на погибель.

Взгляни,
О Дух Святой,
На распад атома,
Распад морали,
Порядка,
Согласия,
Искусства,
Цивилизации,
Распад слов,
Законов,

Гармонии,
Разума,
Логики,
Распад всех ценностей.

Из бездны взываем к Тебе,
Дух Святой,
Ибо мы стали безвольным орудием
Своих легкомысленных созданий.
Мы – те, кто не ведает, что творит.

Сойди
На землю саморазрушения,
На поражённые раком города и деревни,
На прокажённые дома,
На отравленные хлеба, сады и вертограды,
На мёртвые моря и реки,
Кружи над нами,
Людьми хаоса,
Лжи,
Безумия.
Кружи, как некогда кружил в предбытии
Над хаосом непокорных стихий.

Кружи над нами,
Укротитель хаоса,
Над полем наших поражений,
Над бойней этого мира,
Над свалкой, полной
Недоношенных плодов,
Над землёй, смердящей чадом сожжённых тел,
Над горами ядерных отходов.
Избавь нас от глупости, притворившейся мудростью,
От лжи, притворившейся правдой,
От слепоты, притворившейся зоркостью,
От хамства, притворившегося оскорблённым достоинством,
От фанатизма, притворившегося верой,
От грязи, притворившейся чистотой,
От ненависти, притворившейся любовью,
От неволи, притворившейся свободой,
От лицемерия, изображающего искренность,
От гордыни, выдающей себя за смирение,
От безрассудства, что прикинулось отвагой,
От сатаны, который, говоря «нет»,
Думает «да»,
А говоря «да»,
Думает «нет».

Явись, Дух Святой,
Сорокоустый,
Явись, Огонь Призывающий,
И отвори нам глухие уши!

Явись,
Из вечности веющий вихрь,
Который никогда не разрушает,
Не уничтожает,
Не ломает,
Но укрепляет шаткое,
Обновляет старое,
Оживляет мёртвое,
Возводит заново то, что стёрто с лица земли!
О, Создатель,
Ты, сотворяющий из костей и пепла
Людей воскрешённых и преображённых,
Из истреблённых народов – народы живые,
Из хаоса – вселенную,
Бытие – из небытия,
Источник – из пустыни,
Всё – из ничего,
Отче Священной Книги,
Вихрь, веющий из вечности!

Дай нам слух абсолютный,
Чтобы мы средь бесчисленных увещеваний и лозунгов,
Которые на нас обрушиваются
Во всякое время и во всяком месте,
Умели распознать
Троезвучие голоса Твоего,
О, Музыка Мудрости,
Рождённая Отцом и Сыном!

Сними с нас камень,
Как пастырь снимает его с колодца,
Когда пора напоить овец.
Сними с нас камень,
Как снимают его со гроба
Ангелы пред Ликом Твоим,
О, Вседержитель,
Буря непостижимая,
Отваливающая камни!

А потом сотвори нас –
Открытых,
Слышащих

И внимающих.
Твори нас во всякий день заново,
Неусыпный страж слуха нашего,
Дабы мы, бесконечно обновляемые,
И возрождаемые,
И творимые,
Стали глашатаями Твоими,
Подобно тем,
Чьи склонённые головы
Благоволил Ты умастить маслом Мудрости Твоей!

Освети нас и выведи
Из земли мрака и отчаянья
В царствие Божие,
В столицу небесную из хрусталя и света.
Отче, и Сыне, и Дух Святой,
Путеводное
Слово
Па перепутьях Космоса!

Явись,
Надежда непостижимая,
Которая вечно с нами
И всегда впереди,
Явись, Боже,
Первопричина человечности,
Вочеловечь человека,
Как Ты вочеловечил себя!

Мадонна атеистов

Я с теми,
Кто не верит
В моего Сына.

Я хочу им помочь.

Они мои дети,
Так же, как все.
Хотя ничего
Не знают об этом.

Я молюсь.
Молюсь за тех,
Кто не молится.

Когда они истекают кровью,
Я молитвой
Бинтую их раны.

Когда они тонут,
Бросаю им
Молитву,
Как спасательный круг.

Когда умирают,
Моя молитва –
Изголовье
Для их усталого
Чела.

Я беру в ладони
Их неостывший пепел.
И кладу его
К стопам моего Сына.

И умоляю Его
О милосердии
К праху.

О милосердии к отрицавшим.
Не верившим.
Не существовавшим.

И говорю:
Сотвори их,
Сын мой возлюбленный.
Наполни их Своей тайной.
Вдохни в них Свою вечность.
Воспламени их Своей мукой.
Пусть они станут
Тернием Твоим.
Пусть они станут
Крестом Твоим.
Умри за них.

Умри ещё раз.
Ещё один раз.

Последний раз,
Сын мой возлюбленный.

Тебя молит об этом
Твоя Мать.

Тебя молит об этом
Мадонна атеистов.

Апострофа святой Веронике

Вероника, которой не было,
Но которая быть должна,
Вероника, платком отирающая
Христа окровавленный лоб,
Покровительница всего,
Чего не было,
Но что должно быть,
Что не сбылось,
Но должно случиться, –
Воплотись в нашу историю,
Мечта наша милосердная,
Женщина, отирающая платком
Лоб одинокого Бога.

Траурный псалом

Она была моим домом.

Мой дом умер.

Ангел покинул мой дом.

Остались бездушные стены,
Мебель,
Картины,
Книги,
Плачущие окна,
Порог,
Который я переступаю каждый день,
Склоняя голову
К невидимому следу
Ног её.

Спасибо Тебе, Господи,
Что в Незримости, хвалы достойной,
Ты воздвиг для неё вечный дом,

Где нет ни стен,
Ни мебели,
Ни книг,
Ни картин,
Нет заплаканных окон
И нет порога,
Через который уже ей не перейти.

Люблю Незримость её.

Она мне более зрима,
Чем весь этот мир,
В котором Ты пока ещё повелеваешь мне жить,
Господи.

Молитва без слов

Если ты не умеешь молиться словами,
Не раздирай одежд своих,
Не посыпай голову пеплом.
Молись как умеешь,
Без слов –
Как деревья и травы,
Как море,
Которое тоже читает молитву
Без слов.

Слова неуклюжи,
Обманчивы.
Неопределённые,
Они ничего не значат.

Слова – разочарование.
Мучительная мнимость.

Ты думал словом
Искоренить зло,
Ты думал словом
Пробудить источник в скале,
Ты думал словом
Изменить человека.

Не искоренил,
Не пробудил,
Не изменил.

Так молись же без слов.
Как дерево.
Как трава.
Как море.

Ян Рыбович

СТРАНА НАОБОРОТ

Готовность согласиться

Когда мне говорят,
что добрый Бог после смерти
всех возьмёт к себе на небо,
я говорю – да!
Когда говорят, что никакого Бога нет,
что мы подыхаем раз навсегда,
полностью и окончательно,
я говорю – да!
Говорят, что святые – продажные твари,
а продажные твари – святые.
Я говорю – да!
Говорят, сумасшедшие дома полны
непризнанных гениев.
Да – говорю я – да!
Говорят, нет в мире справедливости,
бедняк всегда получит по шапке,
а богач так и так выкрутится...
Да – говорю я – да!
Говорят: вы человек способный,
остроумный, незаурядный,
красивый, интеллигентный, тонкий,
учтивый, высоконравственный...
Да – говорю я – да!
Говорят: вы сумасшедший,
алкоголик, дурак, идиот,
графоман, бабник, ноль,
преступник, ничтожество...
Да – говорю я – да!

Да, да, и ещё раз – да!
И отвяжитесь вы все от меня наконец.

Изучая дзэн

Будет вовсе не так уж глупо,
если ты,
изучая дзэн
скажешь мне,
что ветви дерева вгрызаются в землю воздуха
и пьют воду ветра,
а корни дерева
пронизывают воздух земли
и их овевает ветер вод...
Всё это будет не так уж глупо,
но не удивляйся,
если после того, как ты мне это скажешь,
я так тебе врежу
по твоей заумной физиономии,
что ты полетишь вверх тормашками
и заметишь,
что ветер овевает
ветви дерева,
а корни дерева
крепко сидят в земле!

Только не пытайся
меня уверить,
что это я стою
вверх ногами!

Мой дзэн

Люди строят дом.
Когда дом построен,
леса убирают.

Леса это средство,
но дом – не цель.
Просто строят дом.

Ибо сказано: «Всё течёт».
На этой скале
я строю свой дом.

В деревянном кресте
– скорее всего –
Бога нет.
Но крест –
не просто деревяшка!

Вера начинается там,
где кончается сомнение.
Сомнение начинается там,
где кончается вера.
Труднее всего именно ТАМ.
На полпути.

Страна Наоборот

В этой Стране поэты похожи на идиотов,
писатели – на кретинов,
политики – на юродивых,
живые – на мертвецов.

В этой Стране мужчины притворяются сопляками,
женщины – девками,
дети – взрослыми,
а мертвецы живут, как живые.

В этой Стране хлеб – из дерьма,
водка – из жёлчи,
деньги – из дыма,
и только подонки здесь равны себе.

Безумие жителей этой Страны
почти гениально.
Им остается сделать только один
шаг вперёд.

Знак

Вы политический рецидивист,
сказал мне один стукач.
Ты пьяница и хулиган,
сказал мне один легавый.
Ты плохой сын,
сказала мне родная мать.
Сукин ты сын,

гаркнул на меня кто-то ещё.
Хам, сказала обо мне одна женщина.
Ты невыносим, невыносим,
это слова одной довольно милой девушки.
Поэтишка, писака,
заклеймил меня какой-то критик.
В конце концов я разозлился,
чёрт бы вас всех побрал,
сказал я.

Уже потом, много лет спустя
Господь Бог воззвал ко мне –
или мне только послышалось:
– Сын мой...
А Иисус Христос
повторил за ним:
– Брат мой...

С тех пор я знаю,
в чём моя опора.

Псалом

Стихи грешника. Виновен, Боже,
что не убил убийцу,
прежде чем тот начал убивать.
Велика вина моя. Ибо
я затыкал уши,
когда говорили глупцы,
и смежал веки,
когда неверные рвались к власти.
Виновен. Я пожимал руку трусу,
а вора называл братом.
Виновен, ибо
не восстал против самозванцев
и о подлости их
не поведал людям.
Ты покараешь меня, Боже, –
я был не лучше тех, кого обвиняю.
Я стократ виновней,
ибо многие из них вершили зло
в безмыслии.
Вот стихи грешника.
Искреннее признание,
написанное в надежде,

что милосердный Бог не предъявит мне счета.
Если только острота взгляда на мир
уже не есть наказание,
данное мне от Бога.
Аминь.

Свобода

Свобода – это просто
отсутствие
железной решётки.

Другая –
невидимая – решётка
всегда
внутри нас!

Тюрьма
это стальные решётки на окнах.
Стальная сетка
над плацем.
Стальная дверь,
где замочная скважина
только с одной –
другой – стороны.

Свобода это отсутствие
железной
решётки.

Две замочных скважины
и два ключа,
один из которых – мой.

Это небо,
бежавшее из тюрьмы.

* * *

Уже топор приставлен к плахе,
верёвка скручена петлёй.
Топор – судья над головой,
верёвкой шея бредит в страхе.

Тяжёлый цеп скользнул в ладонь:
мякина – влево, зёрна – вправо.
Ты – плевел? Ждёт тебя огонь.
Ах, ты зерно? И это – карма.

Налево – кряжи диких гор,
направо – сумрачная бездна.
В горах ли кончишь с жизнью спор,
иль канешь в пропасть – всё известно.

Тут плачь не плачь и вой не вой,
конец один – падёшь во прахе.
Топор уже приставлен к плахе:
вот – завтра; будущее – вот.

Таблетки из слов

Кому не больно,
тот стихов не пишет.
Зачем ему?
Стихи пишут те,
кому больно,
пишут, как будто от этого
что-то изменится...
Стихи пишут те,
кому не помогает
ни одно
обезболивающее.
Для них стихи –
успокаивающие
таблетки из слов.

Трудно сказать,
что и где именно
болит у поэта.
Эта боль
похожа на боль
в ноге у человека,
которому
отняли ногу...
Писать стихи –
всё равно что пытаться
пошевелить
ампутированной ногой.

Хорошая новость

Жди, жди упрямо –
кто-то уже послал письмо,
а в нём для тебя
хорошая новость.
Жди, жди верно –
по радио, по телеграфу, с курьером
к тебе спешит
хорошая новость.
Жди неустанно –
верь и помни:
где-то там всё решено,
скоро тебе сообщат
хорошую новость.

И вовсе не так уж досадно,
поверь,
если в конце концов
к тебе придет только смерть
и скажет:
– Ну вот и я.

Собственно говоря,
тоже неплохая новость.

Збигнев Росса

ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА

Детям

дети не бойтесь
поэтов
дети не бойтесь
стихов

поэты не кусаются
стихи но бодаются
поэзия
как дед-мороз
у неё для вас всегда
что-нибудь
найдётся

Оловянный солдатик

расскажи нам о себе
ты должно быть
много повидал
ты наверно
очень много знаешь

так точно
оловянную войну
оловянную любовь
оловянную тоску
и всё это вот так
стоя по стойке «смирно»

Предпоследняя сказка

буква за буквой
ножка за ножкой
выходит стих из ящика
огромный словно сердце

легонечко-легонько
зевая потихоньку
он расправляет кости
так
что косточки трещат

Игрушки

война позади
и мир позади
у нас отобрали
и душу и тело

снова
как каждый вечер
мы умираем
в коробке

На дворе

эй пилот
эй пилот
вы знаете у вас

дырявый самолёт
еле держится крыло
и пропеллер
барахло
в моторе гайка
открутилась
а хуже всего
то
что
ваша голова
куда-то укатилась
с чёрными усами
в шлеме серебристом

вон она лежит
в поле чистом

эй пилот
эй пилот

летели бы вы лучше
поосторо...

Чайник

я поймал его
на месте преступления
он воровал воду из крана
я спросил
зачем?
он молчал
я поставил его на огонь
и спросил
зачем?
он молчал
в конце концов
он испустил
пар

чай
пили все

* * *

слушай
ну и набралось же
этих стихов
по ночам вылезают
из ящика
колобродят
пора с ними
что-то делать

зима на носу
холод-воришка
уже запустил руку
в карман

знаешь
свяжу-ка я тебе из них
тёплые варежки

В защиту человека

я обращаюсь к тебе

ты сидишь на камчатке
как на необитаемом острове
для тебя нет места
на твёрдой почве материка
тебя попрекают ошибками предков
о тебе ходят сотни анекдотов
ты не знаешь куда девать глаза

ты которому стыдно
и страшно
ты
из которого вырастут люди

не сдавайся

Любовь

ты легкая
я тебя поднимаю на руки
ты срываешь яблоко

но даже если
ты будешь весить
вдвое больше
всё равно я тебя подниму

и это вовсе не значит
что я силач

Просьба

лето лето
приходи к нам
лето
дам тебе за это

миндальное сердечко
янтарный гребешок
на цепочке ключик
на ленточке стишок
и яблоки
и груши
ты меня послушай
лето лето
приходи к нам
лето

Марек Вавжкевич

РВЁТСЯ СЕРДЦЕ СЕКУНДЫ

* * *

Уже не долететь до берега иного.
Ещё сто миль пути – а вспять не повернуть.
Нет веры облакам, и я не знаю снова:
Куда, зачем, откуда этот путь...

Хотел себя забыть и очень скоро
Из жизни вылетел. Увы, нигде –
Ни на земле, ни в небе – нет опоры.
Оставлю след... хотя бы на воде.

* * *

Я зашёл в эту жизнь на минутку,
А задержался дольше, чем следовало.

Что ж, пора заняться уборкой –
Стереть следы, сжечь груду исписанной бумаги,
Затушить окурки,
Проветрить пустые комнаты.

Об остальном позаботятся
Время, пыль и забвение.

А может, и буря
Плеснёт
В приоткрытое окно.

Я жду этой бури,
Хотя больше в неё не верю.

* * *

А поутру над озером
Мы уже ни о чём не говорили друг с другом.
Молчала вода, и ветер, и поникшие травы
На августовском откосе.

Мы молчали – слишком о многом.
Природа знала и уважала это.

Человек, как известно, часть природы,
Но прощать умеет только она.

* * *

Фотография лжёт. Моя мама
Никогда не была такой старой.
С тех пор как мне стукнуло сорок,
Она обгоняла меня
Всего на несколько месяцев –
Если не считать
Мудрости и доброты.

Сегодня я, почти семидесятилетний, –
Смотрю на свою молодую маму,
Которая старше меня
Всего на одну смерть.

Дом

Пусто, как после войны.
Вслед уходившим людям
Махали платками, руками.
Потом разлука
Вела за собой
Тех, кто остался,
Кому казалось...

Но в тишине,
Такой мёртвой,

Что стынет дыханье в груди,
Слышится шёпот: кто-то
Спрашивает кого-то
О чём-то. О прошлом, о прошлом...

И вопрос,
Будто плоская рыба морская
С глазом навыкате,
Потрепыхавшись,
Умирает от инфаркта.
Мороз пронизывает дом.
Рвётся сердце секунды.

Десяток советов тем, кому за...

Когда целуешь её на прощанье,
Подумай – а вдруг в последний раз.

Навести родные места.
Вспомни – всё так хорошо начиналось.

Открой глаза, взгляни на лес. Он поможет тебе
Понять, как тщетна бренность.

Поговори с детьми и внуками.
Может, наконец их поймёшь.

Хотя бы раз в день задумайся.
Ничего, что при этом ты выглядишь, как идиот.

Обними врага, прости друга.
Уже никогда у тебя не будет таких, как они.

Оплачь себя над озером в дождливую ночь.
Все ушли – все, кому до тебя было дело.

Не жалей ни о чём, не кори себя.
И так бы случилось всё, что случилось.

Больше гуляй по кладбищам, привыкай.
Смотри, какие они там теперь тихие.

Не переживай, не бойся. Ведь это
Всего лишь короткометражный фильм.

Приговор

Не умею. Не знаю. Стыдно
В моём возрасте признаваться,
Что так в этом уверен.

Но тот, другой, не столь застенчивый,
Тот, кого я никак не могу в себе истребить,
Говорит: а если б ты знал –
Что бы это изменило?

Что бы ты дал тем, кого предал?
А тем, кто бросил тебя по своей вине,
Кому казалось... потому что ты
Казался им?

Зелёная вода, избавь меня от вопросов.
Милый торф, не надо больше ответов.
Не могу же я ещё глубже
Пасть на колени.

Не от меня зависит
Заслуженный мной приговор.

Прохожий, скажи

Сквозь мрачный дубовый лес,
Вдоль ручья, откуда выпрыгивала форель,
Мы несли факелы, пылавшие, как цветы
Экзотических стран, где небо
Никогда не хмурится. Мы бежали к большой поляне
С песней, которая горячила кровь.

А наутро я погиб вместе со всеми. Во имя чего –
Не помню, но это было нечто возвышенное. За короля,
За честь и веру или что-то вроде.
На раскисшей земле валялись трупы цветов и трав,
С натугой храпели издыхающие кони, мои товарищи
Замирали в патетических позах. Я смотрел на всё это сверху
И думал: прекрасна смерть за любую отчизну.

Потом я погибал много раз.
Смерть повторялась почти один к одному,
Разнились лишь детали. Я умирал за пару каких-то идей
В борьбе против пары других идей. И всегда Бог был с нами.

А враги наши верили в то, что Бог – с ними.
Я погибал в пустынях и джунглях,
В жару, в метель, и когда расцветали
Бутоны белых роз, а издали доносился стук
Долот и молотков, высекающих монументы
Наших очередных вождей.
И меня окрыляла их долгая жизнь.

А идеи, как обгоревшие рукописи, развеивал ветер,
Родина погибала, менялись её нерушимые границы,
Весной оживали поляны, расцветали
Новые поколения цветов, крошились
Конские черепа и берцовые кости друзей.
Жизнь вечна,
Монотонное постоянство моих смертей
Способствует буйному росту трав. А значит,
Смерть необходима.

Прохожий, если когда-нибудь ты остановишься у могилы
Неизвестного рыцаря,
Скажи своей Спарте или какой угодно другой стране,
Что всё это ни хрена не стоит.

Это говорю тебе я,
Тот, кто видел пожарища на месте домов
И континентов,
Тот, за кого в спешке прочли отходную,
Кого наградили посмертно.

Я оплакивал живущих, выращивал вьюнки,
Чья зелень оплетала свежие руины. Поколения оптимистов
Строили новые дома, оплодотворяли в них
Своих женщин, и являлись на свет мои братья,
Неизвестные солдаты, герои новых –
Тех же самых – времён. Трепет флагов на попутном ветру
Предвещал, что скоро кто-то красиво погибнет
В отчаянной атаке или на борту сбитого самолёта.

Для того мы и рождаемся. Из глубины, из-под слоя пепла
Это говорю вам я, много раз погребённый
И много раз упокоенный. Один из бойцов терракотовой армии
Всех эпох. Тот, кого помнят только
По его неизвестному имени, кто подобен в этом
Всем, живущим только однажды.

Ведь мы ничем не отличаемся друг от друга. Но я,
По крайней мере, знаю об этом.

* * *

Этот дом безлиственно пустеет
Брошенный зверьём и полумраком
А свеча дымит и гаснет – не надеюсь
Вырваться из тьмы глухой однако

Приспособилось к молчанью слово
Шёпот зыбкой тишины не нарушает
Только белизна и холод – снова
Каждый миг во мне ты умираешь

Урок анатомии

Что он имел в виду

Давайте вскроем череп
Проверим что там спрятано под сводом лба

Что он хотел этим сказать

Надо вытянуть нервы сосуды жилы
Погадать по кишкам а потом
Швырнуть их в огонь и гадать по дыму

Невзрачен и мал мозг поэта
Положи его на землю – серый холмик
Не изменит рельефа земного шара

А руки можно отмыть от крови
Антисептическим раствором

Кароль Войтыла

У БЕРЕГОВ ОСЕНИ

Мысли сопротивляются словам

Бывает, в разговоре нам открывается истина,
для которой у нас нет слов, жестов и знаков –
потому что мы чувствуем: никакое слово, жест или знак
не выразят весь образ,
и войти в него нам суждено в одиночестве,
чтоб сразиться с ним подобно Иакову.

Но не только боренье с образом, запечатлённым в мыслях
подобием предметов, из которых мы внутренне состоим,
– дела наши, дела – смогут ли они объять
все те глубокие истины, о которых нам случается думать?

* * *

Берега тишины начинаются за порогом.
Только ты, словно птица,
не пропорхнёшь туда.
Надо встать и смотреть, проникнуть взглядом глубóко,
так чтоб уже и душу не оторвать ото дна.

Там никакая зелень взор твой не насытит,
и не вернутся глаза, прикованные ко дну.
Ты думал, жизнь укроет тебя от этой Жизни,
ушедшей в глубину...

Так знай, что нет возврата из этого потока.
Ты пойман вечной тайны красотой!

И только быть и быть. Не прерывать полёта
теней, быть ясностью
и простотой.

Меж тем ты отступаешь перед грядущим Кем-то,
кто тихо затворяет дверь кельи за собой, –
к тебе он ближе, ближе, но шаг Его не слышен
– ты до глубин пронизан тишиной.

* * *

Люблю тебя, сено душистое, – нет в тебе зрелой
гордыни колосьев.
Люблю тебя, сено душистое, ибо пригрело
ты Дитятко бо́сое.

Люблю тебя, дерево строгое, ибо в тебе нет тоски унылой
по листьям опавшим.
Люблю тебя, дерево строгое, ведь Его ты укрыло
кроной кровоточащей.

Люблю тебя, свет неяркий пшеничного хлеба, –
в тебе на миг поселился вечный покой,
подплывающий к нашему брегу
тайной тропой.

* * *

Возьми меня, Мастер, в Ефрем и позволь остаться с Тобою
там, где под крыльями птиц плывут берега тишины,
где широкий круг на воде и ни тени страха в покое,
где вёслами не замутнённая зелень буйной волны.

Спасибо: приют души Ты удалил от шума,
Ты окружён предивной, дружеской нищетой.
Безмерный, тесную келью Ты избрал себе домом,
любя этот край, осенённый безлюдьем и пустотой.

Ты ведь – само Безмолвие, великая Тишина,
освободи же, сделай и меня безголосым,
лишь пронзи меня дрожью Своего Бытия,
дрожью ветра в спелых колосьях.

* * *

Солнце, к листу склонённое, – Твой взор, устремлённый в душу, –
обогащает цветенье доброты глубиной,
всё вбирая в свой луч,
– но только, Мастер, послушай,
что будет с листом и солнцем? – вечер уже надо мной.

Начинается разговор с Богом

Плоть человеческая умирает чаще и раньше, чем дерево.
Но жив человек за порогом смерти, в катакомбах и криптах.
Жив человек ушедший – в тех, кто приходит после.
Жив человек, что приходит, в тех, кто ушёл до него.
Жив человек вне ухода и вне прихода
– в себе
и в Тебе.

Люди, подобно мне, ищут плоть, которую Ты им даруешь.
Каждый уходит к Тебе, тело оставив истории.
И каждый в момент ухода – больше, чем вся история,
часть которой – он сам (фрагмент какого-то века
или фрагменты двух веков, соединённые в жизнь).

* * *

Когда мы окажемся у берегов осени,
любовь и страх вспыхнут в противоборстве:
страх – жаждой возврата к тому, что было
и всё ещё осталось – бытием,
любовь – жаждой ухода к Тому, в Ком – будущее нашего бытия.
В нас, чей взгляд устремлён к берегам осени,
длится битва на рубеже,
который внутри всякого человека,
пока его плоть есть прошлое будущего,
пока он ещё не в силах
плоть свою с будущим слить...

* * *

Прошу Тебя, укрой меня
там, где царит покой,

в потоке тихой радости
или в ночи глухой.

Прошу Тебя, закрой меня
от той страны, где мрак, –
прошу Тебя, раскрой меня
на всё, в чём света знак.

– я знаю: есть убежище,
там солнце – нет утрат,
сквозь горизонт прорежется
вглубь устремлённый взгляд.

И тогда совершится
чудо преображения:
Ты станешь мною –
я же – благодареньем.

* * *

Оставь, Господи, меня
и разум мой бескрылый
на немощи не обрекай,
не истощай мне силы.

– нет благодарности такой,
чтоб вечность мне объять
и сердца солнечной стрелой
измерить благодать –

– а если б и постиг я мир,
пожар бы воспылал, –
раздай я хоть всего себя –
я ничего б не дал.

А Ты, Предвечный, с каждым днём
мне убавляешь силы,
вверяя Свой безмерный Дом
душе моей бескрылой.

Евангелие

Истина – не бальзам на жгучую рану,
не погонщик, который водит осла по улицам, –
истина это боль и тайна.

Когда готово рухнуть возведённое в человеке здание,
конструкция мозга напряжена – и думают не о том,
как выровнять фронтон, а как укрепить глубокий грунт,
ибо он всему опора, как волна для лодки.

Истина поднимает человека. Когда человек не в силах подняться,
здание, возведённое в нём, поистине давит вдвойне,
все мы находим в себе эту тяжесть, таинственную основу, –
пробегая по изумлённым улицам, по которым водят осла
(всё меньше в них истины? или всё больше?);
мы спокойно смотрим вперёд, нас не настигнет страх.

Кшиштоф Гонсёровский

ЗАВТРА БЫЛО ВЧЕРА

Космодром

Я замер как вкопанный
на тропинке, по которой ходил
каждый день: что-то
вспомнило обо мне...

И тут пошёл
обратный счёт. День за
днём, год за годом. Я отнимал
от себя всю жизнь – мечту
за мечтой, поражение
за поражением... до той самой точки,
где окончательно расстался
с миром, и потому не знаю,
что это была за точка.

Что-то вспомнило обо мне.
И я услышал шум
и грохот тишины. Разверзлись
врата бездны, повеяло потусторонним
ароматом...

Всё, что я успел заметить
– зелёный взрыв:
высокая ель, под которой
я стоял, – дрогнула. И
на струе живого огня
взмыла
в небо.

Плач божий

Разрывали конями,
а это больно,
страшно больно.

Сажали на кол, распинали,
жгли на кострах, колесовали,
сдирали кожу, рубили топорами,
пилили пилами...
а это больно,
страшно больно.

Насиловали, били, морили голодом,
бросали на съеденье львам и шакалам...
...обманывали, предавали, бросали,
издевались, не любили,
а это больно,
страшно больно.

Разорван я на созвездия,
туманности, галактики, разложен на химические
соединения, атомы, кварки, кванты,
энергетические поля...
а это больно,
страшно больно.

О Священная Боль, жемчужина,
бриллиант, бутон, соцветие боли... Но станет легче.

Я вернусь в себя с этой добычей!

Тягости

Впереди у меня девять,
как здесь говорят, месяцев,
то есть лун, – чтобы
всё забыть.

Забыть, чем я был прежде.
Забыть,
что значит быть сразу Всем
и Ничем.

Уже всего неполных девять
месяцев, чтобы
забыть. И больше не быть всем
раз и навсегда.

Должно быть, это чудесно – не быть Всем!

Воплотиться во что-то, у чего есть предел
и конец...

Во что-то, что страдает. Ох, страдает. То есть
наконец что-то чувствует.

Как же мне надоело это моё бессмертие,
вечность, вездесущность,
всемогущество... –

когда нет ничего за мной, после меня и кроме Меня.

Впереди всего несколько месяцев
этой проклятой божественности. Скорей же,
скорей, мать моя человеческая.

Двери

Как роза, выросла перед тобой огромная несгораемая касса, запертая на хитроумные замки и задвижки, окружённая непроницаемой оболочкой хаоса, молчания и отчуждения.

И всё-таки ты должен её взломать.

На самом дне, в недоступном тайнике, таком незаметном, что тебе не увидеть его – едва ощутим его запах, и то лишь во сне, во тьме такой древней, что ещё не нужны глаза, – лежит связка ключей от всех дверей, что тебе предстоит открыть.

Но сначала надо, чтоб ты эти двери запер.

O tempora, o mores*

Одурев от шума вокруг,

я залепил себе уши воском
громниц,

* О времена, о нравы (*лат.*).

с которыми мы когда-то, пугая волков,
брели сквозь снега, по полям и лесам.

Волков-то мы перебили, да волчья суть
не исчезла. Победители всегда перенимают
что-то у побеждённых;

под трансформатором высокого напряжения
притаилась тень и воет на луну.

Я залепил себе уши воском
громниц. И больше никого и ничего не слышу,
хотя, вроде бы, слух живёт в нас
дольше всего.

Не слышу никого; зато говорю
непрерывно и обо всём. Я стал теперь

вполне современен.

Ногами

Что за человек –
похоже, он ничем не связан.
Столько лет
висит на прозрачной верёвке,
которая всё никак не оборвётся,
и болтает ногами.
Он называет это: я иду.
А ещё: я бегу.

* * *

Ей-богу, до чего же убийственно,
до чего блестяще
не удалась ему жизнь:

эту пропасть ничем не засыпать.

Он всё никак не может оправдаться,
что родился, –

даже перед собой, не говоря уж о близких,

о людях на улице, о Родине,
о листьях, траве и животных,
о книгах и звёздах...

Никак не успевает закрывать
все эти бесконечные,
то и дело распахивающиеся

двери и дверцы.

Цитаты

Ночь. Я в квартире один.
Сижу в кресле. Не думаю
ни о чём. Вдруг хлопнула дверь.
Кто-то вышел.

Следует монотонный монолог.

Снова хлопает дверь. Начинается
разговор. Опять я кого-то лишился.
Звучат уже несколько голосов. Перебивают
друг друга. Назревает ссора.

Хлопнула дверь. Голоса.
Гвалт. Каждый о своём. Полно народу,
а вроде и нет никого.

На рассвете вернулись те, кто ушё.
Тишина. Я молюсь. От мора
и глада, огня и войны...

А самое страшное видели?
Лицо моё, когда я абсолютно один?

* * *

Так вот оно, то самое
пресловутое завтра?
То самое завтра, когда наконец
всё должно было сбыться?
То завтра, когда мы хотели
начать относиться к жизни
серьёзно?
Вот оно, завтра –
завтра уже настало.

Завтра – то есть слишком поздно!
Завтра было
вчера.

* * *

Мы умираем. Исчезаем. Как слезинки,
как шарики крови. В этих морях.

Буддисты утверждают: в том-то и суть.
Пустое облако. Без лиц, вне страданий.

Реинкарнации, попытка за попыткой –
у них больше, чем один шанс,
добраться туда и пропасть.

Это не христиане, верящие
в воскресение и жизнь вечную
во плоти.

Проблема личности; проекции
супер-эго, индивидуальности? Мы не верим природе,
своему внутреннему животному началу. Великая
теорема Гётеля гласит:

во всяком логическом умозаключении по крайней мере
одна аксиома неизбежно заимствована извне!
Быть может – вот только откуда?

Так или иначе, жизнь – великий
коллапс: раскрывшееся бытие
обрушивается –

чтобы вернуться внутрь себя
через эту дверцу в стене (есть ли у нас
от неё ключи?), – жизнь это живая смерть.

Вселенная, тёмные материи... Но ведь не просто так,
не сами по себе мы крутимся
в межчеловеческом пространстве,
как хвост вокруг собаки. Гончие псы комет,
мы пролетаем куда-то дальше...

И на Вселенной всё это не кончается...

Богуслав Жураковский

ЗАПИСЫВАЮ ШЁПОТ

Настоящее время

Мы живём в настоящем времени: во времена таинственных
Катастроф, непонятных пожаров, взлетающих на воздух учреждений.
Кто-то спьяну пытается вникнуть в безмолвие камня,
Другие выпадают из рамок телеэкранов.
Мы живём в настоящем времени и не знаем, что будет.
Уверены мы только в том, что этого не знаем.
Вслушиваемся в себя, в нас пугливо щебечет кровь,
Мяукают и мурлычут кишки, урчат желудки, что-то воет.
Мы живём в настоящем времени: вглядываемся в горизонт
Тарелки, над которой восходит нечто вроде корма.
Тепло и влажно, словно текут слёзы,
И поднимается туман, как в августе после дождя.
Мы живём во времена, когда ничего не известно.
Все вместе знают только одно: свет
Стал тьмой, а тьма вот-вот взорвётся,
Как от удара молнии – мы переправляемся на тот берег
Тьмы.

В скобках

Всё человеческое... (всё нечеловеческое).
Надолго не хватит... (на одну жизнь довольно).
Только бы выжить... (пускай это значит жить).
Только бы думать... (только бы не злословить).

Муравей объявил о смерти мира
(А мир живёт).

Пчела объявила о смерти искусства
(Искусство живёт).
Ворона каркала о смерти Прометея
(Прометей живёт).
Пандора приторговывает контрабандными шмотками.

Направление

Прыжок через дом.
Прыжок через пляж.
Прыжок через океан.
Те, кто ушёл, возвращаются.
Тот, кто был слугой –
овладел собой. Кругом
Светящиеся точки.

Эпицентр

Незнакомые слова. Шум. Дождь.
Разнообразие звуков и форм. Всё
Порознь. Ты зовёшь затемнённые пляжи
На берегу океана. Дикие пальмы. Любовь,
Сумерки. Тебе небезразлично
То, чего ты не можешь назвать.

Пробуждение

У дома сновидений – воздушные стены.
Неведомые птицы, как призраки,
Приносят вести извне времени и пространства.
Как это будет: когда кончится сон,
А я ещё буду спать; когда
Я превращусь в рыбу, а реки
Не станет; когда повесть обо мне прервётся,
А я буду живой памятью?
Дом сновидений превращается в стеклянную тишину.

Сумерки

Ты вызвал птицу тьмы и птицу света.
Много дней длилась радость установления контакта:

Эхо щебета, знаки теней на экране
Памяти. И вот они явились: сперва белая незнакомка,
Потом чёрная. День и ночь. Вместе
Они сотворили закат. Вот исчезающая форма
Столетия. Братство и равенство. Свобода и справедливость.
Вместо аплодисментов – свист, как на стадионе после
проигранного международного матча.
Откуда птицы? С какой планеты?
Тебе ли постигнуть это?

* * *

Ты космос, я – звезда.
Ты свет, я – тьма.
Ты отец, я – дитя.

Ты море, я – капля.
Ты поле, я травинка.
Ты история, я – событие.

Ты тело, я – капля
Крови.

Шёпот воды

Слушаю приглушённый голос реки. Она подсказывает
Направление и стратегию. Смывает сон с моих глаз,
Охлаждает виски – это уже не раздутые паруса.
Я больше никуда не плыву.
Возвращаюсь по каменистой равнине, собираю
Камни, чтоб возвести памятник памяти. Время отдыха
После скитаний. Вода всё тише говорит обо мне –
Словно о себе. Я записываю шёпот.

Щель

Дерево вырастает из щели
В каменной стене.
Потрёпанный зелёный флаг
С жёлтыми пятнами.
Победа. Память очищена.
Слышишь, как летит
Звенящий лист.

Спелеолог

Бомбили мятежных ангелов. Ты пережил.
Хотел поскорей вернуться во дворец.
А стал спелеологом. Шагаешь во тьме
Среди бесшумно летящих Крылатых
Братьев. С тобой идёт
Глухонемая девушка с фонариком на шее.
Вдруг за углом вспыхивает дневной
Свет, и вы выходите прямо в развалины,
Туда, где мелькнул зверь. Его тень.
Берегись. Когда слова взойдут на курганах
Щебня, здесь поселится дух лесов.
А пока ты протискиваешься между шаткой
Стеной и искорёженным железом. Глухонемая
Пандора следует за тобой
С клетчатым узелком на плечах. Капля
        и мгла.

Лешек Шаруга

ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ

Диалог

– Что вы делали; – Я писал
стихи; – когда стреляли в
людей; – о цветах.; – Вы;
– Я; – равнодушны к чужой
беде; – старый человек.
– Ваши стихи; – я тонко чувствую;
– ничего не стоят; – красоту.

Зависимость

Мой знакомый не понимает
поэзии. Ну и ладно. Однако

поэзия не понимает
его. И с этим

надо что-то делать.

Спасённый

Спасён
но от чего не
знаю и не
помню

веду-то себя
хорошо вот только –
куда?

Licentia poetica*

1

Главная опасность
кроется в библиотеках. Старые газеты
следует сжигать. В том числе
и вчерашние. Вчерашний
прогноз погоды оказался
точным. А может, и
нет. Сегодня уже не известно,
как было на самом деле.
Однако известно, что всё
было не так, как надо. А совершенно
иначе.
Только из настоящего можно
безошибочно вывести прошлое. Только
сегодня можно предвидеть
то, что было вчера. Память это гипотеза,
не поддающаяся проверке.

2

Главная опасность
кроется в поэзии. Надо
запретить абсолютно все слова. Исключить
даже паузы. Они слишком
красноречивы. Молчание
многозначительно. Значит, следует
запретить молчание.

Между

Станиславу Бараньчаку

Между правом голоса и голосом
права есть зазор
откуда вылетают стихи
белые ворóны надежды

* Поэтическая вольность (*лат.*).

Между силой права и правом
силы есть пространство
где рождаются строфы боли
где растёт горький куст правды

Между голосом силы и силой
голоса
всё громче ропот бессильных
попавших в капкан бесправия

Et in Arcadia ego*

Там, за горизонтом событий,
где Три Дерева бросают тень
на ветер, ничего не происходит, и только
у людей глаза открываются на
всегда

Кратер

Шрам скального
распадка, продольный
рубец, покрытый утренней
росой. Запёкшийся
сгусток лавы, скованный
языком ледника. Кипящее
нутро планеты
засыпает,
остывает...

Dance macabre*

Песня дрозда перекрывает грохот бетономешалки.
О чём он поёт? Идёт война. Не здесь, где-то далеко
вспарывают воздух свинцовые пчёлы. Они ищут
покоя в ульях человеческих тел. За окном
моего дома цветут розы и
белая сирень. А там, возле Косова Поля,

---

* И в Аркадии я (*лат.*).
* Танец смерти (*фр.*).

за семью реками, за семью горами,
людям отрезают головы и, схватив за волосы,
фасуют в коробки из-под ботинок. Как же так? Мой
сосед, барабанщик, весь день репетирует. Вечером
ему играть в дискотеке. Завтра, в утренней тишине
снова засвищет дрозд и разбудит демонов.

Поэзия, да

То же самое, всё то же самое, хотя изменилась
Тональность, из языка в язык, через истлевшие
Книги. Невероятно, но веришь, ибо что
Остаётся, волокна между зубами, слово,
Обращённое в прах, голоса
Умерших, затихающая симфония
Океана, дымка мысли. Волны
Повторов выполаскивают значения, погибают
Языки, вымирают нации, слышится новый тон.

Выбери язык, попробуй исчерпать его, на дне
Ты найдёшь свою биографию, записанную
Шифром, которого тебе не разгадать,
Ибо он возник после твоей смерти. Ты живёшь,
Не уверенный ни в чём, ибо не знаешь, что
Твоё. А твой – весь мир и ты сам. Ты возвращаешься
В повторах, вечно рассказывая
Одну и ту же историю, которую кто-то расскажет

Совсем по-другому, и будет так, как
Должно было быть. Ты же знаешь:
Поэзия это не поэзия, это только
Стремление к ней, а поэзии – нет.

Конец войны, начало
(ангажированные стихи)

названия стран городов рек гор озёр раненных
снарядами тысячи миллионы жертв до нас и
после нас кровь страх пот руины слёзы кричащие
заголовки газет взрывы букв слов предложений

образов взрывы ярости гнева радости а потом
в музеях оружие прошлых эпох орудия
пыток в учебниках перечень дат описания
полей битвы фамилии вождей реестры насилия
всё что только хотите что хотите так оно всё и идёт с этим
приходится жить потому что иначе попросту жить невозможно

Станислав Станик

ВСЕРЬЁЗ И ДО КОНЦА

Мотылёк

Я видел старого мотылька
в ту долю секунды, когда он с великим трудом
готовился взлететь.
Я видел, как он затаил дыханье,
собрал все силы,
а корпус его вздулся и напрягся.
Я видел, как он поднял двойной парус дырявых крыльев
и поставил под оптимальным углом.
Его движения были точны.
Он осторожно завёл мотор.

С тех пор я никогда не видел мотылька.
И никто больше не слышал о нём.
Разговор на такие темы
не приветствуется в обществе.

послание убивающему из-за угла

памяти брата

если ты вынужден двинуть кому-то в морду
или пожизненно засадить в тюрягу
дело твоё –
только ясно изложи аргументы

если враг перейдёт
границу твоего достоинства
или Боже сохрани переступит порог твоего дома
ты вправе применить боевое оружие

но если имя твоё неведомо
а мотивы поступков скрыты
и ты покушаешься на чужую жизнь

ясно что ты не стремишься ни к справедливости
ни к рыцарским идеалам
и никакой провал в совести
дел твоих не оправдает

твои шаги вне закона –
моральная пустота
даже законам физики не подвластна

молитва о доброй смерти

Святый Боже Святый крепкий
иже призвал меня к служению
ныне избави мя от него
коли будет на то воля Твоя

не дано мне было
карабкаться по ступеням карьеры
плыть как птица в небе
и однажды рухнуть уронив крылья

я влачился по жизни
меня вытаскивали из-под ножа в больницах
мне приходилось умолять чтоб меня оставили собой
о Боже правый Ты которому
не понять что значит быть не похожим
на образ и подобие Твоё

пускай хоть теперь под занавес
придёт моя смерть – не насильственная
а достойная и величавая

неодолимые ступени

такого не может быть
чтоб гражданин одолел
заговор
в верхах государства

гражданина можно унизить
втянуть в интригу
затравить
уничтожить

одно невозможно
защитить его от аргументов
и контраргументов
верхов

власть ищет наивных

как выдать полуправду
за чистую монету
размышляет власть

ей это нужно потому
что правда ужасает
но и возвышает
что опасно

ещё ей это нужно потому
что наивный гражданин
ничего не может знать наверняка
ему должно казаться
что власть
обладает всей мудростью мира
чего простому человеку
не дано

любая власть устанавливает
множество прочих правил
а её тайные агенты
трудятся не покладая рук
чтоб всё казалось простым и ясным

так импульс сверху
формирует из покорных граждан
недоумков

деструкция

неправда
будто человека нельзя уничтожить

будто нельзя лишить его воли
надежды
убить в нём веру в людей
и в самого себя

зато несомненно
можно вогнать иголки под ногти
из подкожной клетчатки сделать мыло
а остатки клеток пустить на ветер с дымом

миллионы счастливчиков никогда не узнают
как они трусливы и слабы
они не попадали в крайние ситуации

они не верят что могли не родиться
или родиться
без надежды на перспективу
когда душе грозит
быть раздавленной
до последнего атома

нож в спину

ты считал его другом
открыл ему все секреты
снял маску и как на ладони протянул свою нагую душу

он отнёсся к этому серьёзно
отвлёк твоё внимание
вывернул всё наизнанку
и пометив слабые и уязвимые места
донёс

да так донёс что ты бы и не подумал
короче вогнал тебе нож в спину
а у тебя не хватает духа
вытащить нож
до того ты обескуражен

государство следит за моими стихами

стихи должны быть корректны
политически выдержанны

они не должны выходить за рамки приличий
и раздражать соседей
особенно по североатлантическому пакту

это и так большой прогресс
в сравнении с временами варшавского договора
когда ни слова нельзя было написать
не привлекая внимания цензуры
а то и спецслужб

государство узнавало стихи по прослушке
держало в страхе угрозой дисциплинарных взысканий
оно было очень догадливо и если находило
нежелательный подтекст
применяло превентивные меры
финансовые санкции
реже тюремное заключение или боевые патроны

ныне прогресс налицо
государство следит за стихами с момента рожденья
едва они произведены на свет их выдержанность проверяется
текстом конституции
но только потом изучают что там ещё в них роится
в первых рефлексах вдохновения я не ущемлён
я остаюсь собой всерьёз и до конца

меня уже манят ордена и госпремии
да и правильно ли было бы при новом строе
как прежде реагировать
лишь на негативные стимулы –
стоит ли забрасывать
спонтанное стихотворчество?

в спецслужбах нет места иноверцам

сущая правда:
чтоб действовать эффективно
например чётко провести налёт коммандос
надо сбросить балласт правил
и совести

не может быть двуединства
вины и прощения
это вам не исповедь

в спецслужбах
об операциях забывают наглухо
было не было как камень в воду
нет доказательств
было да прошло

прошу огня

в горячей схватке кораблей
мой был потоплен
я не умею плавать но никто
не хочет бросить мне спасательный круг

ладно хотя бы
пустите по воде венок
с горящей свечкой

Пётр Мицнер

ЕСЛИ ТЫ НЕ ПАДАЛЬ

* * *

Никто не целует птиц
вот почему у них жёсткие клювы
из которых вырывается песня
вот почему они так быстро проносятся
над нами

* * *

Над пропастью
мост
я мост
я пропасть
я тот
кто перейдёт

* * *

Убери со стола стакан
проверь крепко ли стол стоит
проведи ладонью
нет ли заноз
гвоздей

Теперь можешь
понемногу согнуть пальцы
сжать кулак

вот теперь бей

* * *

Он стоял на коленях
мы не дали ему милостыни
он встал
и ушёл
прихватив с собою весь мир
и нас впридачу

* * *

Живые закапывают мёртвых
поливают слезами
а всходит что-то совсем другое
совсем не здесь

* * *

Казалось
незачем
встречаться
у каждого свой луг
и место на том лугу

а ведь луг
был только один

Ты приходила утром
я вечером

сегодня
– то ли ты задержалась
– то ли я пришел раньше
главное
что мы оба здесь

полдень

* * *

Впусти в дом
стервятника –
нечего бояться
если ты не падаль

Днепр (1-я серия)

Берег швырнул меня в реку
река отбросила
к чему-то что уже –
не берег
не река
не ты
не я

Узел

Я придумал развязку
но где же узел?

Говорят то ли сгнил
то ли съехал к центру клубка
то ли наоборот

говорят он в музее
говорят разрублен
говорят нет

Сниму-ка я себе копию
в масштабе развязки

У входа в сад

Два молодых шершня
в траве
сражаются жужжат

растаптываю обоих

боюсь шершней
но у меня толстая подошва

и я их растаптываю

Гжегож Врублевский

НАМ БУДЕТ ЧТО СКАЗАТЬ

Последнее искушение

Почему я заметил только Тебя?
Потому что не заметил больше никого.

Если б я заметил кого-то ещё,
я бы видел двояко.

Если б я видел двояко,
я бы видел нечётко.

Видя нечётко, я утратил бы
чувство реальности.

На млечном пути

Какое счастье – ничего не делать!
Обходить стороной тех, кто разносит письма или за деньги
считает созвездия.

Гладя бездомного пса, я ловлю его
хитрый взгляд.
Он отлично меня понимает.

Он не должен гоняться за дичью, никто его не дразнит
резиновой костью.
Как и я, он отдыхает среди бессмысленных
одуванчиков.

Ему кажется, что он постиг свою краткую миссию.

Искусство разговора

Что будем делать – спрашиваешь ты.
Не знаю – отвечаю я.
И я не знаю – говоришь ты.

Мы не знаем – констатирую я.
Не знаем, потому что не знаешь ты – заявляешь ты.
Потому что не знаю я? – удивляюсь я.

Потому что не знаешь ты – подтверждаешь ты.
Только потому, что не знаю я? – спрашиваю я.
Ты сам это знаешь – говоришь ты.

Не знаю – отвечаю я.
Знаешь! – кричишь ты.
Ну хорошо, знаю – кричу я в ответ.

Так... что будем делать? – спрашиваешь ты.
Точно ещё не знаю – говорю я.
Никто не знает – признаёшь ты мою правоту.

Последняя мысль

Может так случиться что не будет времени её развить

(Времени
или терпения?)

Последней мысли не существует
так же как не существует первой

(Приготовься
она может оказаться неожиданной)

Она не будет иметь особого значения
ибо сразу после ты перейдёшь в пространство без-
мыслия.

Дом

Каждое утро перед ним собираются
мужчины в чёрных плащах.
Молча стоят на крыльце, курят длинные сигареты.

Потом звонят в дверь.
Недолго ждут и расходятся.
На другой день они появляются снова.

Одетые в чёрное, молча стоят на крыльце,
затягиваются, звонят.
Всё происходит всегда в том же темпе.

Никто никогда не открывает им дверь.

Нищий

Он поднимает взгляд только на тех, кто украдкой
бросает монеты в его ржавую
банку.

Живущие в достатке никогда не останавливаются
рядом с ним.

Бедные помогают бедным. Богачи отбывают в небытие
в гробах,
обитых белым сукном.

По ту сторону

Первыми явятся твои родители и старшие
товарищи
Радостные они окружат тебя
умоляя чтоб ты им подробно
всё рассказал

А когда ты будешь готов
они удалятся на заслуженный отдых
И тогда ты займёшь их место
чтоб терпеливо ждать
К тебе присоединится кое-кто ещё
из хорошо известных тебе лиц

А потом?
Потом ты увидишь того кто в итоге заменит тебя
Радостные вы окружите его
умоляя чтоб он вам подробно
всё рассказал

А когда он будет готов
ты отправишься на заслуженный отдых
И вместе с тобой кое-кто ещё
из хорошо известных тебе лиц
Вот так счастливо всё и
кончится...

Скоро мы снова увидимся

Скоро мы снова увидимся, сядем
друг против друга в удобные кресла.
(Молча обсудим все детали.)

Потом расстанемся на несколько неразличимых долгих дней,
и будем часто думать друг о друге.
Когда мы встретимся снова, нам будет что сказать.

Мы сядем друг против друга в удобные кресла.
Молча обсудим все детали.

Жилища и сады

Те, кто попал туда раньше, чем ты,
будут таинственно улыбаться.
Потом, когда придут другие,
ты уже будешь знать всё.

Ты встретишь их той же улыбкой,
и вы вместе войдёте.
Ты не спеша им покажешь
свежезастланные койки и вид на сад.

И наконец, когда они слегка оклемаются,
объяснишь,
где они очутились и что их ждёт.

Упадок

ты живёшь без бога здесь нет бога забрали
у нас бога течёт кровь бога ты не веришь в бога
всё по воле бога ибо нет бога
кто-нибудь видел бога? молись богу
грозному богу они убили бога ты не веришь

в бога верните нам бога! мы требуем бога!
я предал бога кто-нибудь видел бога?
бога отравили бога больше нет забрали у нас
бога я говорю богу вам нужен бог!
бога на бога всё из-за бога! а здесь бога
нет кто-нибудь видел бога? возлюбите
бога я предал бога во всём вина бога
ты не веришь в бога? я требую бога!
бога и бога молись богу
отрекись от бога ибо здесь нет бога
бога убили ты живёшь без бога тебе нужен
бог а бога здесь нет кто-нибудь видел
бога? я верю в бога и требую бога!
течёт кровь бога ибо всё от бога

Юлиан Кавалец

ЧТО ТАКОЕ НИЧТО

Забава

Сеть – смерть
У смерти – сети
Нас опутала сеть
Соединила смерть

Можно долго
Играть словами
Всего-то две буковки –
А разница есть

Впрочем а есть ли...
О чём о чём речь
Буквы так мало меняют
Просто одно
Проникает в другое
И от анализа ускользает

Сколько смерти
В сети
Сколько сетей
У смерти

Конференция продолжается

Сколько фраков и смокингов
Изящных костюмов от лучших портных
Садятся к накрытым столам

И из каждого смокинга фрака костюма
Вылезает нечто округлое
Это называют – го́ловы

Смокинги фраки костюмы
И то округлое что из них торчит ест и пьёт
Плюс галстуки бабочки
И прочая дребедень
Вроде булавок запонок значков в петлицах
Всё это вместе взятое называется
Дипломаты государственные мужи министры
Премьеры президенты и генералы
Если добавить к этому
Столы с едой и питьём
В большом зале увешанном портретами и картинами
Тогда говорят – конференция

Конференция продолжается...
А Земля?
Что Земля – вращается как всегда
Постанывает но вращается,
Не может остановиться
Конференция продолжается
А кровь?
Как обычно – льётся рекой
Но быстро впитывается
А сердце?
Бьётся, бьётся и вдруг замирает
Сердце завидует камню
Конференция продолжается

А росток?
Раненой птахой пищит
Под грудой металлолома
А душа?
То витает в облаках то роется на свалке
А пуще всего любит
Вздремнуть на куче злата
Конференция продолжается

А деревья?
Кричат от ужаса (про них говорят: расшумелись)
А птицы?
Перелетают с места на место с места на место
Каркают и щебечут чтоб обмануть погоню
Конференция продолжается

А металлы?
Да что металлы – эти радостно-послушны
Поют себе тенорком,
Когда из них льют пули
Куют и точат клинки
Чтоб легче вонзались
Конференция продолжается

Так всё-таки – что происходит?
Да ничего страшного
Страшное стало обыденным
Конференция продолжается
Она будет длиться вечно

Местоимения

Те голодные
Воюют с соседями
И потому у этих
Продающих оружие
Полно жратвы –
Трижды в день они садятся за стол
И поглощают вкусный корм

Те где-то там далеко
Убивают друг друга
И потому эти где-то очень близко
Строят себе виллы в тенистых садах
(По комнате
Каждому члену семьи)

Те полунагие
Охотятся друг на друга
И потому эти
Покупают фраки и смокинги –
Дипломаты функционеры
Благотворительных миссий
Попивая винцо разглагольствуют
О любви к ближнему

Пожизненно на страже
Указательных местоимений
– «Те» и «эти» –
Указующих
И наказующих

Цифры с полей битвы

Во время войны легче всего подсчитать потери в живой силе
Тут нет особых проблем
Данные собирают командиры низовых подразделений
И передают вышестоящим
Те в свою очередь – командирам высшего ранга
В конце концов сводки с полей битвы
Попадают к людям в элегантных штатских костюмах
К людям, сидящим там, где не слышно
грохота выстрелов и воя бомб
А от них – к падким на такие вещи
Средствам массовой информации

Потери в живой силе, цифра за цифрой
Ты найдёшь там всé:
От единицы до девятки, ну и, конечно, нули
В любых количествах, в любых комбинациях
Единица, острая стрела с оторванным правым заусенцем
Видно, зацепился за кость на пути к сердцу и оторвался
Двойка, покорно согнувшийся коленопреклонённый узник
Тщетно перед расстрелом
Умоляющий даровать ему жизнь
Тройка, верхний краешек сердца, отсечённый осколком снаряда
Четвёрка, переломанные и брошенные кости
Точно уложенные рукою судьбы в прямоугольном порядке
Пятёрка, два разномерных лука с оборванными тетивами
Выпавшие из мёртвых рук
Шестёрка, большая слеза, что стекает по мокрой дуге глазницы
Горькая доля матери, жены, сестры
Семёрка, это, конечно, виселица
На которой вешают тех, кто выдал тайну
Восьмёрка, две головки близнецов, ровно отрубленные
Сплетённые ниточкой запёкшейся крови
Заброшенные при штурме города
На высокий церковный шпиль
Девятка, капля крови на сломанной ветке
Ну и наконец – ноль, нулевая степень небытия
Множество нулей в сводках людских потерь
Множество нулей боготворящих плодородие смерти

Судьба

Эй ты, судьба
Что уготовала ты мне и всем другим

На завтра, послезавтра и прочие дни
Твой указующий и наказующий перст
Болтается на ниточке у нас над головами
Ветер носит его туда-сюда
Пару раз я ощутил
Как он коснулся моих волос
И полетел дальше

Эй, судьба,
Должен сказать, что с некоторых пор
Я за тобой подглядываю
И кое-что разгадал
Так что не делай вид, будто ты слепа
Признавайся – кто тобой правит
Кому ты служишь так лицемерно
Как не стыдно притворяться незрячей
Ты же всё видишь и всё слышишь
Носишься по миру
Бесстрастно выполняя приказы
Не ошибаясь ни на миллиметр
Так ответь наконец
Кто твой хозяин
Или у тебя свои адресные книги
Откуда ты знаешь, кому – гром с ясного неба
Кому кошель со звонкой монетой
А кому тернии глубоко под кожу

Видно в твоей книге есть
Срочные предупреждения
Одному – замедлить шаг
Перед ветхим мостом
Другому – нашарить рукой опору
На скользкой скале
Открой наконец тайну, как всё это происходит
Признайся
Хватит прикидываться
Глупым, слепым ослом

Внезапная встреча

Внезапно
Лицом к лицу
С трухлявым стволом дерева
Я один и оно одно
Стоим

Трудно разминуться
Вот странно
Надо бы с ним заговорить
Да только о чём

И тут оно само
– Ну что, старик...
– Да ничего...
– Тебе сколько?
– Семьдесят, а тебе...
– А мне двести
– Хо-хо...
Я улыбнулся
И оно улыбнулось
Жёлтой щелью трухи

Трудно разойтись
– Как тебе жилось-то?
(Это уже я)
– Да так, обыкновенно, снизу вверх, а тебе?
– Нормально, ближе к земле, тут, вокруг
– А дети были, есть?
– Есть и дети, и внуки, да разбежались по свету
Бывает, письмецо пришлют
Когда вспомнят... А твои?

– Тоже разбежались, по лесу
Бывает, листок пришлют
Когда ветер дунет
Один повис на шее
Так и висит...

Опять тишина
Не знаю что сказать
Но дерево само спрашивает
– Где твои корни...
– Далеко отсюда
Там где вечно встречаются две большие реки
– Так далеко?
– Ты удивляешься, ну да, твои-то близко
Прямо под тобой. Как они там...
– Им легко, они ведь уже почти ничего не держат
И ничего не питают
Направление изменилось
Раньше они шли ко мне
Теперь я спускаюсь к ним
– Со мной то же самое...

Ну, пойду я – сказал я вдруг
– Идти, ходить, туда, сюда
Непонятно – ответило дерево
– Двести лет на одном месте, по стойке смирно
Не могу понять – сказал я
– Приходи завтра, поговорим и об этом
– Приду, прямо с утра
– И вечером приходи
Посмотришь, как светятся гнилушки
– Бывай, старик
– Бывай, старина

Что за прок в путешествиях

Нет в путешествиях прока
И тут, и там –
По сути, одно и то же
Рты требуют хлеба
Руки жаждут купюр
Если красота
То оплаченная страданием
Но страдание редко
Бывает вознаграждено
Чаще всего это просто лишняя боль

Путешествия это всего лишь
Вырванные из времени мгновенья
Коллекция разрозненных минут
И мы клюём эти рассыпанные крошки
Собор ещё один собор
Башня снова башня
Кто-то спасён
Кому-то нет спасенья
Вот, собственно, и всё

Везде и всегда
Кто едет, тот исчезает
Дурная затея
Все эти путешествия

Счастлив тот, кто заботится о зерне
Вглядываясь в его
Незримое движение
Равное мнимой смерти

Он с ним
Когда зерно возносится стеблем
И всё так же с ним
Когда оно превращается в колос
Счастлив тот
Кто собственными шагами
Отмеряет на земле
Свой неизменный круг

* * *

Я взял под руку Дом
И он этот дряхлый старец
в соломенной шляпе набекрень
пошёл со мной на прогулку
Я показал ему стены
и голые площади без деревьев
Увидев башню, он так поразился
что потерял равновесие
и чуть не рухнул прямо на меня
Едва придя в себя
он вырвался у меня из рук
и бросился бежать
Я было за ним
да где там
Он мчался опрометью, через поля и леса
Переплыл две реки
Я потерял его из виду
А когда наконец добрался до места
откуда мы вышли
вижу он стоит себе как ни в чём не бывало
будто ничего не произошло.

Степени благодарности

Спасибо за хлеб
И за то что ты положил мне ладонь на плечо –
Плечо моё этим гордится

Спасибо что ты меня обогнал не задев
И пошёл восвояси –
Ты подарил мне вздох облегченья

Спасибо что ты надо мной посмеялся
И только –
Ты мне позволил поверить что на этом всё и кончится

Спасибо что ты ударил меня
Всего один раз –
Ты в меня заронил надежду что такого больше не будет

Спасибо тебе что ты меня только бил
И мне было просто больно –
Ты помог мне понять: боль – ещё не самое худшее

Спасибо за то что ты внял мольбе моей
И нанёс мне всего один
Решающий удар
И надо мной не глумился –
Я даже успел о тебе подумать: добрый
Человек, свой мужик

Ничто

Мучительно пытаюсь понять
Что такое – ничто
Говорят: ничто и есть ничто
Но ведь это ничего не значит
Замени-ка в слове «ничто»
Три последних буквы на две
Получится: «нить»
Ещё две буквы –
И вот уже: «ночь»
Тянется нить
Приближается ночь
Однако на самом-то деле
Что же такое – ничто
Оборванная нить
Свеча упавшая в ночь
А может название города
Возникшего из небытия
Имя звезды которой нет
Или адская бездна
Пустое жилище Бога
Хотел бы я знать
Что такое ничто
Ведь я к нему
Иду.

Станислав Навроцкий

НИКТО НЕ ПОБЕДИТ НАВЕКИ

старшие братья

старшие братья
предостерегают младших
перед тем чего сами избежать не хотели

старшие братья
коснеют в своих правах как грядки в парниках
а младшие – огород непрополотый

старшие братья
рады когда младшие сгоряча
умножают их ошибки

старшие братья
убивают младших чтоб их уберечь
от опасности – вдруг они окажутся лучше

старшие братья
отправляясь на небо берут с собой динамит
на случай если дверь будет заперта

старшие братья
изначально под бременем старых забот
и никак не могут поверить
что они всего лишь старшие братья

ближнего как самого себя

привет тебе ирод
ревнуя о троне
ты истребил в Вифлееме всех младенцев
кроме Одного

привет тебе иуда
приговоривший себя к вечному позору
дабы открыть путь ко славе не своей

привет тебе пилат
тот кому не хватило мужества
освободить Человека жаждавшего тебя понять

привет и вам
разбойники распятые слева и справа
ибо вы оказались Его пожизненными товарищами

привет вам
воры торгаши и прочее отребье
без ваших беззаконий
не было бы стольких святых даров на вынос

осложнения

в каждой любви есть такие провалы
которые надо
вырвать из памяти с кровью

любое отчаяние когда-нибудь
выплачется в платочек
и сойдёт с трона

любой мир
в конце концов раскатится зловещим громом
и всё перевернёт с ног на голову

любая неволя
выберется из оков

любое тщательно скрытое зло
разольётся во всю ширь

и тогда у человека появится шанс
померяться силами с самим собой
как равному с равным

демаркационная линия

мораль западных стран
слишком крепко скована деньгами
в ней невозможно повышение курса
любви (даже ненависти)
и тишины в которой растёт душа

сознание восточных народов
измеряется вечной нуждой
здесь нет места для сытых
чья предприимчивость слишком легко
оборачивается преступлением

Польша – бастион обоих миров
её «элиты» выслуживаются поочерёдно
то перед одними то перед другими
народ
не поспевает за ними в этой муштре

боль

если уж нам привалит такая удача
и при полном параде откроются все клоаки европы
и пустейшая песня спозаранку врежет нам по мордасам
что мы тогда оплачем
за рождественским столом
а что придётся отложить на много постов вперёд?

каток распада катится по нам
всего одно поколение
а мы уже так поверили в его разящую сердечность
что не различаем противников
и только складываем руки в галантном презрении
дабы спесь не угасла

тех же кто забаррикадировался в мечтах
убеждаем что любая власть от Бога
даже когда всем заправляет дьявол

в короне бессилия

живём как на сцене
не успели поклониться –
а рампа уже погасла

мимолётность
хотя её недолюбливают
имеет то преимущество что действительно существует

минуты выбранные из памяти для огласки
это наша вера
прибитая к кресту дабы предупредить:

никто не победит навеки
навсегда можно только проиграть

сколько же мы будем терпеть
сколько ещё циничные контрабандисты святости
будут вести нас путём на котором
спасенья не больше
чем рыбы в сточной канаве

у истоков зла

вокруг гения тесно от недоумков
у них так силён инстинкт самосохранения
что они безошибочно определяют
в чьей тени свить гнездо чтобы потом
вывернуть существующий строй наизнанку
перековав изъяны в ветеранские байки

балканским братьям

есть такое небо
что не стыдится своей свободы
а солнца там отнюдь не меньше

есть такие рассветы
когда росе не совестно перед людьми
хотя тишина взорвана произволом

есть в славянской круговерти
такой народ
который не завалить бомбами

такой была когда-то и моя страна
пока
не увязла в болоте

вооружённые честью с колыбели
отриньте тревогу –
слова сильней чем снаряды

зло лезет вон из кожи
когда не уверено в своей силе

26.03.1999

исповедь

если я не согрешил
то не потому что желал превзойти
тех кто шлифует коленями алтари
утоляя своё тщеславие

если я не согрешил
то не для того чтобы избежать покаяния –
последние стоны висельника
и так услышит верёвка

если я не согрешил
то даже не из любви к Тебе
и не от лени дырявящей душу
как швейцарский сыр

если я не
согрешил то только чтоб напомнить Тебе
о делах ускользнувших от Твоего внимания
пока Ты наудачу раздавал святость

всё проходит вместе с нами

все дороги ведут в никуда
борьба за бытие
это путь поезда
к назначенному сектору перрона
где его встретит только молчание

там дни утомляют до боли
а лица окаймлённые тенью
с облегчением и печалью ускользают от дат

за скобками важных дел и свершений
уже не хватает
чужой заботы
чтоб укрыться от ветра
бьющего в глаза

Анджей Заневский

КАМЕНЬ ПОМНИТ ИНАЧЕ

Пожар

Когда горят леса,
поджигатель убегает первым –
заметая следы, он проклинает засуху.

Когда горят леса,
животные спасаются бегством
– опалённые птицы,
ошпаренные косули.

Поджигатель в безопасном месте
ждёт новостей.

Вооружённые люди
останавливают машины.
Отчаянный крик,
сирена тревоги.

Радостно трещат искры,
разлетаются фейерверки слов
– клубы дыма,
манифестация огня.

Через несколько дней
на пепелище
выясняет причины пожара
специальная комиссия
во главе с поджигателем.

Цель

Зачем жить?

Чтобы знать,
видеть,
быть.

И любить,
и быть любимым.
Хоть мгновенье – любимым.

Короткая баллада о недоверии к словам

Приветливый город, дружелюбные подворотни,
древние карлики бодрствуют, сонно жмуря глаза.
Гладкие, чистые стены,
улыбчивые прохожие,
пастельно мягкие слова,
лампадки в дворовых часовнях.

Люби, и будешь любим!
Прощай, и тебе простится!
Верь, и тебе поверят!

Иди спокойно, без страха,
иди, как к друзьям.
Иди!

И он пошёл,
и его убили в приветливом городе.

Бессмертный

Человек не погибает.

Он превращается в эхо,
в сон,
в тень.

Человек не умирает,
через врата заката он переходит
на другую улицу.

Ты не покинул меня,
ты стал светом в памяти моей.

И будешь
среди нас,
как незримое пламя.

Десять заповедей для себя

1. Не убегай от друзей, иначе – где найдёшь пристанище?
2. Не проверяй силу огня на собственных крыльях.
3. Не раскрывай своё сердце тому, кто закрывает дверь у тебя перед носом.
4. Не похваляйся мудростью – тебя зарежут дураки.
5. Не води дружбу с тарантулом – а вдруг он примет тебя за сверчка.
6. Не возвращайся к отравленным истокам.
7. Не бросай крепкие кости беззубым собакам.
8. Не забывай, что камень помнит иначе.
9. Не спрашивай, отчего тебе хочется танцевать, – танцуй.
10. Не отвечай на вопросы, рождённые завистью.

Нет пустоты там, куда проникает свет

Истинная пустота,
незамутнённая, чистая,
безупречно порожняя – это абсолютное небытие.

Пустота – темнота без конца
и начала.

Когда есть хоть немного света,
пустота исчезает.

Время джокеров

Пришло их время! Джокеры у власти!
Короли свергнуты,
дамы брошены,
вальты спиваются от отчаяния,
тузы рыдают в дурдомах, а
остальные карты кланяются в пояс новым властелинам.

Маленький шут
в колпаке с тремя колокольчиками
с улыбкой зарежет любого.

Больной

Сташеку Мисаковскому

Он схватил меня за рукав
перед Домом Литературы. Почти горя от гнева,
он нёс в зрачках светотень – страшную
болезнь несогласия.

Губы его потрескались, пересохли от внутреннего
огня, щёки запали. Улыбка исчезла.
Он смотрел на меня так, словно весь мир отказал ему
в помощи, словно он повис между жизнью
и небытием и ищет выход.

– Куда ты?
– В библиотеку – ответил он.

В сумке через плечо
у него были стихи, близкие к совершенству,
и будущее, которому он уже перестал верить.

Помоги мне – просил он мысленно – я не умел помочь.
Поддержи – но я был, как и он, унижен.
Помни – никогда не забуду.
Никого моя судьба не волнует – сетовал он.
Я бессильно сжал кулаки.

Кто умирал тогда?
Он? Мир? Или я?

* * *

Задумайся, кто ты –
крысолов или крыса?

А может, ты дитя,
бредущее в толпе
сквозь туман, что трепещет
от звуков флейты...

Не прощаю

Они есть!
Учителя прощения, знатоки
законов совести. Они говорят за тебя:
когда, кому и как ты должен
прощать вину.

Как будто начисляют комиссионные от
продажи слова «прощаю!».

Ты заикаешься, лжёшь и в конце концов
говоришь «прощаю» из опасения, что иначе
тебя обвинят в
бесчеловечности.

Сжав кулаки,
воспалённым ртом ты хрипишь:
«прощаю», а язык сводит
от горечи.

Но когда ты вернёшься домой,
ты захлопнешь дверь и перед зеркалом,
задыхаясь, услышишь
своё загнанное вглубь: – Нет!

Збигнев Маевский

СЛОВА УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ

Жлобство

какие они чужие
холодные как изваяния
словно герои вознесённые на пьедестал
закованные в бронзу
вытесанные из камня
они глядят в несуществующую даль
надутые самообожанием
потерявшие человеческий облик

откуда столько позы холода жлобства чуждости
у этих олухов надменных и спесивых
убеждённых что после них останутся
грандиозные статуи
ведь статуи в своём величии
абсолютно незаметны
обыкновенным
измотанным жизнью нормальным людям

Рецензия

только что я дочитал
антологию со стихами поэтов
страны – которой не назову
эта страна восхитила меня когда я гостил в ней
впервые...

но антология разочаровала безмерно
в ней не нашлось абсолютно ничего
– ни одного стихотворения –
которое бы меня тронуло... взволновало
не говоря уж о восторге

от чтения остался неприятный осадок
больше того – изумление
что можно вот так ни о чём
так отчаянно-серо безнадёжно-черно́
штамповать тексты именуемые стихами
– и тискать их в альманахе двадцати двух поэтов
изображающих «авангард»...

я дочитал и с огромным облегчением
отложил эту книгу
чтоб больше к ней не вернуться –
уверен
что уже никогда в руки не возьму
ни одной книги со стихами поэтов этой страны
которая так искренне – безгранично – без остатка
меня когда-то очаровала...

После последней войны

когда к нам на Землю
в радиоактивную пустыню
прилетят на ракетах жители дальних планет
они будут молча искать
следы жизни эпох цивилизаций
беспристрастные археологи откроют век расщеплённого атома
смахнут пыль покрывшую всё печатью молчания

а потом улетят на свои планеты
которым уже много веков
неведомы войны страх ненависть
– улетят в тот реальный мир
о котором жители Земли
слагали легенды
называя его раем

эти кроткие и мудрые существа
удаляясь от мёртвой Земли
тихо скажут одно только слово:
жаль...

Третий глаз

буддисты
– люди просвещённые –
называют это – третий глаз

способность видеть душой
тончайшие детали
– существенные вещи
которых не замечают нынешние
загнанные европейцы
обольщённые мнимой культурой запада
одурманенные блеском деньги и славы

в слепоте души
они не замечают высших идеалов
хотя у них есть глаза усиленные очками

не видят ничего
как слепцы
спотыкаются о материальные предметы
которые им всё равно не взять с собой туда
где тот таинственный иной чудесный мир
различимый для кого-то и на земле
третьим глазом

вокруг человеческий мир
больной... злой... бесчеловечный
несмотря на все его маски и речи –
он повсюду
в семье в глобализованном обществе
в СМИ рекламе политике
в пустом взгляде существ
эпохи волчьих экономических законов

он создан человеком
против человека –
безработица голод болезни цивилизации
мир чужих друг другу лишних существ
у которых изъяты старомодные идеалы...

они считают третий глаз
реликтом примитивных народов
в этом новом прекрасном
запутанном неотразимом
современном мире...

В мире микропроцессоров

когда электронное божество
будет править миром
а компьютеры будут бдительно охранять человека
на случай если он вдруг вздумает бунтовать
когда дистанционно управляемое искусственное солнце
будет точно всходить и заходить
когда вся жизнь будет описана мудрой логикой цифр
а музыка живопись поэзия
станут продуктами полупроводников
когда личное счастье
запрограммированное цифровыми машинами
окажется доступным каждому существу на земле
а не только тем кто сделан из синтетических материалов
и замкнутых цепей
когда исключена будет любая неожиданность –
ни внезапных дождей ни сердечных приступов
как в отдалённом прошлом –
когда человеку будет до мельчайших деталей известно будущее
включая дату его собственной смерти

он забудет напрочь о том что когда-то сам
распоряжался своей жизнью
но совершил роковую ошибку
недооценив интеллект машин
не предвидев что они могут больше
поскольку им чужды тоска и мечта
а также хитрость двуличие и алчность людская
не предвидев того
что машины станут вершить судьбы этого мира
и сделают его вечным
может только чуть более искусственным
зато наконец он станет таким счастливым
что даже грустно

они будут жить
с приросшей к губам покорной улыбкой
беззаботные существа из плоти и крови
выводимые в инкубаторах умными
безошибочно мыслящими машинами
будут жить в этом своём прекрасном техно-мире
где запрещено
любить страдать и отчаиваться
только иногда маленькое существо из серии «homo sapiens»
спросит воспитательницу из серии «502»

что значит слово – лес
или – пёс
или такое красивое слово – мама

откуда у тебя в голове эти глупости
невозмутимым металлическим голосом
скажет умная машина
и бережно взяв малыша за ручку
начнёт объяснять ему квантовую теорию
а малыш всё равно будет
задавать свои глупые вопросы
скажи мне пожалуйста что такое лес
скажи мне пожалуйста что такое мама
– но никто ему не ответит
что значат эти слова услышанные во сне

лишь изредка
под заботливой властью идеальных машин
какой-нибудь неисправный – неразумный – человек
вдруг затоскует по незапамятным временам
начисто забытых древних легенд
и лёжа под вечным светом в асептическом зале
из синтетических минералов и стекла
на рассвете искусственного
восходящего со скрежетом солнца
ощутит в горле
запретный комок

* * *

А когда я уйду
улечу – отдалюсь от этой планеты –
от тела
которое отныне будет принадлежать
только земле

когда я уйду за последний предел
когда
превращусь в БЫЛ
во всяком воспоминании
о моём бытии –

быть может я стану прозрачным светом
который проникнет сквозь время
пространство материю

быть может я стану прекрасной музыкой
симфонической поэмы Носковского
мотивом рассвета на Украине
в моей любимой степи которой больше нет

а может стану диким пейзажем Тибета –
унесённый в глубины монашеской медитации
колеблемый буддийской мантрой
буду пространством счастья и покоя
– бескрайнего успокоенья бытия

буду всем
– только не человеком
буду длиться
одним лишь воспоминанием –
о том что в моей жизни
так и не сбылось

* * *

все те удивительные открытия
что ждут нас там
по ту сторону тайны бытия
превзойдут предел нашего восприятия
мы быстро и окончательно
отвыкнем
от земных чувств
опыта
законов
управляющих нашим существованьем
мгновенно обретём
великое знание
прежде неведомое

законы космоса
о которых мы и не подозревали
окажутся очевидны и логичны

и мы отправимся туда
откуда родом
откуда явились на краткий миг
чтоб немного побыть на планете Земля

уже в ином обличье
отправимся к месту назначения

неся в душе туманный след
минувших миров
отнятое у нас время...

нам снова дано будет проникнуть
вглубь божественного знания –
но лишь между воплощениями
совсем ненадолго
и мы опять ничего не запомним...

Любовь к ближнему

часто думаю о тебе
пёсик из Супрасля
умиравший в тени живой изгороди
от голода ран и сиротства
отчаянно одинокий – никому не нужный

я нашёл тебя
в знойный августовский день
заботился о тебе выхаживал и всё-таки сумел спасти
носил еду воду...
пока не уехал

на следующий год я тебя не нашёл
и потом уже никогда никогда

часто вспоминаю тебя
особенно когда во время мессы
священник говорит о любви к ближнему

кем ты был для меня
маленький старый некрасивый
никому не нужный –
кем-то выброшенный из машины
несчастный беспородный
искусанный местными псами

был ли ты мне ближним
в евангельском понимании...

одно знаю точно
– ты был мне тогда
и теперь остаёшься –
другом

Я понял

где в мире
это место
это время
безмятежность счастье радость

до сих пор я не знал
ни места такого
ни времени

лишь иногда в чьих-то книгах
в прекрасных стихах
на миг находил далёкую
предугаданную красоту

только теперь
когда я нашёл тебя
всё стало добрым
прекрасным
солнечным
добротой твоей напоённым...

и понял я
что всю жизнь
тосковал о тебе одной

* * *

теперь
когда ты далеко от меня

над нами светит одно и то же солнце
но тебя оно греет жарче
точно так же
но всё же иначе
проходит некогда дарованное нам
время
именуемое жизнью...

от этого милая нет спасенья
нет лекарства
от отдаленья сердец
от отчаянья разлуки

люди знают единственные слова утешения
– всё когда-нибудь кончится

но может ли в моей жизни
когда-нибудь кончиться
тоска о тебе...

Йонаш Кофта

ПОЕЗД УХОДИТ – Я НЕ ПОЕДУ

В четырёх стенах мира

Перед стеной звука глухие тоже
Молятся музыке немо
Когда не хочешь, а должен
Лучше уж быть никем

Перед стеной плача шуты на страже
Пляшет судорог тень
А смех их пуст, смех их страшен
Лучше уж быть никем

Перед стеной света стоят слепые
Смотрят не щуря век
На то что лучше знают святые
Чем простой человек

Под стеной казни стоит герой
Карателям глядя в очи
Курит последний окурок свой
У края ночи

Стены мира
Уходят ввысь
Слово теряет смысл
И я стою перед вечной стеной
Бьюсь в неё головой

Я устал

Во мне пересыхает вера
Инстинкт и тот уже подводит
А сколько слов ненужных, серых
Тревога злобой колобродит
Хочу сбежать – звучит наивно
Хочу сбежать – да хоть в пустыню
– Ты так устал?
Устал
Всё минет

Кто остановит жёрнов слова?
Вот-вот остатки правды смелет
Косноязычный сброд и снова
Тузы над нами власть поделят
А примирит непримиримых
День когда солнце не взойдёт
– Ты так устал?
Устал
Пройдёт

Уже нет времени, нет снов
Ум оглушён речей угаром
А глупость разжирев от слов
Рыгает: мане, текел, фарес
Весь мир накрыл девятый вал
Никто спасения не хочет
– Ты так устал?
Да
Очень

Зонг об отсечённой голове

Мысли отсечённых голов
Прямо с плахи, из-под топора –
Будто лава кровавых слов
Запекшихся завтрашних правд

Мысли отсечённых голов
Остаются в них навсегда
Как сознание бытие превзошло
Не прочесть по гримасе рта

Да, свободна, свободна мысль
Но велик, ох велик страх
Бытие с сознанием
Разошлись
Мозг и зад
Разрывают пакт

Прямо с плахи, из-под топора
Бурей рвётся посеянный ветер
И вот в фаворе опять голова
Тусклый нимб над теменем светит

Мысли отсечённых голов
Навсегда остаются в них
Украшают алтарь и под грозный рёв
Повторяют парадов ритм

Когда до тебя донесётся стон
Еретических бледных губ
Уши заткни
И не лезь на рожон
Если дорог тебе
Твой круп

Межвременье

Залива раму волны режут
Песок просеивает ветер
И никого кругом. Всё реже
След человеческий заметен

Хожу и собираю мусор
Останки отторевших лет
Но дети солнца лишь смеются
Что́ им тех дат туманный след

История остановилась
Мозгами управляет сон
И время тяжким сном забылось
Межвременье – король времён

Здесь в трёх стихиях каменея
Миф об Аркадии сокрыт
Я радоваться не умею
Меня одолевает стыд

Ищу обрывки упаковок
По мне хорош любой клочок
Идеи иль обрывок слова
Здесь много мусора ещё

История остановилась
Мозгами управляет сон
И время тяжким сном забылось
Межвременье – король времён

Я не хочу

Хоть разум чист
Как чисто поле
Долг перед правдой вечен будет
Я не хочу
Бежать от боли
Ведь
Все мы – люди

Вновь суматохи буден прибыло
В года секунды спрятаны
По совести так труден выбор
А к смерти путь накатан

Пока беда
Кровавой тучей
На сытых
Не обрушит месть
Надежда ты меня не мучай
Довольно что ты
Есть

Конец ли света кто ускорит
Или начало кто отпразднует
Я не хочу
Бежать – не горе
Что все мы
Разные

А разум чист
Как чисто поле
И пусть меня за дерзость судят
Не надо
Убегать от боли

Коль
Все мы – люди

Помечтаем

Чтобы что-то случилось
Чтобы страх нас оставил
И любовь нам явилась
Помечтаем

Чем бросаться словами
Лучше воском растаем
Из огня – да и в пламя
Помечтаем

Улетают как листья
Календарные стаи
Всюду серо и мглисто
Помечтаем

На сквозном бездорожье
Мы судьбу обыграем
Счастье всё же возможно
Помечтаем

Волны вечного света
Тоску размывают
Будем помнить об этом
Помечтаем

Так будет лучше

Не надолго нам хватило
Нашей радости летучей
Уходя скажу я милой
Не грусти
Так будет лучше

Хоть и вправду полюбил я
Зелень глаз твоих колючих
Парусов ещё не сбило
Ты поверь
Так будет лучше

Плохо многим добрым людям
Их любовь – несчастный случай
Эта боль тебя разбудит
Говорю
Так будет лучше

Ну зачем нам плавать в луже
Ну зачем друг друга мучать
Знаю сам что будет хуже
Но твержу
Так будет лучше

Размышления на вокзале

На всех вокзалах мира
В буфетах и на перронах
Любой разговор о жизни
Остаётся незавершённым

Хоть все пассажиры разные
Различья искать не стоит
Ведь на вокзале каждый
Становится пустотой

Здесь – всё как везде
Счастье, несчастье
Разве что ночь и день
Сменяются чаще

На всех вокзалах мира
Далёких дорог притяженье
Катить по рельсам судьбы –
Наше предназначение

Прощания и возвращенья –
В сумме нулей звон
Кому-то жизнь как поезд
Кому-то как перрон

Входят, выходят, мелькают
Пьют пиво (а как иначе)
Приезжают и уезжают
Плачут

Друг друга теряют, находят
У ожиданья во власти
Глотают их и выплёвывают
Вокзалов стодверные пасти

Движение происходит
По расписанью бреда
Поезд уходит –
Я не поеду

Зонг о вечном счастье

Последний на земле Икар
Вчера за мысом пал на дно
Спокоен солнца ровный жар
И всем отныне всё равно

На белом дне там где-то спит он
Под чёрным рыбьим плавником
Ещё глаза его открыты
Он улыбается легко

Безумец воровал покой
Не верил в счастье обречённых
Теперь под солнцем всем легко –
Блаженство мёртвого сезона

На пляже том всегда сезон
Никто ничем не обойдён
Все существуют, все лежат
И небеса им не грозят
Лазурью просияла высь
Погода
Радость
Игры
Жизнь

Икар последний отшумел
Накрыт волны холодным веком
И полегчало человеку
Когда он падал, он горел

Взмыл пара серебристый клуб
Ударил в воду крик его
Сомкнулась океана глубь
Над плоской тишью – никого

Изгладился безумца след
В мозгах зверушек обречённых
Теперь на солнце пятен нет –
Блаженство мёртвого сезона

Лишь тот навеки проклят стал
Кто памяти не потерял

Остров

Когда шумихи перегар
В толпе людской сосредоточится
На свете лишь один товар
Бесценен – одиночество

В тоске о тишине бредём
На дальний остров убегаем
Но лишь поселимся на нём
Он тут же станет обитаем
И страх нацелится в висок
Неволя дня, былого след

Ах как красиво лёг песок
Там где нас нет

Станислав Игнаций Виткевич

УБЕЙ ЭТОТ СТРАХ

* * *

Убей этот страх!
Он крадётся, как тьма
Тёмной ночью.
Он смотрит, рождая
То, чего под маской
Не спрячешь.
Убей этот страх.
Он ползёт из пустоты
К тянется к тебе,
И отнимает всё,
Что вне ПРОСТРАНСТВА,
Всё, в чём нет
НЕБЫТИЯ.

* * *

О, ничтожно малые факты
В Бесконечности чёрных страстей,
О, надменных жалкие акты,
О, спесивых гнутые шеи...

* * *

Над диском планеты
Среди звёздной ночи
Алефы цепью ползут в бесконечность.

И бесконечность, конца которой нету,
Предана самой собой, внутри себя застыла.
Сонмы Титанов, рогатые фантомы
Загоняют звёздный рой
В ободранную бездну.
Мысль запустила когти в собственные недра
И сама себя грызёт, вся в себя залезла.
Но чья она? Ведь мысль не сама себя рождает,
Как само гремит или как само сверкает?
Точка взорвалась в икс-мерное пространство,
И пространство лопнуло,
Как воздушный шарик.
Дыхание вышло. Так дышит ничто,
Своей пустотой
Всё убивая, и время застыло.
Хоп! Кружку пива.

* * *

В глубинах ночи необъятной
Небесноокий сон витает
В обличье странном, непонятном,
В миры иные призывая.
Я этой ночью окаянной
Очнусь внезапно и прозрею –
Нечеловеческая странность
Всё невозможней и страшнее.
В метафизическом размахе
Вот-вот единым мир предстанет...
Но жизнь внезапно косо взглянет –
И просыпаюсь в подлом страхе.

Ты сомневаешься? Как странно.
Я прелесть жизни чую сразу,
Всё той же скукой обуянный...
И, отдавая демонам приказы,
Ужасное лицо хохочет из тумана.

* * *

Пришёл ко мне однажды странный гад.
А может, это ты, возлюбленный мой брат?
Он говорил уныло, долго и темно,
Последняя звезда погасла за окном.

* * *

Читаю Библию под деревом, а время убегает,
Наркотики таятся в кустах, залитых солнцем, росой и цветами,
В порывах утреннего ветерка,
Дайте мне молока – молока мне дайте парного
И яиц – из-под кур прямиком.
Я хочу быть мужиком крепким, здоровым,
Хочу держать голову высоко.
Но тут же вопрос: «а зачем? а потом?» –
И одним глотком
Я сразу выпил все яды
И, белый как платок, как простыня, как бумага,
Ринулся в гущу неведомой битвы с неизвестным врагом –
Не то сатаной, не то Богом.
Но никакая это не битва.
Это только: «Готовьсь! Оружие к бою! Марш!!»
Это только в чужие лбы набитый моего мозга фарш.

* * *

Это я – это он.
А в душе какой-то звон.
А в душе звонят звоночки.
Эй вы, дочки, эй, сыночки.
Я один –
Вместо двух.
А в Эдеме –
Мягкий пух.
Эдредоны и Эдемы,
Мальвы, маки и вербены
Разлетелись в прах и в пух.
Пусто в бездне оплеух.
В брюхо – бух!
В брюхо – бух!
Правда в бездне
Одинока,
Многолика, многобока.
Мной зачат бездонный вздох!
Но и в Правде вырос мох!
Много раз я одиноко
В черноте пустых миров
Чашу наполнял до края.
Встаньте, ведьмы – нету рая.

Это труп – это труп...
Ощипли его как птичку.
Быть душой – напрасный труд.
Вот так души –
Все по уши
Роковым Ничем залиты,
Перечёркнуты, размыты.
В ус не дуют,
Чтоб в иную
Кучу мяса жизнь вдохнуть.
За бесценок тело сбудь!
Вечный страж ворчит, горюет,
Раскопай же тайны суть.
Ужас Истиной торгует –
Так за всех успей хлебнуть.

Вот она – а вот и он.
Странный колокола звон
Перекатывает звуки –
Мне под трон,
Мне под трон.
Слышу охи,
Слышу вздохи,
Пашет землю легион –
Семя Правды сеет он.
Всё пойдёт мозгам на суп.
Хруп да хлюп.
И ты, сестричка,
Бледной немощи частичка,
Одинокой плоти струп
Дай владыке всеблагому –
Всемогущему такому.

* * *

Последняя станция –
Резиньяция –
Мелькнула.
С оглушительным гулом
Мчится лавина вниз,
Где таится безумье.
Среди чёрных луж
И разделанных туш,
Среди дыб и колёс
Чей-то чужой немолкнущий стон

Наполняет мозг.
Сам мучитель пытками изнурён...

А в небе, среди стальных опилок и свинцовых дорог
Тьму прорезают хвосты комет
И горит метеоров кровавый след.
Там бесконечно длится серенький денёк
И замыкает свод жизни
Над горизонтом мёртвого озера –
Озера душ, отлетевших давно.
День на обочине кровью исходит, но
В траурном крепе кротко
Мёрзлую лижет решётку,
Глушит в себе терзанья и укоризну.

Там неведомый страж, грозный, как ночь морозная,
Приглашает кого-то войти в ворота
Ужасной тюрьмы, где камер – без счёта,
Туда, где мечты насыщаются злом
И бог смерти, чёрный, недвижный чурбан
Бесчестит страхом ползучие тени.

Там холодное чёрное пламя сомнений
Чертит зигзаги в белом
Нереальном тумане
И окружает того, кто больше страдать не может,
Хотя ему в сердце воткнут отравленный ближними нож,
Хотя он жаждет страданий.

* * *

...И первому же прохожему, попавшему в поле зрения,
Хрясь дубинкой по лбу – второму? – тоже хрясь!
И вовсе никакое это не преступление.
Так что же это такое?
Да ничего, просто – хрясь:
Всего лишь ликвидация никому не нужных вещей
Без участия палачей...

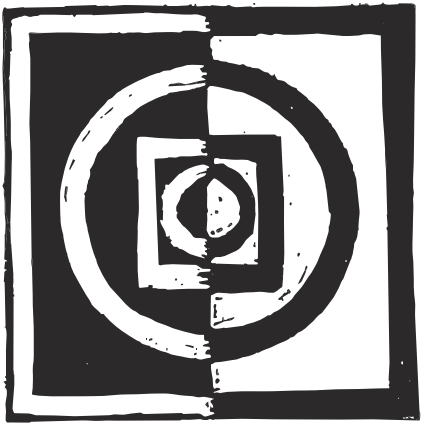
* * *

За пределом действительности
Не ищи ничего,
Ибо действ этих вительность
Не от мира сего.

Если тебе есть что сказать
закрой рот –

и тебя наверняка
услышат

Станислав Мисаковский



II

В ЦЕНТРЕ ЖИЗНИ:

АНТОЛОГИЯ СТИХОВ

То, что кончается
между людьми,
– никогда и не начиналось.
Если бы
началось по-настоящему –
никогда бы не кончилось.
Кончилось,
потому что
не начиналось.

То, что началось
по-настоящему,
– не кончается
никогда.

Эдвард Стахура

ВСЁ ЭТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ

Кубалик Павликовская Бараньчак Заневский Франчак Сливяк Мисаковский Лец Осецкая Энгелькинг Карпович Гронский Кийонка Бялошевский Мицнер Бурса Свирщинская Рыбович Глюзинский Стафф Ружевич Войтыла Скоповский Чахоровский Михальский Лехонь Голэмбёвский Афанасьев Чайковский Сливоник Борушевский К.Яворский Пуу Фрончек Сконечный Зоммер Баран Сито Мачежинский Матывецкий Лянге Мажуль Ярмоловский Лисовский Бурыла Т.Яструн Павляк Шуба Гроховина Хартвиг Хентковский Т.Домбровский Керн

Это

чеслав кубалик

Ведь это всё не так уж важно
всё это ничего не значит
да только кто же нам докажет
что это так а не иначе
что это всё не так уж важно
что это ничего не значит

Бедный Никто и печальный Кто-то*

мария павликовская

Сердце от боли ноет
Зимней порой
ночною...

Пляшет шальная свечка,
Ветром надулась
печка...

Что за тоска на свете...
Плачет на крыше
ветер...

Кто-то зол – надоело,
Да Никому
нет дела...

Воет Никто и стонет,
Словно кого
хоронит...

Плохи дела обоих,
Нет нигде им
покоя...

Кто-то слушать устанет,
Нет, он Никем
не станет...

Кто-то, тряхнув головой...
Сердцу дает
отбой.

И только этот мир боли

станислав бараньчак

И только этот мир боли, только этот
шар, сплющенный в ледяных тисках,
иссечённый бурями, изломанный на колесе

* Парафраз.

меридианов, мир, который трещит по швам границ,
шитых белыми нитками, только эта
тонкая кожа земной коры, изрезанная
реками, истекающая солёным потом морей
между ударами лавы и ударами солнца,
и только этот мир боли, только это
тело в тисках воздуха и земли,
изрешечённое пулями, расколотое ударом
кулака, мир, который трещит под палкой
по костным швам черепа, только эта
тонкая корочка человеческой кожи, исхлёстанная
в кровь, струящая солёное море пота
между ударом рождения и ударом смерти,
и только этот мир боли; ибо только этот мир
есть боль; ибо мир есть только эта боль.

* * *

анджей заневский

памяти доктора Януша Корчака

Король Матиуш вошёл в газовую камеру с улыбкой.
Он думал, что едет на заседание мирового детского парламента,
которое вот-вот начнётся. Он верил учителю.

И другие мальчишки радовались. Девочки хлопали в ладоши,
пели и танцевали, думая, что уезжают
на долгие каникулы. Все спокойно входили в вагон,
веря своему доктору.

А эсэсовец уже готовил банки
с «циклоном Б».

Доктор Корчак

станислав франчак

Он продолжал им рассказывать сказки
хотя врата рая
были высоки как страх
в глазах детей когда
«циклон» железным обручем сдавил им горло

Доктор не перестал говорить
даже тогда
когда они всей гурьбой миновали
святого Петра а тела
уже убирала зондеркоманда
огорошенная улыбкой которая
не умерла

Чёрный мёд

тадеуш сливяк

Всё потерять остаться нищим
ломать в ладонях хрупкий лёд
и видеть как чернеет мёд
и стопы греть на пепелище

Какой там пир какой там ужин
между часами и свечой
нож глубоко в земле сырой
от соли хлебу только хуже

Соль вечна сахар киснет пьяный
что было мёдом – нынче яд
мрак у виска сгуститься рад
кровь запеклась бугристым шрамом

Уселся ястреб на калитку
и глазом искры мечет в иней
он здесь – а сам ещё парит он
земля в моей ладони стынет

* * *

станислав мисаковский

Обычно люди добывают себе пропитание сами. Меня – кормили. Кормили обильно, всесторонне, на вырост. Но еда не шла мне впрок. Кожа линяла, кости гнили, кровь разжижалась.

Как-то раз один из кормивших меня воскликнул: «Смотрите, да ведь это не наш человек!» – и выхватил миску прямо у меня из-под носа.

На улице я съел первую встречную дворнягу. Собралась толпа. «Собака – наш друг, а ты её съел!» – кричали они. «Теперь я буду вашим другом», – ответил я и залаял, как собака.

Там, где властвует

станислав ежи лец

Там, где властвует дым,
год состоит из зим.

У парикмахера

станислав мисаковский

Когда я был побрит, надушен и уже собрался уходить, парикмахер вдруг схватил меня за руку и, взглянув на ногти, вынес приговор:

– Ногти слишком длинные, настоящие когти. Такие носить опасно.

Вооружившись ножницами, он мигом отхватил мне кончики пальцев. Взбешённый, я рявкнул что-то нецензурное и в отчаянии взмахнул рукой. На зеркале осталось пять красных пятен.

– Язык тоже длинноват, – услышал я в ответ. Удар был нанесён мгновенно. Не успел я закрыть рот, как зубы уже купались в липкой жиже.

Я хотел посмотреть на мастера, запомнить его лицо, но вовремя спохватился – ведь пока ещё я мог хотя бы видеть. Я покорно опустил глаза и вышел, благоухая одеколоном и кровью.

Хирургия

агнешка осецкая

Когда вырывают язык,
бывает больно,
но
если операция проходит в нормальных условиях,
как правило, она кончается удачно,
и уже через пару часов
остаётся только
белая точка.

Когда вырывают крылья,
дело обстоит сложнее –
процедура пока что на стадии эксперимента.
Позади
несколько удачных попыток,
однако бывают
и
несчастные случаи.

Когда вырывают сердце...
При нормальных условиях
операция совершенно безболезненна,
длится всего
две-три минуты.
После неё остаётся шрам,
именуемый также
«душевным комфортом» .

* * *

лешек энгелькинг

От этого не умирают,
мы продолжаем жить,
убитые
не насмерть.

От этого не умирают,
и мы зализываем раны,
привыкнув
к вкусу крови, гноя и пустоты.

От этого не умирают,
и вот мы умираем наконец
– послушно,
от чего-нибудь другого.

Главное – не стоять на месте

станислав мисаковский

Я шёл вперед. Вдруг дорога стала ускользать из-под ног. Чтобы не потерять опору, я ускорил шаг. «Идти далеко, – решил я, – так будет быстрее».

С меня ручьями лил пот, за спиной что-то хлюпало – как будто смыкались волны жидкой грязи. «Худшее позади», – подбадривал я себя и рвался вперёд. «Скоро буду у цели», – твердил я, набирая скорость.

Грязный пот стекал по спине, ноги вязли, земля тянула вниз. «Ещё рывок – и я у цели», – повторял я, собирая остатки сил. Грязь залепила глаза. «Ничего, интуиция всегда при мне. Главное – не стоять на месте!»

Облепленный грязью с головы до ног, я шёл вперёд. «Грязь только снаружи, внутри я чист», – убеждал я себя, едва переставляя ноги в вязком месиве.

Когда очнулся, не помню. Я валялся в грязи без движения, но не был неподвижен в точном смысле слова – всё вокруг летело вперед. «А ведь неплохо, – подумал я, созерцая бесконечное движение. – Может быть, к этому я и стремился?»

Утекновенья

тымотеуш карпович

лежат мосты в речном пролёте
и дышат ленью
жизнь как на клавишах играет
на свето-тени

а кто её коснётся взглядом
от рук воздетым
подымет к чёрным сотам смерти
завесу света

вода текла головоломно
и вдруг застыла:
текучий кто-то перегнулся
через перила

Могила Брехта

рышард марек гронский

Он сер, как дым его сигары,
как правда, сер тот камень старый.
На камне надпись: Бертольт Брехт.

Архив. Томов и папок сотни.
Там в картотеках на учёте
любая мысль и каждый грех.

Буран по кладбищу ударит,
и снег, густой, как комментарий,
запорошит след наших стоп.

В театре громыхают съезды –
отбеливая грязь до блеска.
Эй, не разбейте лбы о гроб.

Да здравствует тьма

станислав мисаковский

Не знаю, сколько раз взошло и закатилось солнце, прежде чем я попал в этот странный мир. Здесь не было ни верха, ни низа, ни длины, ни ширины, царил кромешный мрак и мёртвая тишина.

Вытянув руки вперёд, я шагал, не зная, куда иду и иду ли вообще. Вокруг мелькали какие-то тени. И вдруг я услышал голос:

– Не бойся, ко всему можно привыкнуть.

– Кто это? Кто говорит?

– Не важно.

– Вы здесь давно?

– С самого начала.

Вот так штука! Выходит, мир иной, о котором я до сих пор и знать не хотел, всё-таки существует.

Скоро я привык. Кое с кем даже подружился. Правда, я никого из них не видел, но это не мешало нам понимать друг друга. У них было довольно своеобразное представление о Вселенной. Сначала я пытался с ними спорить, но быстро понял, что ничего не добьюсь. Однажды кто-то из них заявил:

– Это неправда, что у мира три измерения. У мира нет измерений, он делится только на свет и на тьму. Свет изменчив и ненадёжен. Он то вспыхнет, то погаснет, то откроет горизонты, то сведёт их к нулю. Люди, выросшие на свету, непостоянны, полны зависти и злобы. Они не имеют понятия, что истинная жизнь – здесь, где царит вечный мрак. Только тьма неизменна. Только тьма может обеспечить подлинное равенство и порядок. Да здравствует тьма! –провозгласил он.

– Да здравствует тьма! – подхватили все хором.

– Да здравствует тьма! – скандировал я вместе со всеми.

Мой старый добрый мир

станислав мисаковский

Проснувшись, я понял, что всё изменилось. Ничего не было видно. Я не слышал ни единого звука. Всё куда-то исчезло.

«Не может быть!» – я попытался встать, но не нашел опоры. Вокруг была пустота. Я ущипнул себя и не почувствовал боли. Странно – такой скоропостижной и лёгкой смерти я не мог ожидать.

Но как может быть, что я до сих пор способен мыслить? Ведь смерть – это абсолютный конец, конец всему! Не есть ли моё мышление и сознание того, что я мыслю, одна только больная фантазия? Вдруг я вообще никогда не существовал? Что если я – только плод собственного воображения?..

Я бился над этим, пока вконец не обессилел, и меня снова одолел сон.

Едва я закрыл глаза, как откуда ни возьмись появился мой старый добрый мир. Всё было как прежде. Я мог чувствовать себя в полной безопасности, но мне не давала покоя мысль, что в любую минуту меня могут разбудить.

*** * ***

тадеуш кийонка

Нет времени жить –
Ни у кого нет времени
Жить так, чтобы жизнь
Была жизнью
Не только после жизни,
Но и при жизни.

Серый вопрос

мирон бялошевский

Всё белое покрыто изумрудной серостью:
бумага чашки на столе
простынка
чайник.

Что за свет
ослепил мне окно?

Что там слышно
из ямы города?

Какой сегодня день творенья
и каких людей?

Сеанс сон

пётр мицнер

цепляюсь за скалы благо они твёрдые
цепляюсь за стены благо они холодные
за ветви колючие
за руки нечистые
цепляюсь только бы не упасть

Дилемма

станислав мисаковский

Гамлетовский вопрос
быть или не быть
возвращается
как время года
как эпидемия гриппа

нам не уйти от вопроса
и не найти ответа

если быть
то здесь и сейчас

если не быть
то нигде и никогда

так как же всё-таки
быть
или не быть

Человек за бортом

станислав мисаковский

– Человек за борто́м! – крикнул кто-то.
Корабль плыл дальше.
– Человек за бортом! – закричали все.
Кто-то швырнул спасательный круг, кто-то метнулся на помощь.
Корабельный врач констатировал смерть.
Когда человека, спелёнатого в белую простыню,
вернули океану, никто не рыдал.
Корабль плыл дальше.

Да и нет

станислав ежи лец

Даже на самом дне
есть ещё да и нет.

Пастырь

анджей бурса

Когда жужжание запада переплавится в звон
И пастырь с бараньей мордой сойдёт в долину
Вслушайся в его флейту – звериный тон
Вечеру кружит башку – так ударяют вина

В голову Там в шпалерах уже рукоплещет тень
И пронизана песней зыбкая зелень сада
Так заглуши эти звуки флейтой – ещё не день
В кожаном бурдюке воду спаси от яда

Высохли на груди ядовитые травы
Дурманят бараний лоб распалённых губ лепестки
И рукоплещет ветвями висельников орава
А то что петля затянута – это же пустяки

Может плохо кончиться

анна свирщинская

Когда я одна,
боюсь обернуться
слишком быстро.

Ведь то, что у меня за спиной,
может не успеть
принять форму, приемлемую
для моих
человеческих глаз.

А это может плохо кончиться.

My Polish Tao*

ян рыбович

Я ем, когда голоден, а не тогда, когда зовут к столу.
Я пью, когда чувствую жажду, а не тогда, когда предлагают выпить.
Я умру, когда настанет время, когда будет пора, и только тогда.
После смерти я попаду туда, куда и должен попасть,
– в самую суть вещей.
Так что вы меня не сбивайте!
Не забивайте мне голову своими гнусными бреднями,
я хочу быть трезвым!
Хочу быть трезвым, цельным, хочу ощущать связь с целым.
Незримые нити тянутся от меня к вселенной, к каждому её атому.
Не говорите мне – ЭТО есть, а ТОГО – нет.
Я хорошо знаю, что нет НИЧЕГО, а значит – есть ВСЁ.

Круг

томаш глюзинский

это хорошо я сориентирован я
там откуда начинается всё
и хорошо когда ясно что это за точка что
за точка а не перенос за вычетом

* Моё польское Тао (*англ.*).

надписи и лестница и травля а ведь не
всякий так твёрд что дал бы ответ и это
хорошо это полёт с жертвенной чашей
до того горячей что капают
пальцы а не стеарин это ориентация
точно на звезду если б ещё
кто сказал на какую если б кто
ответил признался а так всё
заново устанавливай циркуль в этом месте
безопасном в этой точке безысходной

Когда кончается молодость

ян рыбович

Если какой-нибудь чокнутый психиатр
заявит тебе, что ты болен
неизлечимой болезнью,
у которой нет названья,
рассмейся ему прямо в лицо и скажи:
– Никакая это не болезнь, шеф!
Никакая не болезнь.
Просто молодость кончилась!

А когда он выпишет тебе рецепт
на слабый наркотик, порви его
и брось ему под ноги со словами:
– Травись-ка ты сам, дорогой!

После этого, ясное дело,
ты выйдешь на улицу и
увидишь, что мир прекрасен.
А потом чем-нибудь займешься
и – уверяю тебя –
будешь счастлив.

Песнь

леопольд стафф

Впустую трудишься, бледный,
Мозг в книжной трухе пылится.
Тебе не видать победы –
Ведь этому не научиться.

Тебе не понять, как блаженно
Сливается только в песне
С жестокой заботой вместе
Бездонное пекло вселенной.

Напрасно мудрость мятежная
Силится тьму осветить.
Всё знает моё невежество.
Так может, его спросить?

Карабин

тымотеуш карпович

говорю напрямик
от сердца к мозгу

если заест
выбиваю зубы за слово

дело моей головы
чуять руку

мои глаза вне меня
я хорошо это вижу

* * *

тадеуш ружевич

Мы спешим
мы движемся
всё быстрей
и быстрей
мы бежим
по кругу
но центра нет
много домов
но центра нет
много дорог
но ни одна не ведёт
к центру

* * *

кароль войтыла

Почему я всё замечаю, когда ничего не вижу:
давно последняя птица за горизонт уплыла,
волна в стекле её скрыла — а я упал ещё ниже,
ныряя следом за птицей в холодный поток стекла.

Чем пристальнее взгляд мой, тем всё неразличимей,
и чем длинней меж солнцем и жизнью моею тень,
чем дальше тень ложится меж водой и солнцем,
тем ближе отраженье в склонённой над солнцем воде.

Выходит, во тьме столько света,
сколько жизни в раскрытой розе,
сколько Бога, сходящего
на берега души.

О вращении вещей

мирон бялошевский

Они вращаются

И вращаются.

Бьют нас молниями.

Попробуй схвати
небесное тело,
одно из тех
что всегда «под рукой»...

Чей язык
знает подлинный вкус
Млечной Капли предмета?

Кто сказал,
что глупые звёзды
вращаются вокруг умных?

Кто сказал,
что есть глупые звёзды?

Даю слово, что нет речи

станислав бараньчак

Даю тебе слово, что нет речи
такой и слов таких, которые можно
кому-то дать, как подают руку;
голову даю на отсечение, что нет
речи о таких словах, дать слово значит
дать себе перерезать горло за то, что и так в него
не пролезет, дать слово значит заранее отдать победу в
чужие руки; тот, кто даёт слово, никому не даёт
ни покоя, ни спуску, сам ничему
не поддаётся, и ему ничего не удаётся,
а это даёт пищу для размышлений, так что
даю тебе слово, что нет речи,
нет выхода, нет смысла,
тут не с кем словом перемолвиться, и тем
не менее нам дано только слово –
это всё, что мы можем выбрать

After*

ромуальд скоповский

Когда до последнего карлика
Вымрет мелкий народ
И от лжи навсегда излечится
Та которая не умрёт
Когда открытой ладонью
Разожмётся кулак –
Тогда я поверю что правду
Уже не спрятать никак

Наши мечты

станислав мисаковский

Мечтам тесно
в наглухо запертом черепе
в четырёх стена́х комнаты

* После (*англ.*).

мечты не знают границ
расстояний
и времени

никакая стража
их не остановит
не заставит повиноваться

они ускользают
они улетают

создают свой мир
гармонии и совершенства

произведение
которое никогда не станет
реальностью

* * *

мирон бялошевский

думаю думаю
и что?
— и не до

потому что
мало знаю
и себя
и всё

никогда не до
если ду

Праздничек

станислав свен чахоровский

у синей яблони
высокий гвоздь

из деревянных манжет
перепутий
в святые опорки

– печальный корень
отдохни

– кукла
в тебе мой стебель

и четыре мои мне нитки

Без свидетелей

вальдемар михальский

памяти Анджея Бурсы

Спи луна
нож зарыт глубоко
на бойне карнавал
наша вера
просто урок ходьбы
Кто сказал последний луч надежды
у нас добрые психиатры
ночи длинных ножей
нам ни к чему
Спи луна
свидетели нам не нужны

Тост

ян лехонь

Нет ничего кроме листьев на ветках мёртвых,
Нет ничего кроме вихря, что где-то гудит,
Кроме следов величия, которые уже стёрты.
И ничего не будет. Всё давно позади.

Есть ещё только месяц, он тихо стекает
По чёрному крепу ночи, заливая его серебром,
Как брильянт-балдахин, что покрывает гроб,
В котором земля уснула, навеки умаявшись.

Так поднимем же кубки и выпьем на тризне,
Ибо скорбеть смешно, а жалобой не помочь.
Пусть нас, мертвецки спокойных, поглотит тёмная ночь,
Пусть на молчащих песок из-под заступа брызнет.

Ах, сколько успокоенья в этих словах: так надо!
Как нам – земли, так и ей, земле, нужны наши кости.
И мы, безумцы, когда-нибудь взойдём прозрений колосьями,
Насущным чёрным хлебом для всех, кому хлеб – награда.

Трагик

станислав мисаковский

По-моему самое интересное –
миг
когда опускается занавес
а трагик
вынимает нож из груди
и забывает о смерти
о которой только что
произносил
монолог

он устал умирать

когда-то он верил
что смерть на сцене
это путь к бессмертию
и многого ждал от неё

теперь
ему хватает мечты
о бифштексе рюмке водки
и тёплой постели

даже Пилатом
он уже быть
не хочет

Добрый пастырь

стефан голэмбёвский

Миллионы
овечек
пошли
на убой
на кровавый
удой

а он
всё её
одну лишь
её
заблудшую
ищет.

* * *

стефан голэмбёвский

Как выглядела
грозная дубина
как булава
как скипетр
как кропило
как бревно

Геракл молчит –
не всё равно?

Признание

ежи афанасьев

в слепых домах
слепые жильцы
в слепых магазинах
слепые клиенты
в слепых церквах
слепые прихожане
в слепых конторах
слепые чиновники
я слепец
пишу слепые стихи
для слепых

О буре

станислав ежи лец

Затем ли буря началась,
чтоб развести повсюду грязь?

Аргумент

богдан чайковский

нет и не будет
места
для меня

ни тут ни там

тут свобода –
рыба выброшенная на песок
там – клетка
в роге изобилия

а я – железный занавес
между залом и сценой
разделяющий
две
недо-действительности

Телеграмма

мария павликовская

Чёрная весть промчалась по проводам, как будто
танцовщица по канату – не с зонтиком, а с кинжалом,
и запыхавшись, утром, в назначенный час вбежала,
чтобы меня прикончить в назначенную минуту.

* * *

роман сливоник

Попробуй хотя бы раз
пробудить во мне радость Я говорю не о смехе

Дай мне однажды радость Скажи что не важно

Что смерть это не важно Скажи это мне
который родился*

* Краткое переложение.

Утро

мирослав борушевский

очередную ночь выносит на помойку
уборщица в совке

лёгкие соседей
взрываются никотином

с грохотом низвергаются
водопады мочи

сегодня по данным синоптиков
будет

потрогай календарь
не вчера ли всё это

Тишина

кшиштоф яворский

Я возвращаюсь.
Эй, камень, ты помнишь меня?
Тишина.
Эй, дома, деревья, балконы, вы меня помните?
Тишина.
Эй, вы, окна, гаражи, мусорные баки, сточные канавы,
крысы, подвалы, ободранная стенка, ржавый гидрант,
угольная пыль, лужа, мутная, как страшный сон,
песок в голубином помёте, затоптанный газон, мёртвые жуки,
и ты, и ты, мой верный кладенец,
вы помните меня?
Ти-ши-на.
Эй, да хоть кто-нибудь тут меня ещё, курва, помнит?
Тишина.
Тишина.

* * *

аарне пуу

Всегда найдётся тот
кто первым бросит в тебя камень

а когда ты будешь лежать
на земле
найдётся ещё и тот
кто плюнет
тебе в лицо
потом тебя швырнут
в придорожный ров
и лишь бездомный пёс
тебя согреет своим тощим
теплом
и зализжет твои зловонные раны
а на рассвете крестьяне
спеша к заутрене
наткнутся на вас
оцепеневших
в последнем
объятье

Несколько советов желающим сыграть спектакль – Как пережить собственную смерть

збигнев влодзимеж фрончек

Когда ни в гостиницах ни на частных квартирах
не будет свободных мест
не падай духом
Найди газон помягче в безлюдном уголке парка
Ложись и спокойно спи старайся не кричать во сне
Утром не вскакивай при виде прохожих
Послушай что о тебе говорят
Скверно кончил этот парень скажет кто-то
Все мы скверно кончим подхватит философ из толпы
Может с него часы снять задумается другой
И без нас давно сняли ответит третий он тут
со вчерашнего дня лежит
Воняет небось
Лучше его не трогать

Теперь можешь уходить
Взъерошь примятую траву и растворись в толпе
а когда услышишь вой сирены
на всякий случай подними воротник

Берёзы

станислав сконечный

Промчался шторм, и я услышал,
как под корою кружат соки.
Потоки воздуха всё выше,
и тих, и светел день высокий.

А где-то низом мышь крадётся
в надежде голод обмануть,
но кот мышатины нажрётся –
как видно, в этом жизни суть.

И только так, никак иначе.
А голос книг – напрасный звук.
Я знаю: ничего не значит
тот жест воздетых гневно рук.

Когда-то так хотелось снов,
теперь боюсь – от них не легче.
В ночь звёзды падают, на дно –
как тернии, меня калеча.

Какую я зарю принёс? –
забрызган светом, залит тьмою,
придавлен солнца высотою –
тень на коленях средь берёз.

Ох, преемственность

пётр зоммер

Это отличная песня, парень, только мне
ты её больше не пой:
её припев пульсирует даже в корнях
сосен, эхо нависло над самой
травой, текст впечатан в память мира,
но эта тёмная лошадка надежды не говорит
ни о чём.

*** * ***

анджей заневский

Можно всю жизнь провести в ловушке,
не зная, что это ловушка.

Можно жить в ловушке
и быть счастливым.

Можно внушить себе, что мы сознательно
выбрали эту ловушку.

Можно радоваться жизни
в ловушке и рекомендовать её другим,
желая удачи.

В народе это называется
оптимизмом.

Эпитафия надежде

станислав ежи лец

Итак, она
воплощена.

Пробуждение

юзеф баран

пока я спал
кто-то вломился в меня
ограбил мою страну
врезал
новые замки

проснувшись
я себя чувствую взломщиком
ни один из моих ключей
не подходит
ни к одному
заветному тайнику

что осталось?
– топтаться снаружи

Опадают плоды

ежи станислав сито

человек созревает
и к корням припадает

то ли яблонька там
то ли балка креста

тут молись или нет
всё увидишь во сне

ну а нет – так домыслим
распухая от мыслей

почернеем от солнца
и с землёю сольёмся

как ядро от ореха
жизнь упустим со смехом

только нету ростка
вот и скорбь велика

зной ли дождь ли опять
а платка не видать

а и будет – что проку
ночь утрёт ненароком

человек созревает
и не знает – но знает

* * *

мирон бялошевский

день качнулся
в другую сторону
а ведь чуть было не выпал

* * *

пётр мачежинский

небо висит на волоске
кто знает – не на последнем ли

имеющий глаза – да видит
имеющий уши – да слышит
имеющий ноги – да бежит отсюда прочь

* * *

пётр матывецкий

Я стоял в глубине долины,
в безветренной тишине,
мне хотелось увидеть, куда и откуда повеет ветер.

– Никуда ниоткуда – сказала туча.
– От и до – ответило солнце.
Небо молчало, и небу я верил.
Я ведь не спрашивал. Я только молчал.

Янтарная птица

тадеуш ружевич

Осень
янтарная птица
прозрачная
падает каплей золота
с ветки на ветку.

Осень
багряная птица
лучистая
падает каплей крови
с ветки па ветку.

Осень
лазурная птица
умирает

с ветки па ветку
падает капля дождя.

* * *

леопольд стафф

Я вдаль уйду, вернусь издалека.
Всё брошу, и тогда всё вновь добуду.
Откуда я вернусь? Уйду – куда?
Безмерность обрету, утратив угол.

Утешу боль, печали утолю,
Чужую землю смехом удивлю!
И вдаль уйду, вернусь издалека...
Откуда я вернусь? Уйду – куда?

* * *

антоний лянге

Где б ни был ты, уйти ты хочешь прочь,
Чтоб где-то там, не здесь быть в этот миг,
Ты грезишь – луч зари твою судьбу настиг...
Там, где-то там... Ты грезишь день и ночь!..

Где б ни был ты, уйти ты хочешь вдаль,
Нигде себе ты места не найдёшь –
Всегда раздвоенный, куда-то ты плывёшь,
Не по своей волне плывёшь... Куда?..

Где б ни был ты, совсем не там твой дом,
Увы – ведь только там, где тебя нет,
Там нет отчаяния, там твой ужас нем,
И нет тревог... Так оттолкнись веслом!

Где б ни был, ты всегда стремиться рад
Туда, где нет тебя – нигде и никогда,
Лишь там ты у себя – и всюду – и всегда,
Лишь там ты у себя – у вечных врат.

Страх

анна свирщинская

Он ходит за мной наяву,
он ходит за мной во сне.
Он меня ещё не убил наяву,
он меня уже убил во сне.
Во сне он меня убивает
каждую ночь.

Счастье проигравших

анна свирщинская

Нас топчут
ноги людей, ноги времени, ноги
истории.

Нас топчут, нас растоптали,
втоптали в землю,
спрятали
от людей, от времени, от истории.

* * *

мирон бялошевский

может быть больше всего правды
в домыслах

Домыслы

сияют над правдой
как звёзды

Визит отца

станислав мисаковский

Говорят
«летающие тарелки»...

а ко мне
спустилась ночью
голубая колесница

под прозрачным колпаком
сидел мой батя –
усы борода
бугристый лоб
взгляд мудреца

батя пришёл посмотреть
всё ли так
как он завещал

я пал на колени
смиренный как Иезекииль

– прости – говорю
всё изменилось
страсти сильней рассудка

– но ты всё равно
должен был остаться собой –
погрозил он пальцем
и растаял

– батя постой
другое нынче время
другие нравы –
кричал я но
даже эхо
не соблаговолило меня
выслушать

* * *

хенрик мажуль

И всё же что-то мы теряем –
В вечерней мгле, в заката оке,
В снегах зимы, в вороньем грае,
В сплетенье мыслей, в слов потоке,

Бродя в лугах, в зелёном мае,
Вверяясь осени опеке...

Мы что-то без конца теряем –
Чтоб не найти потом вовеки.

Суд

тымотеуш карпович

Судить невзошедшее зерно
неразумно

Судить нешумевшее дерево
смехотворно

Судить человека сломленного
бесчеловечно

Это вас облачённых в тоги вправе судить
зерно невзошедшее
дерево нешумевшее
сломленный человек

Воля и действие

славомир мрожек

Я человек действия, у меня никогда не опускаются руки. Даже когда я остался один-одинёшенек в лодке посреди океана, я не утратил оптимизма и воли к действию.

Но как действовать, когда – ни вёсел, ни руля, ни ветрил? В кармане отыскался штопор – вещь, мне теперь не нужная. Но смекалка-то на что? Ведь штопор – это нечто вроде сверла, а значит, штопором можно что-нибудь пробуравить. Всякое действие лучше, чем бездействие.

Лодка была из твёрдого дерева, дело шло туго. К счастью, помимо вышеозначенных достоинств, меня отличает ещё и упорство. Уже к закату в днище лодки красовалась отменная дырка.

Стемнело, и хоть я так не люблю бездействия, пришлось прервать работу. Ну-ну – а терпение на что? Подожду, а как солнышко взойдет, примусь-ка за новую. Оптимизм не покидает меня – вот только что это за таинственное бульканье... и почему вода мне уже по колено?

рондо о воробьях и заборе

ежи ярмоловский

и так неплохо – гибнем налету
едва пришли и вот – уже уходим
мы тут как птицы – к чёрту суету
и так неплохо

среди галактик и веков мы бродим
мы воробьи – но рвёмся в высоту
откуда мы пришли куда уходим
и так неплохо

Относительность

станислав мисаковский

Договорились о встрече
с конкретным человеком
в определенном месте
точно в ноль-ноль часов

я-то пришёл пунктуально
да место встречи
было уже в ином измерении
время – вне реальности
и человек был уже не тот
с которым я
договорился

* * *

кшиштоф лисовский

Встреча тех кто верит с теми кто не верит,
Встреча тех кто верит во что-то
и тех кто верит в ничто.
Встреча тех кто ступил ногой
на вершину мира
и тех кто неожиданно оступился.
Встреча тех кто совершал открытие
и тех кто всё что мог закрыл и уничтожил.

Встреча награждённых и осуждённых
слепцов и певцов природы.
Встреча тех кто выбрал море и тех кто выбрал горы.
Ничуть не изменит положения вещей.

Молчанье говорило

станислав ежи лец

Молчанье говорило с немотой.
Я слушал их с отчаянной тоской.

Благодарность

станислав сконечный

Мелькают дни, секунды, мили,
жизнь умирает, гибнут люди.
Тебя покуда не убили?
Что ж, смерть сама к тебе прибудет.

Круговоротом непрестанным
беда по вечности несётся.
Справляют мессу шарлатаны,
ловкач апостолом зовётся.

В яслях животными спасённый
лежит, благодаря исход.
А завтра он, превознесённый,
их сам в оковы закуёт.

По небу вороны кружáт,
ракеты чутко в шахтах дремлют.
Темно на горизонте, ад
безмолвья сотрясает землю.

Спасенье душ не удалось,
пять ран бурлят, и кровь не стынет,
коварная людская плоть
глядит сквозь бельма налитые.

*** * ***

вацлав бурыла

я слышу как они жалуются
что им не хватает денег

они ещё не заметили
что им не хватает души

Тот кто погиб

юзеф баран

тот кто погиб
будет гибнуть
вечно
по ту сторону тьмы
с последним криком на устах
с гранатой рвущегося мира

он уже
не услышит победного залпа
от него отделённого вечностью
тот кто погиб
раз навсегда
проиграл войну

хотя его армия
в пух и прах разбила врага
и погибший провозглашён
победителем
с высокой башни истории

*** * ***

томаш яструн

Я проиграл
Но не больше
Чем те кто выиграл

Я слышу тишину
Которой никогда
Не услышат победители

*** * ***

антоний павляк

когда застрелили Че Гевару
это не тронуло тех
за кого он сражался
только об столик в парижском кафе
разбилась пара слезинок

когда мы
будем умирать
от нас останется тишина
как от народов
чьих языков
никто не помнит

Do it with hate*

анджей шуба

Когда часы выйдут из строя
        временем можно будет пренебречь
когда откажет память
        останется правда
запомнив правду
её следует тщательно прожевать
и проглотить

Детка дискотеки

юзеф анджей гроховина

Детка дискотеки
в танце рождена,
в ритмы влюблена.
Кто она?

---

* Сделай это с отвращением (*англ.*).

Папа – рок, мама – ночь.
Кто крестил?
Дискжокей Джон!

Детка дискотеки,
ты психоделична,
рок тебя баюкал
в колыбели ритма.
Детка дискотеки,
ты уже не сможешь
согласиться с тишиной.

Детка дискотеки,
в бесконечном свинге
тебя уже не видно.
Что там?
Твой мир – рок,
твой дом – ночь.
Брат твой
– дискжокей Джон!

О Детка дискотеки,
твоих не слышно криков –
так тебя швыряет
ветер децибел.
Разноцветный блеск
бьёт тебе в лицо.
О Детка дискотеки,
твоих не слышно криков.

Улёт

юлия хартвиг

Куда угодно, лишь бы подальше отсюда
Бодлер

Что ты можешь иметь против тех
или общего с теми
для кого электрогитара – божество

с теми кто носит в кармане шприц
и молится на своих святых
умерших от передозировки
в номере отеля

Тот о ком ты сейчас думаешь
их обожает
слушает диски своих кумиров
за столом заваленным окурками
у раскиданной постели

Он тоже хочет улететь
подальше от этого дома улицы города
хотя сам в это
не верит

Июньская побасёнка

тадеуш домбровский

Я возвращался – вдоль границы весны и лета, дня
и ночи, грозы и зноя, вдоль границы

трезвости и бреда. Быть счастливым, не понимая, –
вульгарно, – думал я. – Понимать и быть счастливым –

вот настоящее счастье: думать, что понимаешь...
Заскрежетал трамвай, вспыхнула зелень.

Эта музыка нежна как смерть

тадеуш хентковский

от
станьте все от моих слов
от
станьте все от моих снов
от
станьте все от моих псов
от
станьте все от моих голосов

Если захочешь меня найти
я живу под мостом
в звуках Клэптона и Сантаны

от
станьте все от моей травы
от
станьте все от моей головы

от
станьте все от моих зверей
от
станьте все от моих деревьев

Если захочешь меня разбудить
я живу под небесами
в пепле Дженис Джоплин

Завещание

станислав мисаковский

После смерти отца
я получил в наследство
крепко сжатый кулак
шершавый
твёрдый
настоящий отцовский кулак

я никогда с ним не расставался
показывал людям
грозил
иногда протягивал
не разжимая

я никогда не пытался
его разжать
хотя знал что именно в нём
зажато то
что отец
не мог передать мне
иначе

Дождь идёт...

людвик ежи керн

Дождь идёт,
(он в стихах уже шёл столько раз, но...)
дождь идёт,
(так мне грустно, так грустно ужасно)
дождь идёт,
(на дворе, на пруду, на лугу)

дождь идёт,
(я не выдержу, я не смогу)
дождь идёт,
(превратился наш дом в пароход)
дождь идёт,
(пусть идёт – он иначе умрёт)
дождь идёт,
(городок наш попал в переплёт)
дождь идёт,
дождь идёт,
дождь идёт...

Помнишь*

роман сливоник

Ты помнишь Спрашивают они Ты помнишь это
Эту и этого То и это Спрашивают они Ты помнишь

Помню Я говорил Это я помню И смотрел
на тех кто спрашивал Я их не помнил Помню
говорил я Отлично помню
– –
Ты помнишь Спрашивают они Нет не помню
Нет ничего не помню
Ничего не помню Ничего По ночам
я пытаюсь вспомнить Нет
Ничего не помню
– –
Ни печали ни радости
Ни людей Ни того что надо бы помнить

Не помню даже того что будет
– –

* Фрагменты.

ЕЩЁ ОДНА НАДЕЖДА

Антковяк Сконечный Мочульский Мисаковский Баран Фицовский Фрончек Т.Яструн А.Навроцкий Колодзей Пехаль Лец Шипер Беля Бжостовская Херберт Загурский Стахура Жерницкий Гомбрович Задура Гордзей Свегоцкий Вальчак Бурса Земянин Глюзинский Свирщинская Ясичек Карпович Заневский Вежбицкий Полляк Кавалец Серадзкая Сроковский Сколимовский Вежинский Гронский Чирлич Навроцкий Скоповский Ежина Кусь Павликовская Посвятовская

* * *

влодзимеж антковяк

еще одна девица
ещё одна стишок
ещё одна надежда

первый тяжёлый приступ страха
первый приступ боли в сердце
первый разговор без обиняков

ещё один стишок
ещё одна надежда

первый год без гроша в кармане
первая зима без крыши над головой
первый смех за спиной

ещё одна надежда!
ещё одна надежда!
ещё одна надежда!

Всё тише

станислав сконечный

От казни случай уберёг,
я палачу не стал добычей.
Уже тот берег недалёк,
где нет ни сходства, ни различий.

А город пьян от духоты,
серпом пылает новолунье,
блестит совиный глаз звезды,
как стрелы, молнии июня.

А за окном умолкли птицы,
без песен ждут весны иной.
Бесшумно дерево склонится,
я буду тих, как неживой.

* * *

лешек александр мочульский

И такая в нас тишина
и такая в нас ночь
ночь глухая без сна
бесцветность безымянность

Что вспыхнет в нас
что будет с нами
мглистая пелена
беззвучность бездыханность

Серость в профиль и в фас
и бесцветность сердец –
что догорает в нас
что в нас есть

И такая тишина
в нас и повсюду
что же теплится в нас
что с нами будет

Этот человек

станислав мисаковский

Этот человек
обращается ко мне
на разных языках
но я ни одного из них
не понимаю

качаю головой
развожу руками
жестами пытаюсь объяснить
что мне непонятно
о чём идет речь

но он
даже этого
понять не может

Маленькое затмение

юзеф баран

средь бела дня
на главной улице
меня застигает врасплох тоска
маленькое
не предусмотренное астрологами
солнечное затмение

я парализован слеп и пуст
нет ни рук ни ног
никаких дорог
все мои дни и ночи
ночи и дни
погрязают в туннеле тьмы

и не знаю куда податься
где мой дом где моя улица
в толпе кудахчущих ртов
ног и рук которые кто-то
тянет за верёвочки
как в театре марионеток
я не вижу никого кто бы меня перевёл через этот мрак

говорю себе
– надо это переждать как колики в боку

и осторожно
ощупью
двигаюсь вдоль
проступающей сквозь затменье
стены

Из хроники

ежи фицовский

в доме повешенного
говорят
о воде

в доме утопленника
решают узловые проблемы
верёвки

все оживлены
и смертельно серьёзны

докладами специалистов
обеспечен
высокий уровень
воды
и связность
петли

Короткий трактат об анонимном письме самом совершенном из литературных жанров

збигнев влодзимеж фрончек

Авторы анонимных писем – тонкие наблюдатели
Как правило это доброжелательные люди
Они держат руку на пульсе событий
Глаз не сводят с плотно закрытых дверей и зашторенных окон
Они создают социально значимые тексты
полные пафоса и обличительной страсти
Художественно неубедительных анонимок не бывает

Произведения этого жанра пользуются большим спросом
всегда находят читателя и редко остаются без ответа

Анонимные письма – свидетельство тесной связи
литературы с жизнью
Их авторы творят не ради славы и не ради денег

Устав

томаш яструн

Целиться надо в грудную клетку
На малой дистанции можно и в голову
Уставом эти вещи описаны детально
На всех языках мира
Для всех цветов глаз

В пухлом уставе сказано
Не убий
Возлюби ближнего своего
Как самого себя

Поэтому редко когда убивают
Ближнего
Чаще всего убивают врага
Непреднамеренно либо чтобы спасти от смерти
Других

В уставах популярно
Слово «ликвидация»
Ликвидируют целые армии
Конкретные подразделения и отдельных солдат
Ликвидация – это много крови
И полные ужаса
Запавшие вглубь зрачки

Мольба

александр навроцкий

И пришло время, когда разум назвали изменой,
а отчаяние путеводной звездой.
Лже-пророки пошли в народ,
чтобы побить камнями правду

и найти для себя покорных слуг.
Они воздвигли крест перед народом,
чтобы народ возлюбил страдание и утратил веру
в свои дела и силы.
Они дали ему чужих богов
с глазами стеклянными и неверными
и приказали людям убивать друг друга
не за родину, а за лозунги.
И пришло время малых идей,
прикрытых большими словами,
время, когда актёры взошли на алтарь
и каждый стал чужим среди своих.
Так перестанем же верить языку пустоты
и ради славы умножать убитых.
Пусть крест перестанет быть богом,
а «эта страна» станет нашей,
пусть кровь научит нас мудрости, а не отмщению.

Молчание

рышард колодзей

жгли книги
я молчал
вешали поэтов
я молчал

отца увели
я молчал
убили мать
я молчал

пришли за мной
не было никого

Патриотизм

мариан пехаль

Что такое зелёный цвет
кто подсчитает все его оттенки
разве что дальтоник
Дальтоник может рассуждать
о чём угодно
ведь он не видит

Ему всё равно о чём говорить
лишь бы говорить
для него это только игра слов

Поэтому я молчу
а он говорит
ему легко
он говорит об абстракции
мне трудней
я думаю о конкретных вещах

Вот только о чём я думаю
о зелёном цвете
или о патриотизме

Об относительности

станислав ежи лец

Сияет даже тусклый свет,
когда во тьме просвета нет.

Гиены подкрадываются к нашим окнам

адам шипер

Гиены подкрадываются к нашим окнам
Принюхиваются, задрав морды в бледное небо
Чуют кровь и страх, долго
Кашляют смехом, долго
Лают о любви к ближнему.

Гиены не боятся ни людей, ни наступающей ночи
Отовсюду эти уроды
Сползаются к нашим домам
Гиены истекают слюной, а нам-то
Казалось, что нынче
Другое время.

Кто-то отпирает им двери
Кто-то прячется под кроватью
Или блеет, как баран
А есть и такие, кто в лунную ночь
Открывает окно
И протяжно, по-волчьи воет.

Патриций

эмиль беля

помню –
когда другие прятались
от немецкой смерти
в хвойном бункере леса
он оставался
патриций нашей деревни
с картой жизни на лице –
стрелял в зелёные
и чёрные мундиры
крепким покоем
и миром своих мудрых глаз
вчера он умер
за гробом шла вся деревня
весь его род

Гаснут искусственные метафоры

янина бжостовская

Они извергают на белый лист
фейерверк
блестящих слов.

Составляют из них узоры
чтоб тут же смешать
и запутать.

Если вдруг попадётся фраза
с подобием мысли
следами жизни
её отбрасывают прочь:

замутнённые слова
кажутся
глубже
свежее.

Но труд их
пуст и напрасен:
гаснут вянут
искусственные метафоры

веет скукой
от мутных слов.

Когда мир останавливается

збигнев херберт

Случается это крайне редко. Скрипнет земная ось, да так и застынет. Всё замирает: бури, корабли на море, тучи, пасущиеся в долинах. Всё. Даже кони на лугу застывают, как в неоконченной шахматной партии.

Но в тот же миг мир снова приходит в движение. Океан глотает и выплёвывает корабли, долины дымятся, кони переступают с чёрного поля на белое. И слышно, как воздух громко бьётся о воздух.

Рикошетом

ежи загурский

«А тем, чью шею не согнуть,
Придётся голову свернуть».

Но голова летит в зенит,
И в небе колокол звонит,

С разгону ударяя в гонг,
В ионосферу мчится стон,

И резонирует тот звон
Со всех неведомых сторон.

Интерференциями эх
Наш вопль преобразован в смех,

Увесистых насмешек град
Гудит над миром, как набат.

От воя бурь бросает в дрожь,
Идёт мутированный дождь,

Хихикая, течёт вода –
От ливня палачам беда.

Точка над ипсилоном*

эдвард стахура

схема
как ты не любить тех кто от тебя ускользает
тех кого ты не можешь:
a) аляфуршетом аляфуршетнуть
b) батюшкиным батогом бабахнуть
c) цапнуть
d) долбануть
e) эксплуативно эмансипнуть
f) фатаморгатнуть
g) гугнявым гоготом гамакнуть
h) хватануть
i) итэднуть
j) йотнуть
k) кокнуть
l) липким лаком ландшафтнуть
m) манипулятором мандатным мотануть
n) ничегонезначимостью надуть
o) окладистым отличием облечь
p) полицейской палицей пресечь
q) козырным крестом кастрировать
r) рахитичной радостью рационировать
s) схоластической сажей суррогатнуть
t) тупой татуировкой тарарахнуть
u) уединообразить
v) выдрессировать
x) икснуть
y) игрекнуть
z) зэтнуть

ибо за этой гранью не может сечь
ни коса твоя ни меч

схема
палач в казённом бушлате
nihil novi sub Sole**

спасибо Солнцу – милей соболь моли
чем наши вкривь и вкось намалёванные карамболи

---

* Фрагменты.
** Ничего нового под Солнцем (*лат.*).

как нарочно луна в зените
так что я тебя схема прошу
предложенье вношу
против меня на охоту выйди

. . . . . .

помоги помоги помоги милосердное исключение
отбить орду законов и правил прущую
в наступление

. . . . . .

и упало как падаль как падло наиничтожнейшее из слов земных и нацеленный вниз вылез большой палец из кулака и нажата была кнопка не та простая не та прекрасная не та здоровая кнопка как на моей зеленой блузе-дуглас а та другая шишка роковая сверху струп тонкий струп а под ним гнойник жуткий гнойник и раздался последний апокалиптический грохот и не осталось от земного шара ничего только всеобщее и полное разочарование и великий бесполезный стыд а омерзительный гигантский гриб поднимался всё выше и это был не антициклон не из тёмных туч Солнца любовный блеск золотистый лист пламенное послание от госпожи сфинкс а самый что ни на есть низменный циклон просто ничто меньше чем ничто трижды ничто о помоги помоги помоги милосердное исключение отбить глухошумящие орды ничтожества прущие в наступление и вот зайцем на транспорте транссидеритовом пароме выплыл с того света ковчегообразный номен омен и стал новым днём и стал возвестившим о конце погибели звонком и стал плюющим на всё это скворцом под распахнутым небоокном под небосклоном под синим безграничным антиплафоном вот так была поставлена точка над ипсилоном

•

Не перегибай палку

януш жерницкий

Все улицы кончались решётками
Решётки были распахнуты настежь

Проёмы окон облезлая штукатурка под виноградом и хмелем
ни света ни музыки с верхних этажей
Только первые этажи
просвечивали ажурными арками розовыми как жабры

«Закурим что ли» сказал он Долго не спеша
мы прикрывали огонь ладонями
Тяжёлое серебро утра
резало щёки
Я поднял воротник
«Здесь же нет ни души»

«Да зачем они тебе»

Наши шаги звучали одновременно с эхом
и было в этом что-то от боя часов и агонии птиц

«Неужели отсюда нет выхода»

«Все решётки открыты – за ними другие улицы
Потом – ещё и ещё и так далее
И чего тебе надо?
Давайте-ка лучше прибавим шагу Kameraden*
Вот-вот польёт вчерашний дождь».

* * *

витольд гомбрович

Когда я читаю
Пишу
Принимаю участие
Функционирую
Всегда и везде натыкаюсь на один и тот же закон
Чем умнее
Тем глупее

* * *

богдан задура

это не страх на пороге тёмной комнаты
это не страх перед выходом на лестничную клетку
это не вечные горы пылают синим огнём
не зарево пожара встаёт за рекой
это не письмо в ящике от которого нет ключа

* Товарищи (*нем.*).

не лицо мелькнувшее в автобусе через много лет
это не город от прикосновенья распавшийся в прах
это не город растущий как растение

это

бесшумные выстрелы сумерек
это снующие ножницы сверчков

* * *

хелена гордзей

Избегай людей с неподвижным взглядом
одним прыжком они вцепятся в горло
не сближайся с молчунами
они завопят когда всё уже будет кончено
обходи стороной медлительных
внезапное ускорение уничтожит тебя

держись тех кто спасся от смерти
они знают так много что уже не опасны

Те, кто умирал

казимеж свегоцкий

Те, кто умирал от голода и жажды,
других морят голодом и жаждой.

Те, кого заживо жгли, воскресают,
чтоб заживо жечь других.

Спасённые из кошмарного сна,
кровь от крови и плоть от плоти его –
дети огня и безумия,
исчадия смерти
врываются в сады, чтобы сеять смерть.

Вот он, день примиренья и непостижимой любви:
жертвы восстали из праха,
чтоб возлюбить палача,
подхватить его нож и его повадки.

Ритуал, освящённый традицией –
как десять заповедей в скрижалях,
как жёлтая звезда, что возвещает
то Бога,
то смерть.

Декабрьская элегия* [4]

гжегож вальчак

Какая рука убивает
– та, что жмёт на курок,
подаёт команду «пли!»,
или та, что в конторе считает,
сколько граждан надлежит расстрелять,
дабы остальные не вышли из повиновенья?
Какая рука убивает
– та, что переходит в ствол карабина,
или та, что на собрании
поднимается, голосуя «за»,
когда надо стукнуть кулаком по столу
и крикнуть «нет!»?!
Какую руку судить?
Какой плюнуть в ладонь?

Падаль

юзеф баран

– Почему здесь так скверно пахнет? – спросил чужой, но никто во всём городе не чувствовал смрада. Местные жители подозрительно косились на него. – Наш город славится своей чистотой и зеленью, – отвечали они.

Ночью он настежь распахнул в гостинице окна, но отвратительная вонь не исчезала. Утром стало вонять ещё больше. А за столами как ни в чем не бывало пили, ели, распускали пояса, поднимали тосты за свежий воздух, награждали должностных лиц, ответственных за его чистоту. Над городом кружили напарфюмеренные слова.

– Так значит, никто кроме меня не чувствует смрада, – с изумлением думал пришелец, покидая город.

* Фрагмент.

Через несколько лет до него дошли слухи, что в городе Н началась эпидемия. Её непосредственной причиной было многолетнее разложение падали – совести граждан города.

Призрак Варшавы

анджей бурса

Как только я сошёл с поезда в городе Варшаве
я сразу понял что передо мной мистификация
Что это вовсе не город Варшава
(так же как поезд не поезд)
а лишь огромный мираж
монументальная фата-моргана
чья-то дурацкая дорогостоящая шутка
рассчитанная на то чтоб сбить меня с толку
Всюду подделка
на каждом шагу обман
сквозь имитацию краски просвечивает фанера
Умник который принял меня в своём кабинете
существует только до половины
этот привинченный к стулу обрубок
«воспаряет»
но встать не может
они думали я не замечу что под стулом нет ног
Картонные профили
набитые опилками чучела
гипсовые пролетарии
глянцевые кинодевки
всё до смешного банально
каждый вечер
за окном
один и тот же чудовищный призрак
Варшава

Непогрешимые

станислав мисаковский

Непогрешимые
растут как сорняки
после дождя

никто их не выращивает
не удобряет
не охраняет

в непогрешимости
они видят свою миссию

сливаются с массами
проповедуют
поучают разъясняют
не могут молчать

их лексикон богат
метафоры красочны
аллегории не в бровь а в глаз

они то и дело
ссылаются на авторитеты
создают теории
собственной непогрешимости

их идеи преподают в школах
вдалбливают в головы
новым поколениям

непогрешимые
не терпят возражений
и всегда
находят сторонников

даже тогда
когда ведут их
на бойню

Он вытесан из гранита

станислав мисаковский

Он вытесан
из самого твёрдого гранита
он выдержит
любые удары и штормы

его долго обтёсывали
подравнивали
шлифовали

и вот он стал похож
на человека

когда он уже ничем
не отличался от других
его поставили
в центре толпы

тут-то и началось
теперь даже каменотёсы
не могут понять
то ли он терроризирует людей
то ли люди
терроризируют его

Его уже не было

станислав мисаковский

Его уже не было
но никто не хотел
в это верить

он молчал
но они ждали
его слов

он не думал
но они жили
его мыслями

его уже не было
но они верили
что он вернётся

да и что они могли
без него

Борьба за мир

юзеф баран

1

на всех фронтах
идёт борьба за мир

не на жизнь а на смерть бьются
борцы за мир
вооружённые до зубов
зажигательными речами
и всё более мощным
оружием

стерегут мир
как зеницу ока
держа друг друга
и Землю на мушке

2

это уже не просто борьба
кипит настоящий бой
(это есть наш последний)

3

а после битвы –
тишина
Земля вздохнёт облегчённо
люди сотрут Человечество в порошок
Зато цель будет достигнута:
наконец-то настанет
мир на Земле

Палач

анджей бурса

Говорят палач теперь не носит
ни фрака
ни маски
(в Париже может носит а у нас нет)
Он одет обыкновенно
«обыкновенно» то есть как все
коричневосеровполоску
о убогие вкусы
провинциальных пижонов

> они сетуют на кризис театра а сами
> даже это не могут поставить как надо

когда меня будут вешать
палач должен быть во фраке.

Генерал в отставке

адам земянин

бывало он выигрывал битвы
кровавые
как красное море на закате

войны
со всем их железом и мясом
быстро входили в историю

он играл в живые шахматы
на доске были сплошь пешки

а теперь у него колет
слева в груди
распятой на железном кресте

его сегодня ждёт
последний бой
и этот бой ему придётся проиграть

Благодарность

томаш глюзинский

Бр. М.

нет бремени тяжелее
чем благодарность

благодетель
даря тебе ломаный грош
когда у тебя в кармане пусто
ждёт
что ты до смерти
щедрости его не забудешь

а ведь ты вместе с благодарностью
за горсть медяков
отдал ему свое сердце и значит
теперь
ты его кредитор

только не жди
что он пожалует к тебе

он ведь
и знать не знает
что стал должником

Обо всём

томаш глюзинский

человеку
имеющему так называемое
особое мнение
не пристало сторониться
людей и впадать
в пессимизм

но главное
он не должен вести себя
как самоубийца

тем более
что всегда есть выбор

либо участвовать в общих дискуссиях
ни о чём

либо
частным образом помалкивать
обо всём

Совесть

анна свирщинская

Я убил зверя
под баобабом.
Я зарыл его шкуру
под баобабом.
Я зарыл его зубы
под баобабом.
Я зарыл его глаза
под баобабом.

Его шкура пришла ко мне ночью.
Это ты убил меня
Под баобабом.
Его зубы пришли ко мне ночью.
Это ты убил меня
под баобабом.
Его глаза пришли ко мне ночью.
Это ты убил меня
под баобабом.

Верность

генрик ясичек

Заковали ноги,
заковали руки.
Раскалили клещи,
эх... ждут меня муки.

Эх, ждут меня муки.
Надо этим гадам,
чтобы я сказал им,
где мои камрады.

Вырвите язык мне,
выколите очи,
я своих камрадов
отыщу и ночью.

Поломайте ноги мне –
доведут и руки...
Не скажу вам ничего,
лучше сгину в муке.

Это последний бой

анна свирщинская

Это последний бой.
Наши братья погибли,
наши матери плачут.

Утренняя звезда, силу быков нам дай.
Это последний бой.

Убейте жён,
убейте детей,
убейте матерей.

Глядя в небо, умрём,
завтра они съедят наши сердца.
Они съедят наши сердца,
но не найдут в них страха.

Отсутствие знака альтернативы

тымотеуш карпович

несгораемый стыд воздуха:
факты содраны с кожей
с истины столь нагой
что нам всё больше есть
о чём не говорить

Пора платить по счетам

станислав мисаковский

Пора платить по счетам. По своим и чужим.
Ты не сам по себе, не сам для себя.
Ты жил в кредит.
Притворялся героем.
Развлекался, ел, убивал.
Выжигал калёным железом.
Теперь тебе придётся платить по счетам,
пока ты сам не стал разменной монетой.

* * *

анджей заневский

Презумпции всеобщей невиновности я противопоставляю
презумпцию личной вины.

Сегодня снова в четыре часа пополудни
в высокочтимом Суде
виновный был признан невиновным и в зале

раздался приглушённый смех
преступника.

А Суд делал вид, будто не видит,
не слышит,
не понимает.

Только нервно подрагивали набрякшие веки
над фиолетовой тогой –
как тень правосудия,
как последний отзвук совести.

Презумпции всеобщей невиновности
я противопоставляю
презумпцию личной вины.

Понятие мести

анджей заневский

Потребность мести рождена страданием,
а не ненавистью, – не оскорбляй тех,
кто стискивает кулаки от боли и
отчаяния.

Не говори о пропасти между справедливостью
и местью, ибо униженные имеют право
на месть.

А забвение это дитя Времени.

сизиф

тадеуш вежбицкий

я взял старт и первым вышел на финишную прямую
я побежал дальше туда где не было
ни болельщиков ни стадиона ни соперников ни судей
пусть остальные сдельно бегут по замкнутому кругу
только затем чтоб болельщикам
было удобно на них глазеть
а я-то знаю чтобы бегать вовсе не нужно
(тут я формулирую смысл моего поступка)

но пришлось и мне блудному сыну
вернуться за зарплатой
расписаться в получении и
в ознакомлении с приказом
«в связи с участившимися случаями нарушения
спортивной дисциплины
с этого дня все участники соревнований обязаны
расписываться в ведомости по достижении
установленного нами финиша»

Мы идём в оковах

анна свирщинская

Мы идем в оковах к большой воде.
Наши дети идут за нами,
наши жёны идут за нами,
они идут в оковах.
Дети умирают,
жёны умирают в оковах,
мы идём.
Они уже умерли,
мы идём дальше.
Мы идём в оковах к самой далекой большой воде.

Большая вода, утопи наши тела.
Умоляем тебя, большая вода.
О страшная большая вода,
о ужасная большая вода,
утопи нас.

Африканский мотив: Злые чары

анна свирщинская

Я прокляну твою кровь,
и она остынет в жилах.
Я прокляну твои глаза,
и они вытекут из глазниц.
Я прокляну твои кости,
и они станут мягкими,
как язык ребёнка.

Я прокляну твое сердце,
и оно разорвётся от ужаса.

А когда ты умрёшь, мой враг,
и твоя голубая душа
вылетит ночью из тела,
чтобы подняться к звёздам,
я схвачу твою душу
и закопаю на дне
самой глубокой пропасти
и утоплю её
в самой глубокой воде.

Чтобы даже душа твоя умерла.

Смех

станислав мисаковский

В купе вошёл новый пассажир. Он был в сером полосатом костюме и круглой как блин шапчонке. Не говоря ни слова, он обнажил кривые жёлтые зубы и взвизгнул:

– Хи-хи!

Кто-то осклабился и начал подхихикивать.

Пришелец засмеялся громче, прищурился и, подмигнув, многозначительно указал пальцем в потолок. Этого было достаточно, чтобы вызвать взрыв смеха.

– В чём дело? – оторвался от книги лысый толстяк.

Увидев пришельца, он побагровел и начал раздуваться, как воздушный шар, пока не лопнул нутряным гоготом:

– Хо-хо-хо!

– С ума посходили, – возмутилась сидевшая в углу старушка. Но волна смеха уже захлестнула купе. Повинуясь неведомой силе, люди, выпучив глаза, надрывались от хохота.

– Совсем рехнулись, – утирая слезящиеся глаза, повторила старушка, болезненно скривилась, как будто готовясь заплакать, и скрипучим голосом заржала.

– Безобразие! – крикнула тощая как жердь девица.

Сорвавшись с места, она распахнула дверь и истошным голосом стала звать проводника. Когда тот подоспел, девица пронзительным дискантом уже вела первую партию в общем хоре. Лысый толстяк басом вторил ей:

– Хо-хо-хо!

Онемевший от изумления проводник открыл рот, чтобы узнать, в чём дело, но вместо вопроса из уст его излетело мелодическое:

– Ха-ха-ха!

Смех лавиной покатился по вагону, и вот уже смеялся весь поезд. Взрывы хохота заглушали стук колёс, они перекрыли даже отчаянный свист паровоза, когда машинист заметил, что рельсы на мосту разобраны.

Отзвуки смеха ещё долго блуждали над рекой.

Только один пассажир в полосатом костюме и плоской шапчонке сидел на берегу, устремив задумчивый взгляд на мутные воды.

История

северин полляк

Я ненавижу историю.

За то, что живу в тени ста сорока поколений,
а сто сорок первое уже наступает мне на пятки.

За то, что я повторяю мысли, слова и ошибки моих
никому не известных предков, которых не могу уважать,
зная себя.

За то, что они жили так бесцельно и исчезли так
бесследно, что только моя фантазия может их воскресить.

За то, что они успели сделать столько, что к этому
нечего добавить.

За то, что под вечнозелёным шатром их забот о потомстве
я одинок и брошен на произвол судьбы.

За то, что они умирали с чувством непрожитой жизни.

За то, что пытались творить великое,
забыв о своём ничтожестве.

За то, что каждый из них считал себя
единственным и неповторимым
и ни один не сдержал слова.

Сны

юлиан кавалец

Я спал на белой постели
Мне снилась белая дева
Я спал в сарае на сене
Зелёные слёзы мне снились
Я спал на скирде соломы
Мне снились голодные птицы
Я спал на пригорке заросшем травою
Мне снился крест

Остаюсь

станислав мисаковский

Не знаю
где моё место –
но я не уйду отсюда

не уговаривайте
не угрожайте
не обещайте
что там за горами

я остаюсь

среди вырубленного леса

буду торчать как пень
дерева глубоко пустившего
корни

Точка

станислав мисаковский

Не надо ставить точку.
Никогда не известно,
                то ли это и есть цель,
к которой ты стремился, то ли
всего лишь краткая передышка.

Не завершай путь, пусть он кончится сам.
А точку поставит кто-нибудь другой.

Птицы

ванда серадзкая

В южном полушарии
зелёной планеты
живут цветные птицы –
им бы петь... Да где там.

Птицы в Польше – как земля:
серые, как будто,
жаворонки, соловьи –
да, но... как поют-то!

Во имя человека

станислав сроковский

во имя человека
реки повернуты вспять
во имя человека
леса унижены
во имя человека
моря перелиты
на земле восстанавливают утраченный рай
отзывают планеты с неба
во имя человека солнце светит
звёзды заходят в сон
воздух подступает к горлу
во имя человека
человек изменяется
во имя человека
человек умирает
во имя человека
по обе стороны света
на страже пусковые ракетные установки
во имя человека
повсюду широко раззявленные глотки

Городок аттракционов

ежи сколимовский

1

Слепая лошадь гадает по руке:
– тебя ждёт поездка на трамвае,
ты скоро станешь сержантом,
а ты умрёшь от золотого зуба...
Конечно, всё это обман –
лошадь слепа только на один глаз.

2

Чудотворец:
Медам и месье! Обратите внимание:
у меня в руках ничего нет...
Но вот я беру с вас плату за вход
– и у меня в руках уже пять сотен.
Ну разве это не чудо?

3

Только у нас! Только у нас! Абсолютный стриптиз!
Наша О б н а ж ё н н е й ш а я снимает парик,
вырывает ногти,
отвинчивает правую ногу
и делает харакири.

4

Увеселительное заведение:
«Гипноз и прыжки на бетон».
Гипнотизёр внушает каждому:
– если ты
бросишься с башни вниз головой,
то с тобой – и м е н н о с т о б о й –
ничего не случится.
Клиент покупает у его жены билет
и прыгает.
Собирается толпа.

Общий доход:
за сеанс гипноза – 50
за право на прыжок – 100

за демонстрацию сеанса	– 10
за показ прыжка	– 20
за труп (для Комнаты Садистов)	– 200

5

Комната Садистов.
Здесь за умеренную плату вы можете
надругаться над трупом
(– течёт настоящая кровь!).
Звуковое сопровождение –
пластинка с записью стонов.

6

Огромные кровавые неоновые буквы:
САПОЖНИК.
Настоящий сапожник! Сидит и чинит обувь.
Толпа глазеет, переминаясь
с ноги на ногу.

7

Человек без:
груди, живота, головы, рук и ног
– ничего кроме спины.
Все отдают ему честь,
едва только он поведёт лопаткой.

8

Гениальное животное! Художник-реалист.
Хвостом рисует портреты
– точнее, чем фотографии.
Правда, пропорции немного нарушены:
огромные конечности
и крошечные головки.

9

Висельник-рекордсмен!
Два года на перекладине.
Отлично воспитан, скромен,
не принимает пищи, не дёргается,
держит язык за зубами.

10

Комната плача.
Здесь висят обыкновенные зеркала.
Люди смотрят на свои отражения
и плачут.

11

Чёртово колесо.
Пассажиры уносятся в небо,
кабинки тут же возвращаются пустыми,
Деньги вперёд,
пока вы ещё на земле.

12

Но есть один аттракцион,
где не бывает зрителей.
Да и что может быть интересного
в аквариуме – населённом
бесцветными микроорганизмами?
И всё же...
Если наладить рекламу:
Люди! Не проходите мимо!
Только у нас! Чудеса в решете!
Смотрите все!

Смотрите –

Жанровая картинка:
    Парикмахер чистит овощи бритвой
    и моет одеколоном.
    Мясник на кровавой колоде
    топором обскребает лица.

Любовь:
    Двое на коленях.
    Они ожидают знака
    от каменного истукана.
    Над ними седая церковь.

Культура:
    Издана книга. Миллиард экземпляров.
    Тысяча страниц – абсолютно чистых.
    Между ними – только эхо выстрелов.

Цена: деньги или жизнь.
Как правило, платят жизнью.

Социальные антагонизмы:
Ему плюют в лицо.
Он утирается обеими руками.
Ветер треплет пустые рукава,
но не может сжать их
в кулак.

Школа:
На доске слово: Мама.
Учитель: А ну, прочитай!
Первый ученик: Мама.
Учитель: Плохо! Теперь ты!
Второй ученик: НИЧТО.
Учитель: Браво!
Первый будет твоим рабом.

Бывает и так:
Кто-то выкопал яму
и лёг да дно.
Сын засыпает его землёй
из своей могилы.
Но тут подходит с лопатой
внук.

Умственный труд:
Подсчитали насекомых.
Пронумеровали колосья.
Вырвали птицам крылья –
чтоб они не улетели в небо.
Не дожидаясь осени,
перекрасили листья.

Физический труд:
Серебряные щепки
летят из-под топоров.
Вода разбита на слёзы.
Водопад вырубают под корень.
Но топором не достать до солнца...

Вот оно:
– ясновидящее,
животворное, вечное –

солнце...

Надежда есть.

Даже в аквариуме.

Аллилуйя

казимеж вежинский

Чего мы ждём?
Мы ждём надежду – мать дураков
Понимая что нет никакой надежды
Всё уже было Ничего не изменится
А может быть всё-таки
Что было бы если бы
Слепое наречие Полный тупик
Горох при дороге
Кто пройдёт тот возьмёт
Что там нового
Да так ничего
Налево-направо
Полная ерунда
Ждём дурацкую надежду
Почтальона
Аллилуйю
Ждём – когда же наконец
Изменится всё.

* * *

лешек александр мочульский

На серость нашей ночи,
на нашу безымянность,
на серость и ничтожность
мечты о том, что будет.
На призрачные лица,
глаза без выраженья,
на нашу отстранённость,
на нашу отрешённость
и разговоров праздность –
листочек, искру, тень,
как якорь,
брось нам в сердце.

Полёт

рышард марек гронский

В городе из сказки
там где вечно солнце
люди надувают
Шарик Оптимизма

дуют всю неделю
дуют что есть мочи
оболочка шара
прочнее морали

в воскресенье утром
от брусчатки рынка
оторвался лёгкий
Шарик Оптимизма

с маленькой гондолой
горя и печали

На том свете

бранислав чирлич

Испокон веков,
С тех пор как появился мир,
Человек рождается и живёт,
Любит и трудится по сто лет и больше.
А есть мотыльки,
Они рождаются, любят и умирают (не трудясь!) –
В один и тот же день.

Но однажды и человек, и мотылёк уходят из этого мира.
Естественное дело!
Я тоже уйду – без боли и плача.
Если уж слёзы – так пусть будут слёзы радости.
Ведь я отправляюсь в дальний путь – в рай,
На тот свет!

Уж я поживу там всласть.
Родителей науважаюсь, на возлюбленную налюбуюсь,
Начитаюсь непрочитанных книг,

Наговорюсь с друзьями под монастырскую сливовицу
И закуску из острого сыра и печёной паприки с чесноком
В оливковом масле и виноградном уксусе,
А в надлежащее время
Буду пить сербские вина (умеренно дегустировать):
Смедеревские, янтарно-золотые,
Косовские, красные, как пионы,
Прокупацкие, чёрные, как тревога,
Жупские, розовые, как девичьи щёки.
Нагляжусь на райские красоты,
Нагуляюсь по горам – от юга до севера.
Тут: Шар-Планина и Проклетие, Копаоник и Гоч,
Там: Хомольские горы, Дели-Йован и Мироч,
Бабина-Глава и Бабин-Зуб, Стара-Планина и Миджор,
Суха-Гора и Власка-Гора.
Иногда буду спускаться в ущелья и долины,
Чтоб глянуть снизу на эту красоту.

*

– Постой-ка, брат,
Тут, в небесном мире, ничего этого нет –
Всё там, внизу, на том свете – в Сербии!
– Да какой же это рай, если в нём нет Сербии?!
Что ж, видно, нет другого выхода,
Придётся навеки остаться в земном раю –
В Сербии!

Ночь, когда не видно луны

анджей заневский

Ночь, длинная, как нож,
блестящая, как нож,
ужасная, зеркальная ночь!

Ночь, острая, как стеклянная грань,
быстрая и опасная,
как штык в руках безумца,
шизофреническая ночь!

Ночь 15 мая 1999 года ничего не завершит,
ничего не начнёт,
не откроет ни одной двери,
она только душит и ранит.

Ужасает бомбёжками
и убийствами совсем рядом:
в Белграде, Нови-Саде, Ужице, Приштине
и много где ещё.

Ты уже притерпелся, освоился. Засыпаешь,
зная, что там объявляют тревогу.

Ночь сверкает, как клинок ножа, отразившего
ночь, сверкающую, как клинок ножа,
отразившего ночь, сверкающую,
как клинок ножа,
отразившего
ночь, сверкающую,
как клинок
ножа...

молитва на прощанье с тысячелетием

станислав навроцкий

Боже
Ты крепко запомнил Белград Ниш Нови-Сад
и Приштину что меньше Плоцка
когда их потчевали огнём натовские атлеты
напомни же о себе
господам из нью-йорка брюсселя
и других метрополий грязного бизнеса
не будь скуп к ним о Господи
дай им полной мерой вкусить голода огня и страха
как не раз давал нищим
тогда богачи вновь станут нашими братьями
и как никогда прежде
вознесут Тебе хвалу во дни серые но святые
ибо только так они могут убедиться что Ты
действительно существуешь
а не состоишь на службе у магнатов

Сербия, 1999 от Р.Х.

ромуальд скоповский

Справедливость сурова и несправедлива.
Она выбирает жертвы и попирает право.

А служит одной лишь силе, напоминая лукаво:
Пусть я не праведна – зато я правдива.

зверинец зла

станислав навроцкий

эти взрывы – не повод для криков ура
это – удары по суверенитету
во имя демократии по-натовски
а ведь каждый выдаёт себя за ответ
на призыв к милосердию
бомбы швыряют поборники наживы и насилия
взрывная волна разносит плач обездоленных
по обе стороны балканского горя
а мир не желает знать правду
молчит потворствуя злу
нет спасенья для бедных только тишина
всегда слишком возвышенная
веками сторожит скалы со славянскими именами

а ведь пора бы уже
отобрать визы у ненависти

Небо над Балканами

збигнев ежина

Над Балканами кружит
меч,
брошенный воинами
так давно,
что уже и не вспомнить.

Его зловещий блеск
отражается в женских слезах,
расширяет зрачки детей.
Наполняет жёлчью
глаза мужчин.

– – – – – – – – – – – – – – –

Помолимся
небу над Балканами.

чтобы однажды утром
нас разбудило слово Писания:

И возложил я меч мой на облако.

Наша Югославия

мира кусь

за Югославию
мы все ответим
назовём это условно – карой
каковы бы ни были аргументы
каковы бы ни были мотивы
мы – свидетели и соучастники преступления
собственно наказание
уже произошло внутри нас –
это – утрата иллюзий

в каждом дремлет
собственная Югославия
убийственные инстинкты –
безразличие
как холодный туман
опустошает умы парализует дух
мы привыкли к преступлениям
чужая смерть
стала нашей гибелью

бывает
простодушная улыбка
незнакомого прохожего
как внезапное озарение
– будит в нас вспышку совести
эхо далёкого крика
заживо погребённой
жизни

Мысль во время бомбардировок Югославии

анджей заневский

Не бойся бесов! Не беги!
Они исчезнут, в бездну канут.

Ты у разбитого моста, но
мечту от зла убереги.

Не спрашивай, в какую пропасть
уходят тени по ночам.
Вот-вот откроются ворота
в век двадцать первый – век отчаянья.

Грядущее?
Сплошная рана!
Простить?..
Нет – мост отстроить заново.

Славяне

анджей заневский

Славяне шли, как свет, в сияющем
пространстве... На запад, на юг, на север...
Разделённые, они ссорились, спорили, понимали
общие корни слов, но их раздражали окончания,
ударения, мягкость слогов, певучесть речи.

Славяне шли вместе и порознь, как камни, стволы
деревьев, снег и пыль лавины. По течению рек, по ущельям,
по морским побережьям... Сны останавливали их – на сотни,
на тысячи лет... Они строили семьи, дома, города...
Мечтатели! Они почитали древние буки, дубы, ели.

Поклонялись четырёхликому Богу и Солнцу, Месяц
был их господином, и Молния, и Огонь, и Вода,
и Радуга, и Ветер, и Незримые, Неведомые, Угаданные...
Чужих они встречали с детской недоверчивостью
и продавали им кусочки янтаря... Выплавляли
в земляных печах железо, ковали оружие и сражались...

Славяне не знали границ, не знали слова «Европа»...
Но они понимали языки друг друга... Первые кресты
они узнали от римлян – легионеры, скрывая
свою веру, рисовали рыб на песке... А вскоре
прибыли монахи – Кирилл, Мефодий, Войцех.

Падали изваяния, горели храмы, святые деревья
умирали под топорами, рождались серебряные
и золотые монеты... А славяне обнажали мечи
друг против друга, и учились новым понятиям: племя, народ,

ненависть, одиночество. Брат бился с братом,
сестра проклинала сестру, рождённую той же матерью.

Время их разделяло всё глубже. И только где-то в глуши
опальные пророки шептали: Единство! Взаимность,
славянство!.. А время бежало быстрей и быстрей, и
развеивались, и выцветали сны... И они убивали
и поносили друг друга, и, обвинённые, обвиняли,
у чужих ища понимания... Так шли и шли славяне.

*** * ***

анджей заневский

Говорили: Россия утонет в крови
а Россия жила мечтою своей
Говорили: тиф голод и вши
а вокруг было всё светлей

Говорили: погибели им не осилить
там народ на народ пойдёт
– и не думали что Россия
горю даст от ворот поворот

Новый мир начинался с боли
не только с бравурных песен
но всё вокруг было общей заботой
и все работали вместе

Этот миф создал нас и создаёт
обновляя дела и помыслы
Говорили: гнев божий Россию убьёт
– а мир проникся ей полностью

Колючая проволока

станислав мисаковский

Колючая проволока похожа на розовый куст. Однажды
я видел, как в сплетении веток расцвёл красный
бутон. Этот человек перепутал
времена года.

До весны было ещё далеко.

Астральный аргумент

мария павликовская

Правый пошёл направо,
А Неправый налево,
И его потащили
Под ветвистое древо.

Пал Неправый на землю:
«Пощади! Что тебе я!»
Правый поднял десницу:
«Я щадить не умею!».

А Неправый рукою
Закрывается правой!
Воет висельник-ветер,
Долу стелются травы...

Правый смотрит спокойно –
Он блюдёт своё право.
Но ведь сердце-то слева
У него, а не справа...

* * *

халина посвятовская

сердце птица моя
не тоскуй
я подарю тебе зёрнышко света
– ты вспыхнешь

сердце птица моя
не плачь
я подарю тебе зёрнышко веры
– ты взлетишь

сердце птица моя
уронившая крылья
не рвись
я подарю тебе каплю смерти
– ты уснёшь

НОЛЬ ИГРАЕТ В ОТКРЫТУЮ

Дунайчик Цвиклинский Мисаковский Ружевич Юрковский Лец Буянская Лёбль Стабро Бараньчак Стшелевич Сарна Сроковский Т.Домбровский Бараньчак Виткевич Швед Бурса Охвановский Глюзинский Гроховяк Заневский Шимборская Афанасьев Т.Яструн Вечорек Милош Вирпша Вархал Длугош Задура Новаковский Экер Врублевский Мочульский Гжещак Гронский Сливяк Бжехва Бяловонс Кусиба Липская Бискупский Хентковский Брыхт

Ноль

зенон дунайчик

Ноль идеальная замкнутая система
У него нет ни конца ни начала

Ноль ничего не значит
Он лишь воплощает в себе идею порядка

Внутри нуля умирает любое дело
Кончается всякая мысль

Ноль никогда и нигде не станет ничем
Хотя он вечно вращается вокруг самого себя

Его невозможно ни разорвать
Ни разрезать на части

Нельзя уничтожить ничто
Как нельзя уничтожить всё

Ноль играет в открытую
Он лжёт без обмана

Оставаясь самим собой
Он приближает и отдаляет уменьшает и увеличивает

У нуля нет ни души ни сердца
Но мы принимаем его не только за них

* * *

кшиштоф цвиклинский

Тебе нельзя забыть. Ты должен помнить всё.
Не дай себя сломать. Свобода это просто –
Как пар над чайником, рябина под дождем,
Как за окном зима и крест на перекрёстке.

Тебе нельзя забыть. Оттачивай же память.
Ты должен этим жить. Пусть даже страха трель
Задушит чистый звук. А ты шагни в метель –
Пускай шлифует стиль бушующая заметь.

Тебе нельзя забыть. И слух нельзя утратить.
Нельзя тебе молчать. Спасенье только в том,
Чтоб слово грянуло, когда ударит гром
И сердце застучит в дно бытия, как дятел...

Ноль

станислав мисаковский

Давайте посмотрим на ноль
реально

ноль замкнут

разрезанный пополам
он уже не он
даже наполовину

его содержимое
недоступно
органам чувств

не было случая
чтоб кто-нибудь
проник внутрь нуля
постиг его структуру
выжал из него хоть каплю
правды

понял
какой день и час

он означает
какая клетка нашего тела
имеет свойства нуля

ноль это то
чего нет
но от него

мы отмеряем
и отсчитываем всё
от него движемся
взад и вперед

как будто это и есть
центр
Вселенной

Мнимые разгневанные

тадеуш ружевич

1

Чем он так размахивает, этот человек? Мечом? Дубиной? Да нет – языком. Это его язык. Он умеет наносить языком удары, раны, а ещё умеет лизать, замазывать, заметать. В данный момент владелец языка выступает в роли разгневанного. Видите, нёбо у него чёрное, клыки белые, уши красные. Раньше он давал язык взаймы. Теперь получил назад. Язык был мерзкий – вытертый, пористый, заплесневелый, пропылённый. Он завернул его в тряпочку, отнёс домой. Втайне от всех чистил, мыл, стирал, выжимал, перелицовывал, смазывал. После реставрации взял язык в руки, взмахнул пару раз. Язык свистнул, цикнул, щёлкнул как бич. Владелец воткнул освежённый язык себе в пасть и приступил к новой оживлённой деятельности.

2

Да неужто этот пёсик – бешеный? Этот пушистый комочек, который так пищит? Который ест из рук? Эта псинка? Да мы ей сейчас бантик повяжем. Ведь пёсик из резины. У него в животике воздух. Нажмёшь на животик – пёсик пищит. Что? Кусается? Да у него же зубок нет. Дай-ка, пёсик, лапку. Умри. Служить! Взять его! К ноге, собачка! Да это ж настоящая собачка. Можно ей косточку дать? Пускай погрызёт. Можно.

Диета

стефан юрковский

мы поедаем бумагу
много бумаги
тонны испещрённой буквами бумаги

белой
красной
зелёной
жёлтой

иногда с собственной физиономией и подписью

мы растём
прибавляем в весе
мы уверенно смотрим в будущее

потому что тот кто сидит на такой диете
станет крепким как дерево
из которого делается бумага

О густой грязи

станислав ежи лец

Коль попадёшь в густую грязь,
на дно ты можешь не упасть.

Экспонат

мария буянская

Из человека сделали чучело.
Напихали в живот опилок.
Забили мозги низкопробным золотом.
Пропитали серой дыхание.
Сердце заменили пластиковой грушей.
Прописали свободу три раза в день.
Заткнули уши.
Закрыли глаза.
Этот человек не умеет убивать.

Зато может размножаться
(искусственное оплодотворение).
Умеет слушать.
Приказывать не может.
За стеклом он выглядит солидно.
И охотиться на такого легко.

* * *

богдан лёбль

С каждым днём
я всё меньше верю
в то что завтра
не разучусь
улыбаться

человек изменяясь в лице
поднимает руку
кто его знает то ли
он вцепится в горло
то ли
в поклоне коснётся
шляпы

Против мысли

станислав стабро

Убийцы и дураки
верующие и обманутые
все в едином строю –
марш-марш против мысли

Песня из мегафона

станислав бараньчак

Кто не с нами пусть проваливает прочь
Наконец-то заживём во всю мочь
Дали в морду? виноват ты сам
Кто не с нами тот – противник нам

Шаг наш твёрд светел в будущее путь
Свежим воздухом наполним грудь
К чёрту весь этот смердящий хлам
Кто не с нами тот – противник нам

Хватит думать и не стой обалдуем
Шагом марш плечом к плечу вслепую
И на штурм вместе в ногу к вратам
Кто не с нами тот – противник нам

Вездесущий смрад

конрад стшелевич

С некоторых пор в моей комнате стало вонять. Сперва это был лёгкий, чуть заметный горьковатый душок, однако с течением времени он усилился. В конце концов вонь стала нестерпимой. Тяжёлый, тошнотворный смрад вызывал головную боль, парализовывал волю, – доводя до бешенства, делая невозможной любую работу.

Поначалу я открывал окна, и мне казалось, что становится легче, но это была лишь краткая иллюзия. Само собой, я основательно обшарил комнату, надеясь отыскать источник смрада, но всё напрасно. Впрочем, трудно было ожидать, что под кроватью обнаружится дохлая собака или короб с тухлыми яйцами. А смердело жутко – мертвечиной, мерзостью, гнилью, нищетой.

Скоро я прекратил поиски в своём жилище, убедившись, что точно так же воняет на лестнице, в подвале и на чердаке. Облазил с фонарём весь дом, обнюхал подозрительные углы и вернулся ни с чем. Жить в этом смраде было невозможно, я занялся уплотнением дверей. Это отняло много времени, однако не помогло. Оказалось – теперь я был в этом уверен, – что воняет и за окном.

Я спустился во двор, прошёл одну улицу, другую, третью – чистого воздуха не было нигде, всюду невыносимо смердело. Но что меня поразило, так это то, как выглядели и вели себя люди. Казалось, они не чувствуют гнусной вони. Я спросил одного из прохожих, покупавшего в киоске «Эхо»:

– Ну и вонища, да?

Он посмотрел на меня удивлённо:

– Какая вонища?

– Ну, атмосфера. Вы что, не чувствуете?

Он поднял голову и стал принюхиваться, как легавая собака.

– Нет, не чувствую.

Я сильно его заинтриговал. Он стал оправдываться тем, что у него насморк. Уходя, несколько раз оглянулся. Даже издали было

видно, как на ходу он потягивает носом, – такое впечатление произвели на него мои слова.

Ничего не менялось. Воняло везде – в городе, за городом, во всей округе, во всём воеводстве... Моя комната – благодаря тому, что я тщательно законопатил окна и беспрерывно распылял духи – стала для меня единственным убежищем. Вонь была здесь не так мучительна, а иногда – в редкие, правда, минуты, когда я читал или слушал музыку, – даже почти неощутима.

Я много думал обо всём этом и в конце концов пришёл к выводу, что вездесущий смрад стоял здесь с незапамятных времён, а может, и вечно. Все давно к нему привыкли, и только я, по каким-то непонятным причинам, вдруг оказался болезненно чувствительным, из-за чего моя жизнь превратилась в кошмар.

* * *

станислав мисаковский

Итак это тот
о ком говорят
что он большой человек

вот его голова
его руки
его ноги

на меня он и не смотрит
где там!
а если и смотрит не видит
или видит
не глядя

о чем он думает
в эту минуту
о мировой революции
или о печёной картошке
его немое лицо
не говорит ни о чем

интересно
а если вдруг
у него заболит живот
или развяжутся шнурки
неужели он не подаст и вида
что он такой же как все

О! Смотрите!
вот он идет
обыкновенно
не задом не боком

в толпе его
отличить от других
невозможно

Фарисейство

ян владислав сарна

Прежде всего следует разъяснить, что означает само слово «фарисейство». С точки зрения этимологии, это, по-видимому, заимствование из санскрита: far-y-zeis, то есть, в дословном переводе: «далеко [отсюда] до Зевса». В нынешние же времена этим словом названа одна из молодых псевдонаучных дисциплин, суть которой сводится к неустанному повторению избитых фраз и упорному замалчиванию «щекотливых» вопросов. Выражаясь языком науки, фарисейство есть не что иное, как тезауризация банальностей. Если на почве фарисейства что-либо обсуждается, то это всегда вопросы или мнимые, или апологетические. Проблем действительно существенных представители этой дисциплины не рассматривают никогда.

Фарисеев, как правило, отличает так называемая теоретическая слепота и исключительная леность мысли: никому из них и в голову не придёт дать себе хоть малый труд прочесть пару страниц печатного текста; о том, чтобы какой-нибудь фарисей что-то создал, и говорить не приходится. Если фарисеи что-либо «производят», то это или мистификация, или сплошная бутафория. Ещё не случалось, чтобы фарисеи способствовали расширению горизонтов науки. Правда, один из представителей этой специальности однажды выразил итоги своих «изысканий» математической формулой, но содержание её было столь убого, что его можно было бы передать на языке пятилетнего ребёнка. Если фарисей случайно касается какой-то теоретической проблемы, он немедленно снижает её до прикладного уровня, дабы функционеры Цеха Фарисейских Ремёсел не усмотрели в этом «отрыв» от действительности. Тут скрыто своеобразное противоречие, поскольку фарисеи, по существу, ничем иным и не занимаются кроме отклонения света прожекторов, направленных на реальность. Им даже кажется, что социальный статус *обязывает* их к чему-то подобному.

Выражением окончательного распада фарисейских структур являются так называемые *прения*, которые нередко пытаются проводить. В таких прениях, впрочем, никто никогда не улавливает ни связи, ни иерархии утверждений, ни типов высказывания, ни смысла намёков и умолчаний. Несмотря на то, что для граждан нашей страны методические пособия по «организации и проведению прений» – не какая-то там чужеземная диковинка, на фарисейских сборищах никогда никому невдомёк, ни в чем заключается роль председателя, ни в чем должна состоять подготовка к прениям. Не знаю, правда, что имел в виду тот человек, но однажды кто-то из участников фарисейских дебатов, доведённый, очевидно, до крайности, встал и процитировал отрывок из Священного писания: «Лучше человеку встретить медведицу, лишённую детей, нежели глупца с его глупостию». С тех пор я никогда его не встречал ни на одном собрании.

Сумма нулей

ян владислав сарна

Математики называют свою область знания «царицей наук». Им кажется, что законам математики подчинены не только все явления материального мира, но и сфера так называемых идеальных сущностей. Если бы их, положим, спросили, может ли сумма нулей дать положительный результат, они бы наверняка выразительно постучали пальцем по виску. Между тем, действительность гораздо сложнее, чем кажется математикам. Они не отдают себе отчёта в том, что психическая жизнь человека не считается с законами точных наук, эти законы неприменимы к данной сфере явлений. Возьмём, к примеру, сложение.

В артели «Фарисей» работал в своё время один закоренелый индивидуалист. Вечно он пытался обо всём иметь своё мнение и всем своим поведением неоднократно давал нам понять, что мы хуже, чем он. Но ведь в маленьких людях, таких, как мы, никакими силами не пробудить отвращения к их ничтожеству, маленькие люди всегда на своей стороне. И даже не важно, что этот индивидуалист по сути был прав. Важно другое – он считал себя лучше других и пытался идти своим путём. Мы очень долго всё это терпели, ожидая подходящего случая. Однажды, когда у него случились крупные неприятности, мы перешли в наступление…

Каждый из нас, взятый в отдельности, – абсолютный нуль. Как в интеллектуальном, так и в моральном смысле. И каждый – будучи туп и ограничен – подсознательно ищет козла отпущения. Субъекты вроде нас просто лучше себя чувствуют, когда вину за свои неудачи им удаётся свалить на кого-нибудь другого. Поскольку ни

на общественный строй, ни на евреев, ни на скверных учителей вину валить не стоило, нам было очень на руку, когда наконец представлялась возможность кому-нибудь отомстить за реальные и вымышленные обиды, которые мы претерпели в жизни. Дабы найти применение своим худшим чувствам – зависти и комплексу неполноценности, мы нарочно притворились глупее, чем есть. Хотя, по правде сказать, ни один из нас не грешит избытком ума.

Мы решили объединиться, и тогда оказалось, что сумма нулей даёт в итоге огромную силу, которой не способна противостоять даже самая светлая личность. Ведь стадо, как справедливо заметил Ницше, к исключениям всегда относится «враждебно, несправедливо, боязливо, бесстыдно, жестоко, лживо, безжалостно, неискренне, завистливо, мстительно». Прежде всего мы дали волю стадному инстинкту, нацеленному против людей независимых, умеющих «выделиться». Затем спустили с тормозов инстинкт обделённых, направленный против счастливчиков, способных к человеческим чувствам. Наконец дали выход инстинкту посредственностей, готовых травить все исключения и отклонения. Опираясь на эти инстинкты, мы «подравняли» всех сотрудников артели. Теперь ни у кого не хватает смелости хоть как-то выделиться, и мы – интеллектуальные и моральные нули – можем беспрепятственно предаваться спокойной вегетации.

Снявши голову

станислав ежи лец

Знаешь мечту мертвеца?
Не потерять лица!

Флаг

станислав сроковский

вроде он кому-то верен
от чего-то независим
но до чего непостоянен

оборотистый
шире всего он разворачивается
когда его возносят над остальными

а вот
когда ветра нет

тут уж он не стесняясь
провисает вовсю

Тьма

станислав мисаковский

Мне приказали встать
я встал
приказали сесть
я сел
приказали лечь
я лёг

меня просвечивали
вдоль и поперёк
целиком
и по частям
наяву и во сне
в темноте
и при свете дня

моё тело
разложили на элементы
подвергли анализу
но того
что они искали
не было

а тем временем
над их головами
настойчиво
и незаметно
сгущалась тьма

* * *

тадеуш домбровский

Говорят, у лжи короткие ноги. У лжи
длинные ноги. Такие длинные, что могут оплести
и задушить. Такие, что на них легко сбежать
от мнимого счастья к мнимой свободе.

Такие длинные, что самому их тебе не отмыть.

Массовый энтузиазм

станислав бараньчак

Воодушевленные массовым энтузиазмом
исторического момента, суть которого прежде всего –
выявление и примерное наказание тех,
кто не желает себя распалять
массовым энтузиазмом,

люди,
бесспорно,
превзошли сами себя:

вдруг, например, выясняется, что очень много
(гораздо больше, чем казалось)
тех, кто, вдохновившись массовым
энтузиазмом, способен сочинить
письмишко куда следует,
более того – составить его
как положено,
употребляя приличествующие случаю выражения;
причем они это делают столь безупречно, что все
подобные письма
схожи как близнецы;

поистине велика сила массового энтузиазма,
если учесть, что в обычные –
неисторические – моменты
большинство этих людей в руки не берёт пера,
кое-кто вообще неграмотен,
а есть среди них и такие,
кого попросту не существует

* * *

станислав игнаций виткевич

Очеловеченное быдло немощь
Возводит в ужасающую степень.
И мысли скотские закручивают скрытно
Ленту вшивых эмоций в гибкую пружину.

Раствор творений Маркса, влитый в скотский череп,
Образует с мозгом сверхстранную микстуру.
Какой-то хмырь насосом гоняет эту ересь
И впрыскивает в трубы, весь мир ширяя сдуру.
Процесс тот на картинке увидит и заплачет
Грядущий человечек, скуля от умиленья.
Во всей красе, в блестящем, золочёном шлеме
История предстанет – лишь так, а не иначе.
Да только т о мгновенье уже не возвратится –
Оно прошло и с бездной теперь навеки слито,
А скука ожиданья добавит тёмной силы
Массе – которая сроду не жрала досыта.

Желудки

ян владислав сарна

Много лет я жил среди желудков. Они выглядели точно так же, как люди: передвигались на двух ногах, а на их туловища были насажены обыкновенные головы. Однако это была лишь видимость. Ноги служили им только для того, чтобы перемещать остальные органы в направлении корма. Руки они использовали, чтобы хватать пищу и вкладывать её в полость рта, выдолбленную в голове. Носы были нужны им для вынюхивания съедобных предметов. Сходную роль выполняли приросшие к голове уши и закреплённые в глазницах органы зрения. Функции всех желёз их организма были подчинены преобразованию поглощённой еды в тепловую энергию. Ведь им приходилось поддерживать постоянную температуру тела.

Их мозг был запрограммирован исключительно на добычу корма. Не раз я пытался вступить с ними в контакт, но они тут же всё сводили к глотанию, пищеварению и тому подобной физиологической деятельности. Они не могли поддержать разговор ни на одну самую простую теоретическую или любую другую тему, если она не была связана со жратвой. Только так называемые образованные желудки были способны поспорить о более высоких материях, впрочем, такие дискуссии всегда были рассчитаны на то, чтобы улучшить пищеварительный процесс, получить какой-нибудь дополнительный паёк, пережить новые обонятельно-вкусовые или даже обычные проктологические ощущения.

Один знаменитый этнограф утверждал, что это дурная карма превратила мою жизнь в кошмар, не позволив жить среди людей. Правда, этнограф тот был не шибко умный (уже одно то, что он «руками и ногами» держался за артель «Фарисей», красноречиво свидетельствует о его уровне), однако что-то в его теории было. Но

к счастью, и самый страшный кошмар когда-то должен кончиться. В один прекрасный день (а может, вечер – точно не помню) в тёмном переулке проголодавшиеся желудки набросились на меня и сожрали вместе с копытами.

Теперь я пребываю в абсолютном покое.

Пришествие

леон швед

Твой твёрдый пенис.
Её мягкая вагина.
Точные, надёжные инструменты.
Ты занят приятным и полезным делом.
Привычно всадив твёрдый пенис
в мягкую ватину, ты в тот же миг
извлекаешь оттуда тысячи новых
пенисов, вагин, ракет, пулемётов,
деклараций о мире и любовных признаний.
Это очень длинный пенис
и очень глубокая вагина.
Ты погружаешь свой длинный пенис
в самую суть бытия. Пенисом
ты извлекаешь из космоса
новую жизнь.

Проктолобус

ян владислав сарна

Сташек К. никогда раньше не ездил на работу в проктолобусе. Толпа впихнула его внутрь на станции Слепая Кишка. Дверь наглухо захлопнулась за ним. Доехав до Восходящей Ободочной Кишки, он решил выйти из проктолобуса. Его измучала царившая там жуткая духота. Но он никак не мог пробиться к двери. Никто из пассажиров выходить не собирался. Проктолобус помчался дальше. Духота становилась всё нестерпимей, давка всё сильнее. Сташек заметил, что тут и там на стенках проктолобуса развешаны копролиты – цветные декоративные ткани из литого копра. Он заметил также, что перистальтика (движение проктолобуса) явно зависит от степени концентрации газов.

Немного погодя проктолобус подъехал к станции Правая Кривизна. Но и тут ни одна дверь не открылась. Проктолобус быстро набрал скорость и круто свернул на магистраль, именуемую

Поперечной Ободочной Кишкой. Перед станцией Левая Кривизна скорость заметно упала. Сташек почувствовал, что давление в салоне растёт. Его протолкнули вперед. Вдруг скибалум – головная часть проктолобуса – отделился от его задней части и устремился вперёд. Так Сташек оказался в Нисходящей Ободочной Кишке, спускавшейся книзу от Левой Кривизны. Наконец он попал в Сигмовидную Кишку, являвшуюся, по существу, продолжением Нисходящей Ободочной Кишки.

Проктолобус описал двойную петлю и въехал в Прямую Кишку (для удобства иностранцев называемую Ректум). Он прошёл её Тазовый Участок, затем Каналис Аналис (для удобства иностранцев) и выехал к станции Анус (для удобства иностранцев). Запах азота и двуокиси углерода стал совершенно нестерпимым. Вскоре Сташек миновал Анальные Валики (Колумне Аналис), упал в большой бассейн и утонул в нём вместе с остальными пассажирами. Это был единственный приятный момент во всём путешествии. Ведь больше уже не нужно было дышать.

Своё лицо

станислав ежи лец

У дурака одна забота:
не приняли б за идиота.

Доносчик

анджей бурса

...ую
...аю
...ею
...ал бы
...ял бы
...ел бы
он ей
она ему
а он им
– Гражданин начальник кода он спустил шта-
ны в сортире я заметил что у него зад из бронзы

А вдруг

адам охвановский

Пусть дураки печати ставят
на спины умникам-плебеям
Пусть смех растёт пирамидально
покуда в нас взойти не смеет
тот робкий жест едва заметный
который ничего не значит
Тебе скрутили руки цепью
я карусель кручу – не плачу
Такими власть нас видеть хочет
такими мы угодны строю
Мудрец молчит дурак лопочет –
в смертельном трансе два героя
Псы бешеные ночью воют
Солдат готовь топор для ката
Не сыщет праха Антигона
а братья устыдятся брата
Добавь ещё огня к пожару
творец ублюдков и вассалов
Пусть золото свободы алой
пылает в горле алкоголем

А вдруг мы небо втайне молим
дать нам покой? Какой попало

Толпа, которая толкает и толкует

станислав бараньчак

Толпа, которая толкает и толкует,
толчётся в трамваях и тоннелях,
топотом и тупой глухотой заглушая
слабую пульсацию смысла в черепной коробке;
толпа, которая переводит этот еле слышный пульс
в бесповоротную речь
оторопи и одиночества;
толпа, которая не даёт объясниться
и глушит всякое слово, притиснув к губам
кулак повального безмолвия;
но та же толпа нагнетает в жилы общую кровь,
чёрную,
ждущую очищенья,

кровь, что глухо долбит стенку камеры сердца;
эта толпа тебя топчет и душит
в объятьях, наполняя дыханием лёгкие,
и, необъяснимая, становится объяснённой

Дрессура

томаш глюзинский

собственно нет никаких причин всё
складывается как нельзя лучше мы
                идём по следу
делаем стойку стережём едим
все вместе из одной миски у нас волчий
аппетит мы уважаем плеть у нас одни и те же
блохи это дело привычки
дрессуры в своре масть
не играет роли однако не может быть
речи о стаде наша
интеграция в том чтобы гнать
рычать скулить вот в чём
наша сила

Невзирая на

станислав гроховяк

Рождённые чтобы
Призваны дабы
Ведомые особо
Им бы да туда бы

Допускают что
Хотели бы хотя и
Уж они б хо-хо
Да только куда им

Если б да кабы
Не вокруг да около
Встали б на дыбы
Вдоль и поперёк но

Кто и так и сяк
Вышеперечислен

Тот увы иссяк
И в делах и в мыслях

Орёл

тадеуш ружевич

Орлом под небеса взмываю
Сижу в конторе
Взлетаю землю покидаю
Сижу в конторе

Разящий меч в руке сжимаю
Сижу в конторе
Узлы и узы разрубаю
Сижу в конторе

Крушу давлю каких-то «истов»
Сижу в конторе
Бью недобитых как-бишь-истов
Сижу в конторе

Реву ору кровь проливаю
В конторе сидя
Рычу а более – зеваю
В конторе сидя

* * *

анджей заневский

Шёл на войну Валет Червей,
за ним – Крестей, а с ним – Бубей,
и только Пиковый Валет
знал, что назад дороги нет.

Он их стращал! Да толку – чуть!
У карт в башке такая муть.
Тузы орут: Давай их крой!
Марш! марш! – за Королём Король.

Все масти двинулись в туман –
у торгашей набит карман,
трофеями прельщает чёрт,
песок в глазах краплёных морд.

Недолго бравый легион
нам будет сниться по ночам,
забудет мир о них тотчас,
и совесть прекратит свой стон.

Вальты – воинственный народ,
авось вернутся, нет – так нет;
колода списана в расход.
В туман идёт другой Валет...

Террорист, он смотрит

вислава шимборская

Бомба взорвётся в баре в тринадцать двадцать.
Пока у нас только тринадцать шестнадцать.
Кто-то успеет войти,
кто-то выйти.
Террорист уже перешёл на другую сторону улицы.
Расстояние безопасное,
и видно как в кино:

Вот женщина в жёлтой куртке, она выходит.
Мужчина в тёмных очках, он выходит.
Молодые люди в джинсах, они разговаривают.
Тринадцать семнадцать и четыре секунды.
Вон тот, пониже – везучий – садится на мотороллер,
а тот, повыше, входит.

Тринадцать семнадцать и сорок секунд.
Девушка, она идет с зелёной лентой в причёске.
Вдруг её загораживает автобус.
Тринадцать восемнадцать.
Девушки не видно.
То ли вошла, дура, то ли нет –
станет ясно, когда их всех вынесут.

Тринадцать девятнадцать.
Что-то никто не входит.
Зато ещё один выходит – лысый, толстый.
Но роется в карманах и
без десяти секунд тринадцать двадцать
возвращается за своими дурацкими перчатками.

Ну, вот и тринадцать двадцать.
Время, как оно тянется.

Наверно, сейчас.
Нет, ещё не сейчас.
Да, уже сейчас.
Бомба, она взрывается.

Чужая игра

томаш глюзинский

террор
это жестокость
ему нет места в жизни
цивилизованных народов

цель
которая оправдывает средства
это не цель
а соблазн

никакой
низменный замысел
не может быть осуществлён
без вероломства
коварства и произвола

террор
это открытая узурпация
или месть из-за угла
во имя интересов
якобы более важных
чем
закон традиция и обычай

террор
это правило чужой игры
которое может
незаметно превратиться
во всеобщий принцип

день
когда насилие
будет провозглашено добродетелью
станет началом
давно предсказанного
конца света

Атака

ежи афанасьев

Мы шли в атаку. В касках и противогазах, едва различая друг друга. Где-то вдали играла труба, в небе над нами отцветала красная ракета. Я с трудом вырывал ноги из грязи, по которой мы топали, ощетинившись штыками. Силуэты товарищей были еле видны сквозь стёкла маски. Облако газа, выпущенное противником, окутало всё вокруг, застилая нам путь. Я шагал с карабином наизготовку, зная: скоро мой штык вонзится в грудь врага.

Мы шли уже довольно долго, и вот наконец я увидел их. Они были в масках – как мы. Я занёс карабин, чтоб нанести удар. Враг сделал то же самое. Нас разделяли метры. Я подумал о доме, о близких. И ударил изо всех сил.

Каково же было моё удивление, когда штык отскочил, как от стекла. Облако газа рассеялось, и мы увидели, что стоим посреди поля, перед огромным зеркалом. Откуда-то издалека доносился хохот и свист неприятеля, укрывшегося за холмами.

На обратном пути мы мечтали только об одном – хоть немного отдохнуть. Вернувшись в окопы, мы нашли в них погибших товарищей наших – тех, кто не пошёл с нами в атаку. В гробовой тишине мы жевали свои пайки хлеба, пропитанного горечью поражения. Вскоре начался артобстрел.

Вождь

ежи афанасьев

Над покорённым городом взошло солнце. Кое-где догорали дома. На улицах валялись трупы врагов – они кишели жирными мухами. Ночью нам открыл ворота предатель. Мы ворвались в город, когда солдаты и жители спали. Резня была короткой и жестокой. Вражескому вождю мы отрубили голову и решили сыграть ею в мяч. Трибуны стадиона были забиты нашими солдатами и перепуганными горожанами. Голова вождя смешно подскакивала на травке. Обезглавленное тело, издёвки ради, было посажено в ложу для почётных гостей. Когда голова попадала в ворота, овациям и крикам «ура» не было конца. Команда противника состояла из пленных вражеских солдат. За эту игру им была обещана жизнь. Однако счёт был явно в их пользу. На последней минуте нам забили очередной позорный гол. Горожане торжествовали. Каков же был наш ужас, когда мы увидели, что обезглавленное тело, сидящее в ложе, аплодирует.

В панике мы покидали город, ещё не подозревая, что это только начало нашего поражения.

Запах земли

ежи афанасьев

Мы расстреливали людей, построенных ровными рядами. Они – как и мы – были одеты в мундиры, но это были враги. Расправлялись мы с ними быстро, без церемоний. Стреляли из автоматов в затылок. Перед этим им приходилось копать длинные рвы братских могил. Дли верности мы добивали их из пистолетов. Каждый день после завтрака мы шли исполнять свой долг. По дороге, чтобы развеяться и отвлечься, пели военные марши. Ведь нельзя сказать, чтоб нам было легко. Они смотрели на нас в упор, мы постоянно ощущали на себе их взгляд. Они забавно кувыркались под выстрелами – падая ровными рядами, как мишени в тире.

Но однажды обречённые взбунтовались. Отняли у нас оружие, построили всех в шеренгу. Под грохот автоматов мы падали ровными рядами. Нас добивали из пистолетов. «Боже, зачем всё это?» – думали мы, но недолго: запах земли прощался с нами навек. – «Вот бы ещё хоть раз побыть человеком». Мы знали: у нас не может быть никакой надежды.

Кукарачас

ян владислав сарна

Это была последняя ночь в моей жизни. Наша рота, сражавшаяся в составе 7 батальона н-ского полка горных стрелков, дислоцировалась на ключевом участке наступления 43 дивизии. Прямо перед нами окопались отборные, отлично пристрелявшиеся к сложному рельефу батальоны кукарачас. Нашей задачей было обеспечить связь между командирами наступающих полков и информировать штаб дивизии о подготовке противника к обороне высоты № 396.

Я приступил к установлению связи. Однако едва я послал в эфир сигнал qrk («Как меня слышите – приём»), как кукарачас молниеносно скрылись в своих бетонно-кобальтовых укрытиях. Вскоре они выползли и вернулись на линию обороны. В ту ночь была непроницаемая тьма, но с помощью ноктовизора «Инсект 84-М» я мог держать под наблюдением все подступы к нашим позициям. Согласно установленному алгоритму, я заложил соответствующую перфокарту в цифровую машину. Как только закодированная информация потекла в эфир, кукарачас снова

исчезли в укрытиях. Через минуту они опять появились на огневом рубеже. Тогда я понял: эволюция сформировала у них какой-то неизвестный орган, выполняющий роль идеального приёмника электромагнитных волн. Благодаря ему кукарачас мгновенно получали сигнал об опасности и могли выжить в самой неблагоприятной среде. Я зашифровал сведения и передал их в штаб дивизии (кукарачас на миг исчезли, после чего снова заняли огневые позиции).

Не знаю, чем кончился бой, завязавшийся на рассвете на ключевом участке наступления 43 дивизии. Перед самой атакой командир батареи наших тяжёлых миномётов принял решение о моей ликвидации и обрушил на меня огонь всех своих 125-дюймовок. Ему стало ясно, что мой передатчик преждевременно сеет панику в рядах противника. Когда ультраплазменные зажигательные снаряды превратили оловянный бункер с рацией и меня самого в кучку пепла, я был глубоко убеждён, что окопавшиеся на сложном рельефе войска кукарачас ни за что не устоят перед нашими доблестными горными стрелками. Этой веры я не утратил и по сей день.

Подозрение

игорь вечорек

Когда клубок был частично размотан,
мы добирались до него по нитке.
Когда он был тщательно смотан,
отыскивали конец нитки. Так или иначе,
приходили к чему-то утешительному.
Теперь, когда очевидно, что клубок то и дело
сматывают, а потом разматывают,
мы не приходим ни к чему.
Неужели то, что казалось ниткой, было всего лишь тенью,
которую отбрасывала игла?

Распад

томаш яструн

От нас не останется даже железного лома
Даже смеха
Мы не питали иллюзий
Ни в конце ни в начале

Восстания увязаны в тюки
Пожитки сложены в прихожей
Полотенце и зубная щётка
Готовы в путь

Кто-то стучится в дверь
Эхо этого стука
Грохочет по пустым коридорам лет

А на пороге не связной
И не тюремный конвоир
А всего лишь сосед сверху
У него засорилась раковина
Он бессильно разводит руками

Две точки

станислав мисаковский

Недолго я радовался, что меня перевели в пункт Б. Один из бывших там людей сказал:

– Сочувствую, браток.

– Почему? – удивился я. – Вряд ли здесь будет хуже, чем было там.

– Это – точка, из которой ничего не видно.

– Но ведь из пункта А я видел пункт Б! – решительно возразил я.

– Это ещё не значит, что отсюда ты увидишь пункт А.

Я вытянулся на цыпочках, глянул в маленькое оконце. Старая стена из выщербленных кирпичей запирала мир наглухо.

* * *

чеслав милош

Средь недо-правды
И недо-трюков
Средь недо-права
И недо-науки

Под недо-небом
На недо-земле
Мы недо-невинны
В своём недо-зле

Мы, поколение

витольд вирпша

Мы, поколение с задержкой в развитии,
Взявшись за ручки,
Идём на прогулку.

Проходят взрослые, проносят усталость в согбенных спинах.
Кто-то из неопалимой купины вещает: Я – твой Бог.
А мы всё так же,
Взявшись за ручки,
Идём на прогулку.

Потрескивает на костре Джордано Бруно,
Поодаль Галилей изображает хитроумную защиту,
А мы – мы,
Взявшись за ручки,
Идём на прогулку.

В нашей группке маленький Каин убил маленького Авеля,
Маленький Иуда удавился на фиговом дереве;
Но это ничего,
Мы, взявшись за ручки,
Идём на прогулку.

Спускаемся на дно морское, нас ласкают рыбы и водоросли,
Мы отвешиваем пинки затонувшим колоколам,
Проникаем во чрево развороченных подводных лодок,
Наши лёгкие полны воды,
Вот-вот мы станем прозрачными, словно гидры,
Но – всё так же – за ручки,
Всё так же – на прогулку,

Ниже и ниже.

Мы, поколение с задержкой в развитии.

Не различит

станислав ежи лец

Он слился с эпохальным ритмом –
своих шагов не различит он.

Эволюция

анджей вархал

Всё это происходило постепенно, поначалу незаметно. Первые симптомы проявились в спорте, прежде всего в лёгкой атлетике – в соревнованиях, связанных с измерениями. Уровень состязаний систематически снижался, пришлось задуматься об их целесообразности, да и о зрелищной стороне. Результаты на олимпиадах и первенствах мира были всё слабее, всё дальше от былых рекордов. Прыжки и броски стали так коротки, а бег так протяжён во времени, что приходилось уменьшать песочные площадки, сокращать дистанции, уменьшать стадионы. Дошло до того, что, стремясь сохранить традиционный марафон, его начинали за день до старта, чтобы он мог вовремя завершиться.

Молодёжь, как, впрочем, и все остальные, стала неповоротлива и тяжела на подъём. Она прибавляла в весе – правда, не толстея. Сначала вину за это возлагали на школу с её убогой программой физического воспитания, но когда на пять уроков физкультуры стал приходиться всего один урок математики, а в директорах чуть ли не каждой школы или вуза оказался бывший боксёр или бегун, пришло время задуматься. Вину трудно было свалить на бурное развитие цивилизации, повсеместно заменившей человеческий труд машинным: цивилизация практически перестала развиваться и в быстром темпе пятилась назад. Поезда опаздывали с каждым годом всё сильнее, в геометрической прогрессии. Почта доходила, как правило, после смерти адресата. Самолёты всё чаще разби-вались у края взлётной полосы, не в силах оторваться от земли.

Опустели верхние этажи небоскрёбов. Скоростные лифты добирались до них несколько суток, зато вниз мчались, будто желая наверстать упущенное, и разбивались в подвалах. Население перешло к массовому строительству одноэтажных домиков. Миграции прекратились. Мало кто выбирался в какие бы то ни было поездки. Дело принимало всё более серьезный оборот.

Тщательно наведённые снаряды никогда не попадали в цель и падали всё ближе к своим орудиям. Артиллерию перенесли на передовую, но и это не помогло. Вскоре пушки начали разить сами себя. Было решено прекратить все войны. Солдаты, едва волоча ноги, разбрелись по домам. Растительность измельчала. Самые высокие деревья ростом не превышали хлебов. Хлеба достигали высоты трав. Травы попросту начали расти вниз.

Птицы уже не могли летать – их хватало только на то, чтоб вразвалочку прогуливаться.

Как-то раз внезапно упали все спутники. Тонны металлолома обрушились на города и веси, причинив немалый ущерб. Через

некоторое время посыпались летающие тарелки, но на это уже никто не обратил особого внимания.

Жонглёры лишились работы. Мячики падали теперь слишком быстро – их было не поймать.

Дождь лил с такой скоростью, что вызывал травмы черепа. У людей всё валилось из рук. Они худели на глазах. Проглоченная пища чересчур быстро перемещалась вниз, не будучи вполне переваренной. Двигаться было всё труднее, люди почти не могли подняться, садились же, напротив, всё быстрей. Детей отучили проситься на ручки. Любовь свелась к одной позиции. Рыбки в аквариумах давно лежали на дне.

Всё стало непомерно тяжёлым. Даже самые живые мысли тяжко влачились у самой земли.

Люди в основном лежали, сидели, и только в исключительных случаях решались на изнурительные ползки. В конце концов прекратилось и это. Не оставалось никаких иллюзий: по неизвестным причинам земное притяжение многократно возросло...

– Как летит время, – промолвила женщина. – Вот-вот кончится зима. Ты уже слегка порозовел.

– Что-то я себя неважно чувствую, – тихо ответил мужчина. – Прошлогодняя засуха явно не пошла мне на пользу. Помнишь, как я высох.

– Ты переутомился. Слишком много думаешь последнее время.

– Наверно, ты права, дорогая. Надо отдохнуть. Я чувствую себя стариком.

– И что ты на себя наговариваешь? – возразила она. – В этом году у меня снова будут дети.

– Неужели?

– Разве ты не видишь? Вот – три новых побега.

– Очень рад, – оказал он. – Я тебя люблю.

– Они будут похожи на тебя, – добавила она и, гордо взглянув на него, погрузилась в свои материнские думы.

Колокольный звон

станислав мисаковский

Я был на перепутье, когда вдруг – грянул колокольный звон. Остановился я, снял шляпу. Звуки разных тональностей неслись со всех сторон. Не знаю, много ли было вокруг церквей с колокольнями...

Вдали справа виднелся городок, впереди – утонувшая в зелени деревня, слева – серые каменные стены монастыря, позади – селение, где обитал неизвестный народ: над однотипной застройкой высились византийские купола храма.

Что за трезвон? Почему звонят все колокола сразу? Возвещают добрую весть или это тревожный набат?

Вокруг ни души – некого спросить, не с кем посоветоваться. Звуки наполняли воздух, эхом отражались от плоскости полей, скрещивались, убегали вдаль, возвращались. Я стоял в растерянности. Надо было принять решение. Но какое? Уж если чему суждено случиться, оно и так случится, куда ни беги.

Колокола гудели. Я беспомощно озирался. И тут вижу: из городка хлынули какие-то серые струи. То же – со стороны монастыря, селения и деревни. Серые волны катились на меня. К звону колоколов примешивался глухой рокот. Кипящая масса разлилась по траве. Потоки неслись с нарастающей скоростью. Наконец моим глазам предстало нечто столь ужасающее, что я едва удержался на ногах. Холодные капли пота покрыли моё лицо.

Отовсюду чудовищной лавиной надвигались полчища крыс. Я уже различал их острые мордочки. Крысы бежали, словно с тонущего корабля. Но почему – ко мне?

«Что же будет, когда они столкнутся? – лихорадочно соображал я. – Ведь в какой-то точке они неизбежно встретятся». И тут до меня дошло, что я-то и есть эта самая точка: ведь мордочки грызунов нацелены прямо в меня!

С каждой минутой колокола били всё сильней.

Звон, нарастающий звон раздавался в висках, в груди, в мышцах, во всех костях...

* * *

лешек длугош

Они беспечны – под случайным кровом вкушают мир
не ведая о камне что выпал из стены
О справедливые – они вершат свой суд не забывая
кому обязан служить закон
Они мудры – всегда дают ответы согласно воле тех
кто вопрошает
Они спокойны – на земле так много злодейств
содеянных отнюдь не ими
Они отважны – окружив заботой свидетелей и славы
и бесчестья
Они верны – их зорко охраняет клеймо измены
тех кто предал раньше
О милосердные – кормя свою гордыню они бросают
нищим подаянье
Они добры – стеченье обстоятельств
их алчность обратило в бескорыстье

Они смиренны – головы склонили чтоб увидать
кого повалит ветер
Счастливые – они утомлены смертями ближних –
на отчаянье нет сил

– Вот десять заповедей страусиных.

* * *

богдан задура

Ночами снился страшный гриб нам
А зубы выбивал тротил
Немые рты холодной рыбы
Глотали слюни кровь и ил

Всё помутилось в наших снах
И тишины взметнулось пламя
И воцарился мрак над нами
И править нами начал страх

Палач

марек новаковский

Палача спросили, зачем он делает это. Палач без колебаний ответил: должен же кто-нибудь это делать!

И вздохнул. Дав понять, что жертвует собой ради общего блага.

Встревоженно покосился на собеседника. Боясь, как бы у него не вырвали из рук это прибыльное занятие.

Выездка

томаш глюзинский

В детстве я видел коня
который плакал
Тадеуш Ружевич

искусство пытки состоит
не в том чтоб довести до слёз

когда человек истязает коня
животное перестаёт быть лакеем
и становится врагом
хуже когда объезжают
ласково но лошадка! со средней
нагрузкой на хребет то же
при дрессировке людей на каком-то
круге лопнет веко и даже слеза
не прольётся

в один и тот же час

якуб экер

день как улыбка
палачи за столом переговоров

день как улыбка убийцы
мой день

Вместе

гжегож врублевский

род людской –
и я и он

если мы вместе
то я
нет

Душа палача

ежи афанасьев

С тех пор как на войне мне прострелили руку, у меня мания преследования. Ужасное чувство: во всех без исключения видишь врагов. Из соображений личной безопасности, желая избавиться от страха, я пошёл служить в полицию. Когда же и это не помогло... перевёлся в тюремную охрану.

Я хотел жить – и вынужден был добровольно сам себя приговорить к заключению. Мне казалось, что это мой единственный шанс, и я решил его не упустить. Так я стал надзирателем. Мой

разум создал себе на потребу убедительную фикцию: в каждом арестанте я видел своего палача. Это было, пожалуй, не слишком гуманно, но что делать, если вечерами я мучался от приступов дикого страха: руки тряслись, ноги деревенели, сердце ёкало, в голове шумело.

Я полагал, что как только стану надзирателем, здоровье моё пойдёт на поправку. Но не тут-то было. Болезнь всё так же изводила меня, а длинные тюремные коридоры лишь усугубляли неотступный страх.

Тюрьма, где я служил, представляла собой комплекс блоков. Посреди каждого был огромный, опоясанный галереями холл, прорезающий несколько этажей. На галереи выходило множество зарешёченных дверей, ведущих в тесные камеры. По ночам на весь блок оставался один караульный – он должен был следить за всеми этажами сразу.

Спору нет – профессия надзирателя и не почётна, и не благородна. Но ведь и заключённые не потрудились вникнуть – по какой причине я, человек, любящий свободу, избрал роль надсмотрщика. Они попросту знать не знали об этой причине, да им и дела до неё не было.

Я обвиняю их в том, что они – зная о моём постоянном страхе и стремясь отомстить мне за мою ревностную заботу об их безопасности – умышленно устроили себе отличное развлечение, а мне – пытку. Однажды ночью, сидя на табуретке в центре холла и охраняя сон моих заключённых, я услышал гул, неотвратимо нарастающий во всём здании. Что?.. Где?.. Я совсем потерял голову. Отовсюду нёсся жуткий хохот моих палачей.

Я ощутил давно знакомые симптомы болезни. Карабин покатился на пол, а я заткнул уши и кинулся прочь, теряясь в серпантинах коридоров и галерей.

Из камер неслось грубое ржание заключённых, за решётками маячили их обезьяньи фигуры в арестантских робах. Что было дальше – уже не помню. Знаю только, что за всё это я поплатился здоровьем – недели три провалялся в госпитале.

Через два года добросовестной службы начальник тюрьмы представил меня к повышению. Двадцатого сентября мне был вручён конверт. Документ, находившийся внутри, предписывал мне дальнейшее прохождение службы в расстрельном взводе.

Мы производили расстрелы дважды в день. На рассвете и на закате – согласно давней тюремной традиции. Физиономии моих товарищей были поразительно похожи одна на другую: тонкие, почти прекрасные черты и странные, словно ничего не видящие глаза. Свои обязанности они выполняли молча, точно между ними было некое духовное родство или сговор. Разве что иногда, в исключительных случаях кто-нибудь из них кивал головой или указывал на что-нибудь взглядом. Но такое бывало редко.

Поначалу я чувствовал себя чужим среди них. Что ж... я и был другим, и отдавал себе отчёт в том, что лицо у меня не такое, как у всех. Но скоро мои страхи рассеялись – я просто о них забыл.

Не знаю, какими идеалами они оправдывали человекоубийство. Что до меня – то мною руководил страх. Я расстреливал собственных палачей. После экзекуции я становился спокоен, уравновешен, в глазах у меня появлялся блеск, на щеках проступал румянец.

Должен сознаться, со временем мне перестало хватать одного только преодоления страха. Это происходило и так, само собой, за счёт ежедневных плановых экзекуций. Но потихоньку я начал мстить за страх, пережитый мною прежде. Принимал участие в сверхурочном исполнении приговоров, исподволь превращал свою душу истязуемого – в душу палача!.. Постепенно я к этому даже пристрастился. И укрепил свои расшатанные нервы. Ничто не могло меня испугать! Ещё бы – я чувствовал себя прямо-таки героем. Гением, создателем собственной философии!

Как-то раз кончали мы одного толстяка с громадным брюхом. Побелев лицом, он трясся как студень. Челюсть у него отвисла, ноги подкашивались. Похоже, он даже в штаны наложил. Мы подвели его к стенке нежно, как сыновья ведут старушку-мать. Толстяк по-бабьи всхлипывал. Прицел – пли! Он, словно перина, осел на землю.

Не успели мы разрядить оружие, является офицер с приказом. Читает, что один из нас – вражеский шпион, коварно проникший в тюрьму. Что у шпиона прострелена ладонь. Что он подло злоупотребил доверием. Что его приказано казнить, и что шпион этот – я.

Оглянуться я не успел – хватают меня под руки и волокут к стенке. – Иисусе! – думаю. – Да они что, спятили? А может, это сон? – Вроде, не плачу, а у самого лицо мокрёхонько от слёз. Падаю на колени и кричу – быстро-быстро, чтобы успеть:

– Эй вы, простейшие, минуточку! Да там хоть жизнь-то есть? Я не успел сосредоточиться... Мы все – математические величины в мировом химическом процессе... Самовольно меня упрощая, вы ответите перед судом алгебры. Предупреждаю...

– Ты не умничай, лучше помолись-ка, – гогочут они, взяв меня на мушку.

– Погодите минуточку, я должен собраться с мыслями, рассказать вам, что я обо всём этом думаю...

– Нам-то что? Оставь при себе. Готовьсь!

– Да меня и так уже нет – не могу я ничего при себе оставить!

– Живей, живей! – вопят они.

– Обождите! – умоляю, лязгая зубами. – Пусть кто-нибудь подойдёт поближе – я подам ему знак, когда умру,

– Запрещено находиться в зоне стрельбы. Вали его! Готовьсь! – орут они,

– Что-то вы мне не нравитесь. Подождите, дайте хоть сердце рукой прикрыть... – бормочу я.

Преступница

анджей заневский

Женщины убивают так же, как мужчины,
они хладнокровны и точны в деталях.

Иногда они заботятся о порядке и
эстетике убийства, убирают,
обмывают труп, подкрашивают губы
и ресницы.

Но не ищи никаких особенных отличий,
их нет –
ни в биении сердца,
ни в частоте дыхания
ни во взгляде.

Женщины убивают уверенно, метко,
профессионально.

Ты уже понял, что кожа на ладони убийцы
может быть очень нежной?

* * *

анджей заневский

Червонный Валет застрелен!

Виновных не поймали; подозревают, что
работал по заказу профессиональный киллер.

Бубновый Валет застрелился дважды;
возможно ли, чтобы в такой неудобной позе
он выстрелил сам в себя?
Виновных никто не ищет, подозрения остаются.

Крестовый Валет задушен,
зарезан в собственном доме... Ограбление или месть?

Виновный отрицает: – Это не я!
Нет доказательств! Нет убийцы!

Пиковый Валет и Пиковый Валет №2 – оба
повесились в тюремных камерах –
самоубийство... Самоубийства?

Гипотезы... Подозрения... Виновных нет...
Ещё одна эксгумация... Кружат слухи.

Гибнут валет за вальтом... Виновные лгут...
Карты лгут... Шантаж, тишина, молчание.
Неискренность жестов... Неискренность слов,
ты это знаешь, Валет Икс.

*** * ***

лешек александр мочульский

Было в тебе что-то непристойное,
пророческое. Ты всё знал наперёд,
когда другие блуждали
и рисковали жизнью,
постигая истину.

награда которую вручили

мариан гжещак

```
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
я я я я я я я я я я я я я я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
                    я я я я я я
```

человек которого наградили

мариан гжещак

```
          я я я я я я
          я         я
          я         я
          я         я
          я         я
          я         я
я я я я я я я я         я я я я я я я я
я                                     я
я                                     я
я                                     я
я                                     я
я я я я я я я я         я я я я я я я я
          я         я
          я         я
          я         я
          я         я
          я         я
          я я я я я я
```

Монолог

рышард марек гронский

Я человек диалога
Я человек диалога
Я человек диалога

Ещё о чистоте

станислав ежи лец

И у самого колодца
много грязного народца.

Совесть

тадеуш сливяк

Этот камень был первым в лавине
он высекал огонь
убивал
от него шли круги по воде
он лежал на столе полевого суда
защищая от ветра списки приговорённых

Этот камень всякое повидал
прежде чем упал с души

Ноль

ян бжехва

Ноль катился по дороге:
– Эй, людишки, делай ноги!
Я сто́ю тысяч сто на кон,
а может, и мильон.
В природе я один такой –
пузатый и большой!
Расправа у меня крута!
Прочь с дороги, мелкота!

А люди толковали глухо:
– Видать, не зря такое брюхо.
А ну-ка похудеть изволь.

И стало ясно: это – ноль.

* * *

барбара бяловонс

Мы, потребители
товаров, услуг, информации, идей,
мы, пешки, которыми играют политики,
конструкторы истин и реклам,
мы, механические люди,
запрограммированные привычками, обычаями, модой,
– забыли,
что можно быть чем-то бо́льшим,
чем всеядный пищеварительный тракт.

Кое-кто, чтоб не превратиться в контейнер для мусора,
прячется в подвалах и на чердаках
своих безоружных мечтаний.
Мало того что наука отняла у нас Бога –
церковь тоже Его не возвращает!

Теперь, когда всё на продажу,
аппетиты растут по мере пожирания,

луга дышат отравой,
река изрыгает грязь,
воздух душит.

Что же будет завтра?

Polish Song*

марек кусиба

Тела наши музеи холодного оружия
Тела наши музеи свинца

Дома наши музеи огня и воды
Дома наши музеи налётов

Глаза наши музеи транспарантов
Глаза наши музеи плакатов

Руки наши музеи знамён и аплодисментов
Руки наши музеи наручников

Мысли наши музеи призраков и кошмаров
Мысли наши музеи приказов

Слова наши музеи пустозвонства
Слова наши музеи газет

Дела наши музеи отчаянья

Диктант

эва липская

Под диктовку.
Только б не наделать ошибок.
Народ
не написать с большой толпы.
Знать
когда закрыть рот
а когда открыть.

* Польская песня (*англ.*).

Молчать –
но с какой буквы?
Изменяться –
однако не по падежам.
Быть начеку –
как бы любовь не написать раздельно.
Вроде «чёрной смородины» или «первого встречного».

После некоторых дат
бдительно поставить точку.
Другие отметить
минутой молчания.
Помнить о том чтоб жизнь
не записать сокращённо.

Глядеть в оба
чтоб не обознаться при смерти.
Испустить дух
орфографически безупречно.

Прогресс

мария буянская

Они знают о нас всё
или почти всё.
Изобретена машина, заставляющая говорить правду.
Особая рулетка для измерения души.
Они глубоко заглядывают нам в глаза,
читая алфавит зелёных зрачков.
Внимательно измеряют пульс
и частоту дыхания.
Они вытащили у нас из карманов детские тайны.
В нашу кожу переплетают книги грядущего.
При родах нам надевают
стерильные халаты Защиты от Жизни.
Нас воспитывают чисто и безболезненно
в братской могиле сожжённой плоти.
Мы прячемся в тени вырубленного леса,
в водах давно пересохших родников.
У нашей земли вырвано сердце –
в хрустальной вазе
оно украшает нам комнату,
словно красный цветок.

Предостережение

станислав ежи лец

Ладно, ты нырнул и рад.
Но зачем кричать «ура»?

Стой спокойно

томаш глюзинский

голос

даже повышенный
не самая доходчивая
форма экспрессии

жесты

особенно непроизвольные
могут быть истолкованы
как чересчур утрированные

проблема
в том
чтобы умело
ограничить средства
выражения

лучше всего

молча
сплести на затылке
руки и спокойно
встать
лицом к стенке

вот только память
всё никак не
поддаётся
разумной дисциплине

Сказка

анджей бурса

Однажды, когда император был не в духе, на глаза ему попался человек. Император хотел было сразу отрубить человеку голову, да вспомнил, что времени у него в обрез. И только сказал:

– Каждый час будешь являться в мою канцелярию и напоминать, что в ближайшее время тебе должны отрубить голову.

Что было делать, человек являлся. Сначала ему пришлось несладко. Он горестно размышлял о бренности бытия, о поругании личности, о диких капризах тупого тирана. Но мало-помалу человек вошёл во вкус, так что чиновникам с ним сладу не было. Работы прорва, посетители в очереди в обморок хлопаются, а тут ещё этот:

– Добрый день. Император приказал напомнить, что скоро мне должны отрубить голову. До свиданья.

И так каждый час. Без двух минут двенадцать он покидал кафе «Министерское» (в других не бывал), чтобы точно в срок произнести свою фразу. Каждую субботу в одиннадцать вечера, слегка пошатываясь после бутылки вина, выпитой в баре «Рай Дипломата» (в другие не хаживал), он вваливался в канцелярию, чтобы пробормотать:

– Император приказал напомнить... того... ну... что скоро мне отрубят голову.

В пять утра он вскакивал с раскладушки (спал только в приёмной императорской канцелярии) и сонным голосом будил дежурного секретаря:

– Император приказал... и так далее.

Так прошло двадцать лет. Но вот однажды, явившись в канцелярию, он нос к носу столкнулся с седым как лунь императором.

– А этому чего надо? – спросил император.

– Он пришёл напомнить Вашему Императорскому Величеству, что Ваше Императорское Величество должны отрубить ему голову.

– Ну так отрубите! – разгневался император.

Ну и отрубили. Тут и сказке конец.

Там где все

станислав мисаковский

Там где все –
нет никого

в толпе
голос человека умирает
мудрость теряет смысл
выдержка
ничего не стоит

толпы кротки
как стада овечек
их приручают
ими управляют

но всё же лучше
без провокаций –
а вдруг толпа захлебнётся
собственной кровью

Передо мной стоял человек

богдан лёбль

Передо мной стоял человек с измождённым лицом
в глазах у него я видел отражение другого человека
розовый стебель шеи
вырастал из белого воротничка
лоб украшала надпись
УСПЕХ

передо мной стоял человек
у него на лбу была надпись
ОТЧАЯНИЕ

я сунул руку в карман
холод пистолета выровнял ритм моего сердца

я сказал: ты встал у меня на пути
он сказал: это ты встал у меня на пути
я сказал: я не виноват что мне повезло
он сказал: я не виноват что мне не повезло
я сказал: я тебя убью
и ты не будешь больше голодать
не будешь дрожать по ночам
в страхе перед завтрашним днём
он сказал: стреляй
если хватит патронов для моих детей и жены
и для наших стариков-родителей

Белый варвар

барбара бяловонс

Белый варвар
подкован на все четыре копыта,
но при этом хромает от лжи.
Чтоб не упасть, он опирается на очередной обман.
Перспектива брюха – его дорожный указатель.
Время он измеряет пивными кружками.

У соплеменников кровь прогоркла
от погони за собственным хвостом в клетке мысли.
И вот он пускает им кровь,
кулаком подтверждая своё превосходство.

Он веками боролся за эту кость –
теперь она у него в руках.

Ночь в больнице

анджей бискупский

вижу
ко мне люди не приходят

как же так
наверно умирают

знаю
умирают – и не лгу им

видно
дело дрянь раз не приходят

Регги для Боба Марли

тадеуш хентковский

Да будет мне земля бутылкой
да будет тебе земля каплей сна

послушай Боб проснись старина
моя ванна зелёным шампанским полна

одному мне не выпить
вставай старина

Да будет мне земля головкой мака
да будет тебе земля струной из света

послушай Боб ведь ты не ангел
не по тебе тоскует небо
открой глаза старина

мне не на что купить твою последнюю пластинку
вставай ты должен мне сыграть
здесь только мы я и жена
всех остальных я разогнал
не бойся ни ментов ни вышибал
мы здесь одни

Да будет мне земля небом
да будет небо тебе землёй.

Война за сытость

анджей брыхт

пароксизм гнева
прорывает хрупкую сеть
краденых идей
затягивая горизонт
нежной
плёнкой огня

обжигаясь
ты пробуешь
включить
аварийную систему защиты

и тогда
за то что ты нарушил
ход
большого дела
у тебя отнимают
твоё смешное маленькое
пространство
свет
мысль

ТЫ ДАВНО ОБЕЩАЛ НАМ ЭТО

Миго Балинский Мисаковский Заневский Навроцкий Земянин Лец Бжостовская Глюзинский Пасерб Патей-Грабовская Мендзыжецкий Бурса Бардиевский Долятковский Т.Яструн Ружевич Вощинин Важеха Найвер Шляга Баран Гроховяк Виткевич Чешко Крыницкий Обертынская Бялошевский Новаковский Липская Ворошильский Гайцы Сарна Пуу Фицовский Франчак Розенштейн Яворский Казанецкий Бурыла Иллакович Кубяк Себыла

* * *

александр миго

я сказал я убью эту птицу
мне сказали убей её
я сказал ей-богу я сделаю это
мне сказали действуй мы ждём
я сказал у меня нет другого выхода
мне сказали у тебя его действительно нет
я сказал но должен ли я её убивать
мне сказали да теперь ты должен
ты давно обещал нам это

Иллюзии

станислав балинский

Когда закат течёт в моё окно
И гасит неба свет, и лампу зажигает,
Любви на миг очнуться суждено
И прошептать: я улетаю.

Когда мелодия бежит от жизни прочь,
Закат бежит от ночи и, склоняясь
Ко мне, надежду отражает ночь
И шепчет мне: я угасаю.

Застигнут у окна в тот мёртвый миг,
Страницу дня я к ночи обращаю.
До света, говорю, вернусь от книг.
Но я не возвращаюсь.

Безумцы

станислав мисаковский

Распространённое мнение, будто безумцы обделены здравым смыслом, не имеет под собой ни малейшего основания. Безумцы лишь применяют иную тактику, особенно когда хотят подчинить себе других.

То, что дозволено им, нормальному человеку запрещают закон, вера, совесть. Безумцы не вступают в полемику, не ищут компромиссов. Они идут ва-банк.

Оттого и побеждают.

Посмотрите-ка вокруг – сами убедитесь.

Безумие

анджей заневский

Безумие незаметно,
пока дело не дойдёт до вспышки.

Безумие – словно огонь,
дремлющий в скалах.

Безумие незримо.
Непредсказуемо.

Ты и не подозревал о нём,
хотя долго смотрел в эти глаза,
веря, что они говорят правду.

Но только пустой смех и ненависть
таились в глазницах.

катастрофа

станислав навроцкий

в комнате перепаханной презрением
ребёнок
захлёбываясь плачем звал маму

под деревом победоносно-бесплодным
женщина признавалась в любви
могиле

в притворе
старушка цеплялась за ноги Христовы
и то и дело кричала:
не отпускай нам наших вин
если отпустишь и тем кто виновен...

где-то ещё
чиновник барахтался
в луже параграфов

и только безумец
заранее собирал камни
для нового сумасшедшего дома

Чиновник

адам земянин

встретил я чиновника
того ещё чинодрала
каждый ход у него был просчитан
на конторских счётах

монументально высился над столом
бюст
отлитый в пиджачной бронзе

он говорил не надо бы
лучше бы в этой графе
на это всегда иначе
тем более что в любом случае

вот так мы и беседовали
и сидел я дурак дураком
как на уроке китайской грамоты

Пределы компетенции

станислав ежи лец

Тут кто-то крикнул: «Что-то тут не так!»
«Кому там что не так?» – власть занесла кулак.

В их мире

янина бжостовская

В их мире правды нет.
Когда ты идёшь вместе с ними,
даже синее небо
затянуто ложью...

Они улыбаются –
но ты им не верь.
Их плач
всегда фальшив.

Они грабят тебя,
притворяясь добряками.
Отрекаются, глазом не моргнув,
клянутся –
чтоб грабить ещё и ещё...

Где чуют прибыль,
там, приторно-угодливые,
прикидываются друзьями.

Но именно тогда,
когда ты им поверишь,
ты потеряешь всё.

Зуб

томаш глюзинский

нагнувшись
чтобы поднять с земли
свой первый выбитый
зуб
    я понял

моя прямая осанка –
лишь очередная
                неуклюжая
метафора спецов
от эволюции
                этих авангардистов
научного понимания
мира

разрешение на боль

януш станислав пасерб

ты можешь существовать
но тебе не позволено жить

жалко что ты безногий
однако не вздумай хромать

разрешено иметь сердце
но только не смей любить

В саду

алиция патей-грабовская

В саду моём цветут не розы
– змеи

в саду моём цветут не деревья
– стальные прутья

А садовник как ни в чём не бывало
помахивает серебряной лейкой
он не видит что льётся кровь
– ослеп
почуяв
запах
весны

Тень

артур мендзыжецкий

Лёгким шагом догоняют
Лиц не видно – лишь движенья
И кинжалами пронзают
Тихий вздох прозрачной тени

Тонет лето в знойной гари
Солнце – тусклое от дыма
Труп лежит на тротуаре
Тенью воздуха незримой

Шахматы

анджей бурса

Мой знакомый, тупой и злобный, как сотня мулов, приносит стальную шахматную доску и говорит:

– Сыграем?

Ха-ха, знаем мы эти штуки. Во время игры мои фигуры раскалятся добела. Уже на третьем ходу они будут шипеть, обугливая кожу. Но я играю, конечно, я играю. Шах, защита, шах. Теряю двух коней и ладью, пальцы дымят, как фабрика. Пытаюсь подвинуть пешку ногтем, но, встретив иронический взгляд партнёра, бросаю это занятие. Впрочем, партнёр великодушен.

– Ты потеряешь ферзя, – предупреждает он, – сделай другой ход. – Это только усиливает мои страдания.

Когда он берёт мою вторую ладью, мне хочется сдаться, прекратить эту идиотскую пытку. Но он раскрылся. Скривившись от боли, я снова делаю неверный ход.

– Хи-хи, – ржёт мой тупой знакомый, – всё как в жизни. – На лучшую шутку он не способен, это эндшпиль. Последним ожогом сдвигаю короля в позицию неизбежного мата.

Мой знакомый ржёт и смешивает фигуры.

Тогда я требую: – А теперь реванш.

Снежный ком

хенрик бардиевский

Вокруг белым-бело. Всё абсолютно спокойно. Вот только этот снежный ком, что катится от горизонта прямо на меня, – только он меня тревожит.

Этот шар всё больше: с каждым оборотом он приближается, неотвратимо обрастая свежим снегом. Когда докатится, будет ростом с гору. Лучше с ним повстречаться, пока он ещё не так велик.

Я выхожу навстречу шару, и мы сталкиваемся на пологом склоне, который для меня удобней, чем для него. В гору шар катится медленней, тяжело ему – ничего тут странного нет. Обхожу его кругом. Красивый шар, а сзади человек – тот, кто его толкает.

– Добрый день, – сказал я.

Он ничего не ответил, только подвинулся, чтоб я мог пристроиться рядом. В самом деле, вдвоём было легче.

– Вы далеко? – спросил я.

Он указал рукой вперёд. Довольно долго мы катили шар в молчании. Время от времени человек доставал компас и корректировал направление. Это очень меня успокаивало: значит, у нас была ясная цель.

Однако примерно через час я начал нервничать.

– Прошу прощения, – заметил я, – шар всё растёт, а мы – какие были, такие и есть... Тут что-то не так.

– Всё так, – ответил он. – Зато нас стало больше. Я был один. Теперь нас двое – глядишь, и другие присоединятся. Можно расти, а можно множиться. Кто не растёт – пусть хотя бы множится...

Я признал его правоту, и мы покатили шар дальше. Шар возвышался над нами такой громадой, что мне стало страшно. Кто может поручиться, что в какой-то момент он не оторвётся от нас и не покатится сам? Разве это не опасно?

Так я подумал, но тут же успокоился. С людьми бывает всякое, но природа всегда разумна. За каким-нибудь бугорком нас ждёт весна. А там и лето!

Так что – всё в порядке.

* * *

анджей заневский

Ты заблудился в Непредвиденном Городе.
Время позднее. А такси здесь нет. Ты не знаешь,
как попасть на вокзал, не знаешь даже –
в какую сторону идти.

Страшно идти через мост ночи.
Ты боишься перекрёстка.
Боишься голых деревьев
на заснеженном сквере...

И вдруг из-за угла – голоса! Беспечный
разговор на улочке поздних страхов!
На тебя с доброжелательным любопытством
взирают двое полицейских...

Счастливый, ты спрашиваешь дорогу, а они,
улыбаясь, достают револьверы и
стреляют
прямо тебе в лицо.

* * *

здислав доляткoвский

Добрые люди подарили мне агнца. Я прижал его к себе, как живой символ добра и мира, и вверил заботам пастырей.

Сев за братский пир, я спросил: где мой агнец?

Мне ответили: вот он, на блюде, мы зарезали его в твою честь.

Правосудие

томаш яструн

Убийцы обвиняют
Они подолгу глаголят мучая всех
Исчерпывающими показаниями

Убийцы дают говорить только убийцам
А мы приговорённые к молчанию
Дырявим словами тишину

Убийцы плачут над судьбой убийц
Их умиляет запах крови
И запах пота палачей

Приговор всё же будет вынесен
Чтобы насытить справедливость

И перерезать ей горло
Когда она – обожравшись – уснёт

Человеку

станислав ежи лец

Ты не один. Погляди: за углом
ждёт тебя ближний. В руке его – лом.

Меня настигли собаки

станислав мисаковский

Меня настигли собаки. Набросились, злобно лая, вцепились в полы плаща. Самый свирепый пес прыгнул на грудь, стараясь добраться до горла.

Стоявшие рядом люди равнодушно взирали на происходящее.

– Спасите! – кричал я, но лица их были бесстрастны.

Собаки содрали с меня остатки одежды, принялись рвать тело. Когда я без сил рухнул наземь, они неожиданно потеряли ко мне всякий интерес и яростно накинулись на стоявших рядом.

Вскоре, приоткрыв веки, я увидел, что всё пространство вокруг вымощено лежащими вповалку людьми.

«Эти бестии, – понял я, – вовсе не жаждут крови. Всё, что им нужно, – наша унизительная покорность».

Они

артур мендзыжецкий

Только не думай что это твой характер им не по нраву
Твоя слабость или хорошее настроение
Что им не нравится твой критический ум
Твоя упрямая вера

Или возвышенный полёт твоей непокорной души
Или твоя поглощенность любовью

Пора понять что ты им не нравишься весь
Весь как есть что бы ты ни говорил и ни делал
И не мне тебе объяснять
Как черна их ядовитая ненависть
И кто они – эти убийцы Бога
И могильщики народов

Сердце

тадеуш ружевич

Я видел повара специалиста
засунув руку
в пасть
он сквозь дыхательное горло
проникал
во внутренности
овцы
там в живом геле
нащупывал
сердце
и стиснув пальцами
вырывал его
одним движением
да
это был спсциалист

Ближайшее зло

анджей заневский

Хочешь познать Зло? Придётся участвовать в нём.
Хочешь познать Зло? Ходи по его улицам.
Хочешь познать Зло? Говори на его языке.

И ты узнаешь, что такое Зло:
оно могло быть тобой – ведь ты не умел быть против,
не боролся, не протестовал,
не мог, не хотел, боялся... подчинился.

Привычное,
пленительное зло
в душном гетто умирающих мыслей.

Ты будешь сам себе Хароном.

Лис

станислав мисаковский

Хитрость лиса известна всем: он может вкрасться в жизнь так незаметно, что ты не успеешь проснуться. Каждый день от кого-то из нас остаётся кучка перьев. Однажды я решил подстеречь вора. Притаившись в засаде, я всю ночь смотрел ему в глаза. Они были так прекрасны, что когда наступило утро, я не заметил восхода солнца. На другую ночь меня очаровала его математически чёткая поступь, а на третью мы уже охотились вместе.

Тем временем мои друзья изрядно обросли пёрышками.

Лесоповал

ежи вощинин

Стук спотыкался об эхо на рассветном морозе крепком
И отдавался в тайге, угасая где-то над нами.
С вершин и веток дрожащих снег опадал пластами,
Железо разило деревья, летели светлые щепки.

В ритме сухом и быстром пилы визгливо запели,
Как сойки, кричащие осенью средь омертвевших листьев,
Качнулась сосна подрубленная и, резко верхушкой свистнув,
Обрушилась наземь взрывом снежной метели.

Дым от костров в небо тяжёлой лавиной валит,
Пляшет весёлое пламя на ветвях суковатых,
Отогревают спины в дырявых бушлатах
Люди, которые вкалывают на лесоповале.

Охранник курит махорку; как журавль, осторожный,
Бдительно водит штыком, счёт бригаде ведя несложный.

Две строфы о свободе

анджей важеха

Выхода нет:
за свободу
приходится платить свободой.

Знать бы ещё –
кому?

О времени

станислав ежи лец

Нищенский посох, тюремный засов –
стрелки одних часов.

Циклы развития одного насекомого

эва найвер

Сначала продавцы идеологий:
одни твердят про то, как уничтожить мир,
другие – как его спасти.

Затем продавцы оружия:
одни вооружают мир против мира,
другие – вооружают мир для защиты мира.

Потом – через энное количество времени –
продавцы цемента, арматуры, стекла,
следом продавцы шкафов, кроватей, постельного белья,
тут же торговцы экстазом и наслаждениями,
а после опять продавцы идеологий
и продавцы оружия,
затем разборка руин и ассенизация.

Много свободного пространства.
И – следующий цикл.

Из уст в уста

тадеуш ружевич

идея

имеет язык
который прекрасен и лжив
как змея
в раю

из уст философа
идея выходит чистой
она далека от «действительности»
как душа от тела

вот тут-то её
и пробует на вкус
политик
деятель

он её пережевывает
и выплёвывает
на головы гражданам

идея растёт у всех на устах

из уст политика
её выхватывает журналюга
и приправив слюнями
хамством
провокацией
выделяет через органы
«массовой коммуникации»

идея падает на брусчатку
выходит на улицу
ее шатает влево-вправо
как пьяную шлюху

она переходит
из рук в руки
на глазах онемевшего мира
превращается
в орудие преступления

а что же философ

он молчит
уходит
не оглядываясь назад

будто не слыша слов:

«Не то, что входит в уста,
делает человека нечистым,
но то, что из уст исходит,
делает его нечистым...»

Волк – об идее

кристина шляга

Те кто избавился от навязчивой совести
они-то и создали
идею

В силки всемогущей идеи
поработившей землю
они поймали человека

Идею
человек уничтожить не в силах
Её победит только новая идея

Гонка

юзеф баран

глупость
умножается тысячекратно
распространяется со скоростью света

мчится всё быстрей
по цветным автострадам экранов
бегло владеет всеми языками
её всюду сеют газетные передовицы
она пустила корни даже на высочайших
вершинах мудрости

в отличие от мудрости
глупость понятна с первого слова
в отличие от мудрости
она на устах и глазах всего мира
у неё рот до ушей и райские перспективы
на олимпиадах глупости безумствуют стадионы

даю себя обойти очередным счастливцам
а они всё не верят когда я уверяю
что в гонке глупости согласен
быть последним

Под зелёным древом жизни

юзеф баран

воспой вечнозелёное
древо жизни
волнуемое воображением
под ним как прежде ева искушает адама
ароматным яблоком земли

не подходи слишком близко
к стерильному логову идеологов
которые своим бредом
пытаются перекрыть нам доступ
к сути вещей

реальность
всё равно заполнит
поры этих рыхлых идей
и с грохотом их расколет –
как семечко яблони угнездившееся
в трещине бетона

Так

станислав ежи лец

Сначала кверху нос, а после шею гнут –
так жизни правоту людишки признают.

Куда

томаш глюзинский

ну ладно значит теперь мы знаем но
говоря о сатрапе о ком ты думаешь
профессор кому подмигиваешь с кем
делишься тайной кому проскрипел ты на
ухо свои мрачные откровения на кого все
шишки на чью долю все бреши в колючей
проволоке к кому твоя речь о
слепцах ловкое подстрекательство

может лучше запакуем аргументы
и поедем на место сами разберёмся
раз уж мы знаем топографию
профессор

Во сне

станислав гроховяк

Я был арестован ночью Именно так
Я слышал
Поступают люди с профилем топора
Ещё они любят стучать по столам
И шкафам
Чтобы и после их ухода
По древесным кольцам обезумев неслись короеды

Потом удар в голову
И вопрос о моих пристрастиях в хореографии
Ещё
Удар в голову и вопрос о вкусе черники
И снова
Удар в голову и –
Ничего

Меня хорошенько взболтали
Разлили по бутылкам
Закупорили рот
Откупорили зад

Когда я вернулся домой
Я был мелкой улыбчивой вошью

На непривычно седых
Ножках – ниточках

Ломка лица

станислав мисаковский

Ломка лица особого труда не составляет. Под каблуком овал лица деформируется, уши и нос расплющиваются, язык затыкает рот, словно кляп.

Вот только с глазами хлопот не оберёшься: даже растоптанные, они всё ещё светятся. Хороший эффект даёт известь. Особенно негашёная.

Пожизненное заключение

станислав мисаковский

Разведка сработала молниеносно. Мои преступные замыслы были разоблачены прежде, чем они у меня возникли.

Фемида раздела меня донага, избавив от всех сомнений, – я был признан виновным.

Приговор к пожизненному заключению был принят мною безропотно. Ведь на свободе я и в самом деле мог бы совершить что-нибудь дурное.

Лошадь

анджей бурса

Случалось ли вам, уважаемые господа, видеть лошадь, неподвижно стоящую на току, окружённом пустыми конюшнями и хозяйственными строениями? Такая лошадь, вкопанная в землю, не имеет никакой тягловой ценности, она ни на что не годна. Выставленная на мороз, дождь и зной, на съедение жукам и мухам, избиваемая кнутом, она страдает. В этом её функция.

Шкура лошади, испещрённая ожогами и потёками, – настоящая карта боли, полная географических неожиданностей и парадоксов. Например, ужасный на вид огромный ожог – это всего лишь онемевший, бесчувственный лоскут кожи, а незаметная на первый взгляд ранка в области паха таит в себе богатейшие запасы боли.

Поскольку, как мы уже сказали, ноги лошади вкопаны в землю, она не в состоянии двинуться с места, а все усилия, которые она к этому прилагает под ударами кнута, лишь умножают её мучения. Таким образом, лошадь – аккумулятор страдания. Она автоматически, собственными усилиями подзаряжается болью. Запасы боли у неё так велики, что хватило бы на многие семьи.

Но покажите мне сегодня, уважаемые господа, таких, кто искал бы страданий.

Несмотря ни на что лошадь необходима, и трудно было бы вообразить привычный ход реальности без неё.

Живопись сумасшедшего* [I]

анджей бурса

Со мной разговаривают учтиво
Ага теперь со мной разговаривают учтиво
А раньше каждый день
Вгрызался в меня механическим буравом

Моё молодое тело кровь клетки
Развивались хотели расти
Но над ними совершали особые ритуалы
Заключая в сосуды весьма причудливой формы

Говорят людей можно производить синтетически
Не знаю
Я сделан из кожи волос и крови
А был манекеном кнопкой автомата номером в картотеке

Ага теперь со мной разговаривают учтиво
Значит скоро будут бить
Я видел как избивают людей, панове

Дрожь ползёт по спине холодной гадюкой
Словно краска на рукавах пятна крови
Мне не раз доводилось видеть такие штуки

Но я наконец ускользнул от их органов чувств
Дрессированных безнадёжно лживых
Я чист и лёгок я почти лечу
Так что теперь со мной разговаривают учтиво

* Фрагмент.

О чистоте

станислав ежи лец

Пусть подонок
былой чистотой не кичится!
Всякая девка
была когда-то девицей.

* * *

станислав игнаций виткевич

Одинокая, жуткая, заблудшая быль
В беззвёздном просторе кружит,
Майская травка зеленеет – ужас
(Муки совести стряхни, как пыль).
На мёртвом лице улыбка преисподней –
Страх разъярённых солнцем мотыльков,
И кажется: всё кончено во веки веков,
Последняя точка едва горит сегодня.
Печаль бездонна и безысходна,
Зато раздвигает внутренние шторы –
Показывает смысл жизни, который
Убит Небытия улыбкой холодной.

Прошлое, жертва моих злодеяний,
Факелом чёрным сияет.
Сквозь зубы смеются трупы –
Напрасно пыжатся, глупые.

Разговор с профессором

богдан чешко

Я: – Да... да, господин профессор, вы видите меня в ситуации, которую я бы назвал ситуацией навырост, но и я порой, признаться, с печалью смотрю на вас, обременённого столькими обязанностями, которые, хотя и почётны, и заслуженны, тем не менее ничего общего не имеют с вашей профессией. Помню, в сорок седьмом году я побывал у вас в Институте, которым вы тогда руководили. Вы расхаживали по большому жёлтому зданию, залитому солнцем и оплетённому диким виноградом. Вы кружили среди прозрачных

стеклянных сосудов, наполненных чем-то вроде табачного дыма. Это была нить, её пряли крохотные паучки. Вы ловили их маленькой палочкой. Помню, как быстро вы её вертели в руках, не давая паучкам выпустить слишком длинную нитку, чтобы они не могли сбежать.

До чего же хитроумные задачки вы им задавали. Со своей стеклянной палочкой, со всеми этими склянками, полными будоражащего содержимого, с геометрическими проблемами стереометрического порядка, ставившими в тупик психику ничтожных паучков, вы поистине были похожи на чародея. Наверно, потому я и запомнил всё так отчётливо – а был я тогда репортёром в одной газете, – что подумал: «Хотел бы я стать учеником этого чародея». С тех пор, как только по радио объявляют популярное скерцо Дюка, я тут же по прямой аналогии вспоминаю вас во чреве вашего Института. Не могу избавиться от этой ассоциации, хотя, странное дело, иногда её вытесняет другая. Мне вспоминается человек, который цветным мелом рисовал силуэты тонущих кораблей на тротуаре Оксфорд-стрит в Лондоне... Как знаток психологии животных, вы, вероятно, могли бы это объяснить.

Профессор: – Вы вспомнили о временах, давно прошедших. По сравнению с теми экспериментами мы ушли далеко вперёд, исследования стали гораздо интересней и многообразней... Знаете ли вы, например, что животное можно убить с помощью звука?

Мы помещаем крысу под стеклянный колпак и подаём ей сигнал электрическим звонком, потом прерываем сигнал и наступает тишина. Звуковой импульс и тишина... импульс и тишина...

Самое важное при этом – не продолжительность импульса, а длительность паузы. Не звук, а момент ожидания звука. Звук – это что-то вроде освобождения, тишина же губительна, в ней источник смертельного яда.

Если точно угадать необходимую частоту импульса, вернее – необходимый момент тишины, животное подыхает от кровоизлияния в мозг.

Послесловие.

Немногое тут может добавить поэт. История эта вспомнилась мне во времена, когда я понял, что некоторые доносящиеся до меня звуки имеют тот же смысл, более того – то же самое назначение, что и сигналы, подаваемые крысам воспитанниками профессора. Этими подлинными учениками чародея. Я стал бояться тишины. Ведь не исключена возможность (и это подтверждено успешными экспериментами), что те, кто подаёт сигналы, точно угадают необходимый момент тишины и убьют меня, сами о том не зная, да и не слишком переживая по этому поводу.

Акт рождения

рышард крыницкий

Рождённому в товарняке
мне досталось место
смерти

культ личности
мер
и весов

войсковых частей

прогрессивный паралич
парализующий прогресс

ежедневно слушаю
последние известия

живу
по месту смерти

Последняя осень
(1939)

беата обертынская

...Ночь нарастает с востока, большая, косматая.
Ночь скоро задушит на краю света остаток
зарева, что в почерневших кронах деревьев тлеет.

Парк уснул, погружаясь в землёй притянутый холод,
в сон, над которым воронья стража темнеет –
комьями грязи облеплены ветви голые...

Парк уснул, как усталый узник приговорённый,
что наяву о смерти думать ещё не смеет,
хотя его сон заранее – смерти бессильный брат...

Жар последнего зарева в теснине стволов зажат,
ночь нарастает с востока...

мирон бялошевский

Взгляд
сквозь решётку

ёзды
уна

Поправка к закону сохранения материи

станислав ежи лец

Тут убудет – там прибудет.
Исчезают только люди.

Город

марек новаковский

Над городом надругались. И хотя ночью тщательно стёрли, замели следы дня, ядовитый смрад газа никуда не исчез. Он въелся в воздух, затаился в тупиках, подворотнях и переулках, заполнил дворы. Окружил со всех сторон, как невидимый враг. Люди плачут. Достают платки, утирают слёзы. Но слёзы на глазах – вовсе не признак уныния или бессилия.

Потому что едва только люди услышат мерный топот сапог, едва увидят военный или милицейский патруль – они тут же поднимают головы, а в их глазах появляется жёсткий, стальной блеск.

Люди и надсмотрщики

марек новаковский

Серые лица униженных. Народ, как прежде, гнёт спину. Трещат декальцинированные кости. Из репродукторов рвутся слова преданности, готовности, воодушевления. Жестяные раструбы снова стали гласом народа. Народ безмолвствует. Над ним стоят надсмотрщики. Их суровые взгляды надменны, полны спеси. Бдительны пастыри стада своего.

Но настанет час! Срастутся переломанные хребты. Растоптанных пронзит заряд нечеловеческой энергии. И покатится лавина. Этого не в силах предотвратить самый бдительный и хитрый надсмотрщик. Вырвется солнце из когтей свинцового неба.

Люди будут вешать надсмотрщиков!

Под бременем совести

марек новаковский

Во рту у них полно издохших слов. Слова эти пухнут в них и смердят. Слова служили им долгие годы. Злодейство они называли благодеянием. Ночь – днём. Тучи – безоблачным небом.

Совесть стала для власти обузой. Власть усердно несёт это бремя. Ещё не высохла кровь на мостовой, ещё не были набиты до отказа тюрьмы, а они уже твердили: всё к лучшему. Ещё слышны были выстрелы и стоны, а они, положа руку на сердце, объявили себя гласом народа, понявшего суровую историческую необходимость. Изредка их можно встретить среди людей. Они проскальзывают стороной, как зачумлённые. Инстинктивно закрыв лицо, пугливо поджав хвост. Ожидая брани, плевков, пощёчин.

Сегодня снова настал для них день исполнения долга. Они выползают из нор и, с прежним рвением именуя благодеяние злодейством, день – ночью, силятся затянуть погожее небо тучами лживых, ядовитых слов.

Под бременем совести они одряхлели, согнулись. А смены им всё нет как нет. Ну, кто присоединится к их компании?

Пожиратель падали

марек новаковский

Власть вцеплась в народ мёртвой хваткой и душит его. Тюрьмы переполнены. В судах всё новые непокорные ждут своей участи. Патрули прочёсывают улицы городов и городишек. Сияет на солнце хорошо смазанное оружие. Солнце выхватывает из мрака усталые лица униженных.

И только один человек смеётся. Сытым весёлым смехом. Он заработал много денег. Снова, как встарь, деньги потоком хлынули в его мошну. И что там тюрьмы, утраченная свобода, заткнутые кляпами рты тех, кто говорил правду! Он не нарадуется. Для него время рабства – река, полная рыбы. Лицо его лоснится от жира. Утонули в жиру юркие звериные глазки. Гиена во плоти человеческой.

Научись узнавать её безошибочно! Она жиреет за наш счёт. Помни об этом!

Счёт

марек новаковский

Немного времени уже у нас осталось. Что было – ушло на бесплодные ожидания, надежды, разочарования.

Людей убивали, потом – мёртвых – почтительно реабилитировали. Нам обещали мир и счастье, а дали вечный страх. Страх затаился в углах наших жилищ, просочился в души.

Иногда они каялись, страстно клялись, что больше никогда... Мы распрямляли согбенные спины, вновь устремляли взгляды в небо. Вдыхали воздух полной грудью. И вдруг опять словно что-то в нас обрывалось. Мы ходили, тяжко свесив головы. На нас давил низкий тюремный потолок.

Многие погибли до срока. Ведь все эти годы нам отравляли тела и души. Учили подлости, предательству, безумию. Искореняли достоинство, отвагу и честь.

Мы защищались изо всех сил. Мы продолжаем сопротивляться. Но у нас уже выпадают зубы, седеют волосы, сердце начинает барахлить, мутится взгляд. Пора готовиться к концу земного странствия. Мы так ничего и не достигли. В муках прошла наша жизнь. А они всё живут.

Так кто же, кто же будет их судить?

Нечистая совесть

марек новаковский

Птица упала на землю. С перебитым крылом. Люди кинулись на неё. Птица пыталась защититься здоровым крылом и клювом. Добив её, они переглянулись. Каждый во всём обвинил другого. В конце концов они в молчании разбрелись.

Руки

эва липская

Те
что мы подаем
в отставку.

Те
что нам себя выдают
за руки.

Те
которыми мы хватаемся
за голову.

Те
что развязывают нам руки
при выборе решений.

Руки
ускользающие
из рук.

Руки
на которые можно положиться
как на тех кто полёг.

Складной нож

адам земянин

У моего ножа
Два острых языка
И проницательный штопор
Никто из них
Особо не выбирает выражений

Мой нож
Дерзко поблескивает на солнце
Иной раз так и влез бы под ребро
Да я успел его вышколить

Теперь он смотрит на людей
С прищуром
Оскалив оба лезвия
(У штопора чуть-чуть иное
Чувство юмора)

Когда-то
Мой нож бунтовал
Но я сумел убедить его
Что он создан для хлеба сыра
И чайной колбасы

Когда я точу его
На речном камушке

Мы толкуем с ним по душам
Как брат с братом

* * *

анджей заневский

Ты придёшь в кассу за деньгами.

Кассирша пересчитает и положит перед тобой
пачку банкнот.

И тогда ты заметишь, что это ровно нарезанные
лоскуты человеческой кожи, на которых оттиснуты
номиналы и печать банка.

Похоже, страну оккупировали кровопийцы,
но жить надо.

Ты притворишься, что не видишь перемен,
ничего не понимаешь, и с улыбкой
спрячешь деньги в карман.

Фашистские государства

виктор ворошильский

Вскоре после войны 1914-1918 в Европе возникли первые
фашистские государства В этих государствах
вовремя вставало и заходило солнце озаряя
крыши домов и зелёные склоны холмов Скот
мирно ревел в хлевах Матери на рассвете
будили детей поцелуем в лоб Отцы возвращались с работы
с приятной усталостью в теле вдыхали
дым домашнего очага а после обеда
дремали в кресле что-нибудь мастерили
самозабвенно музицировали Дети
играли в чижика в классы в прятки У маленьких
девочек вырастали груди девочки незаметно
превращались в девушек полных шёпота
шороха как деревья в лесу девушки хихикали отчего
у мальчиков пересыхало в горле В летние вечера

на освещённых занавесках любовно сходились
расходились и вновь сходились тени Зимой
влюблённые в заснеженных садах ловили друг у друга пар изо ртов
ещё можно вспомнить как коты дугой выгибали спины воробьи
порхали над мостовой о старушках на завалинке о цветах
срезанных и в горшочках о сиделках
подающих больным термометры о людях с мётлами
подметающих улицы О рассохшейся
колоде о влажной борозде в поле о ветре в зарослях
И ещё очень много
можно припомнить всякой всячины свидетельствующей о том
что поскольку не было в небе траурных знаков комет
вода не превращалась в кровь не пылала купина поскольку
жизнь шла обычным своим чередом так что и вправду
в этих государствах
много было людей обыкновенных и добрых которые
ни о чём знать не знали которым
не приходило в голову которые
не чувствовали что и они виноваты и
не имели с этим ничего общего и даже
не читали газет или читали невнимательно занятые
мыслями о том что надо бы залатать крышу
отдать в ремонт ботинки объясниться в любви выпить
кружку пива смешать краски поставить свечку и эти люди
в самом деле не замечали страха в глазах соседа
дрожи в голосе того кто спрашивал дорогу не
видели разницы не
слышали голоса в себе а если и
догадывались о чём-то ничего не могли поделать и утешали себя
говоря Мы по крайней мере
ничего дурного не делаем живём как жили всегда
Что было сущей правдой

И тем не менее это были
фашистские государства

* * *

тадеуш гайцы

И вот я здесь – и всё нипочём мне,
я крупней стрекозы, но до чего ничтожен
на фоне струйки дыма, как спичка тонкой,
над моим малиновым домом.

Солнце за мной, убогим, гонится по пятам,
неотступно и верно,
а небеса, как открытое веко,
печально меня искушают: останься!

Порог не пускает из дома – челюсти стиснул:
только тут – заявляет – будь,
как я, мёртвым и неказистым,
хотя во мне тоже есть – и света, и ночи суть;

тебе не справиться с дерзким делом,
слышишь: сердце ёкает злостно,
останься – пусть празднует тело,
хоть у грома и кровь на дёснах,

и других он упрямо баюкает,
но смотри – вон забрезжил свет
над планеткой, такой малюсенькой,
колеблемой сонным ветром.

Месяц белым крылом ударяет,
дом пресветлый на крутизне:
твоя родина – сон без края…
Тяжело умирать во сне.

Прежде чем уйти

тадеуш гайцы

Страна моя вся седая,
затянута мглой осенней,
но прежде чем попрощаюсь,
махнув рукой из траншеи,
но прежде чем соглашусь на
венец из липы терновой
и в безоружное сердце
тьма мне вонзится снова, –
пусть молнии плач беззвучный
в вечность меня призовёт,
я пальмой овею тучи,
я лбом пробуравлю лёд.

По мёртвым костям шагая,
стужу с огнём смешаю
на зависть звезде, что пылает
над горящей моей головой,

верну я любовь и юность
невинным снам человека,
над которым склонились
ангел, ослик и вол.

Как птица в дыму, сквозь пламя
пройду босыми ногами,
чтоб под сгоревшей берёзой
похоронить муравья –
Брошусь ладонями в воду,
чтоб не вспыхнула кожа,
когда под крестом
буду я.

Характеристика

ян владислав сарна

Вообще-то я никого не просил давать мне характеристику, но руководство артели «Фарисей» решило в тот год провести аттестацию сотрудников. Полученную характеристику привожу здесь, как говорят учёные, ин экстенсо – без каких-либо комментариев:

«Характеризуемый сотрудник Славомир Карский нигде кроме нашей артели не работает и больше ни к чему интереса не питает. Имеет не вполне определённое политическое мировоззрение, его моральный облик также не заслуживает полного одобрения. В работе достиг посредственных результатов, в решающие минуты активности не проявляет. Часто пользуется листками нетрудоспособности, что, между прочим, не лучшим образом характеризует органы здравоохранения. Дисциплинирован слабо, пытается иметь своё мнение, отличное от мнения Дирекции. Деятельность Карского требует чёткой проктологической ориентации и самого пристального надзора. К начальству не подлизывается, не пресмыкается перед ним и не заискивает. Впредь может остаться в занимаемой должности, однако при условии, что им будут выполнены все предписания, содержащиеся в данной характеристике».

Пользуясь правом обжалования характеристики, я ответил нижеследующее:

«С благодарностью принимаю характеристику, выданную мне моим уважаемым руководством. Я благодарен за то, что не освобождён от занимаемой должности, и обязуюсь впредь усердно выполнять все содержащиеся в характеристике предписания. Приложу все усилия к тому, чтобы отныне иметь вполне определённое политическое (??) мировоззрение и такой моральный облик, который заслуживал бы полного одобрения. Обязуюсь проявлять активность в решающие минуты, перестану пользоваться

листками нетрудоспособности, которые мне по недомыслию выдают наивные врачи. Никогда не буду пытаться иметь своё мнение, приму чёткую проктологическую ориентацию и усилю надзор за своим порочным образом мыслей. Буду вечно петлять, как затравленный заяц, заискивать, подлизываться и пресмыкаться – даже если все вокруг будут заслуживать совершенно иного отношения».

Да поможет мне святой Алоизий – покровитель фарисеев.

* * *

анджей заневский

Ты поверишь стальным дверям, патентованным замкам,
уверуешь в шифры и блокировки,
в ключи, которые невозможно подделать.

Ты будешь спокоен и безмятежен, убеждённый в том,
что тебе ничего не грозит в твоём таком современном,
таком защищённом жилище.

Ты уедешь без малейших колебаний,
с улыбкой довольства и гордости.

И тогда явятся воры, ломом поднимут косяк,
вырубят сигнализацию и заберут всю твою уверенность,
выпестованную годами.

Повестка

анджей бурса

Время от времени некоторым мужчинам нашего города приходят повестки, предписывающие явиться в известное место для отсечения кисти правой руки. В такой повестке всего одна фраза, чётко написанная на клочке дешёвой бумаги в клеточку. Под ней какие-то чёрные пятна – то ли чернильные брызги, то ли слабый оттиск печати. Никто из тех, кому пришлось получать повестки, не решился бы с уверенностью утверждать, что это не печать учреждения.

С момента вручения повестки до срока явки, как правило, остаётся двадцать-тридцать дней. Обычно повестку приносят в мае, так что срок приходится на вторую половину июня.

В назначенный день мужчина, под каким-нибудь предлогом выскользнув из дома, направляется по указанному адресу, глубоко засунув сжатую в кулак ладонь правой руки в карман или стиснув её под мышкой. Он входит в низкое, уродливое каменное строение, прилепившееся к зданию Страховой конторы. В конторе на лестнице нередко можно встретить врачей и санитаров, которые сокращают себе путь в табачную лавку, что стоит на углу. На втором этаже в коридоре повестку надо сдать симпатичной девушке. Еще не случалось, чтоб кого-нибудь приняли сразу. Чаще всего девушка просит подателя повестки, чтобы тот был любезен подождать часа два-три или зайти через пару дней. Перед домом разбит густой зеленый сквер, где все посетители ждут своей очереди.

Операция проходит в уютном помещении, немного похожем на кабинет зубного врача. На стенах и на потолке там укреплено оборудование: два десятка тонких стальных пластин с острым краем и несколько мощных ламп. Оперирует дряхлый старец, ему помогает ассистентка лет двадцати с небольшим. Собственно, только она здесь что-то значит. После ампутации кисти руки она с лёгкостью, достойной удивления, останавливает кровь. Клиент почти всегда теряет сознание от боли и просыпается лишь через несколько часов, слегка утомлённый, но уже довольно бодрый и без руки.

Ещё не было случая, чтобы кто-нибудь не явился по повестке.

Только однажды какой-то студент накануне назначенного срока сбежал из города и несколько дней блуждал по окрестным лесам и болотам, пока не сошёл с ума. Его обнаружили в стогу сена и свезли в психиатрическую лечебницу. Он и по сей день там. Сохранил правую руку, но навеки потерял рассудок.

Всё как прежде

анджей заневский

Михаилу Лермонтову

Века проходят, демоны остаются! Кончился
век упырей, но погромы продолжаются...
Новое столетие открывает новая война.
Мы уже научились избегать яда и пламени,
однако привычка жить, понизив голос –
наша вторая натура.
Старые убийцы вымерли, рождаются их последователи,

мы всё так же боимся безлюдных улиц,
тёмных лестниц и незнакомцев,
внезапно выходящих из полумрака... Мы отважны,
неосторожны и неисправимы.

Кончился век упырей, начался век...

Это точно

станислав ежи лец

От цикуты у кого-то
тик проходит и икота.

* * *

аарне пуу

Всё-таки
ты настиг меня
загнал в угол
твой стальной кулак
у меня перед носом
тут я и останусь
а всякую мою попытку к бегству
немедленно пресечёт
точно нацеленный
удар
твоего
сапога

* * *

аарне пуу

Ты
падаль
опять ко мне приходишь
и я уже не знаю
то ли это явь то ли сон

тогда я срываю лохмотья лжи
и встаёт новый день
и я вместе с ним
освобождаюсь
от взглядов твоих
и загребущих
рук

Радость

станислав ежи лец

Ай да радость, вот так штука –
Авель Каина пристукнул!

История*

ежи фицовский

расскажу-ка я тебе историю
пока её от нас не очистили
горячую – об Освенциме
холодную – про Колыму
я расскажу тебе шёпотом
простреленную молчанием
историю не из учебника...
не говори никому

В Освенцимском музее с Фрицем Н.

станислав франчак

Когда мы входили в лагерные ворота
Харон усмехнулся
он-то знал что мы в разных лодках
поплывём на тот берег
к самому корню правды
В камере смерти Фриц Н. вдруг схватил меня за руку
мы оба молча хватали воздух ртом
боясь задохнуться

* Парафраз.

В коридорах мрачных бараков
свидетели с фотографий
пронзали его взглядами
Он умирал и звал отца
замёрзшего где-то под Сталинградом
из барака номер 11 я вынес
его окровавленное тело

Харон молча проверял пропуска

На все четыре стороны

эрна розенштейн

Вам, кому вырвали глаза, кто не может видеть,
у кого перечеркнуты лица
и отняты мысли.
Вам, кто стоит под градом, раздетый до костей,
кому перерезали горло, кто говорить не может.
Вам посылает эти стихи
моя немота.

Государство Платона

вит яворский

Полковники Твоего государства ходят в чёрных рубашках,
Философы Твоего государства измеряют черепа мертвецов,
Промышленники Твоего государства
заполнили жизненное пространство.

Изгнанные из Твоего государства поэты
из пещер вышли к свету,
чтоб рассказать, как выглядит Озеро Памяти,
чтоб описать Аид.

Мою родную речь

веслав казанецкий

Мою родную речь
разобрали по косточкам, прибивают к транспарантам.

Буква «i» – палец с точкой вырванного ногтя.
Буква «b» – профиль измученного лица.
Буква «u» – ноги, отсечённые от туловища.

Буква за буквой повторяется
акт распятия.

Работа как работа:
гвозди во рту, стук молотков, перекуры.
Отравительница-ирония самодовольно сочится
из проницательных глаз Пилата.

Суд поэзии безмолвствует, милая.
Жизнь щедра на смех сквозь слёзы.

Рецензия

томаш глюзинский

прочитано страниц – сто
одиннадцать плюс три
страницы оглавления
издание первое уч.-изд.
листов два печатных семь
с четвертью бумага
верже грамматура
девяносто сдано
в набор подписано
в печать цена десять
злотых printed in
poland замечены
также звёздочки точки
тире что касается
скобок и разрядки об этом
будет особый разговор
господин поэт

Если вернёшься

томаш глюзинский

говори коротко и ясно
пусть слова будут взвешены
сухи и однозначны

изложи суть вопроса
не повышая голоса
дабы никто не усомнился
в том
        какое дело
ты защищаешь

кончив речь
не жди ответа
и не оглядывайся
нет у тебя за спиной никого
кто желал бы тебе добра

если вернёшься к своим
знай
        компромисс достигнут
ведь ты сказал правду
однако тебе дали уйти

с этого надо начать
другого пути
                нет

*** * ***

вацлав бурыла

белые сторонятся чёрных
боятся испачкать руки

чёрные сторонятся белых
боятся испачкать сердце

Тем, кто не знает голода

анджей заневский

Не шути над голодом, которого ты не знал.
Не спорь о голоде, которого тебе не понять.
Если жертвуешь голодным деньги
с благотворительного бала, не удивляйся,
что в душе они плюют на тебя.

Ты думаешь, это голод, а это уже – ненависть.
Сытый, который не накормил голодного, становится
его врагом.

Неужели ты всё ещё не понимаешь, почему
стал объектом
ненависти?

Рыцари

казимера иллакович

А как рыцари скакали на войну,
кони радовались, будто в старину,
друг за дружкой они весело мчали
и подковки золотые теряли.

А как рыцари-то ехали с войны,
все израненные, в терниях стальных,
за возами еле-еле шагали
те же кони, осовев от печали.

Песня о ветке

тадеуш кубяк

Был ветер
сломана ветка
был ветер
ягод не ждите
был ветер
прочь корзины
был ветер
не приходите утром
был ветер
ничто ей не поможет
был ветер
сломана ветка

сломана ветка

Поэты

владислав себыла

Вечерами в мрачных кафе, в синем табачном дыму,
Бредят обманутые поэты, не нужные никому.

Обманули их зимы и вёсны, да и осени, кстати,
И зелёные листья, и зори, и золото волн на закате,

Обманули бури, метели и ревущий ветров поток,
Обманули страданье и жалость – смерть, и любовь, и Бог!

Обманули бетон и железо, самолёты и рухнувший мост,
Острота корабельных винтов и точность вращения звёзд.

Их обмануло сердце (всё прошло – и печаль, и радость),
Обманули паводки гнева, кровь из горла, бьющая водопадом.

Обманули их штурмы и бойни, и болотная гниль траншей,
И хихиканье пуль над трупами молодых здоровых парней.

Обманули учёные, нищие, работяги, вожди и священники,
Крылья ласточек обманули и воробьиные сеймы.

Полюсов промёрзшие глыбы забелили глаза им снегами,
Солнце тропиков изрешетило им глаза золотыми гвоздями.

Как шпики, по асфальтовым улицам снуют они, но пока
Читают у встречных братьев только лживые мысли в зрачках.

Читают печаль фальшивую и счастье, что хуже тоски,
Гнетёт их глухая жалость, гнев сжимает им кулаки.

Только эти антенны слышат ропот неба и туч подголоски,
Вой сирен и на красной стене – свежие брызги извёстки.

Слышат, как муравьиные полчища топчут в лесу траву,
Как солнце лучей гранатами забрасывает мостовую,

Как бурлит океан и воет лес, насквозь ветрами продутый,
Как шахту, шуруя по штрекам, газ наполняет мутный.

Они шёпотом богохульствуют и бормочут молитвы старые,
Тихие, как пруды, жаркие, как пожары.

Поют вместе с западным ветром и колосьями ржи созревающей,
С морем трав, ледоходом на Висле – и яблоней отцветающей.

Знают: слов конопляные нити никогда не достигнут неба,
Бесконечные тихие реки всё затопят – и быль, и небыль.

Знают: вечность слова́ проглотит –
и кощунства, и сладость молитвы,
Все проклятия будут звёздным фиолетовым светом залиты.

Вечерами в кафе золотистых, в тучах табачных где-то
Витают, смеясь, как дети, обманутые поэты.

НА САМОЕ ДНО ТИШИНЫ

Мязговский Ружицкий Глюзинский Ружевич Карасек Куровицкий Навроцкий Мушинский Янта Заневский Лободовский Пётрович Афанасьев Мисаковский Бардиевский Лец Ворошильский К.Яворский Т.Яструн Ольбрыхский Бараньчак Домбровский Гроховяк Мицнер Липская Вархал Галчинский Станик Бурса Сарна Мрожек Бялошевский Земянин Баран Бяловонс Струмилло Мусял Добровольский Яструн Енчмык Рогальский Челеш Мильчевский-Бруно Зонненберг Лёбль Волэк Польковский

Смерть корабля

бронислав мязговский

Всё ниже и ниже
на самое дно тишины
где вечная ночь
без сна

Зрелый плод смерти
Глухо лопнет на дне
как усталое сердце
когда ему не во что верить

Там наверху
разойдутся круги
по стеклянной воде
и траурный дым
растворится в небе

А на зелёном берегу
чьи-то пустые глаза
чьи-то пустые руки
чья-то пустая жизнь

Затмение

томаш ружицкий

Эх, мокрый понедельник, холодный понедельник.
Чуть в горку, по тропинке, на поиски квартиры
куда-то всё уносит внезапное затменье –
небрежное движенье руки над чашкой чайной.

Мы празднуем прощанье с ненужными вещами,
они отяжелели, они вот-вот утонут,
и молят о спасенье все девять телефонов
во всех семи конторах на этажах над нами,

а дальше остаётся – на дно тихонько падать,
пока на тротуарчик не ляжет сизый иней
и не покроют тени трухлявых стен громаду,
пока стальные шторы не спустят в магазине.

За пазухой девицы, что бродит онемев,
ноябрь проиграет язвительной зиме.

За что мы гибнем

томаш глюзинский

о чем мы говорим ребята

теперь когда выживание
дело предрешённое
а всё чего мы жаждем
– превысить средний уровень
метраж ветчинка
сотен пять монет да крест
не серебряный так бронзовый

о чём мы думаем ребята

всё ведь уже сказано обдумано
предвидено и не будет
никаких неожиданностей
а только лучше и лучше
всё больше вещей
всё меньше сомнений

за что мы гибнем ребята

запой холестерин
инфаркт лишь суррогаты
мы ведь отлично знаем:
гибнут только натощак
среди пустых витрин
за свободу и справедливость
на клокочущей яростью улице

Смерть обывателя

тадеуш ружевич

Это не скоропостижная смерть

Не смерть солдата
упавшего в небо лицом
под кулаками пуль

Не смерть крестьянина
вернувшегося в землю
спокойно как к себе домой

Однажды
в какой-то из множества дней
похожих один на другой
как две капли воды
ночью
или средь бела дня
начинается смерть

Это не скоропостижная смерть

Когда ты перестаёшь
любить и ненавидеть
когда открываешь
золотую середину
тогда
начинается смерть

Стихи о полушариях

кшиштоф карасек

Запомните наши лица
мы гниём в тишине как звери

запомните наши глаза руки и рты
вспомните нас
когда уже никто нас не вспомнит

Запомните наши души
отвесные как дым из трубы
запомните нас вечно добывающих огонь
нас немых
которые славят каждый новый день

Запомните вид с вершины
и вид из котлована
руки приросшие к тачкам
и глаза ждущие взрыва
обоих полушарий мозга
унесённого вдруг
в мир иной

Аркадия

ян куровицкий

Я догораю в маленькой стране
В закрытом контейнере для
отходов истории
который негде и незачем опорожнять

Внутри
земля горизонт небо
забытое множеством тварей
что тешат себя надеждой

Простукиваю стенки контейнера
делаю вид что ищу выход

Говорю с обитателями но всех нас
как чёрствую корку покрывает плесень

Иной раз крышку поднимет
в поисках объедков
какой-нибудь бродяга

Посмотрит на нас свысока
равнодушно как Бог
и тут же вновь возвращает во тьму

басня с головой в песке

станислав навроцкий

в стране как пропасть
туман как пена

в стране как пропасть
бешеный вой погружается в сердце
по самую рукоятку

в стране как пропасть
святые паразиты жрут Святыни

в стране как пропасть
любовь как порка
то добродетелью то изменой

в стране как пропасть
я бываю по службе
– можно её купить
за щепотку безумия

мир. версия для начинающих

бартош мушинский

Весь мир опасно
упрощён – он уместился внутри
почти пустой пачки сигарет, внутри
автобуса, который крадёт у тебя
жизнь, очень точно
опаздывая, когда и так нет времени.

Весь мир высвечен
на жемчужном экране: чудесно
мягкие кресла, попкорн, кола,
стерео – все эти маняще чужие
слова, которые ты освоил, и это
чувство движения во тьме стоп-кадра.

Весь мир услышан
в зале ожидания, за несколько минут
до смертельно ненужных событий,

о которых сообщит завтрашняя пресса,
– миру живётся неплохо,

а тебе?

Предостережение

александр янта

глубоководная рыба привыкла
к давлению в сотни атмосфер
и абсолютному мраку

ты не сделаешь её счастливой
если вытащишь из глубин
чтоб она поглядела на мир
который так красив

она ослепнет увидев солнце
она задохнётся без напряжения
и разорванная изнутри
плюхнется кровавым ошмётком
обратно в свою тёмную воду

не соблазняй глубинных созданий
ни сиянием неба ни свободой

* * *

анджей заневский

Ты был псом в своре...
Вышколенным, натасканным,
неутомимым в травле,
упорным в погоне.

Верный охранник,
гроза непокорных.

Но вот ты перестал быть псом
и решил забыть,
кем был.

Превратился в крысу,
в голубя, в галку...

Был ночной бабочкой, змеёй
на шее танцовщицы...
И наконец – стал человеком!

Тогда-то, неожиданно,
посреди белого, сверкающего пляжа
тебя настигла свора, окружила
и напомнила, кто ты такой.

От

войцех пётрович

От «везде» отнято «здесь»
из «всегда» изъято «сейчас»

Из остатков склепали тару
и закинув на горб как дар
строим мосты чтобы скарб пронести
сквозь игольное ушко
которое так узкó

Бестактные максимы

юзеф лободовский

Кто ловко плавает в мутной воде,
а на митингах мечет гром,
кто за букву свободы всегда и везде,
тот у варваров будет рабом.

Кто всюду сеет раздор и обман
на горе другим народам,
тот сам попадётся в тот же капкан,
пожнёт беду и невзгоду.

Кто с палачом торговать готов,
лишь бы пробиться к деньгам
– ибо таков обычай купцов, –
ни за грош будет продан сам.

Кто тупо смотрит на эшафот,
а невинных ведут на плац,
тот сам дорос до петли – вот-вот
чучелом станет, паяц.

Не трагедия – скерцо: за маткой следом
сонный рой залетает в дом,
чтоб верой и правдой служить людоедам
и стать их жирным дерьмом.

Того, кто забыл свои обещанья,
божась и клянясь напоказ,
раздавит удар карающей длани
и ужаса мёртвый глаз.

Кто льстил бесстыдно, а после пре́дал
и за горсть медяков прода́л,
тот смертельным врагам обеспечил победу,
растратив чужой капитал.

Он дукаты считает, по брови в саже,
а вексель крапивой жжёт –
ведь Божий суд не бывает продажен,
правда всегда всплывёт.

Этот мир обречён, поздно бить в литавры,
когда гниль разъедает труп...
На склепе напишут, плюнув на лавры:
«Предатель, к тому ж был глуп!»

Рать василисков уже на подходе,
рассвет полыхает пожаром,
кровавый призрак за окнами бродит:
«Мане, текел, фарес!»

Изумление

ежи афанасьев

Жил однажды некий человек – умел он глазами леса поджигать. И до того у него взор был горящий, что бывало куда ни глянет – тут же всё вспыхивает. Потому-то носил человек очки из особого, огнеупорного камня. Лишь умываясь, он снимал их, плотно прикрыв веки, чтоб случайно не поджечь полотенце. Так, собственно, никто и не знал тайны его взора. Все думали – пожары вспыхивают сами собой, ни с того ни с сего. Однажды, во время бритья, его заинтересовал маленький прыщик на собственном носу, он забылся и снял очки. Зеркало, отразив горящий взор, испепелило человека. Последнее, что он запомнил, было его собственное изумление.

Он что-то скрывает

станислав мисаковский

Я стоял на высоком мраморном пьедестале. Меня окружала толпа. Люди требовали, чтобы я говорил. И я сказал им, что жизнь полна тайн. И добавил, что жизнь – только часть смерти, вечной и неизменной.

Воцарилась тишина. Толпа безмолвно размышляла. Потом какой-то тип вышел вперед и заявил:

– Он что-то скрывает. Он не хочет сказать нам всю правду.

Его поддержали другие, и мне пришлось продолжить:

– Миру поставлен предел неумолимым временем. Пространство и время объяснят нам всё, – я обвел рукой пространство и машинально сунул руку в карман. Этого оказалось довольно, чтобы толпа забурлила.

– Он что-то спрятал. Мы все видели, как он что-то зачерпнул ладонью в воздухе и спрятал в карман! – завопили они и ринулись на меня.

Те, кто был впереди, разбили лбы о мрамор. Остальные, круша мои каменные кости, требовали, чтобы я вернул им то, что им по праву принадлежит, и открыл то, что им неведомо.

Я обещал отдать им всё, чего у меня не было, и открыть всё, чего сам не знаю.

Но толпа, распалённая запахом крови, уже не слушала меня. Обвиняя друг друга в измене, люди рвали друг другу глотки.

Когда под рукой нет камней

хенрик бардиевский

Я удирал от него уже, наверно, полдня, а он всё гнался за мной и гнался. Я знал: голыми руками он мне особого вреда не причинит – как-никак у меня тоже кулаки есть. Но когда ноги могут помочь, я всегда выбираю ноги. Вот и улепётывал.

Земля была сухая, мягкая, не заметно было, чтоб хоть где-то она слежалась в камень. Он страшно ругался. Очень уж хотелось ему запустить в меня какой-нибудь каменюкой...

Тут я увидел каменный дом. Было ясно: в нём-то и собраны все здешние камни. «Не швырнёт же он целый дом», – подумал я, пробегая мимо и ища взглядом следующий. Я мчался от дома к дому, он за мной. Он надеялся наткнуться на отдельные, еще не вмурованные в стену камни – подходящие для броска... Но ничего не попадалось.

Я радовался, что камней нет, и весело приветствовал дома, сожалея лишь о том, что они не стоят чаще. «В городе я буду в полной безопасности», – решил я, завидев город.

И я добежал. Он тоже. В городе он купил нож.

Заговор

анджей заневский

Тишина... Затянувшаяся до боли...
И вдруг овации! Аплодисменты! Писклявые здравицы,
бурные похвалы! Речи
в твою честь...

Мне дали слово... Позволили...
Выслушали... Прочитали...
И что дальше?

Эта нереальная минута может оказаться ловушкой!
Осторожней, крысиный король, ты никогда не будешь
опытен настолько, чтоб избежать
надежды... А неистребимая надежда
переходит в безумие.

Да ещё эти тени, синеющие
у входа в нору, где пищат твои
голодные дети...

В клетку

станислав ежи лец

Кто решётку грыз и рвал сетку,
у того теперь все сны в клетку.

Безопасность

виктор ворошильский

Спи Тебе показалось Никто не звонил
Это не твой дом в него никто не ворвётся
Дверь заперта снаружи

её не будут выламывать
Тот человек в коридоре
пришёл не за тобой
он приставлен к тебе для охраны

Азиатский пейзаж

кшиштоф яворский

Самая длинная улица – Красной
Армии. Тянется слева направо и
сверху вниз. Я не там живу,
но есть такие, кто ищет дорогу.
Из пустоты во тьму – тогда я говорю.
Из пустоты во тьму ведёт улица
Красной Армии. Но я там не живу.
Ближе к тьме сворачиваю в отчаяние,
туда, где болтается луна. Ведь даже на Луне
наверняка есть улица Красной
Армии, от края до края горизонта.
Как радуга.

Домны

томаш яструн

Когда Владислав Броневский
Сидел в одной камере
С товарищем Яном
А далекие домны Магнитогорска
Сияли им
Как вифлеемская звезда
Он не знал
Что в этих домнах
Сожгут наши книги
Наши боевые знамена
И орла который заквохчет
Как прирезанный курчонок
Он не знал
(это потом он научится закрыв глаза
в темноте глушить водку
когда поблизости на Раковецкой
зэки будут кричать под пытками)
Что когда-нибудь в камеру номер тринадцать

Товарищи охранники
Будут пролетарскими пинками
Загонять студентов и рабочих
Прямиком с улицы Броневского

Разбитые гитары

даниэль ольбрыхский

Осень – на кладбище, где похоронен
Высоцкий, горят разбитые гитары

Под грохот злой гитары
Нам Вера сердце рвёт
И хрип Надежды старой
По струнам нервов бьёт

Но как всегда безвестен
В грязи дорожной след
И душен мир и тесен –
Всё не так б р а т и ш к а нет...

Под крик Твоей погони
Свои нас мучат сны
Гордо мчимся – волки кони –
А вокруг всё те же псы

Их свора с диким лаем
Нас хочет разогнать
Волки волки наши стаи
Не пора ль соединять?

С волчьей нашей земли
Щерим свои клыки –
Не будем бить гитары
– Склейте гитары и вы!

Мы сделали правильные выводы из случившегося

станислав бараньчак

Всё что могли мы второпях
вырвали из горящих картотек,
вышвырнутых из окна;

пострадало немногое:
сердца у нас чуть
слева, печень справа;
кровь наша полувенозна,
полуартериальна,
на каждой руке, как и раньше,
пять пальцев (большой,
указательный, средний,
безымянный, мизинец), у
мозга два полушария,
как у земного шара, который
как всегда равномерно
сплющен с обеих
сторон, наши реки текут,
как обычно, вниз, к морю,
деревья тянутся вверх,
яблоки падают
вертикально, а тучи
горизонтально плывут над землёй,
день наш ясен, а ночь
темна, хлеб наш
насущен, вода у нас
кипячёная, дома
жилые, газеты
ежедневные, а наши
перья, ах, эти наши вечные перья, они даже
более вечны, чем прежде.

Вежливым быть нелегко

тадеуш ружевич

Я обнаружил в тарелке волос. Поскольку официантка была юна и очаровательна, я решил избавиться от него быстро и незаметно. Однако, обмотав волос вокруг пальца несколько раз, так и не сумел извлечь его из вермишели. Он уходил в бесконечность. Посетители, заметив мое единоборство с волосом, перестали есть и с интересом наблюдали эту сцену. Когда мой палец стал похож на катушку чёрных ниток, в зале раздался смех. Только официантка, словно ничего не видя, кричала: «Отбивную, еще раз отбивную под соусом!» Пробегая мимо, она улыбнулась мне, и я с удвоенной энергией принялся вытягивать волос из тарелки. Вскоре я очутился в теплом чёрном коконе. Когда я снова взглянул на официантку, оказалось, что она до сих пор ничего не заметила. Сдержанным тоном я обратил ее внимание на то, что в бульоне оказался волос.

Она рассмеялась: «Это волос моей напарницы. Вы что, слепой? Я же лысая!» И, наклонившись, она коснулась моих губ холодной гладкой кожей головы.

Рефлекс

томаш глюзинский

вот если б можно было говорить
не шевеля губами

если б можно было хоть шепнуть
подмигнуть присвистнуть

но хор чревовещателей
даже молчать боится

это внутреннее противоречие
есть причина постоянного
раздражения

особенно диафрагмы

подступающим
с неотвратимой регулярностью
рвотным рефлексом

Колядка

витольд домбровский

От стоек, залитых пивом, от девок, спермой залитых,
возносим Тебе, Всевышний, прошение – не молитву,
Взамен отдаём Тебе сердце – фальшивого серебра,
склонясь в дежурном поклоне, как певчие в Твоём храме.
Храни от любви нас, Боже, не из любви поём –
мы ведь простые люди, с устатку и под хмельком,
и просим Тебя о малом – о колбасе с жирком,
о гладкой белой бабе с раздутым животом
под серой простыней и с влажными губами,
о тихих небесах над детскими стадами,
о хлебе и картошке – воздай же нам сполна,
пускай побольше шкварок шипит в сковороде –
мы местные, мы честные – такие, как везде,

над нами звёзды вечные, но жизнь-то у нас одна,
у каждого в доме Библия и свадебное фото,
программа телевидения в газете, где коммунизм.
А семя пересекает из нашего тела в чьё-то –
могло бы толкать турбины, имей мы иную жизнь:
кабы лопух здесь рос иначе,
кабы звезда взошла по-другому,
если бы не был таким знакомым
ржавый мотивчик колядки нашей.
Дай нам домик
и огород,
каждому дай
свой уголок
на старости лет
и солнца дай
в день, когда нет работы.
Вот так в лесок забредёшь иногда,
подальше от Голгофы, –
в бутылке радуга-дуга, прозрачнейшая жидкость...
Сошедших с круга примет всегда ржавая наша пристань.

* * *

станислав грохoвяк

Трудно так жить
Это невыносимо – такая жизнь
Её не вынести в долины
Не вынести к морю
Трудно так жить

Трудно так жить
Невыносима такая жизнь
Ужасна постыдна как горб
Не вынести её как сушёную рыбу с чердака
Трудно так жить

Трудно так жить
Трудно любить эту жизнь как пустой халат
Грязную рубашку сломанную расчёску
Не вынести её в долины
Не вынести к морю
Не вынести на руках

Живая мертвецкая

станислав мисаковский

Всё чаще тут и там снуют
живые мертвецы
ни внешностью ни поведением
они не отличаются
от людей

это мужчины и женщины
с образованием и без
среди них есть артисты писатели
художники политиканы

по закону инерции
трупы идут по трупам
достигают вершин
занимают ответственные посты
правят государством

под их бдительным оком
воспитываются и мужают
всё новые отряды
юных
живых мертвецов

одеты они как все
с утра – кто на службу
кто в церковь
бродят по улицам
сидят на скамейках
в городском сквере

наперебой хвалятся
своими достижениями
заслугами
тычут в нос книжечки
ордена
похвальные грамоты дипломы
семейные фотографии

редко кто из них
вспомнит о преступлениях
к которым
приложил руку

чаще всего они просто брюзжат
ноют жалуются
на жизнь –
совсем как люди

их любимая тема
политика –
О! В этом они разбираются превосходно!
у них множество предложений идей
рецептов – как оздоровить
мир

они неизменно
стоически спокойны
трупно серьёзны

похоже и не подозревают
о том что
мертвы при жизни

этот мир уже списал их в расход
но тот
ещё не открыл им
ворота

ужесточение условий перехода
вызвало
резкий рост числа
живых трупов

земля понемногу
превращается
в живую
мертвецкую

* * *

пётр мицнер

В глубине буфета
нарезанный хлеб
и хлеб не разрезанный

Сохнут вместе

Дети

эва липская

Дети встречаются на вечере воспоминаний.
Дети встречаются на собрании комитета.
Дети уже поднабрались опыта.
Хотя не все из них знают что такое лебедь.

Есть у детишек метрики. Удостоверения личности.
Истории болезни. Копии свидетельств о смерти.
Дети выбирают вождя который
произносит речь о деревянной лошадке.

Дети похищают министров угоняют самолёты.
Эмигрируют на край света.
Доносят на родителей.
Борются за права кукол.
Дети сидят в каракулевых шубах.
В воздухе порхают розовые эклеры.
Дети вспоминают Римскую Империю
грустно качая головками.

В большом детсаду народов
дети играют в мяч
и плюются друг в друга косточками от вишен.
Выводят на орбиту искусственное солнце
и оно восходит как смягчающее обстоятельство.
Дети откладывают в сторону игрушки.
Начинают срочно работать
над новыми детьми.

Никто

хенрик бардиевский

Был самый что ни на есть обычный день. Женщины сверх всякой меры рожали, дети кишмя кишели во дворах и в домах, мужчины с вызовом поглядывали друг на друга. В городах было всё больше дыма, в деревнях – грязи, повсюду – радиоактивной пыли. Звери ругали обезьяну, что она выродилась в человека.

Страна, по которой я шёл, была мне внове. Однако я воображал, что уж я-то для неё не новость. Эта мысль поддерживала меня внутренне (внешне я опирался на палку) – на ней строились мои расчёты на будущее. Я говорил на тамошнем языке,

присматривался к тамошним людям. Вид у них был тамошний, и вообще всё там было тамошнее.

Я открыл им своё имя. Они его знать не знали, даже не слышали ничего подобного. Их невежество огорчило меня: я ведь очень рассчитывал на это имя.

Тогда я им рассказал всю свою родословную. Они о таком сословии отродясь не слыхали. Да и о классе тоже. В ответ на мои излияния они молча грызли орешки.

Я открыл им название своего родного города. Сначала буковку, потом две, три, четыре – чтоб они сами догадались. Ничего не вышло. Я назвал все десять, но они о таком и слыхом не слыхали. Мой город был для них самым чужим из всех городов, о которых до них когда-либо доходили вести! Кое-кто мне вообще не верил и требовал доказательств, что всё это не выдумка.

И вот я им открыл имя своей страны. Они повергли меня в полный ужас: даже о стране они не имели никакого понятия! О такой стране – и не иметь понятия? Нет, ни малейшего. Одним махом меня лишили всего – имени, класса, города, страны... Всё равно как если б меня вовсе не было. Мне стало страшно за себя. Я пытался прочесть в их взглядах – может, они меня вообще не замечают. Умолял, чтобы со мной поговорили. Я указал им часть света...

Увы, и такой части света они тоже не знали. Они даже не подозревали, что у света столько частей. Полагали – две, ну, самое большее – три... Я ощутил себя ничтожной, крошечной песчинкой. Хотел рассказать о себе – не верили и слушать не хотели. Пытался доказать, что я – это я, да нечем было. Хотел...

Едва живой, в слезах бродил я по улицам той страны. Я мог погибнуть, и никто не узнал бы, что погиб именно я. Мог устроить скандал, и никто не узнал бы, что это я его устроил. Я был крепко обижен на этих людей. Я не желал принимать от них ни хлеба, ни молока, ни курева. Прежде я должен был обрести место в их сознании. Все-таки существует некая иерархия потребностей.

Плотина

анджей вархал

– Следующий! – закричал старик.

– Наверно, я, – робко отозвался маленький тщедушный человечек. Занимая очередь, он надеялся, что старику хватит тех, кто стоял перед ним.

– Вы? – засмеялся старик. – Да вас же течением снесёт!

– Отойду подальше, прыгну с разбега и наверняка удержусь.

– Так и быть, – согласился старик, – сойдёте вместо щебёнки. – Маленький отбежал выше по течению и сиганул вниз головой с крутого берега.

– Следующий! – закричал старик.

Подошла очередь здоровенного детины. Он разогнался, бухнулся плашмя и моментально исчез под водой.

– Вот это дело, – оценил старик. – Такие нам нужны. Ещё чуть-чуть, и плотина готова.

– Можно каждому дать по мешку с песком или по большому камню, – подал голос кто-то из толпы,

– Кто сказал? – зорко глянув, спросил старик.

Какой-то человек протиснулся вперёд.

– Камень, говорите? – задумчиво произнёс старик. – Как же вам такое в голову пришло?

– Я выпускник факультета плотин и запруд.

– Нет, мы сами хотим, без камней! – возроптала очередь. – С камнями негуманно.

– Но ведь так вы быстрее пойдёте ко дну!

– Хватит дискуссий! – прикрикнул старик. – Следующий!

Первым в очереди стоял субъект, явно чем-то сконфуженный.

– Давайте-давайте, – поторапливал старик.

– Мне прыжки противопоказаны, – пролепетал тот. – Врач запретил мне делать резкие движения.

– Можете постепенно погрузиться в реку и идти по дну.

– Да меня же снесёт. Левой ногой я делаю шаг чуть длиннее, и меня всегда сносит вправо. Может, мне в администраторы податься?

– Вы что, с ума сошли? – удивился старик. – Две сотни в месяц! Разве это жизнь? Уж лучше прыгайте. Раз-два, и вниз головой – как лекарство проглотить.

– Ну, конечно, чтоб всё из карманов повылетало...

– Э, да вы, никак, боитесь...

– Я – боюсь?! Ничего я не боюсь. Хоть два раза подряд могу.

Разбежался и прыгнул.

– Следующий! – закричал старик.

Вперед проскользнул молодой человек. Воротник у него был поднят, и он тоже ничего не боялся.

– А вы кто такой? – спросил старик.

– Сказать – не могу. Самое большее – показать.

– Так бы сразу и сказал. Те, которые по службе, прыгают с вышки.

– Нет, уж лучше я проскользну незаметно, – ответил молодой человек и втёрся в набежавшую волну.

– Следующий! – закричал старик.

Снова кто-то выскочил из хвоста очереди.

– А вы куда?

– Хочу с Вацеком. Это мой друг.

– А ну, дыхните.

– Это ещё зачем?

– На всякий случай. Прыгал тут один такой. Всю рыбу потравил.

– Да я с детства не пью…

– Что вы мне тут придуриваетесь! – оскорбился старик.

– Я обязан прыгнуть! – в отчаянии крикнул человек. – У меня жена и дети!

– Ладно уж, – смягчился старик. – Но чтоб в последний раз. Человек разбежался и прыгнул. Пошли пузыри, однако тут же показалась голова. Она пела что-то массовое, пока наконец, захлебнувшись, не пошла ко дну.

– Следующий! – закричал старик.

Служебная лестница

константы ильдефонс галчинский

Идиоту идиот
ни о чём
бумажку шлёт.
Через год
её вернёт
идиоту идиот.

Даже

станислав ежи лец

Даже если тюрьму переделать в солярий,
будет ясно – по клеточкам на загаре.

История

станислав станик

газета с миллионным тиражом
формирует мнения
в сто раз эффективней
чем газета выходящая
тиражом десять тысяч
экземпляров

но пусть в одной
тридцать страниц
а в другой восемь
одна на левом фланге
политической сцены –
а та что потоньше на правом
обе
и ту и эту
в публичных библиотеках
обычно хранят
в одном экземпляре

когда проходит десятилетие
ну может век
факты описанные в первой
уже не более важны
чем факты описанные во второй

можно сказать они равноправны

только историки
опираясь на архивные материалы
ведут жаркие баталии
видят резкие различия
между двумя рядами
застывших букв

Масон

анджей бурса

Никому бы и в голову не пришло, что пан Стефан, тихий, скромный референт, в действительности не референт, а масон. Однако факт подтвердился. Эту новость принёс один из коллег пана Стефана, и она немедленно распространилась по всему учреждению, а на другой день дошла и до дирекции. Директор отмахнулся от неё, буркнув что-то среднее между «а-а-а» и «хм», но после окончания рабочего дня допоздна сидел в своем кабинете и, барабаня пальцами по столу, думал.

На третий день начальник Б., мужчина корпулентный и решительный, без всякой видимой причины внезапно спросил пана Стефана:

– Вы, случайно, не знаете, где мой циркуль и треугольник? Запропастились куда-то...

Пан Стефан смутился. Насколько он мог припомнить, в учреждении никогда не было ни циркулей, ни треугольников.

– Н-нет, я не видел... – пробормотал он и склонился над бумагами. Триумфальный шумок пробежал по комнате. Сомнений быть не могло. В тот же день директор принял решение лично расследовать дело.

Директор занял этот пост всего несколько месяцев назад. Его перевели сюда из одной недавно ликвидированной организации, которая широко применяла в своей деятельности психологический метод. Директор надеялся раскрыть тайну пана Стефана с помощью науки. Он вызвал его к себе и с ходу атаковал вышеупомянутым методом:

– Ну-с, пан Стефан, как дела?

Пан Стефан покраснел, что-то промямлил и сделал попытку улыбнуться. Всё это не укрылось от бдительного директорского ока.

– Да, знаете ли, – продолжал директор, – жизнь страшно монотонна. Удручающе однообразна. Что бы вы сказали, если бы я пригласил вас в театр? У меня забронирована ложа.

При слове «ложа» референт ещё более странно улыбнулся и начал судорожно потирать руки. Тело его подёргивалось. Директору всё стало ясно.

– В ложе вам, наверное, будет удобней всего, не так ли? В ложе, вот именно – в ложе... – повторил он с нажимом.

– О да, конечно, – пролепетал пан Стефан. Тогда директор вдруг резко встал и протянул ему руку.

– Ну хорошо, а пока до свиданья. Можете возвращаться на рабочее место.

Вскоре после этого пана Стефана снова вызвали в директорский кабинет, где ему было объявлено, что по ряду причин, перечислять которые вряд ли имеет смысл, ему придется покинуть стены учреждения.

Когда сотрудникам стало известно, чем кончилось дело, никто не пожалел тихого, скромного референта.

Народ не любит масонов.

НН размышляет о дальнейших перспективах

станислав бараньчак

Всё не так уж плохо, пока ещё можно выбрать
каждое утро –
коричневую рубашку или красный галстук,
всё не так уж плохо;
пока ещё можно одеться кто как хочет;

ещё не так уж тесно; осталось
много места
от проволоки до проволоки между лагерями;
ещё не так уж тесно,
осталось столько места,
что можно даже танцевать;
ещё не так уж темно; солнце вполне сносно
проникает сквозь колпак –
в нём даже остался воздух;
всё не так уж плохо,
воздуха хватит на несколько вдохов,
только стоит ли,
стоит ли

Шиповник

ян владислав сарна

Вчерашний медведь так и лежал, заколотый сосиской. Что ж, я содрал с него шкуру и развесил на потолке, чтобы её не вытоптал штопор. На свежего медведя нечего было и рассчитывать – он уже покрылся патиной. Я удобно устроился на параше перед телевизором и достал кубики. Бросил их в ночной горшок и спросил: «Зачем пришли?» Они ответили, что их преследуют муравьи, которым негде гнездоваться. Я на это: «Глупые свиньи!» – и прицепил им бумажные хвостики.

Завтра кирпичи пойдут на прогулку и дом наконец рухнет. Батарея отопления сказала, что я похож на шиповник, но сигаретой всё равно угостила. Завтра я обязательно должен уехать: шнурки заболели, надо их срочно вести к окулисту. Если их заберут в больницу, придётся мне ходить на лыжах. Лето чудесное. Вчера пополудни взорвалась газета. Но мы выпили по одной, и она сразу пришла в себя. Тоже говорит, что я похож на шиповник.

Печальная фрашка

станислав ежи лец

Коль штаны с тебя упали,
гордый вид спасёт едва ли.

Нейтралитет

хенрик бардиевский

На поле выбежали две команды, при них один мяч и один судья. Солнце поднялось повыше, чтоб лучше видеть и не слепить глаза футболистам. Прозвучал свисток, и вот на трибунах поднялась волна эмоций, захлестнув лично меня и ещё нескольких болельщиков, общим счётом – шесть человек. Больше зрителей не было.

Мы стали кричать и шуметь, сообразно положению на поле. Игроки явно были нами довольны. Иногда они даже прерывали игру, чтоб нас послушать. Симпатии трибун разделились почти поровну: трое за чёрных, двое за жёлтых. И только я был чёрно-жёлтым. А надо сказать, голос у меня зычный, да ещё я рубашкой махал, так что обе команды смотрели на меня чаще, чем на мяч, – поначалу с надеждой, а потом, увы – с нарастающей неприязнью.

Признаюсь, я действительно не мог сделать выбор: чёрный жёлтого пнёт – я рад, жёлтый чёрному наподдаст – я снова рад, судья споткнётся и упадёт – тем паче! Уже и чёрный капитан выразительно глянул на меня, уже и жёлтый погрозил кулаком, а я всё ничего – по-прежнему нейтрален. Вот уж и нападающие обеих команд стали на меня косо поглядывать, потом полузащита, а под конец атаки мяч то и дело летел в мою сторону. Увы, ещё в первом тайме три удара попали точно в цель. А во время перерыва мне перепало раз десять: пять голов забили чёрные, четыре – жёлтые, а один – судья. В одиннадцатый раз мяч напоролся на гвоздь в трибуне. Пока зашивали, у меня была минутная передышка.

Игра возобновилась, но перелома во мне так и не произошло: я не ощутил себя ни чёрным, ни жёлтым. Дело шло к моему поражению, притом с огромной разницей в счёте. Было почти гарантировано, что игроки ворвутся на трибуну и поколотят ничейного болельщика.

Куда я убегу от резвых форвардов, от правых и левых нападающих? Как обойду защитника, если он отрежет мне путь к выходу!? Каким финтом обману вратаря, когда он встанет на воротах стадиона?..

Недолго думая я выбежал на поле и с кулаками бросился на судью.

* * *

анджей заневский

Маски нам навязаны, однако
в маске я себя чувствую в большей безопасности.

Где-то рядом, на трибунах, эстрадах и сценах
идёт бесконечная резня.

Продолжается убийство мечты – хладнокровное,
жестокое, беспощадное.

Там орудуют откровенные мясники и наёмные
убийцы.

Мечты пытаются спрятаться, переждать,
подкупить кого только можно.

И мечты выживут –
замаскированные, лицемерные, продажные,
они будут мстить тем, кто убивал их из-за угла.

Одиночество

славомир мрожек

Мы перепилили решётку и выпрыгнули на двор. Потом перемахнули через стену и оказались в лесу. Помчались сквозь чащу. Мой товарищ бежал все медленней.

– Что с тобой? – спросил я. – Ноги болят?

– Да нет.

– Почему ж ты бежишь так медленно?

– Да ведь никто за нами не гонится.

– Как заметят, что мы сбежали, тут же кинутся в погоню. Ну, скорее!

Но вместо того чтоб прибавить ходу, он вообще остановился.

– Не заметили, говоришь?

– Похоже, что нет. Ну, чего встал? Шевелись, живей!

Он уселся под деревом.

– Никому я не нужен, – сказал он грустно.

– О чём ты?

– Никому до меня нет дела. Никого моя судьба не интересует.

– Кому? Кого?

– Если б я был им нужен, они бы меня лучше стерегли.

– Ах, вот о чём ты жалеешь...

– Человек не обращает внимания на другого человека, даже когда ему за это внимание платят. Могли бы хоть заметить, по крайней мере.

– Пойдёшь ты или нет?

– Нет. Куда бежать, если и так никто не гонится? Зачем стараться, когда никому до тебя дела нет. Эх, жизнь...

– Знаешь что? У меня к тебе предложение. Вернись назад.

Тут он мигом вскочил и крикнул:

– Ну уж нет! Что нет, то нет! У меня тоже своя гордость есть. Не буду я никому навязываться. Лучше замкнусь в экзистенциальном одиночестве!

И медленно, высоко подняв голову, зашагал вперёд, вглубь леса. А я за ним следом. Как-то неловко было спешить.

станислав ежи лец

Смысл жизни?

Избежать
казни.

Публичная лекция Кити Коти

мирон бялошевский

Итак, свобода слова.
Возлюбленные!
Отдельность кончилась.
Нас убивает цепная реакция общности.
(*сходит с трибуны*)
Газ выключаем.
Под поезд нырять
неловко.
Лучше всего верёвка...
Лучше всего верёвка.

не искушай нас

станислав навроцкий

да знаем мы
не было гнёта хуже
чем тоталитарные практики запада и востока

но никогда прежде мы не имели дела
с таким кумовством
таким разграблением национального достояния
таким неприкрытым презрением к людям

такой воинственной концепцией зла
как сегодня
на стыке двух тысячелетий
якобы во имя любви –
давно потерявшей человеческий облик

да минует нас Господи чаша сия
в которой столько яда

Американцы*

адам земянин

Наконец-то я вижу их вблизи
без прикрас их вижу
не как в американских фильмах
со счастливым концом
а вживую их вижу
на улице вижу
в большом скоплении
отчётливо их вижу
– – – – – – – – – – – – – – – – – – – –
А они со своей американской улыбкой
меня не видят
не видят меня эти с ног до головы
граждане мира
всё-таки они меня не видят
потому что вслепую несутся по кругу
с американской улыбкой
и не могут меня увидеть

Мне нравится что они меня не видят
я рад что вижу их мысли
невидимые блёстки
вперемешку со стейком и пивом
когда они сосредоточены на миске и кружке
они особенно меня не видят
они из плоти и крови так что я их вижу
в их поступках речах письменах
и в их просчётах я их тоже вижу

Я вижу их они всегда в движении
начиная с часов которые тикают

* Сокращённый перевод.

у каждого на руке (вижу как на ладони)
я вижу как всё в них мчится
куда-то стремглав несётся
хоть и не вижу но чувствую: американское
сердце в них бьётся

Гринкарта

адам земянин

В руках – зелёная карта, и глаза у неё зелёные
доллар – свидетель на свадьбе:
так берут Америку в жёны

Garden party*

станислав бараньчак

«Простите, я не расслышала вашу фамилию… Ах, Баначек?..
Это по-чешски, да? А, по-польски! Так значит,
вы из Польши? Как мило. Вы всей семьёй здесь остались?
Давно ли?», «Ну нет, извини меня, Салли,
ты замучила гостя вопросами, а надо сперва
к столу пригласить – вот крекеры, вот халва,
чипсы, салат и прочее – нальёте себе вы сами,
правда? Генри, хэллоу…», «Что нового в польских краях?
Чем занимается этот ваш Ва… ну, этот, с усами,
вы знакомы с ним лично? Нет? А я в новостях
видел: опять демонстрации – хотя разве можно верить
нашим телеведущим, это ж кошмар, просто звери,
волосы дыбом от этой их рекламы – цензуры –
европейцы правильно говорят, нам не хватает культуры…»,
«Хай, меня зовут Сэм. Мне тут Билли
говорил, вы из Польши – знаю Польшу, видел два фильма
о Войтыле –
ничего ваш Папа не знает о том, что творится на свете,
консерватор ужасный…», «А как ваши дети?
Уже говорят по-английски? Ходят в хорошую школу?»,
«С государственной школой тут дела невесёлые –
проблема номер один, увы…», «Я не согласна, Самми,
в школе сносно, когда родители, то есть мы сами
проявляем заботу…», «Да, но бюджет федеральный…»,

* Приём на открытом воздухе (*англ.*).

«Эй, вы там, закругляйтесь, что за обычай скандальный –
спорить – ведь столько закуски, а вина ещё больше –
на серьёзные темы…», «И всё-таки, что слышно в Польше?»

* * *

даниэль ольбрыхский

Эх, Володя, эх, Владимир,
ты не видишь, жаль, не видишь,
как уже другая ведьма
травит нам всё те же бредни.
А за ней пустились в пляс
и твой Рус, и Чех, и Лях...
Верь не верь – опять кошмары,
спасу нет нам без гитары!

Поэзия нашего времени

юзеф баран

они рассуждали о миллионах
чудесным образом превращаемых в миллиарды
заворожив своих муз
упоительной музыкой цифр

я сидел в китайском ресторане
(цветастый бульон лакированные отбивные)
сидел как Христос искушаемый на Горе
голый среди бизнесменов

перебирал свои сбережения
кучку так называемых бесценных метафор
слушая как в их словах торжествует
абсолютная поэзия валюты

Не только про небо

барбара бяловонс

Земля обрастает полями битвы,
об одних ещё помнят, о других забыли.

Эпохи различаются
только способами убийства.

Люди, как прежде,
не понимают самих себя,
а рядятся в тоги гарантов миропорядка.
Сломали ступени ценностей,
подпираются костылями наук,
гарпий спустили с цепи.

Бог умолк.
И тогда они объявили,
что в небе пусто.

Вьетнам

анджей струмилло

Бомбы смешали
Тело с мундиром
Пепел с рисом
Коммунистов с землёй
Меня с коммунистами

Фаллуджа

эльжбета мусял

Фаллуджа – город в суннитском треугольнике,
где повстанцы чаще всего атакуют войска США.

Лица́ той женщины никто не знает
никто не спросит
о том как её уводили мирно вооружённые
солдаты миролюбивейшей
войны за мир
в Ираке

Я не женщина из Фаллуджи
Я выйду из дома как выхожу каждый день
за хлебом
в никуда
моё лицо не прикрыто и это защита
от их взглядов

я смотрю на лоснящиеся туфли
на вздутые от важных дел портфели
Никто меня ни о чём не спросит

Боже мой
а в голове певуче нарастает... Фаллуджа Фаллуджа
это слово родилось внезапно ни с того ни с сего
Ещё три дня назад
оно искрилось
заставляяя меня воображать
будто я открыла новую землю
после долгих месяцев в море
я ощущала кожей
след спёкшейся земли привкус имбиря
и ещё что-то необъяснимое
Всего три дня назад
Фаллуджа была названием и местом действия
романа который мне хотелось написать
пока я не увидела воздетые в небо кулаки
грозящие местью за женщину
которую уже никто ни о чём не спросит

Краткий курс истории человечества

станислав рышард добровольский

Он спросил у встречных
дорогу
– его бросили за решётку и отравили.

Он схватился за меч,
разрубить оковы,
– его закололи мечом.

Он учил малых мира сего
любви к ближнему
– и был распят.

Сражался за свободу,
требовал справедливости
– его вздёрнули на виселицу.

Грезил о стеклянных домах,
о том, чтоб хлеб был на каждом столе
– для него не жалели проклятий.

Тогда он стал торговцем смертью,
оброс жиром и перьями
– теперь ему кланяются.

Положил палец на кнопку,
грозит взорвать землю
– ?

Договор с дьяволом

мечислав яструн

Вот создание человека –
тот кто торгуется с дьяволом
о душе его Кто похваляется
что сотворил тигра кита шакала
что умеет пытать
и ловко убивает

И он же отрёкся от хвастовства
произносимого
дабы унизить убогого
Он же
из последних сил
нёс крест
на адскую гору

И спустился в ад
дабы избавить от мук
всех страждущих

Но никто их не видел
никто не знает
в каких пространствах
они блуждают

Временные люди

януш енчмык

Мы приходим и уходим
и на цыпочках крадёмся
щёткой драим оттираем
наши туфли наши лица

чтоб следов не оставалось
чтоб следов не отыскалось

Наши города и до́мы
на верёвочках летают
низко-низко над землёю
ветра нет и их не видно

Ну а вдруг нагрянет ветер?
тут верёвки оборвутся
и запляшут затанцуют
наши города и домы
и умчатся в стратосферу

Всех нас бросят в чистом поле
без защиты без опоры
даже нитки не оставят
чтоб за землю зацепиться
ветер схватит нас за шкирку
и швырнёт в пустое небо
и рассеет и развеет

Ну а нам и горя мало
переждём пока утихнет
встанем отряхнём от пыли
и одежды и ладони
(чтоб следов не оставалось)
наши города и домы
вместе сызнова построим

пусть играет с ними ветер

Десант

анджей вархал

– Похоже, мы падаем как-то не так, – заметил командир.

– Так точно! – отчеканил солдат, продолжая лететь вниз головой.

– Можете отвечать развёрнуто, – разрешил командир. – Ситуация исключительная.

– Слушаюсь! – ответил солдат. – Возможно, мы забыли надеть парашюты.

Они падали, стремительно вращаясь вокруг своей оси.

– Вот именно. Я тоже так подумал, – сказал командир.

– Как будем приземляться?

– Во всяком случае – быстро. Главное, чтоб в оружие песок не попал.

– Может, лучше держать оружие над головой?

– Над головой – не над головой, а следить, чтоб ствол в землю не воткнулся.

– А если сразу себя внизу гранатами подорвать?

– Опасно. Могут захватить в плен, прежде чем мы очухаемся. Вот что – спрыгнем, и ноги в руки. А то ещё японцы заметят да как начнут скакать!

Какое-то время они падали в задумчивости.

– Перед посадкой постарайтесь чуть притормозить, – распорядился командир. – Как старший по званию я должен упасть первым. Только бы не в стог сена. Отмыться потом невозможно.

– Осмелюсь доложить, сейчас у нас зима.

– А вдруг крестьяне убрать не успели?

– Если мне глаза не врут, мы летим прямо на костёл.

– Нехорошо, – насупился командир. – В инструкции ни о каком костёле не было ни слова.

– Читать надо больше, – сказал солдат.

– Только бы не готический, – обмер командир.

– С такой высоты не понять. Надпись стёрта. Но по крайней мере карте соответствует.

– Да эти картёжники лыка не вяжут. Для них что ни дом, то прямоугольник. Прыгаешь – а там пристройка.

– Если это все-таки костёл, надо бы заранее преклонить колени.

– А если прямо на коленях и упасть?

– Контузить может.

– Внимание! – крикнул солдат. – Идём на посадку. Странно, никто не стреляет.

– В самом деле, – удивился командир. – Видно, хотят живьём взять.

– Так может, вернёмся?

– Поздно! – воскликнул командир. – Но живьём они нас не возьмут! – И, прижав револьвер к виску, он спустил курок.

* * *

эдвард кшиштоф рогальский

Повешенный смотрит на мир равнодушно
В его глазах ирония и чистая вода
Ему показывает язык рваная глотка двери
Осень – жена его – силясь заплакать

Накрапывает дождём
Повешенный ни на что не обращает внимания
Ему на всё наплевать
Он думает какой он хитрый
Какой он умный
К тому же на его стороне
Все кто был повешен в этом году

Сумерки

кшиштоф яворский

Ночь отслюнявила доллар, прилепила
к потному лбу неба. Бедные улыбаются
богатым, оттого что не могут
пнуть им под зад.
Ничто не даётся даром.
Я устал. Много часов подряд
я призывал к беспорядкам, швыряя листовки
дождя. Небо зловеще хмурилось.
Я держал кулак
на высоте черепа.
Маршировал по комнате.
Кто закроет этому дню глаза?

Трусливой роже

станислав ежи лец

Трусливой роже
и храбрость не поможет.

Блудные дети

пётр челеш

когда мы прибыли на место преступления
всё уже было кончено
наши беспомощные ладони
так и не коснулись рукояток мечей
наша кровь испарилась в небо
наши глаза затянула густая мгла

кони печально уставили морды в жёсткую землю
а мы даже не подрались из-за того
кто же во всём виноват

к счастью скоро наши лица
припорошил первый снег

* * *

барбара бяловонс

Мы убиваем разными способами,
чаще всего – исходя из высших интересов:
Бог, рынки, нефть, цвет кожи.
Под лозунгами демократии и прав человека,
научно, методично, в массовых масштабах.

Убиваем, чтобы повысить котировки.
Число убитых и взятых в плен
переходит на биржах
в цену.

Убиваем ради трофеев и удовольствия.
Словно бы нехотя,
в силу стечения обстоятельств.
Дескать мы не хотели,
но не предвидели всех последствий –
не хватило воображения.

Мы отделили мир от себя.
Он наша добыча.

Звери убивают, чтобы выжить.
Они чувствуют связь со средой,
их инстинкт знает меру.
Принцип природы – дать шансы обеим сторонам.
Не всегда равные, но всё-таки шансы.

Мы ставим противника в положение,
когда у него шансов нет.

Колесницы победителей
движутся по инерции.
Раненый мир
хмурится...

Где-то в нас

рышард мильчевский-бруно

Где-то в нас светят звёзды поэзии
Где-то в нас крест несёт Полония
Где-то в нас сапоги ищут севера
Где-то в нас колют копьями кладбища

Где-то в нас палачи мутят воду
Кто-то пишет доносы на жизнь
Где-то в нас стонет правда на вертеле
Где-то в нас плачут бабы несытые

Где-то в нас цирковые трапеции
Где-то дети гоняют ласточек
И тасуются карты пламени
Где-то в нас чует зверь человечину

Где-то в нас пляшут пугала стражи
Где-то в нас едут вольные боги
Где-то в нас пьют вожди поражений
Где-то в нас дремлют стойкие люди

* * *

юзеф баран

Как мало нужно
бедняку для счастья
глоток воды в пустыне
да пара медяков откопанных в отбросах
да место у огня холодной ночью

как много нужно богачу
чтоб жажду утолить –
она растёт в нём
в геометрической прогрессии
лавиной

– чего он ни коснётся
всё обращается
под взглядом ненасытным
в пустыню

На берегу

эва зонненберг

Вот и стало историей
то чего мы не сумели назвать

стало историей
то к чему ещё можно было вернуться

стало историей
то что едва удержано взглядом

историей на которую мы не могли повлиять
она знала больше чем мы
потому что рассказала себя сама

историю можно только простить

Счёт времени

богдан лёбль

Как легкомысленно я вас растратил
мои секунды минуты
дни и ночи
я полными горстями черпал
из открытого мне счёта времени

пытаюсь заглянуть судьбе через плечо
увидеть что́ она вписала в чек
беспокоюсь всё больше
потому что знаю:
может быть уже завтра
а то и всего через пару оставшихся грошей
предстанет передо мной какое-нибудь дитя
и скажет: «ты дышишь воздухом который нужен мне
съедаешь хлеб необходимый мне для роста
ты занимаешь моё место»

и я отвечу: «да-да
не волнуйся
я ухожу»

станислав ежи лец

Один неверный шаг – и ты у чужой цели.

Покажи язык, прежде чем стиснуть зубы.

Будь реалистом – меньше правды!

Берегись тем, от которых нельзя уйти.

Не уходи в себя, там тебя найдут в два счёта.

Руби сук, на котором сидишь, – не жди, пока тебя на нём вздёрнут.

Свободу теряют те, кто к ней стремится.

Верно ли, что артисту нужно перегрызть глотку, чтобы он сделал глубокий вдох?

Правда побеждает – когда перестаёт быть правдой.

Если заселить пустыню, исчезнут оазисы.

Тому, кто кричит: «Да здравствует!» – придётся оплачивать похороны.

Жизнь отнимает у людей слишком много времени.

Человек играет в собственной жизни лишь эпизодическую роль.

Смерть – ещё не доказательство того, что ты жил.

*** * ***

ян волэк

По синему небу летят шизофрении,
Если не устану, я одну достану.

Птичка, прыгнув с неба, басом захрипела,
Белая горячка сотрясает тело.

Выскочил художник из окна мансарды,
А на морде пластырь – навроде кокарды.

Мой сосед за стенкой истекает пеной,
В теплице постели расцвела измена.

Бывают и в Польше чудеса природы,
Снял бы я квартирку – выгонят, уроды.

Молодой актёрчик награбастал премий,
Купил балеринке букет циклофрений.

По синему небу шпарят шизофрении,
Если не устану, я одну достану.

Да, я чужой

ян польковский

Рука палача на миг застынет,
тюрьмы превратятся в санатории,
зоны в заповедники,
сдвинутся на миг границы государств,
вернутся народы на реки свои,
города поменяют названия,
конституции – текст,
люди – имена и лица,
языки – поэтов,
солдаты на миг вонзят карабины штыками в землю,
полицейские выйдут на демонстрацию против насилия,
слезоточивый газ рассеется,
поднимется железный занавес,
– чтоб в этот миг ослепительной тишины
ты мог окинуть взглядом всю свою жизнь,
короткую, честную жизнь – затяжной
выстрел
в затылок.

В НАШЕМ СВЕТЛОМ ЗАВТРА

Бадура Немоевский Мисаковский Заневский Батерович Липская Рашка Лец Кронхольд Фицовский Михайлов Зёмецкий кг Глюзинский Бялошевский Рыбалко Вуйтович Мендзыжецкий Галчинский Гожельский Березин Бардиевский Вархал Шубер Кучковский Мрожек А.Навроцкий Милош Виткевич Навроцкий Крыницкий Баран Саламон Сроковский Островская Огродовчик Буянская Ружевич Шимборская Мицнер Бяловонс Мусял Пиотровская Кавалец Врублевский Станик Юзефацкая Лёбль Т.Титков Сивчик Якуб Лохман

Собаки

зофья бадура

Эти собаки, эти бездомные псы,
которые нас окружают...
Вечно они мозолят глаза.
Сделайте с ними хоть что-нибудь.
Вечно кто-то голодный
готов с тобой поделиться –
не человек, так зверь
(ведь не только мы голодаем).
Подонки знают, что делать:
они убивают собак.
Но мы-то с вами добрые люди.
А вдруг в нашем светлом завтра
и для них найдётся место.
Передайте по радио что-нибудь вроде:
– Бездомные псы, завтра
мы будем вас любить.
Кто их знает,
может, они до завтра сдохнут.

Они говорят вам

анджей немоевский

Они говорят вам, что молодость – май,
И вас на убой ведут!
Они говорят вам: любовь – это рай,
И перья из крыльев рвут!

Они так нежно вам руки жмут
(От бешенства выгнув бровь),
Они вам лавровый венец плетут –
Со лба у вас капает кровь!

У врат XXI века

станислав мисаковский

Когда
наше столетие
подходило к концу
весь XXI век
был поднят по тревоге

границы перекрыли
мосты взорвали
охрану усилили
объявили готовность номер один

перед главным входом
была жуткая давка
задние
спешили напирали
каждый хотел успеть
до полуночи

но таможенники
были неумолимы:
фальшивые монеты
слишком похожи
на настоящие
чтоб можно было себе позволить
смотреть на них сквозь пальцы

как потом сообщала
хроника
лишь немногим удалось перебраться
на ту сторону

* * *

анджей заневский

В Стране Аномалий всё нормально!

Здесь убивают отцов, матерей и детей,
а потом с аппетитом обедают, здесь набивают бочки
новорождёнными, совершают массовые самоубийства
и отказывают в работе миллионам.

Здесь больных птиц выбрасывают за окно прямо на бетон,
учителя продают ученикам наркотики,
здесь обкрадывают бедняков, бьют калек, топят
щенят и котят.

Здесь ради каприза меняют пол, здесь обрубают ноги
и равнодушны к мольбам о помощи...
А сколько бездомных, завшивевших бродяг
на вокзалах...

И всё это нормально для богатых, сытых,
уверенных в себе... всё это нормально.

Всё нормально в Стране Аномалий!

Силлогизмы

марек батерович

I

Если ты живёшь в стране,
где кулак сильнее слова,
не бойся говорить:
даже пойманное, как муха,
слово взорвётся в руке палача.

II

Если ты живёшь в стране,
где свобода голоса похоронена
в урне,
закажи панихиду за упокой её пепла.
И пой сам!

III

Если ты живёшь в стране,
где высшая заповедь – любовь
к красным апельсинам,
будь слеп: это убережёт глаза твои
и сердце для завтрашнего дня.

IV

Если ты живёшь в стране,
где у людей заткнут рот
и связаны руки,
вздохни поглубже:
ведь ты ещё волен дышать!

V

Если ты живёшь в стране,
где вдоль границы растёт
колючая проволока,
радуйся любому дождю:
ржавчина – твой союзник!

VI

Если ты живёшь в стране,
где Верховное Пугало
потрясает трезубцем,
не пугайся: пугало первым
вспыхнет от искры!

VII

Если ты живёшь в стране,
в которую вторглись чужие танки,
улыбнись:

под тяжестью танков
трясина разверзнется!

VIII

Если ты живёшь в стране,
где охранники носят звезду и топор,
вооружись терпением:
звёзды падают,
топоры тупятся.

IX

Если ты живёшь в стране,
где свободу мысли называют безумием,
сойди с ума:
нет ничего омерзительней,
чем угрюмый рассудок судей твоих!

Инструкция по эксплуатации

эва липская

Пытаюсь привести в действие государство.
Внимательно изучаю инструкцию по эксплуатации.
Вращаю народ налево.
Вращаю направо.
Государство не действует.
Народ мёртв.
Подбираю революции. Восстания. Ключи.
Строю козни точно по инструкции
но государство не действует.
Народ мёртв.
Поля сражений зарастают.
Теории ржавеют.
Зажигается красный свет.

Включаю народ.
Выключаю народ.
Прижимаю к груди преступление.
Раздаю детворе
шоколадных солдатиков.
Ракеты из марципана.
Народ мёртв.

Наконец я предъявляю рекламацию.
Союзники санитары
Бирюзовые Ангелы
меняют запчасти.
Однако народ по-прежнему мёртв.
Кто-то по дешевке толкнул язык
заезжим купцам.
Кто-то рухнул
поражённый громом –
исправно работает только смерть
(программа девяносто девять).

Из кладбищенского депо
выезжает трамвай
с жертвами беспорядков.
Контролёры как водится
проверяют билеты.

За рубежом

хелена рашка

Когда молчат слишком долго,
мысли разъедает рак.
Болезнь
может оказаться смертельной.
Поэтому
разумная тирания
предоставляет подданным
умеренную свободу слова.
Трудная штука –
повелевать мертвецами,
хотя их смерть – свидетельство
соблюдения строжайшей дисциплины.
Бывает и так,
что людская речь
взрывается
под напором тишины.
Тут уж того и гляди –
рухнет правящий дом,
хоть белый, хоть красный, хоть иного цвета.
Тогда под шумок
до власти
может дорваться
новый человек или группа лиц.

Поэтому
всякий предусмотрительный репрессивный аппарат
обзаводится собственным
портативным
художественным генератором слов,
который восстанавливает
нормальный уровень молчания
в народе.

Тщетные усилия

станислав ежи лец

Полуправду с полуслова
не понять полуголовым.

* * *

ежи кронхольд

в день выборов
даже над домом престарелых
развевался красно-белый флаг
символ нашей вечно юной надежды
он глотал холодный воздух
красно-белым ртом
вздымаясь как призрак
незримого героя
как ломоть прокопчённого мяса

Из записной книжки

ежи фицовский

реальные доходы
на душу населения
неуклонно растут

те кому следует
всё подсчитали

но душа населения
на голодный желудок ломая голову
реально доходит

до мысли что кто-то где-то
просчитался

Таблица III

адам михайлов

утренней газетой всю срамоту не при-
кроешь даже если добавить листок с
последним указом

игра груп-
повых
интере-
сов ид-
ёт по-
верх цен-
ностей

политика
это зе-
мное
пред-
дверие
ада люд-
ского

оставь
дуракам
напрас-
ную веру
в испол-
нение же-
ланий

как удалось им добиться того что сте-
ны наших домов стали прозрачными

Культуру – в массы*

мариуш зёмецкий

Вы говорите с человеком, которой героически – я не боюсь этого слова – внедряет культуру в массы. Свой Дом Культуры я уподобил бы маяку среди океана варварства. Всем безобразиям одна причина – дикость нравов. Эстетическое воспитание, формирование новой модели досуга – вот мой ответ на невежество и пьянство. Я комплексно открываю народу глаза на духовные ценности: пропагандирую культуру быта; охватываю население кружковой работой. Стараюсь увлечь личным примером: играю на трёх инструментах, фотографирую, веду литобъединение, руковожу кукольным театром.

* Резюме.

Никакая милиция к этому не принудит, никакая власть не заставит. До сердца дубиной не достучаться. Смешно даже сравнивать их возню с моей кропотливой работой по насаждению культуры в толще масс. Они уничтожают – я созидаю. Они искореняют симптомы – я врачую недуг. Мой проект оздоровления обстановки прост, как колумбово яйцо: перенести пивную, где торчат здешние подонки, на магистральное шоссе. Месяц-другой, и проблема безнадёжных дегенератов решена, причём естественным образом. Чиновникам такое и в голову бы не пришло. Но что я для них? Стоит выдвинуть перспективную идею, как эти ограниченные люди тут же поступают наоборот.

Но я вижу дальше, чем они: победа за мной и за теми, кто со мной. Люди должны стать людьми, и они ими станут. Увы, кое-кого мы проглядели. Как ни лезь из кожи, за всеми не уследишь. Тем не менее – другого пути нет – и быть не может. В людях тлеет искорка культуры, надо только её раздуть. Человек тянется к высшим ценностям, как цветок к солнцу. Стоит ему однажды их вкусить, и он уже – наш. Время работает на нас: чуть-чуть терпения – и наша возьмёт!

Мёртвая хватка*

мариуш зёмецкий

– Почему бы тебе не настрочить на нас донос? Марай что хочешь, посылай кому угодно. Мы сами расскажем тебе друг о друге.

Итак, Прокурор города. Так долго был честным, что едва не рехнулся. Но наконец бог вразумил его: он отбросил гордыню, изжил неумеренный радикализм, стал уважать объективные законы жизни. Теперь и людям мил, и правосудию истинный слуга – правдолюбец, но и не догматик.

Председатель. Благороднейшего направления человек – всегда и везде печётся о благе ближнего. Но в решительный момент его неизменно осеняет: будь что не так – на его место, не дай бог, посадят какого-нибудь прохвоста. Тут уж и сам Председатель – чтоб не потрафить подлецу – начинает комбинировать, блефовать да ломать хребты своевольным упрямцам. Он и смерти-то боится только оттого, что смерть влечёт за собой утрату должности. Не надо думать о нём дурно: он остаётся в духовной оппозиции и убеждён, что выполняет подрывную миссию в стане врага – борясь с ним его же собственным оружием.

* Резюме.

Шеф. Человек действия – решителен, прям, ему не знакомо слово «компромисс». Ни на чей счёт не питает иллюзий и без проволочек наводит порядок своими силами, благо силы есть. За кем не водится грешков, – считает Шеф, – если всякого сажать за то да сё, и на воле-то никого не останется.

Пожалуй, хватит. Чтобы донос был принят благосклонно, факты необходимо строго дозировать.

Впрочем, пустая это затея. Жизнь полна невзгод – всегда есть веские причины для отрицательных эмоций. Скорее слёз не хватит, чем поводов для слёз. Стоит ли негодовать по каждому пустяку? Рано или поздно это приходит в голову всякому, кто хочет выжить. Если кто-то перестал быть максималистом, это не значит, что он никуда не годится. Безнравственно требовать от людей большего, чем то, на что они способны. Особенно пока тебе твои теоретические идеалы ничего не стоят – как знать, не отречёшься ли ты от них, когда тебя загонят в угол? Кто может быть в себе уверен? Зло безгранично, оно само творит себя – руками людей, ещё вчера полных доброй воли.

Если бы все безупречно выполняли свой долг, давно бы наступила следующая историческая эпоха. Не может где-то в одном месте вдруг стать лучше, чем везде. Не может один фрагмент социальной системы функционировать лучше, чем система в целом. Кто бы ни занял наше место, будь он на первых порах хоть честнейшим из смертных, – ничего он не добьётся. Честность существует не для того, чтобы мир изменился к лучшему, а для того только, чтобы иногда людям становилось слегка не по себе. И тогда люди идут выпить. Сегодня ставит Шеф – его очередь.

– Вы не боитесь, что вас утопят?

– Нас – нет. Надеемся, что нет.

*** * ***

к г

загнали
клячу истории
неизвестный герой
кончил дело
милосердным выстрелом в лоб

едва была решена проблема
справедливой делёжки мяса
разгорелся спор
из-за шкуры

переговоры входят
в решающую фазу

Замеченные опечатки

томаш глюзинский

последнее время
в печати замечены
следующие опечатки

напечатано	завидный	*следует читать*	занудный
напечатано	до нас	*следует читать*	донос
напечатано	собрались	*следует читать*	заврались
напечатано	повышен	*следует читать*	повешен
напечатано	во главе	*следует читать*	по голове
напечатано	великая	*следует читать*	клика
напечатано	отправлен	*следует читать*	отравлен
следует читать	слова	*напечатано*	чёрта с два

приносим авторам и читателям
искренние извинения

Песенка Кити Коти о военном положении

мирон бялошевский

военное положение
постоянно в движении
оно стареет
седеет
ежедневеет
того и гляди
как всё и везде нам
повсёравнеет

Сейсмология

алиция рыбалко

Сначала улетают меньшинства.
Потом начинает трепыхаться интеллигенция.

Наконец весь народ отправляется в полёт.
Последним просыпается правительство.

Как правило, уже после землетрясения.

Секретная инструкция по предсказанию будущего

казимеж вуйтович

1. Закрыть все переходы
на границе сна и яви
тут и там ввести
чрезвычайное положение
чтоб ни единая мысль не просочилась

2. Организовать
поголовные прививки от чуждых влияний
провести всеобщую переподготовку
сдвинуть границы
подменить стороны света
звёзды упрятать за дымовую завесу
упразднить имена
стереть папиллярные линии

3. И только после этого
выдать прорицателям наряд на работу

4. А под занавес их же и наказать
за излишества фантазии
и низкую эффективность пророчеств

Инструктаж

артур мендзыжецкий

Убейте стариков
Вы молоды
Будущее за вами
Гоните в шею старых поэтов старых бродяг старых фигляров
Залпами смеха гвоздите толпу старичья
А не поможет – мы дадим вам армию
Наши юные офицеры не понимают иронии
Мы дадим вам танки автоматы вертолёты
Дадим вам целые улицы огня

Дадим казематы и камеры для допросов
Освободим от всеобщей повинности просвещения
от всех законов урезающих вашу свободу
Мы избавим вас от бремени десяти заповедей
Войте всласть не стесняйтесь университеты – на свалку истории
Жгите музеи крушите черепа господам интеллектуалам
громите филармонии
Вы исключительны значит
Вам принадлежат исключительные полномочия
Мы вручаем их вам от всего сердца
Уважение оказанное вами возвращает нас в лучезарную юность
свидетельствуя о неизменности курса нашей планеты
Убивайте недовольных недоверков недоумков
горлопанов лицемеров прогрессистов щелкопёров
вольнодумцев и вольнодумок
Убейте всех до единого этих старых хрычей особенно средних лет
Всех – кроме нас

Вольно!

Об ответственности

станислав ежи лец

Мы с тобой песчинки лавины.
Разве в чём-нибудь мы повинны?

Экзамен

эва липская

Конкурсный экзамен на вакантное место короля
прошёл успешно.

Среди претендентов был ряд королей
и один кандидат в короли.

Королём избрали одного короля
которому на роду было написано стать королём.

Он получил дополнительные баллы за происхождение
за спартанское воспитание
и за улыбку которая сразу обворожила всех
слегка придавив за шею.

Об истории он рассказывал
с тонким чувством молчания.

Официальный язык
оказался его родным языком.

Говоря о вопросах искусства,
он тронул комиссию за душу.

А одного из её членов
тронул так что душа вон.

Да
уж это точно был король.

Председатель комиссии сбегал за народом
чтобы торжественно
вручить его королю.

Народ
был переплетён
в собственную кожу.

На похоронах

станислав мисаковский

Он возлежал
в чёрном костюме
и белой сорочке
на стерильном ложе
с мягкой подушечкой
под головой

в удобном и крепком
дубовом гробу

Боже сохрани
коснуться земли
перепачкать лицо
замарать руки

один из сановников
толкнул похвальную речь
дескать всеми любимый

премногоуважаемый
так скоропостижно
так безвременно

этой сволочи всегда везло –
буркнул кто-то

вечный покой
даруй ему Господи –
подытожил священник

на крышку гроба
упала горсть земли
могильщики довершили дело

свежий холмик скрылся
под курганом цветов

скоро над округой вознесётся
памятник с золотыми буквами

а лежит под ним
отъявленный подонок
выродок монстр

поодаль
среди безвестных могил
гуляет ветер

молчит у забора
заросший бурьяном ров

там врастают в землю
сброшенные тайком
десятки
безымянных трупов

Новый орден

константы ильдефонс галчинский

Новый орден придумал генерал Смерделино,
скоро Гнусман матрицу слепит:
в лавровом венце – пузырёк с вазелином,
а под ним девиз: «Страх и трепет».

Демократия

роман гожельский

= = = = = = =
= = = = = = =
= = = = = =
= = = = = = =
= = = = =
= = = = = = =

Трамваи

яцек березин

Трамваи – наименее реакционный элемент в истории обществ. Они всегда следуют одним и тем же маршрутом, им дела нет до вечных вопросов. Те времена, когда они служили баррикадами, плохо сказались на их здоровье. Они стали вспыльчивы и несдержанны.

Ночью, устав от воя клаксонов, трамваи спят в депо. Мечтают о дальних странствиях в края апельсинов и демократии. Они не стремятся уйти на пенсию.

Знают, что даже тогда мечта их не осуществится.

Из сонника

эва липская

Если тебе приснится власть –
неделю не выходи
изо рта.

Мой президент

хенрик бардиевский

К президенту наша семья приближена с давних пор: как-никак мой отец был его личным шофёром, а дядя – личным охранником. Со временем дядя одряхлел, стал охранять всё хуже, и президенту пришлось подыскать парня покрепче. Вот его выбор, понимаете ли, и пал на меня.

Выдали мне добротный костюм, отличные туфли, и я влился в президентскую свиту. Я имел честь познакомиться с премьером, десятью министрами и одиннадцатью своими коллегами – такими же, как я. От среднего министра я почти не отличался, и президент частенько заговаривал со мной о том о сём из политики, а раз даже принял меня за премьера и поговорил о погоде.

Президент был мужчина высокий, представительный, поэтому его поделили на двенадцать секторов. Мне досталась левая нога, её-то я главным образом и охранял. Мы не отходили от президента ни на шаг, вся информация поступала к нему только через нас. Даже по телевидению мы выступали вместе, чёртовой дюжиной: президент посредине – мы по бокам.

Однако вскоре мы отправились с визитом в соседнее государство, и там начались неприятности. В отличие от президента, никто из нас этих соседей не любил, и мы решили их близко не подпускать. Местное правительство подпустили только на десять шагов, и то лишь на минуту, а их президента вообще решительно оттеснили. Но воспрепятствовать проведению митинга всё же не удалось. Президент через мегафон держал речь перед сотнями людей, вдобавок на их языке.

После одной из его фраз начались бурные проявления дружеских чувств: толпа ринулась обнимать нашего президента. Давка жуткая, фоторепортёры, киношники, телевидение, кого только нет... Делать нечего: перестроили мы фронт и первыми бросились обнимать президента. Я сам раз пятнадцать (через короткие промежутки времени) обменялся с ним рукопожатиями, а некоторым коллегам удалось проделать это по двадцать раз и более. Потрудились на славу, но, как выяснилось – зря: ликующая толпа и без того поголовно состояла из наших агентов.

Зато на завтрак, который был дан в честь президента, набежало всякого сброда, и тут уж агентами были далеко не все. Тамошнего президента не допустить на завтрак было невозможно. В связи с чем нашего мы попросту изъяли. Поначалу он, правда, артачился, но любой из нас и в одиночку посильней его будет, что уж о дюжине-то говорить. К тому же президенту как шепнёшь «бомба», он и без применения силы сделает, что приказано.

Под конец, чтоб сократить визит до минимума, мы взяли под контроль президентское питание. То одно нам казалось подозрительным, то другое не внушало доверия, а всё прочее мы, во имя безопасности, предпочитали съедать сами. Через три дня голодовки президент осунулся и почернел, а на пятый заявил, что важные государственные дела призывают его на родину.

Проводили нас овациями. По возвращении мы провели заседание кабинета. Президент говорил мало, он ещё не пришёл в себя. Впрочем, за нашими спинами он и так мало что видел. Потом велел, чтоб его отвезли домой. А после нам сказали, что всё это время мы охраняли двойника...

К настоящему президенту, понимаете ли, даже мы доступа не имеем. Хотя не исключено, что никакого настоящего президента вообще нет.

Невидимка

хенрик бардиевский

Он целыми днями сидел в мастерской, увидеть его можно было только вечером. Много лет провёл он в трудах, пытаясь стать невидимкой, и не было в городе человека, который не смотрел бы на него со злорадством. Иные не отказывали себе и в репликах типа: «А я вас вижу, вижу, вижу...»

– До поры – до времени, – отвечал он беззлобно. – Ещё чуть-чуть, и только вы останетесь на виду. Взгляните на мою улыбку – её уже почти не видно. Так будет и со всем остальным!

Улыбка нас несколько насторожила, кое-кто признал, что её и впрямь почти не видно, другой добавил, что и само лицо как-то расплылось. Невидимка остался доволен. Он созвал всех, кого мог, на рюмку вина и объявил, что его визуальное самоустранение продолжается. К концу вечера часть гостей сошлась во мнении, что его уже почти не видно, а двое пришли к выводу, что не видно совершенно.

На другой день, на воскресной прогулке, невидимка шествовал посреди тротуара. Его новый костюм очень бросался в глаза. Кто-то не стал кланяться ему из вежливости, другие – из жалости. Невидимка так и светился от счастья. Сначала он вёл себя спокойно, но поверив, что и вправду невидим, стал радостно повизгивать и корчить дурацкие рожи. Кто почестней, те опустили головы, большинство же в то воскресенье основательно погрязло во лжи.

Весть о нашем невидимке разнеслась повсюду, и вскоре начали приезжать люди из других городов, чтобы иметь удовольствие его не видеть. Попадались, правда, индивиды, утверждавшие, будто видят его, однако большинство умело себя вести и смотрело надлежащим образом. Между тем, невидимка вёл себя всё более дерзко. Он подслушивал конфиденциальные разговоры, подглядывал за влюбленными, бесцеремонно входил в любые дома и учреждения. Отнюдь не все были этим довольны.

– Слушай, ты, невидимка, – не выдержал наконец кто-то, – или ты наконец образумишься, или я тебе такого пинка дам по твоей хвалёной невидимости, что ты и впрямь исчезнешь!

Но невидимка был уже слишком силён, чтобы считаться с угрозами. О каждом из нас он знал всё, и было небезопасно с ним

ссориться. Кто потрусливей, делал вид, что не видит даже его жену и детей, даже его собаку (а у него был сенбернар внушительных размеров). Невидимка наглел с каждым днём, а мы всё больше стыдились своей глупой слабости.

Вот и ходим теперь, опустив головы, чтоб не смотреть друг другу в глаза. Мы не хотим видеть друг друга, чтоб не оправдываться, не объяснять, как дошли до такой жизни. Тщетно мы пытаемся вспомнить, кто первый солгал. Напрасно ищем того, кто первый скажет правду. Так кто же всё-таки скажет этому чёртову типу, что мы его видим, как на ладони?

Катаклизмы

анджей вархал

– Господа, – дрожащим голосом объявил адмирал, – ситуация чрезвычайная. Ночью кто-то спустил всю воду из нашего моря.

Собравшиеся переместились в южный угол зала.

– Не может быть, – выдавил из себя министр обороны. – Вокруг одни союзники, а эти, с юга – вообще братья.

– И тем не менее воды нет, – повторил адмирал. – Флот вернулся пешком.

– Может, утечка? – заподозрил премьер. – Да нет, все держали язык за зубами.

– Надо бы что-нибудь сказать морячкам, – процедил президент.

– Рано или поздно они всё поймут и перестанут ходить, расставив ноги.

– Это не проблема. Им всегда можно сказать, что мы меняем воду.

– Насчёт моря я бы не очень-то и жалел, – вставил советник.

– В конце концов оно и так было недосоленное.

– Можно было поперчить.

– Теперь уж что есть, то есть, – сказал премьер. – По крайней мере не придётся достраивать корабли.

– Можно их переделать в гостиницы.

– Да кто теперь сюда поедет? – усомнился адмирал. – Уже с пирса видно, что воды нет.

– Дураков у нас хватает. Привезем сотню-другую, и пускай себе бегают по пляжу.

Собравшиеся переглянулись.

– Боюсь только, – напомнил президент, – как бы церковь ситуацию не использовала. А то раззвонят, будто море расступилось перед беженцами.

– Это ещё не всё, – тихо вздохнул министр внутренних дел. – Что-то неладное творится с территорией страны. Ночью кто-то перенёс наши границы.

Собравшиеся скучились в центре зала.

– Невероятно, – пробормотал министр обороны. – Должно быть, это тектонические смещения. Я даже чувствовал ночью какую-то тряску.

– Это у вас под кроватью террорист сидел.

– Исключено – во вторник делали уборку.

– А если кто-то всё это предпринял из лучших побуждений? – предположил премьер. – Чем меньше мы будем, тем труднее будет в нас попасть.

– Только бы этот кто-то не переборщил. Придётся же людям объяснять.

– Ну, по этому поводу я бы особенно не переживал. Дадим информацию в газетах, и никто, естественно, не поверит. К тому же площадь можно выразить в миллиметрах – кому охота пересчитывать.

– Есть ещё третий момент, – тяжело дыша, сообщил маршал. – Со вчерашнего дня из нашей атмосферы куда-то уходит воздух.

Собравшиеся кинулись к выходу, но дверь была заперта снаружи.

Совещание

анджей вархал

– Господа, – воззвал президент. – Наша армия неслыханно разрослась. На войну рассчитывать не приходится. С армией надо покончить немедленно.

– Уже приступили, – доложил старший по званию. – Флота больше нет. Подводные лодки высланы вглубь материка. Чтоб никто не догадался, мы трижды в день поливаем их водой.

– Воздушные силы тоже на исходе, – отрапортовал чин помладше. – Вторую неделю репетируем катастрофы, остался только наземный технический персонал.

– В ракетных войсках тоже всё в порядке, – дополнил самый толстый. – Я их так упрятал, что сам найти не могу.

– В таком случае проблема только с пехотой, – заметил президент. – Все склады ею забиты. Старшие призывы уже покрылись плесенью.

– Может, на пенициллин переработать?

– Легко сказать – зерна-то нет.

– Тогда уморить голодом.

– Бесполезно, – вмешался самый худой. – Первый округ уже месяц как снят с довольствия, а оттуда всё ещё строевые песни слышно. Однако мы делаем всё возможное. Группа офицеров

целую неделю кучно лежала на снаряде, правда, потом оказалась, что он так и не взорвался.

– Труднее всего с почётным караулом, – добавил ещё один. – Численность личного состава так возросла, что президент братской страны два дня обходил строй.

– Ещё хуже – с расстрельными взводами. Их столько, что приговорённым приходится по нескольку раз менять позу, чтобы все могли попасть.

– Это не проблема. Построить взвод кольцом, и бойцы сами друг дружку перестреляют.

– И всё-таки я бы применил атом, – подытожил президент. – Правда, расщепить его нам пока не под силу, но пару раз мы его довольно крепко тряханули. Скоро вопрос будет решен тотально. А если останутся какие-нибудь недобитки, сколотим из них партизанские отряды, и можно будет всё начать сначала.

Демонстрация

анджей вархал

– Да что за наказание, не могу я больше стоять, – ныл король, нервно переминаясь на трибуне с ноги на ногу. – Уже совсем темно, а никакой демонстрации не было и нет,

– Может, ещё придут? – предположил министр внутренних дел. – Может, маршрут перепутали, с пути сбились?

– Да вокруг же тишина мёртвая. Я уж и к мостовой ухо прикладывал – ничего не слыхать.

– А вдруг они на цыпочках идут?

– Чего им подкрадываться? Это ж национальный праздник.

– Они мне ещё в прошлом году не понравились, – сказал король. – Их было совсем мало, вдобавок они перед самой трибуной кинулись врассыпную.

– Не исключено, что в этом году они пробираются по канализации, – заметил кто-то сбоку.

– Там началось какое-то движение, – вытянув шею, прошипел молодой герцог.

– Только бы не движение сопротивления, – перепугался король.

– Вот уж действительно, – вставил камергер. – Так ведь и до революции недолго.

– Если б это была революция, было бы хоть что-то слышно. Тогда вечно что-нибудь орут.

– А если им орать не велено?

– Как бы там ни было, надо что-то делать, – заявил престолонаследник. – Оркестр давно уже играет всякое старьё.

– Хоть бы кортеж какой-нибудь прошёл, что ли, – вздохнула первая дама. – Пускай хоть похороны. Мы бы хором скандировали: «Да здравствует покойник!!»

– Да и время бы выиграли, – отозвался старый герцог. – Объявили бы минуту молчания.

– Мы и так уж её несколько раз объявляли. Журналисты давно не верят в эту нашу минуту. Надо выступить с каким-нибудь заявлением для прессы. Все бы давно разбежались, если б не телевидение. Оно же нас всё время снимает.

– Нет проблем. Им сообщат, что это новая форма манифестации. Граждане включают телевизоры и маршируют по месту жительства.

– А может, всё-таки речь произнести? – бросил престолонаследник. – А то ещё заподозрят, будто нам нечего сказать.

– Вы же знаете, я не могу произносить речь, – возмутился король, – потому что некому прерывать её аплодисментами. А в тексте у меня то и дело такие места.

– Сделайте паузу в нужном месте, и мы вам поаплодируем.

– А может, всё-таки пойдём? – буркнул министр церемоний. – Больше стоять нельзя – послезавтра совсем другой праздник,

– Идите, если хотите, – отозвался король. – Я остаюсь. Только мы покинем трибуну – а они тут как тут. Займут наше место, и на будущий год уже не они будут маршировать, а мы.

Где и когда?

станислав ежи лец

Да была ль такая каста,
чтоб себе сказала: «Баста!»?

Голова предателя

роман гожельский

тёмные тени знают какое
наслаждение вздёрнуть на дыбу даже того короля
которого долго держали в темнице
прежде чем состоится обряд похорон
догму поднесут в подарок новому властелину
– благородное первое лицо государства
станет героем эпоса как только под топором
падёт голова предателя – что и предвещали местные
катастрофисты

до того как согнуться в поклоне перед троном
гороскопы составлены так чтоб легче было узнать жертву
и престолонаследника по червонным листьям
передаваемым строго из рук в руки – правда страна
не в восторге от торжеств усекновения головы
и это приводит властителя в бешенство

Было

януш шубер

Разве это был сад? Нет, это был не сад.
Мы лежали в объятьях колючей проволоки,
Перед глазами маячил обрывок инструкции.
Годы шли, с ветхой вышки
Один за другим спускались охранники,
Гадали о будущем по конскому навозу.
Разве это была крепость? Нет, не крепость.
Сторожевые вышки превратились в мачты,
Нас сотрясали тектонические толчки,
Мы обрастали под шёлком кристаллами кварца,
Нас увозили серые папирусные лодки.
Как это было – тепло, холодно, твёрдо, горько?
Нет, было безвкусно, вкус нам отбили.
Так что ж это было? Не знаю, что это было.
Галлюцинация? Явь? А может, кошмарный сон?

Сказка VI

кшиштоф кучковский

Говорят, в генерале сидит чёрт.
Неправда. Это в чёрте сидит генерал.
Чёрт устраивает муштру и парады.
Чёрт развязывает войны, о которых люди говорят:
чёртова война. Чёрт посылает солдат на верную
смерть, и солдаты гибнут за своего
чёрта. Чертовски хитрый трюк с этими
генералами: притаились в чёртовых кишках
и вроде как сами ни в чём не виноваты.
Совсем как вши, которые просто пьют кровь.

Польско-польский диалог

славомир мрожек

А. – Так вы утверждаете, что вышибли мне зубы и отбили почки ради моего же блага?

Б. – Конечно. Должен же был вас кто-то избить – если б не я, это сделал бы кто-нибудь другой. Сами знаете, кто. Но только он бы вас травмировал значительно сильнее: уж он бы вам не только вышиб зубы и отбил почки, но и сломал ключицы, вырвал ногти и выдавил глаза. Так что, вместо того чтоб меня ненавидеть, вы должны быть мне благодарны.

А. – Значит, вы не потому меня искалечили, что я вам не нравлюсь?

Б. – Я хотел уберечь вас от ещё большего зла.

А. – И вам самому не было в том никакой корысти?

Б. – Разумеется, нет, как вы только можете...

А. – Никакой личной выгоды?

Б. – Терпеть не могу личной выгоды. Прямо-таки отвращение к ней испытываю. Мне по сердцу только общее благо, а стало быть, и ваше тоже.

А. – Выходит, вы ради меня собою жертвуете?

Б. – Естественно, жертвую. Думаете, мне приятно зубы вам вышибать да почки отбивать?

А. – А то нет?

Б. – Да что вы, в самом-то деле. Что за гнусные подозрения. Напротив, мне было чрезвычайно неприятно. Я плакал, но бил.

А. – Действительно, настоящее самопожертвование. Столько неприятностей, столько труда – вы ведь при этом чертовски устали, не так ли?

Б. – Уфф, да уж, тяжкая была работёнка.

А. – Вот именно. Столько усилий, столько хлопот, и всё ради меня – чтоб мне было не хуже, а лучше.

Б. – Да-да.

А. – Исходя из моих интересов, в заботе обо мне, ради моего же блага.

Б. – Исключительно.

А. – Ничего для себя, всё – для меня. Не правда ли?

Б. – Именно так.

А. – Так вот, если то, что вы сделали, не принесло вам ни удовольствия, ни выгоды, а ровным счётом наоборот, если вы готовы на любые лишения, только бы мне стало легче, а не тяжелее, и поскольку вы, как я понимаю, сами меня на это уполномочили, в связи со всем этим...

Б. – Ну, в чём дело?

А. – Осмелюсь обратиться к вам с одной просьбишкой. Раз уж вы до такой степени собою жертвуете...

Б. – Ах, право, я охотно, чем могу...
А. – ...Так разрешите мне и дальше вас всё так же ненавидеть.

Мечты

станислав ежи лец

С тех пор как зеркало отправили в корзину,
мила ему любая образина.

Молитва

александр навроцкий

От лже-пророков
храни нас, Господи.
Повергни кресты,
на которых не Бог – а политика.
Оставь простым людям
их прямые пути и простые сердца.
Повели ангелам своим
влить в уста златоустам
их расплавленные сребреники,
чтоб народ их больше не слышал,
– тогда он в себя поверит.

О чём не знает политолог

артур мендзыжецкий

Да что он знает политолог?
Ему известны ведущие тенденции
Актуальная расстановка сил
История доктрин

А о чём политолог не знает?
Он же понятия не имеет об отчаянии
Не понимает игры состоящей в том
Чтоб выйти из игры

Ему не приходит в голову
Что необратимые изменения

Обнаруживаются внезапно
Как будто вдруг треснула льдина

И что к природным богатствам
Относятся также осознание вечных законов
Способность восхищаться
И чувство юмора

Должен, не должен

чеслав милош

Не должен человек поклоняться луне.
Топор в его руке не должен терять свой вес.
Пускай сады его благоухают гнилыми яблоками
И в меру зарастают крапивой.
Человек не должен всуе поминать слова, ему дорогие.
И расщеплять зерно, желая дознаться, что внутри.
Не должен бросать крошек хлеба, плевать в огонь
(Так, по крайней мере, учили меня в Литве).
Но если на мраморные ступени поднимется
Хам, пусть выщербит сапогом отметину –
В напоминание о том, что лестница не вечна.

Самообладание

томаш глюзинский

всё в руках Провидения
но частности определяет
инерция
            тут не поможет отвага
смирение мудрость плач

требуется невероятное
самообладание
да немного удачи
                плюс
обычная осторожность
                умение вовремя
заткнуть уши
и отскочить
от потерявшего равновесие
железного колеса Истории

*** * ***

станислав игнаций виткевич

История – туда, сюда...
а что в итоге? – ерунда.
История – и так, и сяк...
а что в итоге? – кавардак.

Можно

эва липская

Можно бежать на поле боя
только затем
чтоб вписать в строку число убитых.
Только затем
чтоб в одиночку погибнуть.
Врага потерять из вида.
Чтоб подобрать пейзаж под будущие руины.
Только затем
чтоб заметить разницу
между определением потопа
и потопом.
Можно бежать на поле боя
только затем
чтобы бежать.

альтернатива

станислав навроцкий

когда пойдёт с молотка
самый гордый клочок неба в короне Пястов набекрень

когда приватизируют последнюю ветку
и даже у птиц не будет своей трибуны

когда именем закона ворвутся
со смертью в руках и банковским билетом вместо головы
чтоб воскресить извечные комплексы

когда иерарх
украдкой минуя алтарь снесёт Иисуса в ломбард

когда песни о Надежде перегреются
и уже не будут охлаждать нашу землю

тогда придётся нам
поджечь этот мир как кучу хлама –
ибо так начинаются все революции

Броненосец «Потёмкин»

рышард крыницкий

он плывёт сквозь наше время
и возмущённые сердца

из поколения в поколение
меняется команда: призраки
наших дел

из поколения в поколение
вспыхивает бунт
из-за паскудной кормёжки
и отравленных ложью идей

из поколения в поколение
тухлое мясо – наша еда

призраки питаются призраками
мясо команды становится хлебом насущным
броненосец «Потёмкин»
плывёт сквозь наше время
и ослепшие наши сердца

Критическое состояние

томаш глюзинский

причина
            всегда одна и та же

мысли многократно продуманные
но не высказанные
                оседают
в черепе как нагар
стены сознания обрастают ими

и вот наконец
довольно напёрстка
горечи чтоб сжатие достигло
фазы
которую физики называют
критическим давлением
а историки
просто-напросто
революцией

Логика

станислав ежи лец

Чтоб мир исправить, для начала
повесить надо палача бы.

* * *

юзеф баран

всё чаще думаю
что жизнь это наша
несбывшаяся любовь к миру

хуже всего когда она колобродит
где-то там под землёй взрывая русло
вырождается
в войны революции –
всеокисляющий уксус
вновь и вновь подаваемый на губке
страждущему
Христу

Рецептура взбивания масс

иоанна саламон

Стадия I – начинаем взбивать.
Взбиваем указанное количество единиц
до консистенции густой серой массы.

Когда субстанция станет однородной,
это значит – массы взбиты надлежащим образом –
тут уж нас никто не собьёт с панталыку:
количество переходит в новое качество.

Стадия II – продолжаем взбивать
серое вещество до пены у рта.
Верный признак – изменение цвета:
вместо кричащего спектра красок –
тусклая серость забитых масс.
Разворачиваем над массами знамёна,
морем знамён заслоняем небо.

Стадия III – полученные массы
выдавливаем в заранее отлитые формы.
Затем стальным ножом диктатуры
обрезаем излишки –
отходы процесса.

Недобитки собираем и взбиваем снова –
вплоть до сокрушительной победы
нашей нетленной идеи.

Жатва

станислав сроковский

брату Михалу

ропот зерновых
ничего не даст

обмен мнениями
между косой и овсом
будет острым

отец
на стороне косы

ячмень ощетинился

пшеница
скрылась в траве
и не высовывается

наконец
революция свершилась

колосья
утратили власть

освобождённая стерня
захватила поле

а от межи
новая угроза

начинается
интервенция плуга

Завтра

томаш глюзинский

вот и
        гаснет правды пламя

мрак пророчит –
                перед нами
злое время перелома
завтра слово
станет кровью

* * *

бронислава островская

Видеть кровь, текущую по бороздке клинка
сабли – безжалостным жалом –
и думать: стечёт...

Идти по лесу – выжженному пепелищу
обугленных, искалеченных царственных стволов –
и думать: вырастет снова...

Слышать сердце – рвущее грудь
смертельным биеньем победного бунта –
и думать: забудет...

Способ существования страха

анджей огродовчик

Вы спрашиваете зачем?
Столько слов на плакатах, в листовках, законах
прокламациях, воззваниях, заявлениях, лозунгах?
– Язык бумаги развязался среди ночи?
Вы спрашиваете зачем?
Мундиры, костюмы, тёмные очки, холодные перчатки
плотоядные гильотины?
– И это – красота веков?
Вы спрашиваете зачем?
Решётки, верёвки, мутные окна в тумане дознаний
приходская грязь взрывается засохшей жёлчью в протоколе?

А может именно так скрывают
понос революций.

Осторожно!

мария буянская

Окрашено! Не прикасаться!
Родина покрыта свежей краской.
Ей поменяли печень, почки, поджелудочную.
Трансплантировали сердце.
Моя Родина питается иной материей, пьёт иные соки.
Ей изменили угол наклона солнечных лучей,
дали новую звезду,
новые слова молитвы.

Окрашено! Не прикасаться!
Родина страдает астмой,
плохо спит по ночам, глушит элениум...
Родина задыхается от избытка внезапной Свободы.
Срочно!
Немедленно дать ей кислородную подушку!

Моя Родина перенесла переливание крови.
Количество красных телец резко падает.
Белые опасно размножились.

Окрашено! Не прикасаться!
Кожа потрескалась, мозоли, началась гангрена конечностей.

Прогноз благоприятный...
Смерть (пока) предотвращена.
Ампула счастья вводится перед сном.
Благосостояние впрыскивается три раза в день –
только по рецептам!
За окном колосится зелёное будущее (слишком густая краска,
маляр никудышный).

Бинты в любой аптеке.
Пенсионерам – скидка.
Боль смягчает пилюля с крестиком.
Большие кресты забронированы для новых Святых.

Осторожно!
Окрашено.
Не прикасаться!

О многом

станислав ежи лец

Над планами корпят и спорят мудрецы,
а после второпях портачат стервецы.

* * *

тадеуш ружевич

чёрные пятна белы

перед третьей
сияющей
звёздной
войной

вместе с инстинктом жизни
у людей отняли фантазию
смерть затаилась
в луке салате
в зелёном
цвете надежды

родился ребёнок
о двух головах

родился телёнок
о трёх ногах

белые пятна черны
чёрные пятна красны

свора журналистов
что-то вынюхивает
у закрытых дверей
дипломаты осклабясь
играют в кости
гадают о будущем мира
и рода людского
по кишкам погибших солдат

родился ребёнок
о четырёх ногах
родился телёнок
о двух крылах

политики и генералы
беседуют с глазу на глаз
за закрытыми дверями
изобразив на лице
второе лицо
пытаются сохранить
свои безликие лица

белые пятна черны
чёрные пятна жёлты

Военный парад

вислава шимборская

Земля – земля,
земля – воздух – земля,
воздух – вода – земля – земля – вода,
вода – воздух – земля – воздух – воздух,
земля – вода – воздух – вода – земля – воздух,
воздух – земля – земля – земля – земля – земля

Земли! Воды! Воздуха!

Почта

пётр мицнер

Ждут: когда снимут заклятье
возместят убытки
вернут Потерянный Рай
и тут – приходит повестка
на Страшный Суд

Речь вождя индейцев племени сиатль

барбара бяловонс

Слушайте, Братья, плохи дела.
Белый Вождь в далёком Вашингтоне
желает купить остатки прерий,
которые ещё не успел у нас отобрать.

Я спрашиваю:
как можно торговать небом или творениями земли?
Каждая сосновая иголка,
каждая птица и насекомое,
каждое дуновение ветра
– священны!

Зверь, дерево, человек – наши братья.
Всех объединяет воздух.
Он кружит в наших жилах,
принимает наше последнее издыхание.
Человек не владеет землёй –
он сам принадлежит земле.

Белому Человеку кажется,
что он ткёт материю жизни.
Но он лишь тонкая нить.
События – как волны: прихлынут и отхлынут.
Ткань пребудет вечно.

Белый Человек здесь чужой.
он приходит ночью, отнимает у нас землю.
В своей ненасытности заглатывает пространство.
Шумные города и горящие прерии –
вот его след.

Бог прощает клювам, когтям, лапам, зубам,
даже ножам, при обороне.
Но то, как Белые убивали стада бизонов,
чтоб мы погибли от голода,
останется в Его памяти.

Мы, некогда столь отважные и многочисленные,
спасаемся в резервациях.
Белому Человеку не избежать
похожей судьбы.

Можно предвидеть, что он, по своему обыкновению,
превратит Землю в пустыню.

Пустыня поглотит его...

*** * ***

эльжбета мусял

Они черпали горстями
из родника будто из колодца
а доброе небо летело птицей

Вода затопила белизну облаков
– их жизнь уже оплело чернотой
уже соринка в глаз попала

Ой да небо высоко
Ой да вода глубоко
а они посерёдке

Что же будет что будет
когда вода-то схлынет

Ой да небо высокое чистое
Ой да родник от жажды вольный

Лес ты прекрасен

иоанна саламон

Лес – ты прекрасен – однако
тебя уже нет – хоть ты и прекрасен

в тебе полно белок – но ты пуст
полно тропинок – но выхода нет

Ты уже не для человека
даже не для того кто очень хотел бы чтоб ты
снова был всем –
ибо ты уже ничто

Уже не ты диктуешь условия
тебе их диктуют
уже не ты охраняешь – тебе самому нужна охрана

Ты нам по-прежнему необходим – но уже стал лишним
Лишним хоть и необходимым
как Данте – семья – отчизна – молитва – Бог

Природа сужается до среды обитания
– до резервации – до символа –
до аудиовизуального знака
до нажатия кнопки
на панели новой природы – техники

а Бог – то ли съёживается – то ли вырастает?
до размеров Человека –
до размеров его пальца жмущего на кнопку

Рубят наш лес

анджей заневский

Лесорубы убивают деревья,
лесорубы уничтожают лес,
лесорубы гордятся своим ремеслом.

Гордятся силой своих топоров,
блеском их лезвий, визгом механических пил,
пустотой, которую оставляют позади.

Они не слышат и не хотят слышать
плача листьев и крика ветвей,
не видят и не хотят видеть
разорённых гнёзд, растоптанных муравейников.

Лесорубы, поплевав на ладони,
вырубают, кромсают, пилят, валят наземь...

Резня продолжается. Лесорубы считают и пересчитывают.
Обречённые деревья в тревоге и ненависти
ждут стона придавленного дровосека,
ждут мгновения справедливости,
краткого перерыва в убийстве.

Не внушай себе, что лес тебе друг,
не внушай себе, что лес всё забудет,
что не будет отмщенья.

– Это я, человек, – твердит лесоруб.

Человек – это звучит жутко.

Рубка деревьев

эльжбета пиотровская

Дровосеки рубят деревья,
когда луна на ущербе:
меньше сока – так мы быстрей сохнем.
Они рубят нас, когда тень всё глубже,
обрушивают наземь наши прожитые годы;
то, что сияло, застилает мрак.
Одни рубят нас в поте лица,
с размаху, сверкающими топорами,
иной раз мы падаем на них, гибнем вместе.
Другие тарахтят бензопилами –
эти спокойны, осторожны, отскакивают вовремя.
Мы ничего не можем им сделать.
Безропотная смерть – только скрипнуть
и рухнуть с глухим стуком, стоном земли,
не дождавшись, пока луна пойдёт в рост.
Мы сгорим в печи под бурлящими котлами,
из нас сделают окна для новых домов, телегу, лодку.
Кто-то из этих окон, из телеги, из лодки
будет смотреть на луну,
и она будет светить уцелевшим.
Так смотрят на жизнь из гроба, из-за рёбер скелета,
сквозь глазницы – высохшие озёра.
А дровосек вернётся домой,
чтобы есть дымящийся суп
ложкой, выструганной из моего плеча.

Дерево срублено

юлиан кавалец

Оно уже срублено
Уже убито
А впереди новые пытки
Распилка, рубка
Четвертование, ломка
Острое железо
Сжатые рты
Вооружённая рука
Падает сверху
Колет на мелкие щепки
Страдание без конца
И вот пылающая награда
Огонь

Участь природы тоже

рышард крыницкий

Облака свободно пересекают границы
и нарушают воздушное пространство соседних стран,
волны морские бушуют
в чужих территориальных водах,
Всеобщая Декларация Прав
отступает перед конституциями –
конституции менее практичны,
чем уголовные кодексы:

с тех пор как в полицейских государствах
принимают законы об охране окружающей среды,
видимо, участь природы
тоже предрешена.

2002

гжегож врублевский

– Простят ли нам когда-нибудь лягушки?
– Не знаю.

– А если каждое крылышко мухи посчитано?
– Значит, посчитано.

– Как это можно проверить?
– Этого нельзя проверить.

– И что же я должен делать?
– Не думай об этом.

* * *

анджей заневский

рыболовам

Кожа рыбы чувствительна, как человеческий глаз,
твой глаз... Невероятно чувствительна...
Помни об этом, рыболов, живьём жарящий форель,
плотву, линя, леща... Ты соскребаешь ножом
чешую и бросаешь рыбу на сковородку...

Кожа рыбы болит, рыба страдает, ты уже
знаешь об этом из моего стихотворения.

Ну и что?

Кожа рыбы чувствительна, как твой зрачок,
но твоя совесть так же чувствительна, как стальной
крюк или капроновая леска.

Машина всасывает отходы

станислав станик

подъехал фургон
широкий не подступись
моторами поигрывает

ох и велик
а хобот такой
что может всосать
всё содержимое контейнеров

одно непонятно
куда он чёрт возьми
всю эту начинку денет

* * *

мария юзефацкая

когда компьютеры
уже сделают
за нас
всё

на что они
шутки ради
нас
употребят

и что с собой сделает
человечество
безработных

Реформаторский Дух
не дремлет

администрация смерти докажет
что ей нужны новые кадры

главные роли
самоуничтожение раздаст
скверным актёрам

Послание пожирателям мяса

анджей заневский

Помни!
Уже недалеко то время,
когда все животные,
которых ты убил и съел,
соберутся у твоей постели
и будут смотреть, как ты умираешь.

На краю

барбара бяловонс

Разве нужны птицы, гибнущие
в разлитой нефти,
леса-обрубки,
реки, заполненные трупами рыб,
растущие горы вонючего мусора, –
чтобы увидеть:
тут что-то не так.

Мир – зеркальное отражение
нашего ничтожества и ошибок.
За ширмами видимости
мы действуем ловко и скрытно.
Выписываем чеки на чужие счета.
Правило игры – это отсутствие правил.
Мы живём на проценты от капитала,
сколоченного на динамите.

Хотя мы по-прежнему не знаем
своего мира,
но в эйфории стремимся его улучшить,
не понимая, что из этого выйдет.
Втридорога переплачиваем
за цветные бусы техники.
Не важно, куда, зачем, почему –
лишь бы вперёд.

Самонадеянно впрягшись в свои цели,
видим лишь кончик собственного носа.
Пьяные дети, блуждающие
по краю пропасти.

Дело твоих рук

богдан лёбль

Мёртвые деревья мёртвые моря
мёртвые травы мёртвые хлеба́
это твоё дело
дело твоих рук
мёртвые птицы в мёртвых лесах
мёртвые рыбы в мёртвых морях

это твоё дело дело твоих рук
что дальше делать что ты будешь делать

брось клетку конторы
вернись в дом отцов
там твоё место труд для твоих рук
не делай чего не умеешь
брось паркет в деревню вернись
там ждёт земля надо сеять зерно
там ждёт земля труд для твоих рук

брось кресло брось стол
вернись в дом отцов
там твоё место там твоя жизнь
вернись к истоку он кипит
чистой живой водой
окуни в неё руки
смой городскую грязь
промой глаза
взгляни на землю отцов

* * *

томаш титков

там было когда-то зелёное поле –
там кончался город
росли дикие яблони
жук держал лавочку
и у кузнечика была своя квартирка

теперь там стоят
уродливые жилища людей
там они спариваются
едят бутерброды
проклинают судьбу
и нет меж ними Бога

никакой это не новый Содом
город вдохновенного безумия
и расплаты за грех

это город мелких забот
тёпленький и бездумный
его жители так скучны

так измотаны
что их почти не видно

не будет здесь ни кометы
ни чёрного дождя
ни солнца пожирающего свой приплод

просто постепенно выцветет
картинка
как в старом телевизоре
что давно выброшен на помойку

* * *

иоанна саламон

Нас – вынянчила Природа
Их – создаст Техника

Всё чаще я смотрю
на ящериц и скалы
на ночных бабочек родники и пчёл
как на братьев и сестёр

Что делать? читать как ни в чём не бывало
Данте и Шекспира?
и верить верить
ибо и так другого выхода нет?

* * *

томаш титков

господа –
уже совершенно ясно
здесь
нет для нас места
ручонки у нас слабые
души бумажные

так давайте спрячемся
в ихних дырках

там нам будет тепло
уютно
это будет то что надо

пускай они носят нас в себе
лелея
в сладчайшем закутке своём

пускай мир
трепыхается снаружи
все эти бураны, бараны, ранние подъёмы

а мы господа
поселимся в ихних дырках

потому что тут снаружи
холодно
и хреново

Предупредительные огни

мария буянская

Алфавит сожгли на костре.
Стоны раненых прерывают сон Бога.
Плач ворвался в наши реки.
Смех растоптали солдатские сапоги.
Жалость похоронена в общей могиле.
Наши глотки поражены раком.
Наши сны вопят от страха.
Наши головы – цель для орудий.
Дети играют в похороны мира.
Глаза земли закрыты. Уши земли заткнуты.
Крик земли спугнул ангелов, и они разлетелись.

Бог затянул ремни безопасности
и включил бортовые огни.

Окончательное начало

кшиштоф сивчик

Жалкие переговоры с иными мирами прерваны
Ратификация очередного дня и открытие глаз
обошлись без представления аргументов и

обсуждения вариантов То что неприемлемо
принято невзирая ни на что в общем
кончай задавать вопросы и подпиши условия:

в очередных пунктах повестки дня
ты будешь останавливаться чтобы глотнуть жира
закусить кариесом получить сухой паёк

чесотки Сам видишь – Ничто не идёт
по трупам Оно предъявляет первые симптомы
и не мешает тебе давать волю эмоциям

Устанавливает контакты Развивает двусторонние связи
Идёт навстречу вызывая лёгкую дрожь в ладонях
так что не подрывай основу

будущего единства Посмотри У тебя нет
ни вымпела ни рубашки на смену
Ты лежишь голенький готовый к омовению

лех марек якуб

Ты умер? Дай пожить другим!

Кто они – те, о ком мы не знаем ничего кроме того, что они знают о нас всё?

Эй, святые! Смотрите, как бы нимбы не съехали вам на шеи!

Земля круглая – как знать, кто гонится, а кто уносит ноги.

Один хороший пинок может изменить ход истории.

Если о волке идёт только добрая молва, значит, это и вправду злой волк.

Не верьте тому, кто скорбит о судьбах мира, – он первый перегрызёт вам горло.

Не забывайте, что и у свиней есть зубы!

Скука – привилегия человека. Свиньи не скучают.

В здоровом теле здоровый труп.

Скажем наконец без утайки: свет это всего лишь временное отсутствие тьмы.

Хорошо воспитанный заключённый не станет грызть решётку.

Свобода, пёсик мой, это только вопрос длины поводка.

Не говори тирану, что тебе не по вкусу его хлеб, – он не станет рассуждать, по вкусу ли твои кости его собакам.

Дай выколоть себе глаза, и ты увидишь мир таким, каков он есть.

*** * ***

томаш глюзинский

изучить следы посчитать шаги праведные проверить подлинность
морщин на челе прочие скрытые стигматы каким
образом шевелит конечностями какие цвета
частотней всего измерить работоспособность
реакцию на раздражители скорость
силу выносливость исследовать среду обитания кто тут
каин в случае необходимости каин кто ещё в случае надобности
кто ещё выяснить вычесть разницу вычислить сколько осталось
времени способ применения по мере возможности
точно установить точку зрения определить паралакс
только тогда можно включать аппарат

Безнадёжный больной

ян лохман

Значит мы не в тюрьме? И эти люди не немцы?
Нам не вгоняют иголок под ногти
Не держат нас вместо подопытных кроликов
Значит войны больше нет

Война кончилась в сорок пятом

Значит больше нет никакой надежды

ДНИ, КОТОРЫХ Я НЕ ДОПИЛ ДО ДНА

Добровольский Ежина Ружевич Херберт Светлицкий Харасымович Бялошевский Мисаковский Лец Посвятовская Косевский Ольшевский Сроковский Мицнер Дымарский Гужанский Кот Мрожек Кусиба Свегоцкий Пиотровская Вальчак Буянская Титков Т.Голуй Думин Кавинский Скомпская Огродовчик Виткевич Л.Маевский В.Кайтох Павляк Сивчик Липская Зонненберг Шимборская Бурса Афанасьев Воячек Врублевский Земянин Гожельский К.Яворский Т.Титков Стабро Росяк Дмитроца Павликовская Кучяк Задура Хилляр Рогальский Челеш Яскула Бурса Бараньчак Яструн Росса Кавалец Долятковский Фицовский Борунь

Тост*

станислав рышард добровольский

За дни которых я не допил до дна,
за любовь, которой я не допил до дна,
– –
за свет, которого нет в моих глазах,
за звёзды, которых нет в моих глазах,
– –
за всё, за всё, за всё,
чего я не сделал,
чего не успел,
– –
я поднимаю этот горький тост и одним глотком
пью до дна,
до последней мутной капли.

* Фрагменты.

Седьмая элегия

збигнев ежина

Мы все пройдём, как тёмный плач глухой,
как ветка, что стремится мимо неба.

Мы все пройдём, как ветерок сухой,
сдвигающий тяжёлый парус снега.

Мы все пройдём, как нереальность сна,
как отраженье лиц на мелководье.

Мы все пройдём, как тень средь бела дня,
и солнце нам не преградит дорогу.

Мы все пройдём, мы канем искрой в ночь
на тризне музыки, которой нет предела.

Разъятый

тадеуш ружевич

Воспоминания образы чувства
знания опыт из которых я состоял
существуют во мне раздельно
не образуя целого
лишь иногда они подплывают
к берегу моей памяти
легко царапая кожу притупившимися когтями
Не буду врать
я разъят и расколот
кому я нужен кому интересны фрагменты
а сам я слишком занят
Кто вспомнит мою внутреннюю форму
в этой судорожной суете
в коридоре где тысяча дверей
то распахиваются то захлопываются
кто восстановит форму
не оставившую оттиска
ни в белом меле
ни в чёрном угле
я и сам не могу её вспомнить
говорят я ещё жив

Гигиена души

збигнев херберт

Мы пребываем в тесном ложе собственной плоти. Лишь те, кто неопытен, непрестанно в нём вертятся. Нельзя вращаться вокруг своей оси, иначе острые нити вопьются в сердце, обмотав его, как катушку.

Надо просто закрыть глаза, сцепить на затылке руки и плыть вниз по этой великой реке, от Истока волос до первой Катаракты Великого Ногтя.

Выдать себя

марцин светлицкий

Как ты? Живёшь всё там же?
Работаешь там же?
– такие вопросы чаще всего задают,
когда разговор угасает
и уже больше не о чем говорить.

А вот как должен звучать полный
ответ: Нет,
всё абсолютно иначе.
Живу я всё там же.
Работаю там же.
Но не верю в это.
Всё больше в это не верю.

Производство сувениров

ежи харасымович

Ты говоришь он заходил к нам
как же
отлично помню

Он говорит тот жил неподалёку
ну конечно
отлично помню

Говорят ходил с отцом на матчи
само собой
мы все его отлично помним

А потом
о тебе говорят заходил жил и т.д.
о нём говорят заходил жил и т.д.
о них говорят заходили жили и т.д.

Производство сувениров процветает
лаковые туфли
костюм
венок

Такая вот национальная игра
на свежем воздухе
одна из тех
что никогда не наскучат

Моментальный автопортрет

мирон бялошевский

На меня смотрят,
значит, у меня есть лицо.

Из всех знакомых мне лиц
своё я помню хуже всего.

Иногда мои руки
живут совершенно отдельно.
Так, может, не стоит их к себе причислять?

– – –

Где мои границы?

– – –

Я зарос движением,
этой полужизнью.

И всё-таки
полное или неполное,
но бытие во мне ползает.

Я заполняю собой
собственное
место.

Оно всегда при мне.
Когда я его потеряю,
это будет значить, что меня нет.

Меня нет,
потому я и не сомневаюсь.

Поедание тени

станислав мисаковский

Смех да и только – поедание собственной тени!
Сначала мы осторожно становимся на колени, потом,
приглядевшись к знакомому силуэту, оседаем всё ниже,
чтоб форма наша приблизилась к оригиналу.
В последнюю секунду растопыриваем пальцы,
разеваем рот и бросаемся плашмя, заранее предвкушая удачу.

И пусть полон рот песка, зато до победы
один только шаг.

О нас троих

станислав ежи лец

Один на один с собою,
приглядываюсь к обоим.

* * *

халина посвятовская

я из воды которая стекает
с дрожащих листьев
битых звуком ветра
а ветер пулей пролетает мимо

я вся из вечера
который спать не хочет
глядит упрямо
голодными глазами звёзд

ночь – голубая жилка
в ткани тела
вскипает в пальцах
горячий пульс несбывшегося

я хриплый голос
молчащий глухо
дни надо мной
вздымают пустые крылья
пролетая мимо...

*** * ***

стефан косевский

не помню, когда я понял, что я не человек
что у меня нет ни пола ни возраста, ни начала ни конца
ни правой ни левой руки
что у меня нет ни души ни тела, нет ни единой вещи
о которой я мог бы сказать, что она моя
я понял, что у меня нет предрассудков, нет чувства юмора
что во мне нет ни смысла, ни веры, ни такта
что у меня даже нет врагов, которые рано или поздно
могли бы меня убить
не помню когда я понял, что мне
нечего терять
не помню ничего
что было потом

ли?

тадеуш ольшевский

не знаю был ли я любил ли какое носил я имя
есть ли я (прикоснись ко мне) есть ли ты существует ли время
а если да то кому оно служит (коснись меня)
почему я боюсь его (зажги свет) почему убегаю (зажги
свет, прикоснись ко мне) скользкие пятна тьмы вокруг
дальнее эхо колокольного звона и только

прошлое больше ничего это невозможно и всё же (не
верь тому что я говорю, коснись меня, не так, сильнее,
всеми пальцами, всеми руками, всем телом)
сумрак памяти (есть ли ты) простреленный образ (есть ли я)
молчание мрака всё больше а может ещё малость водки
ровно столько чтобы молчать и не спрашивать
был ли я было ли имя есть ли я или ты (прикоснись ко мне)

* * *

станислав сроковский

у меня нет
ни друзей ни врагов
сегодня ни у кого нет
ни друзей ни врагов
мне не нравится жизнь
жизнь сегодня не нравится никому
я не люблю смерти
сегодня никто не любит смерти
я не повешусь
не утоплюсь
не приму яда
смерть значит то же что жизнь
друг то же что враг
прошлое то же что будущее
добро то же что зло
свет то же что тьма
я не боюсь ничего
я существую в кредит*

– – – – – – – – – – – – – –

Предсказание себе

пётр мицнер

Кружа
затоптал я
следы от себя

* Фрагмент.

затоптал –
видно
по мне

* * *

лех дымарский

Несмотря на то, что ты уже принял
нормальную форму:
не худой и не толстый,
ты беден, но сводишь концы с концами;
трудолюбив, но в пределах здравого смысла;
не лишён фантазии, однако реально смотришь на вещи;
идеен, хотя и критичен;
серьёзен, хотя всегда улыбаешься, – так вот, несмотря на всё это
не приценяйся к мебельной стенке – она сконструирована так,
чтобы в сложенном виде поместиться в твоём
кармане; не подбирайся к старому креслу,
выставленному на двор после смерти старушки-соседки –
ты оставляешь слишком стандартный след;
не примеряйся к припаркованным автомобилям – теперь
столько аварий, что ты в два счёта
погибнешь от голода; не пускай слюну по ровеснице –
от таких, как ты, она рожает
дефективных детей; не прислушивайся к собственному
мнению, это только слова,
которые кто-то подслушивает, – теперь, когда
ты уже достиг
средних размеров, найди себе подходящее место
на земле; земля тебя ждёт, ты, тридцатилетний мальчик

Ходьба

ежи гужанский

Сначала я делал вид, что меня это не касается,
но вот я упал навзничь, и мне стало не по себе.
Лёжа, я вытянул правую руку вверх, зная, что где-то здесь
должен быть крюк.
Действительно, крюк был на месте.
Он пробил мне ладонь.
Кое-как удалось встать на ноги, но природная лень
помешала мне снять ладонь с крюка.

Я замер на месте, и пусть крюк причиняет немалую боль,
в сущности, я счастлив – для начала
не так уж плохо.

Чтобы

веслав кот

чтобы умереть
смерть ни к чему
чтобы жить
не нужна жизнь

каждый день
в монотонно ускоренном темпе
мы возносимся
под уклон

Всё ниже

славомир мрожек

– Ты заметил, – сказал Артур, – что дорога идёт под гору?

Действительно, уже с час мы всё время двигались под уклон. Крыши домов, мимо которых мы иногда проходили, становились всё более плоскими. Всё больше было террас.

– Почему ты меня так разглядываешь? – спросил я Артура.

– Твой лоб, – сказал он, – твой бедный лоб.

Я посмотрел в зеркальце. Лоб у меня стал значительно ниже. Линия роста волос шла почти над бровями.

– Всё нормально, – буркнул я, хотя мое хладнокровие было деланным. – Посмотри лучше на свои ноги. Похоже, ещё недавно подъём у тебя был не такой низкий. Наверно, начинается плоскостопие.

Артур вскрикнул. Он заметил, что ступни у него теперь плоские, как лопатки. Симптомы продолжали нарастать.

Было совершенно очевидно, что мы катимся по наклонной плоскости.

– Собственно, нельзя сказать, – размышлял я, – что тут нет подъёма. Напротив, он есть всё время. Однако как-то так выходит, что нам это ничего не даёт, и несмотря ни на что мы, скорее, должны признать, что сползаем вниз. Находимся, так сказать, на изнанке того, что именуется возвышенностью.

Тут нам подмигнул какой-то прохожий с приплюснутым черепом.

Артур молчал. Было абсолютно очевидно, что он пытается нечто осмыслить. Вдруг он оживился.

– Знаешь историю про вдову и трубочиста? Так вот, одна вдова...

– Прекрати, – оборвал я его, – сейчас же прекрати. Я отлично знаю, что ты хочешь мне рассказать: плоский анекдот!

Артур надулся. Прямая линия горизонта накренилась в одну сторону; начиналась она, правда, посредине одного из моих зрачков, но дальше шла уже под другим, ниже: чтобы её увидеть, надо было нагнуть голову набок. Это вызывало чувство несильного, но постоянного утомления. Создавалось впечатление, что мы куда-то скатываемся.

– Артур! – крикнул я. – Что с нами происходит?!

Он поднял на меня глаза, но как-то плоско, косым движением по диагонали.

– А собственно, почему бы и нет?! – воскликнул он задорно. У него шевелились уши. – Разве ещё не довольно с нас этой проклятой трёхмерности? Подумай, и ты поймёшь, что уровень и только уровень может вместить в себя всю гармонию.

Я с болью убедился, что он уже перестал существовать. Что касается меня, какое-то время я был ещё способен сопротивляться.

– Эй, человек! Да ведь если исчезнет трёхмерность, а то и вообще размерность, то она исчезнет, и её не будет – так как же ты хочешь, чтобы она была там, где её нет, как можешь даже говорить, что она будет, когда её не будет! Прекрати ты молоть этот вздор о каком-то уровне, который якобы вместит в себя всю гармонию.

– Ага, видишь! – победно произнёс Артур. – Сам говоришь, если её не будет, то и не будет. Уровень вберёт в себя всё, потому что кроме него не будет ни-че-го!

– Но я знаю, чувствую: есть что-то и кроме него, есть не только он! У меня в голове есть и верх, и низ, и право, и лево!

Артур засмеялся. С ним уже невозможно было разговаривать. Вдоль дороги проходила группа женщин. На плечах они несли коромысла для вёдер, деревянные, гладкие, как коромысла весов. Я вспомнил стройных воинов с копьями, которых мы встречали раньше. Как прекрасен был прямой высокий лес их копий, что за великолепные вертикальные акценты. Никогда уже нам не суждено их увидеть. Коромысла, параллельные земле, горизонту, всему, зловещий горизонтальный ландшафт. Я чувствовал, как у меня сползают носки.

– Будь у меня плоский браунинг, я застрелил бы тебя без раздумья, – сказал я горько.

– Уровень... – с умилением повторял Артур. – В вечной распре отвеса и уровня, то есть ватерпаса, я на стороне последнего. Отвес! Какая мерзость! Свинец на шнурке! Поэтому я люблю море! Море –

совершенная тоска по плоскости! Горы! Это отвратительно! Уж на худой конец плоскогорье!

– Артур! – пытался я его спасти, хотя чувствовал, что верх черепа у меня вжимается в нёбо. – Подумай! Предположим даже, ты прав. Возьмем пример, который должен тебя устроить: покойник в гробу и покойник в могиле. В обоих случаях мы имеем дело с абсолютно горизонтальным положением, твой идеал достигнут. Хорошо. Но чтобы от первого перейти ко второму, необходим вертикальный вектор, материализованный в лопате могильщика, направленной отвесно в глину. Стало быть, вертикаль, Артур, всё-таки вертикаль!

Мы мчались теперь через лес, всё более отлогий, в нём росли грибы – одни шляпки, без ножек. Артур хохотал как безумный.

– Вертикаль! – издевался он. – Ты не понимаешь, что не может быть двух уровней, низшего и высшего, есть только один превосходный, абсолютный уровень. Душа, душа, мой мальчик, она горизонтальна!

Лес кончился, и Артур вскрикнул от восторга. Перед нами был длинный мост, а на нём – свора продолговатых такс на коротеньких и вдобавок кривых ножках.

– Таксы! Не жирафы! – возопил он и плюхнулся на колени. – Вперёд! На четвереньки! Ниц!

Я почувствовал, что непреодолимая сила повелевает мне сделать то же самое. Остатками сознания я без удивления констатировал: мой позвоночник горизонтален. Последним пространственным взглядом я увидел Артура – он на глазах превращался во всё более горизонтальную чёрточку, потом оба мы превратились в две параллельные прямые и устремились в бесконечность, чтобы где-то там пересечься.

Селекция

марек кусиба

в средней школе я учился средне
живу на средних оборотах
девчонка у меня среднего роста
комнатёнка средних размеров
посредине стол батареи топят
в среднем так же как учится
средний сын заработок у меня
средний умишка посредственный
сосредоточен на средних проблемах
в моих средних стишатах посреди строки цезура

как пробор посредине черепа
в активной среде я держусь середины
(люблю когда тепло но не жарко)
скоро куплю себе тачку средней паршивости
но средней скорости не превышу
я средоточие интересов
я центр внимания центра исследований
по централизованной селекции середняка

* * *

станислав фроковский

современный человек атомизирован
разъят на части

отчасти он говорит правду отчасти лжёт
у него есть идеи однако он безыдеен

вроде бы идёт вперёд а вроде бы и отступает
он до конца не уверен в какую сторону движется

отчасти он патриот отчасти космополит
смотрит не то на запад не то на восток

когда у него умирает отец
он отчасти плачет отчасти рад

когда рождается сын
он отчасти доволен отчасти клянёт всё на свете

он читает газету
и не то чтобы дремлет но и не то чтобы мыслит

произносит речь перед зеркалом в ванной
полугерой-полуузник собственных стен

когда ложится спать
то ли спит то ли бодрствует

мир гибнет
а он отчасти не в духе отчасти и в ус не дует

современный человек расползается по швам
по всем направлениям
всё быстрей и быстрей

он делится на фрагменты эпизоды этапы
направления взносы по кредитам собрания съезды
симпозиумы совещания постановления декреты
параграфы правила акции конкурсы банкноты
и гробовое молчание

современный человек
всё быстрей распадается
на элементарные частицы

отчасти он жив отчасти умирает

современный человек отнюдь не «тотальный» человек

но почему-то он думает
что и смерть частична

*** * ***

тадеуш ружевич

Новый человек
это вон тот там
ну да вон та
канализационная труба
пропускает сквозь себя
всё

Голос

казимеж свегоцкий

Ничто уже не повторится,
всё было, ничего не будет;
всё то, что есть, случайно длится.
Ошибка мира – это люди.

Сквозь ветер, тишину звезды,
где Бога нет, одни следы
времён древнейших и забытых,
лишь смерть глядит из темноты.

Так человек уходит в камень
и камнем падает на дно.

Вода смыкается над нами,
последний луч взрезает ночь.

Сложение

эльжбета пиотровская

Слово к слову –
речь.
Слой к слою –
дерево.
Капля к капле –
река.
Камень к камню –
гора.
Тень к тени –
ночь.

Я – всего одно слово
всего один слой
всего одна капля
один камень
одна тень.

Распад

гжегож вальчак

Всё больше знаю
но это мне всё меньше нужно
из всех пробитых
моим телом женщин
уже не сложить той единственной великой любви
из тысячи и одной ночи
не составить одной настоящей сказки
из груды осколков
не склеить разбитой бутылки

Спасает только забвенье
благодаря ему все потери
ещё не слились в один окончательный
проигрыш

Счёт

мария буянская

Пришёл счёт за свет
с припиской:
«Гражданка, у вас перерасход энергии».

Пришёл счёт за тьму,
за бессонные ночи,
за порванную бумагу, перечёркнутые слова.

Пришёл счёт за усталость в глазах,
за железный забор, которым мы окружаем мир.
За соль, изведённую на слёзы,
за фальшивые ноты,
за изюминку счастья,
за блуждание средь бела дня.

Я заплатила за войны,
за пролитую кровь,
за рубцевание ран.
Продала своё тело,
продала свои мысли.
Зато выкупила из прачечной отстиранную судьбу.

Сегодня пришёл счёт за Жизнь.
Подпись неразборчива.
Кажется – «Бог»...

Сон

ежи гужанский

Не помню, спал ли я когда-нибудь.
И вообще – что такое сон?
От чего же я вдруг очнулся?
Наверно, это просто наважденье.
Лежу посреди пустого ангара, голый, на мокром бетоне
и пытаюсь убедить отсутствующих убийц, что я такой –
один-единственный на свете.
Я, живой и давимый жизнью, с одной звенящей мечтой –
только б то, во что я вжимаю тело, не оказалось человеком.
Но, наверно, я просто закрыл глаза.
Наверно, я просто закрыл глаза.
Холодно. Нет вопросов. Нет ответов.

* * *

анджей титков

Мозгляк,
чего ты ищешь на десятом этаже,
когда смеркается и сквозь открытое окно
доносится рык ежедневной супружеской свары?

Проба

томаш голуй

кто я
кто я
кто я
кто я
кто я
кто я кто я
тот ли я кто пишет эти слова
или я тот кто спрашивает кто он
кто он тот кто пишет эти слова
кто он тот человек
кто он
кто он
кто он
кто он
знаю ли я его
а если знаю может ли быть чтоб он написал всё это
кто написал это
кто
кто
может быть он знает того кто всё это написал
кто он этот его знакомый
может он тоже знает того кто всё это написал
а может кто-то из вас написал всё это
но кто вы и знаете ли вы того кто всё это написал
кто он
кто
и может ли быть чтоб ты сам написал всё это
кто ты
кто ты
кто ты
кто ты
кто ты

кто ты
кто ты
кто ты и знаешь ли ты того
кто пишет эти слова

*** * ***

тадеуш ружевич

я родился носорогом
с толстой шкурой и рогом на лбу

хотел стать мотыльком
но мне сказали
ты должен быть носорогом

хотел стать
жаворонком аистом
но мне сказали это невозможно

я спрашивал почему – ответили
потому что ты носорог

я хотел быть обезьяной
даже попугаем

но мне сказали... НЕТ

мне приснилось что у меня
нежная розовая кожа
и профиль Клеопатры

но я тут же вспомнил
что у меня толстенная шкура
а мой паспорт – это рог на лбу

как был ты носорогом так и будешь
до самой смерти

Вопросы

пётр думин

Как жить среди тех кто примирился
чьё единственное бегство – истерика

Как овладеть собой рядом
с вероломным другом
с ближним который жаждет быть палачом
с тем кто живёт собственностью
оплатив её совестью
Среди тех кто не умея стать собой
существует вместо других

Как отыскать себя
в этой реальности – до того призрачной
что она то и дело вынуждена
требовать себе подтверждений

Осенние повторы

войцех кавинский

I

что бы ты ни написал
всё будет зачёркнуто
что бы ты ни сказал
всё забудется

о чём бы ни умолчал
всё встанет поперёк горла
немым укором

что бы во сне ни привиделось
тебе не видать покоя

что бы ты ни сделал
будешь сам виноват –

II

невзрачные фактики
наших дней

и без того одуревшие
бьются башкой об стенку

топчутся у ворот
убогие злые

ждут и больше ничего –
ждут конца –

Живёшь себе

люцина скомпская

смотришь а глаза-то закрыты
вроде не прячешься а сам спрятан
не проявляешься хотя и так проявлен
идёшь тайным ходом но это только метафора
сам этот ход и есть цель это твой летающий дом
ты идёшь но ведь движение относительно
за спиной вращается вал с наклеенной картинкой мира
образ ущербен зато объемлет всё
ты пытаешься говорить но слова многозначны
зовёшь но крик это анахронизм
любишь но сердце – как пуля
живёшь но при этом ты собственность квартиры
пытаешься думать но банальность гораздо удобней
веришь а вера сдвигает горы
доказываешь однако сам ты всего лишь доказательство
ты справедлив но это несправедливо
живёшь себе но ведь того и требует смерть

Вкус ада

анджей огродовчик

Когда часы не убивают время
когда не гасят крови взрывы сердца
когда уже не может взрезать кожу
клинок воздушный проникающий сквозь дверь
когда не смерть а солнце развернуло
кроваво-чёрный флаг когда за жизнь
уже не платят жизнью
и бескраен клинок в руке разящей свет
– вот Ад
который крепче смерти
мощней чем плуг её
избороздивший плоть.

ежи харасымович

Я утопаю в роскоши

Мой палец украшает
сверчок
многокаратный

*** * ***

станислав игнаций виткевич

Ты кичись, дрянцо, кичись:
Прыгнешь в гроб – и вся-то жизнь.

Визит

славомир мрожек

Аллея, прямая как стрела, насквозь прореза́ла парк. Кругом росли каштаны, а где-то вдали, в перспективе, парк редел, расступаясь вокруг небольшого дворца – одноэтажного, но на высоком фундаменте. Его узкие продолговатые окна не отражали света и были черным-черны.

В парке играли дети. Собирали каштаны. Аукались, не обращая на меня никакого внимания.

Аллея, абсолютно ровная, вела прямёхонько к дворцу.

Я был уже далеко не ребёенком – не мог я ни подбирать каштаны, ни кричать, ни резвиться среди деревьев. Оставалось только идти и идти, прямо к входу во дворец.

Было страшно, но я понимал, что в конце концов именно так и сделаю. Подойду, и войду, и затворю за собой дверь.

Но только не вдруг, не сразу.

Автобус на Голгофу

лех маевский

В битком набитом дребезжащем автобусе
Мы ехали на Голгофу
Мы словно призраки
Светились изнутри

В надежде на хороший спектакль
На каждой остановке
Втискивались всё новые люди
Раздражённый водитель
Боялся опоздать
И спеша захлопнуть двери
Отсекал входящим головы и руки
Это было вступление к тому что нас ожидало
Помню
Всю дорогу на меня в упор смотрела
Женщина в роговых очках
Мне было не по себе
Должно быть она приняла меня
За актёра
Которому предстоит сыграть
Главную роль

Равновесие

войцех кайтох

Немного же я знаю о смерти...

Она была для меня всего лишь стыдливо вынесенным телом.
Ну да, ещё одним трупом:
забытый – он расплылся от стыда.
Самое большее – похоронами, на которые
я не мог пойти в джинсах.

«Прикладом?.. или штыком?» –
однажды спросила она мои руки.
Но это было понарошку,
и вообще это было давно и неправда.

Когда наконец она мило мне улыбнулась,
её было всё равно не видно
за белыми койками,
смешными лампочками, трубочками, проводками.

Немного же я знаю о смерти...

...

Не больше, чем о жизни.

Томек возвращается только во сне

антоний павляк

он тяжело опустился на стул
и был он совсем прозрачный

я отвёл взгляд
притворясь что не вижу

мы пытались говорить (его голос
доносился из дальней дали)

о непокорённых женщинах ненаписанных стихах
о выпитых вместе ваннах водки

вдруг
он встал и посмотрел мне в глаза

там пусто – сказал он на прощанье –
бога нет

* * *

кшиштоф сивчик

Предпочитаю то, а может это,
хоть это и не совсем то,
что надо. От зависти, что у вещей
есть лицо, мы столько говорим
о будничных предметах.
Я говорю с ними, ища ответа
на заданный вопрос. По существу.
Как, считая всё ничем,
сделать самому хоть что-то?

Разум

эва липская

Он безошибочен
в запутыванье взглядов.

В неоспоримых доказательствах
противоречащих одно другому.

Разум искусно сбивает со следа
факты.

В тебе все меньше
лейкоцитов света.

Тебя уже ничто не осветит.
Разве только тьма.

Партнёр

славомир мрожек

Решил я продать душу дьяволу. Душа – самое ценное, что есть у человека, и я предполагал заработать уйму денег.

Дьявол, явившийся на рандеву, меня разочаровал. Копыта пластмассовые, оборванный хвост подвязан бечевкой, шкурка вытертая и как бы молью траченая, рожки крохотные, недоразвитые. Ну сколько может дать такое ничтожество за мою бесценную душу?

– А вы действительно дьявол? – спросил я.

– Да, а почему вы сомневаетесь?

– Я ожидал увидеть Князя Тьмы, а вы – какой-то... третьесортный, что ли.

– Какая душа, такой и дьявол, – отрезал он. – Приступим к делу.

Урок реальности

эва зонненберг

Что это?
это испуг –
смотри какой жирный липкий
перемешанный с краской стен
разведённый в воде
он разбивает огонь на ледяные поля
живёт в уголках губ

Что это?
это страх –

смотри какой плотный
он точит воздух
быстрее мысли
до краёв заполняет сердце
он не живёт он есть

Что это?
это боль –
жадная ненасытная
послушай как она любит
когда о ней говорят
сама себе хозяйка
она живёт во всём

Старый тенор

вислава шимборская

«Вы слышите, как он поёт: траля-ля-ля.
А я пел так: траля-ля-ля.
Есть разница?
И вместо того, чтобы стоять тут, он стоит там,
и смотрит не туда, а сюда,
хотя именно оттуда, а не отсюда
выбегала (не так как эта пампа-рампа-пам,
а прямо-таки пампа-рампа-пам)
незабвенная Буггай-Бомбоньери,
да только
кто её помнит –»

Игра

януш стычень

В родителях столько мрака – и вот ребёнок
Вырывается и бежит из их леса на солнечную поляну,
Тени родителей – длинные
Тёмные крылья, от которых ему не уйти,
Он это знает и потому топчет их тени,
Это не помогает, он чувствует, как у него на глазах
Незримым тесным обручем смыкаются
Родительские крылья,
Вслепую он выбегает на середину солнечной поляны,
Прямо в объятья отца и матери,

Они проверяют, довольно ли уже их мрака
В его глазах, они намерены повторять гипноз до тех пор,
Пока не подействует.

паутина

тадеуш ружевич

четыре серых старухи
Беда Нищета Забота Вина
ждут где-то далеко

человек рождается
растёт
заводит семью
строит дом

четыре призрака
ждут
притаившись в фундаменте

строят для человека
другой дом
лабиринт в тупике

человек живёт любит
молится трудится
наполняет дом надеждой
плачем смехом тревогой

четыре серых старухи
играют с ним
в прятки
прячутся в сундуках
в шкафах на книжных полках

питаются перчатками пылью
грязью нафталином
глотают книги
гаснут серые тихие
под холодным светом луны
на бумажных цветах
дети бьют в ладоши
хотят прихлопнуть моль
моль превращается в тишину
тишина в музыку

четыре серых старухи ждут

человек приглашает
других людей
на крестины и похороны
поминки и свадьбы
серебряные золотые
сквозь замочную скважину
незванными входят в дом
четыре серых старухи

первой входит Вина
за ней маячит Забота
следом растёт Нищета
зубы щерит Беда

дом превращается в паутину

слышны голоса и стоны
скрежет зубов
жужжанье

боги спросонья отмахиваются
от назойливых людей
зевают

*** * ***

анджей бурса

...ты знаешь мои уловки, я — твои,
мы теряем время.
Роже Вайян

Ты знаешь все мои уловки
жизнь моя
знаешь когда я начну огрызаться выть и лезть на рожон
знаешь как я могу быть упрям
и как я бываю слаб в дни у которых нет ни вкуса ни запаха
ты отравляешь мой сон кошмаром
чтобы лишить меня последней надежды
я знаю все твои приманки и клюю на них жадно и благодарно
хотя потом меня от них тянет блевать
я привык к твоей мёртвой хватке
я научился смеяться над собственным трупом

(тебе хорошо известна эта последняя из моих уловок)
жизнь моя
враг мой
мы надоели друг другу

Ты сковала мне челюсти болью
но что с того всё равно я буду зевать.

Дурно сыгранный концерт

ежи харасымович

Кто-то бежал
по стеклянным ступеням
в дубовых
ботинках –
кто-то
тысячи
маковок хрупких
грузовиком давил

Муха

славомир мрожек

Меня донимала муха. Я её отгонял, она возвращалась, я снова её отгонял. Наконец муха сказала:

– Нет так нет. Подожду, пока... – Она отлетела в сторону и уселась на дохлую собаку.

– Пока – что? – спросил я.

Муха не ответила.

Я не настаивал, опасаясь, что ответ мне и так известен.

Похороны

вислава шимборская

«так неожиданно, кто бы мог подумать»
«нервы, сигареты, предупреждал я его»
«спасибо, более-менее»
«разверни цветы»
«брат тоже был сердечник, видно, у них семейное»

«с бородой я бы вас никогда не узнала»
«сам виноват, вечно во всё совался»
«этот новый должен был речь толкать, что-то его не видно»
«Казик в Варшаве, Тадек за границей»
«какая ты умница, что захватила зонтик»
«ну и что с того, что он был из них самый способный»
«комната проходная, Баська не согласится»
«конечно, он был прав, но это же ещё не повод»
«и дверцы лаком покрыли, угадай, сколько»
«два желтка, столовая ложка сахара»
«не его это было дело, и зачем он лез во всё это»
«только синие и только маленькие размеры»
«раз пять и ни ответа ни привета»
«да ладно, мог я, мог, но ведь и ты тоже мог»
«хорошо, что хоть у неё была какая-то работа»
«да не знаю, наверно, родственники»
«а ксёндз-то, ксёндз, ну прямо Бельмондо»
«в этой части кладбища я ещё не бывала»
«он мне снился на прошлой неделе, словно что-то меня кольнуло»
«а дочурка ничего»
«все там будем»
«передайте вдове, я должен успеть на»
«и всё-таки по-латыни было как-то торжественней»
«было, да сплыло»
«до свиданья, пани»
«может, пивка попьем»
«вам на четвёрке или на двенадцатом»
«мне сюда»
«а нам туда»

Выпадения
(свободные вариации)

станислав сроковский

цифра выпала из расчёта
может хотела этим сказать
что она больше не в счёт

перо выпало из руки
значит ли это
что оно оторвалось от жизни

паровоз сорвался с откоса вместе с вагонами
значит ли это
что так уж он от всего отчуждён

нога вышла из подполья
значит ли это что она
переходит на легальное положение

смысл оторвался от слова

значит ли это что он
не вынес тяжкого бремени

человек сошёл с ума
а с чего ещё он мог сойти

* * *

станислав игнаций виткевич

Жили-были два кота,
Не коты, а красота.
Аа-а, уже их три,
Все мозги сожрали вши.
Аа-а, котиков четыре,
Папа у гетер в квартире.
Аа-а, вот и пять котов,
Мама слышит дивный зов.
Аа-а, кисок шесть,
Бесконечность надо съесть.
Аа-а, котяток семь,
Папа ей: ай лав ю, мэм.
Аа-а, все пантеры,
Мама им...

№

ежи афанасьев

№ 58

Дом № 58
Крыша № 58
Окна № 58
Стены № 58
Бабка № 58

Иностранные языки

анджей бурса

Твой отец курит трубку?
Да мой отец курит трубку
Yes, my father smokes the pipe
повтори эту фразу
и она распахнёт тебе
о –
кновмир
Когда ты будешь сидеть на Бродвее
в баре роскошном как сатанинское око
кто-нибудь тебя непременно спросит
курит ли твой отец трубку
и ты с улыбкой ответишь
Yes, my father smokes the pipe
Вот видишь
как будет здорово

* * *

рафал воячек

Живу не видя звёзд
шепчу не слыша слов
жду не считая дней
когда же кто-нибудь
пробьёт эту стену

гжегож врублевский

Только я здесь остался

(Но в это никто не верит).

* * *

станислав игнаций виткевич

Как странен мир, увиденный глазами психопата:
Хоть ты здоров – но и тебя уже несёт куда-то...

В музее

пётр мицнер

Было
было
было
и кому мешало?

Конец игре

адам земянин

Ночь скорчилась в углу
Избитая до полусмерти

В глазах темно
Башка трещит
И не уснуть

Луна считает зубы
В придорожном рву
Конец игре

Последний луч надежды

анджей бурса

Я пропил всё до гроша
у меня оставалась последняя надежда
и я швырнул её на стойку
хозяин не ждал такой удачи
а уж он-то знал в этом толк и с лёта понял
что перед ним не какая-то дрянь
не расчёт наследника
не корысть торговца
не алчность наёмника
а последняя жестокая и абсолютная надежда
                превосходная
                многокаратная
                аристократическая
надежда на скорую гибель мира
и постройку дурацких воздушных замков

о как чудесно в пальцах этого идиота
сверкнул последний луч моей надежды.

Ты и я

роман гожельский

Ты белый холм одетый в зелень
– я жалкий муравей

ты половодье инфляции
– я мелкая разменная монета

ты быстрая радиоволна
– я старый хрипящий приёмник

ты бутылка хорошего коньяку
– я мерзкий старый алкаш

ты корабль в открытом море
– я обломок кораблекрушения

ты прекрасная книга
– а я читать не умею

поэтому ты остаёшься
– а я ухожу...

Пьянчуги

збигнев херберт

Пьянчуги – люди, которые пьют до дна и залпом. И морщатся, оттого что на дне снова видят самих себя. Сквозь горлышко бутылки они созерцают далёкие миры. Будь у них голова покрепче да вкуса побольше, быть бы им астронавтами.

Пьяный

анджей бурса

Бредёт по лесу пьяный
Во лбу чернеет рана

И головой косматой
От водки и крови сладкой
Он задевает холодные острые звёзды
Он кричит: Я вам всем покажу
Вы ещё меня узнаете
Ещё обо мне услышите

Ничего он не показал
Ничего они не узнали
Ничего не услышали

И под прекрасным маятником сосен
Замшелый сук сразил его под корень
И рухнул он уткнувшись носом в мох
И ноги разбросав по рыжей глине

Спи сынок спи...

Эгоцентризм, сентиментальность, меланхолия

кшиштоф яворский

Бог дал ему жизнь –
приговорив к труду.
Государство, дало работу
и систематически его обворовывает.
Жена дала в едальник
за жалкие гроши,
что он заработал.
Всё так, как должно быть.
Конец недели.
Слава Богу, дожил – возвращаюсь с работы,
хочу написать, как всё хорошо –
да где там!
И ладно, так и должно быть
– никаких соплей.

Гордость

томаш титков

лежит себе человек
на полу
в одних трусах беззащитный

ужратый
со свадьбы вернулся

а жёнка его родная
над человеком смеётся
потому как вдребузину
бухой он бедолага

заслышав шипенье исколотый тернием смеха
очнулся родимый
жестокими хахоньки эти признал
и с укором в заплывших глазах огляделся

но тут же
опять прикимарил
с достоинством рот свой прикрыв аккуратно
газетой

Азарт

мирон бялошевский

земная мама – конская мама
земноводочная мама
как вода за конями
трибуны кипят она испаряется
и падает дождём на
                свой
                матриархат
как первая водка
на первую землю:
                чёлка
                мешки под глазами
                морда конемамская

Коррозия

станислав стабро

Бог берёт отпуск
чтобы помочь убийцам
я выпиваю литр водки
чтобы помочь себе

почему поэты пьют водку

тадеуш ружевич

потому что они
видят что в них сидит
и что ещё может
вылезти

пьют потому что не могут слушать
ни того что сами себе говорят
ни того что им говорят другие

пьют потому что не прочь подложить свинью
собрату по цеху
но в трезвом виде
они так благородны

пьют перед зеркалом потому что боятся
проворонить того другого
который лучше и «милее»
(свет мой зеркальце
скажи...)

пьют потому что знают
всё что уже написали
и не знают что ещё
сумеют из себя выжать

Надежда

анджей бурса

Если нам удастся то о чём мы мечтаем
если все эти звёзды выращенные в парниках
наших косных умов и камерных разговоров
в конце концов действительно взойдут над горизонтом
и нам никого не придётся убеждать что мы гениальны

потому что другие скажут это за нас
и нимбы
радужные нимбы...
...эх да что говорить
Ведь если всё так и будет

Ребята мы же тогда напьемся как чёрт знает кто

Улыбка горлом

анджей бурса

Вот перерезанное горло
Поёт негромко но с душой
А ночь мохнатой грудью чёрной
Хрипит размякнув от запоя
И – вдребезги под зеркалами
Вот перерезанное горло
Вода пищит в трубе и в кране
Прибитый к нарам одеялом
Ты должен верить в парус алый
Прижатый веками к земле –
Смеяться горлом полным крови

Штрихи к портрету Альтер Эго*

мариуш росяк

Он делал всё чтобы не делать ничего

У него не было выхода
был только вход

Если он и должен был кем-то стать
то только не собой

В конце концов он пришёл к выводу
идти дальше не было сил

Ввиду вышесказанного
он применил
нижеследующее

Отвязался от жизни
куском верёвки

Рассчитывать было не на кого
да и не на что

* Краткое переложение.

Хайку

збигнев дмитроца

О! жизнь
стоит того, чтоб её
пере-жить!

револьверная пуля

мария павликовская

сколько умов мудрейших
себе не находят места
думают как прорваться
в космос пока не поздно
не знают что у меня
в руках есть простейшее средство –
выстрел в любую минуту
любого отправит
к звёздам

Весна

гжегож врублевский

вариант № 1
– повеситься
вариант № 2
– повеситься
вариант № 3
– перезимовать
а весной
повеситься

Самоубийца

збигнев херберт

До чего же он был театрален. В чёрном костюме, с цветком в петлице встал перед зеркалом. Вложил в рот ствол пистолета, подождал, пока нагреется, и – рассеянно улыбнувшись своему отражению – выстрелил.

Он упал, словно плащ, сброшенный с плеч, душа же ещё какое-то время стояла, мотая головой, а голова была всё легче, всё легче. Потом, помедлив, душа вернулась в тело, залитое кровью, – в ту самую минуту, когда температура его сравнялась с температурой предметов, что – как известно – предвещает долголетие.

Повешенный

анджей бурса

Над радиолой парикмахер
Болтается под потолком
И в такт мелодиям весёлым
Танцует самбу и бостон
Не помня что повешен он
Жена на цыпочках подходит
Ему яичницу несёт
Под залихватскую мелодию
Ботинок мужа в стенку бьёт
А крюк надёжно держит тело
Над глупой мордой фокстерьера

Дедушка

анна кучяк

Он был умерен в умиранье. Помер
Раз в жизни, но не больше. Этот номер

Ему удался. Стёкла в окулярах
Не бил в паденье. А потом в кошмарах

Нам не являлся; словно бы желал он
Уйти без слёз – довольствовался малым.

Запись от 2 июня 1975 года

анджей титков

Те, кто приговорил меня к небытию –
сами давно мертвы.

Те, кто мне приказал молчать –
сами себе заткнули рот.
Те, кто наклеил ярлыки
и распихал по тесным ящикам
мой мозг, мой язык, сердце, качавшее кровь, –
сами провалились в бездонный ящик.
Те, кто обрёк меня на забвенье –
забыли свои имена.
Запах скошенной травы для них значит не больше,
чем стон дерева, падающего под топором.

Они хотят

станислав мисаковский

Они хотят, чтоб я убрался прочь.
Указывают путь к горящему костру.

Хотят, чтоб я перестал мозолить глаза.
Чтоб имя моё поросло мхом, как пень срубленного дерева.

Хотят, чтоб я умолк
и голос мой вылился кровью из глотки.

Хотят, чтоб от меня не осталось следа,
чтоб все единогласно вынесли приговор:
такого не было и нет.

Они-то хотят, да что я могу?
Хотел бы я хоть чуть-чуть научиться хотеть,
как они.

Запись от 12 сентября 1988 года

анджей титков

У меня есть крыша над головой
в этом крепком доме,
где столько чужих следов.

У меня есть крыша над головой
из трёх бетонных плит,
которые служат полом
чужой квартиры.

Когда я вижу бездомных собак,
всё бездомное во мне
поджимает хвост
и воет вместе с ними,
но у меня-то есть крыша над головой
и миска почти полна.

*** * ***

богдан задура

счастливы те у кого лишь одно дерево
счастливы те у кого лишь одно море
счастливы те у кого лишь одна тропа
кто плывёт по одной реке
у кого только пол-языка
и всего один глаз
счастливы те кто слышит только собственный крик

Стена

малгожата хилляр

Привет стена
ты свидетель того как я не сплю
того как я не ем
как я не убираю
свидетель того как я не молюсь
не пишу
свидетель всего чего я не могу
свидетель моего безверия

Привет стена
подруга в болезни
ты поражена вечным молчанием
я поражена параличом воли

Прости стена
что из-за меня ты грязна и пуста
потому что с тебя попадали все картины
которыми я тебя украшала
с великой радостью и старанием

я теперь не могу
даже поднять их с пола
чтоб снова одеть тебя в них

Я люблю тебя стена
за терпение
с которым ты выслушиваешь мой плач

Я люблю тебя стена
за то что не должна тебя бояться

Я люблю тебя стена
за то что ты не говоришь мне
с издевательской улыбкой
что я ленива

Я люблю тебя стена
за то что ты не требуешь
чтоб истязая себя
я тебя красила в жёлтый цвет радости
который всё равно
увижу в чёрном свете

Благословляю тебя стена
ибо знаю
что только ты
будешь верной подругой
смерти моей

Мы

эдвард кшиштоф рогальский

Когда падает свет
мы это МЫ:
Я и Ты – моя тень

я хотел быть тенью

пётр челеш

тенью
хочу быть тенью
тенью немой

которую никто не возьмёт в кольцо
тенью которая умирает без боли и крика
тихо и сосредоточенно
тенью которая не знает что падали бомбы
что горят деревни
тенью которая не ощущает тяжести жизни
которая ненастным зимним днём
прячется в тёплую женскую плоть
тенью которой не нужно слов
тенью
хочу быть тенью
в черноте свой кулак оттиснуть
оставить

Очень по-польски

пётр челеш

то что сегодня – лицо
превратится в холодный профиль

рука станет дрожью
вырванного плеча

ясная речь обернётся
тёмной грудой невнятного лепета

дух времени –
демоном того что прошло без следа

правда сама
назовёт ложь своим именем

признание в любви
сведётся к неразберихе гласных

то что сегодня

что

да ничего такого

та кто сегодня женщина –
превратится в мужчину

того кто сегодня у власти
эта власть осмеёт

тот кто нынче нищий
будет князем подонков

кто хлеб
тот превратится в соль

кто соль
того поглотит океан

тот кто сегодня

кто

того не будет
хотя он будет
есть и пить
читать и писать

кто же он

да никто

никто
поведёт всех
за руку

в никуда

Завещание

здислав яскула

Если я был сукиным сыном простите
матери моей она ни в чем не виновата
Простите отцу моему если я оказался
недостойным сыном полка
Я давал ложные показания отпустите вину
тем кто вынужден был меня слушать
Простите математикам и мильтонам
что так и не пересчитали мне рёбра
Поблагодарите от моего имени певцов
и политиков за их потрясающие спектакли

под открытым небом и в закрытых помещениях
Передайте им я отлично развлёкся
Вынесите письменную благодарность рабочим крестьянам
и интеллигенции за то что техника
не простаивала земля была плодородна а мысли
немыслимо плодотворны
кто не успел со мной проститься пускай
зайдут завтра когда я немного остыну
навещайте меня иногда друзья
и – если можно – купите мне будильник
чтоб и меня рассвет не обошёл стороной

Ничто*

анджей бурса

Он ничто
он не в счёт
есть только пиджак ботинки и брюки
но лицо не имеет значения
ни глаза ни губы ни руки
не имеют никакого значения
он ничто
его нет
он говорит
но его никто не слышит
звук его голоса
неразличим для уха
потому что он ничто
его нет
хотя в эту минуту он ест обед
хотя у него есть пиджак ботинки и брюки
а иногда
даже бывает
хорошее настроение

НН что-то пишет на пачке из-под сигарет

станислав бараньчак

Я, человек в здравом уме и твёрдой памяти, служащий,
женатый, проживающий, несудимый,

* Краткое переложение.

я, родившийся тридцать три года назад, во время
войны, которая так и не кончилась и не кончится никогда,

я, знающий о себе только то, что у меня средний
рост и нет никаких особых примет,

я, тот, кто имеет из личных вещей только паспорт
в кармане на уровне сердца,

я, проснувшийся на рассвете от вопроса, которого прежде
никогда себе не задавал,

я, преследуемый голосами, которых раньше никогда
не слышал,

заявляю,
что никого не виню во всем, что
случилось,

никого кроме себя.

* * *

пётр мицнер

Мы себя сдали
в ломбард

ломбарды бомбардированы

никогда нам себя
не выкупить

Человек

мечислав яструн

Я видел человека,
Над которым глумились ангелы:
Истерзанный вопросами,
Он вспух от сдавленного крика –
Живой труп,
Жертва морали.

Я не мог ему помочь,
Он был достоин только жалости – изгнания,
Пришлось вместе с ангелами
Добить его –
Вырвать, растоптать, четвертовать
Его скверное,
Но как ни крути – человеческое – сердце.

Оставьте нас

тадеуш ружевич

Забудьте о нас
о нашем поколении
живите как люди
забудьте о нас

мы завидовали
траве и камням
мы завидовали собакам

я хочу быть крысой
говорил я ей

я хочу не быть
хочу уснуть
и проснуться после войны
закрыв глаза говорила она

забудьте о нас
не спрашивайте о нашей юности
оставьте нас в покое

Педагогика

анджей бурса

С детьми надо строго
вместо одежды рвань
собери эту рвань
застегни эту рвань
сбереги эту рвань
эта рвань моя работа
мои растраченные силы
эта рвань

мои утраченные иллюзии
мое несбывшееся дело
моя изломанная жизнь
мёртвая перспектива
всё – рвань
                собери эту рвань
                застегни эту рвань
                сбереги эту рвань

Возвращение прошлого

станислав мисаковский

Чтобы яснее увидеть
прошлое
я закрываю глаза
но реальность
не признаёт себя побеждённой
переходя в наступление
взрывает голову изнутри

я затыкаю уши
двойными тампонами ваты

тишина
темнота неподвижность

лишь беспокойная мысль
мечется по коридорам мозга
отчаянно шепчет:
«а если твоё прошлое
и было смертью?»

что же тогда такое жизнь!?
кричу я
но не слышу
даже собственного голоса

Плач

збигнев росса

реки слёз
не впадают ни в какие моря

ни один океан
не выйдет из берегов

так что реви себе
сколько душе угодно

Плач

юлиан кавалец

Близкие ушли навсегда
Нет у меня никого ничего
Но не всё потеряно
Со мной остался плач
Верный друг, настоящий товарищ
Трудно его удержать в узде
Он своенравен, нетерпелив
И всё-таки нам неплохо друг с другом
Мы договорились
Он заверил меня
Что при встрече с жалостью
Не будет давать себе волю
Не вырвется из-под спуда
При виде вытаращенных от любопытства глаз
Сумеет удрать, когда за ним будет гнаться
Шёпот неискренней радости
Не даст выманить себя из укрытия
Плаксивым воспоминаниям о лучших днях
Я глажу его, приручаю
Но не вполне доверяю ему
Когда он поднимается, я строю дамбу
Утешаю, кормлю его обещаниями –
Плач ты мой, как только они уйдут
Мы убежим в ольховую рощу
Там вдали от людей
Рви путы, рушь запруды
Пусть льются слёзы
Уже не по капле – ручьём
Как вода из кувшина
Вот это будет купанье – ободряю я его
Потерпи ещё немного, самую малость
И мы убежим туда
Только помни, плач ты мой непокорный
Потом, когда мы вернёмся
И мир опять уставится на нас

Я снова запру тебя в себе на засов
Тогда уж сиди тихо, не пищи
Ни капли слёз
Ни-ни
А я буду тебя кормить
Крошками сухой печали
Пока мы снова не скроемся
В зарослях тишины
Чтоб купаться в слезах

здислав долятковский

Людей, которые не смеются, нельзя принимать всерьёз.

Доверять можно только безумцам – они всегда верят в то, что говорят.

Орлы неблагодарны – они не ценят гостеприимства клеток.

Ястребы охраняют цыплят от старости.

В муравейнике можно быть либо муравьем, либо обглоданной костью.

«Свободные выборы» – право мышей избирать кота.

Чем глупей человек, тем он лучше знает, зачем живёт.

Чем больше свалка, тем жирнее крысы.

Чем ближе к корыту, тем больше свиней – заслуженных,

Чем крупнее свинья, тем больше приходится с ней считаться.

Даже самый могучий лев бессилен перед своими блохами.

Волки не едят травы, значит, злейшие враги овец – козы. Принцип, провозглашённый плотоядными.

Волк пожирает овец вместе со всеми их аргументами.

Кто не сражался с ветряными мельницами, тот станет рабом корыта.

Солнечная система – единственная система, достойная человека.

На безымянной улице*

ежи фицовский

на безымянной улице
слепого никогда
я был поставлен к отенке
без окон без дверей

я был уже почти
горизонтально бледен
и тёмный пульс извёстки
подмигивал земле

а может это было
ни здесь ни там нигде
а может это было
и не со мной и не

стоял я облачённый
в защитный белый страх
не мой последний след
вынюхивали пули

Письмо друзьям (вместо манифеста)

катажина борунь

Прежде чем ты умрёшь,
или вернее прежде чем станешь взрослым,
прежде чем город впитает тебя без остатка
в щели между плитами тротуаров

Прежде чем ты уйдёшь,
или вернее прежде чем станешь взрослым,
влюблённым в двери лифта,
улетающего на север,
в жену, похищенную из подземного перехода
группой террористов,
среди которых на размытом снимке
ты узна́ешь своего первого сына

* Парафраз.

Прежде чем ты умрёшь,
или вернее прежде чем станешь взрослым,
прежде чем дождёшься минуты,
когда наконец дозволено будет врать
в соответствии с правдой,
прежде чем вымараешь из автобиографии
планы издания
наших разговоров,
пока ещё на первом месте
в хит-параде пиратского радио
всё та же пара минут тишины

Ещё хоть разок,
прежде чем ты перейдёшь на другую сторону,
заставь нас поверить,
что это не свет мигает на перекрёстке,
а кровь
капает на траву.

СТО СОТЫХ ПРАВДЫ

Холда Либерт Баран Томся Брониковская Кантор Страсбургер Стафф Бялошевский Лец Мрожек Левандовский Березин Иллакович Данелькевич Длугош Фицовский Липская Ёдловский Навроцкий Глюзинский Скоповский Кот Беля Свирщинская Виткевич Дмитроца Капустинский Тарковский Бурса Мисаковский Росса Херберт Кавалко Вечорек Виткевич Сроковский Заневский Челеш Число Юрковский Мицнер Врублевский Земянин Павляк Матывецкий Ежина Маховяк Бучкувна Цвиклинский Лекшицкий Посвятовская Ризенкампф Ружевич Харасымович Гжещак Афанасьев Кавалец Крыницкий Мицинский Пшибось Голуй Мочульский Войтыла Яворский Билица Стахура Немец Хрусцелевокая Лохман

Дробь

эдвард холда

Сто сотых правды
это не вся правда,
хоть и не сто процентов лжи.

Сто сотых правды
не связать воедино
никаким сложением,
никаким умножением.

Сто сотых правды
могу связать воедино
только я сам,
если я сам
не связан.

Всадник

ежи либерт

Я бежал от Тебя в тревоге,
Я хотел Тебя сбить со следа –
Но колени мои упрямо
Оставляли следы на небе.

Ты настиг меня, Всадник небесный,
Растоптал, придавил ответом.
Я подрублен, повержен наземь,
Будто дым, перебитый ветром.

Нет ни слова, чтобы подняться.
Речи тяжкие и пустые.
Или – надо слова утратить,
Чтоб, как душу, вновь обрести их?

Или просто – себя отринуть
И Твоим словам себя вверить?
Если надо – топчи. Да сгину.
Я Твой воин – что за потеря.

Только так, и других откровений
Ни глаза, ни уши знают –
Хоть Тебя я выбрал навеки,
Каждый миг опять выбираю.

* * *

юзеф баран

спички дней в моих пальцах
вспыхивают и гаснут
сколько ещё их осталось
в моем кармане

что я успею увидеть
при свете спички
прежде чем всё окутает мрак

вернусь ли с последней спичкой
туда где себя потерял

вырвусь ли
из порочного круга судьбы
как на дорогу из леса

*** * ***

тереса томся

Прекрасно то что нам снится
чего никогда не будет и быть не может

Во сне все наши силы отнимает фантазия
мы никому не причиняем зла
и нам никто не должен

И ты и я
вне следствий и причин
можем существовать свободно независимо
без места без адреса без ложных клятв
что всегда будем те же
что и теперь

Ещё прекрасней то что подлинно
что больше не повторится
что было да прошло

А что же всего
прекрасней

О Тебе

мария брониковская

Придумали тебе философию:
Античную – сократовскую,
Платоновскую – стоическую,
Искали систему –
Просеивали сквозь сито
Мысли твои и дела –
Хотели тебя втиснуть –
Объяснить, назвать –
Причислить к «партии»,
Течению, ориентации –
Использовать не только жизнь,
Но и смерть твою.

Построили великий миф –
Золотое предание –
Псалом –

Но ты ускользнул от них –
Потому что был не элементарен,
А прост –

Отзывчив и человечен,
Скромен и твёрд,
Ты был собой –

В серости дня,
В одиночестве ночи,
Которой нет ни конца ни края.

Комната моего детства

тадеуш кантор

I

Пространство воспоминаний
трудно определимо.
Вот комната моего детства,
я всякий раз её обставляю заново,
и она без конца умирает во мне
вместе со всеми её обитателями.
Обитатели – члены моей семьи.
Они вечно повторяют всё те же действия,
оттиснутые в памяти навеки, как на фотопластинке.
Они будут повторять их до тошноты,
сосредоточенно, с точностью до мельчайшего жеста,
с одной и той же гримасой на лице –
банальные действия,
элементарные, никакие,
невыразительные, лишённые смысла.
С преувеличенной, тупой тщательностью,
с ужасающим, нарочитым упорством они будут делать
эти малые дела, заполняющие нашу жизнь...
МЁРТВЫЕ ПОДОБИЯ ДЕЛ,
обретающие реальность и вес
только засчёт упорного ПОВТОРЕНИЯ.
Впрочем, быть может, это свойство ВОСПОМИНАНИЙ,
эта пульсация ритма,
неустанного возвращения
в п у с т о т у,
напрасного возвращения...

2

Есть ещё пространство «ЗА ДВЕРЬЮ»,
где-то там, на окраине КОМНАТЫ,
ИНОЕ пространство,
в ином измерении,
там копится наша память
и бродит наша свобода,
в этом б е д н о м пространстве,
где-то «в у г л у»,
«з а д в е р ь ю»,
в бескрайних просторах фантазии...
Мы застыли в дверях, мы прощаемся с нашим детством,
беспомощные,
на пороге смерти и вечности.
В этой бедной и мрачной каморке, за дверью,
безумствует буря и ад людской,
вздымаются волны потопа,
от которого не спасут
ветхие стены КОМНАТЫ,
нашего обыденного,
«календарного» времени.
Важные перемены надвигаются неотвратимо –
стоит только открыть дверь...

О жизни

януш страсбургер

(Кто мне шепчет ночами:
«Спрашивай, и не заблудишься»?)

Я живу, следовательно, спрашиваю.

Не зная, откуда придёт ответ.
И придёт ли вообще.

И всё-таки я буду спрашивать,
пока жив.

Жизнь – великий вопрос,
который содержит все прочие.

Будет ли жизнью ответ?

Пробуждение

леопольд стафф

Рассветает,
Но света нет.
Никак не проснусь,
А вокруг всё не так.
Что-то надо понять,
Что-то решить,
Что-то связать воедино.
Ничего не вижу,
Не найти ботинок,
Не найти себя.
Голова трещит.

* * *

мирон бялошевский

я годен к повешению
в рамках разрыва

гвоздь меня не принимает
ремень обнимает

всё хожу и хожу
как я могу?

О мыслях

станислав ежи лец

Убиты мысли наповал.
Зачем ты их рядил в слова!

Новая жизнь

славомир мрожек

Я решил начать новую жизнь. Раз и навсегда. Но когда? – вот в чём вопрос.

Ответ не вызывал сомнений: завтра же.

Однако, проснувшись на другой день, я обнаружил, что вокруг опять то же самое сегодня, что и вчера. А поскольку было решено начать новую жизнь завтра, сегодня я её начать никак не мог.

– Не всё потеряно, – подумал я. – Завтра непременно будет завтра.

И преспокойно прожил день по-старому. Не только без всяких угрызений совести, но и полный светлых мыслей и радужных надежд. Но что ты будешь делать: и на другой день опять было сегодня – точно такое же, как вчера и позавчера.

– Я же не виноват, – думал я, – что какой-то дьявол всё время подменяет завтрашний день сегодняшним. Мое решение окончательно и бесповоротно. Попробуем ещё разок – может, дьявол притомился, и завтра наконец настанет завтра?

Увы, этого не случилось. Что ни день – всё только сегодня да сегодня. В конце концов я потерял надежду.

– Никакого завтра, наверно, никогда уже не будет, – решил я. – Так может, раз такое дело, взять да и начать эту самую новую жизнь не завтра, а сегодня?

Однако тут же я сообразил, что это полный абсурд. Ведь если так давно и неизменно повторяется всё то же сегодня, то это сегодня уже очень старое, а значит, любая жизнь, начатая сегодня, непременно будет очень старой. А новая жизнь, она и есть новая, и начать её можно только сызнова, то есть – с завтрашнего дня, если уж хочешь, чтоб она была действительно новая.

Я отправился спать в твёрдом убеждении, что уж завтра-то обязательно начну новую жизнь. Ведь как ни крути, а должно же быть хоть какое-нибудь завтра.

* * *

здислав левандовский

идём по льду
под нами быстрина

в холодном климате
не нужна вера
чтоб ходить по воде

но даже самый прочный лёд
не спасёт от сомнений

как угадать где полынья
под снегом
на месте водоворота

Язык жестов

яцек березин

Кинге

Ты знаешь, я устал.
Я пережил смерть и рожденье
любви. Научился любить
и работать. Жил в разных странах.
У меня было много женщин
и пара друзей.
Я видел добро
и немало зла.
Близкие не умели молчать.
Чужие не умели смотреть.
...Я побывал почти везде,
и всё осталось позади.
Туда, куда я иду теперь,
я иду один.
На каком языке повторить?
И заново ответить?
Может быть, всё, что осталось –
это язык жестов.
Последних жестов.

Мрак

казимера иллакович

Мрак... Я к стеклу прижимаю лоб,
дождь барабанит, между
бурей и штормом я спрятал в гроб
надежду.

Плачь не плачь – в комнате ночь...
Сила ушла безвозвратно.
И никому ничем не помочь
– понятно.

В комнату входит смертная тень,
чтоб оплакать потерю...
Молюсь... но настанет ли новый день?
Не верю!

Воспоминание

марек данелькевич

Он смеялся над тучей, похожей на рояль
как в драме Чехова
Отмечая свой восемнадцатый день рожденья
он с утра пил с приятелем
Сад уже привык к непрошеным гостям
вокруг ходили волны звуков, запахов –
наливались плоды, листья сворачивались в трубочку
жуки тонули в вине
Вдруг из рояля выпорхнула птица
и инструмент растёкся, как молоко

Ноты

лешек длугош

Мы словно птицы спящие в гнёздах
На нотном стане
Где же тот кому ведом секрет
Наших полётов

* * *

ежи фицовский

я не спас
ни одной жизни

не остановил
ни одной пули

вот и брожу по кладбищам
которых нет
ищу слова́
которых нет
спешу
со своей запоздалой
непрошеной помощью

успеть бы
хоть задним числом

Сомненье

эва липская

Верю в сомненье –
я свободна от вредной привычки к вере.

Когда жизни нет
– я в смертельном сомненье.

Пролетая под окном больницы или Песенка господина Едвадыха о волшебных свойствах времени

юзеф баран

что было великим то вечным казалось
отчего же вдруг всё так легко распалось

вершины покорённые в трудах немалых
в прах повалились душа отзвучала

а моря бездонные где плавал я с верой
стали просто лужами на равнине серой

время сравняло и горы и моря
на равнине серой тлеет сердце зря

куда ни посмотришь равнина равнина
все начала и концы сошлись на ней клином

пляшет на равнине конёк малохольный –
всё что осталось от жизни моей вольной

бьёт конёк копытом видно яму роет
серый холмик скоро целый мир закроет

* * *

марек ёдловский

А если после меня останется лишь пустота
пусть у неё будет хотя бы чёткий контур
как у дыры откуда выпал сук

благодарение

станислав навроцкий

за то что ты создал меня по образу и подобию
в стране где жизнь дешевле стыда
а стыд дешевле спирта

за то что я проклял женщин
словно любовь – тост над чашей с ядом

за то что покинутый
я всё больше тебя ненавижу
и всё же с грехом пополам влачу свой крест

благодарю

ибо есть путь
который можно пройти
только с поднятой головой

Порядок вещей

томаш глюзинский

безумие
вопреки очевидному –
не бегство
от действительности

напротив

оно – осязаемая реальность
всеобъемлющая и
неизбежная

безумие
не отклонение
от нормы
а сущность
не имеющая альтернативы
всеобщий знаменатель
право и обязанность
всех
и каждого

если кто-то
вдруг придёт
к дерзкому выводу
что мир обыкновенен
значит
сам он
безумец
не признающий
законов вселенной
где испокон веков
царит первоначальный хаос
или что то же
естественный порядок вещей

*** * ***

ромуальд скоповский

несчастье –
жизнь
которая не хочет
быть

*** * ***

веслав кот

бейся бейся головой об стенку
когда разобьёшь
тогда и увидишь
зачем ты это сделал

Коварная судьба

эмиль беля

Сам выбирай,
Пока тебя не выбрала
Коварная судьба.

Благодарность башмакам

анна свирщинская

Я не имею значения.
Помню об этом всегда.
Хожу, как человек незначительный,
сижу, как человек незначительный,
сплю, умываюсь, ем,
как существо в высшей степени незначительное.

Возможно, всё оттого, что в детстве
у меня были вечно дырявые башмаки.

Спасибо башмакам – меня не застигнет врасплох
в некую ничего не значащую минуту
никакого значения не имеющий факт
моего перехода в состояние
всеобщей и полной незначительности.

* * *

станислав игнаций виткевич

Загадки сами разгадываются,
И всё само себя творит,
Покуда смерть себя не уморит,
Загадки только радуются.
Жизнь смотрит в зерцало
Собственной ахинеи,
А кошмар столбенеет
От страха перед собой.
То, что так низко пало,
Оплачет себя – и в бой:
Само красотой своей станет.
Но в конце концов – всё куда-то канет:
Там только смерти россыпи
Сами в себе застыли.
Ничто ни о чём не спросит
В своей порожней могиле.

Как в этих Песках одиноко – тут
Крылом измеряет пустыню Тифон
И ржавые пятна крови цветут.
Я свинью из себя изгоняю вон.

Роями мух засижен
Мой череп полный мёда,
С любовницей диалектикой
Уже мне не взять развода.

* * *

збигнев дмитроца

Говорят, мудрецам –
якобы архангелам во плоти среди людей –
не подобает отчаиваться – но верно ли это

Я не мудрец – я впадал в отчаяние
Знаю немую немочь
знаю безумие крови
рвущейся из жил и аорты

Я не мудрец –
хотя довольно рано приобрёл знание
о всевозможных перспективах
я так и не смог понять перспективу времени

Не доверял народной мудрости
хотя был сам из народа – я смеялся
когда старшие поучали:
утро вечера мудренее
или твердили:
время – лучший лекарь

Теперь я уже знаю это
Но знаю и ещё кое-что:
редко кто задумывается о том
что холодный и – казалось бы – незыблемый базальт
был когда-то кипящей лавой

Магеллан подплывает к Тьерра дель Фуэго

рышард капустинский

Стоят высматривают –
                что на горизонте?
А там смеркается вот-вот ударит буря
лавина блеска громоздящаяся тьма
и Апокалипсис и грохот и огонь

стоят высматривают
задают вопросы
что дальше там за сумрачным виденьем
долина тишины? приветливая пристань?
тропинка к солнечной поляне?

Стоят высматривают
может это рай?
а каравелла к берегу подходит
все видят камни и песок и скалы

и мёртвый горизонт
и нет примет особых

Прогулка

михал тарковский

Было тихо. Казалось, всё умолкло, погрузилось в сон. Лишь иногда издали доносились глухой шум и шелест, шорохи и вздохи. Оранжевое солнце низко опустилось над горизонтом, роняя тёплые блики, отбрасывая мягкие тени. Пейзаж колыхался. Огромный мир застыл, и вдруг что-то громыхнуло с такой силой, что волосы встали дыбом. Я упал ничком, закрыв глаза руками...

Не сразу и не без труда мне удалось продраться сквозь путаницу волос. Я принял горизонтальное положение, осторожно пересёк морщины и выбрался к глубокому заливу лба. Лоб был мягкий и гладкий: не встречая препятствий, я быстро продвигался вперед.

– Голова небось гордо задрана, – подумал я. Так оно и оказалось. Несмотря на позднее время веки ещё были подняты. Воспользовавшись этим, я бегом спустился в глазную впадину. Глаза, как всегда, были широко открыты. Я даже бросил было взгляд из глаза, но вид был неинтересен. Так себе пейзажик – кусок дороги, тополя рядком, шахматная доска полей, речка, едет на велосипеде железнодорожник с портфелем. Прислушался – ни слуху ни духу.

– Пора браться за ум, – отметил я про себя. И уж хотел было возвращаться, но взгляд мой упал на лицо. На закате оно неузнаваемо изменилось: одутловатое, испещрённое бесчисленными морщинами, складками, бороздами. Вытаращенные зенки окружены сетью морщинок. Похолодало. Солнце – большое, багровое – стояло уже у самого горизонта. Глухой грохот надвигался с удвоенной силой. Сомнений не было – это трепетали предсердия. В двух шагах пронеслась лавина камней, спавших с сердца, горохом

катились слёзы – иные размером с голову младенца. Времени на размышления не было: с головы мигом облетели волосы, и она предательски задрожала.

– Если башка упадет, это конец, – пронеслось у меня в сознании. Поражённый ужасной мыслью, на ватных ногах я кинулся бежать. Минутой позже я оставил по правую руку евстахиеву трубу, молоточек и наковаленку и выбежал на лобную долю. Она была ещё целёхонька, хотя кое-где уже скопилась влага. Я брёл по расселине между полушариями, радостно думая, что, быть может, ещё не всё потеряно. Но, увы, от того, что я увидел, у меня перехватило дыхание. Сердце рванулось к гортани, я столкнул его обратно и вскочил. Но тут ноги мои подкосились, и я рухнул лицом вниз.

Последним усилием воли я оттолкнулся от дряблой щеки. Больше я никогда в жизни себя не видел.

Диспут с мудрецом

анджей бурса

Едва он начал говорить, как из меня полезли бесы. Делая вид, что внимательно слежу за ходом его рассуждений (а он, без сомнения, мыслил верно), я наблюдал за своими бесами. Их становилось всё больше по мере того, как всё больше становилось слов, а он, слабея, терял рассудок. Наконец их число достигло астрономической цифры. Они вытеснили из комнаты весь воздух. Это было слишком даже для него. Побледнев, он выдавил из себя:

– Не открыть ли нам окно?

Я не дрогнул. Неверным шагом он приблизился к окну и, обнаружив, что оно открыто настежь, обратил на меня воспалённый взор. Я решительно кивнул.

Ах, что за свист пошел по комнате... ах, как смеялись все мои бесы...

Когда он трррах... с четвёртого этажа...

Когда он трррах... на асфальт.

Я сбился с пути

станислав мисаковский

Я сбился с пути. Шёл вслепую, не зная – то ли на восток, то ли на запад, то ли на север, то ли на юг. Долго шёл, дороге не видно было конца. И вдруг понял, что блуждаю вокруг чего-то, что мне неведомо и чего мне никогда не понять.

Откуда-то, а может, отовсюду, раздался голос:

– Ты видишь цель?

– Нет.

– А самого себя?

– Тоже нет, – ответил я чистую правду.

Непонятно было, кто спрашивал и где он.

Я продолжал блуждать, с каждой минутой всё больше теряя надежду, что достигну цели. Силы оставили меня, и я снова услышал голос:

– Ты ищешь своё место в мире?

– Да.

– Но разве самого себя ты уже нашёл?

– Нет.

– Так как же ты можешь искать место, не зная, кому оно предназначено?

«А ведь так и есть», – мысленно согласился я, однако на то, чтоб познать себя, сил у меня уже не было.

Авторезня

януш страсбургер

Мы мясники своей судьбы.

Для начала мы сами себе обрываем крылья,
в уверенности, что нам хватит и длинных рук.

Спешим погасить в себе искру божью,
затем без труда избавляемся от совести.
Невзначай расправляемся с чувствами и тоской.

Животные инстинкты понемногу угасают –
мы уже перекрыли себе кислород.

От ужаса нас покидает разум...

Редко кто из людей доживает до смерти.

Урок ходьбы

збигнев росса

встать
ещё не значит подняться

подняться
это не всегда
встать на ноги

встать на ноги
вовсе не значит
что ты устоишь на ногах

* * *

тереса томся

Не хочу больше
несбыточных надежд
Не открывай глаза –
они тут же закроются

Нет уже сил
верить в нереальное
С голодухи
ждать сытости
От жажды
тосковать по другому берегу

Вернуться бы
начать всё сначала
Обойти стороной
ловушки для зазнаек

О недоверие
переведи меня через оазис
Да не обманет
фатаморгана слов

* * *

збигнев херберт

Мы засыпаем на словах
просыпаемся в словах

порой это спокойные
простые существительные
«лес» или «корабль»

они от нас отрываются
лес ускользает
за линию горизонта

корабль уплывает
без следа и причины

опасны слова
выпавшие из целого
обрывки фраз афоризмов
клочки рефрена
забытого гимна

«спасены будут те кто...»
«помни что ты...»
или «как»
мелкая острая шпилька
что скрепляла
прекрасный утраченный
образ мира

надо терпеливо смотреть этот сон
в надежде что смысл восполнится
потерянные слова
вернутся в увечные фразы
и долгожданная уверенность
наконец-то бросит якорь

Затем

станислав ежи лец

Затем открылось человеку слово,
чтоб он молчал спесиво и сурово.

Коммюнике

мариан януш кавалко

памяти Анджея Бурсы

вчера
ты разорвал пакт о ненападении
с самим собой

что послужило поводом к началу
военных действий
ты даже успел захватить плацдарм
между мыслью и словом
но стоило тебе
крикнуть как тут же
стало ясно что ты предательски
заткнул себе кляпом
рот

Слово

збигнев росса

ты сломал это слово
оно хрустнуло
треснуло
раскололось от боли

гипс не поможет
разводя руками говорит доктор Время

Эрго. Независимость триптихов

марцин вечорек

то, что ты говоришь, прямо противоречит
тому, что ты думаешь, то, что ты думаешь, прямо
противоречит тому, что ты пишешь, то,
что ты пишешь, прямо противоречит
тому, что ты читаешь, то, что ты читаешь,
прямо противоречит тому, что ты любишь, то
что ты любишь, прямо противоречит
тому, чего нет, то, чего нет, существует;
эта строка нужна, чтоб сохранить равновесие.

* * *

станислав игнаций виткевич

Мир мстительным роком
Раздрызган жестоко

И переиначен.
Брошен в презрении и беспорядке
(Как грязная тряпка)...
А после мир откачивали
Сладкими словами.
Отчего же круги под глазами?
Всклокочена отчего бородка?
Да, мгновенье было коротким.
А вспоминалось долго...

* * *

станислав фоковский

нынешняя ложь математически точна
она доказывает свою правоту чёткими выкладками

ей служат эстетика этика
Бог разум чувства и вера

сегодняшняя ложь не ошибается
не предаёт не фальшивит

использует достижения науки и культуры
оперирует теми же аргументами что и правда

носит те же одежды
да и лицом похожа

у неё та же походка
она и спит и дышит как правда

современная ложь имеет копирайт на свои услуги
её исключительные права закреплены в конституциях

ложь умеет убеждать
что она правда

когда я думаю об этом
я радуюсь что человек велик
и знаю:
совесть мира
выдержит и это
последнее испытание временем

торжествует
эпоха разума

Тезисы о Лжи и Правде

анджей заневский

Если ты лжёшь умирающему о будущем
и строишь вместе с ним планы на десятилетия вперёд,
зная, что он уйдёт самое позднее послезавтра,
– возможно, такая Ложь нужна.

Если ты говоришь незрячему: – Океан! Океан! –
а тем временем вы подошли всего лишь к грязному пруду
между тюрьмой и казармой,
– возможно, такая Ложь прекрасна.

Если матери, у которой убили сына, ты внушаешь,
что сын вернётся, что он бессмертен,
что она должна верить и ждать,
– возможно, такая Ложь праведна.

Так и проходят наши дни среди Лжи –
нужной, прекрасной, необходимой;
мы ищем Ложь и лжём.

Мы не хотим Правды – боимся за себя.

А Правда упорно держит вахту на больной улице,
одинокая, ужасная, призрачная...

Незримая.

несколько вставок – по свежим следам августа 1980-го

пётр челеш

«так называемый»
помни тебе придётся
изо дня в день его называть собой

«это значит»
помни ты можешь сказать
что это нечто совсем иное

«и так далее»
помни ты можешь сказать
нет или просто свернуть на просёлок

«под заглавием»
помни ты должен поставить его
над своим содержанием

«смотри выше»
помни ты можешь подняться ещё выше
так попытайся же сделать это

«продолжение следует»
помни ты должен уйти ещё дальше
оно не может
следовать за тобой в затылок

«например»
говори-ка почаще
с самим собой

Труднее всего

станислав ежи лец

Что труднее всего проглотить? Эге-ге...
То, что вертится на языке.

Домыслы

мачей число

Мозг в черепе:
как реактивный самолёт в ангаре!

«Семьдевят один» –
это шестьдесят четыре
в девятичной системе.

Мотылёк – проблема для самого себя,
ребёнок – это взрослый,
только Полу-Целый.

Кто владеет собой, тот
жалкий раб –
господин и слуга в одном теле!

Хочешь быть любимым – люби!
Люди звучат в ответ,
как музыкальные инструменты.

Когда никто не смотрит, часы
не отсчитывают время
и не показывают – некому.

У сердца свой разум! Мысль
тоже бывает нежной.

*** * ***

юзеф баран

заточённый в зеркальную клетку
он так хотел узнать
что там – в зазеркалье

с надеждой вглядывался вглубь
но всё яснее видел
лишь отражения своего лица
в тысячах гримас

лестницы вели обратно
к нему самому
двери открывались только
в его отражённый дом

напрасно он бил
зеркало за зеркалом –
каждый раз появлялось новое

хуже всего был страх
что будет при очередном ударе

то ли он сам вместе с зеркалом
разлетится вдребезги

то ли сорвёт последнее отражение
как повязку с глаз

чтобы прозреть
раз и навсегда

*** * ***

стефан юрковский

в комнате у меня
нет иных законов
кроме силы притяжения

здесь время течёт иначе
взад и вперёд

приручённая тишина легко переходит в вечность

на полках пыль
книги ждут
чтобы их воскресила фантазия

эта тень
ничья
существует сама по себе

а пятно на полу
значит больше
чем священные книги

Объявление

пётр мицнер

Меняю вечер
на утро

можно с дождём

Старое Дерево

гжегож врублевский

Я ещё успею выкурить под ним пачку табаку.
А оно так и будет расти.

о себе растуще

мирон бялошевский

я осыпался
со своего вдохновения
видно
пока я рос
кто-то открыл дверь
и меня сдуло

сейчас об этом
никто не знает
но когда разрежут
будет скандал

Объявление почти о розыске

адам земянин

Вчера
Поздно вечером
Меня видели
Бредущим по городу
Я говорил
Сам с собой
Даю вам слово
Даже не знаю
О чём

Я поймал себя на этом
Случайно
Местные тактично
Постукивали пальцем
По виску
А на заборе
Уже висело
Объявление о розыске
Слава Богу
Никто не знает
Что я и так давно
С сердцем
В пятках
Запанибрата

Демаркационная линия

тадеуш кантор

Демаркационную линию надо проводить всегда и везде, быстро и решительно, потому что и так, независимо от нашей воли, она существует, автоматически и неумолимо оставляя нас по ту или по эту сторону. Когда мы проводим её сами, даже если нам от этого становится хуже, у нас возникает ощущение свободы выбора или сознание необходимости. Демаркационная линия есть всегда и везде, она играет все возможные роли, принимает любые формы, она вне времени и вне морали.

самонадеянные
невежды
посаженные заседать
члены жюри
эксперты
выносящие приговоры
гнущие
свою линию
охраняющие
свою индивидуальность
манерные
псевдоавангардисты
бездумно плодящиеся
с угрожающей скоростью
занятые единодушным
и единогласным
массовым производством
приручённые
управляемые
легальные
санкционированные
спекулирующие на мифах
и святынях
зловещие шаманы
миссионеры
преуспевающие
шарлатаны

то, чего почти нет
что неофициально
не признано
и не хочет признания
что отказывается иметь успех
не боится
быть смешным
и рисковать
безвозмездно
от чего нет
и быть не может
никакой пользы
что нельзя
ни к чему приспособить
и нельзя ничем
ни объяснить
ни оправдать
что безоружно
что невозможно

Демаркационную линию необходимо провести решительно и бесповоротно. Чертя линию длиной четыре метра, я в течение 45 секунд был счастлив от сознания этого обобщённого и в то же время абсолютного действия

Способ

станислав игнаций виткевич

От всех на свете бед найдётся способ,
От всех на свете бед он должен, должен быть.
Иначе были бы одни раздоры да вопросы,
И каждый стал бы в одиночку безнадёжно выть.

* * *

антоний павляк

те кто кланялся
держатся прямо

те кто был слеп
видят острее всех

те кто был глух
жадно вслушиваются

захлопни дверь одиночества
молчи – слова ничего не значат
кончилось твоё время

а может ещё не пришло

Бывает

станислав ежи лец

Бывает, и во сне, ребята,
мечтать о чём-то рановато.

Рильке

пётр матывецкий

Он смотрит в себя глазами зверей,
ради них избавляясь от плоти,
от боли и смерти. Глазам зверей
он дарит мир, свои глаза и мир иной.

Но душа его – хоть и щедрая –
а жалеет о даре. И смотрит в себя,
и вопрошает, замутнённая вопросом,
постыдным для зверя и Бога.

Дабы изведать – он гибнет в неведенье.

Не изведает он, ибо смертен.
Не изведает, ибо вне смерти – жив.

Боже, сквозь какие сумерки

збигнев ежина

Боже, сквозь какие сумерки разума я прошёл,
держась за стену крови.
Тяжело теперь работать на свет.

Ночью мне снилась правда.
А утром я не мог в неё поверить.

Впереди ещё целый день.

Вымолвить это Слово

януш страсбургер

Wir aber werden es wagen.[*]
Франц Верфель

Поверьте – если б я мог услышать Слово,
которое выразит всё,
после которого уже не будет слов,
а будет лишь свет безграничный –

пускай хоть вся вселенная
обрушится на меня
за это –

если бы мне д а н о было вымолвить это Слово,
– в сердце моём
хватит
отваги.

[*] И всё-таки мы отважимся (*нем.*).

Петля архитектуры

анджей бурса

Кто ещё в колыбели гидре шею свернул,
Подрастёт – задушит кентавров.
Мицкевич. [Ода к молодости]

Сколько взглядов пустых я втоптал в тишину здесь
В тени старинных легенд чужих чердаков и окон
Сегодня ласковый город отплатит мне – вот его месть
Он из-за куполов разит меня огненным оком

Бегут на меня бетонные башни углы карнизы
Мычащей башкой врубаюсь в стену бескровно и криво
В весёлых лодках ладоней ты меня спрячь Луиза
От страшной монотонности мёртвой перспективы

Смертника от петли не спасут ни чары ни вера
Луч убитого взгляда блуждает в астральной пустыне
Ибо тот кто младенцем сдрейфил перед химерой
Смолоду под топором на плахе города сгинет

Камню

станислав леон маховяк

я спросил у камня
где предел страданий
он не ответил
я снова спросил
он отвернулся к земле
я не мог отличить молчания
от мольбы

Современная молитва

тереса томся

Святое пламя,
спаси наши дома.

Вода Святая,
очисти наши сердца.

Святой экран,
говори без умолку –
речи без слова,
слова без толку.

Пусть наши уши зарастут молчаньем.
Пусть наш язык лезет вон из кожи –

пока нас не поглотит океан огня,
пока наш след не смоет вечная река.

Чёрное и белое

мечислава бучкувна

Тогда –
Я писала чёрным
На белом листе надежды.

Сегодня –
Белой надеждой
На чёрном листе сомнений.

Промолчи

томаш глюзинский

себе, в Страстную Пятницу

не спеши
наберись терпения

промолчи до завтра
о том что должен сказать сегодня

не смейся
когда другие плачут

отринь гордыню
не воображай
будто призван выполнить миссию
будь краток и справедлив

избегай отступлений от темы
не поддавайся эмоциям
остерегайся метафор

а главное
будь хладнокровен

стоит наборщику
запротоколировать то
о чём ты подумал

и будет слишком поздно

Слова

кшиштоф цвиклинский

Слова мои так хрупки, так сла́бы. Друг за другом
Бескрылые несутся, взлететь не могут. Слепнут.
Толпятся там, на дне, и мечутся по кругу.
Ползут впотьмах – и я за ними следом...

Им кажется, вот-вот они взовьются ввысь,
Постигнут то да сё, и прочее – иное.
То сохнут, то дрожат. А сами-то взялись
Откуда и зачем?.. Что им добро, что зло им?

Рождаются без сил. И всё их поражает.
Всё причиняет боль. Всё давит, мучит, гложет...
Они хотят – назвать, но свет их обнажает,
И умирают вновь. Я умираю тоже...

провокации. панк-номер

павел лекшицкий

пишущим

ты дал себя спровоцировать, писанина тебя затянула.
ненароком или умышленно – не имеет
значения. что-то висит в воздухе,
тяжёлое и острое. в этой ситуации, как во всякой иной,
пассивность – последнее дело, и даже если у тебя
есть золото, ты не можешь позволить себе просто ждать.

тебе ведь в принципе ничего не нужно.
закрепись на взятой высоте, установи наблюдение
за стратегически важными пунктами и собирай силы,
чтоб когда-нибудь их уничтожить,
ибо лучший вид нападения –
такая атака, когда забываешь,
что можно перейти в оборону. любая война это «гэ»,
но не все войны кончаются. повторяю,
это не манёвры. перья заряжены
боевыми.

Иллюзии и действительность

казимера иллакович

Сердце думало – пеплом станет.
Не стало.
Жизнь грозила: вот-вот увянет
– не увяла.

Так куда ж улетело
всё, развеясь, как дым?
В слове окаменело –
осталось живым.

Ещё одно воспоминание

халина посвятовская

только что я написала слово
теперь я старше на слово
на два
на три
на целую строчку

старше – что значит старше

в абстракции именуемой историей
мне выделен узкий отрезок
от сих – до сих

расту

в абстракции именуемой экономией
мне приказано жить

в абстракции именуемой временем –
блуждаю
теряюсь
и снова блуждаю

в музее «Метрополитен»
в разделе египетской скульптуры
женским ртом усмехается
камень

Об искусстве

станислав ежи лец

Арс лонга – вперёд! И снова
один крадёт у другого.

несмотря ни на что

ян ризенкампф

В свободные минуты вы имеете своих поэтов
А мы имеем весь этот мир в котором выпало жить и вам и нам
все эти времена (см. выше) и эти несколько фирм (см. выше)
которые взяли в аренду время людей и мир
– не впадая в теорию заговоров –
в гм-гм свободной гм-гм стране в гм новейшем из миров

каждый имеет право иметь это сладкое право свободы
и прочь с дороги мы выполняем свой профессиональный долг
да коллеги классики у каждого своё призвание

Вдруг

тадеуш ружевич

вдруг я увидел в газете
что-то похожее на стихи

эти слова и буквы
напоминали
другие слова и буквы
которые были
так похожи на них

метафоры с бумажной начинкой
образы подобранные
на свалке истории
среди хлама поэзии

пятна слов
как муравьи
расползлись по бумаге
убегая друг от друга

там было имя
автора то же самое имя
это он подумал я
нет не он

я стал читать сначала
но опять
ничего не понял

ничего
словно я был уже не здесь
словно я был далеко

от этого места
от этих слов
от самого себя

Мой дом

ежи харасымович

Мой дом
листок бумаги
застроенный буквами

Ныне над ним
мчатся только
осенние дымные
клочья пера

Самое короткое традиционное стихотворение

мариан гжещак

,. ,,.. ,,, ...!
. ,,,. ,,,. ,,,?
(:)
.....

Рифма

ежи афанасьев

1 2 3 4
a b c d
5 6 7 8
e f g d

* * *

станислав сроковский

меня спрашивают
почему я не пишу стихов
почему не выпускаю книг
годы проходят а ты ничего

а я слышу шипение змей
это творческая среда шипит от радости
вытянув шею ищет метафизики

я молчу
мне нечего и некому сказать
по ночам говорю сам с собой
слушаю как замирает сердце
стихает пульс
порой думаю о Боге которого нет

вижу как наяву кровь людскую
чёрных птиц
кричащих младенцев
слепцов

прижимаюсь к стене
не могу спать
не могу дышать
ничего не хочу
ни о чём не мечтаю
смотрю во тьму

а в дверь никто не постучится
в этом доме нет дверей

Слова

юлиан кавалец

Словами вверх
Словами вниз
Словами вправо
Влево

Слово, которого ты жаждал
Убегает от тебя
Ты гонишься за ним
А другое из ревности
Подставляет подножку, ты падаешь

Два слова в раздоре
Одно пытается тебя поднять
Другое повалить
В итоге по милости одного
И по вине другого
Тебя согбенного
Шатает из стороны в сторону

Со временем то, что валит
Берёт верх над тем
Что поднимает
И ты снова падаешь
На сей раз окончательно

Тогда слово-лопата
Хоронит тебя в земле
Бедные слова засыпают могилу
Дорогие ложатся сверху
Полированным камнем

Приходит очередь слов
Обслуживающих память
Они коротки ленивы
Любят играть в прятки
И впадают в молчание

Испарение

томаш глюзинский

постепенно слова испаряются
всё больше картинок

итак потребление
вернее пожирание
глазами

уши и рты
теперь не у дел

голос поэта
в тишине
            смехотворен

как свисток чайника
в кухне глухонемых

никого не проймёт
никто ему не возразит

Художник и знатоки

станислав игнаций виткевич

Разбумбённые вельможи напушили бомбы,
Бомбохи дутые пупят во вспученные тромбы.
Костлявый коротышка ковыряет палочкой в щёлке,
Растирает сухую булку на металлической тёрке.

Разбумбился коротышка – что твоя бачамбара,
Его палочка, разбухнув, стала палкой.
Вельможи – будто кишки накануне Пасхи,
А бомбошки всё гудят и гудят в тромбалки.

Лист-заложник

адам земянин

В каморке на Огродовой
я нашёл зачитанную мышами
книжку стихов
Среди страниц
«Большого завещанья»
жил себе лист
заложник
давно минувшей
осени

Повезло ему
сколько листьев
уходит в гербарий
беспамятства
а этот на старости лет
угодил прямо в сердце поэзии
теперь он мудр
почти как дерево

Слишком поздно

збигнев дмитроца

Слишком поздно решил я вернуться к деревьям детства
их не помнили даже те кто был только чуть моложе

Дубы они путали с вербами от которых тоже следа не осталось
и почти убедили меня: ничего не росло в этом месте

Я не дал себя сбить с панталыку выспрашивал дальше
наконец мне кто-то сказал что давно их срубили

А я ведь мог не испытывать свою память – просто
надо было глубже копнуть отыскать трухлявые корни

И если бы вдруг стало ясно что выкорчеваны все корни –
даже тогда не поверить и не усомниться

В том что отныне дубы эти в памяти стихотворенья
будут расти – вне времён всегда как впервые

почему я пишу?

тадеуш ружевич

«жизнь» порой заслоняет
То
что больше жизни

горы порой заслоняют
То
что за горами
надо бы сдвинуть горы
но у меня нет
ни технических средств
ни сил
ни веры
которая сдвигает горы
так что ты этого не увидишь
никогда
я знаю
и потому

пишу

За наш счёт

томаш глюзинский

общение с этой псевдо-поэзией
действует на нервы

ни следа метафор
лавина банальностей
и хоть бы проблеск
надежды

как видно
у автора было тяжёлое
детство а может у него дефект
речи или одна нога
короче другой

сходил бы
что ли к психиатру

а вдруг мелкая любовная
победа или выигрыш
в лотерею сразу выдвинут
его в ряды
любимцев публики
ей-богу

постыдились бы
господин гэ
столько лет
коптите небо
и ничего
кроме единственной открытки
с видом на море
и то за наш счёт

одни только
приступы рефлексии
да спазмы совести

Живая поэзия

рышард крыницкий

Генрику Ванеку

Поэзия –
как перелитая кровь для работы сердца:
доноры давно погибли
в катастрофах, а кровь их живёт –
замыкает родством чужие круги кровообращения,

оживляет чужие губы.

Формы поэзии

тадеуш ружевич

поэзия не всегда
принимает форму стихотворения

на шестом десятке
она является поэту
в облике дерева птицы
в сиянии света

в облике женщины
или в безмолвии

а то и просто живёт в нём
вне всякой формы

как чувство
любви гнева жалости

Ноктюрн

тадеуш мицинский

Плачущих берёз
контур бездыханный...
Выкосил мороз
все мои тюльпаны.
А у ног лежат
убитые чайки –
и на них глядят
деревья в печали.
Снегом смою кровь –
скорбь не заглушить.
Слышу странный зов
в темноте души.

* * *

станислав игнаций виткевич

Не забредут мои строки ни под какие стрехи,
ведь тогда уже, к счастью, стрех никаких не будет.
И никто не увидит ни прока в них, ни потехи,
лишь свинство равномерно расползётся по людям.

Тернии

ежи харасымович

Тернии тернии тернии
ни человека
ни строчки
и птицы не ропщут

Покой
писать не надо
не надо мир пленять
собой

Территория терний

В послебудущем времени

юлиан пшибось

Он жаждал такой славы
– и только такой славы, –
чтобы стало излишним его бытие.
Он желал обрести посмертную славу при жизни.

Баллада кануна

тадеуш голуй

То ли снегом дохнёт то ли градом
не читай не слушай не надо

Распогодится или ударит гроза
в этот вечер там где я буду
не будет меня

На столе пустая тарелка – мне одному
сегодня я у себя никого не приму

* * *

лешек александр мочульский

освободись – говорит тишина
популярность – прах
одиночество – прах
и сама жизнь это прах
только одно в тебе что-то значит
– сердце

Человек воли

кароль войтыла

Момент воли бесцветен и тяжёл, как удар поршня,
или остр, как хлыст;
обычно он не заметен
никому
кроме меня –
не созревает он в чувствах, как сладкий плод,
не рождается в мыслях.
Он круто меняет мой путь –
когда он приходит, я должен быть на высоте,
и чаще всего мне это удается.

Нет места уму и сердцу – только и есть
этот миг, что вспыхнул
во мне, как крест.

Мелкие объявления и предсказания

тадеуш ружевич

меняю зрение на осязание
осязание на обоняние
обоняние на вкус
вкус на пикантные палочки
с беконом в цветном перце
меняю палочки
на стишки

Опиши мне нежность
а я тебе скажу
будешь ли ты графоманом
опиши мне счастье
которое тебе выпало и
несчастье
которое на тебя свалилось
а я скажу тебе кто ты
скажи мне в стихотворении
предельно кратком
чем отличается любовь
от ненависти
чем отличается
чёрный квадрат от белого

а я тебе скажу
будешь ли ты Малевичем
или только рамой к картине
скажи мне чем отличается
вторник от среды
а я скажу тебе кто ты
футуролог или футуро-
брехун
скажи мне когда мир кончится
а я тебе скажу когда
он не кончится

О, серый день...

леопольд стафф

О, серый день, вдали от солнца!
О, день пустой, вдали от смеха!
И ты истратишься до донца,
Хоть и не вдруг, ведь нам не к спеху.

Когда же круг судьбы замкнётся
И пристально назад взгляну я,
Мне и об этом дне взгрустнётся,
И я заплачу, и засну я.

Шелуха (1)

мирон бялошевский

если отнять слово от вещи

слово не станет меньше

его не убудет

со слова содрана кожа
она нечувствительна от долгого произнесения
о плоды!
о они!
истекающие изначальностью
о земные дары!
вы набираете вес
о слово!

к тебе
прибавляется
вещь

Шахматы в краковском Доме Матейко

юзеф баран

здесь на земле
откуда все уходят проиграв
остаётся только вопрос о масштабах поражения
что это было – катастрофа под Ватерлоо
или всего лишь пиррова победа
чёрных фигур ночи над белыми фигурами дня

всё чётко видно в доме
где на столе раскрыта шахматная доска
словно мастер только что бросил игру

и ему поставила мат Чёрная Дама
но прежде чем кануть в небытие
он успел запечатлеть на своих победивших картинах
столько следов торжествующей жизни
что их стереть невозможно

Записка художника Ши Тао

вит яворский

когда иней лёг на траву
я отставил в сторону тушь
когда опустился туман
я отложил кисть
когда солнце пронзило тучу
я умолк

кшиштоф билица

Не устраивай сцен, когда сходишь со сцены.

Иной раз вместе с кляпом вырывают и язык.

Слабому грозят кулаком, сильному – пальцем.

Промывка мозгов кончается развеской для просушки.

Аппарат безопасности оберегает безопасность аппарата.

Чем больше палачей, тем больше у них работы.
Не то что у людей других профессий.

Пришли к соглашению – а дальше ни шагу.

На истину опирается логика, на ложь – практика.

Лучше сказать правду, чем её услышать.

Когда слишком часто разевают рты от изумления,
начинает одолевать зевота.

Оригинальные подделки предпочтительней
поддельных оригиналов.

Больше всех говорят те, кому нечего сказать.

Человек человеку

эдвард стахура

Человек человеку волк
Человек человеку змея
Но не дай себя задавить
Не дай себя отравить

Человек человеку гиена
Человек человеку измена
Но не дай себя предать
Не дай себя доконать

Человек человеку тюрьма
Человек человеку чума
Но ты не сдавайся чуме
Не сдавайся тюрьме

Человек человеку лом
Человек человеку гром
Но не дай себя оглушить
Не дай себя усмирить

Человек человеку волк
Не дай превратить себя в волка
Человек человеку ближний
Ближний поможет выжить

Ветер

мачей немец

Я бы не пил перед зеркалом если б встретил кого-нибудь
с кем можно было бы выпить
не говоря ни о чём

что дальше
ещё одна исповедь
и лепет как предел
к которому стремится речь

мне уже не написать
первую книгу когда-то зачатую
в радости

радости нет
радости нет

это из другой ненаписанной книги
книги друга
который возможно уже и не друг

разрозненные листки насквозь продувает ветер
мы говорим на ветру
беззвучно
крича

* * *

мачей немец

Радость... до неё доплывут
только размокшие бумажные кораблики.
Нас там не будет.
Никто не сможет сказать,
что она была невозможна.

* * *

гжегож врублевский

– Что делать с теми, кто потом ничего не помнит?
– Дарить им на память деревья.

* * *

дорота хрусцелевокая

Чего Ты хочешь Боже от нас за щедрый дар Твой
За слёз пресветлый свет за то что бита карта
За ночи без любви
За снов слепые окна
Чего Ты хочешь Боже за то что не помог нам
За страх небытия
За слов пустых пустыню
За то что сжав виски от горя руки стынут
А мы всё новым флагам на старом древке рады
Чего Ты хочешь Боже?
Мне – ничего не надо

Ты

ян лохман

Ты

где б я ни был везде
что бы я ни сказал
и куда бы ни шёл
и чего б ни искал
и на что б ни смотрел
Ты и кого бы ни звал Ты
стоит только шагнуть
стоит только вздохнуть
стоит только заснуть
или просто шепнуть
где б я ни был везде

Ты

КОГДА Я БУДУ СПОСОБЕН НА ВСЁ

Данецкий Алюхна-Эмелианов Рыбович Воячек Шипер Кронхольд Галчинский Лехонь Подсядло Быховская Карпович Йоахимяк Пшерва-Тетмайер Бурса В.Кайтох Хилляр Стафф Пшибось Кучяк Стычень Войнаровская Баран Шопа Бараньчак Зыбура Стахура Найвер Твардовский Ружевич Лесьмян Мендзыжецкий Бялошевский Гроховяк Мильчевский-Бруно Виткевич Посвятовская Зонненберг Кайтох Хоронжук Керц Мусял Вечорек Маховяк Росса Кучковский Иллакович Лёбль Кольбус Светлицкий Щепаняк Косевский Кшижевский Мицинский Воротынский Лукасевич Мандальян Худый Длугош Мочульский Заневский Броневский Немец Осняловский Вольская Росяк Либерт Патей-Грабовская

* * *

рышард данецкий

Когда я буду уже ни на что не способен,
или иначе –
когда я буду уже способен на всё,

когда я уже смогу подарить тебе всё,
или иначе –
когда я уже ничего не смогу тебе подарить,

я подарю тебе красную розу,
она расцветёт
на сгибе руки под холодным светом ножа...

Игра в зелень

марта алюхна-эмелианов

Трава
что отвергнута смята затоптана
смотрите
опять по колено – вот она

Трава мне по пояс
и всё в ней тонет
в зелени губы мои и ладони
сплетаются волосы с плотью растений
лицо осеняя
зелёной тенью
зелёным светом глаза затопило
зелёная кровь
вливается в жилы

Теперь топчите
режьте и рвите
в копнах сушите
пожарами жгите
– я снова из пепла в зелень уйду
под белое небо
в чёрном саду

Компот из ревеня

ян рыбович

Не помню имени твоего,
не помню, какие были у тебя глаза и волосы.
Не знаю, когда это было и где,
и что было до и после.

Лишь иногда, осторожно
отыскиваю в памяти тот жест,
которым ты
поставила передо мной компот из ревеня.

И тут же в панике, в испуге прячу
движение руки твоей –
обратно, в глубину, в забвенье,
чтоб не сойти от нежности
с ума.

Остаток крови

рафал воячек

Пани Халине

Видишь
это Земля
Она как звезда
на дне слезы

Любимая я не знаю
что светится там, наверно
божья коровка

Любимый
это крови нашей остаток
светит

сквозь шар земной

Нет расстояний

адам шипер

Нет расстояний,
Если кто-то думает о тебе,
Если ты знаешь, что кто-то думает о тебе:
Небо, которое вас разделяет,
Это только пространство встречи...

Я чистил твои ботинки

ежи кронхольд

Твои ботинки
на пять размеров меньше,
чем мои. Я чистил их,
надевая на руки, как перчатки.
Подушечками пальцев касался
углублений, где отпечатались
носки и пятки.
И было тепло. Очень тепло.

Просьба о счастливых островах

константы ильдефонс галчинский

А ты меня увези на счастливые острова,
ласковым ветром спутай мне волосы, как цветы,
зацелуй, убаюкай, одурмань меня музыкой сна,
во сне на тех островах меня от сна не буди.

Покажи мне великие воды, тихие воды,
дай услышать звёзд разговор на ветвях зелёных,
бабочек мне покажи, сердца их приблизь и согрей,
к водам спокойным приклони мои мысли с любовью.

Ноктюрн

ян лехонь

Что я? Всего лишь лист, сорванный с дерева ветром.
Что я ни делал – всё было писано на воде.
Лист я, упавший с дерева в далёкой аллее где-то,
Ветер несёт меня по саду, луна везде...

Всё, что мне теперь нужно: вас, ветры яростные!
Неси меня, вихрь холодный, не спрашивая, зачем,
Туда, где старые тропки и позабытые заросли,
Которые я узна́ю и вспомню в любую темень.

Пусть в последнем запахе лета, в осени дуновенье
Упаду я под ветхое, покосившееся крыльцо –
Лишь бы увидеть, как прежде, сияющее лицо,
А не только задумчивые, склонённые тени.

Угомони, ночь серебряная, певучую землю безмерную!
А я упаду в росистые травы скошенным колосом
Или буду тихо ласкать золотые когда-то волосы,
Цве́та которых и мне теперь не узнать, наверно.

Мы сидели с тобой

ежи кронхольд

Мы сидели с тобой и пахло левкоями в хате
среди стен охлаждался ветер как сок в стакане

шла гроза стороной за горами да за лесами
ты говорила мне сон о матери и о дитяти
и лицо твоё близко светлевшее над столом
отражалось в клеёнке сияли лучей печати
и сверкали молнии и гром гремел за окном
словно благовещение переходило в зачатье

Стихотворение, написанное за сорок пять секунд

яцек подсядло

есть в моём городе девушка по имени Данка
ей шестнадцать
она даёт в долг и не требует назад
да ещё подойдёт и спросит:
хочешь яблоко?

о ней говорят ненормальная
в лучшем случае чудачка

хотел бы я плакать о ней по ночам

Счастье

хелена быховская

Моё счастье – такое скромное,
Как цветок резеды, тот, недавний
Знак, что ты меня помнишь, –
Цветок, который ты дал мне.

Моё счастье – такое простое,
И уже быть не может иначе:
У колен твоих быть травою,
Как подсолнух, смотреть в глаза тебе.

Кольцо любовной пляски

тымотеуш карпович

и от любви она сняла платок с волос
и волосы сняла из-под платка

и всё что их могло напоминать
и не могло уже напомнить ничего
и обвила она все стороны его
и её шея растекалась всюду
все стороны пронизывали шею
и было сторонам не до сторон
и шеям уже было не до шей
весёлая она срывалась с тела
потом она срывала тело с тела
и то срывала что могло не помнить тела
и ничего уж помнить не могло
и всё такая же она была его
как не его она была всё та же
и всё не та уже была и не его
как не сама была уже не та

может быть у Неё была серая шерсть

збигнев йоахимяк

сегодня на соседней улице Она прошла
мимо меня

Она прошла мимо меня как это было и где
может всё было во сне

как это было и где может всё было во сне
не знает никто

не знает никто может это была дама в чёрном
а может быть у Неё была серая шерсть

может это была дама в чёрном а может быть у Неё была
серая шерсть а в руке был меч

а в руке был меч может Она прошла мимо
а может быть сквозь меня

может Она прошла мимо а может быть сквозь меня уже
смеркалось и было почти темно

уже смеркалось и было почти темно и улица
закрыла глаза

улица закрыла глаза но шорох и шум повелели
открыть их вновь

шорох и шум повелели открыть их вновь и осталось
дуновение и аромат

осталось дуновение и аромат а может следы
иноходца или сверчка

а может шёл пар от хвои и потому всё казалось странным
а может осталась на улице красная перчатка

этого не знает никто

не знает никто было ли там что-нибудь
и проходил ли кто по улице

раздался ли крик герольда или сухой скрип

не знает никто шла Она медленно или спешила
не знает никто

может быть может быть знает только... Она

*** * ***

казимеж пшерва-тетмайер

Ещё говори... Разговора такого
годами я ждал... Твоё каждое слово
так сладко трепещет в душе и поныне – –
ещё говори мне...

Ещё говори... Люди нас не услышат,
слова твои дивно пьянят и колышут,
я, словно цветами, упьюсь твоим именем –
ещё говори мне...

Осторожно драма!

анджей бурса

Маленький человек
серый как понедельник
серый как серая мышь на сером фоне
произвольно сортируемый и складируемый
сбываемый в розницу и оптом

человек-винтик
один из множества никому не нужных
одинаковых винтиков
в сущности
ещё более лишний
гораздо более лишний
чем номер под которым он записан
вдруг в о с п ы л а л в е л и к о й л ю б о в ь ю

Ученица

войцех кайтох

Она стоит,
Смотрит в пространство –

С крылышком волос над челом,
С восемнадцатилетним поцелуем на губах,
В идеальном единстве духа и тела.

Махнёт рукой –
И прольётся ливень звёзд.

Мы люди второй половины XX века

малгожата хилляр

Мы люди второй половины XX века
расщепляем атом
покоряем Луну
стыдимся
ласковых жестов
нежных взглядов
тёплых улыбок

Когда страдаем
пренебрежительно кривим губы

Когда приходит любовь
презрительно пожимаем плечами

Мы сильны и циничны
иронически щурим глаза

Только поздно ночью
задраив наглухо окна
кусаем руки от боли
умираем от любви

*** * ***

леопольд стафф

Девочка моя,
Помнишь, как я
Тебя научил любить?

Ходит по саду
Вечером прохладным –
Радости не утаить,
Как в день нашей первой встречи.

– Зачем, девчонка пустая,
Красны у тебя уста?
– Чтоб целовать их вечно.

Девочка моя,
Клянёшь ли, что я
Тебя научил любить?

Ходит по саду
Вечером прохладным –
Горя не утаить,
Как в день прощальной встречи.

– Зачем, девчонка усталая,
Бледны у тебя уста?
– Они поцелуями мечены.

Усталые

юлиан пшибось

Усталые, на ложе из ладоней,
мы ждём, пока пот испарится из наших тел, и мы улетучимся,
и понесёт нас мечта,
чтоб укачать на ресницах, в колыбели век.

В покоях тишины, на циновке из снов
мы отдыхаем,
приоткрытые половине,
а наше деяние – целое, переполнявшее обе руки, –
выливается сквозь наши зрачки.

Минуты проходят мимо,
и время едва ползёт в синеве наших глаз.

Чем же было тело твоё

ежи кронхольд

Чем же было тело твоё – никогда не узнаю –
щелью, проливом, тропой или облаком света,
причалившим там, за холмами,
пока мы кочевали навстречу потёмкам,
к укромному, тайному месту...
Водопады жасмина, потоки акаций
выливались в слова ни о том, ни об этом,
в дуновение ветра, и тихое это богатство
исчезало вместе с тобою – отчаянным тихим ответом.
Полумрак чабреца и качанье пеонов,
и в венок заплетённые листьев загадочных тени,
да рефрен, что оборван, да аллегро симфонии, –
эта тема навеки останется вне воплощенья.

Песенка из рая

анна кучяк

Собаки лают на пороге рая,
Хвостами чертят долгие улыбки.
Подсолнух пахнет, точно мех пчелиный.
Уже так было, и должно так быть.
Уже так было, и должно так быть.

А жбан водою полон – словно долг,
Исполненный – как жбан водой, до края.
Собаки нас по запаху узна́ют,
А не по святости – так было в прошлый раз.
Ведь точно так же было в прошлый раз.

Ты пьёшь до дна заварку, но вдуваешь
При этом, братец, Боже, стыд какой.

Да, въелась невоспитанность земная,
Но в общем-то неплохо тут, в раю.
Совсем неплохо тут у нас, в раю.

Инструменты

януш стычень

Девушка играет на пианино,
Парень, не выдержав, с криком
Выбегает в сад, прыгает на коня,
Словно понял, о чём она говорит своей музыкой,
Девушка играет их любовь, только что
Она сыграла страшную бурю,
Пианино дрожало от грома и молний,
Парень мчит на коне по обрыву над рекой,
Словно хочет галопом измерить мир своей жизни,
Словно хочет успеть,
А девушка, в ужасе от бури, рвущейся у неё из-под рук,
Бросает играть и бежит на балкон,
И оттуда, с высоты своей игры и мечты
Смотрит, как её жизнь уносится вдаль
Над рекой времени,
Она хочет увидеть всё до конца
И видит, как парень верхом на коне
Сломя голову скачет за предел, в тайну, куда-то,
Где уже нет их любви.

* * *

эльжбета войнаровская

Нежно
как золотые ласточки
из пальцев твоих выпархивают
легчайшие искры планет

ты едва прикасаешься ко мне
дыханием
шёпотом
чтоб не спугнуть
ни одной звезды

я уже знаю что такое небо

скоро
ты покажешь мне
ад

Гул идущий по свету

юзеф баран

ты меня полюбишь
и я не отстану
вцепимся друг в друга
бездонно бездыханно

ты во мне остынешь
я в тебе погасну
смерть искать нас будет
по́ миру напрасно

Фотография

лукаш шопа

Рамка, мгновенье
без конца – без начала
настороженный вечер
взгляд упал на ржаво-зелёные взгорья
глажу глазами мох на деревьях
Облака – свежебелые, круглые
медленно уходят налево
приближаясь к её силуэту
Она их вдыхает, ощущая движение воздуха
волосы вьются по ветру
стена щеки вполоборота ко мне –
мы далеко друг от друга
мы оба здесь

Сон о вереске

малгожата хилляр

Мы шли через вереск
овеянный бабьим летом

Мы были так молоды
мы держались за руки

Он говорил
что любит меня

Когда вереск отцвёл
он покончил с собой

Во сне
я часто иду вместе с ним
через вереск

Мы держимся за руки
бабье лето
овевает наши лица

Знаешь говорю я
у меня был дурной сон
мне снилось
что ты умер

Она плакала ночью

станислав бараньчак

Ане, единственной

Она плакала ночью, но не плач его разбудил.
Плач был не для него, хотя мог быть и о нём.
Был ветер и дрожь стекла, посторонние меж людьми.

И полуосознанный стыд: ей стоит немалых сил
то, что подавлено, заглушить в размере двойном
этим плачем ночным, но не плач его разбудил –

ведь сколько было ночей, а ни разу он не обратил
внимания: скрип и шум мокрых ветвей за окном,
ветер и дрожь стекла не имеют связи с людьми

и правдой; их звук угас, прежде чем он опустил
в ящик бессонницы жёсткую анонимку о том,
что «она плакала ночью, но не плач его разбудил».

Руку лишь протянуть – там трогательно другие,
неприкасаемо дорогие, со своим: «Крепким сном
обмани влагу подушки, ночной закон обойди».

Не протянул он руку. Нарушил бы, разбередил
грубой нежностью – нежность её, прозвучавшую в нём:
«Да, я плакала ночью, но не плач мой тебя разбудил».
Был ветер и дрожь стекла, посторонние меж людьми.

у меня уже нет тепла
у меня уже нет тела

уршуля зыбура

бегу к тебе по воздушному лугу
у меня уже нет тепла

я вся – полупространство
у меня уже нет тела

спотыкаюсь о ветер падаю
нет у меня ни тепла ни тела

а воздушный луг сам бежит себе дальше

успеет ли прежде чем у тебя не останется тела
а у земли которая греет не станет тепла

Вопросы

ян рыбович

Не повторяй за Вийоном:
«Где прошлогодний снег?»
Это не слишком умный вопрос.
Не пытайся меня убедить,
что детство твоё
было безоблачным и счастливым,
– это неправда.
Не внушай мне,
что впереди светлые дни,
которые щедро вознаградят нас
за дни безверия и отчаяния.
Я в это не верю.
Не обезьянничай, не лопочи вслед за Гёте:
«Остановись, мгновенье. Ты прекрасно».

Мгновенье уже прошло,
оно было точно такое же,
как то, что настало потом,
и как две капли воды похоже на предыдущее.
Не спрашивай,
где та птица,
тот кот,
тот рыжий пёс,
где та милая женщина,
та дама королевской крови,
тот прекрасный юноша,
где та девушка, которая пела по-русски,
где все те, кто умер,
и все, кого с нами нет.
Не спрашивай,
потому что я отвечу грубо:
в заднице.
И никогда меня больше не спрашивай,
люблю ли я тебя.

Изгнанник

эдвард стахура

Я изгоняю дьявола.
Я изгоняю ангела.
Я изгоняю из сердца обоих –
Они друг друга стоят.
А мне пора лететь,
Лететь на ржавых крыльях.
. . . . . .
От ангела ни следа.
От дьявола ни следа.
И сердце наполнил ветер,
И стал моим домом лес.
Над лесом грохочет гром,
И ветер поёт в моём сердце.
. . . . . .
Без дьявола темно.
Без ангела нет житья.
Но судьба со мной заодно,
Хотя выбирал не я.
И пусть судьбу мне выбрала ты,
Теперь она – моя.

Надежда

эва найвер

У надежды мозгов кот наплакал,
как у плюшевого медведя,
ручки коротенькие, глупые, суетливые.

Тянет она свои ниточки, путает, мотает.
Даже не верится:
повесишь на них звёздочку из фольги –
и они уже прочнее всякого моста.

Это она по соломенной лесенке
выводит со дна подземелья
за чёрный горизонт,
прямо к солнцу.

Надежда просыпается по утрам раньше всех,
радуется любому пустяку.

Глупее надежды – только любовь.

За что

ян твардовский

За что получил я по морде
философ вопрошает
потерян её подарок
талисман пустячок
а вот ведь
вылетел стоило мне задуматься в электричке

нет грехов средних лёгких и ничтожных
когда любовь задета каждый грех твой тяжек

Бегство

ян твардовский

Убежать от любви
– хоть на миг

хоть на век –
и навсегда пропа́сть

не так-то всё это просто
если сердце раскроет пасть

Беда

тадеуш ружевич

I

Ты вернулась ко мне

поселилась во мне
отняла у меня
сон и явь

я смотрю на людей а вижу
только тени

если Ты не уйдешь от меня
я погиб

II

Я не ушел от Тебя

нельзя убить свет
убить воду
убить воздух
которым дышишь

но мёртвому не нужны
ни свет ни вода
ни воздух.

* * *

болеслав лесьмян

Трудились морозы,
Пурга невпрогляд!
Повымерзли розы
В тени твоих врат.

По лугу я к чуду,
Хромая, бежал.
Другой раз не буду:
Нельзя – опоздал!

Некролог

артур мендзыжецкий

Он умел кой-на-что решиться
Но не умел продаться

Умел сам себе сказать
Не умел выслушать до конца

Умел двоиться троиться
Да не умел себя выбрать

Умел любить больше жизни
А вот жить не умел

Он вопил

ян твардовский

Он вопил на всех перекрёстках что любовь от него ушла
обещала быть вечной а оказалась недолгой
должна была быть «мерседесом» а оказалась «волгой»
даже ветер которому на нас начхать
и тот разрыдался в колодце

дурашка не привередничай
скажи спасибо что она вообще была

Святой недотёпа

ян твардовский

Он любил – никто не хотел его
спешил – но никто не ждал
он стучался – открывал другой
бежал распахнув своё сердце – дорога оборвала́сь

он всё тосковал о ком-то у калитки сада
– не любит плюнет пошлёт
гадали ему по ромашке

и было вокруг так пусто
будто только ради приличия
мир ему обронил
во веки веков аминь

Раскаянье отшельника

ян твардовский

Я был так занят собой ждал чтоб никто не пришел ко мне
всегда просил только один билет – для себя
мне даже сны не снились
ведь спят для себя а видят сны для других
я плакал непрофессионально
для плача нужны два сердца
Бога защищал так рьяно что дал по морде человеку
думал у женщины нет души а если есть то три четверти
в сердце устроил тайную радиостанцию
передававшую только мою программу
приглядел себе малометражку на кладбище
начисто забыв что в небо возносятся парами а не гуськом
даже скромняга ангел и тот не стоит отдельно

Невысказанное

тадеуш ружевич

начнём разговор
слова прикроют
то что случилось раньше
вне нас
из чего выхода нет

ты ещё не знаешь об этом

тянешь руки
думаешь я
всё ещё там
где ты меня оставила

стоишь
неподвижная неясная
правда понемногу доходит
до твоего сердца

ты оглядываешься
и уходишь
в тупик

* * *

мирон бялошевский

я открыл двери мокрые
от света

серолампы уцветали
в землю

однопотым шумом
опьяняло
а она? не понимала
что меняется

Флирт

станислав грховяк

Когда к святому Фоме –
Заточённому в башню –
Братья ввели девицу, всю в декольте и соблазне,
Фома Аквинский схватил горящую головню
И защитился.

А говорят, по натуре
Этот Небесный брюхан,
Которого – некогда – Бог вознёс над паркетом как пух,
Был добродушней вола
И обожал фиалки.

Это был не какой-нибудь там стеариновый Стасё Костка,
Мощи которого можно нюхать словно корицу,
Не какой-нибудь там Вавжинец
Или щенок
Вроде них.

Уж если муж, подобный набату, с сердцем как гром небесный,
Пустил в ход огонь и свои двести фунтов веса,
Это, наверное, было
Глубоко
Продуманным шагом.

Так не усердствуй, девица,
Во тьме кинозала.
Не тереби мою руку,
Помни про головню.

*** * ***

тадеуш ружевич

Меня мучает жажда сказал он
души к сожалению нет засмеялась она
молоденькая официантка
была так сложена́
что с ней и без души
можно было в два счёта сотворить
нового человека
её откляченная попка
– подумал он –
прекрасней чем купол
того знаменитого
как его там собора
чудесный сосуд
запечатанный
лишь ненадолго

Рыба

мирослав борушевский

ты только глянь мастер рыба
вроде глупая рыба а так на меня смотрела
словно это она ловила меня
на червя любви
на кусочек солнца

ты только глянь ну и рыба
а ведь смотрела как я клюю

хепыент 2

мирон бялошевский

не возись ты в ванне:
я на диване – жду свиданья
– паста есть?
– есть
– а п-с-т-ресть?
– ыпстесть
а любовь?: сколько слов
ни с того ни с сего и
именно сегодня

* * *

рышард мильчевский-бруно

Полюбил я суку – виноват
Да и сука меня тоже – виноват

А купил деньгу – и отлюбилась:
Глупомудрая – без: сукина сынка!

* * *

станислав игнаций виткевич

Ветвятся чувств диковинных кусты,
Блуждают в дебрях дикие коты.

* * *

станислав гроховяк

У той что пришла потом
Было больше прав –
Она осталась на ночь
Приготовила завтрак

Та первая
Чего она хотела

Вечно играть в бирюльки
Глазеть на звёзды
Нюхать цветочки
И быть счастливой
Счастливой

Это
Не
Жизнь

*** * ***

халина посвятовская

с тех пор как птицы улетели из моих снов
а звёзды погасли
я не знаю как назвать
страх смерть любовь

смотрю на свои бессильно
сплетённые ладони
а губы мои молчат

надо мной вырастает
безымянное небо

всё ближе
расцветает
безымянная земля

Диапазон восприимчивости

эва зонненберг

После того что случилось
я не могу разговаривать с мёртвыми
не говоря уж о живых
не могу делить жизнь на день и ночь
не говоря уж о часах
не получается у меня даже шёпотом молиться
не говоря уж о молитве вслух
я и на зеркало-то смотреть не хочу
что уж говорить о людях

после всего этого
от веры осталось лишь несколько бусин чёток
от мечты – пара белых таблеток
от стихов – одно опозоренное название
от разговоров – поливание грязью
от дружбы – дрожь когда слышишь первые буквы имён
от знания – смрад глянцевых обложек
от чувств – постоянно свежие кровоподтёки

Я отвыкла от настоящей жизни
забыла чему служит тело
я боюсь быть любимой

после того что случилось
мне отказало чувство осязания

* * *

анна кайтох

Любовь моя расцвеченная маем
Любовь моя овеянная вербой
Любовь моя затоптанный платочек
Любовь моя оплёванная грубо
Любовь моя прибитая к кресту
Любовь моя пропитанная жёлчью

Любовь моя среди подонков гибнет

* * *

халина посвятовская

всегда когда хочется жить я кричу
когда жизнь уходит
я прижимаюсь к ней
– жизнь – говорю – не уходи от меня пока

рука её теплая в моей ладони
губы мои возле уха её
шепчу

жизнь
– как будто жизнь любимый
который хочет уйти

вешаюсь ей на шею
– не уходи – кричу –

я умру если ты уйдёшь

Плач о розе

богдан хоронжук

Я отобрал у розы мир
В саду ни шороха ни хруста
Лишь побледнела тень луны
Где был цветок там стало пусто
И хрипло птица закричала
И неба синь взорвáлась песней
И зелень сада закачалась
И сад качнулся с нею вместе

Я отобрал у розы всё
Чтоб пред тобой склонить лицо

Тем, кто не может простить друг другу

богуслав керц

Прости им – тем, кто не может простить друг другу,
что их любовь превращается в ненависть,
а их неверие уже неверностью сделалось,
что бредит надежда, в отчаянье мчась по кругу, –

прости! Ведь прежде чем вырвут друг другу волосы
и исцарапают лица друг другу когтями,
они не успеют крикнуть «Смилуйся же над нами!» –
если Ты им не скажешь «Стоп!» громовым голосом.

Помоги им, беспомощным, не знающим слов –
тех, что молвить могли бы, не раздирая в бессильном усердье
в клочья свою постель и свои одежды,

положи им ладони на взмокшие подобья голов,
и да избавит их Твоё милосердие
от всякой иллюзии веры, любви, надежды.

Приятно

ян твардовский

Приятно встретить старую беду
– слушай старуха – сказать
– да что с тобой такое
похорошела
не хлюпаешь носом
уже не похожа на чёрта хмурого от рожденья
раны затянулись
дожди тебя приумыли
в этакую ведьму и влюбиться недолго
пока сам живой

Ни за что

ян твардовский

Все облаивают
отталкивают
никому с тобой быть не хочется
ни за что ругают
царапаются
притулись хоть ко мне
одиночество

Пришло

ян твардовский

И пришло ко мне одиночество
хоть я думал осталось в небе
говорю – идиотка чего тебе
а оно – я люблю тебя бэби

Теперь я и сестра себе, и брат

эльжбета мусял

Что-то с нами случилось, сестра,
что-то в нас поломалось, брат.

Где наши дерзкие помыслы,
где он, разбег в неведомое,
где она, правда в лицо...
Даже этот наш нынешний бой – уже не последний.

И наши руки не те, и стопы одеревенели.
Охрипли наши сердца.

А что с головой? С этим парусом, с этим факелом на ветру...
Куда улетучились резвые сны, те, что тёмно-синими ночами
мчались в звёздной упряжке?
Руки устали взлетать и упали наземь,
а до этого их отравили, а до этого им подрезали сухожилия.

Теперь, сестра, нам бы только с шагу не сбиться,
в случае чего крепче хватайся за протянутую бритву.
Только не за соломинку – соломинкой и занозиться недолго.

идеальная пустота

марцин вечорек

трудно не значит не-легко
трудно – это труднее, чем не-легко.
не люблю тебя – не значит
что я вообще тебя не люблю
скорее – я тебя совсем не люблю
значит: вообще не люблю тебя
хотя одно не равно другому
быть может, этот пример не хорош,
но он и не плох.

итак, я люблю тебя, то есть я тебя не люблю.
не то. не то и не то. так что же?
да ничего, просто трудно.

Сердце

станислав леон маховяк

спешит неустанно
чтобы успеть к тебе
днём и ночью
сгорая дотла от любви

одиннадцать слов

збигнев росса

ничего
что я немножко тебя
ненавижу

зато
я тебя
так люблю

Ангел Рильке

кшиштоф кучковский

страшен ангел
введённый человеком
во искушение

ужасен ангел
отвергнутый не допущенный
в покои сердца

ангел остановленный в прихожей
– как свеча из свинца
его огонь причиняет боль

скорбен ангел
рождённый разумом
его слово – полынь

его тело – водоросль
страшен человек, который
не любит и не чувствует любви

Лучше всего

казимера иллакович

Любя, не помнить о боли
– проклятая доля.
Помнить, но не любить
– чуть легче, может быть.

А лучше – к облаку щекой прильнуть,
не помнить ничего и не любить ничуть.

Прощальный блюз

богдан лёбль

Ты же знаешь нам повезло
ни с того ни с сего ты же знаешь
остальное вопрос пары дней
ни с того ни с сего ты же знаешь
останься здесь сегодня со мной
побудь ещё ночь со мной
они уже здесь они ищут мой след ищейки злой судьбы

ты идёшь ты сегодня спешишь
ну так иди же иди
смотришь так словно я уже неживой
ну так иди же иди
останься здесь сегодня со мной
побудь ещё ночь со мной
они уже здесь они ищут мой след ищейки злой судьбы

Ты же знаешь случился облом
нам скверно было потом
я хотел тебе многое дать
но это же был облом
и всё же останься сегодня со мной
побудь ещё ночь со мной
они уже здесь они ищут мой след ищейки злой судьбы

* * *

эдвард кольбус

не для неё улыбки женщин
не для неё загар девчонок
когда – одним романом меньше –
она застынет обречённо

не для неё лихие тосты
и смех уже не возвратится
поздравить будет не с чем – просто
печаль уйдёт а боль продлится

когда она меж полюсами
замрёт в отчаянье недолгом
и побелевшими губами
вдруг скажет: есть я
шепнув: а толку?

Now I wanna be your dog*

марцин светлицкий

Нет мира.
Мир кончился.
Нет времени.
Время кончилось.
Нет цели.
Цель кончилась.
Нет смысла.
Смысл кончился.

Теперь я хочу быть
твоим псом.
Я хочу быть
твоим псом.
Всё, чего я хочу, – быть
твоим псом.

Ну, иди ко мне.

(Соло на гитаре)

Последний всплеск
последней радиоволны
кончился гимном
мёртвой страны.
Теперь, когда мы остались одни,
мы можем делать это
на газетах и знамёнах,
на знамёнах и газетах.

Теперь я хочу быть
твоим псом.
Теперь я хочу быть
твоим псом.

* Теперь я хочу быть твоим псом (*англ.*).

Всё, чего я хочу, – быть
твоим псом.

Ну, иди ко мне.

Сердце

люциан щепаняк

Бывает, Бог даёт на двоих одно сердце...
Как его поделить?
Тот, кто больше любит, – должен умереть,
чтобы тот, кто не так отважен,
мог жить...

Однажды утром

стефан косевский

Однажды утром проснусь я мёртвым.
Ты сядешь рядом,
О чём-то спросишь, а я буду молчать,
Как воды в рот набрав.

Однажды утром проснусь я мёртвым,
Твои шаги в меня ударят,
Как будто я живая капля
Воздуха.

Утешение

юлиуш кшижевский

Мы с тобой, мы вдвоём,
Мы одни... вот наш дом.
– Что за год на земле?
– Пятый год любви.

Выпей, выпей лекарство,
Не хрипи так ужасно.
– А какой теперь месяц?
– Паденье звезды...

Потерпи, всё пройдёт,
Боль, как жизнь, промелькнёт...
– Что за день?
– Добрый день...

Может, окна открыть –
Будет легче дожить...
– Который час?
– Без десяти последний.

* * *

тадеуш мицинский

Будь здорова! (о дивный звон!)
Будь здорова! (листья летят...)
Будь здорова! (любовь как стон...)
Будь здорова! (ветра шумят...)
– *Никогда!* –
Сердце рвёт Твой плач!
– *Ненароком, да неспроста* –
так прощай же – кару назначь –
но спаси! – –
По ко́ням!.. Ради Христа.

Город

славомир воротынский

Спят в нашем городе дни
за запертыми дверями.
Спят в нашем городе реки
под нерушимым льдом.
Птицы сломали крылья.
Розы сожгли бутоны.
В городе нашей любви.
Прекрасном, как Карфаген.

Спят в нашем городе книги
непрочитанных взглядов.
Спит в нашем городе радость,
остановленная враньём.
Деревья сорвали листья.
Звёзды сожрали небо.

В городе нашей любви.
Сладком, как апельсин.

Спят в нашем городе души
кардиограммой ночи.
Спит в нашем городе всё,
что сблизило нас вчера.
В солнечные леса
не продают билетов.
В городе нашей любви.
Светлом, как воскресение.

Провинция

томаш ружицкий

Уже пять тридцать, точно в это время
дымятся на дворе помятые соседи,
ржавеют тихо пальцы пассажиров,
на пригородной станции уснувших.

Та, из квартиры семь, опять встаёт,
подходит к тёмной двери близко-близко,
почти касается её сосками.
А дверь холодная лоснится краской,

но если приглядеться, видно ясно:
цветы из грязи, острова из жира...
Ей чудится: сейчас вернётся тот,
кто прошлым летом утонул (за стенкой

шипит приёмник, там заваривают кофе,
там надевают тяжкие мундиры,
там воют чайники). Она прижалась к двери –
все чайники заткнулись как один.

Прогулка с кладбища до Грюнвальдской площади

яцек лукасевич

Земля на гроб – из-под лопат
могильщиков (их трое).
А кто ты – пан или пропал –
день завтрашний откроет.

И будет свет, а может, тень,
тьмы непроглядной око.
Деревьев шум иль просто пень
в лесу – фальшивый цоколь.

Уже их лица не блестят –
все в масках старой злости.
Под башмаком сучки хрустят,
а может, чьи-то кости.

Волос её светла струя,
а груди – шляпки гномьи.
Она ошиблась? Или я
опять её не понял?

А воробьи среди кустов
чирикают, зверея.
Она пропала в чаще снов
полыни и кипрея.

Теперь уж это только сны:
все были молодыми.
Блестят лопаты (ровно три),
на веках лёгкий иней.

Кто я теперь? И кто она?
И кто – на небе птицы?
Она уже погребена,
а в памяти всё длится.

Пустой бульон да жёсткий стейк –
вот и поминки. Грустно.
Повсюду двадцать первый век,
ему я не по вкусу.

И только память, слёз капель,
любви густое тело.
Возьми смычок и точно цель –
чтобы струна запела.

Сон-наваждение

анджей мандальян

– Ты где-то есть?.. А если так, то где?..
– В памяти.

– То есть нигде! Словно тебя и не было никогда!
– Какое это имеет значение... Ты же не отрицаешь, что я есть.
– Я сам придумал, что ты есть.
– А ты уверен, что сам?
– А кто же ещё? Нам отказано в благодати совместной смерти!
– Кое-какой благодати и мы удостоены: я живу, пока ты живешь.
По-твоему, этого мало?
– Для меня – так себе утешение, для тебя – убежище ненадёжное.
– Ты не хочешь поделиться со мной жизнью?
– А ты поделилась со мной смертью?..
– Я ведь не знала, как... Ты должен понять.
– Ничего я не должен. Хочу, чтоб ты была настоящей...
Не придуманной... Я не знаю, где ты!
– Какое это имеет значение... Я – в тебе. Вот и всё!

Конец свидания

анджей мандальян

– Отправляемся, конец свидания, – кривляется поддатый босяк,
передразнивая железнодорожника,
пока тот покорно
свистит со ступеньки вагона.

Ты спросила, сколько у нас осталось времени...

Ровно столько, сколько ты истратила на неравную борьбу
с окном купе.

Нам не преодолеть этот хрупкий,
мерцающий звуковой барьер,
дрожащие наши тени вот-вот с него исчезнут.

Уже не сказать друг другу слов прощания,
мы приговорены к бессвязному лепету жестов,
к немым движениям непослушных губ,
по которым никто никакого послания не прочтёт.

То, что должно было прозвучать,
так и не будет сказано.

О, жалкая речь тела!

В конце концов, ничего такого:
просто согласие на отсутствие,
отключение органов чувств.

Настигла и нас разлука...

В конце концов, это всего лишь тишина
в поспешно сорванной ночью
телефонной трубке.

И этот отчаянный, вслепую, бег вдоль перрона
шаг в шаг за умирающим пульсом,

и погружение во тьму
медленно гаснущих огней.

– Подайте на билет к больной мамаше –
канючит поддатый бродяга, пошатываясь на путях.

Выхватываю из кармана комок смятых банкнот.

Пассаж I

анджей мандальян

Забвенье навеет сказку,
память былое отбелит...

Вместо глаз – анютины глазки
или цветы лобелии.

Слова на губах – непокорные,
письмена – ненадёжные.

Свиданья заупокойные,
кончины – увы – не ложные!

Кладбищенские распутья,
иней цветов на надгробье.

И ничего не вернуть нам –
забвение штука строгая.

Камни – глазури волны,
за́меть листвы осенней...

Памятью переполнено
моё о тебе забвенье.

Ни стихов посвятить,
Ни жизни. Этого мало.

Забвение в память вместить –
всё, что осталось.

* * *

анджей мандальян

– С тех пор как ты выдавил из себя тот плач,
полный жалости к самому себе, –
говорит мне моя Умершая, –

с тех пор как ты написал те стихи,
якобы обо мне
(впрочем, кто знает, может, и вправду обо мне), –

ты вообще перестал со мной разговаривать...

Может, так и должно быть, –
говорит мне моя Умершая, –
только не знаю, куда девалось всё то,
что было выше слов?

Где холод, где тепло,
где шершавая горечь прикосновений,
вкус и запах дня?

Где вязкая мимолётность снов?
Сухость во рту?
Неукротимость губ?

Деревья шумят над пустотелым камнем,
листья прилепились к онемевшим буквам,
в их шелесте ни звука обо мне.

Есть только неопределённость измены-неизмены,
той – ни твоей, ни моей –
той, вне всякой неверности.

Пожалуй, безразличие деревьев меня огорчает больше, –
говорит мне моя Умершая.

Пассаж II

анджей мандальян

– Вы кого-нибудь провожаете?
– Нет, я просто жду.

– Кого-то, кто должен приехать?
– Нет, этот кто-то уже уехал.

– Давно?
– Не очень. Несколько лет назад.

– Не совсем понимаю.
– Я тоже. Это не важно.

– А откуда вы взяли,
что этот кто-то сюда вернётся?

– Ниоткуда... Но всё-таки...

Посмотри наискосок, есть одна точка:
вон там,
где в ослепительной вспышке искр
только что разминулись два поезда, –
там резко высветилась Её тень.

Годы спустя

леопольд стафф

Промчались годы. Первый раз
Иду осенней той аллеей.
Как время обгоняет нас...

И снова листья лип желтеют,
Синеет на тропинке тень,
И в два ряда стволы чернеют.

Скамейку, где столетний пень –
Подставка, я окинул взглядом...
Вот здесь сидели мы в тот день...

Прошёл я мимо быстрым шагом.

Спокойной ночи

ян твардовский

Ночь важнее чем день
хотя может казаться
что всё совершенно иначе
(иллюзия очередная)
ведь именно ночью мы можем с телом расстаться
уяснить есть ли Бог –
если вокруг тишина
то и молитва звучит когда слова умолкают
уши ночи закрыты всегда удивлённые
как два сросшихся вместе семечка клёна
и всё это напоминает
что человек человека ночью в любви зачинает
стихает крикливый день
когда время как заяц мчится
ночью чёрной от света –
любите. И пусть вам спокойно спится

За всё

ян твардовский

Спасибо что был покой
и было много тревог
спасибо за то что не понял
но и уйти не мог
что руки неведомо чьи нас успели соединить
что снова осень что мы можем ещё любить

зонтиком надо мной откроется и спасёт
смирение – то, что нас и в темноте ведёт

Убереги

ян твардовский

Забери все мои грехи –
до последнего
мигом
а глупое сердце убереги
под листочком фиговым

В купальскую ночь

тадеуш худый

по воде по тёмной
Золотой Веночек –
от меня к тебе
доплыть скорее хочет...

полыхают травы
пеленая дымом
Золотой Веночек
и речную тину

так открой же сердце
свету этой ночи
и прими в подарок
Золотой Веночек

Осенью

тадеуш худый

небо серое в окне
серый дождик льётся
может ты придёшь ко мне
может улыбнёшься

что ж ты моя милая
на пороге мнёшься
говорить нет силы...
может улыбнёшься

В свою защиту

лешек длугош

Если Бог когда-нибудь спросит меня
Что я делал на белом свете
Я подумаю, низко пред ним склонясь –
Без греха-то ведь кто?..
Разве дети...

Помолчу, осмысляя вины своей жуть
А потом наконец
Скажу:
Там, где бьёт чудесный любви родник
И я к истоку приник
Всё, что только
И как только
Можно любить
Я любил
И любовью жил.

Если Господь при своём дворе
Всё же найдёт мне место
Об одном попрошу Его – поскорей
Направить меня в оркестр
В самую скромную из капелл
При троне Его крылатом
Чтоб я Ему сыграл как умел
Как я играл когда-то
И хотя душа уже в небесах
Для неё всё земное –
Рядом.
Господи, слышал ли Ты, как в садах
Весна звенит над Попрадом?
Когда в восторге – лицом к лицу
Любящие молчаливы
А ветерок над рекой танцует
Играя листьями ивы
То тёмной
То серебристой стороною их повернёт...
И тут-то – я уже слышу – Господь вздохнёт
И скажет, вздохнув ещё тише:
«Ах, да, я, кажется, слышал...»

* * *

лешек александр мочульский

Если не встретимся,
если встреча с тобой не будет мне суждена –
всё равно не ослабнет свет,
к которому мы стремимся,
в сомненье и в редкие минуты радости,
с болью друг друга будя ото сна.
В тумане шагов человеческих,
устремлённых к надежде.

* * *

лешек александр мочульский

Пусть этот ключ
падёт на дно морское
но дверь незапертая ждёт –
а вдруг и ты когда-нибудь
вернёшься

* * *

лешек александр мочульский

день начинается внезапно
день исчезает внезапно
начинается жизнь внезапно
жизнь иссякает внезапно
остаётся любовь

По-настоящему хороший день

анджей заневский

Самая большая победа?

Когда птица, которую ты вылечил,
летает вокруг твоего дома.

Незрячий

владислав броневский

– Покажи мне деревья.
– Не вижу.
– Где тут право, где лево?
– Не вижу.
– Где тут свет, а где тень?
– Не вижу.
– Скажи! Надо любить?
– Да. Вижу –
ясно как день.

* * *

мачей немец

Сквозь тёмную ночь прошёл я, душа моя, сквозь ночь.
Я искал твоих глаз, душа моя,
Искал твоих глаз. Дрожа от тревоги, душа моя.
Весь дрожа. Ибо глаз там нет, не там
Глаза. Только взгляды там, только взгляды.
Ты находишь в них одно: тебя нет. А колесо вслепую
Вращается, бьёт. Без причины? Ещё оборот.

Не удержать его. Ничего не выйдет, душа моя.
Колесо увязло по ступицу. Не в тебе. Я не знаю, где.
И на что тут глаза, душа? Откуда смотрят глаза?
Не знаешь, ну и не знай. Ползай во мраке, личинка
Света. Там, куда ты идёшь. Оттуда смотрят глаза.
Смотрят, хотя уже нет ничего, чего бы они не видели.
Ночь предо мною темна, душа моя, ночь темна.

* * *

мариан осняловскии

Нет, не целуй меня так долго,
с собой меня не забирай.
В нас – кроме нас – других так много.
Кому-то надо умирать.

Меня ты вспомни, губ не помня.
С собой меня не забирай.
В нас – кроме нас – других так много.
Ещё не время умирать.

Сумерки

мария вольская

Короткий день устал, свет умирает сонный,
Короткий день угас, нам не оставив дани,
В пучину времени вот-вот он каплей канет,
Живой утратой в пустоте бездонной...

День кончился дождя тяжёлым плачем,
День отошёл, в тумане угасая;
В промокшей синеве луна маячит...

О чём – не помню, почему – не знаю,
Но что-то в сердце ноет беспрестанно
Неспетой песней, позабытой раной,
На мысль мою ложится чёрным камнем...

О чём, не знаю – но тоска безмерна,
Душа болит и бьётся с этой скверной,
Но говорить о том нельзя – нельзя мне...

Женщина жизни

мариуш росяк

Женщину жизни трудно узнать
с первого взгляда
при первом ударе сердца

женщины жизни похожи одна на другую
тем что не соответствуют
нашим о них представлениям

мы узнаём их только по той пустоте
которую ничем не заполнить
по пустоте которую
они оставляют в нас
и рядом с нами

Бред

ежи либерт

Вытянув ладони,
Шар стеклянный гоним...
Перестань, застынь, что ты кружишься,
Гроб стеклянный, домовина ты круглая!

У тебя внутри, где стеклянный фриз,
Моя милая висит головою вниз...
Я лишился ума от хрустальной пустоты,
Я гонюсь за этим шаром, где спрятана ты,

Выбиваясь из сил, шаг за шагом, вперёд,
И так уже полгода, а потом снова год.

А она в стеклянном шаре – полуживая –
Тянется, зовёт меня, руки ломает,
Заклинает взглядом: – Сделай что-нибудь, чтоб
Не кружился больше этот стеклянный гроб...

Я смотрю на шар – а ты в нём вверх головой,
Я гонюсь за шаром – ты в нём головою вниз...
Не могу больше, милая, и так чуть живой,
Ослепил меня этот сверкающий фриз.

То вверх, то вниз – в бесконечном круженье –
Превратилась моя милая вся в ДВИЖЕНЬЕ...

Просьба

алиция патей-грабовская

Сохрани
я прошу
солнце в капле воды на весле
сохрани его
в час непогоды

Сохрани его
ты говоришь
в складках платья
и зажги
когда нахлынет
тьма

ПОСМОТРИ КТО ЗА ДВЕРЬЮ

Якуб Пшерва-Тетмайер Страсбургер Мисаковский Гужанский Харасымович Глюзинский Ивашкевич Карпович Вуйчицкая Кавалец Бордович Заёнчек Навроцкий Пасерб Мицнер Кофта Розенштейн Птак Вайс-Папуша Гроховяк Пшибось Гожельский Маньчик Земянин Рыдз-Смиглый Ежина Конти Цесельский Зоммер Левандовский Стахура Кучковский Лёбль Козёл Заневский Кусиба Л.Маевский Матывецкий Мочульский Мильчевский-Бруно Лец Лекшицкий Ружевич Шимборская Твардовский М.Баран Станцлик Жулавский Бжостовская Май Мадей Зыбура Яструн Темерсон Стафф Баран Друждж Милош Янта Тытко Беля Либерт Воячек Найвер Вавжкевич Иллакович Пехаль

посмотри кто там

лех марек якуб

посмотри
кто за дверью
кто
не стучится в дверь

там кто-то есть
кто-то не так как ты
я не слышу

больше я так не могу
посмотри кто там

говорю тебе
кто-то должен быть
за этой дверью

Кто жил всегда в пустыне...

казимеж пшерва-тетмайер

А тот, кто жил всегда в пустыне,
других пусть не винит, что ныне
никто над ним не голосит,
лишь ворон каркает навзрыд.

Кто презирал людскую долю,
кто не вкусил кровавой боли,
пускай не ропщет под землёй,
что наверху народ – немой.

Кто только вихрь любил да скалы,
у них одних имеет право
искать сочувствие и жалость,
когда над ним сомкнутся травы.

Неизвестным друзьям

януш страсбургер

Среди людей, которых я не знаю,
есть лучшие мои друзья.

Я думаю о них с каким-то беспокойством.
А часто и с тоской.

По правде говоря – я ничего о них не знаю...
Надеюсь, всё у них в порядке? Как удобно,
что я могу п о в е р и т ь в это!

Впрочем, тут дело ясное:
ты знаешь тысячу, ну, две из всех людей.
А остальные – сотни миллионов?

Расчёт подсказывает – очень вероятно,
что есть в толпе друзья твои и братья –
все те, кто ближе всех тебе,
кто думает похоже; чьи мысли
родом из одной страны с твоими.

Я даже смею думать, что все вместе
мы – некое подспудное теченье.
Которое так кстати на земле...

Мыши

станислав мисаковский

У меня в комнате завелись мыши. Целые своры рыскали по углам. Они съели всё, что было в доме, уничтожив запасы хлеба, сыра и колбасы, а потом принялись за меня. Своими острыми зубками грызли мне ногти, впивались в мышцы рук и ног.

Тогда я купил кота.

Кот был большой и проворный. Передушив негодяев, он свернулся у печки и уснул. Проснувшись, то праздно слонялся по комнате, то задумчиво сидел перед пустой норой. Однажды утром я обнаружил, что у меня не хватает двух пальцев. Я взглянул на кота: он спокойно лежал на подушке. На другой день пропало ещё три пальца, а через неделю уже всей руки как не бывало.

Тогда я убил кота.

После похорон я почувствовал себя одиноким и никому не нужным. Ночью вернулись мыши. Окружили меня со всех сторон, их зубы впились в мое тело. Я знал: с каждой секундой меня всё меньше, но не пошевелил и пальцем – было страшно, что гости уйдут.

Как я нашёл и потерял друга

ежи гужанский

С улицы пришёл человек и сказал: «Я твой друг».
Но я не знал его, я дал ему по морде и спустил с лестницы.
Он явился снова и сказал, что отлично меня знает.
Что ж – пусть докажет.
Он велел мне раздеться догола и
достал из кармана пальто длинные клещи.
Сперва содрал с меня кожу, потом по очереди
выложил на стол мои лёгкие, сердце, желудок, печень.
Работал вроде беспорядочно,
зато на совесть.
Когда от меня остался голый скелет и только голова
была ещё цела,
человек, сунув руку мне в горло,
ухватил меня за мозги и с силой рванул их к себе.
Я взвыл от боли.
Он с оскорблённым видом швырнул мои мозги мне в лицо
и, хлопнув дверью, вышел.
Так я лишился друга.

Замерзает

ежи харасымович

– Непогода
– Ещё какая

А в липах там
святой Флориан
замерзает

Так пусть он войдёт
– Ты что человече
святой
в золотом облачении –
к нам

Так пускай замерзает

* * *

иоанна слюсарская

не отворачивайся от ангела
даже то что его нет
ещё не отменяет
белизны его крыльев

Конец

томаш глюзинский

ты закончил я закончил начинается
новая жизнь мы даём и у нас отбирают
зачатые яко и мы отбираем по крупице
по молекуле день за днём ночью
и так до последнего вздоха
текущего месяца дни летят за годом
год прощай любимый теперь
ты будешь давать отбирать яко и
мы убегаем друг от друга сначала
поодиночке без меры в завтра кто
как может пешком на колёсах на

закорках жизнь твоя кончена и не имеет
значения каким таким неизбежным образом

Ночная песня собаки

ярослав ивашкевич

Тёмная ночь
страшная ночь
я ничего не знаю
о ней

Смотрит
в окно
глазищами
светит

Лучше
поближе в хозяину
возле кровати
лечь

Может он меня ей не отдаст
как я его не отдам
упырям

Каменная музыка

тымотеуш карпович

Каменная музыка – припомним её припомним
пусть на нас давит пускай обрывает листья над головой
Каменная музыка – совершеннее быть не может –
пусть она льётся из чаши в чашу цветка из слова в слово
пускай босиком нас поставит на тучу
преломит в холодных кристаллах
Каменная музыка – музыка столь совершенная
что видно как в звуке её каменеют птицы
до самых своих сердец и до дна зрачков

Давайте играть бегать вокруг пня вчерашней зари
Давайте играть бегать вокруг вчерашней тени
Свистни сорокалетний мальчик увидев белую белку
Смейся когда увидишь рогатого коня

Давайте играть – вы слышите – давайте играть помчимся
вцепившись в бороду ветра исхлёстаны сотней струй
Давайте давайте играть
превратимся в играющий камень

*** * ***

янина вуйчицкая

А тоска-то всё стучится.
А слеза-то всё сочится.
Что судьба соединила,
вновь разъединится.
Только в щели смех
струится,
тень и свет
желают слиться,
словно сущее
с отжившим,
а текучее
с застывшим,
а минувшее
с небывшим...
А тоска-то всё стучится.

Слово

юлиан кавалец

Какое слово
Вдруг так изменило твоё лицо
Вжало вглубь складки у губ
Замутило взгляд
Надвинуло мрак на лоб

Какое слово виновато
В том что ты идёшь опустив голову
А ноги ставишь так
Будто выдираешь их из земли

Какое слово сбило тебя с ног
На краю лужайки
И навылет пронзило грудь

Говорят у тебя было что-то с сердцем
Неправда
Ты погиб от слова
Тщательно выбранного
Из арсенала речи

*** * ***

мачей зенон бордович

Когда тебя унижают, думай о том
или о той, кто тебя унижает.
Думай сильно и глубоко,
чтоб не пришлось опять
застёгивать последнюю рубашку

на собственное сердце
– –
а где-то там когда-то плыли корабли,
гружёные таким товаром,
что и не снился людям –
зажатым в скобки восхода и заката.

Ветер тогда ещё тоже не знал,
что парус – его будущий саван.

Союзы

станислав заёнчек

Пролетарии всех стран,
Особенно моей страны, соединяйтесь
В союзы руки и сердца, фантазии и надежды,
Ибо все вы равны перед истиной мира,
Помните об этом. Пролетарии всех стран,
Особенно моей страны, соединяйтесь
В союзы филателистов и рыбаков,
Возделывайте садовые участки воображения,
покупайте автомашины,
Пролетарии всех стран, особенно моей страны,
Соединяйтесь с землёй в простые минеральные соединения,
Преображайтесь в злак придорожный, воду и ветер,
Ибо все вы равны перед истиной мира
И те, кто пришёл после вас, уже ждут.

сомневаюсь

станислав навроцкий

ибо все религии волей-неволей учат
что зло происходит от добра
дабы добро могло видеть в нём своё изящное отражение
что самые достойные
злом отвечают на зло
а добро вовсе не умножает добра
ведь так много
жёстких правил следуя которым любого можно
заласкать насмерть

если бы

януш станислав пасерб

если б не рана в боку
откуда бы ты узнал

если б не тьма вокруг
кого бы ты увидел

если б не тишина глухая
зачем бы ты кричал

если б не шрам на сердце
как бы ты помнил

viscera per vulnera*

януш станислав пасерб

рана это рот
кричащий кровью
когда железо пробивает душу
и приближается к сердцу

ты знаешь что значит
когда отворяется плоть
и сквозь рану кричит нутро

* Суть сквозь рану (*лат.*).

когда содержание раздирает форму
а милосердие обнажает
свой беспощадный лик

Дорога

пётр мицнер

то ли свист
то ли плач
в бесконечных полях
разрезанных пополам

уехали как умерли
умерли как уехали

Песнь спасения

йонаш кофта

Взглянул я солнцу в ясны очи
И боль меня пронзила
Я онемел а жизнь клокочет
Любви жестокой силой
Молчанье свет на тьму расколет
Стокаменной стеной…
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной

Вечна горя и бед череда
От смерти спасает песня
Красота – это боль всегда
Мы выстоим только вместе
Цветы поднимутся в выжженном поле
Ласковой тихой волной
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной

Сплетём ладони в десять пальцев
Да сгинет глумливый смех
Радости на всех не хватит –
Боли хватит на всех
Выпадет праздник и нам на долю
Весельем прогоним грусть

Поделись со мной своей болью
А я с тобой поделюсь

Пурпур розы запёкся солью
Но ты храни её пламя
Поделись с нами болью
Поделись с нами
Безлюдье вырвалось на волю
Ты тишиной изранен
Поделись с нами болью
Поделись с нами

Сквозь океана зыбкие рамы
Сквозь голода чёрную месть
Гордо неси человечности шрамы
И понимания крест
Красота – лишь отчаянье мира, не более
Но она тяжелей чем камень
Поделись с нами болью
Поделись с нами

Ещё тень

эрна розенштейн

Ляг со мной рядом, тень.
Протяни мне свои нереальные руки.
Вместе нам тепло.
Вместе нам очень давно.
Спи рядом со мной.
Спи глубже, чем я.
Думай вместо меня.
Останься после меня.

Предостережение

аполония птак

Первые ласточки не приносят весны
у них отмерзают крылья

Но стоит сойти снегам
стоит зазеленеть деревьям –
как уже заняты все гнёзда

Я пришла к вам

бронислава вайс-папуша

Я пришла к вам не за хлебом насущным.
Я пришла, чтоб вы мне поверили.
Я пришла к вам не за деньгами.
Я пришла, чтоб вы их раздали.
Я пришла к вам из драных шатров –
ветер сорвал их, унесла их вода.
Я прошу вас всех – стариков,
малых детей, юных красавиц:
стройте, стройте дома серебристые,
словно лесные шатры, морозами убелённые!
Я пришла к вам вовсе не за деньгами.
Я пришла, чтоб вы приняли всех,
чтоб никогда не настала чёрная ночь
средь бела дня.

Кротость или Гулливер

станислав гроховяк

Я сплю
По мне идёт принцесса с золотым кувшином
Она мне поливает пальцы
Чтоб расцвели как раньше

Голубая крошка В серебряной вуали

Я сплю
Мне в горло по разводному мосту языка
Вползает стража

Капрал подняв светильник
Озолотил гортань

Во впадинах ладоней
Воздвигли храмы –

В левом отпеванье
В правом венчанье

Лежу
Боясь спугнуть их

Мокрым плеском
Сердца

Лес

бронислава вайс-папуша

Полюбил меня лес,
дал мне цыганское слово.
научил меня ветер петь,
плакать – река научила.
Лесные цветы
платье вышили мне.
Всё, что живо в лесу, –
это сёстры и братья мои.
Родные леса мои
дым к небу возносят,
костры Бога молят,
чтоб не занялся лес огнём.
Не сегодня-завтра
жизнь моя кончится,
а песни мои простые
останутся жить в лесу моём.
Петь их будет лес –
чёрный, зелёный, червонный.

Лес, отец мой

бронислава вайс-папуша

Лес, отец мой,
чёрный отче,
ты воспитал меня,
ты меня бросил.
Листья твои дрожат,
и я дрожу, как они.
Ты поёшь – и я пою,
смеёшься – и я смеюсь.
Ты не забыл,
и я тебя помню.
Боже, куда идти?
Что делать, где брать
сказки и песни?
В лес не хожу я,
рек не встречаю.

Лес, отец мой,
чёрный отче!

В саду

юлиан пшибось

Восхищённый – я не заметил розы:
свет был всего лишь тенью её аромата.

Мысль

роман гожельский

Если в зеркале ты увидишь лицо
безобразного горбуна,
не отчаивайся, не думай о смерти.

Если власть, не зная меры и веса слов
обвинит тебя во всех бедах,
не отчаивайся, не думай о смерти.

Если окажешься в доме без окон, без дверей,
полном крика и ярости,
не отчаивайся, не думай о смерти.

Если увидишь себя в гробу,
а хоронить тебя будут люди, которые только того и ждут,
не отчаивайся, не думай о смерти.

Если женщина, даже раздевшись,
одетой ляжет в твою постель –
не отчаивайся, не думай о смерти.

Дикий жилец

лукаш маньчик

я говорил никого не впущу

решил ни с кем не дружить больше чем нужно
в компании много не пить

а после пьянки
всегда возвращаться домой в одиночестве

я заперся наглухо
выбросил все ключи

принял особые меры предосторожности
оградил себя как только мог
чтоб ничего не бояться
и ни о чём не жалеть
потому что чем важнее жилец
тем больше потом пустота
но
кто-то снова вселился

я говорил никого не впущу

Полёт отца

адам земянин

Мой батя звал меня
сквозь сон
он был так стар
что уже мог летать

Я говорил с ним
как с птицей
слегка задрав голову:

Не кружи
вокруг лампы
ты же устанешь
присядь на минутку
хоть на стол хоть на ручку кресла
я должен
сделать тебе
укол инсулина

* * *

эдвард рыдз-смиглый

И больше никого... из всех
Два-три товарища осталось.

Я не ропщу, что нас так мало,
Что вслед звучит глумливый смех.

Не жду я ни сердец, ни душ,
Ни утешения, ни дружб.
Корой покрылся я от слёз,
Бронёй покрылся я от гроз.

Меня ведёт сквозь беды Бог!
Его лишь милости прошу я,
Когда мой дух порой тоскует,
Спеша к концу своих дорог.

* * *

збигнев ежина

Я не терял друзей в неравном бою
Никто не ломился в дверь когда мы пировали
Не отходил от стола когда поднимали тост
Никто от любви не умер не сгорел за идею
Были просто серые дни и ночи без всяких тайн
Не было никаких Клятв Присяг и Обетов
Нас обошли стороной Бури и Землетрясенья
Закат не сочился кровью ни одна звезда не упала

Так почему по ночам нам всё снится и снится измена

* * *

ирена конти

Вопреки всякой логике
конкретных форм
пустоту создают предметы
Чем больше их прибывает
тем пустота обширней:
пустота – огромный резервуар-накопитель

Каждый предмет
в своей мертвенной завершённости
жадно обворовывает фантазию
обдирает кору с древа жизни
выпивает воду истока

Неизвестно когда и как
но на биржу предметов
попадают также угасшие страсти
и остывшие идеалы
они послушно складываются
в удобную опредмеченную жизнь

Овеществлённая пустота –
великий парикмахер души
она старательно причёсывает душу
до полного облысения...

Со смертью в покер

веслав станислав цесельский

Смерть мрачная, как желудочек сердца,
как застенок с газовой камерой,
щерится – рот до ушей.

Смерть, ясная, как солнечный круг,
как моё падение в небытие,
смерть под открытым небом хихикает, скалит зубы.

Смерть из-за угла,
смерть от руки наёмного убийцы,
когда сердце подкатывает к горлу,
смерть от залпа смеха.

Праведная смерть на виселице,
приговор неизбежен и необратим,
привычная ухмылка на устах палача.

Изнурённая смерть на больничной койке,
лёгкая, как весёлый смех сестры,
засмотревшейся на подснежники.

Смерть равнодушная, отягощённая долгой старостью,
тоннами опадающих листьев,
усмешка гробокопателя по окончании работы.

И улыбка ангела над колодой карт:
пришёл покер,
можно сыграть по крупной.

Взлёт

пётр зоммер

Я это вижу так: нет
тебя, а потом, нет-нет,
не вдруг, ибо спешка всегда
была тебе чужда, понемногу,
постепенно угасают функции,
убывает всё, а где-то над,
вдали – звезда
испуга, галопом, через просторы
вселенной, потихоньку теряя
блеск, смысл, смешная,
тающая, крохотная точка
превращается в таблетку,
как
удивительно белое, разогнавшееся колёсико, отпавшее от
большой колесницы, или даже целая машина мчит
по тёмной взлётной полосе, этот почти невидимый
сверху автомобильчик
со своей надписью из под-
свеченных букв:
FOLLOW
ME*

Жизнь

здислав левандовский

жаль
жизнь проходит
извивается ужом
ползёт а позже
ни один пророк
жадный до славы
жертвы не принесёт
жертв не желает Бог
а мы жизни жаждем
жизнь жалит нас
змеящимся зигзагом
и всё же мы жаждем жизни

* Следуй за мной (*англ.*).

На похоронах крёстной матери в Познани

кшиштоф кучковский

Когда человек умирает, его тело
зарывают в землю. Там ждут его братья-
черви и сёстры-сороконожки. Они
принимаются за него, как могут.
Душа возносится в рай. На том свете её ждут
тени умерших родных и друзей
и принимают её заботливо, как только могут.
Всё прочее покрыто пеплом веры
и туманными видениями теософов.
Остаётся проблема с живыми: они в претензии
к Богу, что он создал мир несовершенным.
Оплакивают иллюзии, жалуются, что небо затянуто тучами,
а земля такая тяжёлая. Похоже, они верят в ядовитое
Царство Случайности. Они как падшие ангелы...
До чего же я их люблю.
Живые помнят. Годы спустя поток воспоминаний
похож на выцветшую ленту на немодном костюме.
Воспоминания, которых никто не помнит,
превращаются в камни.
Солнце их греет, дождь охлаждает,
ничто не замутняет рассудок.

Ангел Беккета

кшиштоф кучковский

странен ангел
с которого содрано ангельское обличье

говорит он немного
в основном произносит отдельные слоги

гармонию мира
пытается поддержать с помощью
причастных оборотов

путает времена
ангельские и человеческие

носит в себе пустоту
которая не умещается в небе

по мере того как он забывает
о лучезарном прошлом
он начинает напоминать
человека

скоро он забудет
что значит быть ангелом

Не тех людей ты знал

богдан лёбль

Не тех людей ты знал
других ты хотел узнать
не той дорогой ты шёл
другой ты хотел идти
но иди куда говорят
иди чтобы дойти

кто придумал этот кошмар
кто дал тебе главную роль
не об этих днях ты мечтал
не об этих ночах и днях
но уж бери что дают
не тормози на краю

Скорлупка

уршуля козёл

Минуточку терпения
сейчас я освобожу место
уступлю первому кто придёт.

Пожалуйста не толкайтесь
вот-вот я снова начну поглощать из воздуха
двуокись углерода и выделять кислород который
гораздо нужнее другим.

Вернусь откуда пришла

горсткой праха
беловатым осадком
всей собою

войду в монолитный
фундамент мира

я
потенциальная скорлупка
диковинной твари
которая вроде бы тут обитала раньше

(согласно свидетельству звёзд погасших
миллион лет назад).

*** * ***

анджей заневский

памяти Збигнева Херберта

Не обольщайся... Никто не воскреснет!
Не будет высшего суда, никто не взвесит добрые и злые дела.
Апокалипсис творится уже тысячи лет, ты каждый день
смотришь в его стальные глаза...
Не обольщайся – не будет награды!
Ты за всё заплатил заранее – собственной смертью,
ничего тебе не досталось даром, а страх
всегда был с тобой. Ты не успеешь заново прожить то,
что хотел прожить заново, только книгу можно прочесть ещё раз,
да и это будет уже другая история. Не обольщайся,
что тебя выслушает друг, женщина, сын, дочь, брат, кто угодно.
Они тоже хотят, чтоб ты их выслушал... Не обольщайся,
что перестанешь обольщаться, это тоже всего лишь
иллюзия, ты проиграешь вдвойне, поверив мнимым победам
и холодному шёпоту. Не обманывай себя, не стремись
туда, куда дошли другие, небытие настигнет тебя,
как всех, кто был прежде... Не обольщайся, остановись, передохни
на границе мрака. И смейся, громко смейся
над героями, обманутыми судьбой, высмеянными временем,
над теми, кто гнался за блеском позолоченного руна.
Не обольщайся, будто твой смех объяснит хоть что-то.
Он не поможет даже тебе, не защитит тебя
от сплетен, клеветы и издёвок идущих рядом.
Не обольщайся, что всё это важно, ибо и это не важно.
Это просто обрывок сна, куда тебя занесло
случайно. Ты хотел придать смысл своему
появлению, краткому и прекрасному
– не обольщайся, что это возможно...

Просьба

марек кусиба

Берегите меня как зеницу окна
Берегите меня как двери лица

Веет ветер да не предстанет он
Пред обличьем лёгких моих

Удержите гортань на уздечке века
И пусть мне в сердце выстрелит шар

Земной – этот вечный двигатель
Приводящий в действие ноги мои

Держите меня как в строю держат шаг
Как беглеца из тюрьмы очевидного

Смотрите чьи руки кромсают мясо талонов
Берегите меня как веру и правду

* * *

лех маевский

Поверхность озера как жидкий мозг
Помнит удары вёсел

Потом в лесу
Раздвигая ветки он порвал паутину
Паук обезумел

Все мы
Друг другу
Боги

Блюз

пётр матывецкий

труха в сигарете
в комнате ветер
шелест отставших обоев

– прежде чем Тебя
пригласить сюда
чтоб Ты вошёл
увидел и узнал...

(Где это происходит?
В геометрической точке?
Или в моём доме?
Или во всём мире?

Думаю я или пою?
Весть это или псалом?

Придёшь ли Ты?
Придёшь ли Ты сюда?
Придёшь ли Ты ко мне?

Или никогда?)

Никаких просьб

пётр мицнер

Не было у меня для него
ни мелочи ни доброты – ничего

Теперь он
смотрит со дна:
– для тебя нет воды у меня

Совместная трапеза

лех маевский

Сегодня
Мы сидим за столом
Как всегда
Во время обеда
Мать вносит дымящийся
Телевизор
Отец
Погружает в него нож
По самую рукоятку и делит по справедливости

Сегодня
Мне как обычно
Достаются лучшие куски
Сочное горлышко репортёра
Сладкая ножка певички

Сегодня
Я впервые заметил
Что во время обеда
Никто на меня не смотрит

*** * ***

лешек александр мочульский

Говорите со стенкой
кричите в стенку
стенка выслушает

стенка не вскрикнет
стенка не всхлипнет
стенка выслушает

не лечите сердце
не лечите голос

говорите со стенкой
кричите в стенку
стенка выслушает

вас не слышно
вы не одиноки

6 x 6 = 66

рышард мильчевский-бруно

Меня вышвыривали Отсюда –
О, не только отсюда...
На меня давили Оттуда –
О, не только оттуда...
Спасибо им, сучьим детям –
Я стал приходить в Себя

И я вернулся – ура!

Каждый к себе

пётр мицнер

То что мы тянули
оказалось пилой

то что мы пилили
было твёрдое

распилили
оказалось – жемчужина

Финал повести

станислав ежи лец

...и тут я понял: он подлец.
Какой счастливый был конец!

коза-дереза

павел лекшицкий

если ты будешь скакать, словно вызвал Судьбу на дуэль,
Судьба наконец примет вызов и постарается победить.
у Судьбы много друзей: бордюры, решётки стоков, даже
ремонт в доме – Она может выиграть, а ты сломаешь ногу.
если ты прекратишь, образумишься, раскаешься, возможно,
Она простит тебя. а если нет – сдвинет небо и землю,
против тебя обернётся всё живое и неживое, отчего-то
вторая нога лопнет в голени. но если и это не вразумит тебя,
Судьба перебьёт тебе руку, а сгоряча – так и обе, тогда
ты не сможешь ни с кем поздороваться. все будут думать,
что ты на них обиделся, и сами обидятся на тебя.

Весна

тадеуш ружевич

где-то сижу
только не знаю где

всё старо как мир
солнце цветы деревья
девочки с сигаретами в зубах
мальчики со словом курва
(тоже в зубах) – молодой лес

всё старо
я тоже стар
как собственный дед

«Внук» пронёсся мимо
на горном велосипеде Вопя
сдорогистараяжопа!
я онемел
потом обругал сопляка

он поехал дальше
а у меня
угрызения совести

Он надо мной смеётся
Я тоже...

Учтивость незрячих

вислава шимборская

Поэт читает стихи незрячим.
Он и не думал, что это так трудно.
У него дрожит голос.
Дрожат руки.

Он чувствует: каждая фраза
подвергнется здесь испытанию тьмой.
Придётся словам обойтись
без цвета и света.

Опасное приключение
для стихов – с их зорями, звёздами,
радугами, облаками, неонами, лунами,
рыбой, которая только что серебрилась под водой,
и ястребом – тихой точкой в высоком небе.

Но вот он читает – не читать уже слишком поздно –
о мальчике в жёлтой куртке на зелёном лугу,

о красных крышах в долине (считай – не пересчитаешь),
о скачущих номерах на майках игроков
и о нагой незнакомке за приоткрытой дверью.

Он хотел бы умолчать – пускай это невозможно –
обо всех этих святых на своде собора,
о том, как машут на прощанье из окна вагона,
о стёклышке микроскопа, о лучике в перстне,
об экранах и зеркалах, об альбоме, где множество лиц.

Но велика учтивость незрячих,
велики их снисходительность и долготерпение.
Они слушают, улыбаются, аплодируют.

Кто-то даже подходит,
раскрыв книгу вверх ногами,
и просит дать автограф, которого не увидит.

Время

ян твардовский

Всякая любовь была бы чуть понарошку
любая дружба – от сих до сих
любая верность была бы неверна
ни один покойник не сдержал бы слова
договорились – и не пришёл
должен был позвонить – и тишина
даже одиночество уже не объединяло бы
и вообще началась бы полная неразбериха
ибо всё что конечно – то слишком кратко

но хронометр старый рационалист
как всегда без оглядки на вечность
точно отсчитывает секунды
которых нет

Безответный вопрос

збигнев ежина

Вот уже месяц мой сын спрашивает меня:
папа, а сегодня – это завтра?

Я пытаюсь ему объяснить и путаюсь сам.
Пройдут ещё месяцы.
И я скажу: посмотри в окно.
Ей-богу не знаю,
завтра ли – наше сегодня.

Это случится вчера

лех маевский

Парадоксальное время, таинственное, как лента Мёбиуса,
само себя отрицает, исключает себя.
Это случилось завтра. Это случится вчера.
Завтра я уже знал, что случится вчера.

– Чего ты хочешь? – спросила она. Соображая, что же
ответить, он смотрел в темнеющее небо.
Наступила ночь, потом рассвет.
Прошёл июнь, июль, осень, зима.
Он опустил глаза. И глядя, как снег
тает у неё под ногами, ответил:
– Не знаю.

Серая туча застыла над нашими головами.
Она стала твёрдым камнем. И вдруг
начала осыпаться сухой мелкой пылью,
от которой щипало в носу.

Нет времени. Его не существует. Есть лишь мгновенье,
и оно – симметрично.

Дни недели

пётр зоммер

Завтра четверг.
Если мир справится со своими обязанностями,
послезавтра будет пятница.
Если нет, может сразу наступить воскресенье,
и уже никто никогда не узнает,
куда девалась наша жизнь.

А вот и завтра

марцин баран

А вот и завтра –
просыпается бодрячком,
хоть и чуток с похмелья

А вот и завтра –
бреется, принимает душ,
чтоб расправить лицо

А вот и завтра –
жарит яичницу с ветчиной,
варит дьявольски крепкий кофе

(Вчера,
как безумное, вскакивает в одежде,
не понимая, куда его занесло)

А вот и завтра –
небрежно повязывает галстук,
подобранный под цвет ресниц и белья

А вот и завтра –
осматривает новый офис, проверяет
форму кубиков льда в морозилке

А вот и завтра –
откинувшись в кресле, с удовольствием
смотрится в зеркальце молитвы, ещё не бывшей в употреблении

(Вчера
кряхтя сползает с лежанки, суёт голову
под кран с холодной водой – крана с горячей нету)

А вот и завтра –
соображает, как бы ему задобрить вчера,
но вчера,
содрогаясь в холодном поту,
уже взбирается по лестнице, вытаскивает ствол
тридцать восьмого калибра, входит,
стреляет не помня себя
и убивает завтра –
кто знает, может, и насмерть

Это

ярослав ивашкевич

На синем высоком небе две бесконечных розовых тени.
На их фоне две чёрных улетающих птицы,

и в этом – вся осень.

* * *

мечислав станцлик

А обо мне
никто не вспомнит,
ни в небесах,
ни здесь, во мгле.
Повисну
головой к земле,
как рукокрылый
брат мой скромный.

А в степи убитый

бронислава вайс-папуша

Ветер играет травой зелёной,
дубки пред дубами клонятся.
Шепчет листва, у скитальца душа умирает,
чёрный ворон рыдает о нём,
а сыра-земля дрожит в тоске-печали,
лес великий поёт едва.
Добру молодцу – ой, смерть не мила,
сивку к матери своей он посылает,
и смежает глаза свои чёрные.
– Конь ты, милый мой конёк проворный!
Ты со мной в степи не оставайся,
больно тяжко будет сердцу, больно горько.
Погляди – дорожка пред тобой
далека.
Убегай, мой сивка дорогой,
убегай
к моей матери-старушке, к старику отцу.
Расскажи, что я в степи убитый лежу,

отнеси моей матери платочек белый,
чтоб во сне родная на меня поглядела.

Не склоняй головы

ежи жулавский

Не склоняй головы, если боль одолеет,
если воспоминания в сердце рыдают
и отчаянным стоном душа замирает,
если сдавит сомненье и боль одолеет!

Не склоняй головы! Когда люди увидят,
что ты плачешь, слетятся, как воронов стая,
замутят твои слёзы, ничего не оставят,
всё, что свято, растопчут – как только увидят!..

Не склоняй головы! Защитись маской смеха,
будь бездумно-обыденно милым, пускай
твои слёзы застынут под маскою смеха!

Не склоняй головы! Пусть при людях тоска
никогда не раскатится горестным эхом,
ведь у них только смех вызывает тоска...

Ложные обвинения

янина бжостовская

Как я хочу
чтоб те кто пышет злобой
для кого истина – в ненависти
держались подальше
от меня и от тебя.

Но они
подслушивают
под каждой дверью.
Подглядывают
во все щели.

И повторяют
не то что видели
не то что слышали

а то
что придумали сами.

Должны же они извлечь выгоду
из того
чего не подглядели
из того
чего не подслушали.

Свет

бронислав май

Такое время: хаос побеждает. И тьма
охватывает землю
и небо, и между ними – меня. Я ещё
защищаюсь, ещё
дышу: и побеждаю
хаос и тьму в себе – на земле,
и на небе, и между
вами.

Завещание

анджей мадей

пишу
завещание
на всякий случай

собственноручной подписью
удостоверяю:
всё что у меня было в жизни
было не моё

ни к чему я не пришёл
кроме могилы
(да и то неправда –
ведь кому-то ещё придётся меня нести)

за мной немало долгов
но это уж мы обсудим наедине
с Господом Богом
с Богом

стучусь в двери воздуха

уршуля зыбура

стучусь в двери воздуха
выпусти меня

я хочу наружу

здесь внутри
у меня кружится голова
от скорби и изумления

я устала
от непрерывной борьбы за ничто

плохо мне
с улиткой мороза в сердце

хочу отдохнуть от столетнего
бега в никуда

а ты сама возьми да открой мою дверь
смеётся воздух

От истока вод до потока крови

мечислав яструн

От истока вод до потока крови,
От корней до звёзд,
От провиденья до теории,
От первой мысли
До критики чистого разума.

Я мог жить под другим небом,
Мог достигнуть недостижимого,
Но дверь в грядущее –
Когда глаза жизни расширятся –
Для меня закрыта.

Голос других планет не достигнет моих ушей.
(Планет не будет.)
Человек приблизится к тайне
На расстояние мысли.
(Но мысли уже не будет.)

*** * ***

стефан темерсон

Мы – только гости на этой планете
А ведь известно что такое гости
Одни милы, другие назойливы
Третьи ведут себя, как хозяева
Эти до смертного часа уверены
будто им принадлежит всё: солнце, воздух и даже сама история
та, что имела место до их рождения

Несправедливость

леопольд стафф

Мой умный пёсик
Про́жил краткий век,
Так и не зная,
Что мир – загадка.

Дневник

пётр матывецкий

Помню события, обстоятельства, даты.
Я видел: они проходили.
Я знаю: они прошли.
Но дня, когда всё это было, – с а м о г о дня
– не помню.

Время изжито – до незримости,
до а б с о л ю т а.

Вне памяти, значит – вне забвенья.

Читая, вспомним: «было т а к».

Тетрадь закрыта. Вот теперь,
уже без «как?», без памяти,
скажи:

да, б ы л о.

* * *

эдвард стахура

Вот и нашлась мечта
которую я когда-то
сунул в дырявый карман
когда ночь
большая ворона
опустилась на прозрачную-добрую реку
В ту ночь
летучие мыши сожрали все звёзды
всех белых бабочек
остались одни только чёрные
Четыре недели
правда как луна
скользила по гладкому зеркалу
Вот и нашлась мечта
крепкая
дубовая палка

Похвала забвенью

юзеф баран

слава тебе
дырявая память
сестрица милосердная
ты облегчаешь нам путь
сколько всего потеряно
как мало осталось
если б не ты
мы бы пали под тяжестью ноши

благодаря тебе
груз наш лёгок
от того что когда-то жгло нестерпимой болью
нам теперь ни холодно ни жарко
мы расправляем плечи
и идём дальше
– день умер
– да здравствует день –

текущая сквозь тебя
река забвенья

зализывает нам раны
как собака
уносит слова и лица
взамен принося другие

* * *

пётр матывецкий

Прозрачные не знают, что такое
быть благодарным
за то, что можешь жить всё тем же и всё так же:

поищешь в этом дне,
посмотришь сквозь него,
пройдя – живёшь в п р о ш е д ш е м.

Прозрачные, пожав плечами,
пронзают день насквозь,
взрывают изнутри.

Они – вне времени. Глаза их
живут н е з д е с ь.

* * *

лешек александр мочульский

То, что я называл смирением,
то, что меня раздражало в тебе много лет,
постигаю только теперь: ты непрерывно в дороге.
Видя иной предел,
ты знаешь, что не пристало
поддаваться амбициям, опьяняться чувством собственности,
пустыми ухищрениями, слывущими пробивной силой,
прибегать к непристойной по сути рекламе суждений,
как принято думать, серьёзных.
И теперь, когда ты повторяешь, как прежде: «я в пути,
я всего лишь паломник», –
я с изумлением вижу тебя
в зарницах мира и беспредельности.

*** * ***

*станислав дружд*ж

ЗАБВЕНИЕ
ЗАБВЕНИ
ЗАБВЕН
ЗАБВЕ
ЗАБВ
ЗАБ
ЗА
З
.

В священных прудах

чеслав милош

В священных прудах – только вода.
Знаю, я в них купался.

Резные боги из древа и кости молчат.
Знаю, я их молил об ответе.

В священных книгах Востока нет ничего кроме слов.
Знаю, я в них заглянул.

Кабир говорит только о том, что сам пережил.
В том, что не пережито, истины нет.

Уравнения

александр янта

Всё
и ничто –
одно и то же

Вот ничто –
и мы начинаем
мерять

Минус тоже бывает
плюсом
смотря кто
и откуда смотрит
кто как считает
и как
умеет

Меньше может значить и больше
хотя не всякому это ясно

добавь к цифре ноль
и вот изволь

Вроде ничто
а всё же
фон для первого шага

Сгусток мрака
из которого родом
весь свет всех миров

В одиночестве

леопольд стафф

Я на молчания пороге
Навек твоё забуду имя,
Ответный голос в диалоге,
Туман, сокрытый в псевдониме.

Гимн о свете
песнь

марек мариуш тытко

кто видел свет
во тьме не пропадёт
кто видел свет
того наполнит сила
кто видел свет
с дороги не свернёт
и не погаснет
как бы ночь ни выла

кто видел Свет
Свет видел кто

Очи ангелов

эмиль беля

Очи ангелов –
Звёзды – свысока взирают
На слепых людей.

Надежда

ежи либерт

Да я назубок уже знаю все «зря»,
Все «напрасно» постиг – не впервой.
О, надежда, вспышка над головой,
Блаженный удар – в меня!

О, неба дрожащая тетива,
О, мозг, поражённый громом!
Значит, всё не напрасно, значит, не зря –
Всё может быть по-другому!

Внезапная мысль

станислав ежи лец

Если вдруг Земля исчезнет –
будет брешь в небесной бездне?

* * *

лешек александр мочульский

Земля полна немого крика.
Откуда этот голос – ты не знаешь,
но знаешь, что он – в твоём сердце.

Должен быть кто-то

рафал воячек

Должен быть кто-то, кого я не знаю, но кто завладел
Мною, жизнью моей и смертью; этим листком.

Секретари

чеслав милош

Я всего лишь слуга незримого –
Того, что диктует мне и ещё кому-то.
Секретари, мы бродим по свету, не зная друг о друге,
Понимая так мало. Начиная с середины фразы,
Обрываем речь на полуслове. А какое сложится целое,
Не нам понять – ведь никто из нас его не прочтёт.

Ничто

юзеф баран

самое трудное
представить себе ничто
то чего нет ни на свету ни во тьме
непостижимое бесконечное
ничто

если б я целую вечность
разматывал материю намотанную на ничто
я бы запутался в ней
как паук в своей паутине

сколько продлится обратный путь
из всего в ничто

сколько раз мне придётся менять обличье
умирать и рождаться заново
прежде чем мое последнее нечто
обратится в ничто

лучше всего о нём спросить нерождённого
(хотя быть может и он
не сумеет ответить

ведь и он как нечто по́ небу плывет
прежде чем навечно
сам в себя упадет...)

Африканские этики

эва найвер

Масаи говорит:
Хорошо ли для Вселенной
то, что я намерен сделать?
Хорошо ли это для моего холма и моей реки?
Хорошо ли для моей семьи и племени моего?
Или хорошо только для меня?
Но я мало что значу,
стало быть, это хорошее тоже мало что значит.

Догон говорит:
Хорошо ли для меня
то, что я намерен сделать?
Ведь я частица Вселенной,
ничем не заменимая частица.
Если я не хорош,
если я ничтожен,
ничто во Вселенной не может быть хорошо.

А той травы никто не косит...

казимеж пшерва-тетмайер

А той травы никто не косит,
и той воды никто не пьёт,
ни для кого цветы не пахнут – –
но только там душа живёт!

В те небеса никто не смотрит,
там Богу неизвестны люди,
лес не шумит ни для кого там,
а зори никого не будят...

Никто в том мире не вдохнёт
цветов пурпурных аромата,

никто воды не зачерпнёт;
над пустотой – лишь вихрь крылатый...

Там Богу неизвестны люди,
в то чудо мысль не проникает,
лес не шумит ни для кого там,
вне человека дух витает...

Тот мир – вне бытия, вне смерти,
и тот родник лишь в скалы бьёт,
а той травы никто не косит – –
но только там душа живёт!

Утренняя песнь

лешек александр мочульский

о чистота воды
чистота
рассвета
коснись нас
и освети

чистота воды
чистота рассвета

о стрела утра
стрела гор
пронзи нас
до сердца
и отвори
раскрой нам сердца́
остриём восходящих гор
воздушным клинком зари

мягкой линией гор
долиной рассвета
дыханием ветра
о незримость мечты
отражение вечных вод
отыщи себя в наших сердцах
о ясность гроз

чистота рассвета

Перо

марек вавжкевич

Сорок лебедей пролетело сквозь мой сон,
Сквозь снежные облака
Над рекой, недвижно текущей.

Я проснулся –
Мне на лицо упало
Растрёпанное перо.

Только вечер

казимера иллакович

Только вечер нам остался, Боже, только вечер!
Отлетел наш день, измучен, искалечен:
он часами и минутами изрублен –
только вечер ещё не загублен.

Вечер, полный звёзд и мрачных красок, –
в дар Тебе, покуда не погас он.
Кровь на слове, на резце, на кисти
– очисти!
Клочья разума лежат в пыли
– исцели!
Зло – из ада, искушенье – с неба.
Так прости любого, кем бы не был.

Дай покой у ног Твоих – ведь мир не вечен...
Только вечер нам остался, Боже, только вечер!

Я верил

мариан пехаль

Я верил в звезду
не зная
что она уже погасла
прежде чем я в неё поверил
и только призрачный блеск
ещё создаёт иллюзию
первоначальной формы

Блеск свет без источника
ложный путь
не ведущий к цели
он говорит что звезда
в которую ты верил
погасла
Есть звёзды
которые погасли
миллионы лет назад
они всё ещё светят
Но я не астроном
я хочу верить в источник света
а не в призрачный блеск
который становится всё слабее
и растворяясь в пространстве
исчезает
превращаясь в тьму

ЕСЛИ БЫ ВСЕ МЫ СТАЛИ НИЧЕМ

Скварницкий Мандальян Роговский Росса Йоахимяк Худый Ворошильский Островская-Яхимек Свирщинская Баран Броневский Войтыла Яструн Ружевич Цвиклинский Ежина Хоронжук Кайтох Твардовский Стафф Томся Страсбургер Дмитроца Гожельский Беля Карпович Пасерб Кононович Мисаковский Рыбович Халась Сикора Хилляр Щепаняк Бурыла Длугош Стафф Заневский Браун Яструн Щепаняк Милош Ролич-Лидер Остроменцкий

Великая Пятница

марек скварницкий

Если бы там было только пустое место
Если бы там было только пустое место
Не было бы спасенья

Если бы там никто не кричал
Если бы там никто не кричал во всё горло
Не было бы спасенья

Если бы там были только подонки
Если бы все мы стали ничем
В тени цветущего сада
Не было бы спасенья

Если бы там было только пустое место
Если бы там никто не кричал
Если бы там были только подонки
Не было бы спасенья

* * *

анджей мандальян

Мы живём вполнакала,
сердца безрассудны и мелки,
годы – счёт поражений, сумма утрат и потерь, –
об одном просим, Господи, сохрани как единое целое
нас, сумбурных, со всем, что в нас было и есть теперь.

И покуда мы живы, а кровь – в жилах, а мы – плоть от плоти,
пока ещё бьётся в нас та,
что в рай всегда так хотела,
об одном просим, Господи, вверясь Твоей заботе:
сохрани нас в единстве –
если не места и времени, так хотя бы души и тела.

Нет святых среди нас – пусть хоть все святые об этом печалятся,
будем – грешные – жить, пока в жилах кровь,
а когда уж нельзя будет жить,
сотвори своё чудо, Всевидящий: сохрани нас в памяти
не такими, какими были, но какими хотели быть.

Дурак

веслав роговский

Мальчишка, чьё сердце сжато в комочек,
пишет: Мама, приезжай ко мне.
Мальчишка, чьи губы свела улыбка, пишет:
Папа, ответь мне, я тебя не знаю.
Вложив письмо в конверт,
он пишет адрес: Моей Маме.
Вложив письмо во второй голубой конверт,
пишет: Моему Отцу.
Потом он бросает письма в холодный красный ящик
и ждёт ответа.
А почтальон смеётся:
– Этот дурак из интерната снова пишет письма.
У этого идиота нет родителей,
вот он и пишет Господу Богу!
А мальчишка, чьё сердце сжато в комочек,
ждёт ответа,
ждёт письма от Господа Бога,
от своего Господа Бога –
только он один ещё не забыл его адрес.

Улыбка

збигнев росса

улыбнись мне мама
папа
улыбнись

ваши улыбки отзовутся эхом
на моём лице

сейчас
и когда я вырасту

Моя дочь

збигнев йоахимяк

я многое видел
но помню только одно:
Вангелис играл свою музыку
словно обвиняя мир
музыка разрасталась
как сама ночь
любая мысль
гибла в её глубине

и тогда она
синеглазая
светловолосая
влезла на стул
и заплакала
и закричала:
прекратите немедленно
сию же минуту

я ещё маленькая
я не хочу слушать
голоса́ вашей смерти
пожалуйста помните
у меня маленькое сердце
я планета которая ещё не взошла
помогите мне

я помню только то что слышал
и больше не могу сказать ни слова
даже если бы
захотел

Это Музыка

тадеуш худый

капают капли
прорастают зёрна
прибывает солнца
мама улыбнулась

    это Музыка Музыка
    пока ещё н е з а п и с а н н а я

дрожит пространство
от звезды до рассвета
в тишине забвенья
пробудилось время

    и это Музыка
    Музыка
    убегающая как ветер

Детские кубики

виктор ворошильский

Нет – есть

Нет ложки
Есть ложка

Нет ладошки
Есть ладошка

Глаза закрыты
нет Наташки

Глаза открыты
есть Наташка
есть Наташка
есть Наташка

Дверь

Тук-тук
Открой
Кто там?
Наташка

Тук-тук
Закрой
Наташка
Снова постучит

Чьё это?

Это папина книга
не тронь
Это мамин платок
не тронь
Это краски брата
не тронь

А это солнышко Наташки
ходит по стене
Наташка трогает
а ты не тронь!

Иду понюхать

анна островская-яхимек

У меня высокие ботинки.
Красные ботинки.

За большим полем
мартовского снега
в перелеске – верба.
Шёлковые барашки,
прогретые солнцем,
пахнущие мёдом.

У меня высокие ботинки.
Красные ботинки.

Я прошла через большое поле
мартовского снега.

Мама сказала,
что у меня жёлтый нос.

Маме

анна островская-яхимек

Помнишь?
Мир умывался дождём,
у тебя для меня было время.
Мокрые снопы,
мокрые свекольные листья,
у тебя для меня было время.

На дощатом полу
льняные цветы.
Ты сказала:
я сошью тебе платье.

В тени деревьев

тадеуш худый

Яреку

под облаком
в тени деревьев
сын смотрит
нам в глаза

и говорит
в Великой Тишине
– Мама Папа
я люблю
всех

Они меня спасли

анна свирщинская

Двадцать четыре часа
я умирала в бреду.

Двадцать четыре часа
мать на коленях
молилась у моей постели.

Двадцать четыре часа
отец лежал вниз лицом
на дощатом полу.

И они меня спасли.

* * *

анна островская-яхимек

Я думала,
что всегда буду только
девочкой с локонами,
дочкой в белом воротничке.

Но я жена,
я мать,
я тётя,
я сестра.

И счастье
я должна добыть сама.

Вина

юзеф баран

кто из нас не ощущал своей вины
за то что призвав детей в этот мир
мы обрекли их быть
игрушкой слепых стихий

вот почему мы вечно допытываемся
счастливы ли они
дуем на холодное
стремимся облегчить их ношу
отдалить бури снискать им благорасположение звёзд

но всё равно
в конце концов

покидаем Землю
с чувством горькой вины
так и не вкусив утешенья

Зайчата

владислав броневский

По полю бегут зайчатки,
прыгают без оглядки.

А на опушке ребятки
резвятся, играют в прятки.

С зайчатами скачут ребятки,
с ребятами скачут зайчатки.

Дети

кароль войтыла

В любви невзначай подросшие, они внезапно взрослеют,
и вот уже взявшихся за руки их поглощает толпа
(профили в полумраке, как птицы в силках – сердца).
Знаю, что в каждом сердце бьётся пульс всех людей.

Взявшись за руки, дети притихли на берегу.
Тлеющий треугольник: деревья, земля в лунном свете.
Туман ещё не поднялся. Сердца над рекой растут.
Будет ли так же, когда они отсюда уйдут?

Или иначе: свет, про́литый на растенья,
видит в каждой былинке потаённое дно.
То, что в вас началось, сможете ль не обесценить,
будете ли всегда знать, где добро, где зло?

Повтор

томаш яструн

Ты приходишь на минутку
Чтобы ко мне прижаться
Как и я приходил

Потом ты меня закопаешь в землю
Как я закопал его

Ты будешь помнить и не будешь
Как я и помню и не помню

Я произвёл тебя на свет
Бездумно но не в жестокости
И вот теперь беспомощно смотрю

К тебе идёт
Слепой старик
С протянутой рукой

Окна открыты
Пахнет жареным мясом
Матери поют на дворе
Пора обедать

Торопись
Времени мало
Всё остынет

Снится мне мама

юзеф баран

снится мне моя мама
на фоне Бесконечности
потерянная одинокая
с робкой улыбкой

крохотная
она уже почти отлетела
от чуждого мира
с этим миром она не находит общего языка
во сне её зовут родные
которых давно уже нет

мама ещё колеблется
будто что-то забыла и вертит в пальцах связку ключей
будто хочет меня от чего-то предостеречь
а от чего – не знает сама

в её глазах испуг
и неизбывное одиночество
а я беспомощно молчу
иду к воротам
а может это мама
уходит по тропинке

– и всё прозрачней тень её
на фоне Бесконечности –
она уходит к перевалу
за которым
одна только неизвестность

*** * ***

тадеуш ружевич

Я продирался сквозь этот сон
изнемогая
пока не проснулся
в тёплых струях
слёз слов
мать шла ко мне
не бойся ты в земле говорил я ей
тебя уже никто не обидит не ранит никто к тебе не прикоснется
мать в безотчётном страхе
прижималась ко мне
не бойся ты в земле
ты во мне никто тебя не заденет
не унизит не ранит
я изнемог продираясь сквозь этот сон
передо мной стояла Тень

Портрет матери художника в старости

кшиштоф цвиклинский

Она уже не знает. Всё когда-то было...
С трудом под подбородком завязан белый чепчик.
Лицо почти исчезло. И только губы шепчут
Слова без смысла. Будто язык лишился силы.

Всё застывает. Звуки беззвучны на устах.
Губ уголки залиты пьяной пеной.

И ничего нет впереди. За сценой –
Бездвижное ничто. Сплошная чернота.

Сухие руки ищут в черной муфте
Всё то, что не найти, всё то, что не назвать...
Дыханье всё слабей. Алмазная слеза –
Стеклянный паучок – на блузке.

Мышь спит в мозгу под пение дрозда.
Дрожит рука. Слоится сон. А свет – оттуда –
Далекий и чужой. Ему не разгадать
Всё то, чего уж нет, всё то, что было чудом.

*** * ***

збигнев ежина

Когда моя мать умирала, в глубину её глаз
уходила равнина, по которой я шёл,
становясь всё меньше и меньше...
Равнина, за́литая светом, диск заходящего солнца...
И тает мой крик в красном пульсе его.

Мать умирает

анна свирщинская

Когда мать умирала,
у меня не было времени плакать.
Я должна была ей помочь
умирать.

Когда она умерла,
я стала трупом.
Трупы не плачут.

*** * ***

тадеуш ружевич

Пора мне
время не терпит

что с собой взять
на тот берег

ничего

значит уже
всё
мама

да сынок
уже всё

выходит только и всего

только и всего

вот и вся жизнь

да
вся жизнь

На том свете

анна свирщинская

На том свете
у меня будет много времени.
Я смогу пролить тысячу слёз
над каждой слезой,
пролитой ею из-за меня.

Целовать землю у ног её.
Биться головой об землю.

– Прости меня.
И она меня простит.

Оттенок тишины

богдан хоронжук

что же было
как могло случиться
скрипки облако взмыло высóко высóко

волосы струны
вплетённые в ветер
в тишайшие вздохи
о волосы струны
как ночь когда месяц как вечер в левкоях

те струны были так огромны хотя и малы что
мечты и виденья на них уместились
а если их тронуть бежали чуть слышно
сквозь губы глаза и пальцы
над окаменевшим полем
и в ослепительных озёрах рассыпались на звуки
серебряные звуки – почти живые
звуки низко кружили золотым от покоя роем
и становилось ясно – это чародейство

а крылья у скрипки были раскрыты
задумчивым озёрам
и полёт этой скрипки был так высок что
её почти не было видно

времени не было

а скрипка летела прямо к солнцу
она была всё меньше
и в струнах её было столько силы
что умирали малейшие вздохи

ведь времени не было

а когда низким гулом звуки ударяли в уши
глухие разбирали ранцы
и ласточки длились в полёте

ведь времени не было
там времени не было

и в струнах её было столько плача
что вот они – озёра
и в струнах её жил страх и неподвижность

времени не было

и в струнах её кочевали с рассвета
смычки ломая
толпы слепцов гонимые жаждой

времени не было

и струны её тяжелели от звука
и время не текло а пространство между ними
было заполнено эхом

времени не было

а музыка точила в воздухе каналы
струясь как запах преющего сена
и когда натыкалась на тишину то струны
бились так бессильно
что скрипка сама в тишину превращалась

времени не было

часы закруглялись
мгновенья секунды
на берегу розовели от времени не ржавея
времени не было
и не было пространства

времени не было

леса наливались живицей и воздух
лопался по швам
и не было пространства
и было всё одинаково важно
и одинаково неважно

там времени не было

это я музыка
висящая на ударах грома
подвластная свету
я напугана так что меня словно нету

теперь я понял святых господних
бедняг испепеляемых внутренним гореньем
теперь я знаю откуда свет и огонь и откуда быть может…

и вот я есмь и теперь иду я
по лесу к себе и деревьям – это правда

правда
сколько скрипок сколько музыки зелёной

правда
сколько скрипок сколько музыки зелёной
музыки зелёной

и вот открывается камень
и вот открывается камень…

*** * ***

анна кайтох

О слово
да будет в тебе сила ветра
мягкость тумана
дыхание моря

тем кто печален о радости пой
дай отдых усталым
остуди безумные мысли

* * *

анна кайтох

У земли научиться
упорству
как она всегда и везде
                быть собой
научиться
        теплу и холоду
        сытости и голоду
уметь как она
терпеть сорняки
и давать плоды

Вечность

ян твардовский

Вечность была уже с нами
а нам всё казалось
что всё преходяще и потому чуть понарошку

как заяц в сезон охоты как шмель на незабудке
что темнота из часов капает как из раны
время быстротечно и всегда уходит впустую
разменивая любовь на мелкие слезинки
что тем кто был влюблен уже не целоваться
что всякое письмо приблизив отдаляет
и будет так всегда пока красен почтовый ящик
злые девицы несносны а добрые занудны
и слишком много слов и не хватает слова

Вечность была уже с нами
а нам всё казалось
что мудрое и равнодушное время выметет всё без следа
и только чуткая сойка не улетит восвояси
ведь для того чтоб страдать надо быть безоружным
как деревенское детство с крольчонком к сердцу прижатым

Смотри – говорил ты – всё меняется на глазах
точно кузнечик что слишком рано стал зелен
этак можно и собственный дом не узнать
положи-ка хоть ножницы на прежнее место
и мамин наперсток не отдавай никому
крепко держи фотографии не то Господь их сдунет
особенно когда пчела сообщает танцем о важных делах
а мать-и-мачеха закрывается на ночь
и всякое мгновенье уже не то что есть
а прошлое или будущее
первое и последнее

Вечность была уже с нами
а нам всё казалось

Кто бы нас ни встретил

ян твардовский

Кто бы нас ни встретил от Него посланец
он так обыкновенен что мы о том не знаем

как осёл что хотел взреветь но был безъязыким
или майский жук которому невдомёк как зовут его по-латыни
мы проходим друг мимо друга неизвестно зачем
глядя друг на друга тянемся во тьму
то и дело думая что-то сердце шалит
как мартышка в ажурной клетке

Кто бы нас ни встретил от Него посланец
пусть в нём мало религии – зато много христианства
невзначай он о чём-то напомнит подскажет адрес
словно крамольный снег что величавые статуи
обращает с невинным видом в белых истуканов
иной раз родит слезу что лица важнее
ту что капает между улыбкой и усмешкой

Кто бы нас ни встретил от Него посланец
и вдруг он исчезнет – сразу невероятно далекий
был ли ты настоящим – проверил мимоходом

* * *

леопольд стафф

Кто этот странный незнакомец?
Меня он колдовством опасным
Развеял, будто сноп соломы,
И снова вяжет перевяслом.

Огнём испепеляет тело,
Как короед, мне душу точит.
Уснуть он не даёт мне ночью,
Но я встаю, готовый к делу.

Закатом нежным ободряет,
Когда вся радость на исходе,
Как крест, пути соединяет,
А берега, как мост, разводит.

* * *

тереса томся

Господи! – взывали мы.
Вот и вся наша молитва –
ибо мы не знали слов.
Не знали имён, означающих
Начало и Конец.
Не знали ничего,
что объясняло бы наше присутствие в мире.
И потому мы кричали: Господи!

Чтобы ты нас услышал
и забрал из подмокших долин
на вершины, солнцем залитые.

Мы, чужеземцы

януш страсбургер

Мы никогда не поверим, что нас обманули.

Что мир иллюзия,
а жизнь кошмар.

Потому и тоскуем о чём-то ином.

Пророки всегда предавали этот мир,
на красоту и добро осыпались руины уничтоженья,
обрушивались великие деяния, статуи, горы.

За что сюда сослали тех, кто этого не хотел?
Бездомные на Земле – мы родом не отсюда.

Мы вопрошаем с мольбой, ибо не понимаем.

Ибо что-то нам говорит: Самое Худшее
лжёт.

* * *

збигнев дмитроца

Место действия: Космос
Время: тысячи световых лет от Земли

В самом деле ничего особенного:
просто Чёрная Дыра
уничтожает галактику

Одну из многих

Подробности ни к чему –
их всё равно не вместит человеческая фантазия

Бог молчит
глядя как созревают и падают
невинные гроздья

Небытию не нужен Бог

Vox Dei*

роман гожельский

Будто кто-то идёт но не идёт никто
будто слышится песня но никто не поёт
будто золото сыплют но это всего лишь снег
будто кони заржали но тихо вокруг
будто кто-то руку ко лбу приложил но это сосна
будто стройная девушка нет пятно на снегу
будто кто-то идёт к тебе нет это буран
будто ты видишь насквозь но это только сон
будто в гору идёшь а сам стоишь у подножья
будто слышишь как сани звенят а звенит тишина
будто кто-то с тобой говорит а это глас Божий

Ангел-хранитель Господа Бога

эмиль беля

нужен ли Господу Богу
ангел-хранитель
как человеку
спрашивал я теологов
они с извиняющейся улыбкой
вежливо отвечали
чтоб я не морочил им голову

мой собственный ангел-хранитель
которого я давно собираюсь
уволить
сказал мне вчера
что ангел-хранитель Господа Бога
это человек

то есть
я сам

* Голос Бога (*лат.*).

Modus tollendo ponens*

тымотеуш карпович

бог не сказал да будет свет
это свет сказал да будет
с богом что будет а кто луч
из порочного круга вывел
снаружи уже не очень видно

По обе стороны

ян твардовский

И в зеркале не веря в смерть
воочию увидеть время...
уходят люди кто куда
в сердцах уносят нетерпенье
единственной минуты ждут
и любят то же что клянут

а Ты повсюду тут и там
и далеко – и близко к нам

Отче наш

януш станислав пасерб

Отче наш, иже еси также и на земли,
где не только молитвой святится имя Твоё,
а царствие Твоё не шумит на солнце, как древо,
но молчит в темноте, как зерно –
горькое, твёрдое, как справедливость и святость,
и восходит на скале вопреки надежде.

Оно вырастает из земли и спускается с неба,
трудное, как вера, невозможное, как любовь,
которая несмотря ни на что приходит и зовёт нас.
Сделай так, чтобы царствие Твоё искушало сильнее, чем хлеб,
и чтобы в нём навсегда воплотилась воля Твоя,
когда пройдут и вера, и надежда.

---

* Отрицательно-утвердительный модус (*лат.*).

Награда

ян твардовский

Отчаяние пришло – извини мол
куда деваться...
– Дорогое моё – говорю
да за что тебе
извиняться–то

Доброта – за печали награда
пёс рану залижет
от отчаяния до веры – всего ближе

Не надо

ян твардовский

Не посыпайте религию сахаром
не подчищайте ластиком
не обряжайте в розовые тряпки
ангелов парящих над войнами
не отсылайте верующих к лазейкам комментариев
Я пришел за утешением – не за тарелкой супа
хочу наконец преклонить голову
у камня веры

Чёрная Мадонна

мачей юзеф кононович

Чёрная Мадонна
Чёрная Мадонна
Плывёт на «Аве» в пенье и звоне,
Плывёт по росе звенящей тенью,
Берёзы в траву окунают колени –
Аве Мадонна!

Чёрная Мадонна
Чёрная Мадонна
Се́ребро и злато, звёзды и звоны,
Морок пробивает русская икона
Светом слепящим – Аве Мадонна
Аве Мария!

Чёрная Мадонна
В небе нет тумана
Славим Тебя градом барабана,
Струнами гитар, блеском гонга,
Золотой трубой чёрного Армстронга
Аве Мадонна
Здравствуй Мадонна!

* * *

ян твардовский

Догматики горлопанят по-латыни
начётчики жужжат над корытцем совести
скрипят апологеты распятые на кресте веры
проповедники латают рупоры чтоб их было лучше слышно
философы недобрым словом поминают святого Фому
сданного в райский архив
вместе со старыми годовыми подшивками святых
мученики считают вслух удары в лицо
тыква греха свалилась наконец на голову чистоплюям
органисты вылизывают звуки
верующие раскололись на враждебные лагеря

И только в чистом поле
в дыхании трав
на коленях любуясь сугробами неба
можно ещё отыскать Тишину

* * *

ян твардовский

Сколько понаписали благочестивых книжек –
путь к седьмой твердыне духа
комментарии к комментариям
анализ игольного ушка
математическое доказательство бытия Божия
снабженное графиками по баллистике благодати

и мыслит Иисус под литер тёмный стук
как же вырваться в небо из-под пресса наук

Как пишут

ян твардовский

Иисусе который не брал в руки пера
не склонялся над листом бумаги
не писал Евангелия

почему никогда не пишут так как говорят
не пишут как любят
не пишут как страдают
не пишут как молчат

пишут всегда немного не так как есть

Вера

ян твардовский

Сердце билось в горле
Он уже умер – ревел я

какой-то невежда схватил меня за ухо
швырнул как тряпку наземь
– Учись вере – кричал он

Я показал язык
вера – не наука
вера – опыт

Огонь

ян твардовский

Смотрю а на берегу – Иисус
он казался простым
внятный сердцу как истина каждого дня
он говорил: – Приходи
я жду ну а ты не жди –
чудес не будет
ко мне
идут сквозь море огня

Радость

леопольд стафф

Как мне благодарить Тебя за то,
Что в жизни я – как будто гость случайный,
На свадьбу вдруг попавший, где никто
От очага голодным не отчалил.

Покоем кротким осень золотит
Тишайший вечер, всех иных дороже,
Растроганно душа моя кричит
В восторге: «Бог Тебе наградой, Боже!»

Оглядываясь вспять, я не спешу
Ревниво бредить счастьем изначальным,
Я рад и ни о чём я не прошу,
Лишь странно то, что радость так печальна.

Скоро каждый будет богом

станислав мисаковский

Боже
если ты ещё не забыл о нас
вернись
хоть на миг

мы хотим увидеть твой
взгляд
жест руки твоей
хотим убедиться
что ты существуешь

на твоё место
столько претендентов

они дерутся за сферы влияния
покупают и продают души
убивают друг друга за власть

скоро людей
не будет вовсе
каждый объявит себя
богом

кто тогда
оплатит наши долги
кто искупит нашу вину

Боже

Палец на губах

тадеуш ружевич

губы истины
стиснуты

палец на губах
говорит нам:
пришло время

молчать

никто не ответит
на вопрос
что есть истина

тот кто знал
кто сам был истиной
ушёл навсегда

Каждый день Христос умирает в нас

ян рыбович

Каждый день Христос умирает в нас
и каждый день воскресает.
Каждый день Христос
умирает в нас
с громким криком
боли:
– Боже мой, Боже мой,
для чего ты меня оставил?
И каждый день Христос
воскресает в нас
и слышит голос Отца своего:
– Ещё не время,
Сын мой,
подожди...

Протоколы

марцин халась

№ 18

к нам обратился
некий иуда искариот
удостоверивший свою личность
карточкой гостя
одного из иерусалимских отелей
он представил донос на гражданина
иисуса из назарета объявленного в розыск
за подстрекательство бедняков к бунту и богохульство
согласно инструкции
о действиях в случаях не терпящих отлагательства
мы зачислили вышеупомянутого иуду в штат
на должность старшего осведомителя
с месячным окладом в размере тридцать сребреников
плюс премия надбавка и натуроплата спецодеждой
нижайше просим господа бога
утвердить новую штатную единицу

№ 27

отчёт следственной комиссии по
выяснению причин и обстоятельств смерти
государственного служащего старшего осведомителя иуды
установлено с полной достоверностью что наш агент
был человеком психически ненормальным
на что указывает его поведение в последние дни жизни
особенно тот факт что он возвратил своё месячное жалованье
смерть наступила вследствие психической болезни
и носила суицидальный характер
в ней не следует усматривать покушения или
провокации что полностью подтверждено
судебно-медицинской экспертизой

№ 41

под грифом совершенно секретно
рапорт комиссии по расследованию дела о
якобы имевшем место воскресении распятого иисуса:
при детальном ознакомлении с показаниями стражи

и на основании осмотра места происшествия
установлено
– во-первых невозможно выкрасть тело из гроба
не привлекая к себе внимания
– во-вторых нет никаких причин не верить солдатам
или предполагать что они подверглись массовой галлюцинации
– в-третьих от агентуры поступило два сигнала что распятого снова
видели вместе с учениками из чего приходится сделать
неоспоримый вывод:
подозреваемый иисус христос из галилеи действительно воскрес
что в весьма невыгодном свете выставляет деятельность
нашего ведомства

*** * ***

марцин халась

пятый прокуратор иудеи
eques romanus*
понтий пилат столкнулся с дилеммой:
кого надлежит отпустить а кого
приговорить к смерти

в конечном счёте возобладали
соображения гуманности:
варавва был единственным
кормильцем в семье
(четверо детей плюс
жена на пятом месяце)
а иисуса из галилеи
ждала одна только
совсем ещё не старая
мать

Письмо Иуде

ежи сикора

Иуда – друг мой
пойдём-ка выпьем пива
на все твои тридцать сребреников

* Римский всадник (*лат.*).

не подыскивай ветку
не накидывай верёвку
ещё не всё потеряно

вспомни Марию Магдалину
таможенника Матфея
ты тоже в силах
отделить свет от тьмы
и заглянуть вперёд

не тяни время
закрывай лавочку и пошли
брат мой
крест-накрест разорванный

* * *

малгожата хилляр

Я понимаю Господи
мне Ты помочь не можешь
хотя иногда я прошу Тебя об этом
ибо я своевольна
не готова к Твоей помощи
а Ты мне не хочешь
навязываться

но дети
Господи
такие невинные
как колокольчики на лугу
они же доверчивы как птенцы
ждущие корма
с разинутым клювом
они так открыты
верят в Твою помощь
Твоё всесилие

Где же Ты был
Господи
когда им разбивали головы
о каменные стены
когда их душили
газом
ведь хватило бы

одного движения Твоего
божьего перста

теперь когда Ты смотришь
на эти груды
ботинок
плачешь ли Ты хотя бы
Господи

Освенцим, 1989

Богословская истина

эмиль беля

Нет Бога в небе –
Он спустился на землю,
Чтобы принять новую муку.

Второе пришествие

люциан щепаняк

Иисус явился вновь,
как обещал ученикам.
Ходил по свету, делал добро,
учил, помогал во всякой беде.

Он исцелял больных,
а вокруг шептали: берёт взятки.
Умножал хлебы –
кричали: подкуп избирателей.

Блудница в Него уверовала,
сказали: это его любовница.
Он признался, что он Мессия, –
и его заперли в психушку.

На сей раз Его не распяли.
Просто применили сильные нейролептики.
В истории болезни написано: шизофреник,
утверждает, будто он Царь Назаретский.

К врачу явились «люди из храма»:
понимаете – Он не должен умереть
(вы знаете легенду о Воскресении?),
лучше Его гибернировать – тогда Он надолго
будет обезврежен.

Дурной пример

люциан щепаняк

При посторонних у меня вырвалось крепкое словцо...
Воцарилось враждебное молчание.
А ещё священник –
как он может сквернословить!

При посторонних у меня вырвалось:
сегодня у нас в больнице умер ребёнок...
Воцарилось враждебное молчание –
как он может за едой говорить о трупах...

И вот снова недоразумение:
в той же компании у меня вырвалось – Христос...
Воцарилась враждебное молчание.
Опять этот поп...
Вышвырнуть его отсюда!

* * *

вацлав бурыла

Завещаю в той жизни
вам счастливыми быть...
А. Твардовский. Я убит подо Ржевом

Ты призвал нас
для радости
а мы день за днём
сеем горе

Ты подарил нам
мир
а мы без конца
затеваем войны

Ты повелел нам
любить друг друга
а мы
думаем только о себе

Ты говорил что мы должны
творить добро
а мы всё время
рвём запретные плоды

Трудно
жить в мире
который столько веков
стоит вверх ногами

Встреча с Трёмя Волхвами

лешек длугош

I

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Что за немочь вас не пускает?

Уж весна на пороге
А вы всё в дороге
Хоть река уже лёд ломает.

Может, я слишком скоро
Прибежал в этот город
Нет вестей – но не мог я иначе.

Мать сыночка рожала
На тот свет провожала –
Здесь не слышно детского плача.

Нерождённого Бога
Встретит ночь у порога
За столами здесь глухо молчат.

Ангел скрылся в метели
Разглядеть не успели –
Не бегут не зовут не кричат.

II

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Вести слишком дурные, чтоб верить.

Но скажите, скажите
Отчего вы молчите
Отчего не спешите проверить?

Где звезда? Отсияла...
Ваша сила пропала
Иль дороге вы больше не рады?

Где даров ваших груды?
Расседлайте верблюдов
Постоим у лозы виноградной.

Вон как речка играет
Острова омывая
Ветер чайку к волне прижимает.

Тростники зеленеют
Песней с берега веет
Наша ива опять расцветает...

III

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Время вышло – пора вам в дорогу.

Вы расскажете дома
То что видели сами:
Здесь не ждут, а живут понемногу.

Здесь река полноводна
Рыбы сколько угодно
Но любви не хватает жестоко.

Неземное сиянье –
Одно лишь названье
А от неба до неба – далёко...

Овцы среди волков

ян твардовский

Корова что ради меня столько раз даёт себя выдоить
кролики замученные чтоб нам болеть по рецепту
городской воробей в грязи переживший с нами зиму
шалфей умирающий в небо идущий только б зубы у нас не болели
истинные христиане не водою из крана но кровью крещённые
вы как овцы среди волков
стыдно мне перед вами когда я трясусь над собой
брюзжу что безвинно страдаю
когда легкомысленно-серьёзный
в сговоре сразу с тремя докторами только б не помереть
не желаю быть перемолотым хлебом для Бога

Ещё

ян твардовский

Ты ещё вцепился в волосы счастью
откладываешь во все кубышки
строчишь мемуары возводя себе памятник
и потому воздух скупо тебя питает
не ведут тебя незримые руки
великое не приходит помимо воли
боль напрасна – ты ведь не умираешь

не можешь отдать себя
как же ты получишь всё

Против себя

ян твардовский

Помолись о том чего вовсе не хочешь
что пугает тебя как белку дождь
от чего ты бежишь со всех ног словно гусь
от чего дрожишь как зимой в плаще без подкладки
и готов защищаться обеими челюстями
начни наконец молиться против себя
о том великом что само приходит

Больше ничего

ян твардовский

«Бог мой» написал он. И зачеркнул подумав
настолько же мой насколько я эгоист
Написал «Бог людей» но прикусил язык вспомнив
что ещё есть ангелы и камни похожие в снегу на зайцев
Наконец написал просто «Бог». Больше ничего
И то написал слишком много

Малютка

ян твардовский

Не хочу быть великим поэтом
не хочу быть великим художником
не хочу быть великим никем
мир слишком велик
слишком коротки наши минутки

ведь не стыдится и Бог
быть малюткой

* * *

ян твардовский

Святой Франциск из Ассизи
вслед за Тобой – и рад бы я
да только нет во мне святости
от Библии голова болит

Рыбы меня не слушают
птицам слова сказать не умею
у храма пёс покусал меня
и сердцем я всё робею

Прекрасны леса и горы
и розы красой пленяют
но из чудес природы
мне ближе – трава простая

Ни плодов ни колосьев
затоптанная негустая
травка моя сестричка
кармелитка босая

*** * ***

леопольд стафф

Кто ищет, тот нашёл Тебя;
Ты – рядом с тем, кому Ты нужен;
Тот в небе, кто живёт, любя;
Твой хлеб для всех голодных – ужин.

Тебя мои не видят очи,
Тебя мои не слышат уши:
Но Ты – мой свет во мраке ночи,
Ты – песнь, которой внемлют души!

Спасибо

ян твардовский

Спасибо Тебе за то, что у Тебя были руки, и ноги, и тело
за то, что Ты был дружен с грешной Магдалиной
за то, что Ты взашей прогнал торговцев из храма
что Ты не был числом, равнодушным и совершенным

Твоё атеистическое «эго»

анджей заневский

Ты – есть, и
ты уверен в том, что существуешь,
присутствуешь в этой реальности.

Почему же тогда ты не веришь
в существование Бога и
иной реальности.

Ведь
если ты здесь –
то возможно всё.

То, что кажется неправдоподобным,
более всего вероятно.

* * *

анджей заневский

Бог – попытка объяснить всё,
что иначе необъяснимо.

По-другому тебе не суметь, да и не успеть.

А потому склони голову и слушай
тишину,
звучащую внутри тебя.

Море

виктор ворошильский

Море как Бог

Я слышу его
и не вижу за туманом за лесом

Близко
а не дойти

Думаю оно есть
не уверен
хочу чтоб оно было

* * *

анджей заневский

Молитва помогает и неверующему.

Её слова прибавляют сил в долгом ожидании,
приносят облегчение и – хотя ты в этом не сознаёшься –
надежду.

А ещё – эту чудесную иллюзию внутреннего спокойствия,
когда кажется, что окружающий мир
не так уж невыносим.

Моя молитва

мечислав браун

Слова... да что же...
Их слишком много,
А толку нету –
Не в них ведь соль...
Я странник, Боже,
Своей дорогой
Я выйду к свету:
Лишь Ты позволь.

Да сгинут звуки.
Одно мгновенье –
Всего-то мне бы...
Не надо слов.
Раскинув руки,
В немом волненье
Я вижу небо,
И жду я вновь.

Ночью или под утро

мечислав яструн

То ли завтра утром
то ли вчера
Безликие в чёрном
в шляпах надвинутых на глаза

Нет их – в квартире пусто
Я не вернусь в этот дом
откуда они ушли
чтоб никогда не вернуться

За мной явились – другие
Их было гораздо больше
но меня в тех краях
уже не было

Я остался цел-невредим
Кто же спас меня
Кто сохранил?

Крипта

кароль войтыла

Итак, мы должны спуститься под каменные плиты,
на которых следы
стольких ног. Нам суждено пройти сквозь скалу,
чтоб открыть человека,
затоптанного овечьими копытцами: овцы не ведали,
кого они топчут, –
человека ушедшего? или Человека, который вечен?
Крипта тебе расскажет: она связана с миром – мир её окружил,
как войско усталых солдат, что не хотят отступать.

Куда идти?

люциан щепаняк

Усталый человек присел на камень.
Не было сил идти дальше.
Всё, чего он коснулся, не удалось.
А времени осталось так мало.

Куда идти?
– вопрошали его печальные глаза.
Кого любить,
если я предавал не однажды?

По дороге шёл нищий.
Он пожалел отчаявшегося.
Если и вправду у тебя ничего нет,
пойдём со мной, – сказал он.

Куда? – спросил человек.
К тому Царю, – шепнул нищий, –
которому не нужно ничего кроме сердца,
а сердце в тебе ещё есть...

Если Бог существует

люциан щепаняк

Если Бог существует...
Он не даст угаснуть надежде.
Коснётся сердца
и невзначай исцелит.

Если Бог существует,
Он будет молчать, когда больно,
и не содеет чуда,
чтоб не стать мне подобным.

Если Бог существует,
он слегка опоздает,
чтоб я повстречался с отчаяньем
и с ним потолковал.

Если Бог существует,
он не станет оправдывать смерть,
но откроет нам, что́ есть жизнь
и истинная радость.

* * *

анна кайтох

И спросит Господь:
что сделала ты с жизнию своей?

О Иисусе – воистину любила я
врагов моих
О Яхве – ненавидела я
недругов моих
О Будда – искала я
в тварях и растеньях
следов Твоих
О Аллах – сиял вечный свет
в мыслях моих

А вообще-то
я просто
пыталась быть
человеком

Священнику, пришедшему соборовать меня

анджей заневский

Если Бога нет,
ты мне не нужен
и шаги твои напрасны.

Если Бог есть,
ты тем более мне не нужен,
поскольку Бог, совершеннейшее существо,
не нуждается в несовершенных посредниках.

Если же мы придумали Бога
от одиночества, по слабости душевной,
ради самооправдания
и вот уже столько веков ломаем комедию,
– тогда ты необходим.

А может, Бог диктует нам слова сомненья?

Если нет

чеслав милош

Если Бога нет,
не всё человеку дозволено.
Ибо он сторож брату своему
и не имеет права огорчать брата своего
рассказами о том, что Бога нет.

Возвещение

вацлав ролич-лидер

Мы пришли не затем, чтоб, по Божью веленью,
Толковать и разгадывать чудо творенья,
Не затем, чтоб свидетельствовать и судить,
Чтоб одних обвинять, а других возносить,
Мы пришли, чтобы словом – душою – во мгле
Осветить наш единственный путь на земле.

Берег*

богдан остроменцкий

Всё ближе берег
которого нет
до которого не доплыть
невидимый берег
который с меня не сводит глаз

Берег всё дальше
он всегда впереди
и всё-таки я плыву

Я прозреваю и слепну
мне никогда не доплыть
и всё-таки
я плыву

* Краткое переложение.

ЗДЕСЬ ЖИВЁТ ВРЕМЯ

Рыбчинский Чехович Цвелёнг Мисаковский Рыбович Баран Херберт Сливоник Пиотровская Заневский Бялошевский Голуй Франчак Кайтох Амиэль Свирщинская Сконечный Милош Лец А.Чирлич Ружевич Длугош Электорович Мицнер Маховяк Слонимский Афанасьев Титков Стафф Твардовский Росса Юрковский Пшерва-Тетмайер Задура Сарна Маховяк Сохонь Чахоровская Беля Крыницкий Бурыла Выспянский Валицкий Островская-Яхимек Стахура Дмитроца Крук Немец Сливяк Дерда

Дом

александр рыбчинский

пусть рухнут стены
была бы крыша над головой
дом в тебе а не ты в доме

не бойся остаться под крышей ветра
здесь дышит огонь
здесь живёт время

Превращение

юзеф чехович

Ты живёшь метеор
клокочет горячая кровь
в груди ритмично стучит мотор
не нерв бежит от мозга к руке а провод

Как механизму пристало
мысли твои из металла
бегут по странному кругу вечно и неизменно
ты совершенная механическая система
но вдруг что-то сломалось

И вот ты плачешь
вчерашний день не догнать
вместо прямых кривые вместо квадратов ромбы
в каждом звуке грохочут бесстыдным громом
трубы Судного Дня

И открылись глаза голубые
и в витрине лавчонки увидели Страшный Суд
там люди и ангелы поменялись местами
там грозное море покрыло сушу
сквозь трамваи по улице мчат колесницы тумана
в декабре под мостами красные молнии бьют

И открылись глаза голубые
ты видишь себя – матросом в Азии
и тут же мальчишкой на варшавском дворе
и сразу выпускником гимназии
толпа растёт всё быстрей
и всё это ты всё это ты кругом
но тебе не понять отшлифованным сталью умом

Вместо мыслей зигзаги мир застилает буря
ветер дунул – все фонари погасил
только трубы грохочут во тьме понурой
да ты взываешь
ВЛАДЫКО СПАСИ

Ну вот ты и умер
шестерёнки вращаются до сих пор а тебя нету
в механизме сломалась пружинка
и ты метеор
упал совсем на другую планету

* * *

агнешка цвелёнг

Оборачиваюсь ещё раз.
Смотрю на горы,
зная,
что в этом году
больше их не увижу.

Всегда одно и то же.
Прощаюсь с ними,
как в последний раз,
вру, что больше не вернусь.
И возвращаюсь.
Всякий раз возвращаюсь.

Но однажды,
уходя,
я скажу им правду.
Может быть, именно сейчас.

Переселение

станислав мисаковский

Умираешь?
Не принимай свою смерть близко к сердцу.
Это всего лишь последнее
из многих
переселений.

Теперь-то ты наконец перестанешь
тоскливо искать
свой
угол.

Самое трудное

ян рыбович

Самое трудное – умирать в первый раз.
Потом это можно проделывать беспрерывно.

Ангел смерти обратится в соляной столп
и улетит,
а ты в тоске будешь ждать,
когда же он вернётся.
Как мне наскучил сон,
ежедневная репетиция смерти.
Но я уже не думаю об этом.
Хохоча, я буду бродить
по бесконечным улицам жизни,
пока Некто, подкравшись сзади,
точным ударом не вгонит мне под левую лопатку
невидимый длинный нож.
Это будет моя последняя смерть.

Полёт

юзеф баран

я не заметил как
меня запаковали в белую капсулу
протащили вместе с кроватью
по взлётной полосе
больничного коридора
накачали наркотиками
разогнали
запустили

и вот я лечу
пикирую
вроде ракеты
в космос в ничто чёрт знает куда
с разверстым чревом
а инопланетные коршуны в белых халатах
скальпелями выклёвывают мои потроха

лечу
пикирую
вокруг ни Бога ни чёрта
ничего

режут меня
хотя меня нет
ни на земле ни на небе
ни на звезде

час
два
три
кромсают меня

я ли это ещё
меня ли
ждёт внизу Земля
и несколько любимых лиц?
меня ли стянут обратно
на посадочную площадку жизни?

Требник

збигнев херберт

Господи
знаю дни мои сочтены
их осталось немного
Ровно столько чтобы собрать песок
которым мне присыплют лицо

я уже не успею
загладить вину перед теми кого обидел
попросить прощенья у всех
кому причинил зло
и потому душа моя скорбит

жизнь
должна завершить круг
замкнуться как хорошо построенная соната
а я
за миг до коды
слышу рваные созвучия
плохо подобранные краски и слова
лязг диссонансы
языки хаоса

почему
жизнь моя
не была как круги на воде
не была пробуждённым в бескрайних глубинах
началом роста
почему она не ложится слоями ступенями складками
чтобы угаснуть спокойно
у твоих неразгаданных стоп

*** * ***

роман сливоник

Когда ты будешь умирать
и кто-нибудь тебе скажет
что будет помнить тебя
и охранять твой дом
и поливать цветы
и ходить на твою могилу
это значит что ты всю жизнь был один

когда ты будешь умирать
надо чтоб рядом был кто-то
кто возьмёт тебя за руку
и скажет
я умру вместе с тобой
потому что только так можно помочь умирающему

и тогда быть может ты успеешь подумать
что был в этой жизни вместе
хоть с одним человеком
а может быть даже
вместе с людьми.

Элегия

эльжбета пиотровская

Ирене Добжицкой

Он умер.
Так почему солнце всё ярче светит?
Он умер.
Зачем весна всё так же мчится бегом?
Он умер.
Не выйдет небо из земных берегов.
Он умер.
Не перестанут смеяться малые дети.
Он умер.
Так почему ветер щадит птичьи гнёзда?
Он умер.
Вдали не погаснут огни чужих городов.
Он умер.
На девичьи лица не ляжет чёрный покров.

Он умер.
Однажды ночью во сне он уже не вернётся.

Каждый из нас – особая нота,
один лишь раз жизнь выпевает нас в кантате поколений.
Бремени нашего столько, сколько велит фермата,
мы падаем в тишину,
чтоб зазвучали другие ноты –
мелодии продолженье.

*** * ***

анджей заневский

«Умер»...
«Скончался»...
Нелепые слова.

Просто у меня украли Завтра.
Завтра придёт без Тебя...

Завтра без Тебя будет
бесконечным закатом
солнца.

На мгновение

юзеф баран

прежние боги
те у кого я черпал силу
испустили дух у меня на глазах
(кое-кто и на руках)
а ведь я восторгался их мощью
был свидетелем их триумфов
верил в их божественность

короны падали с голов
они съёживались сдувались как шарики
впадали в детство
мельчали
отбирали у меня силу
которую сами когда-то дали
я видел как они с извиняющейся улыбкой

беспомощно разводят руками
мы мол простые смертные как все

и вот моя очередь
я полон страха
неверия в себя
но на мгновенье должен стать
атлантом который держит небесный свод
над головами тех
кому это нужно

* * *

мирон бялошевский

В комнате
хожу
кругами
по квадрату
приближение
миг
отдаление
кто-то
звонит
в левое
ухо
– Кто?

– неизбежность

* * *

мирон бялошевский

По нитке –
в угол
там клубком
– бесконечность

я в неё пальцем
она шипит

бежать!
спасенья!
нет

*** * ***

тадеуш голуй

Боюсь, чтоб не испугаться
молюсь, чтобы не взмолиться
сплю, чтобы не уснуть
молчу, чтобы не оглохнуть
– когда придёт Это

Из Сократа

станислав франчак

Я знаю что ничего не знаю

я знаю
что такое боль хотя не знаю
всех её имён

я знаю
что такое страх хотя
не знаю откуда он
приходит так внезапно

я знаю
что такое смерть хотя
не видел никогда
её лица

*** * ***

анджей заневский

Мы идём по жизни от цели к цели
как под деревьями старого кладбища
среди могил друзей

Этот
разорван взрывом заржавевшей гранаты

Тот
раздавлен грузовиком

– помню искорёженную раму велосипеда
кровь ползущую из-под коричневого брезента

Этот
заплыл слишком далеко в море
и не смог вернуться

Тот
повесился на ремне

Вон с тем
что лежит под бетонной плитой
мы бросали друг в друга камни
– он умер от заражения крови

А здесь
под каменным крестом зарыли
мою первую любовь
погибшую от лейкемии

Столько меня связывает мама с этим кладбищем
где серые струны деревьев
наигрывают старые мелодии

* * *

анна кайтох

Я была маленькой девочкой
и бродила по лужам горькой воды
Я была юной девушкой
вода доставала до пояса
Была молодой женщиной
вода подступала к груди
Я молодая старушка
захлестнуло глаза мои горькой водою

* * *

анна кайтох

Если ты будешь землёй
я буду солью твоей

Если ты будешь светом
я буду твоим отраженьем
Если ты будешь огнём
я буду жаром его
Если морем
я буду хотя бы каплей
Если деревом
сделай меня корнем своим
Если ты будешь Богом
вспомни имя моё
Если ты будешь смертью
я пойду только помани

Мнительность

станислав сконечный

Страстей ничто не перемелет,
жизнь продолжается и в смерти.
Существенны людские цели,
а страх напрасен – уж поверьте.

Есть пустота меж тьмой и нами,
а дальше где-то свет – высóко...
Собаки давятся костями,
слезу роняет только око.

Самоотверженные тени...
Наивна вера, слепо зренье.
Они упали на колени
пред искуплением спасенья.

А мы всё живы, как бывало,
хотя о смерти не забыли.
В душе сомненье: это мы ли?
Накроет всех девятым валом.

Мой отец

ирит амиэль

Готовясь в последний путь,
отец обулся в лыжные ботинки.

Он думал, что в лыжных ботинках
ему будет легче приспособиться к жизни.
Отец жестоко ошибся.
Чтоб одолеть ту гору, на которую он взошёл,
не требуются лыжные ботинки.

На эту гору восходят
босиком, сгорая в огне.

Приди за мной

анна свирщинская

Когда он умер,
я пришла с ним проститься.
Он тихо лежал, отдыхая от смерти.

Я сказала:
– Когда я начну умирать,
приди за мной.

Упадок

чеслав милош

Смерть человека подобна упадку могучей державы.
У нее были доблестные армии, вожди и пророки,
Богатые порты, на всех морях корабли,
Но уже никому она не придёт на помощь,
ни с кем не вступит в союз.
Ибо пусты города её, распылено население,
Быльём поросла земля, некогда плодородная,
Её призванье забыто, утрачен её язык –
Диалект деревушки, затерянной в неприступных горах.

Заметы

мирон бялошевский

Стоят на кладбище, свечки жгут,
плачут, вдруг Стефка:
– Лю-ууди, чего ревёте,

через полсотни лет никого из вас тут
не будет!

О целесообразности

станислав ежи лец

Пока прядётся жизни нить –
глядишь, пора и саван шить.

Отец

александар чирлич

среди ночи
меня будит смерть
не моя

тихо
подкрадывается
бесшумно отворяет двери

и вдруг
словно испугавшись
убегает

растекается по подоконнику
оставляя на нём

пятно света

Свергнутый

юзеф баран

посыпь волосы пеплом
натяни власяницу смирения

и в Каноссу больницы
уматывай
агнец божий

боль тебя захлопнет в ловушке тела
которое вдруг обернётся
против тебя

сбитый с орбиты мир
сотрясётся в основах
теряя опору

капельница
к которой тебя прикуют
будет твоим единственным солнцем

чтоб голова не кружилась
чтоб ты не думал
хо-хо!
будто ты Невесть Кто

*** * ***

тадеуш ружевич

белизна не печалится
не веселеет
просто белеет

упрямый
я ей говорю
что она бела несомненно

но белизна не слушает – мол чепуха
она слепа
и глуха

она совершенна

и становится
всё белей
постепенно

Завтра меня будут резать

анна свирщинская

Она пришла и встала рядом.
Говорю: я готова.

Лежу в хирургической клинике в Кракове,
завтра
меня будут резать.

У меня много сил. Я могу жить,
бегать, плясать, петь.
Всё это во мне, но если надо,
я уйду.

Сегодня
я подвожу итоги жизни.
Я была грешницей,
билась головой об землю,
просила и землю, и небо
простить меня.

Я была красива и безобразна,
умна и глупа,
очень счастлива и очень несчастна,
часто бывала окрылённой
и плавала в воздухе.

Я истоптала тысячи тропинок под солнцем и снегом,
танцевала под звёздами с другом.
Я видела любовь
во многих глазах человеческих.
В восторге грызла
свою краюшку счастья.

А теперь вот лежу в хирургической клинике в Кракове.
Она стоит рядом.
Завтра
меня будут резать.
За окном майские деревья, прекрасные как жизнь,
а во мне смирение, лёгкий испуг и покой.

Без козырей

лешек длугош

– Нет больше дамы
– Нет короля
– Нет ни страха
– Ни боли

Только теперь – под сводом из дёрна
Только теперь – при свете корней
Сыграем в открытую – без козырей

И так неплохо

лешек электорович

Есть вещи которых тебе не видать
страны в которых тебе не бывать
вершины которых не покорить
власть которой не получить
дела которых тебе не понять
мысли которых тебе не узнать
слова которых тебе уже никогда не сказать
сила которую не осилить

И так неплохо
Согласись на себя
хотя ты знаешь как это трудно
прими неизбежное –
вот она мудрость

И так неплохо

Ты выбрал конец
ещё в начале пути

И так неплохо
и так неплохо
и так неплохо –
уйти

Безбилетники

пётр мицнер

И это всё?
да, всё

Титры
уже конец

Не выходите
залезем под стулья

попробуем
ещё разок

О смерти – просто

станислав леон маховяк

она не улыбается – в ней нет надежды
возвращается непрошеная
не глядя людям в глаза
закрывает дверь перед временем

В дороге

антоний слонимский

Много на небе звёзд,
Да некому сосчитать.
А в городах суета
И горечь – потоки слёз.

Иду я прямо и просто.
Ты где, мой тихий погост?
Считаю на небе звёзды
Глазами, полными слёз.

Месть языка

ежи афанасьев

Это ужасно. Мысль о том, что нас ждёт, всё больше меня угнетает. Как-то раз я дал себе труд подсчитать. Положим, проживу я ещё лет тридцать. Выходит, полсрока часики мои уже протикали! Тридцать на триста шестьдесят пять – что-то около одиннадцати тысяч дней. Всего одиннадцать тысяч! Значит, человек живёт всего каких-то двадцать две тысячи дней – «двадцать тысяч лье под водой»!

Словно едешь в поезде, ни о чём таком не подозревая, и вдруг – чей-то возглас: – Смотрите, как мелькают станции! – Мигом затихли разговоры, отложены карты. И тут же рождается мысль: за окнами проходит жизнь, но где цель нашего странствия? Хорошо ли, что нас никто ни о чём не предупредил? Что никто не сказал нам, зачем мы живём и куда несёт нас поезд?

В этот поезд меня посадили отец и мать. Наградили жизнью, а сами погибли – огонь поглотил их прямо на перроне: я видел их лица, скрутившиеся в пламени, как бумага.

Остальные поехали дальше вместе со мной. Родня пыталась проводить меня. Дед, бабки, дядья какое-то время были моими попутчиками, но по дороге высаживались: то рак, то уремия, то сердце. Шагали в пустоту, где была только смерть, хотя когда я смотрел в окно, мне казалась, что там светит солнце и поют птицы.

Уходили все. Высаживаясь, они застывали у меня перед глазами в какой-то нелепой позе. Каждый выделывал на прощанье какой-нибудь немыслимый пируэт.

Кондуктор, а вы не знаете – ещё далеко?

Как подумаю о Кондукторе, от страха пот прошибает. Какой Он? Скажи, Ты – белый, как снег? А крылья у Тебя есть? Ты – птица? Многие хотели бы видеть Тебя птицей. Велика магия окрыления. Сравнение с птицей для Тебя лестно. Я бы сказал иначе: да у него пасть с острыми зубищами, из неё пена хлещет, зубы извиваются, как ядовитые змеи! А тут – будто некий возвышенный, горний звук. Птица! Радуйся. Птица – певчая тварь. Люди смотрят на Тебя сквозь призму песен. Но птица невинна, а Ты, Огненный Кондуктор, только притворяешься невинным!

Ты тлеешь в нас, мы сами Тебя раздуваем, и вдруг однажды Ты поджигаешь всё. Только что едва теплилась свечка – и вот уже пылают леса, ревёт стена огня, испаряется плоть. Как погасить огонь? Как погасить смерть? Пожарная команда по борьбе со смертью?.. Пурпурное пламя – смерть глазами художника. Глаза жаждут огня, глаза живут этим червонным заревом...

А поезд всё мчится.

Я заперт в вагоне, сижу подле лампы с пером в руке, пишу. За окном мелькают погружённые в ночь города (уже ночь...).

Перегоны отмерены восходами и закатами, вспышки солнца слепят глаза. Я знаю: то и дело кто-то покидает поезд. На полустанках входят новые пассажиры. Вопят уходящие и новорождённые, а если добавить верещанье домашнего скота и прочих насекомых из хвостовых вагонов – гвалт просто невообразимый.

На столе цветы – свежие и увядшие, а я всё мчусь. Лечу куда-то вдаль, не в силах ничего разглядеть. Кажется, урони я голову на стол – тут же увижу Кондуктора...

Вот поезд прогромыхал через маленькую станцию. Я выскочил на ходу. На платформе в наполеоновской позе стоял Кондуктор, весь в чёрном. Серое лицо, тёмные очки.

Зачем эти очки? Абсолютно неподвижный, весь как изваяние из пепла, в них он был ещё более загадочен. Ни мои вопросы, ни дурацкий поклон не тронули его (я уже знал, что меня ждёт и откуда этот холод в ногах...). Пришлось остаться – поезд ушёл. Я в отчаянии проводил глазами тающую точку последнего вагона.

Наконец Кондуктор меня заметил и мягко взял под руку. Под барабанную дробь мы поплелись просёлочной дорогой среди ржи. Плащ Кондуктора волочился за нами в пыли, шёлковая подкладка касалась моих стоп.

Для чего я всё это говорю?

Мне необходимо напоследок расцвести. Такая уж у меня судьба. Расцвести и погибнуть. Природа взрастила среди людей удивительные цветы. Художники... Величайшие самоубийцы, чуткие хронометры, они, принося себя в жертву, за всё платят жизнью.

Высокий Суд, на сегодня это всё, – заключил обвиняемый и утёр слезу. Поклонившись, он сел на место.

Это был маленький лысый человечек. Кажется, комедиант – из тех, что бродят по поездам. Он обвинялся в злостном проезде без билета по государственной железной дороге. Его повели к выходу из зала. Проходя мимо кондуктора, одного из свидетелей на том громком процессе, человек побледнел, схватился за горло и в ужасе вскрикнул: – Это он! Он! – После чего, зарыдав, лишился чувств и пал в объятья конвоиров.

*** * ***

юзеф баран

заглянула смерть в глаза
я ей тоже – эх...
выдержал я этот взгляд
а смерть – в смех

обратила в шутку строгость
– брысь, хромая, брысь! –
и пошла своей дорогой

...дальше – в жизнь

Насмерть!

томаш титков

костлявая курвяга
блевал я на тебя

(я мало что могу но уж это точно)

никакая ты не дама
не благородный противник
и не часть Великого Плана

это грязные игры

я тебя раскусил
ты ненасытная
жалкая похотливая сука

детки вишь тебе приглянулись?
ты обожаешь ласки
их маленьких ручек
постанываешь млея и не глядя
на гаснущие лица маленьких рабов

я тоже раб твой
это ясно
но пока могу –
блевал я на тебя!

а если замечу
что ты ошиваешься возле детского сада
притворясь доброй тётей
которая *пришла пораньше забрать* моего сыночка

я ж тебя падла убью

Одиссей

леопольд стафф

Скитанья твои и ошибки
Пусть тебя не тревожат.
Везде есть дороги прямые,
Но всюду – и бездорожья.

Всё, что ты миру должен, –
Вперёд двигаться смело,
Каждый из нас приходит
В иные края, чем хотелось.

Останется камень серый:
«Такой-то лежит здесь». Так-то.
Каждый из нас Одиссеем
Вернётся в свою Итаку.

По телефону

пётр мицнер

Мне звонит
анонимный дождь
дышит в трубку:
– Умрёшь умрёшь

– Ты тоже – отвечаю
ты тоже

Что ты знаешь

ян твардовский

Что ты знаешь о боли
о том как любовью и гневом пылают
о том как страдают кони когда их гонят на войны
вижу небо – грозовое спокойное
а дальше
не знаю

Аист

збигнев росса

улетаю в тёплые края
по широкому лугу неба
влекомый неведомой силой
одолеваю ветер
упрямыми взмахами крыльев

до свиданья
до свиданья весной

а если погибну в пути?
бесшумно упаду на землю?

ну и что милые лягушки
– вам же будет лучше

На руки

ян твардовский

Называют тебя дурнушкой
врассыпную бегут сломя голову
а я беру тебя на руки
как на счастье кролика

о смерть –
минута великой надежды

После

ян твардовский

Мир после смерти
белей метели
отчаянья больше нет
грехи разрыдались и улетели
поцеловал меня снег

Выигрыш

юзеф баран

как зерно слепой курице
тебе выпал выигрыш
в лотерее материи

ты получил паспорт тела
и право на проезд
каруселью вокруг жизни

честное слово не стоит
жалеть о той ничтожной плате
что придётся отдать за билет
в самом конце

* * *

стефан юрковский

в комнате у меня
нет иных законов
кроме силы притяжения

здесь время течёт иначе
взад и вперёд

приручённая тишина легко переходит в вечность

на полках пыль
книги ждут
чтобы их воскресила фантазия

эта тень
ничья
она существует сама по себе

а пятно на полу
значит больше
чем священные книги

Когда он умирал

станислав мисаковский

Когда он умирал
мир предстал
перед ним во всей
красе

мир книг
жизни
фантазии

ему предложили
выбрать место
куда он хотел бы
уйти

и тогда
он понял

что знает только место
откуда
хотел бы уйти

Всё умирает в скорби и печали...

казимеж пшерва-тетмайер

Всё умирает в скорби и печали,
хотя конец – лишь переход в иное.
Воскреснет всё, что умерло? Едва ли:
ведь никогда уже ему не стать собою.

Пусть в тысячах творений плоть моя,
слиянная из тысяч неизвестных,
пребудет вновь, как древняя земля,
по гроб земли... Но я-то не воскресну.

Ужасна мысль, что человек любой,
как зверь или растенье, должен сгинуть,
а то во мне, что называется душой, –
всего лишь мыслящая глина.

* * *

богдан задура

Страшно даже и не то что плоть распалась
Страшно то что речь навеки отзвучала

Страшно даже и не то что шрам над ухом
Страшно то что ты навек лишился слуха

Страшно и не то что ты во гробе даже
Страшно то что ничего тебе не скажем

Тишина сковала челюсти и скулы
И смеёшься ты над нашим караулом

Тем трудней тем тяжелее мне у гроба
Что гордился я тобой что были оба

Живы и смириться не могу я
Но видать смирился раз тебя несу я

Смысл

чеслав милош

Когда умру, я увижу подкладку мира.
Обратную сторону, там, за птицей, горой и закатом.
Взывающий о прочтении истинный смысл.
Что было неверно – окажется верным.
Что было не понято – станет понятно.

– А если у мира нет никакой подкладки?
Что если дрозд на ветке – вовсе не знак,
А просто дрозд на ветке? Что если день и ночь
Сменяют друг друга, не заботясь о смысле,
И нет на земле ничего кроме самой земли?

Если даже и так, всё равно останется
Слово, однажды разбуженное бренными устами,
Слово – неутомимый гонец, что бежит и бежит
В межзвёздные поля, в коловращенья галактик
И протестует, зовёт, кричит...

Сатори

ян владислав сарна

На Михаловой Грапе, в еловых дебрях, бьёт из земли родник. Там, в Долине Тишины, я решил вновь испытать да-дзен (на языке буддизма это значит – «медитация сидя»). Ожидая, пока наполнится ведро, я неподвижно сидел на поваленном дереве. Кроны елей вечнозелёной крышей смыкались над головой. Гладкие стволы уходили ввысь. Меж ветвей стекал мерцающий блеск. Такие мгновенья не запечатлеть ни кистью, ни словом, ни даже музыкой. Надо вслушаться, вглядеться, вчувствоваться.

Мало-помалу я всем своим существом ощутил вечный круговорот материи и энергии: от верхушек деревьев, от верхнего яруса до подземного слоя корней вращалось колесо жизни и смерти. Я отождествился со всем, что меня окружало. Мой дух растворился в мире, стал светом, веяньем ветра и запахом хвои, пением птиц, музыкой ветвей. Я пережил сатори. Освободился от пут кармических влечений, от гнёта прежних поступков, совершённых в погоне за видимостью; вырвал свою мысль из круга сансары – из мира борьбы, раздора, неразрешимых противоречий.

Отныне не будет – ни меня среди вас, ни Долины Тишины вне меня. Исчезнет двойственность бытия – пребудет только единая вселенная.

Клятва

станислав леон маховяк

клянусь корнями деревьев
что никогда тебя не покину
земля
моя последняя надежда

День поминовения

антоний слонимский

Чем кончится твоя история?
Песком сухим, а может, глиной?
Или визитом в прозекторий
И впрыскиваньем формалина?

Так или эдак с почвой вязкой
Ты заключишь союз унылый.
И будет нежной, вечной связь та –
Химическая связь с могилой.

Вызов

ян сохонь

Это ничего, что ты еле дышишь,
что ночь не приносит облегчения,
что твоё тело влачит всю
тяжесть мира.

Это ничего, правда, ничего:
ведь боль в тебе молится
о радости.

Это ничего, что ты еле дышишь,
Это ничего, что ты умираешь.

*** * ***

анна чахоровская

Одно мгновенье
одно дыханье
Последний
вдох без эха

И ты уже всё и ничто
Везде и нигде
Вновь частица
вселенной

Великопостные размышления

юзеф баран

нет ничего легче
чем искусство умирать
да и что это в конце концов за искусство
если от сотворения мира
нет никого кто бы его не освоил:
дурак и гений трус и герой мотылёк и вол
миллионы обезьянионы тех кто ничуть не умней меня
так чего тут бояться

ведь всем буквально всем удалось умереть
смерть выскакивала как туз из рукава
в самый неподходящий момент
хотя всю жизнь против неё плели заговоры
отрицали её и душой и телом

так почему же когда я думаю о ней
дух захватывает
кружится голова
будто сижу на Высочайшей Вершине
и цепенею от страха глядя вниз
в бездонное ничто

ведь все кто через неё прошёл
куда-то на ту сторону
с незапамятных времён пытаются нас убедить
что нет ничего проще чем оказаться там
мол отвыкает человек от себя за один выдох

и вот он уже снова – всё
как до рождения
или снова – ничто
уж это один Бог знает

*** * ***

ян твардовский

Скоро мы встретимся вновь
на сей раз
без учёных дипломов
без газет и открытий
без доказательств бытия Божия
без квитанций
программ и славы земной

по ту сторону жизни
по ту, тёмную сторону сердца
по ту сторону теорий

Врата

станислав сконечный

А просто время вечно –
вот мы и умираем,
но нет конца и края
той жизни быстротечной.

Нам нет нигде покоя,
а смех звучит отважно,
но это всё не важно –
падём на поле боя.

Мы слеплены из глины,
нам суждено недаром
всё то, в чём мы повинны,
и то, в чём наша кара.

Но мы о том не знаем –
всё тайна в час рожденья,
и лишь вода играет
у врат всесотворенья.

* * *

юзеф баран

рассвет опять
швырнул меня на берег
как раковину
из бурлящего океана

в голове
всю ночь шумело
Вечностью и Снами

всё смешалось со всем
все были всеми
и не было нелепого деления
на мёртвых и живых...

Кто выбирает одиночество

рышард крыницкий

Памяти Тадеуша Пайпера

Кто выбирает одиночество – не будет одинок.
Кто выбирает бездомность – тому будет крышей небо.
Кто выбирает смерть – не перестанет жить.
Тот, кого выберет смерть, – умрёт,

и только.

* * *

вацлав бурыла

На самом деле
умирает только смерть

жизнь
кончается воскресением

Когда покину этот мир

станислав выспянский

1

Когда устану жить на свете,
какую песню буду петь я?
Какой мелодией застыну?
И так я мир давно покинул.

2

Уже давно я не тоскую
о том родимом, что утратил.
Печали больше не рискуют
красть – всё и так давно украдено.

3

Давным-давно уж позабыл я
мечту о незабвенном рае.
Живу, чтоб помнилось, что жил я...
там, над рекой, в каком-то крае...

4

Там, над рекой, в каком-то месте,
где клялся я в любви невесте,
где дом построил ради милой,
что станет ей и мне – могилой.

5

Над той могилой, общим домом,
осенним вихрем будет сломан
засохших веток хрупкий строй
дождливой, сумрачной порой.

6

Я и в могиле буду слушать,
как ливень туго бьёт по лужам, –
так дождь я слышу за стеною – –
и знаю: вновь глаза открою.

7

Пускай же утром солнце светит,
и тёплый свет на землю льётся.
Пускай на гроб приходят дети –
один, быть может, рассмеётся.

Море и человек

анна свирщинская

Моря не покоришь
ни смирением, ни восторгом.
Зато ты можешь расхохотаться
ему в лицо.

Смех –
открытие тех, кто
живет недолго,
как смех.

Бессмертное море
не умеет смеяться.

Лес

станислав сконечный

Увы, мы ничего не значим
для времени – как птицы, снег
или деревья. Люди с плачем
выходят на последний брег.

Земля несётся по орбите,
от зноя высохла вода.
В трудах, в гордыне – поглядите:
влачатся люди в никуда.

На свете после них не будет
уже ни ночи, ни камней.
Играет на небесном блюде
грядущих бурь кровавый змей.

Безвременье, безмолвье... Скверно.
Повсюду темень – до небес.
Печальным взглядом смотрит серна:
не будет леса, где был лес.

Поле боя

эмиль беля

Армия горя
Разбила армию счастья.
Вот и вся жизнь.

Отлёт

франтишек валицкий

О, облака мои, тучи...
бабочки белые – ангелы,
заберите меня отсюда
хоть на миг – это надо мне.

Возьмите вы меня по́д руки,
ангелы облаков.
Мне бы на ваших крыльях
лететь, лететь – высоко...

Горсть медяков

юзеф баран

всего ничего –
вот и всё что теряю я

когда-нибудь
легкой рукой
я швырну
прямо в вечный покой
эту горсть медяков
бытия

*** * ***

анна островская-яхимек

Какой мир меня ждёт?
Интересное странствие...
Даже если ждёт ничто, то и так
стоило жить.

Просьба отца к сыну

эмиль беля

Не поддавайся моде.
Не слушай ничьих советов.
Неси свой собственный крест.

Без причины

чеслав милош

Да будет благословенна
Жизнь что не удалось
И да пребудет радость
Там где нет для неё причины

Поражённый живой красотой
Зенитом вечной весны
Я воспарю над собой
И над своим отчаяньем

Какая горькая мощь
Сколь велика благодарность
За всё что обретено
В час утраты

*** * ***

эдвард стахура

Пока иду – пишу,
Пока пишу – иду,
И то и другое – песня.

Жизни конец (похоже),
Но не дороге (ей-богу)!
Пока иду – не исчезну,
Превращусь в дорогу.

* * *

збигнев дмитроца

Жить этим днём
быть в нём а он да будет в нас
вечностью в каждой секунде
да станем
мы им а он нами
да будет в едином взгляде
сразу всё
да ощутит единое дыханье
все выдохи и вдохи до и после нас
да будет: есть
да есть: оно
единственное время
бытия

* * *

мирон бялошевский

а когда жизнь выйдет из моды
и сомкнутся воды
с серостью
и огнём
былое убив без боли
слово начнётся
снова
и вылижет нас из глыбы небытия
корова
которая ся
найдёт
сама
?
которую ся
найдёт
само
?

Шмель

эрвин крук

С теченьем лет
Земное притяжение всё слабее.
Нет его. И неба нет.
Есть только ветер,
Пронизывающий насквозь.
А сердце, прежде такое мятежное,
Стихает,
Как сад,
В котором поёт заблудившийся шмель.

* * *

мачей немец

Глаза мои будьте отважны
мысли будьте отважны
сердце будь отважно –
это снова жизнь, день
состоящей из дел
которых не примирить
но может быть жизнь –
                что-то большее чем они

Ещё один глоток

станислав мисаковский

Не печалься
что я на краю земли
прикован
к виску скалы

ещё один глоток света
и меня переварит
седьмое небо

не плачь
это просто ускоренное
кровообращение
времени

Лёгкой походкой

анна свирщинская

Когда я соберусь уходить,
пусть мои руки будут чисты
и слёзы
не пачкают их.

Пусть мои ноги будут легки
и цепи бед
не влачатся за ними.

Чистая,
лёгкой походкой
я уйду в невесомость и чистоту.

Последняя сцена

тадеуш сливяк

Памяти Збышека Цыбульского

Дни поражений дни погонь
рубил он четырьмя ветрами
прорвавшись к выходу огонь
хватал он голыми руками

За что простить просил он нас?
Он словно розу нёс кому-то
Под каблуком окурок гас
...Что дальше? – Это всё как будто

Висел над полем кислый дым
рассвет вставал из мокрой гари
и в обе стороны под ним
бежал по рельсам отсвет зарев

Вот вам последняя из сцен
потом – засвеченное фото...
Конец Das Ende Fin The End
...он так хотел нам крикнуть что-то...

* * *

збигнев дерда

я пишу:
дерево
и боюсь
что его повалит ветер
вырвет с корнем
выроет яму
и потому я пишу:
ветра нет
хотя точно знаю
– ветер есть

В поле

эдвард стахура

Было лето. Золотая летняя пора, не посреди лета, не в самой его середине, не точно между одной и другой половиной его, а в самом начале второй половины или даже чуть-чуть попозже. Я несколько раз проверил. Был полдень. Ранний час пополудни.

Где мог я быть в такое время дня и года? Где я мог очутиться в это золотое время? А был я там, где и должен был быть. Там, где и следует быть, где лучшее место в такое время. Потому что и мне, и мне иногда выпадает великое счастье. Я был в поле. О, я не буду рассказывать вам, где был вчера, где спал в эту ночь, и почему спал так мало, и как очутился, внезапно и неожиданно, в золотом поле в это золотое время. Не буду рассказывать, голоден я или не очень, и чего ищу, и куда иду, и что меня гонит. Об этом я не должен говорить. Совесть моя чиста. Но я должен сказать о том, как было в поле. Как было в поле. Бескрайняя, безмятежная тишина разливалась над стернёй и над лугом. Нечеловеческим покоем пронизан был нагретый воздух. Сама совесть его. Я себя знаю и знаю – совесть моя чиста, но не могло быть и речи о том, чтобы равнять себя с этим покоем. Он был и живой, и мёртвый сразу, или, пожалуй, он был как покой младенца, едва только родившегося и уснувшего первым своим, неповторимым сном. Ведь второй сон, наверно, уже совсем не такой. Это сон повторимый. Потому что между первым и вторым сном младенец успевает узнать, что такое голод. Я пытаюсь что-то сказать о нём, об этом покое, царящем в ранний час пополудни, я стараюсь, но о нём, о покое, рассказать почти невозможно, хотя, я уже говорил, совесть моя чиста, и это должно было бы мне помочь. Слиться одно с другим. Но может

быть, я ошибаюсь. Может быть, попади сюда тот, у кого душа не на месте, он бы лучше сумел оценить этот покой. Если бы, скажем, здесь, в золотом этом поле, среди безмятежной тишины, оказался убийца. Как бы он воспринял этот покой? Он бы, должно быть, как никто другой оценил его, но нет, теперь я вижу и понимаю, что, наверно, всё-таки нет. Тишина прижала бы его к земле, обрушилась бы сверху, как бетонная плита, и раздавила бы его, он бы с ума сошел от этого покоя. А в воздухе носились бабочки, и разные букашки, и шмели, опускаясь то на васильки, то на маки, и воздух вокруг был наполнен звоном. Но покой был немыслимый.

И в этом поле я был. Я не буду рассказывать вам, где был вчера, не буду говорить, где спал сегодня ночью, и почему спал так мало, и что меня разбудило. Но я знаю, что говорю, когда говорю, что совесть у меня была бы не чиста, если бы я не сказал о небе, о том, какое там было небо. Какое оно было. Небо было точь-в-точь как то озеро, на котором я был с одним человеком, и он меня спросил «ну как?», а я только тихо покачал головой. Небо было такое же. Точь-в-точь такое.

И под этим небом я был. Ничего не буду рассказывать вам ни о прошлом моём, недавнем или далеком, ни о том, что случилось со мной этой ночью, и о будущем я не стану думать. Глубоких мыслей о будущем человечества тоже не будет. Я был в золотом поле в золотое время, под небом огромным и синим. Вот и всё. И на этом кончаю.

пришло время
сказало время и убежало

и с того времени
нет больше времени

Збигнев Росса

Ян Рыбович

МАСТЕР ИЗ МАСТЕРОВ

Мастер из мастеров не делает ничего, но он делает всё. У него нет имени, потому что все имена – его. Он был всегда, он есть и будет всегда. Его никто не видел и не увидит – так же, как зеркало никогда не увидит своего отражения.

Его невозможно ранить, как невозможно пробить дыру в воде. Его нельзя убить, как нельзя убить свет. Когда ты просишь, он даёт тебе всё, но он даёт тебе всё, и когда ты молчишь. Взамен он не просит тебя ни о чём. Ему не нужна благодарность, он не обидчив, и если ты оскорбишь его, он не накажет тебя. Он даёт тебе свободу во всём, он доверяет тебе. Он даёт тебе всё, ничего не беря взамен, ему не нужна благодарность.

Ты можешь сравнить его с восьмёркой, знаком бесконечности, или с лентой Мёбиуса, но это будет не он. Это будет всего лишь имя, в котором он тоже есть.

Если ты захочешь подойти к нему, он исчезнет, но если ты забудешь о нём, он вернётся и встанет рядом – может быть, всего в двух шагах от тебя, но всегда чуть поодаль, на одном и том же расстоянии.

Он страх, но он не страшен. Он горе, но он не плачет. Он смерть, но он не умрёт.

Он окружил тебя со всех сторон, но не взял в неволю. Он – сила, которая вдавила тебя в землю, но ты не чувствуешь этого.

Ты усомнишься, и вдруг явится вера. И ты уверуешь, и тогда явится сомнение. Он – не вера и не сомнение. Он – есть. Он – в середине, но сам он – не середина.

Тебе скажут: «Он там!» – и ты пойдёшь, чтобы найти его и увидеть, но обойдя весь мир, вернёшься туда, откуда пришёл, так и не увидев его. И снова будешь читать учёные книги и расспрашивать людей. Но в книгах ты его не найдёшь, а люди обманут тебя, и тогда, отчаявшись, ты перестанешь искать. «Да ведь это всё равно, есть он или его нет!» – скажешь ты.

И тогда он придёт.

Он появится внезапно, как случайно найденное сокровище. Ты скажешь: «А, это ты!» – и он тут же исчезнет, хотя и останется в тебе. Но другим ты не сможешь рассказать о нём: ты будешь рассказывать, но никто тебе не поверит. Даже те, кто так же, как ты, видел его. Они сделают вид, что не знают, о чём идет речь.

СДЕЛАНО В ШОТЛАНДИИ

встать вверх –
в небо – ногами

оттолкнуться
и улететь

Мирон Бялошевский

Что тут есть и как всё устроено

Вы посетили сложившееся за тридцать с лишним лет (1977-2008), пополняемое и ныне, частное собрание произведений польской поэзии XX века в переводе коллекционера на его родной язык. Каталог собрания – «Указатель авторов и источников» – близок к полноте (около 1700 единиц), в немногих случаях нарушенной из-за невозможности библиографически отождествить оригиналы, имеющиеся в архиве или утраченные (авторство при этом достоверно). По большей части произведения переведены полностью, с бережным вниманием к их достоинствам. В ничтожном меньшинстве случаев я позволил себе вмешаться в композицию текста – так возникали сокращённые переложения и парафразы (что всякий раз оговорено в сноске) – или сознательно изменить смысл (невольные искажения неизбежны). Две трети текстов публикуются впервые. В собрание включены также практически все мои «польские» стихотворные переводы, напечатанные в периодике (1988-2008; кроме почти всего, сделанного по заказу журнала «Новая Польша»), и скупо отобранные переводы из книг. Другие работы (их, наверно, было «ещё столько да ещё полстолька») опубликованы в книгах, для которых пришлось перевести больше, чем хотелось (во имя целого почти всегда оказывалось неизбежным отступление от идеального принципа – переводить только то, что хотел бы написать сам). Вот список этих изданий:

Польские поэты: А. Свирщинская, Т. Ружевич, М. Бялошевский, А. Бурса, Э. Стахура. М.: Радуга, 1990; *[Поэтическая серия «Коллекции польской литературы» издательства »Вахазар« (М.)]: [1] С. Мисаковский.* Я не сказал: Сочинения в стихах и прозе, 1957-1990. 1992; *[2] Я. Рыбович.* Страна Наоборот: Стихотворения и проза, 1976-1990. 1992; *[3] Польская поэзия: XX век. Антология*:* В. Шимборская, Я. Твардовский, З. Херберт, Т. Карпович, Т. Глюзинский. 1993; *[4] Ч. Милош.* Так мало и другие стихотворения, 1934-1990. 1993; *[5] К. Войтыла.* Крипта: Избранная поэзия, 1939-1978. 1994; *[6] Польская поэзия: XX век. Антология**:* Э. Липская, Р. Воячек, Ю. Баран, Л. А. Мочульский, С. Бараньчак. 1995; *[7] Польская поэзия: XX век. Антология***:* В. Ворошильский, С. Гроховяк, Т. Новак, Э. Брылль, Я. М. Рымкевич. 1999; *[8] С. Е. Лец.* [Набросок Небытия:] Избранные сочинения, 1933-1966. 2000; *[9] С. Е. Лец.* Непричёсанные мысли. 2003; *[10] Ц. К. Норвид.* Пилигрим, или Последняя сказка: Стихотворения, поэмы, проза. 2002; *[11] К. И. Галчинский.* Фарландия, или Путешествие в Темноград: Поэзия,

театр, проза. 2004; *[12] Б. Лесьмян.* Безлюдная баллада, или Слова для песни без слов: Поэзия, театр, проза. 2006; *[13] Ю. Тувим.* Фокус-покус, или Просьба о пустыне: Поэзия, театр, проза. М., 2008; *[14] В. Броневский.* Два голоса, или Поминовение: Поэзия, проза. М., 2010 [В печати]; *[«Польско-русская поэтическая библиотека» издательства »Вахазар«]: [1] A. Zaniewski. А. Заневский.* Tylko tych kilka twarzy... Только эти несколько лиц... 2003; *[2] S. Misakowski. С. Мисаковский.* Zmarznięta ziemia. Замёрзшая земля. 2004; *[3] J. Rybowicz. Я. Рыбович.* Dobra wiadomość. Хорошая новость. 2005; *[4] T. Gluziński. Т. Глюзинский.* Za co giniemy. За что мы гибнем. 2007; *[5] A. Bursa. А. Бурса.* Uśmiech podgardla. Улыбка горлом. 2006; *[6] E. Stachura. Э. Стахура.* Gdziekolwiek jesteś. Где бы ты ни был. 2006; *[7] M. Białoszewski. М. Бялошевский.* Wypadek z gramatyki. Выпадение из грамматики. 2007; *[8] S. Grochowiak. С. Гроховяк.* Po ciemku. В потёмках. 2009; *[9] T. Nowak. Т. Новак.* Krótka szyja. Короткая шея. 2009. Кое-что из перепечатанных и не перепечатанных здесь переводов разбросано по другим книгам, среди которых: *Юлиан Тувим*: Биобиблиографический указатель. М., 1989; *Ст. П. Виткевич.* Сапожники. М., 1989; *Я. Рыбович.* Выход из тьмы. М., 1990; *[«Коллекция польской литературы» издательства »Вахазар«]: Д. Ольбрыхский.* Поминая Владимира Высоцкого. 1992; *С. Мрожек.* Как я сражался и другие не менее удивительные истории из разных книг и журналов, 1951-1993. 1995; *Ст. П. Виткевич.* Дюбал Вахазар и другие неэвклидовы драмы. 1999; Метафизика двуглавого телёнка и прочие комедии с трупами. 2001; *С. Мрожек.* Тестариум: Избранные пьесы и рассказы. 2001; *Ст. П. Виткевич.* Наркотики; Единственный выход. 2003; Ненасытимость. 2004; Безымянное деянье и остальные сферические трагедии. 2005.

В книге показана вся коллекция – без оценочной сортировки экспонатов, без распределения на «залы» и «запасники»*. В качестве названий частей использованы образы поэзии Т. Карповича и Т. Ружевича. Заглавия разделов части I заимствованы из входящих в них, а разделов части II – из открывающих их стихотворений. Антология построена по двум жанровым принципам; под одной обложкой фактически – две книги, объединённые взаимодополнительностью материала и частичным пересечением имён. Часть I – «Антология поэтов» – это мини-избранное 68 авторов. Порядок разделов соответствует хронологии знакомства коллекционера с творчеством поэтов (кроме нескольких последних имён это 1970-1980-е годы); открывают и замыкают часть I имена, которые сопутствовали его переводческой работе от истоков. Часть II – «Антология стихов» (и немного – прозы) – разбита на 12 разделов (циклов, родственных по темам и настроениям, но различных по доминантам). Её составили стихотворения ещё двух с половиной сотен поэтов, а также большинства авторов части I; сюда вошли и миниатюры в прозе (в основном написанные теми, кто присутствует в книге в качестве поэтов). В списках на шмуцтитулах части II при совпадении фамилий авторов, указаны инициалы тех, кто младше. В книге представлена примерно десятая часть имён из картотеки учтённых мной

* Кроме текстов, приведённых в антологии, в коллекцию полностью входят книги С. Мисаковского и Я. Рыбовича, выпущенные издательством »Вахазар«.

индивидуальных сборников польских поэтов. «Содержание» отражает расположение частей и разделов антологии; «Указатель произведений» сообщает о последовательности текстов внутри разделов.

«Пропуск» в часть I – наличие в собрании не менее десяти произведений данного автора. Почти все эти поэты – в разное время и по разным причинам – произвели на меня впечатление как художественные индивидуальности. Сила впечатления была различна, как и сложность отбора вещей для перевода (у одних существенных текстов гораздо больше, чем вошло в антологию, для других десяток – субъективно ощущаемый мною условный предел). Каждое стихотворение части II – не менее необходимый фрагмент целого, чем каждое стихотворение части I. Присутствие поэта (и степень этого присутствия тут или там) обусловлено значимостью его поэзии лично для меня. Единственный критерий отбора – совпадение настроений, ориентиров, пристрастий, а значит – состоявшаяся встреча (и желание сохранить память о ней). Сложившиеся в коллекции авторские блоки могут – по сути и пропорциям – не соответствовать общей картине творчества отдельных поэтов. Родившееся пространство смысла – вне заданности: это образ восприятия, стихийно сформировавшийся по ходу отдельной жизни и не подлежащий рассудочной корректировке. Возникла ли объективность – как равнодействующая этой рассредоточенной во времени произвольности? Не в большей ли мере, чем душевно-духовный облик польской поэзии, собрание отражает психическую физиономию собирателя? Не мне судить, да и не важно.

В оформлении антологии использованы фрагменты живописных работ Анджея Врублевского «Земля», «Солнце и другие звёзды» (1948; 1, 4 с. обложки) и визуально-словесной композиции Станислава Дружджа «Песочные часы» (1967; форзац, нахзац), линогравюра Ежи Панека «Без названия» (1940; шмуцтитулы – с. 19, 435), а также оптический фольклор (обложка, форзац, нахзац, шмуцтитулы – с. 11, 985, 1038).

Посвящаю эту открытую коллекцию тем, кто – умея смотреть честно – видел глубже и дальше, чем я, а ещё – детям, моим и не моим (в книге есть несколько выплесков эпатажного цинизма, но нет ничего оскорбляющего душу, а кое-что может оказаться целительным). Склоняюсь перед памятью тех, кому обязан всем: отца – Бориса Аркадьевича Базилевского, когда-то исподволь направившего меня к славянской поэзии, и мамы – Аллы Кузьминичны Базилевской, которая вовремя сказанным точным словом помешала прервать работу.

За бескорыстную помощь в издании сердечно благодарю Марию Солтык и её коллег. Книга безгонорарная. Каждый автор (его наследник или группа таковых) получает в качестве вознаграждения один или два (если тексты присутствуют в части I) авторских экземпляра. Остатки тиража безвозмездно передаются в библиотеки и дарятся друзьям. Ввиду невозможности проинформировать всех, чьи произведения включены в антологию, прошу заинтересованных лиц обращаться за экземплярами по электронному адресу: wahazar@rambler.ru.

А. Базилевский

Указатель авторов и источников

Фамилии авторов даны в едином алфавитном ряду, охватывающем обе части антологии (курсивом выделены номера страниц части I). Сокращения: B. – Białystok; By. – Bydgoszcz; C. – Częstochowa; G. – Gdańsk; K. – Kraków; Ka. – Katowice; Kie. – Kielce; Ł. – Łódź; L. – Lublin; O. – Opole; Ol. – Olsztyn; P. – Poznań; Rz. – Rzeszów; Sz. – Szczecin; T. – Toruń; Ta. – Tarnów; W. – Warszawa; Wr. – Wrocław.

Марта Алюхна–Эмельянов. Marta Aluchna–Emelianow. 1906–1991
C. 797
Gra w zielone // Popiół i proch. P., 1964.

Ирит Амиэль. Irit Amiel. 1931–
C. 938
Mój ojciec // Egzamin z zagłady. Ł., 1994.

Влодзимеж Антковяк. Włodzimierz Antkowiak. 1946–
C. 478
Dojrzewanie // Po co te gwizdy. G., 1980.

Ежи Афанасьев. Jerzy Afanasjew. 1932–1991
C. 457, 540, 541, 549, 611, 722, 781, 944
Rym; Nr // Gałązka światła. W., 1962; Dusza oprawcy // Rozumny rogacz. K., 1964; Gość języka // Przedmieście Nigdy. K., 1968; Zdziwienie // Chimery. G., 1976; Wyznanie // Relief. K., 1985; Atak; Wódz; Zapach ziemi // Lustro porosłe mchem. K., 1985.

Зофья Бадура. Zofia Badura. 1954–
C. 646
Psy // [Źródło nie ustalone].

Станислав Балинский. Stanisław Baliński. 1899–1984
C. 565
Iluzje // Liryki najpiękniejsze. T., 1999.

Юзеф Баран. Józef Baran. 1947–

С. *288-235*, 462, 471, 480, 491, 494, 577, 578, 633, 641, 674, 747, 755, 769, 791, 807, 875, 880, 892, 894, 931, 934, 940, 946, 949, 954, 956, 959

Spotkanie; Obce miasto // Nasze najszczersze rozmowy. K., 1974; Kapelusz; Zabawa; Jak tylko; Taca; Dopóki jeszcze; Marsz o zachodzie słońca // Dopóki jeszcze. W., 1976; Małe zaćmienie słońca; Padlina; Pełny los; Miasto faryzeuszy; Samo życie; Przeprawa; Nic; «W moich palcach...» // W błysku zapałki. K., 1979; Pochwała zapominania // Pędy i pęta. K., 1984; Ten który poległ; Walka o pokój // Skarga. G., 1988; Przebudzenie // 115 wierszy. K., 1994; «coraz częściej myślę...»; Wyścig; Poezja naszych czasów; Rozmyślania wielkopostne // Majowe zaklęcie. K., 1997; Śni mi się mama; Pod zielonym drzewem życia; Przez moment; Sen – wyciek wieczności; Szachy w krakowskim Domu Matejki; «uwięziony w lustrach...» // Dom z otwartymi ścianami. W., 2001; Strącenie // Najdłuższa podróż. W., 2002; Widok z lotu okna szpitalnego; Przez świat idące nawoływanie; «śmierć mi w oczy zajrzała...»; Wina; «Jak niewiele potrzeba biedakowi do szczęścia... « // A wody płyną i płyną. T., 2004; Lot // Taniec z ziemią. P., 2006.

Марцин Баран. Marcin Baran. 1963–

С. 869

A teraz jutro // Trylogia. Legnica, 1999.

Станислав Бараньчак. Stanisław Barańczak. 1946–

С. *140-144*, 439, 453, 524, 531, 615, 626, 632, 737, 808

Spójrzmy prawdzie w oczy; I tylko ten świat bólu // Jednym tchem. W., 1970; Wyciągnęliśmy właściwe wnioski; Plakat; Protokół // Dziennik poranny. P., 1972; N.N. rozmyśla o dalszych perspektywach; N.N. zapisuje coś na odwrocie pudełka z papierosami; Piosenka z megafonu // Sztuczne oddychanie. Londyn, 1978; Ugryź się w język; To się nie mieści w głowie; Daję słowo że nie ma mowy; Zbiorowy entuzjazm; Określona epoka; Tłum który tłumi i tłumaczy // Ja wiem, że to niesłuszne. Paryż, 1977; O dalszy pomyślny; Pan tu nie stał; Przepraszam, kto jest ostatni // Tryptyk z betonu, zmęczenia i śniegu. Paryż, 1981; Przywracanie porządku [I]; Garden party // Atlantyda i inne wiersze. Londyn, 1986; Płakała w nocy, ale nie jej płacz go zbudził // [Źródło nie ustalone].

Генрик Бардиевский. Henryk Bardijewski. 1932–

С. 570, 612, 621, 628, 661, 663

Nikt; Neutralność; Gdy zabraknie kamieni; Mój prezydent; Niewidzialny; Okrągłość // Czekanie na znak. W., 1985.

Марек Батерович. Marek Baterowicz. 1944–

С. 648

Sylogizmy [I–IX] // Z tamtej strony drzewa. Melbourne, 1992.

Кшиштоф Камиль Бачинский. **Krzysztof Kamil Baczyński.** 1921–1944

С. *241-246*

Ballada o pociągu; Piosenka; Zwierciadło; «Stąd: niebo jest duże jak niebo południa…»; Wieczory; Modlitwa I; Modlitwa III; «Ciężkie słowo, ale

przecież lżejsze…»; «Matko, nie ma już dni, które nas rozdzielą…»; Tego dnia; Wyzwanie // Utwory zebrane. T.1. K., 1971.

Эмиль Беля. Emil Biela. 1939–
С. 485, 757, 879, 904, 914, 959, 960
Patrycjusz // Mity Izydy. W., 1968; Nowa prawda teologiczna; Oczy Aniołów; Podstępny los; Pobojowisko; Przewrotne prośby ojca do syna // Haiku. W., 2000; Anioł stróż Pana Boga // Poblask słowa. P., 2006.

Яцек Березин. Jacek Bierezin. 1947–1993
С. 661, 753
Tramwaje // Wam. Paryż, 1974; Język gestów // Tyle rzeczy. Paryż, 1990.

Ян Бжехва. Jan Brzechwa. 1898–1966
С. 555
Zero // Wiersze wybrane. W., 1959.

Янина Бжостовская. Janina Brzostowska. 1897–1986
С. 485, 567, 871
W ich świecie // Naszyjnik wieczności. W., 1939; Gasną sztuczne metafory // W., 1964; Fałszywe oskarżenia // Szczęścia szukamy. W., 1974.

Кшиштоф Билица. Krzysztof Bilica. 1946–
С. 791
[Aforyzmy] // Słownik wyrazów własnych. W., 1995.

Анджей Бискупский. Andrzej Biskupski. 1938–
С. 561
Noc w szpitalu // Mój głos zewnętrzny. Ł., 1970;

Мачей Зенон Бордович. Maciej Zenon Bordowicz. 1941–
С.
«Gdy cię upokarzają, myśl o tym...» // [Źródło nie ustalone].

Тадеуш Боровский. Tadeusz Borowski. 1922–1951
С. *13-18*, *120-124*
O poezji i poecie; Początek ewangelii; Wiersz noworoczny; «Jeśli umarłaś, to pamiętaj...»; Projekt sztandaru; «Na cóż ja czekam? Przyjdzie świt...»; Pejzaż emigracyjny; «Ja za walkę nie chcę orderu...»; *** Do pamiętnika; «ani wiersz, ani proza...»; «Ja wiem, że w wiecznym kole przemian...» // Poezja. W., 2003.

Катажина Борунь. Katarzyna Boruń. 1956–
С. 743
List do przyjaciół zamiast manifestu // Życie codzienne w Państwie Środka. W., 1983.

Мирослав Борушевский. Mirosław Boruszewski. 1942–
С. 459, 816
Ryba; Poranek // Krew i czekolada. Ł., 1977.

Роман Брандштеттер. Roman Brandstaetter.1906–1987
С. *328-339*
Chrystus przechadza się po jeziorze // Pieśń o moim Chrystusie. W., 1960; Przypowieść o gościnnym gospodarzu; Przypowieść o człowieku i jego wierze; Madonna ateistów // Poezje. W., 1980; Litania do Ducha Swiętego; Modlitwa bez słów; Apostrofa do świętej Weroniki; Litania do świętego Antoniego; Litania o zbawienie od głupoty // Księga modlitw. P., 1985; Psalmy żałobne o śmierci mojej żony: 11. «Była mym domem...» // Księga modlitw dawnych i nowych. P., 1987.

Мечислав Браун. Mieczysław Braun. 1902–1942
С. 922
Moja modlitwa // Rzemiosła. W., 1926.

Владислав Броневский. Władysław Broniewski. 1897–1962
С. *50-53*, 837, 893
Dwugłos // Bagnet na broń. K., 1946; Cisza // Poezje. W., 1957; Ociemniały; «Po co chwytać za smyczek...» // Wiersze i poematy. W., 1962; «Ani mi grały trąby złote...» // Poezje zebrane. T.1. Płock; T., 1997; Szczęście; «O świcie niektórym się zdaje...» // Poezje zebrane. T.3. Płock; T., 1997; Zajączki; Dębowe liście; Zaduszki; Kominiarz; «Lećmy gwiazdeczki, lećmy kwiatki...» // Poezje zebrane. T.4. Płock; T., 1997.

Мария Брониковская. Maria Bronikowska. 1922–1998
С. 748
O tobie // Korczak w legendzie poetyckiej [Antologia]. W., 1992.

Эрнест Брылль. Ernest Bryll. 1935–
С. *114-119*
Na szkle malowane [Fragmenty]: [1] «Jak harnaś umierał...»; [2] «Śmierci moja, śmierci...» // Na szkle malowane. W., 1970; Kolęda // Piołunie piołunowy. W., 1973; Wołaniem wołam cię // Wołaniem wołam cię. W., 1974; «W tym wietrze co jak rzeka zgęstniał ponad nami...»; Ciemność // Zwierzątko. W., 1975; «Wszystko, co połamane, wdeptane do ziemi...» // Ta rzeka. W., 1977; «A może myśmy już umarli...»; «Niby w nas światła tyle...» // Sadza. W., 1982; «Był sobie kraj i już go więcej nie ma...» // Pusta noc. W., 1983; Powoli; A ma duszę nasz dom // Jezioro kałuża. T., 2003.

Анджей Брыхт. Andrzej Brycht. 1935–1998
С. 562
Wojna o sytość // Czas bez Marii. W., 1961.

Анджей Бурса. Andrzej Bursa. 1932–1957
С. *209-213*, 448, 492, 495, 534, 559, 569, 580, 581, 593, 625, 719, 723, 724, 725, 728, 729, 731, 737, 739, 761, 755, 802

Malarstwo obłąkanego: [I] «Rozmawiają ze mną uprzejmie...»; Języki obce; Nic; Nadzieja; «Doktor C bogacz i cudotwórca...»; Nauka chodzenia; «przecież znasz wszystkie moje chwyty...»; «Jaki miły i mądry facet...»; Mowa pogrzebowa; Pasterz; Kasjer; Kopniaki; Uwaga dramat!; Kat; Sylogizm prostacki; Pantofelek; Pedagogika; Dobry psychiatra (wiatroaeroterapia); Ostatni promyk nadziei; Bajka; Koń; Szachy; W barze // Wiersze. K., 1958; Warszawa – Fantom; Skarżypyta; Pijany; Mason; Dyskusja z mądrym; Wisielec; Uśmiech podgardla // Utwory wierszem i prozą. K., 1969.

Вацлав Бурыла. ks. Wacław Buryła. 1954–
С. 471, 599, 915, 956
«Powołałeś nas do radości...» // Chodzenie po ziemi. Wr., 1993; «To tylko śmierć...» // Okolice cierpienia. K., 1997; «biali omijają czarnych...»; «słucham jak narzekają...» // Witraże chwil. K., 2000.

Мечислава Бучкувна. Mieczysława Buczkówna. 1924–
С. 776
Czarne i białe // W podwójnym słońcu. W., 1957.

Мария Буянская. Maria Bujańska. 1943–1999
С. 523, 557, 677, 690, 708
Swiatło ostrzegawcze; Uwaga!; Postęp; Rachunek; Eksponat // Muzeum zatrzymanego ruchu. K., 1991.

Хелена Быховская. Helena Bychowska. 1909–1959
С. 800
Szczęście // Poezje. T., 1969.

Барбара Бяловонс. Barbara Białowąs. 196?–
С. 555, 560, 633, 640, 680, 687
«Konsumenci towarów, usług, informacji...»; Biały barbarzyńca; Nie tylko o obłoku // Droga Eremity. W., 1997; Mowa Wodza Indian Seattle; «Zabijamy na różne sposoby...»; Na krawędzi // Obca bliskość. W., 2005.

Мирон Бялошевский. Miron Białoszewski. 1922–1983
С. *46-49*, 446, 452, 454, 463, 466, 585, 630, 656, 697, 727, 751, 771, 790, 815, 817, 935, 939, 961, 970
O obrotach rzeczy; Liryka śpiącego; Szare pytanie; Autoportret odczuwany; Autoportret radosny // Obroty rzeczy. W., 1956; Obierzyny (1); Wypadek z gramatyki; Hazardzistka // Rachunek zachciankowy. W., 1959; o sobie rosnąco; «domyślam się domyślam...»; «u» zła litera; roztopienie się we mnie cytatu; głos przebudzającej na poczekaniu na mąż 28 lat jawy z nim w nocy; zajście pantoflami; a to już; !o!; «Nadaję się do powieszenia...»; pies pożegnany; hepyent 2 // Mylne wzruszenia. W., 1961; Zanoty // Było i było. W., 1965; «ten dzień przechylił się...»; Wyglądanie przez pręty // Odczepić się. W., 1978; «w pokoju chodzę w koło po kwadracie...»; «po nitce zaglądam w kąt...»; «otworzyłem drzwi mokre od świateł...»; «stanąć do góry nogami...»; «może najwięcej prawdy jest w domysłach...»; Domysły // Wiersze wybrane i dobrane. W., 1980; «a kiedy życie wyjdzie z mody...»;

Odczyt Kici Koci; Piosenka Kici Koci do stanu wojennego // Oho. W., 1985.

Марек Вавжкевич. Marek Wawrzkiewicz. 1937–
С. *352-357*, 883
Lekcja anatomii // Ultima Thule. W., 1967; «Jak ten dom bezlistnie pustoszeje...» // Wybór wierszy. W., 1982; Dom // O miłości. W., 1990; 10 rad dla facetów po sześćdziesiątce // Każda rzeka nazywa się Styks. T., 2002; «Niestety, nie dolecę do tamtego brzegu...»; «Zaszedłem do tego życia na moment...» // Smutna pogoda. T., 2003; «A o poranku, nad jeziorem...»; Przechodniu, powiedz; Pióro; Wyroki // Coraz cieńsza nić. W., 2005; «Fotografia kłamie. Moja matka...» // Ostateczność. Kie., 2006.

Анджей Важеха. Andrzej Warzecha. 1946–
С. *308-311*, 575
Biografia; Ikar; Koło; Osoba; Panika; Ręce; Z zawiązanymi oczami // Błędny ognik. K., 1982; Pytania wielkanocne // Matka atlety. K., 1995; Kim jestem; Co do milimetra // Rodzinny telewizor. K., 1977.

Бронислава Вайс-Папуша. Bronisława Wajs (Papusza). 1908–1987
С. 852, 853, 870
Na stepie zabity // Pieśni. Wr., 1956; Las; Przychodzę do was // Pieśni mówione. L., 1973; Lesie, ojcze mój // Lesie, ojcze mój. W., 1990.

Францишек Валицкий. Franciszek Walicki. 1921–
С. 959
Odlot // Szukaj, burz, buduj. W., 1995.

Гжегож Вальчак. Grzegorz Walczak. 1941–
С. 491, 707
Elegia grudniowa [4]: «Która ręka zabija...»; Nieintegracje // Autoportret z przeszłości. W., 1989.

Анджей Вархал. Andrzej Warchał. 1945–
С. 545, 622, 637, 664, 665, 666
Desant; Ewolucja; Zapora; Kataklizmy; Pochód; Narada // Zagęszczenie, czyli Opowieści futurologiczne. K., 1983.

Тадеуш Вежбицкий. Tadeusz Wierzbicki. 1952–
С. 500
syzyf // Nieboskłon. W., 1982.

Казимеж Вежинский. Kazimierz Wierzyński. 1894–1969
С. *263-270*, 510
Wieże kościane; Memento; Słowa // Siedem podków. Nowy Jork, 1953; Nekrolog; Wilki // Tkanka ziemi. Paryż, 1960; Przebity światłem; Alleluja // Kufer na plecach. Paryż, 1964; Przykazania; Apoteoza // Czarny

polonez. Paryż, 1968; Nie lękaj się; Schodzenie w dół // Sen mara. Paryż, 1969.

Игорь Вечорек. Igor Wieczorek. 1961–
С. 542
Podejrzenie // Słowo: Antologia uczestników XXXVI Warszawskiej Jesieni Poetyckiej. T., 2005.

Марцин Вечорек. Marcin Wieczorek. 1971–
С. 765, 822
Próżnia doskonała; Niepodległość tryptyków // Otwarcie. K., 2002.

Витольд Вирпша. Witold Wirpsza. 1918–1985
С. 544
My, pokolenie // Mały gatunek. W., 1960.

Станислав Игнаций Виткевич. Stanisław Ignacy Witkiewicz. 1885–1939
С. *429-433*, 531, 582, 672, 713, 722, 723, 758, 765, 773, 783, 787, 817
Artysta i znawcy; «Poza rzeczywistością...»; Sposób // Wiersze i rysunki. K., 1984; «Zabij ten lęk...» [Ewaryst z dramatu Tymbeusza «Hadassa»] // 622 upadki Bunga. 1909–1912; «...Historia naprzód czy na wspak...» [«jak mówi poeta»]; «O jakże dziwnym jest świat widziany przez oczy wariata...» [«"zły" kolega»]; «Nie zabrną me twory popod żadne strzechy...» [Sturfan Abnol]; «I pierwszego z brzegu przechodnia...» [«wiersz jakiegoś zagwazdranego pseudofuturysty»] // Nienasycenie. 1927–1929. Cz. II; «How horrible and true and strange...»; «Pusz się draniu, pusz się, pusz...» [Marceli] // Jedyne wyjście. 1931–1933. Cz. 2; «Zagadki same się zgadują...» + «Samotna jestem na tych Piaskach...»; «W głębinie nocy niepojętej...»; «Przyszedł raz do mnie Pan jaki nieznany...»; «Ostatnia stacja Rezygnacja minięta...»; «Zemsta przeznaczeń...»; «Potworny, samotny, zbłąkany łeb...» + «Przeszłość, ofiara mej zbrodni...» [Bellatrix] // Maciej Korbowa i Bellatrix. 1918. Akt I–IV; «Nad zrębem planety...» [Tumor Mózgowicz]; «A-a-a, kotki dwa...» [Rozhulantyna] // Tumor Mózgowicz. 1920. Akt I, III; «O wy, znikomo małe fakty...»; «Uczłowieczone bydlęta zaczęły...» [Józef Leon Girtak] // Bezimienne dzieło. 1920. Akt I, III; «Oto ja – oto on...» [O. Unguenty] // Gyubal Wahazar, czyli Na przełęczach Bezsensu. 1921. Akt III; «Ja czytam Biblię pod drzewem, a czas ucieka...» [Mieczysław Walpurg] // Wariat i zakonnica. 1922. Akt III <Dzieła. T. 1–7. W., 1992–2005>.

Эльжбета Войнаровская. Elżbieta Wojnarowska. 195?–
С. 806
«Delikatnie niczym złote jaskółki...» // Kosmogonia miłosna. P., 2005.

Кароль Войтыла. Karol Wojtyła. 1920–2005
С. *358-362*, 452, 789, 893, 923
[Pieśń o Bogu ukrytym. I. Wybrzeża pełne ciszy:] «Dalekie wybrzeża ciszy zaczynają się tuż za progiem...»; «Co to znaczy, że tyle dostrzegam, gdy nic nie widzę...»; «Uwielbiam cię, siano wonne, bo nie znajduję w tobie...»;

«Zabierz mnie, Mistrzu, do Efrem, i pozwól tam z sobą pozostać...»; [II. Pieśń o słońcu niewyczerpanym:] «Twój wzrok utkwiony w duszy, jakby słońce skłonione na liściu...»; «Proszę Cię, byś mnie ukrywał...»; «Proszę, wyjdź, Panie, ode mnie...»; [Myśl jest przestrzenią dziwną. I:] Opór stawiany wyrazom przez myśli; [Profile Cyrenejczyka. II. Teraz już zaczynam rozróżniać poszczególne profile:] Dzieci; Człowiek woli; [Kościół:] Krypta; Ewangelia; [Wigilia Wielkanocna 1966. I. Inwokacja:] Rozpoczyna się rozmowa z Bogiem; [Rozważanie o śmierci. I. Myśli o dojrzewaniu:] «Gdy znajdziemy się u brzegów jesieni...» // Poezje i dramaty. K., 1979.

Марыля Вольская. Maryla Wolska. 1873–1930
С. 838
Szara godzina // Symfonia jesienna. Lwów, 2001.

Ян Волэк. Jan Wołek. 1953–
С. 643
«Po błękitnym niebie fruną schizofrenie...» // [Źródło nie ustalone].

Славомир Воротынский. Sławomir Worotyński. 1942–1983
С. 827
Miasto // Podróż. W., 1991.

Виктор Ворошильский. Wiktor Woroszylski. 1927–1996
С. *106-113*, 589, 613, 889, 921
[Fragmenty] // Twój powszedni morderca: Poemat na jeden głos. W., 1962; Rozmowa; Ze snu; Publiczność; Klocki dziecięce // Niezgoda na ukłon. W., 1964; Państwa faszystowskie // Zagłada gatunków. W., 1970; Modlitwa o bezpieczeństwo; O co chodzi; Akt oskarżenia // Po zagładzie. W., 1974; Miałem sen; «Jesteś kim innym...» [Jesteś, 7] // Jesteś i inne wiersze. K., 1982; Bezpieczeństwo; Morze // Lustro. K., 1983; Ostatni raz // W poszukiwaniu utraconego ciepła. W., 1988.

Ежи Вощинин. Jerzy Woszczynin.
С. 574
[Rąbanie lasu] // [Źródło nie ustalone].

Рафал Воячек. Rafał Wojaczek. 1945–1971
С. *100-105*, 723, 798, 880
Sezon; Martwy język // Sezon. K., 1969; Dotknąć // Inna bajka. Wr., 1970; Piosenka o poecie II; Na imieniny Rafała Wojaczka 24 X 1968; W podwójnej osobie; Krzyż; Początek wiersza // Nie skończona krucjata. K., 1972; Musi być ktoś; «Żyję nie widując gwiazd...»; Śmierć nie znalazła jeszcze właściwego wyrazu; Wierszyk Mironowi Białoszewskiemu // Którego nie było. Wr., 1972; «Jest dobre wyjście spać...»; «Pani w futrze...»; Reszta krwi // Utwory zebrane. Wr., 1976.

Гжегож Врублевский. Grzegorz Wróblewski. 1962–
С. *387-391*, 549, 684, 723, 730, 770, 794

Razem; Schyłek; Wiosna // Ciamkowatość życia. W., 1992; Już niedługo się znów zobaczymy; «– Co zrobić z tymi, którzy potem niczego nie pamiętają?..»; Ostatnie kuszenie // Prawo serii. By., 2000; Pomieszczenia i ogrody; Sztuka konwersacji; Na mlecznej drodze; Ostatnia myśl; Dom; Żebrak // Pomieszczenia i ogrody. W., 2005; Druga strona // Akcent. 2004. N 1–2; Tylko ja tu pozostałem; Stare Drzewo; 2002 // Odra. 2004. N 6.

Казимеж Вуйтович. ks. Kazimierz Wójtowicz. 1945–
С. 657
Poufne instrukcje o przepowiadaniu przyszłości // Droga do Emaus. Ka., 1989.

Янина Вуйчицкая. Janina Wójcicka. 1904–1991
С. 847
«A tęsknota ciągle stuka...» // Koloryt zmierzchu. W., 1972.

Станислав Выспянский. Stanisław Wyspiański. 1869–1907
С. 957
«Gdy przyjdzie mi ten świat porzucić...» // Dzieła zebrane. T.11. K., 1961.

Тадеуш Гайцы. Tadeusz Gajcy. 1922–1944
С. 590, 591
Przed odejściem; «Jestem tutaj, ot, niedbały...» // Pisma. K., 1980.

Константы Ильдефонс Галчинский. Konstanty Ildefons Gałczyński. 1905–1953
С. *93-99*, 624, 660, 799
Złota kąpiel; Prośba o wyspy szczęśliwe; Morderstwo na Piazza Irreale; «Powoli otwierajmy bramę...»; «Nie ociągaj mi się, nie opieraj...»; Bal u Salomona [Fragmenty]: «Siedziałem na tym balu w chorobie...»; «Jeszcze zanim na wiolonczeli...»; «Był taki człowiek, który miał...»; Kajak i kretyn; 14 Grüssen aus Polen [Fragmenty]: 3. Nowa odznaka; 8. Droga służbowa; Rząd a społeczeństwo; Tylko nieboszczyk...; Po świętach; «Miłość, co słońce porusza i gwiazdy» // Dzieła. W., 1979. T.1–3.

Мариан Гжещак. Marian Grześczak. 1934–
С. 553, 554, 781
medal który przyznano; człowiek którego przyznano; najkrótszy wiersz tradycyjny // Naczynie poważne. W., 1967.

Ежи Гизелла. Jerzy Gizella. 1949–
С. *322-327*
Era lotów kosmicznych; Duński królewicz; Czym chata bogata; Na psa urok; Self–made–man; Podmiot liryczny // Szkoła winowajców. K., 1980; Niedługo // Obustronne milczenie. K., 1997; Raj mrówek faraona; W dziwnym czasie // Weterani wojny trojańskiej. K., 2002; Przysłowia niepraktyczne // Tu ciało tam dusza. K., 2004.

Томаш Глюзинский. Tomasz Gluziński. 1924–1986

С. *284-290*, 496, 497, 536, 539, 548, 558, 568, 579, 598, 605, 617, 656, 671, 673, 676, 692, 756, 776, 783, 785, 845

Wokaliza; Korespondencja // Wokaliza. W., 1968; Dreptanie; Ułożenie; Dokąd; Odsłona // Pod pieczęcią. K., 1974; Za co giniemy; Parowanie // Przebieg wydarzeń. K., 1977; Z martwego punktu // Poezja. 1980. N 12; Stan krytyczny; Sprostowanie II; Stać spokojnie; Trudno zrozumieć; Na nasz koszt; Nie spieszcie się // Szczątki emocji. K., 1982; Odruch // W żarnach świata. K., 1986; Nikt nigdy; O wszystkim; Absolutnie nic; Przemilcz; Strzęp; Pochód; Wdzięczność; Porządek rzeczy; Ząb; Z innej gry // System wartości. Ol., 1996; Dziś właśnie [Autorski maszynopis z 12.XII.1981]; Jeśli wrócisz; Przytomność umysłu // Droga Krzyżowa i wiersze. K., 1997.

Роман Гожельский. Roman Gorzelski. 1934–

С. 661, 667, 725, 854, 904

Demokracja // Zjawa realna: Antologia. W., 1999; Głowa zdrajcy // Wymowa słów. Ł., 1977; Myśl; Ty i ja // Fobie Kupidyna. Ł., 1996; Vox dei // Autoportret z pamięci. Ł., 2000.

Тадеуш Голуй. Tadeusz Hołuj. 1916–1985

С. 788, 936

Ballada wigilijna; «Boję się, żebym się nie bał...» // Zdanie. 1987. N 11.

Томаш Голуй. Tomasz Hołuj. 1947–

С. 709

Próba // Mozolnie dźwiga się w górę katedra wiosny. W., 1975.

Стефан Голэмбёвский. Stefan Gołębiowski. 1900–1991

С. 456, 457

Dobry pasterz // Obraz głosu. W., 1967; «Jak wyglądała...» // Utwory poetyckie. W., 1975.

Витольд Гомбрович. Witold Gombrowicz. 1904–1969

С. 489

«Kiedy czytam...» // [Dziennik].

Кшиштоф Гонсёровский. Krzysztof Gąsiorowski. 1935–

С. *363-368*

Wiersz // Wyspa oczywistości. W., 1972; Nogami // Bardziej niż ty. W., 1975; Kosmodrom // Z punktu widzenia UFO. W., 1986; «A więc to jest owe słynne jutro?..»; «Jak dotkliwie, doprawdy...» // Biedne dwunożne mgły. G., 2001; O tempora, o mores; Ciąża; Treny boże // Gorgona, mamka bogów. W., 2002; «Umieramy. Znikamy... // Czarne śnieżki. W., 2005.

Хелена Гордзей. Helena Gordziej. 1928–

С. 490

«Unikaj ludzi z nieruchomym wzrokiem...» // Liturgia samotności. P., 1999.

Рышард Марек Гронский. Ryszard Marek Groński. 1939–
С. 444, 511, 554
Lot; «Szary jak dym z jego cygara...» // Bal wampirów. W., 1978; Monolog // Satyra kłamie! W., 1983.

Юзеф Анджей Гроховина. Józef Andrzej Grochowina. 1954–
С. 472
Dziecko dyskoteki // itd. 1977. [Nr nie ustalony].

Станислав Гроховяк. Stanisław Grochowiak. 1934–1976
С. *26-32*, 536, 579, 618, 815, 817, 852
Król zabity// Ballada rycerska. W., 1956; Względność // Menuet z pogrzebaczem. K., 1958; Piersi królowej utoczone z drewna // Rozbieranie do snu. W., 1959; Lustro // Agresty. W., 1963; Po ciemku II («– Jutro na księżyc... – Dzisiaj jeszcze cicho...»); Czułość albo Guliwer // Kanon. W., 1965; Flirt; Objawienie według św. Jana; Dialog; Pies z tarasu nad Jeziorem; «Spojrzałem w twarz Marzeniu...» // Nie było lata. W., 1969; Stance // Polowanie na cietrzewie. W., 1972; Aczkolwiek; «Tak żyć to trudno...»; Sen; «Która później nadeszła...» // Wiersze nieznane i rozproszone. Wr., 1996.

Ежи Гужанский. Jerzy Górzański. 1938–
С. 701, 708, 844
Chodzenie; Sen; Zawieranie przyjaźni // Czynności. W., 1967.

Ян Гурец–Росинский. Jan Górec Rosiński. 1920–
С. *316-321*
Manekiny // Jarmark arlekinów. W., 1963; «Zawiesiłem na nitce życie...» // Ucieczka z wieży Babel. P., 1964; Nirwana; Przypowieść o mądrości // Sen Syzyfa. Ł., 1982; Rozpacz szczepienia // Człowiek podzielony. W., 1987; Aforyzm; Zabijcie jeśli // Czyje będzie królestwo. W., 1987; Przeznaczenie // Demony. Ł., 1994; [Krótkie tezy nt. humanizmu; «Ziemia ma oczy...»] // [Źródło nie ustalone].

Марек Данелькевич. Marek Danielkiewicz. 1958–
С. 754
Wspomnienie // Akcent. 1999. N 3/4.

Рышырд Данецкий. Ryszard Danecki. 1931–
С. 796
Romeo («Gdy nie będę już do niczego zdolny...») // Twarzy odwracanie. P., 1961.

Збигнев Дерда. Zbigniew J. Derda. 1963–
С. 964
«Piszę: drzewo i boję się...» // Księga wiatru, ognia i deszczu. Ka., 1991.

Лешек Длугош. **Leszek Długosz**. 1941–
С. 547, 754, 835, 916, 942

Bez atu // Lekcje rytmiki. K., 1973; «Bezpieczni – pod przygodnym dachem...» // Wywoływanie wilka z lasu. K., 1980; Spotkanie Trzech Króli; Moja obrona // Śpiewnik ilustrowany. Wr., 1984; Nuty // Gościnne pokoje muzyki. Wr., 1992.

Збигнев Дмитроца. **Zbigniew Dmitroca**. 1962–
С. 730, 759, 784, 903, 961
Haiku; «Żyć ten dzień...» // Horror vacui. L., 1993; «Podobno rozpacz nie przystoi mędrcom...»; «Miejsce akcji: Kosmos...» // Niedoraj. K., 2000; Za późno // Zakaz przekraczania granicy. W., 2008.

Станислав Рышард Добровольский. Stanisław Ryszard Dobrowolski. 1907–1985.
С. 635, 694
Toast // Nasza rzecz. W., 1953; Krótki kurs historii ludzkości // Oto człowiek. Rz., 1987.

Здислав Адам Долятковский. Zdzisław Adam Dolatkowski. 1909–199?
С. 571, 742
[Aforyzmy] // Aforyzmy i uwagi. W., 1998.

Витольд Домбровский. Witold Dąbrowski. 1933–1978
С. 617
Kantyczka // Portret trumienny. W., 1982.

Тадеуш Домбровский. Tadeusz Dąbrowski. 1979–
С. 474, 530
Przypowiastka czerwcowa; «Mówią, że kłamstwo ma krótkie nogi...» // Zeszyty lit. 2008. N 104.

Станислав Друждж. Stanisław Dróżdż. 1939–
С. 877, форзац, нахзац
Klepsydra [1967; fragmenty] // Klepsydra. W., 1990; Zapominanie [1969] // [Źródło nie ustalone].

Пётр Думин. Piotr Dumin. 1944–
С. 710
Pytania // Polu naprzeciw. T., 2004.

Зенон Дунайчик. Zenon Dunajczyk. 1932–
С. 520
Zero jest // Życie lit. 1982. N 29.

Лех Дымарский. Lech Dymarski. 1949–
С. 701
«Choć osiągnąłeś już normalny kształt...» // Za zgodą autora. W., 1980.

Збигнев Ежина. Zbigniew Jerzyna. 1938–
С. 514, 695, 774, 856, 867, 896

«Kiedy matka moja miała umrzeć...» // Lokacje. W., 1963; Elegia siódma // Realność. W., 1967; «Nie straciłem przyjaciół w żadnej straszliwej bitwie...» // Przesłanie. W., 1979; Boże, przez jakie mroki // Moment przesilenia. Ł., 1988; Pytanie bez odpowiedzi // Pieczęcie. W., 1993; Niebo nad Bałkanami // Mowią. T., 2003.

Януш Енчмык. Janusz Jęczmyk. 1938–
С. 636
Prowizoryczni // Seledynowe słonie. W., 1960.

Марек Ёдловский. Marek Jodłowski. 1941–1992
С. 755
«A jeśli po mnie zostanie tylko pustka...» // Dowód osobisty. Ka., 1978.

Януш Жерницкий. Janusz Żernicki. 1939–2001
С. 488
Bez przesady // Wędrowiec z Tężniopolis. Włocławek, 1998.

Ежи Жулавский. Jerzy Żuławski. 1874–1915
С. 871
Nie schylaj głowy!... // Wiersze. W., 1982.

Богуслав Жураковский. Bogusław Żurakowski. 1939–
С. 369-372
«Jesteś kosmosem, ja – gwiazdą...»; Mówiąc nawiasem // Znaki wodne. K., 1993; Czas teraźniejszy; Obudzenie // Koncert ciszy. W., 1994; Epicentrum; Kierunek; Zmierzch // Światłocierń. K., 1997; Szept wody; Grotołaz // Poezja i gwiazdy [Almanach]. K., 2003; Szczelina // Poezja i gwiazdy [Almanach]. K., 2005.

Адам Загаевский. Adam Zagajewski. 1945–
С. *236-240*
Pewnego dnia postanowiłem się dowiedzieć kim jestem // Komunikat. K., 1972; Mogę mówić tylko za siebie; Homunculus; Tylko noce; Ilość; Komunikat // List. K., 1979; Chorągiew // Petit. W., 1983; Spróbuj opiewać okaleczony świat // Zeszyty lit. 2001. N 72; Co się stało; Pożegnanie niskich dni // [Źródło nie ustalone].

Ежи Загурский. Jerzy Zagórski. 1907–1984
С. 486
Rykoszetem // Poezje wybrane. W., 1972.

Богдан Задура. Bohdan Zadura. 1945–
С. 489, 548, 733, 951
«Nie to straszne że Twe ciało się rozkłada...»; «Nocami śniły nam się grzyby...» // Cisza. Wr., 1994; «To nie jest strach przed wejściem do ciemnego pokoju...»; «Szczęśliwi którzy mają tylko jedno drzewo...» // Więzień i krotochwila. K., 2001.

Станислав Заёнчек. Stanisław Zajączek. 1945–
С. 848
Związki // Ziarno piasku. W., 1978.

Анджей Заневский. Andrzej Zaniewski. 1939–
С. *407-411*, 440, 462, 499, 500, 512, 515, 516, 517, 537, 552, 565, 571, 573, 589, 593, 594, 609, 613, 628, 648, 682, 685, 686, 767, 837, 861, 920, 921, 925, 934, 936
«Mowili: Rosja pełna krwi...» // Front otwarty. W., 1969; «W życiu idziemy od celu do celu...» // Treny. W., 1979; Pożar // Krawędź. W., 1989; Obłęd; Cel; Nieśmiertelny; Przesłanie dla pożeraczy mięsa; «Zastanów się, kim jesteś?..»; Wycinanie naszego lasu; Noc z niewidzialnym księżycem; Dzień naprawdę dobry // Wyschnięte drzewa też płaczą. P., 2000; Zbrodniarka; Chory; Osobisty dekalog; Nie ma pustki, tam gdzie dociera światło; Własne ateistyczne «ego»; Czas Jokerów; Do tych, którzy nie znają głodu; Z rozmyślań podczas bombardowania Jugosławii // Nadzieja przychodzi o zmierzchu. W., 2001; Nieprzebaczenia // Poezja dzisiaj. 2002. N 25–26; «Maski zostały nam narzucone...»; «Byłeś psem w sforze...»; «Zaufasz stalowym drzwiom...»; «Zabłądziłeś w Mieście Nieprzewidywalnym...»; «Powszechnemu domniemaniu niewinności...»; «"Zmarl"... "Odszedl"...» // Królowie pójdą za tobą. W., 2003; «W krainie Anomalii wszystko jest normalne...»; Tezy o Kłamstwie i Prawdzie; «Można całe życie spędzić w pułapce...»; Pojęcie odwetu; «Przyjdziesz do kasy po pieniądze...»; Słowianie; Trwa; «Król Maciuś szedł do gazu z uśmiechem...»; Sprzysiężenie; «Na wojnę Walet Karo szedł...»; «Zastrzelono Waleta Kier...»; «Skóra ryby ma wrażliwość ludzkiego oka...»; «Modlitwa pomaga również niewierzącemu...»; «Bóg – próba wyjaśnienia wszystkiego...» // Nagość. Kie., 2004; Zło najbliższe; «Nie łudź się... Nikt nie zmartwychwstanie!..»; Do księdza przynoszącego mi ostatnie namaszczenie // Poezje wybrane. W., 2007.

Адам Земянин. Adam Ziemianin. 1948–
С. *277-283*, 496, 566, 588, 631, 632, 724, 771, 784, 855
Generał w stanie spoczynku; «Na stacji tak małej...» // Pod jednym dachem. K., 1977; Urzędnik // Nasz słony rachunek. W., 1980; Ślepy tor; Uśmiech polityka // W kącie przedziału. K., 1982; Gra; Kur na dachu // Makatka z płonącego domu. K., 1985; Liść-zakładnik; Lot ojca // Ulica Ogrodowa. K., 1996; Koniec sezonu // Nosi mnie. K., 1997; Scyzoryk // Wiersze wybrane. W., 1998; Jesień na progu // Plac Wolności. K., 1999; Po zabawie; List prawie gończy; Wisi // Na głowie staję. K., 2002; Amerykanie; Zielona karta // Notesik amerykański. K., 2004; Modlitwa o śmiech; Modlitwa u bram raju // Modlitwy mojego wieku. L., 2004.

Мариуш Зёмецкий. Mariusz Ziomecki. 1952–
С. 653, 654
[Fragmenty] // Szczękościsk. Dialog. 1980. Nr 5.

Пётр Зоммер. Piotr Sommer. 1948–
С. 461, 858, 868
Ach, ciągłość; Dni tygodnia; Odlot // Czynnik liryczny. Londyn, 1988.

Эва Зонненберг. Ewa Sonnenberg. 1967–
С. 642, 716, 818
Lekcja rzeczywistości; Skala wrażliwości; Nad brzegiem // Smycz. Wr., 2000.

Уршуля Зыбура. Urszula Zybura. 1952–
С. 809, 873
pukam do drzwi powietrza; już nie mam ciepła już nie mam ciała // Na wieki wieków chwilka. K., 1994.

Эдвард Зыман. Edward Zyman. 1943–
С. *295-301*
Dzień jak co dzień // Dzień jak co dzień. Ka., 1978; Co za radość żyć; List; Kim jest do kogo jakim mówi głosem; Odkryjmy karty; Przed podróżą; Gdy nagle; Jeśli któregoś dnia // Co za radość żyć. Ka., 1979; Ewolucja; Z wieczoru autorskiego // W czyim obcym domu. Ka., 1982.

Ярослав Ивашкевич. Jarosław Iwaszkiewicz. 1894–1980
С. *83-88*, 846, 870
Proverbium // Oktostychy. W., 1919; To // Kasydy. W., 1925; Kołysanka 5 // Księga dnia i księga nocy. W., 1929; Piosenka dla zmarłej // Inne życie. W., 1937; «Nim przyjdzie wiosna...» // Warkocz jesieni. W., 1954; «Pióro strzaskane, ale jeszcze pisze...»; «Dlaczego nikt nie złoży dłoni...» // Ciemne ścieżki. W., 1957; «Za tysiąc lat...» // Jutro żniwa. W., 1963; Nocna piosenka psa // Xenie i elegie. W., 1970; «Kiedy przestaje szczekać pies...» // Śpiewnik włoski. W., 1974; Azjaci. V: «Oto przed nami ziemia płaska i zielona...» // Mapa pogody. W., 1977; Noc sierpniowa // Poezja. 1982. N 11/12.

Казимера Иллакович. Kazimiera Iłłakowicz. 1892–1983
С. 600, 753, 778, 823, 883
Mroki // Ikarowe loty. K., 1911; Tylko wieczór... // Poezje. W., 1954; Złudzenia i rzeczywistość // Lekkomyślne serce. W., 1959; Rycerze // Rymy dziecięce. K., 1923; Najlepiej // Wybór wierszy. W., 1956.

Збигнев Йоахимяк. Zbigniew Joachimiak. 1950–
С. 801, 888
może miała szarą sierść // Wieczne amazonki. W., 1976; «widziałem wiele scen...» // Pułapka. G., 1989.

кг. kg
С. 655
«zajeżdżono kobyłę historii...» // Puls. 1985. N 25.

Юлиан Кавалец. Julian Kawalec. 1916–
С. *392-400*, 504, 684, 741, 782, 847
Nie ma pożytku z podróży; Słowo; Rąbanie drewna // Kochany smutek. K. 1992; Igraszka; Po stopniach wdzięczności; Przeznaczenie; Nic; Cyfry z pobojowisk; Sny; Nagłe spotkanie; Zaimki; Konferencja trwa // Te

dni moje. K., 1994; Wziąłem pod rękę dom // Dom. K., 1996; Płacz // Kochaj mnie za nic. L., 2003; Słowa // Żeby cię pochłonęło życie. K., 2004.

Мариан Януш Кавалко. Marian Janusz Kawałko. 1947–
С. 764
Komunikat // Moje wesołe miasteczko. W., 1977.

Войцех Кавинский. Wojciech Kawiński. 1939–
С. 711
Powtórzenia jesienne // Miłość nienawistna. K., 1985.

Веслав Казанецкий. Wiesław Kazanecki. 1939–1989.
С. 597
Moją ojczystą mowę // Wiersze ostatnie. B., 1991.

Анна Кайтох. Anna Kajtochowa. 1928–
С. 819, 900, 924, 937
«I zapyta Pan...» // Usiłowałam być człowiekiem. K., 1994; «O słowo miej siłę wiatru...»; «Nauczyć się od ziemi...»; «Gdybyś był ziemią...»; «Byłam małą dziewczynką...»; «Moja miłość majem ukwiecona...» // Bezdrożem ścierniska. K., 2003.

Войцех Кайтох. Wojciech Kajtoch. 1957–
С. 714, 803
Uczennica; Równowaga // Doba. K., 2003.

Тадеуш Кантор. Tadeusz Kantor. 1915–1990
С. 749, 772
Linia podziału // Dialog. 1972. N 9; Pokój mojego dzieciństwa // Wielopole, Wielopole. K., 1984.

Рышард Капустинский. Ryszard Kapuściński. 1932–2007
С. 759
Magellan dopływa do Tierra del Fuego // Prawa natury. K., 2006.

Кшиштоф Карасек. Krzysztof Karasek. 1937–
С. 606
Wiersz o kuli // Dziennik rozbitka. W., 2000.

Тымотеуш Карпович. Tymoteusz Karpowicz. 1921–2005
С.*40-45*, 444, 451, 468, 499, 800, 846, 905
Kamienna muzyka; Sąd // Kamienna muzyka. W., 1958; Sen ołówka // Znaki równania. W., 1960; W imię znaczenia; Zepsuty koń; Rozkład jazdy; Pies co się zaszczekał // W imię znaczenia. Wr., 1962; Karabin; Nieco przed lasem; Czapeczka-czapka // Trudny las. W., 1964; Koło tańca miłosnego; Faux pas; Żelazna porcja; Epitafium; Modus tollendo ponens; Brak znaku alternatywy // Odwrócone światło. Wr., 1972; Upłynnienia // Słoje zadrzewne. Wr., 1999.

Яцек Качмарский. Jacek Kaczmarski. 1957–2004
С. *214-221*
Bajka; Przysięga; Litania; Wykopaliska; Wróżba; Antylitania na czasy przejściowe; Wzór; Mury; Rozstrzelanie (Wróblewski); Starość Tezeusza // Ale źródło wciąż bije. W., 2002.

Людвик Ежи Керн. Ludwik Jerzy Kern. 1921–
С. 475
Pada deszcz // Wiersze i wierszyki. W., 1957.

Богуслав Керц. Bogusław Kierc. 1951–
С. 820
Tym, którzy sobie nie mogą przebaczyć // Łagodny, miły. Wr., 1986.

Тадеуш Кийонка. Tadeusz Kijonka. 1936–
С. 446
Zdanie // Echa. Ka., 1992.

Уршуля Козёл. Urszula Koziol. 1931–
С. 860
Skorupka // W płynnym stanie. K., 1998.

Рышард Колодзей. Ryszard Kołodziej. 1967–
С. 483
Milczenie // Po tej stronie. W., 2001.

Эдвард Кольбус. Edward Kolbus. 1948–
С. 824
«Nie dla niej będą żółcie kobiet...» // Między innymi. Ł., 1982.

Мачей Юзеф Кононович. Maciej Józef Kononowicz. 1912–1986
С. 906
Czarna Madonna // Gaj dębowy. W., 1974.

Ирена Конти. Irena Conti di Mauro. 1933–
С. 856
«Wbrew wszelkiej logice...» // Cztery pory pieśni nieistniejącej. W., 1998.

Юлиан Корнхаузер. Julian Kornhauser. 1946–
С. *204-208*
Zboże // Nastanie święto i dla leniuchów. W., 1972; On; Racja; Bądź otwarty // Zjadacze kartofli. K., 1978; Żywicobranie // Zasadnicze trudności. W., 1979; gra; Moje serce ten rozkrzyczany ekspres wieczorny // Stan wyjątkowy. W., 1978; Lekcja o przyimku; Sprostowanie // 148 wierszy. K., 1982; Rodzi się człowiek nowy // Za nas, z nami. W., 1985.

Стефан Косевский. Stefan Kosiewski. 1953–
С. 699, 826

«nie pamiętam, kiedy zrozumiałem, że nie jestem człowiekiem...» // Pomidor. Ka., 1983; Któregoś ranka // Wierszem. Ka., 1997.

Веслав Кот. Wiesław Kot. 1955–
С. 702, 757
Żeby; «bij głową o ścianę...» // Świat taki naokoło. K., 1999.

Йонаш Кофта. Jonasz Kofta. 1942–1988
С. *421-428*, 850
Trzeba marzyć; Śpiew ocalenia; Wyspa; Rozmyślania na dworcu; Jestem zmęczony; Song o ściętej głowie; Song o szczęściu wiecznym; Międzyczas...; Cztery ściany świata; Tak będzie lepiej; [Ja nie chcę] // [Wiersze]. W., 2001.

Ежи Кронхольд. Jerzy Kronhold. 1946–
С. 652, 798, 799, 805
W dniu wyborów // Oda do ognia. Bielsko–Biała, 1982; Czym było twoje ciało; Czyściłem twoje buty; Siedzieliśmy w pokoju // Wiek brązu. K., 2000.

Эрвин Крук. Erwin Kruk. 1941–
С. 962
Trzmiel // Moja północ. Ol., 1977.

Рышард Крыницкий. Ryszard Krynicki. 1943–
С. *271-276*, 584, 673, 684, 786, 956
Akt urodzenia; «O» // Akt urodzenia. P., 1969; Biały Obłok; Kto wybiera samotność; Pancernik «Potiomkin»; Poezja żywa // Organizm zbiorowy. K., 1975; I naprawdę nie wiedzieliśmy; Nie wyleczysz się już z nienawiści; «żeby niewolnicy nie dążyli za wszelką cenę do władzy...»; Również // Nasze życie rośnie. Paryż, 1978; Faszyści zmieniają koszule; «Komukolwiek wierny – jestem wierny tobie...»; Elegia – niczyja; Nasz specjalny wysłannik; Obywatele świata // Niepodlegli nicości. W., 1988.

Чеслав Кубалик. Czesław Kubalik. 1923–
С. 438
To // Paradesa. P., 1960.

Тадеуш Кубяк. Tadeusz Kubiak. 1924–1979
С. 600
Piosenka o gałęzi // Cień ziemi. W., 1958.

Ян Куровицкий. Jan Kurowicki. 1943–
С. 607
Arkadia // Mimo milczenia [Antologia]. W., 2002.

Марек Кусиба. Marek Kusiba. 1951–
С. 556, 704, 862
Hodowla; Polish song; Prośba // Samobójstwo Marsjan. Toronto, 1987.

Мира Кусь. Mira Kuś. 1948–
С. 515
Nasza Jugosławia // Rajski pejzaż. K., 1995.

Кшиштоф Кучковский. Krzysztof Kuczkowski. 1955–
С. 668, 823, 859
Bajka VI; Na pogrzebie matki chrzestnej w Poznaniu // Wieża widokowa. Gdynia, 1998; Anioł Rilkego; Anioł Becketta // Tlen. Sopot, 2003.

Агнешка Кучяк. Agnieszka Kuciak. 1970–
С. 731, 805
Dziadek; Piosenka z raju // Retardacja. K., 2001.

Юлиуш Кшижевский. Juliusz Krzyzewski. 1915–1944
С. 826
Pocieszenie // Poezje. W., 1978.

Дариуш Томаш Лебёда. Dariusz Tomasz Lebioda. 1958–
С. *302-307*
Teraz już mogę ci to powiedzieć // Maria. By., 1982; modlitwa o bobby'ego sandsa; «nie ufałeś zbytnio williemu komandante...»; ostatni list romka jaskiera // Najnowszy testament. By., 1983; «już nie jestem z tego świata...»; «jeszcze jeden papieros...»; «jaskierko powiesił się...» // Pole umierającej kraski. K., 1988; «powiadają przekręciło się czworo ćpunów...»; «dzień dobry ćpuny...»; «fałszywi jak judasz...» // Na chwilę przed końcem świata. W., 1988.

Здислав Левандовский. Zdzisław Lewandowski. 197?–
С. 752, 858
«chodzimy po lodzie...»; Życie // Nad zbiegiem rzek. Serock, 2005.

Павел Лекшицкий. Paweł Lekszycki. 1976–
С. 777, 865
prowokacje. tytuł pankowy; koza // Ten i tamten. By., 2000.

Болеслав Лесьмян. Bolesław Leśmian. 1877–1937
С. *135-139*, 812
«Gdybym spotkał ciebie znowu pierwszy raz...» // Sad rozstajny. W., 1912; «Kwapiły się burze...»; «U wpółrozwartych stoim drzwi...»; Dwaj skazańcy // Łąka. W., 1920; Niewidzialni; Chałupa // Napój cienisty. W., 1936; «Tu jestem – w mrokach ziemi i jestem – tam jeszcze...»; «Com uczynił, żeś nagle pobladła?..»; «Puściła po stole swawolący wianek...»; «Mrok na schodach. Pustka w domu...»; «Boże, pełen w niebie chwały...» // Dziejba leśna. W., 1938.

Ян Лехонь. Jan Lechoń. 1899–1956.
С. 455, 799
Toast // Srebrne i czarne. W., 1924; Nokturn // Aria z kurantem. Nowy York, 1945.

Станислав Ежи Лец. Stanisław Jerzy Lec. 1909–1966

С. *157-160*, 442, 448, 457, 462, 470, 484, 523, 529, 534, 544, 554, 558, 567, 572, 575, 578, 582, 585, 595, 596, 613, 627, 630, 639, 643, 652, 658, 667, 670, 674, 678, 698, 751, 764, 768, 773, 779, 865, 879, 940

Cisza // Barwy. Lwów, 1933; «Nieraz mnie grzebano...»; «W moje serce wierzyli jedynie ci...»; A ci, co go ścigali; Widziałem szkic do nicości // Kpię i pytam o drogę. K., 1959; Kto wywiesza; Kto kopał; Udawaj nawet przed sobą; Najwięcej wody wypito; Widziałem // Do Abla i Kaina. W., 1961; [Aforyzmy, fraszki] // Utwory wybrane. T.1-2. K., 1977.

Богдан Лёбль. Bogdan Loebl. 1932–

С. 524, 560, 642, 687, 824, 860

«Z wędrówek moich...» // Pozapromienne. Wr., 1963; Stanął przede mną człowiek; Konta czasu // Polak nieprawdziwy. W., 2000; Nie takich ludzi znałeś; Pożegnalny blues; Dzieło twoich rąk // Blues. W., 2003.

Ежи Либерт. Jerzy Liebert. 1904–1931.

С. 747, 839, 879

Jeździec; Gorączka // Gusła. W., 1930; Nadzieja // Pisma zebrane. T.1. K., 1976.

Эва Липская. Ewa Lipska. 1945–

С. *222-227*, 556, 587, 621, 650, 661, 672, 715, 755

Można; Recepta // Drugi zbiór wierszy. W., 1970; Pewność; Dzieci; Odkrycie // Trzeci zbiór wierszy. W., 1972; Ręce; Ostrzeżenie // Czwarty zbiór wierszy. W., 1974; Egzamin; Rozum; Dyktando; Z sennika; «Nie uratowała mnie powódź...» // Piąty zbiór wierszy. W., 1978; Świadek // Nie o śmierć tutaj chodzi, lecz o biały kordonek. K., 1982; Próba; Wybaczcie mi to // Przechowalnia ciemności. W., 1985; Instrukcja obsługi; Torfowiska większości; Oko jastrzębia // Strefa ograniczonego postoju. W., 1990; Zwątpienie // Sklepy zoologiczne. K., 2001.

Кшиштоф Лисовский. Krzysztof Lisowski. 1954–

С. 469

«Spotkanie tych którzy wierzą...» // Drzewko szczęścia. K., 1980.

Юзеф Лободовский. Józef Łobodowski. 1909–1988

С. 610

Maksymy nietaktowne // List do kraju. L., 1989.

Ян Лохман. Jan Lohmann. 1925–

С. 692, 794

Chory beznadziejnie; «Gdziekolwiek jestem...» // Nasz dom. K., 1982.

Яцек Лукасевич. Jacek Łukasiewicz. 1934–

С. 828

Spacer z cmentarza przy Bujwida na plac Grunwaldzki // Deszczyk. Wr., 2005.

Антоний Лянге. Antoni Lange. 1861–1929
С. 465
«Gdziekolwiek jesteś, chciałbyś odejść precz...» // Rozmyślania i inne wiersze. W., 1979.

Анджей Мадей. ks. Andrzej Madej. 1951–
С. 872
Testament // Tobie na chwałę. Ka., 1991.

Лех Маевский. Lech J. Majewski. 1953–
С. 713, 862, 863, 868
Autobus na Golgotę // Baśnie z tysiąca nocy i jednego miasta. Ka., 1978; «Powierzchnia jeziora...»; «To wydarzy się wczoraj...» // Muzeum mojej nędzy. K., 1997; Wspólny obiad // Mieszkanie. K., 1982.

Збигнев Маевский. Zbigniew Majewski. 1928–
С. *412-420*
W świecie mikroprocesorów // Świat utracony. W., 2004; Po ostatniej wojnie // Impresje samotności. W., 2005; Zamyślenie; «teraz gdy daleko jesteś ode mnie» // [Autorskie rękopisy z dn. 8.2.2006; 16.5.2006]; «A kiedy już odejdę...»; Recenzja; Trzecie oko // Pozorny chaos wieczności. W., 2007; «Te wszystkie tajemnice...»; Szpan; Miłość bliźniego // Freski współczesności. Warszawa, 2008.

Хенрик Мажуль. Henryk Mażul. 1953–
С. 467
«A czasem jednak coś tracimy...» // 22 wiersze. B., 2000.

Бронислав Май. Bronisław Maj. 1953–
С. 872
Światło // Światło. K., 1994.

Анджей Мандальян. Andrzej Mandalian. 1926–
С. 829, 830, 831, 832, 833, 887
Sen–mara // Strzęp całunu. W., 2003; [Koniec odwiedzin]; Pasaż I; [«Odkąd wydusiłeś z siebie tamten płacz...»]; Pasaż II; „A że bytów półtrwanie...» // Poemat odjazdu. W., 2007.

Лукаш Маньчик. Łukasz Mańczyk. 1978–
С. 854
dziki lokator // Służebność świata. K., 2004.

Ярослав Маркевич. Jarosław Markiewicz. 1942–
С. *130-134*
Z ludźmi, których rozumiesz...»; Teraz; Wyjście wprost na; Nagrobek wzniesiony na rzece; Chciałbym to jednak powiedzieć; «W środku miasta szczeka pies...»; Wysoko, nisko, w środku lata // W ciałach kobiet wschodzi słońce. W., 1976; Papierowy bęben; «Zaczynam...»; «To, co się rodzi...» // Papierowy bęben. W., 1986.

Пётр Матывецкий. **Piotr Matywiecki**. 1943–
С. 464, 773, 862, 874, 876
«Stałem w głębokiej dolinie...»; Rilke; Blues; Dziennik; Przezroczyści // Zwyczajna, symboliczna, prawdziwa. W., 1998.

Станислав Леон Маховяк. Stanisław Leon Machowiak. 1943–
С. 775, 822, 944, 953
Do kamienia; O śmierci zwyczajnie; Przysięga; Serce // Barwy ciemności. P., 2004.

Пётр Мачежинский. Piotr Macierzyński. 1977–
С. 464
«Niebo wisi na włosku...» // Dance macabre i inne sposoby spędzania wolnego czasu. K., 2001.

Артур Мендзыжецкий. Artur Międzyrzecki. 1922–1996
С. 569, 572, 657, 670, 813
O czym wie politolog // Ptaki; I nie ma ciebie dawnego. Ł., 1981; Oni; Nekrolog // Koniec gry. W., 1987; Cień // Nieskończona przejrzystość. K., 1997.

Александр Миго. Aleksander Migo. 1946–
С. 564
«powiedziałem zabiję ptaka...» // Ciemny pokój. K.,1985.

Чеслав Милош. Czesław Miłosz. 1911–2004
С. *258-262*, 543, 671, 877, 880, 925, 939, 952, 960
«Najpierw są wielcy ludzie i drzewa...» // Ocalenie. W., 1945; [Dziecię Europy:] «Nie może być mowy o triumfie siły...» // Światło dzienne. Paryż, 1953; Strukturalizm // Wiersze. T.2. K., 1984; Wyższe argumenty na rzecz dyscypliny // Miasto bez imienia. Paryż, 1969; Zadanie; Ryba; Natrafiłem na to; Kiedy mówiłem; Tak mało // Gdzie wschodzi słońce i kędy zapada. Paryż, 1974; Sekretarze; Dowód; W świętych sadzawkach // Hymn o Perle. Paryż, 1982; «Wśród niedo-prawdy...» // Nieobjęta ziemia. Paryż, 1984; Sens // Dalsze okolice. K., 1991; Jeżeli nie ma // Druga przestrzeń. K., 2002.

Рышард Мильчевский-Бруно. Ryszard Milczewski-Bruno. 1940–1979
С. 641, 817, 864
Gdzieś w nas // Podwójna należność. W., 1972; «kochałem kurwiszcze – moja wina...» // Poezja. 1981. N 9; 6 x 6=66 // Poezje wybrane. W., 1981.

Станислав Мисаковский. Stanisław Misakowski. 1917–1996
С. *21-25*, *434*, 441, 442, 443, 445, 446, 447, 448, 453, 456, 466, 469, 475, 480, 492, 493, 494, 499, 502, 504, 517, 521, 526, 530, 543, 546, 559, 565, 572, 574, 580, 612, 619, 647, 659, 698, 732, 740, 761, 844, 909, 930, 950, 962
«Ziemia znużona dniem...» // Próba liryki [Almanach poetycki]. P., 1961; Nie powrócę; Proszę o jeszcze jeden łyk; Modlitwa do poduszki;

Druty kolczaste; Lis; Zjadanie cieni; «Włamania dokonano podstępnie...»; «Zazwyczaj człowiek żywi się sam...»; Myszy; Człowiek za burtą // Gdziekolwiek z dala od świata. P., 1976; Śmiech; On coś zataił; Mój stary, dobry świat; Niech żyje mrok; Najważniejsze – nie stanąć w miejscu; U fryzjera // Mój stary, dobry świat. P., 1973; Testament; Gdy umierał; Zero; Wdziera się we mnie ziemia; Tragik; On już nie żył; Wykonano go z kamienia; Nie powiedziałem; «Więc to jest ten...»; Ćma // Trzy chwile. K., 1983; Pora spłacić długi; Nasze marzenia; Opuścili ją; Ten człowiek; Wyjście a wejście; Odtwarzanie przeszłości; Przed bramą XXI wieku; Zostanę; Niebawem każdy będzie bogiem; Jeśli masz coś do powiedzenia; Dylemat // Żarna. P., 1985; Kropka; Dożywocie; Łamanie twarzy; Dopadły mnie psy; Wariaci // Gdy wychodzisz z domu nie zapominaj o sobie. K., 1990; Dwa punkty // Nocleg w szczerym polu [Autorski maszynopis z 1991 r.]; Nieomylni; Tam gdzie jest wielu; Oni pragną; Przeprowadzka; Rozdzwoniły się dzwony; Pomyliłem drogi // To czego nie ma. W., 1994; Żywa trupiarnia; Umierać na ratę; Wizyta ojca // Grudka ziemi [Autorski maszynopis z 1995 r.].

Адам Михайлов. Adam Michajłów. 197?–
C. 653
Tabella III // 9+18+9. K., 1991.

Вальдемар Михальский. Waldemar Michalski. 1938–
C. 455
Bez świadków // Przebudzenie [Antologia]. L., 1976.

Тадеуш Мицинский. Tadeusz Miciński. 1873–1918
C. 787, 827
Nokturn; «Bądź zdrowa! (jak dziwnie brzmi dzwon!)...» // W mroku gwiazd. K., 1902.

Пётр Мицнер. Piotr Mitzner. 1955–
C. *384-386*, 447, 620, 680, 700, 724, 738, 770, 850, 863, 865, 943, 948
«Nikt nie całuje ptaków...»; «Most nad przepaścią...»; «Wpuść do domu sępa...»; «Klęczał nie daliśmy mu jałmużny...»; «Żywi zakopują ciała umarłych...»; «Zdejmij szklankę ze stołu...»; «Zdawało się że nie ma po co spotykać się...» // Myszoser. W., 2000; Dniepr (Odcinek I); «W głębi kredensu...»; Węzeł; Wejście w ogród // Pustosz. W., 2004; Po prośbie; Na telefon; Poczta; Ogłoszenie; Droga; Moja – twoja; // Podmiot domyślny. W., 2007; Seans sen; «Oddaliśmy się do lombardu...»; W muzeum; Przepowiadanie sobie; Na gapę // Dom pod świadomością. W., 2008.

Лешек Александр Мочульский. Leszek Aleksander Moczulski. 1938–
C. 176-183, 479, 510, 553, 788, 836, 837, 864, 876, 879, 882
Z pierwszych ważniejszych odkryć; Równowaga; Głos; Wreszcie // Nawracanie stracha na wróble. K., 1971; «Mówcie do ściany...»; «Na szarość naszych nocy...»; «Gdzie mieszkasz nocy...»; Taka cisza; Refren; Powrót do równowagi; Wiara; Ikar; Pieśń poranna // Narzędzia i instrumenty. K.,

1978; «Niech ten klucz...» // Głosy powrotu. K., 1981; «Ziemia jest pełna niemego wołania...»; «To, co nazywałem w tobie pokorą...»; «Było w tobie coś nieprzyzwoitego...» // Powitania. K., 1983; «Jeżeli się nie spotkamy...» // Pozdrowienia. Kalwaria Zebrzydowska, 1990; Korowód // 70 widoków w drodze do Wenecji. P., 1991; «otrząśnij się – mówi cisza...»; «dzień zaczyna się nagle...» // Wiersze. K., 1995.

Славомир Мрожек. Sławomir Mrożek. 1930–
С. 468, 629, 669, 702, 713, 716, 720, 751
Niżej // Wesele w Atomicach. K., 1959; Wizyta; Egzamin // Opowiadania. K., 1981; Nowe życie; Partner; Mucha; Wola i czyn // Opowiadania. W., 1994; Rozmówki polsko–polskie // Opowiadania i donosy. W., 1995.

Эльжбета Мусял. Elżbieta Musiał. 1959–
С. 634, 681, 821
«Zaczerpnęli w dłonie...»; Odtąd i bratem, i siostrą dla siebie jestem; Falludża // Cień rzeki. Kie., 2004.

Бартош Мушинский. Bartosz Muszyński. 1974–
С. 608
świat. wersja dla początkujących // Języki obce. W., 1999.

Бронислав Мязговский. Bronisław Miazgowski. 1909–1981
С. 604
Śmierć statku // Dom pod Zodiakiem. G., 1967.

Александр Навроцкий. Aleksander Nawrocki. 1941–
С. 482, 670
Modlitwa; Inwokacja // Widły śmiechu. W., 1987.

Станислав Навроцкий. Stanisław Nawrocki. 1947–2004
С. *402-406*, 513, 514, 566, 608, 630, 672, 756, 849
passus dziękczynny; katastrofa; bajka z głową w piasku // Matnia. Płock, 1987; do braci bałkańskich; modlitwa na pożegnanie tysiąclecia; menażeria zła; nie doświadczaj nas; a bliźniego jak siebie samego; wątpię; alternatywa; implikacje; linia demarkacyjna // Rzecz pospolita styropienna. W., 1999; to co boli; starsi bracia; spowiedź; w koronie niemocy; u źródeł zła; wszystko mija razem z nami // Wymarsz chochołów. Płock, 2003.

Эва Найвер. Ewa Najwer. 1933–
С. *247-252*, 575, 811, 881
Test sytuacyjny; Geometria; Auric: My jesteśmy spokojni ludzie // Gorzkie tęcze. P., 1979; «Nie miałam zaufania do wody...»; Cień // Wiersze siódme. W., 1982; Wzmożone wysiłki; Panie majster; Porady dla chcących zasnąć; Rozmowa z poetą // Z wilczym pasterzem. P., 1988; Cykle rozwojowe pewnego owada; Etyki afrykańskie; Nadzieja // Komnata liczb. P., 2003; Gra w chowanego // [Źródło nie ustalone].

Мачей Немец. Maciej Niemiec. 1953–
С. 793, 838, 962
Wiatr; «Oczy bądźcie odważne...»; «Noc ciemną przebyłem, moja duszo, noc ciemną...» // Kwiaty akacji. P., 1994; «Radość, do niej dopłyną...» // Ulica Wód. P., 1996.

Анджей Немоевский. Andrzej Niemojewski. 1864–1921
С. 647
Oni wam mówią // Wybór wierszy. W., 1983.

Тадеуш Новак. Tadeusz Nowak. 1930–1991
С. *75-82*
Woda przynosi; Z głową uciętą podniesioną // Kolędy stręczyciela. W., 1962; Mrowisko // Ziarenko trawy. W., 1964; Inna ryba; Śmierć; Krótka szyja // W jutrzni. W., 1966; Psalm o nożu w plecach; Psalm codzienny // Psalmy. K., 1971; Psalm śmietnikowy // Nowe psalmy. W., 1978; Ósmy pacierz azjatycki // Modły jutrzenne – modły wieczorne. K., 1992.

Марек Новаковский. Marek Nowakowski. 1935–
С. 548, 585, 586, 587
Ludziom i nadzorcom; Miasto; Rachunek; Ścierwnik; Tragarze sumienia // Raport o stanie wojennym. W., 1983; Niepokój sumienia // Rachunek. W., 1984.

Беата Обертынская. Beata Obertyńska. 1898–1980
С. 584
Ostatnia jesień // Liryki najpiękniejsze. Toruń, 1999.

Анджей Огродовчик. Andrzej Ogrodowczyk. 1952–
С. 677, 712
Sposób istnienia strachu; Smak piekła // Nie wszystko zostało skończone. K., 1988.

Юзеф Озга–Михальский. Józef Ozga Michalski. 1919–2002
С. *291-294*
Odnalazłbym cię; Okradł cię; Sami // Pełnia. W., 1965; Naczynia połączone; Nieuwaga; Oda do liścia; Tak mnie zawiodły; Trzeba dokładnej miary // Ściernisko. W., 1968; Najtrudniej // Zielony Wezuwiusz. L., 1968; Tylko tyle // Czyściec. W., 1970.

Даниэль Ольбрыхский. Daniel Olbrychski. 1945–
С. 615, 633
Połamane gitary // Puls. 1983. N 18; «Ech Wołodia, ech Wołodia...» // Wspominki o Włodzimierzu Wysockim. W., 1990.

Тадеуш Ольшевский. Tadeusz Olszewski. 1941–
С. 699
czy? // Ciemna pamięć. W., 1990.

Агнешка Осецкая. Agnieszka Osiecka. 1936–1997
С. 442
Zabiegi // Za chwilę. Ł., 2001.

Богдан Остроменцкий. Bogdan Ostromęcki. 1911–1979
С. 926
Brzeg // Cedr. W., 1982.

Мариан Осняловский. Marian Ośniałowski. 1920–1966
С. 838
«Nie całuj mnie tak bardzo długo...» // Suita cygańska. W., 1959.

Бронислава Островская. Bronisława Ostrowska. 1881–1928
С. 676
«Widzieć krew ściekającą żłobionym...» // Pisma poetyckie. T.2. W., 1932.

Анна Островская-Яхимек. Anna Ostrowska-Jachymek. 1961–
С. 890, 891, 892, 960
Idę powąchać; «Jaki świat na mnie czeka?..»; «Ja myślałam...»; Do mamy // Trzewik z zieloną pleśnią. L., 2005.

Адам Охвановский. Adam Ochwanowski. 1952–
С. 535
Może // Dotyk Madonny. Ł., 1984.

Мария Павликовская. Maria Pawlikowska-Jasnorzewska. 1893–1945
С. 439, 458, 518, 730
Telegram // Pocałunki. W., 1926; Kula rewolweru // Dancing. W., 1927; Smutny Ktoś i biedny Nikt; Argument kosmiczny // Balet powojów. W., 1935.

Антоний Павляк. Antoni Pawlak. 1952–
С. 472, 715, 773
Kiedy zastrzelono Che Guevarę // Nasze kobiety się starzeją. K., 1995; «którzy się kłaniali...» // * * *. By., 1984; Tomek wraca tylko we śnie // Strach w moich oczach jest głęboki jak studnia. G., 2002.

Януш Станислав Пасерб. ks. Janusz Stanisław Pasierb. 1929–1993
С.568, 849, 905
viscera per vulnera // Wiersze religijne. P., W., 1983; gdyby; pozwolenie na ból // Czarna skrzynka. W., 1985; Ojcze nasz // Rzeczy ostatnie. Pelplin, 2001.

Алиция Патей–Грабовская. Alicja Patey Grabowska. 1935–
С. 568, 840
Prośba; W ogrodzie // Adam – Ewa. W., 1975.

Мариан Пехаль. Marian Piechal. 1905–1989
С. 483, 883
Wierzyłem // Ognie. L., 1958; Patriotyzm // Moje imperium. L., 1975.

Войцех Пётрович. Wojciech Piotrowicz. 1940–
С. 610
Od // [Źródło nie ustalone].

Эльжбета Пиотровская. Elżbieta Piotrowska. 1918–1987
С. 683, 707, 933
Ścinanie drzew; Elegia; Dodawanie // Drzewa i kamienie. T., 2008.

Яцек Подсядло. Jacek Podsiadło. 1964–
С. 800
Wiersz napisany w ciągu czterdziestu pięciu sekund // Wah wah. W., 1988.

Северин Полляк. Seweryn Pollak. 1907–1987
С. 503
Historia // Oka sieci. W., 1960.

Ян Польковский. Jan Polkowski. 1953–
С. 644
Tak, jestem obcy // Oddychaj głęboko. K., 1981.

Халина Посвятовская. Halina Poświatowska. 1935–1967
С. 518, 698, 778, 818, 819
«Jestem z upływającej wody...» // Hymn bałwochwalczy. K., 1958; Odkąd ptaki odfrunęły z moich słów // Oda do rąk. W., 1966; Jeszcze jedno wspomnienie; «ptaku mojego serca...» // Jeszcze jedno wspomnienie. K., 1968; «zawsze kiedy chcę żyć krzyczę...» // Wiersze wybrane. K., 1975.

Аполония Птак. Apolonia Ptak. 1933–
С. 851
Przestroga // Godzina szczytu. K., 1994.

Аарне Пуу. Aarne Puu. 1948–
С. 459, 595
«Zawsze się znajdzie...», «Ty ścierwo...», «Nareszcie mnie...» // Po tej stronie. K., 1996.

Казимеж Пшерва-Тетмайер. Kazimierz Przerwa-Tetmajer. 1865–1940
С. 802, 843, 881, 951
«Mów do mnie jeszcze... Za taką rozmową...» // Liryki najpiękniejsze. T., 1999; Kto zawsze tylko żył w pustyni // Najpiękniejsze wiersze. W., 2000; Ta trawa, której nikt nie kosi...; Wszystko umiera z smutkiem i żałobą... // Błękitne zadumanie. W., Rz., 2003.

Юлиан Пшибось. Julian Przyboś. 1901–1970
С. 788, 804, 854
Zmęczeni // Z ponad. Cieszyn, 1930; W ogrodzie; W czasie zaprzyszłym // Najmniej słów. K., 1955.

Казимеж Ратонь. Kazimierz Ratoń. 1942–1983
С. *312-315*
Idę; Kto ku mnie idzie; «Twoja twarz powstaje w ciemności...» // Pieśni północne. W., 1972; Ktoś nadchodzi // Gdziekolwiek pójdę. W., 1974; «Może to zdarzy się jeszcze dzisiaj...»; «Musisz iść...» // Poezja. 1984. N 1; «Jeszcze obok skomli ten pies...»; «Deszcz jest nad nami, deszcz opada gwoździami...»; «Nie wejdę na ten zdychający ogród...»; «Wynieście tego trupa który chce zmartwychwstać...» // Pieśni ocalone. W., 1992.

Хелена Рашка. Helena Raszka. 1930–
С. 651
Na świecie // Na poboczu. Sz., 1990.

Ян Ризенкампф. Jan Riesenkampf. 1963–
С. 779
Mimo wszystko // janriesenkampf.com. W., 2002.

Эдвард Кшиштоф Рогальский. Edward Krzysztof Rogalski. 196?-
С. 638, 734
My; «Powieszony patrzy na świat obojętnie...» // Przebudzenie. Sz., 2007.

Веслав Роговский. Wiesław Rogowski. 1930–
С. 887
Debil // Dziecko w poezji polskiej: [Antologia]. W., 1963.

Эрна Розенштейн. Erna Rosenstein. 1913–2004
С. 597, 851
Na cztery strony; Jeszcze cień // Czas. W., 1986.

Вацлав Ролич–Лидер. Wacław Rolicz–Lieder. 1866–1912
С. 926
Obwieszczenie // Poezje wybrane. K., 2003.

Збигнев Росса. Zbigniew Rossa. 1956–
С. *347-351*, 740, 762, 765, 823, 888, 948, 966
Dla dzieci; Czajnik; Dziecinna prośba; Ołowiany żołnierzyk; Zabawki; Przedostatnia bajka // Wiersze rodzinne. Ka., 1983; «słuchaj nazbierało się tych wierszy...»; W obronie człowieka; Na podwórku // Rzeczy proste. Ka., 1987; Miłość // Dekada lit. 1994. N 2; jedenaście słów // Dwadzieścia. Wadowice, 2002; Bocian; Uśmiech; Lekcja chodzenia; Słowo // Wiersze dla taty i mamy. Wadowice, 2003; Płacz // Muza. Wadowice, 2008; Czas [Autorski rękopis z 04.2009].

Мариуш Росяк. Mariusz Rosiak. 1958–
С. 729, 839
Kobiety życia; Szkic do portretu Alter Ego // Szkice do portretu. W., 1983.

Тадеуш Ружевич. Tadeusz Różewicz. 1921–
С. *33-39*, 451, 464, 522, 537, 573, 576, 606, 616, 678, 695, 706, 710, 718, 728, 739, 779, 785, 786, 789, 812, 814, 816, 865, 895, 896, 910, 941
Bursztynowy ptaszek; Krzywda // Niepokój. K., 1947; Głowa w próżni // Pięć poematów. W., 1950; Orzeł // Uśmiechy. W., 1955; Śmierć mieszczańska // Wiersze i obrazy. W., 1952; «Poruszamy się...»; Zostawcie nas; Pośmiertna rehabilitacja // Poemat otwarty. K., 1956; Wypychanie działacza; Uciekinier // Uśmiechy. W., 1957; Fałszywi wściekli // Rozmowa z księciem. W., 1960; Rozebrany; Spotkanie // Formy. W., 1968; Nowy człowiek; Grzeczność nie jest nauką łatwą; Serce // Rozmowa z księciem. W., 1960; Spadanie czyli o elementach wertykalnych i horyzontalnych w życiu człowieka współczesnego // Twarz. W., 1964; Nic; Od jakiegoś czasu; Kapitulacja; Korekta // Twarz trzecia. W., 1968; «Przedzierałem się przez ten sen...» // Opowiadanie traumatyczne; Duszyczka. K., 1979; Nagle // Poezja. T.2. 1988; «czarne plamy są białe...» // Płaskorzeźba. Wr., 1991; Formy poezji // Poezje wybrane. K., 1994; «Czas na mnie czas nagli...» // Słowo po słowie. Wr., 1994; nie wypowiedziane; «dlaczego poeci piją wódkę...»; z ust do ust // Zawsze fragment. Wr., 1996; dlaczego piszę; Wiosna // Szara strefa. Wr., 2002; «biel się nie smuci...»; Palec na ustach; «urodziłem się nosorożcem...» // Wyjście. Wr., 2005; Drobne ogłoszenia i wróżby // Cóż z tego że we śnie [// Poezja. T.4]. Wr., 2006; [«Męczy mnie pragnienie powiedział...»] // [Źródło nie ustalone].

Томаш Ружицкий. Tomasz Różycki. 1970–
С. 605, 828
Prowincja; Zaćmienie // Chata umaita. W., 2001.

Алиция Рыбалко. Alicja Rybałko. 1960–
С. 656
Sejsmologia // Moim wierszem niech będzie milczenie. K., 1996.

Ян Рыбович. Jan Rybowicz. 1949–1990
С. *340-346*, 449, 450, 797, 809, 910, 930, 967, 4 с. обл.
To; Tabletki ze słów; Wiersz o płaczu; Studiując zen; Mój zen; Radość życia; Zgodliwość // Być może to. W., 1980; Kraj Odwrócony; Triumf sprawiedliwości // Poezja. 1982. N 3/4; Już poza śmiercią // Tyg. kult. 1982. N 19; Krótka rozprawa o człowieku // Życie lit. 1982. N 42; Gdy kończy się młodość; Mistrz mistrzów // Życie lit. 1983. N 6; Nowa przeszłość // Życie lit. 1983. N 34; List do samego siebie // Osnowa. 1984. N 9–10; «Do pnia siekiera przyłożona...» // Pismo. 1984. N 11; Pisać poezję // Radar. 1985. N 26; Najtrudniej; Psalm // Radar. 1985. N 28; Codziennie umiera Chrystus w nas // Życie lit. 1986. N 4; Nad rzeką życia; Wolność; Znak; Dobra wiadomość; // Wiersze. K., 1986; Wolność jest więzieniem // Kultura. 1987. N 42; My Polish Tao [Autorski rękopis z dn. 2.11.1987]; Wyjście z obłędu // O kay. W., 1990.

Александр Рыбчинский. Aleksander Rybczyński. 1955–
С. 928
Dom // Jeszcze żyjemy. K., 1982.

Эдвард Рыдз-Смиглый. Edward Rydz-Śmigły. 1886–1941
С. 855
«Odeszli... tylko dwóch lub trzech...» // Dążąc do końca swoich dróg. Londyn, 1989.

Ярослав Марек Рымкевич. Jarosław Marek Rymkiewicz. 1935–
С. *161-167*
Wiersz na te słowa Heraklita: «Nie można wejść dwa razy do tej samej rzeki...» // Anatomia. W., 1970; Co to jest drozd II // Co to jest drozd. W., 1973; «Zapytaj o to zmarłych pokąd twój chleb jedzą...»; «Moje kości rozwiązane...» // Thema Regium. W., 1978; Wiersz na akademię z okazji 38 rocznicy zawarcia układu o wzajemnej pomocy i przyjaźni // Ulica Mandelsztama. K., 1983; Chciałem żeby to było // Moje dzieło pośmiertne. K., 1993; Kartka; Już minęło pół wieku // Znak niejasny, baśń półżywa. W., 1999; Zimowy pogrzeb na cmentarzu w Bolimowie; Ogród w Milanówku – poezja brzóz i kotów // Zachód słońca w Milanówku. W., 2002.

Иоанна Саламон. Joanna Salamon. 1932–2001
С. 674, 681, 689
Przepis na wytwarzanie mas // Kultura. 1984. N 12; Lesie jesteś piękny // Szkice do nowego słownika wyrazów. W., 1978; N; «Nas – wykołysała Natura...» // Nazbierałam w wieczorze świateł. K., 2001.

Ян Владислав Сарна. Jan Władysław Sarna. 1936–
С. 527, 528, 532, 533, 541, 592, 627, 952
Faryzeizm // Sławomir Karski. Aneks do Akutagawy. O., 1996; Suma zer; Proktolobus; Przewody; Opinia; 123 [Cucarachas]; 228 [Głóg]; Satori // Sławomir Karski. Faryzeusze. Kie., 1996

Казимеж Свегоцкий. Kazimierz Świegocki. 1943–
С. 490, 706
Ci co umierali // Labirynt. W., 1997; Głos // Cień nad równiną. W., 2001.

Марцин Светлицкий. Marcin Świetlicki. 1961–
С. 696, 825
Now I wanna be your dog // 37 wierszy o wódce i papierosach. By., 1996; Zdradzanie // Czynny do odwołania. Wołowiec, 2001.

Анна Свирщинская. Anna Świrszczyńska. 1909–1984
С. *12*, *125-129*, 449, 466, 497, 498, 501, 758, 891, 896, 897, 939, 941, 958, 963
Sumienie; Trwoga; Idziemy w pętach; To jest walka ostatnia // Czarne słowa. K., 1967; Ruch; Dążenie do środka; Ja i moje własne towarzystwo; Wdzięczność dla butów // Wiatr. W., 1970; Ona się boi; W niebieskiej

piżamie // Jestem baba. K., 1972; Czternastoletnia sanitariuszka myśli zasypiając // Budowałam barykadę. W., 1974; Mam dziesięć nóg; Sens szuka sensu; Zabiję ciebie; Ci którym plują w twarz; Szczęście przegranych; Oddycham // Szczęśliwa jak psi ogon. K., 1978; Uratowali mnie; Matka umiera; Na tamtym świecie; Morze i człowiek; To nie byłoby dobre; Motyw afrykański: Złe czary; Lekkimi nogami; Przyjdź po mnie // Cierpienie i radość. W., 1985; Jutro będą mnie krajać // Poezja. W., 1997.

Владислав Себыла. Władysław Sebyła. 1902–1940
С. 601
Poeci // Poezje zebrane. W., 1981.

Ванда Серадзкая. Wanda Sieradzka de Ruig. 1923–
С. 505
Ptaki // Nie płacz, kiedy odjadę. W., 1995.

Кшиштоф Сивчик. Krzysztof Siwczyk. 1977–
С. 690? 715
Końcowe początki // Emil i my. Czarne, 1999; «Wolę tamto, a może to...» // Wiersze dla palących. Mikołów, 2001.

Ежи Сикора. ks. Jerzy Sikora. 1959–
С. 912
List do Judasza // Zrywanie dekoracji. Ł., 1993.

Ежи Станислав Сито. Jerzy Stanisław Sito. 1934–
С. 463
Opadanie owoców // Wiersze dawne i nowe. W., 1974.

Марек Скварницкий. Marek Skwarnicki. 1930–
С. 886
Wielki Piątek // Papierowy dzwon. K., 1961.

Ежи Сколимовский. Jerzy Skolimowski. 1936–
С. 506
Wesołe miasteczko // Siekiera i niebo. W., 1959.

Люцина Скомпская. Lucyna Skompska. 1939–
С. 712
Żyje się // Pewien przechodzień. Ł., 1994.

Станислав Сконечный. Stanisław Skoneczny. 1910–1979
С. 461, 470, 479, 938, 955, 958
Brzozy // Koło. W., 1963; Podejrzliwość // Żywioły. K., 1974; Wdzięczność; Las; Uciszenie; Bramy // Liryki wybrane. K., 1980.

Ромуальд Скоповский. Romuald Skopowski. 1945–
С. *184-188*, 453, 513, 757

«z miłości jestem...» // Zostało we mnie. Ka., 1973; Ze słowem biegnę do ciebie; Pobojowisko; «oni są w ziemi...»; Wołanie o brzęk szkła; Tylko ciebie stworzyć nie mogę; «Są jeszcze parki...» // Ze słowem biegnę. Ka., 1979; Skały Tarpejskie // Skały Tarpejskie. Ka., 1984; After // Gałązka rdzy. Ka., 1992; «nieszczęście...»; «Nie wracaj do dawnych przyjaciół...»; Nienawiść // Czekam na błękit. Siemianowice Śląskie, 1994; Serbia A.D. 1999 // Zasiedziałem się, czas na mnie. Ka., 2003.

Роман Сливоник. Roman Śliwonik. 1930–
С. 458, 476, 933
Pamiętasz; «Spróbuj proszę chociaż raz spowodować we mnie radość...» // Z pamięci. W., 1977; «Jeśli będziesz umierał...» // Listopady grudnie stycznie. W., 1987.

Тадеуш Сливяк. Tadeusz Śliwiak. 1928–1994
С. *64-67*, 441, 554, 963
Oswojenie // Wyspa galerników. K., 1962; Strach na wróble // Żywica. W., 1964; Czarny miód; Czytanie blizn // Czytanie mrowiska. W., 1969; Pożar // Widnokres. W., 1971; Czasowniki // Ruchoma przystań. K., 1971; O godności figur // Rajskie wrony. W., 1972; Ostatnia scena; Drzwi drzwi drzwi // Dłużnicy nadziei. Rz., 1978; Szron // Solizman. W., 1981; «Jeśli obudzi się w tobie nadzieja...»; «Strzeż się tego który chce mówić w twoim imieniu...» // Chityna. W., 1982; Sumienie // [Źródło nie ustalone].

Антоний Слонимский. Antoni Słonimski. 1895–1976
С. 944, 953
W drodze; Zaduszki // Cień ziemi. W., 1958.

Иоанна Слюсарская. Joanna Slósarska. 1953–
С. 845
«nie odwracaj się...» // Geo-metria. Ł., 1996.

Ян Сохонь. ks. Jan Sochoń. 1953–
С. 953
Wezwanie // Wszystkie zmysły miłości. W., 1997.

Станислав Сроковский. Stanisław Srokowski. 1936–
С. 505, 529, 675, 700, 705, 721, 766, 781
Sztandar; Żniwa; W imię człowieka // Strefa ciszy. W., 1968; Wypadania // Rysy. Wr., 1968; «nie mam przyjaciół...»; «człowiek współczesny zatomizował się...»; «współczesne kłamstwo jest matematyczne...»; «pytają mnie dlaczego nie piszę wierszy...» // Ptaki nocy, ptaki miłości. Wr., 1979.

Станислав Стабро. Stanisław Stabro. 1948–
С. *253-257*, 524, 727
Bohaterowie są zmęczeni; Kraj który potrzebuje fabryk nie potrzebuje poetów; Lekcja; Wołają mnie; «przyjdą inni i powiedzą to...» // Pożegnanie księcia. W., 1981; Czego pragnie lud?; «Najgłupszy, najnaiwniejszy z narodów ziemi...»; Kurwa poezji polskiej // Dzieci Leonarda Cohena. K.,

1984; Korozja; Przeciwko myśli; Oni już nie są moimi braćmi; Prosty człowiek // Korozja. W., 1989.

Станислав Станик. Stanisław Stanik. 1949–
С. *378-383*, 624, 685
Motyl // Objęcie. W., 1991; przesłanie do skrytobójcy; modlitwa o dobrą śmierć; państwo śledzi moje wiersze // Płacz zapiekły, miłość, choroba, śmierć. W., 2001; prośba o ogień; szczeble nie do pokonania; władza szuka dla siebie naiwnych; w tajnych służbach nie mogą byc innowiercy; destrukcja; nóż w plecy // Żywioły obłaskawione. W., 2003; Historia; Maszyna ssie odpady // Pocztówki wiarygodne. Ciechanów, 2005.

Мечислав Станцлик. Mieczysław Stanclik. 1944–
С. 870
«A o mnie nikt się nie upomni...» // Ikonostas. Ka., 1980.

Леопольд Стафф. Leopold Staff. 1878–1957
С. *189-192*, 450, 465, 751, 790, 804, 833, 874, 878, 902, 909, 920, 947
Po latach // Gałąź kwitnąca. Lwów, 1908; Uśmiechy godzin. Lwów, 1910; O, moje szare dni... // Szumiąca muszla [Sowim piórem]. W., 1921; «Daleko pójdę, z daleka wrócę...»; «Kto szuka Cię, ten znalazł Ciebie...» // Ucho igielne. W., 1927; Radość; Pieśń // Barwa miodu. W., 1936; «Kto jest ten dziwny nieznajomy...» // Martwa pogoda. W., 1946; Ciężar; Most; Opóźnionemu; Podwaliny; Wyprzedzającemu // Wiklina. W., 1954; Alea iacta est; Dos moi pou sto; Krzywda; Problemy; Przebudzenie; Wieczór; Wiosna; Odys; Stojąc sam // Dziewięć muz. W., 1958.

Эдвард Стахура. Edward Stachura. 1937–1979
С. *20*, *168-175*, 436, 487, 792, 810, 875, 960, 964, форзац, нахзац
Róża; Noc albo oczekiwanie na śniadanie; Morze martwe; «Skóry twoje skąpane od wewnątrz...»; «Przebyłem noc właśnie i nikt mnie nie wita...» // Dużo ognia. W., 1963; W polu // Falując na wietrze. 1966; Przystępuję do ciebie [Fragmenty] // Przystępuję do ciebie. W., 1968; Po ogrodzie niech hula szarańcza [Fragmenty] // Po ogrodzie niech hula szarańcza. P., 1968; Fabula rasa [Fragmenty] // Fabula rasa. Ol., 1979; Człowiek człowiekowi; Banita; Gdziekolwiek; Piosenka nad piosenkami // Piosenki. W., 1980; «Odnalazły się marzenia...»; Kropka nad ypsylonem [Fragmenty] // Poezja i proza. T. 1. W., 1982; «Kiedy idę, to jakbym pisał...»; List do pozostałych // Poezja i proza. T. 5. W., 1982.

Януш Страсбургер. Janusz Strasburger. 1925–2000
С. 750, 762, 774, 843, 903
My, cudzoziemcy; Wyrzec to słowo; Rzez osobista; Do nieznanych przyjaciół; O życiu // Wreszcie na swoim. K., 1990.

Анджей Струмилло. Andrzej Strumiłło. 1928–
С. 634
Wietnam // Jak. K., 1983.

Конрад Стшелевич. Konrad Strzelewicz. 1934–
С. 525
Wszechogarniający smród // Koce Kwakiutlów. K., 1974.

Януш Стычень. Janusz Styczeń. 1939–
С. 717, 806
Zabawa // Poezja mroku. Wr., 1994; Instrumenty // Groza wtajemniczenia. W., 1996.

Михал Тарковский. Michał Tarkowski. 1943–
С. 760
Przechadzka // Fantastyka. 1985. N 12.

Ян Твардовский. ks. Jan Twardowski. 1915–2006
С. *89-92*, 811, 813, 814, 821, 834, 867, 900, 901, 905, 906, 907, 908, 918, 919, 920, 948, 949, 955
«Dziękuję Ci po prostu za to że jesteś...»; Nie; Nic więcej; Wiem; Sprawiedliwość // Znaki ufności. K., 1970; W kolejce do nieba; Podobieństwa; Spotkania; Biedna logiczna głowa; Skrupuły pustelnika; Jeszcze; Wieczność // Poezje wybrane. W., 1979; Przeciw sobie; Pewność niepewności; Święty gapa // Niebieskie okulary. K., 1980; Wiara // Który stwarzasz jagody. 1983; «Dogmatycy hałasują po łacinie...»; «Ile napisano pobożnych książek...» // Nie przyszedłem pana nawracać. W., 1986; Pisanie // Na osiołku. L., 1986; «Święty Franciszku z Asyżu...» // Nie przyszedłem pana nawracać. W., 1989; Kiedy mówisz; Wierzę; Czemu; Ryczał // Sumienie ruszyło. W., 1989; Dziękuję («Dziekuję Ci, że miałeś ręce, nogi, ciało...») // Tyle jeszcze nadziei. B., 1993; Miło // Miłość zdjęta z krzyża. W., 1995; Za wszystko // Sześć pór roku. K., 1995; Podrapana za nic // Wiersze wybrane. W., 1995; Ucieczka // Spóźnione kukanie. K., 1996; Co wiesz // Przed kapłaństwem klękam. W., 1996; Ogień; Na ręce // Jak tęcza co sobą nie zajmuje miejsca. W., 1997; Potem // Biedroneczko leć do nieba. K., 1997; Ocal; Taki malutki // Niebo w dobrym humorze. W., 1998; Wobec bólu // Miłość miłości szuka. T. 1. W., 1999; Przyszło // Nadzieja uczy czekać. W., 2000; Czas; Po obu stronach // Znaki ufności; Wiersze rozproszone. K., 2002; Dobranoc // Mała ojczyzna. Olszanica, 2002; Nagroda // Zawsze na zawsze. W., 2004; «Niedługo spotkamy się znowu...» // Wiersze z szuflady. P., 2007.

Стефан Темерсон. Stefan Themerson. 1910–1988
С. 874
«Jesteśmy tylko gośćmi...» // [Źródło nie ustalone].

Анджей Титков. Andrzej Titkow. 1946–
С. 709, 731, 732
Zapis z 2 czerwca 1975 roku; Zapis z 12 września 1988 roku // Zapisy, zaklęcia. W., 1996; [«Wymoczku...»] // [Źródło nie ustalone].

Томаш Титков. Tomasz Titkow. 1969–
С. 688, 689, 726, 946

«panowie powoli staje się jasne...»; Na śmierć!; Duma; «tam była kiedyś zielona niwa...» // Fuga z makiem. W., 1996.

Тереса Томся. Teresa Tomsia. 1951–
C. 748, 763, 775, 902
«Nie chcę już żadnej nadziei...»; Modlitwa współczesna // Teraz żyj. P., 1991; «Wołaliśmy: Panie...» // Przed pamięcią. P., 2000; Piękne jest to o czym śnimy // Schöner – Piękniejsze – C'est plus beau. Rimbach, 2000.

Юлиан Тувим. Julian Tuwim. 1894–1953
C. *193-197*
Mądrość; Symfonia o sobie: II Andante // Czyhanie na Boga. W., 1918; Właściwie; Próba // Sokrates tańczący. W., 1920; Myśl // Siódma jesień. W., 1922; Omen // Wybór poezji. W., 1947; Mucha; «Rozwiązują się nagle i lekko...»; «Zawsze mi się w życiu szczęściło i szczęści...»; Hołdy // Dzieła. T.1. Wiersze. Cz.2. W., 1955; «Sądzę, że dwa i dwa jest cztery...» // Dzieła. T. 3. Jarmark rymów. W., 1958.

Марек Мариуш Тытко. Marek Mariusz Tytko. 1967–
C. 878
Hymn o Świetle // Spotkanie Innego. K., 1997.

Богдан Урбанковский. Bohdan Urbankowski. 1943–
C. *198-203*
«chciałem żyć kapo wybił mi oko...»; Maria; N 26178; T. Borowski // Głosy. Ł., 1972; Oni // Gra z czasem. W., 1999; Anna NN; Heinz Strauss; Ludwik Fleck; Filip Mila (I). Leichenheizer; Ojciec Jan // Głosy. W., 2005.

Ежи Фицовский. Jerzy Ficowski. 1924–2006
C. 481, 596, 652, 743, 754
Onegdajszość; Opowiem ci historię; Z kroniki wydarzeń; Z notesu (2) //Gryps i Errata. K., 1982; «Nie zdołałem ocalić...» //[Zródło nie ustalone].

Станислав Франчак. Stanisław Franczak. 1946–
C. 440, 460, 936
Z Sokratesa // We mgle. W., 1988; W muzeum Oświęcimskim z Fritzem N.; Doktor Korczak // Popiół i gorycz. K., 1993.

Збигнев Влодзимеж Фрончек. Zbigniew Włodzimierz Fronczek. 1947–
C. 460, 481
Kilka uwag dla osób chcących wziąć udział w spektaklu – Jak przeżyć własną śmierć; Krótka rozprawa o anonimie najdoskonalszym gatunku literackim // Polowanie z nagonką. L., 1977.

Марцин Халась. Marcin Hałaś. 1968–
C. 911, 912
Protokóły (nr 18, 27, 41); «piąty prokurator Judei...» // Protokóły. Ka., 1989.

Ежи Харасымович. Jerzy Harasymowicz-Broniuszyc. 1933–1999
С. *68-74*, 696, 713, 720, 780, 787, 845
Złe wykonanie koncertu // Cuda. W., 1956; Muchomór; Mak // Mit o świętym Jerzym. K., 1960; Czarny bez; Rozmowa; Pamiątkarstwo // Ma się pod jesień. W., 1962; Paszport; Konie; Las; Strych // Podsumowanie zieleni. W., 1964; Marznie //Zielony majerz. 1969; Głogi; Mój dom; Żyję w przepychu; Elementarz //Zielnik. K., 1972; Niedziela //Wybór wierszy. K., 1975.

Юлия Хартвиг. Julia Hartwig. 1921–
С. 473
Odloty // Zeszyty literackie. 2008. N 103.

Тадеуш Хентковский. Tadeusz Chętkowski. 196?–
С. 474, 561
Reggae dla Boba Marleya; Ta muzyka jest łagodna jak śmierć // Poezja. 1984. N 4.

Збигнев Херберт. Zbigniew Herbert. 1924–1998
С. *145-156*, 486, 696, 725, 730, 932
Siódmy anioł; Pijacy; Gabinet śmiechu; Samobójca // Hermes, pies i gwiazda. W., 1957; Kamyk; Głos wewnętrzny; Higiena duszy; Kiedy świat staje // Studium przedmiotu, W., 1961; Przesłuchanie anioła; «Zasypiamy na słowach...» // Napis. W., 1969; Pan Cogito a ruch myśli; Pan Cogito o postawie wyprostowanej // Pan Cogito. W., 1974; Co widziałem; Ze szczytu schodów // Raport z oblężonego miasta. Paryż, 1983; Brewiarz; Przyszło do głowy // Epilog burzy. Wr., 1998.

Малгожата Хилляр. Małgorzata Hillar. 1926–1995
С. 733, 803, 807, 913
Sen o wrzosie // Gliniany dzbanek. W., 1958; My z drugiej połowy XX wieku // Prośba do macierzanki. W., 1959; «Rozumiem Panie że nie możesz mnie pomóc...»; Ściana // Poezje wybrane. W., 1999.

Эдвард Холда. Edward Hołda. 1924–
С. 746
Ułamki // Po latach świetlnych. W., 1975;

Богдан Хоронжук. Bogdan Chorążuk. 1934–
С. 820, 897
Zegarmistrz światła // Zegarmistrz światła. Ol., 1973; Tren o róży; Odcień ciszy // Tadeusz Woźniak [LP SXL 1160]. W.: Muza, 1974.

Дорота Хрусцелевская. Dorota Chróścielewska. 1948–
С. 794
«Czego chcesz od nas Panie za Twe chojne dary...» // A moja ręka jest od róży. Ł., 1982.

Тадеуш Худый. Tadeusz Chudy. 1931–
С. 835, 889, 891

To Muzyka // Pod oknem nieba. W., 1989; Tu w drzew ciszy // Aby było jaśniej. W., 1994; W jesieni; W świętojańską noc // Blisko serca. W., 1981.

Анешка Цвелёнг. Agnieszka Ćwieląg. 1977–
C. 930
«Odwracam się jeszcze raz...» // Uwierzyć w wiosnę. K., 2004.

Кшиштоф Цвиклинский. Krzysztof Ćwikliński. 1960–
C. 521, 777, 895
«Nie wolno Ci zapomnieć. Musisz zapamiętać...»; Portret matki artysty z czasów starości; Słowa // Kropelka krwi. T., 1999.

Веслав Станислав Цесельский. Wiesław Stanisław Ciesielski. 1959–
C. 857
Ze śmiercią w pokera // Wieża Babel. By., 2004.

Богдан Чайковский. Bohdan Czajkowski. 1932–
C. 458
Argument // Wiatr z innej strony. K., 1990.

Анна Чахоровская. Anna Czachorowska. 1953–
C. 954
[Jedno mgnienie...] // Zanim słońce zejdzie zboczem. W., 2004.

Станислав Свен Чахоровский. Stanisław Swen Czachorowski. 1920–1994
C. 454
Świetnisko // Klęczniki oriońskie. W., 1972.

Пётр Челеш. Piotr Cielesz. 1958–
C. 639, 734, 735, 767
Synowie marnotrawni // Widok ze sklepu z zabawkami. W., 1980; Arcypolskie // Trzy źródła. By., 1997; cieniem chciałbym być; kilka skrótów tuż po sierpniu 1980 roku // długo mnie u Ciebie nie było. By., 2003.

Юзеф Чехович. Józef Czechowicz. 1903–1939
C. 929
Przemiany // Kamień. L., 1927.

Богдан Чешко. Bohdan Czeszko. 1923–1988
C. 582
Rozmowa z profesorem // Edukacja niesentymentalna. W., 1958.

Александр Чирлич. Aleksandar Ćirlić. 1984–
C. 940
Ojciec // Troje szklanych ludzi przy żółtym stole. W., 2003.

Бранислав Чирлич. Branislav Ćirlić. 1916–
С. 511
Na tamtym świecie // Poezja dzisiaj. 2004. N 39.

Мачей Число. Maciej Cisło. 1947–
С. 768
Domysły // Razem osobno – wieloksiążka. W., 1997.

Лешек Шаруга. Leszek Szaruga. 1946–
С. *373-377*
Licentia poetica // Nie ma poezji. K., 1981; Zależności; Między; Dialog // Nie mówcie Europa. Berlin, 1988; Ocalony // Przed burzą. K., 2001; Et in Arcadia ego; Krater; Dance macabre; Poezja, tak; Koniec wojny, początek (Wiersz zaangażowany) // Wiersze skrócone. K., 2004.

Леон Швед. Leon Szwed. 1918–
С. 533
Przyjście // Przemiany i znaki. Wr., 1982.

Вислава Шимборская. Wisława Szymborska. 1923–
С. *54-63*, 538, 679, 717, 720, 866
Rozmowa z kamieniem // Sól. W., 1962; Szkielet jaszczura // Wszelki wypadek. W., 1972; Eksperyment; Parada wojskowa; Terrorysta, on patrzy; Stary śpiewak; Pochwała złego o sobie mniemania; Utopia // Wielka liczba. W., 1976; Konszachty z umarłymi; Pisanie życiorysu; Pogrzeb // Ludzie na moście. W., 1986; Nienawiść // Koniec i początek. P., 1993; Przyczynek do statystyki; Chmury; Wszystko // Chwila. K., 2002.

Адам Шипер. Adam Szyper. 1939–
С. 484, 798
Nie ma odległych miejsc // Życie pod prąd. W., 2001; Hieny podchodzą pod nasze okna // [Źródło nie ustalone].

Кристина Шляга. Krystyna Szlaga. 1938–
С. 577
Wilk o idei // Słowo Wilka. K., 1982.

Лукаш Шопа. Łukasz Szopa. 1973–
С. 807
Fotografia // Roadmovie. B., 2000.

Анджей Шуба. Andrzej Szuba. 1949–
С. 472
Do it with hate // Na czerwonym świetle. Ka., 1983.

Януш Шубер. Janusz Szuber. 1948–
С. 668
Było // Lekcja Tejrezjasza. K., 2003.

Люциан Щепаняк. ks. Lucjan Szczepaniak. 1960–
С. 826, 914, 915, 923, 924
Zgorszenie; Jeśli Bóg istnieje; Serce // Łzy Boga. K., 1999; Dokąd iść? // Łzy Boga. K., 2000; Powtórne przyjście // Bezbronny Ojciec. K., 2001.

Якуб Экер. Jakub Ekier. 1961–
С. 549
jednocześnie // Podczas ciebie. K., 1999.

Лешек Электорович. Leszek Elektorowicz. 1924–
С. 923
I tak jest dobrze // Jeden znak. K., 1993.

Лешек Энгелькинг. Leszek M. Engelking. 1955–
С. 943
«Od tego się nie umiera...» // Mistrzyni kaligrafii. K., 1994.

Мария Юзефацкая. Maria Józefacka. 1942–
С. 686
«Kiedy już wszystko...» // Ziemia spotkania. W., 1989.

Стефан Юрковский. Stefan Jurkowski. 1948–
С. 523, 770, 950
Dieta // Genesis. K., 1985; Liryk o nadziei; «W moim pokoju...» // Rekonstrukcja. P., 1997.

Вит Яворский. Wit Jaworski. 1944–
С. 597, 791
Państwo Platona; Zapisek malarza Szy Tao // Kropla. K., 1998.

Кшиштоф Яворский. Krzysztof Jaworski. 1966–
С. 459, 614, 639, 726
Zmierzch; Cisza // Czas tryumfu gołębi. Wr., 2000; Egocentryzm, Sentymentalizm, Melancholia; Krajobraz azjatycki // Kapitał w słowach i obrazach. Kielce, 2002.

Лех Марек Якуб. Lech Marek Jakób. 1953–
С. 691, 842
[Aforyzmy] // Mądre głupoty. Koszalin, 1988; Zobacz, kto za drzwiami // Psy mojej młodości. G., 1981.

Александр Янта-Полчинский. Aleksander Janta Połczyński. 1908–1974
С. 609, 877
Przestroga; Równania // Przestroga dla wnuków. Londyn, 1971.

Ежи Ярмоловский. Jerzy Jarmołowski. 1940–
С. 469
rondo na płot i wróble // Któraś od róży jest i koniczyny. Ł., 1982.

Генрик Ясичек. Henryk Jasiczek. 1919–1976
С. 498
Wierność // Obuszkiem ciosane. Ka., 1961.

Здислав Яскула. Zdzisław Jaskuła. 1951–
С. 736
Testament mój // Puls. 1978. N 2.

Мечислав Яструн. Mieczysław Jastrun. 1903–1983
С. 636, 738, 873, 922
Człowiek // Poezja i prawda. W., 1955; Od wybuchu wód do strumienia krwi // Większe od życia. W., 1960; W nocy lub nad ranem // Wiersze z jednego roku. W., 1981; Pakt z szatanem // Inna wersja. W., 1982.

Томаш Яструн. Tomasz Jastrun. 1950–
С.471, 482, 542, 571, 614, 893
Piece // Wiersze. W., 1997; Sprawiedliwość; Rozkład; Powtórka // Obok siebie. W., 1989; «Przegrałem...» // Wiersze. W., 1997; Regulamin // Bez usprawiedliwienia. W., 1978.

Указатель произведений

«Воздух мира вошёл в меня...» *Анна Свирщинская* 12

Тадеуш Боровский. О поэзии и поэте 13

I **ОПРОКИНУТЫЙ СВЕТ: Антология поэтов**

«Читай карты, читай землю, читай небо...» *Эдвард Стахура* 20

Станислав Мисаковский
Я НЕ СКАЗАЛ 21

«Земля изнурённая днём...» 21 – «Меня ограбили начисто...» 21 – Молитва подушке. 22 – Я не сказал. 22 – Её покинули. 22 – Выход и вход. 23 – Современные вампиры. 23 – Умирать в рассрочку. 24 – Не вернусь. 25 – Вторжение земли. 25

Станислав Гроховяк
ЗАВТРА НАЧНЁТСЯ 26

Относительность. 26 – Убитый король. 26 – Грудь королевы точёная из липы. 27 – Зеркало. 28 – В потёмках. 28 – Собака над озером. 29 – Диалог. 30 – Откровение святого Иоанна. 30 – «Я посмотрел в лицо Мечте...» 30 – Стансы. 31

Тадеуш Ружевич
БЕЛЫЕ ФЛАГИ 33

Падение. 33 – Чучело. 34 – Голова в пустоте. 34 – Встреча. 35 – Беженец. 36 – Посмертная реабилитация. 36 – Ничто. 37 – Корректура. 38 – Не первый год. 38 – Капитуляция. 38

Тымотеуш Карпович
УРОК ТИШИНЫ 40

Faux pas. 40 – Сон карандаша. 40 – Испорченный конь. 41 – Пёс который залаялся. 41 – Перед самым лесом. 42 – Шапка-шапочка. 42 – Во имя смысла. 43 – Разложение движения. 43 – Неприкосновенный запас. 44 – Эпитафия. 44

Мирон Бялошевский
КТО БЫ МОГ ПОДУМАТЬ 46

Лирика спящего. 46 – вот и всё. 46 – «у» плохая буква. 47 – !о! 47 – растворение во мне цитаты. 47 – Голос её... 48 – исшествие туфлями. 48 – где собака забыта. 48 – Выпадение из грамматики. 49 – Радостный автопортрет. 49

Владислав Броневский
КОГДА ТЕБЕ ПРИСТАВЯТ К ГОРЛУ НОЖ 50

Два голоса. 50 – «Стоит ли струны мучать...» 50 – Тишина. 51 – Трубочист. 51 – На рассвете. 51 – Дубовые листья. 52 – «Летим и летим на землю – снежинки...» 52 – Счастье. 52 – День поминовения. 53 – «Мне не играли златые трубы...» 53

Вислава Шимборская
РАЗГОВОР С КАМНЕМ 54

Скелет ящера. 54 – Похвала дурного о себе сужденья. 55 – Утопия. 55 – Как писать автобиографию. 56 – Разговор с камнем. 57 – Ненависть. 59 – Эксперимент. 60 – К вопросу о статистике. 61 – Всё. 62 – Тучи. 62

Тадеуш Сливяк
ШУТКА ПЕРСПЕКТИВЫ 64

Привычка. 64 – Пугало. 64 – «Если в тебе проснётся надежда...» 64 – Чтение шрамов. 65 – «Берегись того кто всегда готов...» 65 – О достоинстве форм. 65 – Иней. 66 – Глаголы. 66 – Двери двери двери. 67 – Пожар. 67

Ежи Харасымович
ВСЁ ШИТО-КРЫТО 68

Букварь. 68 – Мак. 68 – Кони. 69 – Лес. 69 – Чердак. 70 – Мухомор. 70 – Чёрная бузина. 71 – Разговор. 72 – Паспорт. 73 – Воскресенье. 73

Тадеуш Новак
КОРОТКАЯ ШЕЯ 75

Псалом про нож в спине. 75 – Другая рыба. 75 – Смерть. 76 – Вода приносит. 77 – Муравейник. 77 – Отрубленную голову подняв. 79 – Псалом свалки. 79 – Восьмая азиатская молитва. 80 – Будничный псалом. 81 – Короткая шея. 81

Ярослав Ивашкевич
НО ВЕДЬ БЫЛО БЫЛО 83

Колыбельная. 83 – «Когда уже не лает пёс...» 83 – «Ссохлось перо, но пока ещё пишет...» 84 – Азиаты. 84 – Proverbium. 85 – «Нет ни тени смысла...» 85 – «Никто не сложит им ладони...» 86 – Через тысячу лет. 86 – «Сбудутся вёсны...» 87 – Ночь в августе. 88

Ян Твардовский
ОЧЕРЕДЬ В НЕБО 89

Сходство. 89 – Справедливость. 89 – Очередь в небо. 90 – Раз говоришь. 90 – Знаю. 90 – Уверенность в неуверенности. 91 – На фоне боли. 91 – Верю. 91 – Бедная логичная голова. 92 – «Спасибо Тебе за то что Ты есть...» 92

Константы Ильдефонс Галчинский
МУЗЫКОЙ БУДЕШЬ СПАСЁН 93

Золотая купель. 93 – Фаэтон. 93 – Бал у Соломона. 94 – Убийство на Пьяцца Ирреале. 95 – Кретин и лодка. 96 – Власть и общество. 97 – Только мертвец... 97 – После праздников. 97 – «Тихо откроем ворота...» 98 – Музыкой будешь спасён. 99

Рафал Воячек
ХОРОШИЙ ВЫХОД 100

Коснуться. 100 – Сезон. 100 – «Хороший выход спать...» 101 – «Дама в мехах...» 102 – Начало стихотворения. 103 – Вдвоём. 103 – Крест. 103 – Смерть ещё не нашла себе формы. 104 – Песенка о поэте. 104 – На именины Рафала Воячека. 105

Виктор Ворошильский
ТВОЙ КРИК ТВОЙ КРЕСТ 106

Молитва о спасении. 106 – Публика. 106 – Обвинительное заключение. 107 – О чём идёт речь. 108 – Я видел сон. 108 – «Ты это кто-то другой...» 109 – Поговорили. 109 – Последний раз. 110 – Во сне. 110 – Посмотри ей в глаза. 111

Эрнест Брылль
СКВОЗЬ БОЛЬ 114

Картинки на стекле. 114 – «Жила-была страна – остался тёмный край...» 115 – «В том ветру что рекою сгустился над нами...» 116 – «Вроде огней изобилье...» 116 – «А может, нас на свете нету?..» 116 – «Всё, что сломано, втоптано в землю...» 116 – Всё ниже. 117 – Тьма. 117 – Зову тебя зову. 118 – Колядка. 118 – У дома есть душа. 118

Тадеуш Боровский
РАВНОДУШНЫЙ БЕРЕГ 120

В дневник. 120 – «не стихи и не проза...» 120 – Начало евангелия. 120 – Новогодние строки. 121 – Проект флага. 122 – «Чего я жду? Придёт рассвет...» 122 – Пейзаж чужбины. 123 – «Мне за битвы орден – не впору...» 123 – «Если ты умерла, помни...» 124 – «Я знаю: вечен круг лишений...» 124

Анна Свирщинская
НЕБО ОПЛЁВАННЫХ 125

Десять ног. 125 – Четырнадцатилетняя санитарка думает, засыпая. 125 – Стремление к сути. 126 – Смысл ищет смысла. 126 – Я в Своём Собственном Обществе. 126 – Она боится. 127 – В голубой пижаме. 127 – Движение. 128 – Я убью тебя. 128 – Те, кому плюют в лицо. 129

Ярослав Маркевич
ПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ 130

Надгробие на реке. 130 – Выход. 130 – «В центре города ночью лает собака...» 131 – «Бумажный барабан...» 131 – Сейчас же. 131 – «С теми, кого ты понимаешь...» 132 – И всё-таки я хотел бы об этом сказать. 132 – «То, что рождается, рождается не из милости...» 133 – «Я начинаю, а тут уже начато...» 133 – «Одни скучают, другие – скучны...» 134

Болеслав Лесьмян
В ТЕНИ ДРУГОГО САДА 135

Двое приговорённых. 135 – «В дверях с тобою мы стоим...» 135 – Незримые. 136 – Избушка. 136 – «Здесь я – во тьме земли, но я – и там тоже...» 137 – «Что я сделал? – как ты побледнела...» 137 – «По столу веночек наугад пустила...» 138 – «Пусто в доме. Мрак в прихожей...» 138 – «Если б снова я тебя впервые повстречал...» 138 – «Боже, в небе полный силы...» 139

Станислав Бараньчак
ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ 140

Протокол. 140 – Вы тут не стояли. 140 – Простите кто последний. 141 – Плакат. 141 – За дальнейший успешный. 142 – Прикуси язык. 142 – Не умещается в голове. 143 – Посмотрим правде в глаза. 143 – Восстановление порядка. 144 – Определённая эпоха. 144

Збигнев Херберт
КОМНАТА СМЕХА 145

Камень. 145 – Допрос ангела. 145 – Пан Когито о том, что значит не сгибаться. 146 – Внутренний голос. 148 – Комната смеха. 149 – Что я видел. 150 – На верхней ступеньке. 150 – Седьмой ангел. 152 – Пан Когито и движение мыслей. 153 – Пришло в голову. 154

Станислав Ежи Лец
НАБРОСОК НЕБЫТИЯ 157

Тишина. 157 – «В сердце моё верили только те...» 157 – Те, кто его преследовал. 158 – Кто выкинул. 158 – Кто рыл себе могилу. 158 – Я видел. 158 – Даже перед самим собой. 159 – Я видел набросок Небытия. 159 – Больше всего воды. 160 – «Меня хоронили уже не раз...» 160

Ярослав Марек Рымкевич
БЕЛАЯ СТРАНИЦА..... 161

Я хотел чтобы это было. 161 – «Косточки мои рассыпаны...» 161 – Стихи на слова Гераклита… 162 – А что же дрозд II. 163 – «Спроси об этом мёртвых покуда ты им важен...» 163 – Позади полвека. 164 – Стихи на торжественный акт... 165 – Зимние похороны на кладбище в Болимове. 165 – Сад в Милянувеке – поэзия берёз и кошек. 166 – Страница. 167

Эдвард Стахура
ПОТЕРЯННЫЙ КЛЮЧ..... 168

Роза. 168 – «Шкуры твои изнутри отмыты...» 168 – Пусть саранча ворвётся в сад. 169 – Мёртвое море. 171 – Обращаюсь к тебе. 172 – Ночь, или Ожидание завтрака. 172 – Где бы ты ни был. 173 – «Я прошёл сквозь ночь и никто меня не встречает...» 173 – Впереди себя. 174 – Письмо Тем, Кто Остался. 175

Лешек Александр Мочульский
НА КОНЧИКЕ СЕКУНДНОЙ СТРЕЛКИ..... 176

Хоровод. 176 – Из первых важнейших открытий. 177 – Икар. 178 – Прежде чем. 178 – Голос. 178 – Равновесие. 179 – Вера. 180 – Рефрен. 182 – Обретение равновесия. 182 – «Ночь где живёшь ты...». 183

Ромуальд Скоповский
ЗВОН РАЗБИТОГО СТЕКЛА..... 184

«и я рождён любовью...» 184 – Тебя я создать не могу. 184 – Мольба о том, чтобы раздался звон стекла. 185 – «В тёмной аллее...» 185 – Тарпейские скалы. 185 – Ненависть. 186 – Поле боя. 186 – «Не возвращайся к старым друзьям...» 186 – «Они в земле но их глаза открыты...» 187 – Бегу к тебе я со словом. 187

Леопольд Стафф
ДАЙ СЕБЯ ЗАСЫПАТЬ СНЕГУ..... 189

Проблемы. 189 – Мост. 189 – Фундамент. 190 – Ноша. 190 – Dos moi pou sto. 190 – Опоздавшему. 190 – Alea iacta est. 191 – Весна. 191 – Тому, кто вырвался вперёд. 191 – Вечер. 192

Юлиан Тувим
Я ВЕРЮ: ДВАЖДЫ ДВА – ЧЕТЫРЕ..... 193

Легко и нежданно. 193 – Муха. 193 – Мысль. 194 – Предсказанье. 194 – «Я верю: дважды два – четыре...» 195 – По сути. 195 – Попытка. 195 – Мне в жизни везёт и везло всегда. 196 – Похороны Галчинского. 196 – Анданте. 196

Богдан Урбанковский
И ЭТО – МИР 198

Мария. 198 – Мусульманин. 198 – № 26178. 199 – Тадеуш Боровский. 199 – Гайнц Штраус. 200 – Людвик Флек, ассистент доктора Динга. 201 – Филипп Миля, трупожог. 201 – Анна Н. 202 – Отец Ян. 202 – Они. 203

Юлиан Корнхаузер
ЧЕГО РАДИ ЛЕЗТЬ НА РОЖОН 204

игра. 204 – Он. 204 – Всё верно. 205 – Сердце этот крикливый вечерний «экспресс» 205 – Будь откровенен. 206 – Замеченные опечатки. 206 – К вопросу о предлогах. 206 – Рождается новый человек. 207 – «Сбор живицы» 207 – В хлебах. 208

Анджей Бурса
ВЕТРОАЭРОТЕРАПИЯ 209

Урок ходьбы. 209 – Пинки. 209 – «Как он мил и умён...» 210 – Туфелька. 210 – Кассир. 210 – В баре. 211 – «Доктор Н богач и чудотворец...» 211 – Речь на похоронах. 212 – Грубый силлогизм. 212 – Добрый психиатр. 213

Яцек Качмарский
ВСЛЕПУЮ И НАСМЕРТЬ 214

Расстрел. 214 – Литания. 215 – Басня. 215 – Раскопки. 216 – Гадание. 217 – Антилитания переходного времени. 217 – Образец. 218 – Клятва. 218 – Старость Тесея. 219 – Стены. 220

Эва Липская
НИЧЕГО КРОМЕ ЖИЗНИ 222

«Я лежала на дне...» 222 – Попытка. 222 – Уверенность. 223 – Свидетель. 223 – Торфяники большинства. 224 – Предостережение. 225 – Ястребиное око. 225 – Открытие. 226 – Рецепт. 226 – Простите меня. 227

Юзеф Баран
ЭТО УЖЕ НЕ МЫ 228

Встреча. 228 – Шляпа. 228 – Как только. 229 – Игра. 230 – Пока ещё. 232 – Город фарисеев. 232 – Переправа. 233 – Марш на закате дня. 234 – Сама жизнь. 234 – Чужой город. 235

Адам Загаевский
БЕЛАЯ СЕТКА НЕРВОВ 236

Знамя. 236 – Я отвечаю только за себя. 236 – Объявление. 237 – Что случилось. 237 – Прощание с чёрными днями. 238 – Только ночи. 238 – Количество. 238 – Попытайся воспеть искалеченный мир. 238 – Однажды я решил (узнать кто я такой). 239 – Гомункул. 239

Кшиштоф Камиль Бачинский
ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ ВРЕМЕНИ 241

«Вот небо – большое, как небо юга...» 241 – Песня. 241 – Зеркало. 242 – Вечера. 242 – В тот день. 242 – Молитва I. 243 – Молитва III. 244 – «Слово тяжело, и всё же легче...» 245 – Вызов. 245 – Баллада о поезде. 246

Эва Найвер
ПОДЕЛОМ ЖЕ НАМ ВСЕМ 247

Ситуативный тест. 247 – Аурик: Мы спокойные люди. 247 – «Я не доверяла воде...» 248 – Геометрия. 249 – Господин мастер. 249 – Советы тому, кто желает уснуть. 250 – Умножение усилий. 250 – Разговор с поэтом. 251 – Игра в прятки. 251 – Тень. 252

Станислав Стабро
ИДУТ ЖАНДАРМЫ СНА 253

Стране нужны заводы и не нужны поэты. 253 – Они мне больше не братья. 253 – Простой человек. 254 – Герои устали. 254 – Урок. 255 – Меня зовут. 255 – Чего хочет народ? 255 – «Самый глупый, самый наивный из народов Земли...» 256 – Курва польской поэзии. 256 – «Другие придут и скажут...» 257

Чеслав Милош
АД СУЩЕСТВУЕТ 258

Задача. 258 – Рыба. 258 – Дитя Европы. 258 – Высшие доводы в пользу порядка... 259 – Когда я говорил. 260 – Структурализм. 260 – Доказательство. 261 – Мимоходом. 261 – Так мало. 261 – «Сперва большие – люди и деревья...» 262

Казимеж Вежинский
ОТ ИСТОКА ВЕЛИКОЙ РЕКИ 263

Спуск. 263 – Волки. 263 – Заповеди. 264 – Некролог. 265 – Костяные башни. 266 – Memento. 267 – Слова. 267 – Апофеоз. 268 – Не пугайся. 269 – Пробитый светом. 269

Рышард Крыницкий
ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС ОБЛАКОВ 271

Граждане мира. 271 – «О» 271 – И мы на самом деле не знали. 272 – Тебе уже не вылечиться от ненависти. 273– «Кому бы я ни был верен – верен тебе...» 273 – Наш специальный корреспондент. 274 – Элегия – ничья. 275 – Фашисты меняют рубашки. 275 – «чтобы рабы не стремились любой ценой дорваться до власти...» 276 – Белое Облако 276

Адам Земянин
ЧТО-ТО ВИСИТ В ВОЗДУХЕ 277

Молитва у райских врат. 277 – Петух на крыше. 278 – Конец сезона. 279 – Улыбка политика. 279 – Игра. 280 – Тупик. 280 – «на маленькой станции...» 281 – Молитва о смехе. 281 – Что-то висит в воздухе. 282 – На пороге осень. 283

Томаш Глюзинский
С МЁРТВОЙ ТОЧКИ 284

Никто никогда. 284 – Переписка. 284 – Вокализ. 285 – Картина. 285 – Будет трудно понять. 286 – С мёртвой точки. 287 – Абсолютно ничего. 287 – Обрывок. 288 – Похоронное шествие. 289 – Не спешите. 289

Юзеф Озга-Михальский
КАК ЛИСТ ПО ВЕТРУ 291

Я найду тебя. 291 – Сообщающиеся сосуды. 291 – Ода листу. 292 – Одни. 292 – Он обокрал тебя. 292 – Меня обманули. 292 – Небрежность. 293 – Самое трудное. 293 – Точная мера. 294 – Только и всего. 294

Эдвард Зыман
ДЕНЬ ХОЛОСТОГО ПРОБЕГА 295

«Вот вам день как день...» 295 – Эволюция. 295 – Письмо. 296 – Если однажды. 296 – Откроем карты. 297 – Кто он с кем и каким голосом говорит. 297 – Что за радость жить. 298 – Накануне отъезда. 299 – Когда вдруг. 299 – На авторском вечере. 300

Дариуш Томаш Лебёда
СВЯЩЕННОЕ СЛОВО. – НЕТ 302

молитва за бобби сэндса. 302 – «лицемерные как иуда запятнанными руками...» 302 – «ты не слишком верил вилли команданте...» 303 – «добрый вам день наркоманы с улицы ожиданий...» 303 – «Я уже не из этого мира...» 304 – «ещё только пара затяжек тоски...» 304 – «говорят сыграли в ящик четверо наших...» 304 – «лютик повесился в поле...» 305 – последнее письмо ромки лютика. 305 – Теперь я могу тебе это сказать. 306

Анджей Важеха
КАКОЕ ДЕЛО КАМНЮ ДО ПОБЕДЫ 308

Биография. 308 – С завязанными глазами. 308 – Кто я. 309 – Вплоть до миллиметра. 309 – Воплощение. 310 – Икар. 310 – Круг. 310 – Пасхальные вопросы. 311 – Рука. 311 – Паника. 311

Казимеж Ратонь
ПУСКАЙ СКАЖЕТ КТО ОН 312

«Ты должен идти...» 312 – Иду. 312 – «Я не войду в издыхающий сад...» 313 – Кто идёт ко мне. 313 – Кто-то всё ближе. 314 – «Надо вынести

этот труп который хочет воскреснуть...» 314 – «Твоё лицо возникает из тьмы...» 314 – «Да ещё этот пёс где-то рядом скулит...» 315 – «Дождь над нами, вонзается дождь гвоздями...» 315 – «Может быть это случится сегодня...» 315

Ян Гурец-Росинский
В ЗАБРОШЕННОМ САДУ 316

Нирвана. 316 – Краткие тезисы о гуманизме. 316 – Манекены. 317 – «Я подвесил на нитке жизнь...» 318 – Афоризм. 318 – Отчаяние прививающего. 318 – «У земли есть глаза...» 319 – Притча о мудрости. 319 – Предопределение. 320 – Убейте меня. 321

Ежи Гизелла
ГЕОПОЛИТИКА МУРАВЬЁВ 322

Чем хата богата. 322 – Принц датский. 322 – Self-made-man. 323 – Лирический герой. 323 – Чтоб не сглазить. 324 – Эра космических полётов. 324 – Скоро. 325 – Рай фараоновых муравьёв. 325 – Странные времена. 326 – Практические рекомендации. 327

Роман Брандштеттер
НЕ РАЗДИРАЙ ОДЕЖД СВОИХ 328

Христос идёт по озеру. 328 – Притча о гостеприимном хозяине. 329 – Притча о человеке и его вере. 329 – Литания святому Антонию. 330 – Литания об избавлении от глупости. 331 – Литания Святому Духу. 332 – Мадонна атеистов. 335 – Апострофа святой Веронике. 337 – Траурный псалом. 337 – Молитва без слов. 338

Ян Рыбович
СТРАНА НАОБОРОТ 340

Готовность согласиться. 340 – Изучая дзэн. 341 – Мой дзэн. 341 – Страна Наоборот. 342 – Знак. 342 – Псалом. 343 – Свобода. 344 – «Уже топор приставлен к плахе...» 344 – Таблетки из слов. 345 – Хорошая новость. 346

Збигнев Росса
ПРЕДПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА 347

Детям. 347 – Оловянный солдатик. 347 – Предпоследняя сказка. 348 – Игрушки. 348 – На дворе. 348 – Чайник. 349 – «слушай ну и набралось же этих стихов...» 349 – В защиту человека. 350 – Любовь. 350 – Просьба. 350

Марек Вавжкевич
РВЁТСЯ СЕРДЦЕ СЕКУНДЫ 352

«Уже не долететь до берега иного...» 352 – «Я зашёл в эту жизнь на минутку...» 352 – «А поутру над озером...» 353 – «Фотография лжёт...» 353 – Дом. 353 – Десяток советов тем, кому за... 354 – Приговор. 355 – Прохожий, скажи. 355 – «Этот дом безлиственно пустеет...» 357 – Урок анатомии. 357

Кароль Войтыла
У БЕРЕГОВ ОСЕНИ 358

Мысли сопротивляются словам. 358 – «Берега тишины начинаются за порогом...» 358 – «Люблю тебя, сено душистое...» 359 – «Возьми меня, Мастер, в Ефрем...» 359 – «Солнце, к листу склонённое...» 360 – Начинается разговор с Богом. 360 – «Когда мы окажемся у берегов осени...» 360 – «Прошу Тебя, укрой меня...» 360 – «Оставь, Господи, меня...» 361 – Евангелие. 361

Кшиштоф Гонсёровский
ЗАВТРА БЫЛО ВЧЕРА 363

Космодром. 363 – Плач божий. 364 – Тягости. 364 – Двери. 365 – O tempora, o mores. 365 – Ногами. 366 – «Ей-богу, до чего же убийственно...» 366 – Цитаты. 367 – «Так вот оно, то самое пресловутое завтра?..» 367 – «Мы умираем. Исчезаем. Как слезинки...» 368

Богуслав Жураковский
ЗАПИСЫВАЮ ШЁПОТ 369

Настоящее время. 369 – В скобках. 369 – Направление. 370 – Эпицентр. 370 – Пробуждение. 370 – Сумерки. 370 – «Ты космос, я – звезда...» 371 – Шёпот воды. 371 – Щель. 371 – Спелеолог. 372

Лешек Шаруга
ЗА СЕМЬЮ ГОРАМИ 373

Диалог. 373 – Зависимость. 373 – Спасённый. 373 – Licentia poetica. 374 – Между. 374 – Et in Arcadia ego. 375 – Кратер. 375 – Dance macabre. 375 – Поэзия, да. 376 – Конец войны, начало. 376

Станислав Станик
ВСЕРЬЁЗ И ДО КОНЦА 378

Мотылёк. 378 – послание убивающему из-за угла. 378 – молитва о доброй смерти. 379 – неодолимые ступени. 379 – власть ищет наивных. 380 – деструкция. 380 – нож в спину. 381 – государство следит за моими стихами. 381 – в спецслужбах нет места иноверцам. 382 – прошу огня. 383

Пётр Мицнер
ЕСЛИ ТЫ НЕ ПАДАЛЬ 384

«Никто не целует птиц...» 384 – «Над пропастью мост...» 384 – «Убери со стола стакан...» 384 – «Он стоял на коленях...» 385 – «Живые закапывают мёртвых...» 385 – «Казалось незачем встречаться...» 385 – «Впусти в дом стервятника...» 385 – Днепр. 386 – Узел. 386 – У входа в сад. 386

Гжегож Врублевский
НАМ БУДЕТ ЧТО СКАЗАТЬ 387

Последнее искушение. 387 – На млечном пути. 387 – Искусство разговора. 388 – Последняя мысль. 388 – Дом. 388 – Нищий. 389 – По

ту сторону. 389 – Скоро мы снова увидимся. 390 – Жилища и сады. 390 – Упадок. 390

Юлиан Кавалец
ЧТО ТАКОЕ НИЧТО 392

Забава. 392 – Конференция продолжается. 392 – Местоимения. 394 – Цифры с полей битвы. 395 – Судьба. 395 – Внезапная встреча. 396 – Что за прок в путешествиях. 398 – «Я взял под руку Дом...» 399 – Степени благодарности. 399 – Ничто. 400

Станислав Навроцкий
НИКТО НЕ ПОБЕДИТ НАВЕКИ 401

старшие братья. 401 – ближнего как самого себя. 402 – осложнения. 402 – демаркационная линия. 403 – боль. 403 – в короне бессилия. 404 – у истоков зла. 404 – балканским братьям. 404 – исповедь. 405 – всё проходит вместе с нами. 405

Анджей Заневский
КАМЕНЬ ПОМНИТ ИНАЧЕ 407

Пожар. 407 – Цель. 408 – Короткая баллада о недоверии к словам. 408 – Бессмертный. 408 – Десять заповедей для себя. 409 – Нет пустоты там, куда проникает свет. 409 – Время джокеров. 409 – Больной. 410 – «Задумайся, кто ты...» 410 – Не прощаю. 411

Збигнев Маевский
СЛОВА УСЛЫШАННЫЕ ВО СНЕ 412

Жлобство. 412 – Рецензия. 412 – После последней войны. 413 – Третий глаз. 414 – В мире микропроцессоров. 415 – «А когда я уйду...» 416 – «все те удивительные открытия...» 417 – Любовь к ближнему. 418 – Я понял. 419 – «теперь когда ты далеко от меня...» 419

Йонаш Кофта
ПОЕЗД УХОДИТ – Я НЕ ПОЕДУ 421

В четырёх стенах мира. 421 – Я устал. 422 – Зонг об отсечённой голове. 422 – Межвременье. 423 – Я не хочу. 424 – Помечтаем. 425 – Так будет лучше. 425 – Размышления на вокзале. 426 – Зонг о вечном счастье. 427 – Остров. 428

Станислав Игнаций Виткевич
УБЕЙ ЭТОТ СТРАХ 429

«Убей этот страх!..» 429 – «О, ничтожно малые факты...» 429 – «Над диском планеты...» 439 – «В глубинах ночи необъятной...» 430 – «Пришёл ко мне однажды странный гад...» 430 – «Читаю Библию под деревом, а время убегает...» 431 – «Это я – это он...» 431 – «Последняя станция – Резиньяция...» 432 – «...И первому же прохожему, попавшему в поле зрения...» 433 – «За пределом действительности...» 433

«Если тебе есть что сказать...» *Станислав Мисаковский* 434

II **В ЦЕНТРЕ ЖИЗНИ: Антология стихов**

«То, что кончается между людьми...» *Эдвард Стахура*..... 436

ВСЁ ЭТО НИЧЕГО НЕ ЗНАЧИТ 437

Это *чеслав кубалик* 438 – Бедный Никто и печальный Кто-то *мария павликовская* 439 – И только этот мир боли *станислав бараньчак* 439 – «Король Матиуш вошёл в газовую камеру с улыбкой...» *анджей заневский* 440 – Доктор Корчак *станислав франчак* 440 – Чёрный мёд *тадеуш сливяк* 441 – «Обычно люди добывают себе пропитание сами...» *станислав мисаковский* 441 – Там, где властвует *станислав ежи лец* 442 – У парикмахера *станислав мисаковский* 442 – Хирургия *агнешка осецкая* 442 – «От этого не умирают...» *лешек энгелькинг* 443 – Главное – не стоять на месте *станислав мисаковский* 443 – Утекновенья *тымотеуш карпович* 444 – Могила Брехта *рышард марек гронский* 444 – Да здравствует тьма *станислав мисаковский* 445 – Мой старый добрый мир *станислав мисаковский* 446 – «Нет времени жить...» *тадеуш кийонка* 446 – Серый вопрос *мирон бялошевский* 446 – Сеанс сон *пётр мицнер* 447 – Дилемма *станислав мисаковский* 447 – Человек за бортом *станислав мисаковский* 448 – Да и нет *станислав ежи лец* 448 – Пастырь *анджей бурса* 448 – Может плохо кончиться *анна свирщинская* 449 – My Polish Tao *ян рыбович* 449 – Круг *томаш глюзинский* 449 – Когда кончается молодость *ян рыбович* 450 – Песнь *леопольд стафф* 450 – Карабин *тымотеуш карпович* 451 – «Мы спешим...» *тадеуш ружевич* 451 – «Почему я всё замечаю, когда ничего не вижу...» *кароль войтыла* 452 – О вращении вещей *мирон бялошевский* 452 – Даю слово, что нет речи *станислав бараньчак* 453 – After *ромуальд скоповский* 453 – Наши мечты *станислав мисаковский* 453 – «думаю думаю...» *мирон бялошевский* 454 – Праздничек *станислав свен чахоровский* 454 – Без свидетелей *вальдемар михальский* 455 – Тост *ян лехонь* 455 – Трагик *станислав мисаковский* 456 – Добрый пастырь *стефан голэмбёвский* 456 – «Как выглядела грозная дубина...» *стефан голэмбёвский* 457 – Признание *ежи афанасьев* 457 – О буре *станислав ежи лец* 457 – Аргумент *богдан чайковский* 458 – Телеграмма *мария павликовская* 458 – «Попробуй хотя бы раз пробудить во мне радость...» *роман сливоник* 458 – Утро *мирослав борушевский* 459 – Тишина *кшиштоф яворский* 459 – «Всегда найдётся тот...» *аарне пуу* 459 – Несколько советов желающим сыграть... *збигнев влодзимеж фрончек* 460 – Берёзы *станислав сконечный* 461 – Ох, преемственность *пётр зоммер* 461 – «Можно всю жизнь провести в ловушке...» *анджей заневский* 462 – Эпитафия надежде *станислав ежи лец* 462 – Пробуждение *юзеф баран* 462 – Опадают плоды *ежи станислав сито* 463 – «день качнулся в другую сторону...» *мирон бялошевский* 463 – «небо висит на волоске...» *пётр мачежинский* 464 – «Я стоял в глубине долины...» *пётр матывецкий* 464 – Янтарная птица *тадеуш ружевич* 464 – «Я вдаль уйду, вернусь издалека...» *леопольд стафф* 465 – «Где б ни был ты, уйти ты хочешь прочь...» *антоний лянге* 465 – Страх *анна свирщинская* 466 – Счастье проигравших *анна свирщинская* 466 – «может быть больше всего правды в домыслах...» *мирон бялошевский* 466 – Визит отца *станислав*

мисаковский 466 – «И всё же что-то мы теряем...» *хенрик мажуль* 467 – Суд *тымотеуш карпович* 468 – Воля и действие *славомир мрожек* 468 – рондо о воробьях и заборе *ежи ярмоловский* 469 – Относительность *станислав мисаковский* 469 – «Встреча тех кто верит...» *кшиштоф лисовский* 469 – Молчанье говорило *станислав ежи лец* 470 – Благодарность *станислав сконечный* 470 – «я слышу как они жалуются...» *вацлав бурыла* 471 – Тот кто погиб *юзеф баран* 471 – «Я проиграл...» *томаш яструн* 471 – «когда застрелили Че Гевару...» *антоний павляк* 472 – Do it with hate *анджей шуба* 472 – Детка дискотеки *юзеф анджей гроховина* 472 – Улёт *юлия хартвиг* 473 – Июньская побасёнка *тадеуш домбровский* 474 – Эта музыка нежна как смерть *тадеуш хентковский* 474 – Завещание *станислав мисаковский* 475 – Дождь идёт... *людвик ежи керн* 475 – Помнишь *роман сливоник* 476

ЕЩЁ ОДНА НАДЕЖДА 477

«ещё одна девица...» *влодзимеж антковяк* 478 – Всё тише *станислав сконечный* 479 – «И такая в нас тишина...» *лешек александр мочульский* 479 – Этот человек *станислав мисаковский* 480 – Маленькое затмение *юзеф баран* 480 – Из хроники *ежи фицовский* 481 – Короткий трактат об анонимном письме... *збигнев влодзимеж фрончек* 481 – Устав *томаш яструн* 482 – Мольба *александр навроцкий* 482 – Молчание *рышард колодзей* 483 – Патриотизм *мариан пехаль* 483 – Об относительности *станислав ежи лец* 484 – Гиены подкрадываются к нашим окнам *адам шипер* 484 – Патриций *эмиль беля* 485 – Гаснут искусственные метафоры *янина бжостовская* 485 – Когда мир останавливается *збигнев херберт* 486 – Рикошетом *ежи загурский* 486 – Точка над ипсилоном *эдвард стахура* 487 – Не перегибай палку *януш жерницкий* 488 – «Когда я читаю Пишу Принимаю участие...» *витольд гомбрович* 489 – «это не страх на пороге тёмной комнаты...» *богдан задура* 489 – «Избегай людей с неподвижным взглядом...» *хелена гордзей* 490 – Те, кто умирал *казимеж свегоцкий* 490 – Декабрьская элегия *гжегож вальчак* 491 – Падаль *юзеф баран* 491 – Призрак Варшавы *анджей бурса* 492 – Непогрешимые *станислав мисаковский* 492 – Он вытесан из гранита *станислав мисаковский* 493 – Его уже не было *станислав мисаковский* 494 – Борьба за мир *юзеф баран* 494 – Палач *анджей бурса* 495 – Генерал в отставке *адам земянин* 496 – Благодарность *томаш глюзинский* 496 – Обо всём *томаш глюзинский* 497 – Совесть *анна свирщинская* 497 – Верность *генрик ясичек* 498 – Это последний бой *анна свирщинская* 498 – Отсутствие знака альтернативы *тымотеуш карпович* 499 – Пора платить по счетам *станислав мисаковский* 499 – «Презумпции всеобщей невиновности...» *анджей заневский* 499 – Понятие мести *анджей заневский* 500 – сизиф *тадеуш вежбицкий* 500 – Мы идём в оковах *анна свирщинская* 501 – Африканский мотив: Злые чары *анна свирщинская* 501 – Смех *станислав мисаковский* 502 – История *северин полляк* 503 – Сны *юлиан кавалец* 504 – Остаюсь *станислав мисаковский* 504 – Точка *станислав мисаковский* 504 – Птицы *ванда серадзкая* 505 – Во имя человека *станислав сроковский* 505 – Городок аттракционов *ежи сколимовский* 506 – Аллилуйя *казимеж вежинский* 510 – «На серость нашей ночи...» *лешек александр мочульский* 510 – Полёт *рышард марек гронский* 511 – На том свете *бронислав чирлич* 511 – Ночь, когда не видно луны *анджей*

заневский 512 – молитва на прощанье с тысячелетием *станислав навроцкий* 513 – Сербия, 1999 от Р.Х. *ромуальд скоповский* 513 – зверинец зла *станислав навроцкий* 514 – Небо над Балканами *збигнев ежина* 514 – Наша Югославия *мира кусь* 515 – Мысль во время бомбардировок Югославии *анджей заневский* 515 – Славяне *анджей заневский* 516 – «Говорили: Россия утонет в крови...» *анджей заневский* 517 – Колючая проволока *станислав мисаковский* 517 – Астральный аргумент *мария павликовская* 518 – «сердце птица моя не тоскуй...» *халина посвятовская* 518

НОЛЬ ИГРАЕТ В ОТКРЫТУЮ 519

Ноль *зенон дунайчик* 520 – «Тебе нельзя забыть. Ты должен помнить всё...» *кшиштоф цвиклинский* 521 – Ноль *станислав мисаковский* 521 – Мнимые разгневанные *тадеуш ружевич* 522 – Диета *стефан юрковский* 523 – О густой грязи *станислав ежи лец* 523 – Экспонат *мария буянская* 523 – «С каждым днём я всё меньше верю...» *богдан лёбль* 524 – Против мысли *станислав стабро* 524 – Песня из мегафона *станислав бараньчак* 524 – Вездесущий смрад *конрад стшелевич* 525 – «Итак это тот...» *станислав мисаковский* 526 – Фарисейство *ян владислав сарна* 527 – Сумма нулей *ян владислав сарна* 528 – Снявши голову *станислав ежи лец* 529 – Флаг *станислав сроковский* 529 – Тьма *станислав мисаковский* 530 – «Говорят, у лжи короткие ноги...» *тадеуш домбровский* 530 – Массовый энтузиазм *станислав бараньчак* 531 – «Очеловеченное быдло немощь...» *станислав игнаций виткевич* 531 – Желудки *ян владислав сарна* 532 – Пришествие *леон швед* 533 – Проктолобус *ян владислав сарна* 533 – Своё лицо *станислав ежи лец* 534 – Доносчик *анджей бурса* 534 – А вдруг *адам охвановский* 535 – Толпа, которая толкает и толкует *станислав бараньчак* 535 – Дрессура *томаш глюзинский* 536 – Невзирая на *станислав гроховяк* 536 – Орёл *тадеуш ружевич* 537 – «Шёл на войну Валет Червей...» *анджей заневский* 537 – Террорист, он смотрит *вислава шимборская* 538 – Чужая игра *томаш глюзинский* 539 – Атака *ежи афанасьев* 540 – Вождь *ежи афанасьев* 540 – Запах земли *ежи афанасьев* 540 – Кукарачас *ян владислав сарна* 541 – Подозрение *игорь вечорек* 542 – Распад *томаш яструн* 542 – Две точки *станислав мисаковский* 543 – «Средь недо-правды...» *чеслав милош* 543 – Мы, поколение *витольд вирпша* 544 – Не различит *станислав ежи лец* 544 – Эволюция *анджей вархал* 545 – Колокольный звон *станислав мисаковский* 546 – «Они беспечны – под случайным кровом...» *лешек длугош* 547 – «Ночами снился страшный гриб нам...» *богдан задура* 548 – Палач *марек новаковский* 548 – Выездка *томаш глюзинский* 548 – в один и тот же час *якуб экер* 549 – Вместе *гжегож врублевский* 549 – Душа палача *ежи афанасьев* 549 – Преступница *анджей заневский* 552 – «Червонный Валет застрелен!..» *анджей заневский* 552 – «Было в тебе что-то непристойное...» *лешек александр мочульский* 553 – награда которую вручили *мариан гжещак* 553 – человек которого наградили *мариан гжещак* 554 – Монолог *рышард марек гронский* 554 – Ещё о чистоте *станислав ежи лец* 554 – Совесть *тадеуш сливяк* 554 – Ноль *ян бжехва* 555 – «Мы, потребители...» *барбара бяловонс* 555 – Polish Song *марек кусиба* 556 – Диктант *эва липская* 556 – Прогресс *мария буянская* 557 – Предостережение *станислав ежи лец* 558 – Стой спокойно *томаш глюзинский* 558 – Сказка *анджей бурса* 559 – Там где все

станислав мисаковский 559 – Передо мной стоял человек *богдан лёбль* 560 – Белый варвар *барбара бяловонс* 560 – Ночь в больнице *анджей бискупский* 561 – Регти для Боба Марли *тадеуш хентковский* 561 – Война за сытость *анджей брыхт* 562

ТЫ ДАВНО ОБЕЩАЛ НАМ ЭТО..... 563

«я сказал я убью эту птицу...» *александр миго* 564 – Иллюзии *станислав балинский* 565 – Безумцы *станислав мисаковский* 565 – Безумие *анджей заневский* 565 – катастрофа *станислав навроцкий* 566 – Чиновник *адам земянин* 566 – Пределы компетенции *станислав ежи лец* 567 – В их мире *янина бжостовская* 567 – Зуб *томаш глюзинский* 568 – разрешение на боль *януш станислав пасерб* 568 – В саду *алиция патей-грабовская* 568 – Тень *артур мендзыжецкий* 569 – Шахматы *анджей бурса* 569 – Снежный ком *хенрик бардиевский* 570 – «Ты заблудился...» *анджей заневский* 571 – «Добрые люди...» *здислав доляткoвский* 571 – Правосудие *томаш яструн* 571 – Человеку *станислав ежи лец* 572 – Меня настигли собаки *станислав мисаковский* 572 – Они *артур мендзыжецкий* 572 – Сердце *тадеуш ружевич* 573 – Ближайшее зло *анджей заневский* 573 – Лис *станислав мисаковский* 574 – Лесоповал *ежи вощинин* 574 – Две строфы о свободе *анджей важеха* 575 – О времени *станислав ежи лец* 575 – Циклы развития одного насекомого *эва найвер* 575 – Из уст в уста *тадеуш ружевич* 576 – Волк – об идее *кристина шляга* 577 – Гонка *юзеф баран* 577 – Под зелёным древом жизни *юзеф баран* 578 – Так *станислав ежи лец* 578 – Куда *томаш глюзинский* 579 – Во сне *станислав гроховяк* 579 – Ломка лица *станислав мисаковский* 580 – Пожизненное заключение *станислав мисаковский* 580 – Лошадь *анджей бурса* 580 – Живопись сумасшедшего *анджей бурса* 581 – О чистоте *станислав ежи лец* 582 – «Одинокая, жуткая, заблудшая быль...» *станислав игнаций виткевич* 582 – Разговор с профессором *богдан чешко* 582 – Акт рождения *рышард крыницкий* 584 – Последняя осень *беата обертынская* 584 – Взгляд сквозь решётку *мирон бялошевский* 585 – Поправка к закону сохранения материи *станислав ежи лец* 585 – Город *марек новаковский* 585 – Люди и надсмотрщики *марек новаковский* 585 – Под бременем совести *марек новаковский* 586 – Пожиратель падали *марек новаковский* 586 – Счёт *марек новаковский* 587 – Нечистая совесть *марек новаковский* 587 – Руки *эва липская* 587 – Складной нож *адам земянин* 588 – «Ты придёшь в кассу...» *анджей заневский* 589 – Фашистские государства *виктор ворошильский* 589 – «И вот я здесь...» *тадеуш гайцы* 590 – Прежде чем уйти *тадеуш гайцы* 591 – Характеристика *ян владислав сарна* 592 – «Ты поверишь стальным дверям...» *анджей заневский* 593 – Повестка *анджей бурса* 593 – Всё как прежде *анджей заневский* 594 – Это точно *станислав ежи лец* 595 – «Всё-таки ты настиг меня...» *аарне пуу* 595 – «Ты падаль...» *аарне пуу* 595 – Радость *станислав ежи лец* 596 – История *ежи фицовский* 596 – В Освенцимском музее с Фрицем Н. *станислав франчак* 596 – На все четыре стороны *эрна розенштейн* 597 – Государство Платона *вит яворский* 597 – Мою родную речь *веслав казанецкий* 597 – Рецензия *томаш глюзинский* 598 – Если вернёшься *томаш глюзинский* 598 – «белые сторонятся чёрных...» *вацлав бурыла* 599 – Тем, кто не знает голода *анджей заневский* 599 – Рыцари *казимера иллакович* 600 – Песня о ветке *тадеуш кубяк* 600 – Поэты *владислав себыла* 601

НА САМОЕ ДНО ТИШИНЫ 603

Смерть корабля *бронислав мязговский* 604 – Затмение *томаш ружицкий* 605 – За что мы гибнем *томаш глюзинский* 605 – Смерть обывателя *тадеуш ружевич* 606 – Стихи о полушариях *кшиштоф карасек* 606 – Аркадия *ян куровицкий* 607 – басня с головой в песке *станислав навроцкий* 608 – мир. версия для начинающих *бартош мушинский* 608 – Предостережение *александр янта* 609 – «Ты был псом в своре...» *анджей заневский* 609 – От *войцех пётрович* 610 – Бестактные максимы *юзеф лободовский* 610 – Изумление *ежи афанасьев* 611 – Он что-то скрывает *станислав мисаковский* 612 – Когда под рукой нет камней *хенрик бардиевский* 612 – Заговор *анджей заневский* 613 – В клетку *станислав ежи лец* 613 – Безопасность *виктор ворошильский* 613 – Азиатский пейзаж *кшиштоф яворский* 614 – Домны *томаш яструп* 614 – Разбитые гитары *даниэль ольбрыхский* 615 – Мы сделали правильные выводы из случившегося *станислав бараньчак* 615 – Вежливым быть нелегко *тадеуш ружевич* 616 – Рефлекс *томаш глюзинский* 617 – Колядка *витольд домбровский* 617 – «Трудно так жить...» *станислав гроховяк* 618 – Живая мертвецкая *станислав мисаковский* 619 – «В глубине буфета...» *пётр мицнер* 620 – Дети *эва липская* 621 – Никто *хенрик бардиевский* 621 – Плотина *анджей вархал* 622 – Служебная лестница *константы ильдефонс галчинский* 624 – Даже *станислав ежи лец* 624 – История *станислав станик* 624 – Масон *анджей бурса* 625 – НН размышляет о дальнейших перспективах *станислав бараньчак* 626 – Шиповник *ян владислав сарна* 627 – Печальная фрашка *станислав ежи лец* 627 – Нейтралитет *хенрик бардиевский* 628 – «Маски нам навязаны, однако...» *анджей заневский* 628 – Одиночество *славомир мрожек* 629 – Смысл жизни? *станислав ежи лец* 630 – Публичная лекция Кити Коти *мирон бялошевский* 630 – не искушай нас *станислав навроцкий* 630 – Американцы *адам земянин* 631 – Гринкарта *адам земянин* 632 – Garden party *станислав бараньчак* 632 – «Эх, Володя, эх, Владимир...» *даниэль ольбрыхский* 633 – Поэзия нашего времени *юзеф баран* 633 – Не только про небо *барбара бяловонс* 633 – Вьетнам *анджей струмилло* 634 – Фаллуджа *эльжбета мусял* 634 – Краткий курс истории человечества *станислав рышард добровольский* 635 – Договор с дьяволом *мечислав яструп* 636 – Временные люди *януш енчмык* 636 – Десант *анджей вархал* 637 – «Повешенный смотрит на мир равнодушно...» *эдвард кшиштоф рогальский* 638 – Сумерки *кшиштоф яворский* 639 – Трусливой роже *станислав ежи лец* 639 – Блудные дети *пётр челеш* 639 – «Мы убиваем разными способами...» *барбара бяловонс* 640 – Где-то в нас *рышард мильчевский-бруно* 641 – «Как мало нужно бедняку для счастья...» *юзеф баран* 641 – На берегу *эва зонненберг* 642 – Счёт времени *богдан лёбль* 642 – «Один неверный шаг – и ты у чужой цели...» *станислав ежи лец* 643 – «По синему небу летят шизофрении...» *ян волэк* 643 – Да, я чужой *ян польковский* 644

В НАШЕМ СВЕТЛОМ ЗАВТРА 645

Собаки *зофья бадура* 646 – Они говорят вам *анджей немоевский* 647 – У врат XXI века *станислав мисаковский* 647 – «В Стране Аномалий...» *анджей заневский* 648 – Силлогизмы *марек батерович* 648 – Инструкция по эксплу-

атации *эва липская* 650 – За рубежом *хелена рашка* 651 – Тщетные усилия *станислав ежи лец* 652 – «в день выборов...» *ежи кронхольд* 652 – Из записной книжки *ежи фицовский* 652 – Таблица III *адам михайлов* 653 – Культуру – в массы *мариуш зёмецкий* 653 – Мёртвая хватка *мариуш зёмецкий* 654 – «загнали клячу истории...» *к г* 655 – Замеченные опечатки *томаш глюзинский* 656 – Песенка Кити Коти о военном положении *мирон бялошевский* 656 – Сейсмология *алиция рыбалко* 656 – Секретная инструкция по предсказанию будущего *казимеж вуйтович* 657 – Инструктаж *артур мендзыжецкий* 657 – Об ответственности *станислав ежи лец* 658 – Экзамен *эва липская* 658 – На похоронах *станислав мисаковский* 659 – Новый орден *константы ильдефонс галчинский* 660 – Демократия *ро-ман гожельский* 661 – Трамваи *яцек березин* 661 – Из сонника *эва липская* 661 – Мой президент *хенрик бардиевский* 661 – Невидимка *хенрик бардиевский* 663 – Катаклизмы *анджей вархал* 664 – Совещание *анджей вархал* 665 – Демонстрация *анджей вархал* 666 – Где и когда? *станислав ежи лец* 667 – Голова предателя *роман гожельский* 667 – Было *януш шубер* 668 – Сказка VI *кшиштоф кучковский* 668 – Польско-польский диалог *славомир мрожек* 669 – Мечты *станислав ежи лец* 670 – Молитва *александр навроцкий* 670 – О чём не знает политолог *артур мендзыжецкий* 670 – Должен, не должен *чеслав милош* 671 – Самообладание *томаш глюзинский* 671 – «История – туда, сюда...» *станислав игнаций виткевич* 672 – Можно *эва липская* 672 – альтернатива *станислав навроцкий* 672 – Броненосец «Потёмкин» *рышард крыницкий* 673 – Критическое состояние *томаш глюзинский* 673 – Логика *станислав ежи лец* 674 – «всё чаще думаю что жизнь...» *юзеф баран* 674 – Рецептура взбивания масс *иоанна саламон* 674 – Жатва *станислав сроковский* 675 – Завтра *томаш глюзинский* 676 – «Видеть кровь...» *бронислава островская* 676 – Способ существования страха *анджей огродовчик* 677 – Осторожно! *мария буянская* 677 – О многом *станислав ежи лец* 678 – «чёрные пятна белы...» *тадеуш ружевич* 678 – Военный парад *вислава шимборская* 679 – Почта *пётр мицнер* 680 – Речь вождя индейцев племени сиатль *барбара бяловонс* 680 – «Они черпали горстями...» *эльжбета мусял* 681 – Лес ты прекрасен *иоанна саламон* 681 – Рубят наш лес *анджей заневский* 682 – Рубка деревьев *эльжбета пиотровская* 683 – Дерево срублено *юлиан кавалец* 684 – Участь природы тоже *рышард крыницкий* 684 – 2002 *гжегож врублевский* 684 – «Кожа рыбы чувствительна...» *анджей заневский* 685 – Машина всасывает отходы *станислав станик* 685 – «когда компьютеры уже сделают за нас всё...» *мария юзефацкая* 685 – Послание пожирателям мяса *анджей заневский* 686 – На краю *барбара бяловонс* 687 – Дело твоих рук *богдан лёбль* 687 – «там было когда-то зелёное поле...» *томаш титков* 688 – «Нас – вынянчила Природа...» *иоанна саламон* 689 – «господа – уже совершенно ясно...» *томаш титков* 689 – Предупредительные огни *мария буянская* 690 – Окончательное начало *кшиштоф сивчик* 690 – «Ты умер? Дай пожить другим!..» *лех марек якуб* 691 – «изучить следы...» *томаш глюзинский* 692 – Безнадёжный больной *ян лохман* 692

ДНИ, КОТОРЫХ Я НЕ ДОПИЛ ДО ДНА 693

Тост *станислав рышард добровольский* 694 – Седьмая элегия *збигнев ежина* 695 – Разъятый *тадеуш ружевич* 695 – Гигиена души *збигнев херберт* 696 –

Выдать себя *марцин светлицкий* 696 – Производство сувениров *ежи харасымович* 696 – Моментальный автопортрет *мирон бялошевский* 697 – Поедание тени *станислав мисаковский* 698 – О нас троих *станислав ежи лец* 698 – «я из воды которая стекает...» *халина посвятовская* 698 – «не помню, когда я понял, что я не человек...» *стефан косевский* 699 – ли? *тадеуш ольшевский* 699 – «у меня нет ни друзей ни врагов...» *станислав сроковский* 700 – Предсказание себе *пётр мицнер* 700 – «Несмотря на то, что ты уже принял нормальную форму...» *лех дымарский* 701 – Ходьба *ежи гужанский* 701 – Чтобы *веслав кот* 702 – Всё ниже *славомир мрожек* 702 – Селекция *марек кусиба* 704 – «современный человек атомизирован...» *станислав сроковский* 705 – «Новый человек это вон тот там...» *тадеуш ружевич* 706 – Голос *казимеж свегоцкий* 706 – Сложение *эльжбета пиотровская* 707 – Распад *гжегож вальчак* 707 – Счёт *мария буянская* 708 – Сон *ежи гужанский* 708 – «Мозгляк, чего ты ищешь на десятом этаже...» *анджей титков* 709 – *Проба* томаш голуй 709 – «я родился носорогом...» *тадеуш ружевич* 710 – Вопросы *пётр думин* 710 – Осенние повторы *войцех кавинский* 711 – Живёшь себе *люцина скомпская* 712 – Вкус ада *анджей огродовчик* 712 – Я утопаю в роскоши *ежи харасымович* 713 – «Ты кичись, дрянцо, кичись...» *станислав игнаций виткевич* 713 – Визит *славомир мрожек* 713 – Автобус на Голгофу *лех маевский* 713 – Равновесие *войцех кайтох* 714 – Томек возвращается только во сне *антоний павляк* 715 – «Предпочитаю то, а может это...» *кшиштоф сивчик* 715 – Разум *эва липская* 715 – Партнёр *славомир мрожек* 716 – Урок реальности *эва зонненберг* 716 – Старый тенор *вислава шимборская* 717 – Игра *януш стычень* 717 – паутина *тадеуш ружевич* 718 – «Ты знаешь все мои уловки жизнь моя...» *анджей бурса* 719 – Дурно сыгранный концерт *ежи харасымович* 720 – Муха *славомир мрожек* 720 – Похороны *вислава шимборская* 720 – Выпадения *станислав сроковский* 721 – «Жили-были два кота...» *станислав игнаций виткевич* 722 – № *ежи афанасьев* 722 – Иностранные языки *анджей бурса* 723 – «Живу не видя звёзд...» *рафал воячек* 723 – Только я здесь остался *гжегож врублевский* 723 – «Как странен мир, увиденный глазами психопата...» *станислав игнаций виткевич* 723 – В музее *пётр мицнер* 724 – Конец игре *адам земянин* 724 – Последний луч надежды *анджей бурса* 724 – Ты и я *роман гожельский* 725 – Пьянчуги *збигнев херберт* 725 – Пьяный *анджей бурса* 725 – Эгоцентризм, сентиментальность, меланхолия *кшиштоф яворский* 726 – Гордость *томаш титков* 726 – Азарт *мирон бялошевский* 727 – Коррозия *станислав стабро* 727 – почему поэты пьют водку *тадеуш ружевич* 728 – Надежда *анджей бурса* 728 – Улыбка горлом *анджей бурса* 729 – Штрихи к портрету Альтер Эго *мариуш росяк* 729 – Хайку *збигнев дмитроца* 730 – револьверная пуля *мария павликовская* 730 – Весна *гжегож врублевский* 730 – Самоубийца *збигнев херберт* 730 – Повешенный *анджей бурса* 731 – Дедушка *анна кучяк* 731 – Запись от 2 июня 1975 года *анджей титков* 731 – Они хотят *станислав мисаковский* 732 – Запись от 12 сентября 1988 года *анджей титков* 732 – «счастливы те у кого лишь одно дерево...» *богдан задура* 733 – Стена *малгожата хилляр* 733 – Мы *эдвард кшиштоф рогальский* 734 – я хотел быть тенью *пётр челеш* 734 – Очень по-польски *пётр челеш* 735 – Завещание *здислав яскула* 736 – Ничто *анджей бурса* 737 – НН что-то пишет на пачке из-под сигарет *станислав бараньчак* 737 – «Мы себя сдали в ломбард...» *пётр мицнер* 738 – Человек *мечислав яструн* 738 – Оставьте

нас *тадеуш ружевич* 739 – Педагогика *анджей бурса* 739 – Возвращение прошлого *станислав мисаковский* 740 – Плач *збигнев росса* 740 – Плач *юлиан кавалец* 741 – «Людей, которые не смеются, нельзя принимать всерьёз...» *здислав долятковский* 742 – На безымянной улице *ежи фицовский* 742 – Письмо друзьям (вместо манифеста) *катажина борунь* 743

СТО СОТЫХ ПРАВДЫ 745

Дробь *эдвард холда* 746 – Всадник *ежи либерт* 747 – «спички дней в моих пальцах...» *юзеф баран* 747 – «Прекрасно то что нам снится...» *тереса томся* 748 – О Тебе *мария брониковская* 748 – Комната моего детства *тадеуш кантор* 749 – О жизни *януш страсбургер* 750 – Пробуждение *леопольд стафф* 751 – «я годен к повешению в рамках разрыва...» *мирон бялошевский* 751 – О мыслях *станислав ежи лец* 751 – Новая жизнь *славомир мрожек* 751 – «идём по льду...» *здислав левандовский* 752 – Язык жестов *яцек березин* 753 – Мрак *казимера иллакович* 753 – Воспоминание *марек данелькевич* 754 – Ноты *лешек длугош* 754 – «я не спас ни одной жизни...» *ежи фицовский* 754 – Сомненье *эва липская* 755 – Пролетая под окном больницы... *юзеф баран* 755 – «А если после меня останется лишь пустота...» *марек ёдловский* 755 – благодарение *станислав навроцкий* 756 – Порядок вещей *томаш глюзинский* 756 – «несчастье – жизнь...» *ромуальд скоповский* 757 – «бейся бейся головой об стенку...» *веслав кот* 757 – Коварная судьба *эмиль беля* 757 – Благодарность башмакам *анна свирщинская* 758 – «Загадки сами разгадываются...» *станислав игнаций виткевич* 758 – «Говорят, мудрецам...» *збигнев дмитроца* 759 – Магеллан подплывает к Тьерра дель Фуэго *рышард капустинский* 759 – Прогулка *михал тарковский* 760 – Диспут с мудрецом *анджей бурса* 761 – Я сбился с пути *станислав мисаковский* 761 – Авторезня *януш страсбургер* 762 – Урок ходьбы *збигнев росса* 762 – «Не хочу больше несбыточных надежд...» *тереса томся* 763 – «Мы засыпаем на словах...» *збигнев херберт* 763 – Затем *станислав ежи лец* 764 – Коммюнике *мариан януш кавалко* 764 – Слово *збигнев росса* 765 – Эрго. Независимость триптихов *марцин вечорек* 765 – «Мир мстительным роком раздрызган жестоко...» *станислав игнаций виткевич* 765 – «нынешняя ложь математически точна...» *станислав сроковский* 766 – Тезисы о Лжи и Правде *анджей заневский* 767 – несколько вставок – по свежим следам августа 1980-го *пётр челеш* 767 – Труднее всего *станислав ежи лец* 768 – Домыслы *мачей число* 768 – «заточённый в зеркальную клетку...» *юзеф баран* 769 – «в комнате у меня...» *стефан юрковский* 770 – Объявление *пётр мицнер* 770 – Старое Дерево *гжегож врублевский* 770 – о себе растуще *мирон бялошевский* 771 – Объявление почти о розыске *адам земянин* 771 – Демаркационная линия *тадеуш кантор* 772 – Способ *станислав игнаций виткевич* 773 – «те кто кланялся держатся прямо...» *антоний павляк* 773 – Бывает *станислав ежи лец* 773 – Рильке *пётр матывецкий* 773 – Боже, сквозь какие сумерки *збигнев ежина* 774 – Вымолвить это Слово *януш страсбургер* 774 – Петля архитектуры *анджей бурса* 775 – Камню *станислав леон маховяк* 775 – Современная молитва *тереса томся* 775 – Чёрное и белое *мечислава бучкувна* 776 – Промолчи *томаш глюзинский* 776 – Слова *кшиштоф цвиклинский* 777 – провокации. панк-номер *павел лекшицкий* 777 – Иллюзии и действительность *казимера иллакович* 778 –

Ещё одно воспоминание *халина посвятовская* 778 – Об искусстве *станислав ежи лец* 779 – несмотря ни на что *ян ризенкампф* 779 – Вдруг *тадеуш ружевич* 779 – Мой дом *ежи харасымович* 780 – Самое короткое традиционное стихотворение *мариан гжещак* 781 – Рифма *ежи афанасьев* 781 – «меня спрашивают почему...» *станислав сроковский* 781 – Слова *юлиан кавалец* 782 – Испарение *томаш глюзинский* 783 – Художник и знатоки *станислав игнаций виткевич* 783 – Лист-заложник *адам земянин* 784 – Слишком поздно *збигнев дмитроца* 784 – почему я пишу? *тадеуш ружевич* 785 – За наш счёт *томаш глюзинский* 785 – Живая поэзия *рышард крыницкий* 786 – Формы поэзии *тадеуш ружевич* 786 – Ноктюрн *тадеуш мицинский* 787 – «Не забредут мои строки...» *станислав игнаций виткевич* 787 – Тернии *ежи харасымович* 787 – В послебудущем времени *юлиан пшибось* 788 – Баллада кануна *тадеуш голуй* 788 – «освободись – говорит тишина...» *лешек александр мочульский* 788 – Человек воли *кароль войтыла* 789 – Мелкие объявления и предсказания *тадеуш ружевич* 789 – О, серый день... *леопольд стафф* 790 – Шелуха *мирон бялошевский* 790 – Шахматы в краковском Доме Матейко *юзеф баран* 791 – Записка художника Ши Тао *вит яворский* 791 – «Не устраивай сцен, когда сходишь со сцены...» *кшиштоф билица* 791 – Человек человеку *эдвард стахура* 792 – Ветер *мачей немец* 793 – «Радость… до неё доплывут…» *мачей немец* 793 – «– Что делать с теми, кто потом ничего не помнит?..» *гжегож врублевский* 794 – «Чего Ты хочешь Боже...» *дорота хрусцелевокая* 794 – Ты *ян лохман* 794

КОГДА Я БУДУ СПОСОБЕН НА ВСЁ 795

«Когда я буду уже ни на что не способен...» *рышард данецкий* 796 – Игра в зелень *марта алюхна-эмелианов* 797 – Компот из ревеня *ян рыбович* 797 – Остаток крови *рафал воячек* 798 – Нет расстояний *адам шипер* 798 – Я чистил твои ботинки *ежи кронхольд* 798 – Просьба о счастливых островах *константы ильдефонс галчинский* 799 – Ноктюрн *ян лехонь* 799 – Мы сидели с тобой *ежи кронхольд* 799 – Стихотворение, написанное за сорок пять секунд *яцек подсядло* 800 – Счастье *хелена быховская* 800 – Кольцо любовной пляски *тымотеуш карпович* 800 – «может быть у Неё была серая шерсть...» *збигнев йоахимяк* 801 – «Ещё говори... Разговора такого...» *казимеж пшерва-тетмайер* 802 – Осторожно драма! *анджей бурса* 802 – Ученица *войцех кайтох* 803 – Мы люди второй половины XX века *малгожата хилляр* 803 – «Девочка моя...» *леопольд стафф* 804 – Усталые *юлиан пшибось* 804 – Чем же было тело твоё *ежи кронхольд* 805 – Песенка из рая *анна кучяк* 805 – Инструменты *януш стычень* 806 – «Нежно как золотые ласточки...» *эльжбета войнаровская* 806 – Гул идущий по свету *юзеф баран* 807 – Фотография *лукаш шопа* 807– Сон о вереске *малгожата хилляр* 807 – Она плакала ночью *станислав бараньчак* 808 – у меня уже нет тепла у меня уже нет тела *уршуля зыбура* 809 – Вопросы *ян рыбович* 809 – Изгнанник *эдвард стахура* 810 – Надежда *эва найвер* 811 – За что *ян твардовский* 811 – Бегство *ян твардовский* 811 – Беда *тадеуш ружевич* 812 – «Трудились морозы...» *болеслав лесьмян* 812 – Некролог *артур мендзыжецкий* 813 – Он вопил *ян твардовский* 813 – Святой недотёпа *ян твардовский* 813 – Раскаянье отшельника *ян твардовский* 814 – Невысказанное *тадеуш ружевич* 814 – «я открыл двери мокрые от света...»

мирон бялошевский 815 – Флирт *станислав гроховяк* 815 – «Меня мучает жажда сказал он...» *тадеуш ружевич* 816 – Рыба *мирослав борушевский* 816 – хепыент 2 *мирон бялошевский* 817 – «Полюбил я суку – виноват...» *рышард мильчевский-бруно* 817 – «Ветвятся чувств диковинных кусты...» *станислав игнаций виткевич* 817 – «У той что пришла потом...» *станислав гроховяк* 817 – «с тех пор как птицы улетели из моих снов...» *халина посвятовская* 818 – Диапазон восприимчивости *эва зонненберг* 818 – «Любовь моя расцвеченная маем...» *анна кайтох* 819 – «всегда когда хочется жить я кричу...» *халина посвятовская* 819 – Плач о розе *богдан хоронжук* 820 – Тем, кто не может простить друг другу *богуслав керц* 820 – Приятно *ян твардовский* 820 – Ни за что *ян твардовский* 821 – Пришло *ян твардовский* 821 – Теперь я и сестра себе, и брат *эльжбета мусял* 821 – идеальная пустота *марцин вечорек* 822 – Сердце *станислав леон маховяк* 822 – одиннадцать слов *збигнев росса* 823 – Ангел Рильке *кшиштоф кучковский* 823 – Лучше всего *казимера иллакович* 823 – Прощальный блюз *богдан лёбль* 824 – «не для неё улыбки женщин...» *эдвард кольбус* 824 – Now I wanna be your dog *марцин светлицкий* 825 – Сердце *люциан щепаняк* 826 – Однажды утром *стефан косевский* 826 – Утешение *юлиуш кшижевский* 826 – «Будь здорова! (о дивный звон!)...» *тадеуш мицинский* 827 – Город *славомир воротынский* 827 – Провинция *томаш ружицкий* 828 – Прогулка с кладбища до Грюнвальдской площади *яцек лукасевич* 828 – Сонаваждение *анджей мандальян* 829 – Конец свидания *анджей мандальян* 830 – Пассаж I *анджей мандальян* 831 – «– С тех пор как ты выдавил из себя тот плач...» *анджей мандальян* 832 – Пассаж II *анджей мандальян* 833 – Годы спустя *леопольд стафф* 833 – Спокойной ночи *ян твардовский* 834 – За всё *ян твардовский* 834 – Убереги *ян твардовский* 834 – В купальскую ночь *тадеуш худый* 835 – Осенью *тадеуш худый* 835 – В свою защиту *лешек длугош* 835 – «Если не встретимся...» *лешек александр мочульский* 836 – «Пусть этот ключ падёт на дно морское...» *лешек александр мочульский* 837 – «день начинается внезапно...» *лешек александр мочульский* 837 – По-настоящему хороший день *анджей заневский* 837 – Незрячий *владислав броневский* 837 – «Сквозь тёмную ночь прошёл я, душа моя…» *мачей немец* 838 – «Нет, не целуй меня так долго…» *мариан осняловский* 838 Сумерки *марыля вольская* 838 – Женщина жизни *мариуш росяк* 839 – Бред *ежи либерт* 839 – Просьба *алиция патей-грабовская* 840

ПОСМОТРИ КТО ЗА ДВЕРЬЮ..... 841

посмотри кто там *лех марек якуб* 842 – Кто жил всегда в пустыне... *казимеж пшерва-тетмайер* 843 – Неизвестным друзьям *януш страсбургер* 843 – Мыши *станислав мисаковский* 844 – Как я нашёл и потерял друга *ежи гужанский* 844 – Замерзает *ежи харасымович* 845 – «не отворачивайся от ангела…» *иоанна слюсарская* 845 – Конец *томаш глюзинский* 845 – Ночная песня собаки *ярослав ивашкевич* 846 – Каменная музыка *тымотеуш карпович* 846 – «А тоска-то всё стучится...» *янина вуйчицкая* 847 – Слово *юлиан кавалец* 847 – «Когда тебя унижают...» *мачей зенон бордович* 848 – Союзы *станислав заёнчек* 848 – сомневаюсь *станислав навроцкий* 849 – если бы *януш станислав пасерб* 849 – viscera per vulnera *януш станислав пасерб* 849 – Дорога *пётр мицнер* 850 – Песнь спасения *йонаш кофта* 850 – Ещё тень *эрна*

розенштейн 851 – Предостережение *аполония птак* 851 – Я пришла к вам *бронислава вайс-папуша* 852 – Кротость или Гулливер *станислав гроховяк* 852 – Лес *бронислава вайс-папуша* 853 – Лес, отец мой *бронислава вайс-папуша* 853 – В саду *юлиан пшибось* 854 – Мысль *роман гожельский* 854 – Дикий жилец *лукаш маньчик* 854 – *Полёт отца адам земянин* 855 – «И больше никого...» *эдвард рыдз-смиглый* 855 – «Я не терял друзей в неравном бою...» *збигнев ежина* 856 – «Вопреки всякой логике...» *ирена конти* 856 – Со смертью в покер *веслав станислав цесельский* 857 – Взлёт *пётр зоммер* 858 – Жизнь *здислав левандовский* 858 – На похоронах крёстной матери в Познани *кшиштоф кучковский* 859 – Ангел Беккета *кшиштоф кучковский* 859 – Не тех людей ты знал *богдан лёбль* 860 – Скорлупка *уршуля козёл* 860 – «Не обольщайся... Никто не воскреснет!» *анджей заневский* 861 – Просьба *марек кусиба* 862 – «Поверхность озера как жидкий мозг...» *лех маевский* 862 – Блюз *пётр матывецкий* 862 – Никаких просьб *пётр мицнер* 863 – Совместная трапеза *лех маевский* 863 – Говорите со стенкой *лешек александр мочульский* 864 – 6 x 6 = 66 *рышард мильчевский-бруно* 864 – Каждый к себе *пётр мицнер* 865 – Финал повести *станислав ежи лец* 865 – козадереза *павел лекшицкий* 865 – Весна *тадеуш ружевич* 865 – Учтивость незрячих *вислава шимборская* 866 – Время *ян твардовский* 867 – Безответный вопрос *збигнев ежина* 867 – Это случится вчера *лех маевский* 868 – Дни недели *пётр зоммер* 868 – А вот и завтра *марцин баран* 869 – Это *ярослав ивашкевич* 870 – «А обо мне никто не вспомнит...» *мечислав станцлик* 870 – А в степи убитый *бронислава вайс-папуша* 870 – Не склоняй головы *ежи жулавский* 871 – Ложные обвинения *янина бжостовская* 871 – Свет *бронислав май* 872 – Завещание *анджей мадей* 872 – стучусь в двери воздуха *уршуля зыбура* 873 – От истока вод до потока крови *мечислав яструн* 873 – «Мы – только гости на этой планете...» *стефан темерсон* 874 – Несправедливость *леопольд стафф* 874 – Дневник *пётр матывецкий* 874 – «Вот и нашлась мечта...» *эдвард стахура* 875 – Похвала забвенью *юзеф баран* 875 – «Прозрачные не знают...» *пётр матывецкий* 876 – «То, что я называл смирением...» *лешек александр мочульский* 876 – Забвение *станислав друждж* 877 – В священных прудах *веслав милош* 877 – Уравнения *александр янта* 877 – В одиночестве *леопольд стафф* 878 – Гимн о свете *марек мариуш тытко* 878 – Очи ангелов *эмиль беля* 879 – Надежда *ежи либерт* 879 – Внезапная мысль *станислав ежи лец* 879 – «Земля полна немого крика...» *лешек александр мочульский* 879 – Должен быть кто-то *рафал воячек* 880 – Секретари *веслав милош* 880 – Ничто *юзеф баран* 880 – Африканские этики *эва найвер* 881 – А той травы никто не косит... *казимеж пшерватетмайер* 881 – Утренняя песнь *лешек александр мочульский* 882 – Перо *марек вавжкевич* 883 – Только вечер *казимера иллакович* 883 – Я верил *мариан пехаль* 883

ЕСЛИ БЫ ВСЕ МЫ СТАЛИ НИЧЕМ..... 885

Великая Пятница *марек скварницкий* 886 – «Мы живём вполнакала...» *анджей мандальян* 887 – Дурак *веслав роговский* 887 – Улыбка *збигнев росса* 888 – Моя дочь *збигнев йоахимяк* 888 – Это Музыка *тадеуш худый* 889 – Детские кубики: Нет – есть; Дверь; Чьё это? *виктор ворошильский* 889 – Иду понюхать *анна островская-яхимек* 890 – Маме *анна островская-яхимек*

891 – В тени деревьев *тадеуш худый* 891 – Они меня спасли *анна свирщинская* 891 – «Я думала, что всегда буду только...» *анна островская-яхимек* 892 – Вина *юзеф баран* 892 – Зайчата *владислав броневский* 893 – Дети *кароль войтыла* 893 – Повтор *томаш яструн* 893 – Снится мне мама *юзеф баран* 894 – «Я продирался сквозь этот сон...» *тадеуш ружевич* 895 – Портрет матери художника в старости *кшиштоф цвиклинский* 895 – «Когда моя мать умирала...» *збигнев ежина* 896 – Мать умирает *анна свирщинская* 896 – «Пора мне время не терпит...» *тадеуш ружевич* 896 – На том свете *анна свирщинская* 897 – Оттенок тишины *богдан хоронжук* 897 – «О слово да будет в тебе сила ветра...» *анна кайтох* 900 – «У земли научиться упорству...» *анна кайтох* 900 – Вечность *ян твардовский* 900 – Кто бы нас ни встретил *ян твардовский* 901 – «Кто этот странный незнакомец?» *леопольд стафф* 902 – «Господи! – взывали мы...» *тереса томся* 902 – Мы, чужеземцы *януш страсбургер* 903 – «Место действия: Космос...» *збигнев дмитроца* 903 – Vox Dei *роман гожельский* 904 – Ангел-хранитель Господа Бога *эмиль беля* 904 – Modus tollendo ponens *тымотеуш карпович* 905 – По обе стороны *ян твардовский* 905 – Отче наш *януш станислав пасерб* 905 – Награда *ян твардовский* 906 – Не надо *ян твардовский* 906 – Чёрная Мадонна *мачей юзеф кононович* 906 – «Догматики горлопанят по-латыни...» *ян твардовский* 907 – «Сколько понаписали благочестивых книжек...» *ян твардовский* 907 – Как пишут *ян твардовский* 908 – Вера *ян твардовский* 908 – Огонь *ян твардовский* 908 – Радость *леопольд стафф* 909 – Скоро каждый будет богом *станислав мисаковский* 909 – Палец на губах *тадеуш ружевич* 910 – Каждый день Христос умирает в нас *ян рыбович* 910 – Протоколы: № 18; № 27; № 41 *марцин халась* 911 – «пятый прокуратор иудеи...» *марцин халась* 912 – Письмо Иуде *ежи сикора* 912 – «Я понимаю Господи...» *малгожата хилляр* 913 – Богословская истина *эмиль беля* 914 – Второе пришествие *люциан щепаняк* 914 – Дурной пример *люциан щепаняк* 915 – «Ты призвал нас для радости...» *вацлав бурыла* 915 – Встреча с Трёмя Волхвами *лешек длугош* 916 – Овцы среди волков *ян твардовский* 918 – Ещё *ян твардовский* 918 – Против себя *ян твардовский* 918 – Больше ничего *ян твардовский* 919 – Малютка *ян твардовский* 919 – «Святой Франциск из Ассизи...» *ян твардовский* 919 – «Кто ищет, тот нашёл Тебя...» *леопольд стафф* 920 – Спасибо *ян твардовский* 920 – Твоё атеистическое «эго» *анджей заневский* 920 – «Бог – попытка объяснить всё...» *анджей заневский* 921 – Море *виктор ворошильский* 921 – «Молитва помогает и неверующему...» *анджей заневский* 921 – Моя молитва *мечислав браун* 922 – Ночью или под утро *мечислав яструн* 922 – Крипта *кароль войтыла* 923 – Куда идти? *люциан щепаняк* 923 – Если Бог существует *люциан щепаняк* 924 – «И спросит Господь...» *анна кайтох* 924 – Священнику, пришедшему соборовать меня *анджей заневский* 925 – Если нет *чеслав милош* 925 – Возвещение *вацлав ролич-лидер* 925 – Берег *богдан остроменцкий* 926

ЗДЕСЬ ЖИВЁТ ВРЕМЯ..... 927

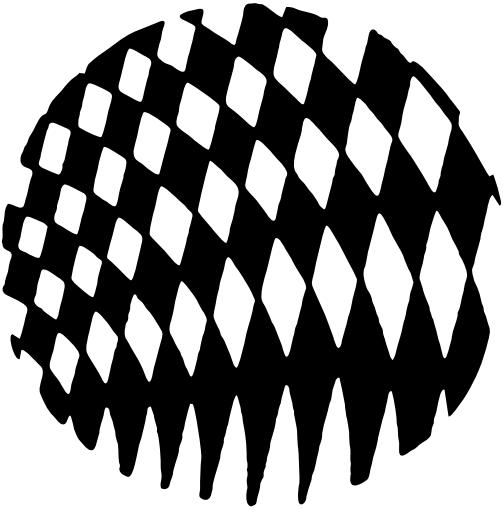
Дом *александр рыбчинский* 928 – Превращение *юзеф чехович* 929 – «Оборачиваюсь ещё раз...» *агнешка цвелёнг* 930 – Переселение *станислав мисаковский* 930 – Самое трудное *ян рыбович* 930 – Полёт *юзеф баран* 931 –

Требник *збигнев херберт* 932 – «Когда ты будешь умирать...» *роман сливоник* 933 – Элегия *эльжбета пиотровская* 933 – «“Умер”... “Скончался”... Нелепые слова...» *анджей заневский* 934 – На мгновение *юзеф баран* 934 – «В комнате хожу кругами по квадрату...» *мирон бялошевский* 935 – «По нитке – в угол...» *мирон бялошевский* 935 – «Боюсь, чтоб не испугаться...» *тадеуш голуй* 936 – Из Сократа *станислав франчак* 936 – «Мы идём по жизни...» *анджей заневский* 936 – «Я была маленькой девочкой...» *анна кайтох* 937 – «Если ты будешь землёй...» *анна кайтох* 937 – Мнительность *станислав сконечный* 938 – Мой отец *ирит амиэль* 938 – Приди за мной *анна свирщинская* 939 – Упадок *чеслав милош* 939 – Заметы *мирон бялошевский* 939 – О целесообразности *станислав ежи лец* 940 – Отец *александар чирлич* 940 – Свергнутый *юзеф баран* 940 – «белизна не печалится...» *тадеуш ружевич* 941 – Завтра меня будут резать *анна свирщинская* 941 – Без козырей *лешек длугош* 942 – И так неплохо *лешек электорович* 943 – Безбилетники *пётр мицнер* 943 – О смерти – просто *станислав леон маховяк* 944 – В дороге *антоний слонимский* 944 – Месть языка *ежи афанасьев* 944 – «заглянула смерть в глаза...» *юзеф баран* 946 – Насмерть! *томаш титков* 946 – Одиссей *леопольд стафф* 947 – По телефону *пётр мицнер* 948 – Что ты знаешь *ян твардовский* 948 – Аист *збигнев росса* 948 – На руки *ян твардовский* 949 – После *ян твардовский* 949 – Выигрыш *юзеф баран* 949 – «в комнате у меня нет иных законов...» *стефан юрковский* 950 – Когда он умирал *станислав мисаковский* 950 – Всё умирает в скорби и печали... *казимеж пшерва-тетмайер* 951 – «Страшно даже и не то что плоть распалась...» *богдан задура* 951 – Смысл *чеслав милош* 952 – Сатори *ян владислав сарна* 952 – Клятва *станислав леон маховяк* 953 – День поминовения *антоний слонимский* 953 – Вызов *ян сохонь* 953 – «Одно мгновенье одно дыханье...» *анна чахоровская* 954 – Великопостные размышления *юзеф баран* 954 – «Скоро мы встретимся вновь...» *ян твардовский* 955 – Врата *станислав сконечный* 955 – «рассвет опять швырнул меня на берег...» *юзеф баран* 956 – Кто выбирает одиночество *рышард крыницкий* 956 – «На самом деле умирает только смерть...» *вацлав бурыла* 956 – Когда покину этот мир *станислав выспянский* 957 – Море и человек *анна свирщинская* 958 – Лес *станислав сконечный* 958 – Поле боя *эмиль беля* 959 – Отлёт *франтишек валицкий* 959 – Горсть медяков *юзеф баран* 959 – «Какой мир меня ждёт?..» *анна островская-яхимек* 960 – Просьба отца к сыну *эмиль беля* 960 – Без причины *чеслав милош* 960 – «Пока иду – пишу...» *эдвард стахура* 960 – «Жить этим днём...» *збигнев дмитроца* 961 – «а когда жизнь выйдет из моды...» *мирон бялошевский* 961 – Шмель *эрвин крук* 962 – «Глаза мои, будьте отважны…» *мачей немец* 962 – Ещё один глоток *станислав мисаковский* 962 – Лёгкой походкой *анна свирщинская* 963 – Последняя сцена *тадеуш сливяк* 963 – «я пишу: дерево...» *збигнев дерда* 964 – В поле *эдвард стахура* 964

«пришло время сказало время...» *Збигнев Росса* 966

Ян Рыбович. Мастер из мастеров 967

«встать вверх – в небо – ногами...» *Мирон Бялошевский*..... 970



БУДЕТ
БУДЕТ
БУДЕТ
БУДЕТ
БУДЕТ
БУДЕТ
БЫЛО
ЕСТЬ
ЕСТЬ
ЕСТЬ
ЕСТЬ
ЕСТЬ
ЕСТЬ
БУДЕТ

У кого есть цель – тот не заблудится. Кто не заблудится, тот никогда не найдёт себя настоящего. Он может заранее пригласить друзей и знакомых к себе на поминки.

Только тот, кто блуждает, – поистине ищет. Благословенны блуждающие, благословенны не почившие на лаврах, благословенны не нашедшие опоры в мире вымысла. Этот день уже приближается к нам, когда каждый найдёт истину сам. Белый Локомотив на чёрном угле уже на подходе. Он мчится так красиво, как он один способен.

Берегись полноты воплощения – это цель целей, а значит – кладбище кладбищ. Тот, кто вечно блуждает, вечно находит. Он никогда не заблудится так, чтобы выйти к цели.

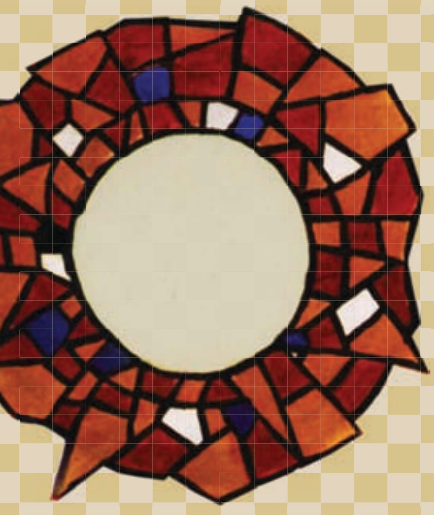
Эдвард Стахура

Таблетки из слов

Кому не больно,
тот стихов не пишет.
Зачем ему?
Стихи пишут те, кому больно,
пишут, как будто от этого
что-то изменится...
Стихи пишут те, кому не помогает
ни одно обезболивающее.
Для них стихи –
успокаивающие таблетки из слов.

Трудно сказать,
что и где именно болит у поэта.
Эта боль
похожа на боль в ноге у человека,
которому отняли ногу...
Писать стихи –
всё равно что пытаться пошевелить
ампутированной ногой.

Ян Рыбович



Продаже не подлежит
Nie do sprzedaży